

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки; 23.00.00 – политология;
22.00.00 – социологические науки*

№ 4

**Ростов-на-Дону
2021**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т.В., доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т.П., доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); Eugene Nivorozhkin, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); Ford Lumban Gaol, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); Атанесян А.В., докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); Кадол Н. Ф., докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); Ушаков Д. С., докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; Дзахова Л. Х., докт. полит. наук, проф.; Дробышевская Л. Н., докт. экон. наук, проф.; Золочевская Е. Ю., докт. экон. наук, проф.; Кайль Я. Я., докт. экон. наук, доц.; Козлюк Н. В.; докт. экон. наук, доц.; Колядин А. П., докт. экон. наук, проф.; Крюкова Е. М., докт. экон. наук, проф.; Овчаренко Р. К., докт. социол. наук, доц.; Пешкова Е. П., докт. экон. наук, проф.; Понеделков А. В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Попова Е. А., докт. полит. наук, доц.; Скворцов Н. Г., докт. социол. наук, проф.; Сологуб В. А., докт. социол. наук, проф.; Чернова О. А., докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
08.00.00 – economic science; 23.00.00 – politology; 22.00.00 – sociology*

№ 4

**Rostov-on-Don
2021**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief IGNATOVA T.V.,
Doctor of Economic science, professor
Vice-Editor in Chief CHERKASOVA T.P.,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; *Arthur V. Atanesyan*, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; *Natalia F. Kadol*, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); *Denis S. Ushakov*, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);
Arsenieva V. A., Doctor of Economic Science, Docent; *Dzakhova L. Kh.*, Doctor of Political Science, Professor; *Drobyshevskaya L. N.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Zolochesvskaja E. Yu.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Kyle Ya. Ya.*, Doctor of Economic Science, Docent; *Kozlyuk N. V.*, Doctor of Economic Science, Docent; *Kryukova E. M.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Kolyadin A. P.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Ovcharenko R. K.*, Doctor of Sociology, Docent; *Peshkova E. P.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Ponedelkov A. V.*, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; *Popova E. A.*, Doctor of Political Science, Docent; *Skvortsov N. G.*, Doctor of Sociological Sciences, Professor; *Sologub V. A.*, Doctor of Sociological Sciences, Professor; *Chernova O. A.*, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.
Tel: 8-863-203-63-89,

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	11
А. В. Дятлов, Т. В. Игнатова, В. В. Ковалев, Т. П. Черкасова РЕСУРСЫ МЕНЕДЖЕРИЗМА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (ПО ОЦЕНКАМ ЭКСПЕРТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)	11
М. Т. Белов, К. Г. Абазиева, С. И. Самыгин ИННОВАЦИИ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ.....	18
Н. В. Брюханова, Н. С. Григорьева, Д. И. Дынник ВНЕДРЕНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОЦЕНКА БЮДЖЕТНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТА.....	23
Я. Я. Кайль, В. С. Епинина, Р. М. Ламзин РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ БИЗНЕСА С ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ РФ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА).....	34
Е. А. Попова, Е. М. Медякова, А. И. Морозова ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	43
А. В. Рачина, М. А. Васьков, С. В. Бурмистров ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	48
В. В. Тарновский, А. В. Полянин, Л. И. Кулакова	54
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУРАХ.....	54
Г. Г. Уварова ТРЕНДЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	60
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	65
В. А. Бондаренко, Н. В. Пржедецкая, Ю. В. Пржедецкий ВКЛАД ЭКСПОРТА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ОПЫТ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ	65
Ю. И. Бородин, Н. В. Токмачева ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ.....	71
Д. Н. Гонtareва, Л. А. Лозовова ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ ЮГА РОССИИ)	77
В. В. Келарев БЕДНОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРАКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В СТРАНЕ	86

Е. П. Костенко, К. А. Ефременко ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В БИРЮЗОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	93
С. П. Кюрджиев, В. Н. Шкред АНАЛИЗ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	104
Т. Б. Малкова, И. В. Богданова ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА.....	111
И. В. Некрасова ГИБРИДНАЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	116
В. А. Сыропятов, С. С. Цыганков ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА	121
К. Т. Тагиров, Е. М. Филимонцева ИНФРАСТРУКТУРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ДЕРБЕНТА).....	133
А. А. Фатыхова, М. А. Сайфуллина, Л. Р. Уразбахтина ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ ОРГАНИЗАЦИИ КАССОВОЙ РАБОТЫ С ЦЕЛЬЮ МИНИМИЗАЦИИ БАНКОВСКИХ РИСКОВ, ПРИСУЩИХ ОПЕРАЦИЯМ С НАЛИЧНЫМИ ДЕНЬГАМИ.....	141
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	147
М. А. Аствацатурова, Лю Сяоянь, Ян Фулинь ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ЗНАЧИМЫХ ПРОСТРАНСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	147
А. М. Вафин ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ.....	156
А. Г. Данилов ОТЪЕЗД ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ИЗ ПЕТРОГРАДА 22 ФЕВРАЛЯ 1917 г. КАК ФАКТОР КРАХА МОНАРХИИ	163
Л. Х. Дзахова, Р. М. Бурнацева АКТИВИЗАЦИЯ ЖЕНСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РФ	172
З. А. Жаде УКРЕПЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ	178
Ш. Р. Кашаф «ТЕКУЧЕЕ» РАЗМЫВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МУСУЛЬМАНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ КАК ВЫЗОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ИНТЕГРАЦИИ	184
Е. А. Морозова ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ.....	193
А. В. Осипов ТЕХНОЛОГИИ КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ И «ПРЯМЫХ ЛИНИЙ» С ПРЕЗИДЕНТОМ	198
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	203
О. Ю. Ангел СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЛАНИРОВАНИЯ КАРЬЕРЫ: КАК СЛЕДИТЬ ЗА ТРЕНДАМИ И НАЙТИ НОВЫЙ КАРЬЕРНЫЙ ПУТЬ	203
Ю. Д. Джабраилов ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ НЕРАВЕНСТВ ГЛАЗАМИ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	208

Л. В. Клименко	
ДИНАМИКА ЭТНОГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ.....	214
Н. В. Маслодудова	
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	220
Ю. С. Панфилова	
ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ РОСТОВА-НА-ДОНУ.....	225
В. А. Фоменко, С. В. Петрова	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ВОЛОНТЕРСТВА: ПОДХОДЫ В НАУЧНОЙ ДИАХРОНИИ.....	234
Е. В. Чумак	
СТЕЙКХОЛДЕРЫ КАК СУБЪЕКТЫ СОЦИОИНЖЕНЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАКТИКИ МИГРАНТОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	240
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	246
Zhang Chunlei	
TRIPLE HELIX THEORY AS THE CONCEPTUAL PLATFORM FOR INNOVATIVE TALENT CULTIVATION IN DIGITAL ECONOMY.....	246
Wang Chenxi	
COMPETENCY REQUIREMENTS FOR SUPRANATIONAL ORGANIZATION EMPLOYEES: THE ICEBERG MODEL IMPLEMENTATION.....	253
Е. Н. Голубничий	
ПОТЕНЦИАЛ РЫНКА КОМПОЗИТНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	260
В. В. Девтерев	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КАПИТАЛА ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ)	265
О. Ю. Керимов	
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.....	270
Г. Е. Косач	
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫБОРА МОЛОДЕЖЬЮ СТРАТЕГИЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА.....	275
М. В. Максимов	
О ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ПОДСИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.....	280
С. Н. Смолянинов	
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЬЯХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.....	285
А. Ю. Терентьев	
ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТНОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	291
В. В. Терещенко	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТОГЕНЕЗА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ НАУЧНОЙ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)	298
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	303

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	11
<i>Alexander V. Dyatlov, Tatiana V. Ignatova, Vitaly V. Kovalev, Tatiana P. Cherkasova</i>	
RESOURCES OF MANAGERISM TO ENSURE THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL MANAGEMENT (ACCORDING TO EXPERTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)	11
<i>Mikhail T. Belov, Kamilla G. Abazieva, Sergey I. Samygin</i>	
INNOVATIONS IN MAKING MANAGEMENT DECISIONS IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS.....	18
<i>Natalya V. Bryukhanova, Natalia S. Grigoryeva, Dmitry I. Dynnik</i>	
IMPLEMENTATION OF INTERDEPARTMENTAL DIGITAL TECHNOLOGIES INTO THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM: ASSESSMENT OF THE PROJECT BUDGETARY EFFICIENCY	23
<i>Yakov Ya. Kail, Veronica S. Epinina, Roman M. Lamzin</i>	
REGIONAL PRACTICES OF INTERACTION OF BUSINESS ENTITIES WITH PUBLIC AUTHORITIES (ON THE EXAMPLE OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)	34
<i>Ekaterina A. Popova, Ekaterina M. Medyakova, Anastasia I. Morozova</i>	
PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN PANDEMIC CONDITIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS.....	43
<i>Andrey V. Rachipa, Maxim A. Vaskov, Sergey V. Burmistrov</i>	
GLOBALIZATION AS A FACTOR OF INFLUENCE ON HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN A MODERN ORGANIZATION	48
<i>Vladimir V. Tarnovsky, Andrey V. Polyanin, Lyudmila I. Kulakova</i>	
FEATURES OF ORGANIZATIONAL BEHAVIOR IN SOCIALLY ORIENTED ENTREPRENEURIAL STRUCTURES	54
<i>Galina G. Uvarova</i>	
TRENDS IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF GOVERNMENT	60
PROBLEMS OF ECONOMICS	65
<i>Viktoriya A. Bondarenko, Natalia V. Przhedetskaya, Yury V. Przhedetskiy</i>	
THE CONTRIBUTION OF MEDICAL SERVICES EXPORTS TO INTERNATIONAL COMPETITIVENESS IN A PANDEMIC: GLOBAL EXPERIENCE AND MANAGEMENT RECOMMENDATIONS	65
<i>Yulia I. Borodina, Nadezhda V. Tokmacheva</i>	
DIGITALIZATION OF RUSSIAN TAX CONTROL AND ITS IMPACT ON ECONOMIC SECURITY	71
<i>Daria N. Gontareva, Larisa A. Lozovova</i>	
THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF CITIES (USING THE EXAMPLE OF THE MILLENNIAL CITIES OF SOUTHERN RUSSIA)	77
<i>Vladimir V. Kelarev</i>	
POVERTY AS A PHENOMENON OF THE RUSSIAN ECONOMY AND ITS NEGATIVE IMPACT ON THE PRACTICAL DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESSES IN THE COUNTRY	86
<i>Elena P. Kostenko, Ksenia A. Efremenko</i>	
FEATURES OF PERSONNEL MANAGEMENT IN TURQUOISE ORGANIZATIONS	93
<i>Sergey P. Kyurdzhiev, Vladimir N. Shkred</i>	
ANALYSIS OF THE CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	104
<i>Tatyana B. Malkova, Irina V. Bogdanova</i>	
PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX.....	111
<i>Inna V. Nekrasova</i>	
HYBRID BUSINESS MODEL AS A KEY FACTOR OF THE COMPETITIVENESS OF AN ENTERPRISE IN THE DIGITAL ECONOMY.....	116
<i>Vadim A. Syropyatov, Sergey S. Tsygankov</i>	
PROBLEMS OF HUMAN CAPITAL IN THE RUSSIAN INNOVATION SYSTEM THROUGH THE PRISM OF NARRATIVE ANALYSIS	121

Kaziakhmed T. Tagirov, Elena M. Filimontseva	
INFRASTRUCTURE PROVISION OF CITY DISTRICTS (EXAMPLE OF DERBENT CITY)	133
Aida A. Fatykhova, Milyausha A. Sayfullina, Liliya R. Urazbakhtina	
FEATURES OF CHECKING THE ORGANIZATION OF CASH WORK IN ORDER TO MINIMIZE BANK RISKS INHERENT IN CASH TRANSACTIONS	141
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	147
Maya A. Astvatsaturova, Liu Xiaoyan, Yang Fulin	
CIVIL-PATRIOTIC ACCENTS OF SEPARATE SOCIAL SPACES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA	147
Artur M. Vafin	
THE IDEOLOGY OF PUBLIC SERVICE: ANALYSIS OF REGULATORY LEGAL ACTS OF THE REPUBLIC OF INDIA	156
Andrey G. Danilov	
DEPARTURE OF EMPEROR NICHOLAS II FROM PETROGRAD ON FEBRUARY 22, 1917 AS A FACTOR OF THE MONARCHY BREAKDOWN	163
Larisa Kh. Dzakhova, Roxana M. Burnatseva	
ACTIVATION OF WOMEN'S MOVEMENTS IN THE MODERN SOCIO-POLITICAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION	172
Zuriet A. Zhade	
STRENGTHENING TRUST IN THE AUTHORITIES AS A FACTOR IN IMPROVING THE IMAGE OF THE REGION: THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ADYGEA	178
Shamil R. Kashaf	
"CURRING" EROSION OF NATIONAL IDENTITY: MUSLIM IMMIGRATION AS A CHALLENGE TO EUROPEAN INTEGRATION POLICY	184
Elizaveta A. Morozova	
POLITICAL RISKS OF GLOBAL CONFLICTS	193
Alexander V. Osipov	
POLITICAL POWER CONSOLIDATION TECHNOLOGIES: THE CONSOLIDATING POTENTIAL OF PRESIDENT'S MESSAGES TO THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND "DIRECT LINES" WITH THE PRESIDENT	198
SOCIOLOGY PROBLEMS	203
Olga Yu. Angel	
CURRENT TRENDS IN CAREER PLANNING: HOW TO FOLLOW TRENDS AND FIND A NEW CAREER PATH	203
Yusup D. Dzhabrailov	
THE PROBLEM OF ETHNO-CULTURAL INEQUALITIES THROUGH THE EYES OF DAGESTAN YOUTH: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS	208
Ludmila V. Klimenko	
DYNAMICS OF ETHNO-GENDER ATTITUDES OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE SOCIAL-PROFESSIONAL SPHERE	214
Natalia V. Maslodudova	
SOCIAL RISKS OF MODERN DIGITAL REALITY	220
Yulia S. Panfilova	
GENERATIONAL FEATURES OF PERCEPTION OF PROFESSIONAL DYNASTIES BY ROSTOV-ON-DON MEDICAL WORKERS	225
Vita A. Fomenko, Svetlana V. Petrova	
SOCIOCULTURAL AND MANAGERIAL PARADIGM OF VOLUNTEERING: APPROACHES TO SCIENTIFIC DIACHRONIA	234
Elena V. Chumak	
STAKEHOLDERS AS SUBJECTS OF SOCIAL ENGINEERING IMPACT ON MIGRANT PRACTICES IN IMPLEMENTING MIGRATION POLICY	240

YOUNG SCIENTISTS	246
<i>Zhang Chunlei</i>	
TRIPLE HELIX THEORY AS THE CONCEPTUAL PLATFORM FOR INNOVATIVE TALENT CULTIVATION IN DIGITAL ECONOMY.....	246
<i>Wang Chenxi</i>	
COMPETENCY REQUIREMENTS FOR SUPRANATIONAL ORGANIZATION EMPLOYEES: THE ICEBERG MODEL IMPLEMENTATION	253
<i>Egor N. Golubnichiy</i>	
POTENTIAL OF THE MARKET OF COMPOSITE MATERIALS IN THE RUSSIAN FEDERATION	260
<i>Vladimir V. Devterev</i>	
STATE POLICY ON THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE NATION'S HEALTH CAPITAL (THEORETICAL APPROACHES)	265
<i>Oleg Yu. Kerimov</i>	
FEATURES OF TRANSFORMATION AND MODERNIZATION OF THE RUSSIAN POLITICAL SYSTEM	270
<i>Gennady E. Kosach</i>	
RATIONALIZATION OF YOUTH'S CHOICE OF EMPLOYMENT STRATEGIES IN A CHANGING SOCIETY	275
<i>Maksim V. Maksimov</i>	
ON DEMOCRATIC FOUNDATIONS OF FUNCTIONING OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS SUBSYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN CONDITIONS OF MODERN POLITICAL PROCESSES	280
<i>Sergey N. Smolyaninov</i>	
SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE SOCIALIZATION PROCESS RUSSIAN STUDENTS IN MODERN FAMILIES AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS	285
<i>Alexey Yu. Terentev</i>	
THE POTENTIAL OF PROTEST VOTING IN RUSSIAN SOCIETY	291
<i>Viktor V. Tereshchenko</i>	
REGIONAL FEATURES OF THE STUDY OF ELITOGENESIS (ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV SCIENTIFIC ELITOLOGICAL SCHOOL)	298
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	303

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 11-17
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):11-17

Проблемы управления

Научная статья

УДК 316.354:355

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-11-17

РЕСУРСЫ МЕНЕДЖЕРИЗМА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (ПО ОЦЕНКАМ ЭКСПЕРТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

**Александр Викторович Дятлов¹, Татьяна Владимировна Игнатова²,
Виталий Владимирович Ковалев³, Татьяна Павловна Черкасова⁴**

^{1,3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{2,4}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹avdyatlov@yandex.ru

²tignatova@uriu.ranepa.ru

³vitkovalev@yandex.ru

⁴tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Проведенный в статье анализ на основе результатов экспертного опроса позволил оценить ресурсный потенциал муниципальных служащих для обеспечения управленческой эффективности в рамках менеджеристской идеологии. Оценке подверглись 3 компонента: физический, человеческий и социальный капитал муниципальной службы. Авторы пришли к выводу, что выбор менеджеризма для повышения эффективности муниципального управления едва ли может быть назван рациональным по причине отсутствия достаточного количества ресурсов для работы в рамках данной управленческой модели.

Ключевые слова: муниципальное управление, менеджеризм, эффективность, ресурсы, физический капитал, человеческий капитал, социальный капитал

Финансирование: статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 21-011-31846\21 «Менеджеристские инструменты обеспечения эффективности муниципального управления (на примере муниципальных образований Южного федерального округа)».

Для цитирования: Дятлов А. В., Игнатова Т. В., Ковалев В. В., Черкасова Т. П. Ресурсы менеджеризма для обеспечения эффективности муниципального управления (по оценкам экспертов Южного федерального округа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 11-17. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-11-17>.

Problems of Management

Original article

RESOURCES OF MANAGERISM TO ENSURE THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL MANAGEMENT (ACCORDING TO EXPERTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)

Alexander V. Dyatlov¹, Tatiana V. Ignatova², Vitaly V. Kovalev³, Tatiana P. Cherkasova⁴

^{1,3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

^{2,4}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹avdyatlov@yandex.ru

²tignatova@uriu.ranepa.ru

³vitkovalev@yandex.ru

⁴tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Abstract. The analysis carried out in the article based on the results of an expert survey made it possible to assess the resource potential of municipal employees to ensure managerial efficiency within the framework of managerial ideology. Three components were assessed: the physical, human and social capital of the municipal service. The authors conclude that the choice of managerism to improve the efficiency

of municipal management can hardly be called rational due to the lack of sufficient resources to work within this management model.

Keywords: municipal management, managerism, efficiency, resources, physical capital, human capital, social capital

Financial Support: the article was executed as part of the implementation of the RFFI grant, project No. 21-011-31846\21 "Management tools for ensuring the effectiveness of municipal administration (using the example of municipalities of the Southern Federal District)".

For citation: Dyatlov A. V., Ignatova T. V., Kovalev V. V., Cherkasova T. P. Resources of managerism to ensure the effectiveness of municipal management (according to experts of the Southern federal district). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):11-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-11-17>.

Деятельность органов местного самоуправления является предметом устойчивой критики с разных позиций. Низкую удовлетворенность их работой выражают потребители муниципальных услуг, федеральные и региональные органы власти. В этой связи, вся новейшая история России проходит под знаком муниципальных реформ. Законодатель настойчиво пытается найти оптимальную формулу, с помощью которой муниципальное управление окажется способным обеспечить ожидаемый в обществе результат. Наиболее явные проблемы имеются в сфере эффективности управления. Нарращивание материально-финансовых ресурсов на протяжении первых двух десятилетий реформ (с 1991 года) не дало сопоставимого по вложениям эффекта. В настоящее время, а если быть точнее, с 2008 года, когда был принят Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. №607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»¹, обеспечение эффективности муниципального управления реализуется в соответствии с принципами менеджеристской идеологии.

Содержание менеджериума в деятельности органов муниципального управления можно свести к следующим компонентам: работа в ориентации на целевые показатели развития; переход на сервисную модель работы, эффективность которой оценивается по удовлетворенности потребителей; тесное сотрудничество со структурами гражданского общества; открытость публичной сферы для частной оценки; делегирование бизнесу ряда публичных функций через аутсорсинг, муниципально-частное партнерство, концессионные соглашения. Между тем, невзирая на очевидную необходимость, менеджериум не стал предметом комплексного изучения. Затруднения социологов понятны. Они объясняются сложным характером взаимодействия с муниципальными служащими как источником получения информации. В какой-то мере это обусловлено обязательствами по неразглашению, боязнью сказать лишнее, отсутствием транспарентности в профессиональной деятельности российских чиновников. Отчасти данная лакуна закрывается благодаря проведенному нами экспертному опросу. Нашими экспертами выступили преподаватели дисциплин по направлению «Государственное и муниципальное управление» из Кубанского государственного университета (г. Краснодар), Крымского федерального университета (г. Симферополь) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону). Всего был опрошен сто сорок один эксперт.

Цель опроса, которую можно трансформировать в цель собственно самой статьи, установить достаточность ресурсов у муниципальных служащих для обеспечения эффективности своей профессиональной деятельности на основе менеджеристской идеологии. Полученные результаты для удобства их восприятия разделим на три группы: физический, человеческий и социальный капитал (ресурсы). Данное деление в методологическом контексте базируется на теории рационального выбора Дж. Коулмана [1]. Достаточность представленных ресурсов, на установление чего ориентирован экспертный опрос, позволит прийти к выводу о том, что выбор, сделанный в пользу менеджериума, является рациональным (разумным). При ситуации обратного характера есть основания сомневаться в разумности избрания менеджериума как идеологии, способной обеспечить искомую эффективность в муниципальном управлении.

Начнем с первой группы ресурсов – физического капитала. В концепции Дж. Коулмана они представляют собой формальные нормы и материально-технические возможности конкретного региона. В данной части статьи акцент будет сделан на формально-правовых основаниях менеджеристской идеологии.

¹ Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. №607 "Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов" // Российская газета. 2008. 30 апреля.

Первый вопрос, на котором следует остановиться, – это отношение экспертов к сервисной модели государственного управления.

Таблица 1 – Результаты опроса экспертов по вопросу «Способны ли российские муниципальные служащие работать в рамках сервисной модели управления», в ед.

Table 1 – Results of a survey of experts on the question "Are Russian municipal employees able to work within the framework of a service management model", in units

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ	РЕЗУЛЬТАТ
1. Да, российская муниципальная власть работает на людей, а их удовлетворенность – индикатор эффективности её работы	29
2. Нет, такой подход результативен только в условиях демократии с развитым гражданским обществом; в муниципальном управлении России его трудно реализовать из-за отсутствия механизмов общественного контроля за чиновничеством	75
3. Нет, общественное благо невозможно индексировать через удовлетворенность населения, измеряемое количественными показателями	37

В рамках сервисной модели управление обществом принято представлять как взаимодействие между клиентом (население территориальных сообществ) и «сервисным центром» (органы муниципальной власти), посредником между которыми выступают структуры гражданского общества, способные контролировать власть в целях предотвращения злоупотреблений и нарушения устоявшихся правил игры [2, 3]. Данные по проведенному исследованию показывают, что эксперты в основе своей критически отнеслись к способности и желанию муниципальных служащих исполнять функции «сервисного центра». Допуская принципиальную эффективность такой модели, они согласились с тем, что она возможна только при наличии демократии, гражданского общества, механизмов общественного контроля над чиновничеством. Четверть опрошенных и вовсе высказали убеждение, что количественные показатели принципиально не способны отразить качество исполнения общественного блага. И ещё меньше экспертов, менее пятой части от числа опрошенных, высказали убежденность, что сервисная модель проявляет свою эффективность в российских условиях, выбрав заданное значение «*российская муниципальная власть работает на людей, а их удовлетворенность – индикатор эффективности её работы*».

Значимым аспектом менеджери́зма является способность муниципальных органов власти организовать сотрудничество с бизнесом на началах частно-публичного взаимодействия. С целью обеспечения этого действуют законы о концессиях¹ и МЧП², а аутсорсинг регулируется второй частью ГК РФ (гл. 39). В этой связи, экспертам был задан вопрос о значимости этих механизмов для развития города.

Таблица 2 – Результаты экспертного опроса на вопрос «Есть ли существенный положительный эффект от сотрудничества муниципальной власти с бизнесом в рамках аутсорсинга, МЧП, концессионных соглашений», в ед.

Table 2 – The results of the expert survey to the question "Is there a significant positive effect from the cooperation of the municipal government with business in the framework of outsourcing, MPP, concession agreements", in units

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ	РЕЗУЛЬТАТ
1. Да, частный бизнес состоит в партнерских отношениях с местной властью, и они совместно трудятся над повышением благосостояния населения	28
2. Да, власть и бизнес сотрудничают друг с другом, но не так часто, как этого требуется для достижения реальных результатов по повышению благосостояния населения	62
3. Нет, эти инструменты формально созданы, но не работают эффективно	37
4. Нет, эти инструменты являются легальным рычагом коррупции, «откатов», недобросовестной конкуренции и обогащения аффилированных с властью предпринимателей	30

Мнения экспертов разделились. Заметно чаще выбирались два суждения (вторая и третья строки в табл. 2), которыми подчеркивается значимость взаимодействия власти и бизнеса для развития муниципалитетов. Однако все из них содержат уточнения о наличии каких-то дефектов

¹ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Российская газета. 2005. 24 июля.

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 16 июля.

в таком взаимодействии. Нельзя не отметить, что реже всего эксперты выбирали крайние позиции (первая и четвертая строки в табл. 2). Таким образом, большинство экспертов признает необходимость частно-публичного взаимодействия в хозяйственно-экономической сфере. Оно считается достижимым, но не приносит ожидаемого результата. Следовательно, нужно поставить задачу выяснить, какие барьеры препятствуют плодотворному сотрудничеству и можно ли их преодолеть, если коммуникация будет продолжаться при действующих формальных правилах. Уже сейчас можно высказать гипотезы о том, что наличие законодательно неотрегулированных аспектов взаимодействия, нуждающихся в исправлении, обуславливают низкую результативность частно-публичного взаимодействия.

Ещё один вопрос касается целевых показателей. Экспертам были предоставлены три параметра для оценки.

Таблица 3 – **Ответы экспертов на вопрос «могут ли целевые показатели быть надежным индикатором роста качества жизни», в ед.**

Table 3 – Experts' answers to the question "can the target indicators be a reliable indicator of the growth of the quality of life", in units

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ	РЕЗУЛЬТАТ
1. Да, они отражают самые важные направления стратегического развития городов и регионов и рост показателей свидетельствует о реально-достигнутых результатах	32
2. Да, эти показатели могут быть полезны, но не должны являться основным индикатором эффективности работы власти	63
3. Нет, эти показатели легко фальсифицировать, что станет причиной доминирования имитационных практик в муниципальном управлении	43

Вопрос о надежности показателей всегда, то есть с момента применения их в качестве индикаторов, вызывал споры среди ученых [4]. Не пришли к единому мнению и наши эксперты. Приоритетное значение вновь оказалось отданным медианному параметру. У большинства опрошенных измерение роста качества жизни через показатели принципиального отторжения не вызвало, но и последовательных сторонников этого способа измерения управленческой эффективности выявлено явное меньшинство. Многие эксперты опасаются, что муниципальные чиновники начнут «играть с цифрами», вырывая их из реального контекста получаемых результатов, или вовсе заниматься приписками. Последнее весьма вероятно, т.к. целевые показатели внешне похожи на плановое производство, а в советские времена было немало прецедентов по завышению реальных значений [5]. Опасения также растут в связи с отсутствием доверия к власти и недостаточной её транспарентности. На фоне всех этих проблем особое значение приобретает вопрос об обоснованности и разумности выбора со стороны федеральных и региональных властей конкретных индикаторов для составления целевых показателей. Этот аспект нуждается в дополнительной проработке, в том числе с учетом анализа практики реальной работы органов муниципального управления.

Теперь перейдем ко второй группе ресурсов – человеческому капиталу. Для его характеристики было задано несколько вопросов. Остановимся лишь на некоторых из них (табл. 4).

Таблица 4 – **Рейтинговая оценка способности муниципальных служащих работать в условиях менеджеристской идеологии**
(пять – максимальная степень выраженности свойства, единица – минимальная)

Table 4 – Rating assessment of the ability of municipal employees to work in conditions of managerial ideology (five – the maximum degree of manifestation of the property, one – the minimum)

ОЦЕНОЧНЫЙ ПРИЗНАК	ВЫСТАВЛЯЕМАЯ ОЦЕНКА					
	1	2	3	4	5	Средний рейтинг
Автономность в принятии решений от региональных и федеральных властей	33	22	53	19	12	2,64
Сотрудничество с гражданским обществом по благоустройству территорий	20	26	62	20	12	2,86
Профессионализм в исполнении обязанностей по управлению	21	30	57	21	10	2,74
Социальная ответственность в управленческой деятельности	24	29	53	22	12	2,76

Роль человеческого капитала чрезвычайно высока [6–8]. Собственно, это ресурс исполнителей управленческого задания. Под управленческим заданием понимается надлежащее исполнение целевых показателей, взаимодействие с бизнесом, гражданским обществом, населением. Иными словами, всё то, что имеет отношение к профессиональной деятельности с применением менеджеристских инструментов. Чтобы эта деятельность в заданных рамках была успешна, исполнители (муниципальные служащие, депутаты) должны соответствовать определенным стандартам. Проведенный опрос показал, что эксперты не видят у российских чиновников достаточных управленческих компетенций. Ни по одному из четырех параметров средняя оценка не достигла даже трех баллов. В соответствии с общепринятыми коннотациями оценок по пятибалльной шкале ранг муниципальных служащих размещается между «неудовлетворительно» и «удовлетворительно», что позволяет его идентифицировать как низкий.

С точки зрения полученного результата правомерно поставить вопрос о профессиональной подготовленности российского чиновничества на муниципальном уровне к работе в соответствии с идеологическими установками менеджери́зма.

Завершив представление и анализ полученных данных третьей группой ресурсов – социальным капиталом.

Социальный капитал – это ресурс общества, который может быть использован в муниципальном управлении для решения вопросов местного значения. В системе ценностей, образующих менеджеристскую идеологию, он играет если и не самую главную роль, то, во всяком случае, незаменимую. Этот аспект рассмотрен с помощью двух вопросов, один из которых посвящен институциональным возможностям населения влиять на решения муниципальных служащих, а второй – готовности территориальных сообществ сотрудничать с органами местного самоуправления.

Таблица 5– **Оценка возможностей населения лично или через какое-то гражданское сообщество повлиять на работу органов муниципального управления (любое количество ответов), в ед.**

Table 5 – Assessment of the possibilities of the population, personally or through some civil society, to influence the work of municipal authorities (any number of answers), in units

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ	РЕЗУЛЬТАТ
1. Это можно сделать через инициативные проекты, правотворческую инициативу, в рамках территориального общественного самоуправления или в других легитимных формах	62
2. Это можно сделать, обратившись к избранным депутатам муниципального парламента	47
3. Это можно сделать через протестные гражданские акции	18
4. Любые инициативы граждан властью игнорируются	46
5. Затрудняюсь ответить	2

Большая часть экспертов высказала мнение, что население имеет реальную возможность оказать воздействие на процесс принятия управленческих решений органами местного самоуправления. При чем приоритет с большим перевесом отдается легитимным возможностям, прописанным в законодательстве. Однако нельзя проигнорировать тот факт, что около трети опрошенных продемонстрировала убеждение, что «любые инициативы граждан властью игнорируются». Это не большинство, но цифра тоже немалая. Определяется ли она личным опытом конкретного эксперта, или проистекает от системного недоверия к власти, точно сказать мы не можем. Чтобы внести ясность, необходимо предпринять дополнительные исследования. Хороший эффект могут дать фокус-группы с гражданскими активистами. Такой формат позволит услышать более развернутые суждения, усиленные дополнительными обоснованиями. Но, в целом, мы ещё раз, отталкиваясь от позиции экспертов, отмечаем готовность муниципальных чиновников к взаимодействию с населением.

Представленные в табл. 6 данные свидетельствуют о наличии ограниченного социального капитала для обеспечения эффективности в деятельности органов муниципального самоуправления. Лишь пятая часть экспертов полагает, что территориальные сообщества готовы к активному взаимодействию с властями по благоустройству территории. Более половины опрошенных придерживаются прямо противоположной позиции. И около трети объясняет низкую активность населения боязнью гражданских инициатив со стороны самой власти, которая именно по этой причине не проводит никаких мобилизационных процедур.

Таблица 6 – Оценка гражданской активности населения по участию в благоустройстве муниципальной территории, в ед.

Table 6 – Assessment of the civic engagement of the population in terms of participation in the improvement of the municipal territory, in units

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ	РЕЗУЛЬТАТ
1. Высокая, п.ч. большинство (значительная часть) населения осознает необходимость заботиться о месте своего проживания	26
2. Низкая, поскольку власть не доверяет гражданской активности людей и не проводит необходимых мобилизационных процедур	40
3. Низкая, т.к. большинство (значительная часть) населения считает, что всем этим должны заниматься муниципальные органы власти, это их обязанности	75

Подводя итог, мы можем оценить достаточность ресурсного обеспечения для достижения эффективности муниципального управления в рамках менеджеристской идеологии. Всего на основе экспертных оценок было рассмотрено три вида капитала (ресурсов): физический, человеческий и социальный.

Физический капитал рассматривался через применимость к местному самоуправлению России сервисного подхода в управлении, возможность обеспечения финансовых инвестиций в муниципалитет посредством частно-публичного сотрудничества и способность целевых показателей быть индикатором оценки изменений в качестве жизни. Эксперты указали на то, что сервисный подход к российским условиям не применим, финансовые частные инвестиции в публичный сектор необходимы, но реализуются не в должном объеме, а целевые показатели с большой вероятностью станут источником создания имитационной реальности.

Человеческий капитал оценивался как ресурс исполнителей муниципального заказа на обеспечение эффективности. Иными словами, речь идет о профессиональных компетенциях и личностных ценностях муниципальных служащих. Оценка проводилась с использованием рейтинговых значений. По всем заданным значениям рейтинг оказался ниже трех баллов, что свидетельствует о недостаточном объеме социального капитала у муниципальных служащих для работы в соответствии с принципами менеджеристской идеологии.

Социальный капитал изучался в ракурсе готовности органов местного самоуправления к сотрудничеству со структурами гражданского общества. Опрос показал, что ни само население, ни органы муниципальной власти не имеют настроенности на совместное взаимодействие при решении вопросов местного значения.

Всё сказанное позволяет сделать общий вывод о том, что выбор менеджеристской идеологии для повышения эффективности муниципального управления едва ли может быть назван рациональным из-за отсутствия достаточного количества ресурсов для работы в рамках данной управленческой модели.

Список источников

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
2. Коженко Я. В., Мамычев А. Ю., Кравченко А. Г. «Правовой сервис» как парадигма публично-правового управления: проблемы и перспективы развития в России // Философия права. 2011. № 6. С. 36–39.
3. Мамычев А. Ю. Сервисная модель модернизации публично-властной организации и управления: уровни, формы и перспективы развития в России // Философия права. 2012. № 6. С. 29–33.
4. Брагина Э. Н., Шилова Н. Н., Зенкина М. В. Эволюция концепции государственного управления и трансформация целевых показателей по уровням управления // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 29. С. 84–91.
5. Попов Г. Г. «Бумажные» танки Сталина (загадка советской военной экономики периода Великой Отечественной войны) // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. № 3. С. 105–126.
6. Игнатова Т. В., Васильев П. П. Повышение значимости теории человеческого капитала для управления модернизацией российской экономики // Вопросы регулирования экономики. 2013. Том 4. № 2. С. 49–55.

7. Игнатова Т. В., Полянин А. В. Управление факторами «труд» и «предпринимательство» в целях повышения конкурентоспособности муниципалитетов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 24-28.
8. Tatiana P. Cherkasova, Tatiana V. Ignatova. 21 Innovation and Educational Clusters as an Alternative Model of Scientific and technical Growth of the regional Economy. In: Human and Technological Progress Towards the Socio-Economic Paradigm of the Future, Part 2. Berlin/Boston: De Gruyter, 2020. P. 206-217.

References

1. Coleman J. Capital social and human. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and modernity*. 2001;(3):122–139. (In Russ.)
2. Kozhenko Ya. V., Mamychiev A. Yu., Kravchenko A. G. "Legal service" as a paradigm of public legal management: problems and prospects of development in Russia. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2011;(6):36–39. (In Russ.)
3. Mamychiev A. Yu. Service model of modernization of public-power organization and management: levels, forms and prospects of development in Russia. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2012;(6):29–33. (In Russ.)
4. Bragina E. N., Shilova N. N., Zenkina M. V. Evolution of the concept of public administration and transformation of targets by management levels. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural sciences and humanities research*. 2020;(29):84–91. (In Russ.)
5. Popov G. G. Stalin's "Paper" tanks (the riddle of the Soviet military economy during the Great Patriotic War). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and economic research*. 2010;11(3):105–126. (In Russ.)
6. Ignatova T. V., Vasiliev P. P. Increasing the importance of the theory of human capital for managing the modernization of the Russian economy. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of Economic Regulation*. 2013;4(2): 49–55. (In Russ.)
7. Ignatova T. V., Polyinin A. V. Management of the factors "labor" and "entrepreneurship" to improve the competitiveness of municipalities. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: agriculture and economics; entrepreneurship; law and management*. 2017;9(88):24–28. (In Russ.)
8. Tatiana P. Cherkasova, Tatiana V. Ignatova. 21 Innovation and Educational Clusters as an Alternative Model of Scientific and technical Growth of the regional Economy. In: *Human and Technological Progress Towards the Socio-Economic Paradigm of the Future, Part 2*. Berlin/Boston: De Gruyter; 2020:206-217.

Информация об авторах

А. В. Дятлов – докт. социолог. наук, зав. кафедрой экономической социологии и регионального управления;
 Т. В. Игнатова – докт. экон. наук, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства;
 В. В. Ковалев – докт. социолог. наук, проф. кафедры отраслевой и прикладной социологии;
 Т. П. Черкасова – докт. экон. наук, декан факультета политологии.

Information about the authors

V. A. Dyatlov – Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Economic Sociology and the Regional Department;
 T. V. Ignatova – Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Economic Theory and Entrepreneurship;
 V. V. Kovalev – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology;
 T. P. Cherkasova – Doctor of Economics, Dean of the Faculty of Political Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 12.11.2021; принята к публикации 14.11.2021.

The article was submitted 28.10.2021; approved after reviewing 12.11.2021; accepted for publication 14.11.2021.

Научная статья

УДК 33.338

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-18-22

ИННОВАЦИИ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Михаил Тимофеевич Белов¹, Камилла Григорьевна Абазиева², Сергей Иванович Самыгин³

^{1, 2, 3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

¹belov717@yandex.ru

²abazieva_kamilla@mail.ru

³serq1952@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи отмечают, что в последние десятилетия высшее образование в России пребывает в состоянии реформирования. Реформирование затрагивает и управление высшим учебным заведением. В связи с этим авторы работы в рамках данной статьи обращаются к рассмотрению инноваций в принятии управленческих решений в системе высших образовательных учреждений. По мнению авторов, инновации в управлении вузом представляют собой методы управления системой высшего учебного заведения, которые позволяют организации достигать высоких результатов, применяя меньшее количество ресурсов. Среди инноваций авторы работы выделяют: структурно-управленческие, изменения организационно-правовой формы вуза, краудсорсинг и бенчмаркинг. Применение тех или иных инноваций в управлении вузом должны быть согласованы со стратегиями планирования по развитию, на основе анализа внутренней и внешней среды образовательного учреждения высшей школы.

Ключевые слова: инновации, управление, управленческие решения, инновации в управлении, инновационное развитие, управление организацией, образование, высшая школа, инновационное обеспечение образовательного процесса

Для цитирования: Белов М. Т., Абазиева К. Г., Самыгин С. И. Инновации в принятии управленческих решений в системе высших образовательных учреждений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 18–22. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-18-22>.

Problems of Management

Original article

INNOVATIONS IN MAKING MANAGEMENT DECISIONS IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Mikhail T. Belov¹, Kamilla G. Abazieva², Sergey I. Samygin³

^{1, 2, 3}Rostov state economic university (RINH), Rostov-on-Don, Russia

¹belov717@yandex.ru

²abazieva_kamilla@mail.ru

³serq1952@mail.ru

Abstract. The authors of the article note that in recent decades, higher education in Russia has been in a state of reform. The reform also affects the management of a higher education institution. In this regard, the authors of the work within the framework of this article turn to the consideration of innovations in making managerial decisions in the system of higher educational institutions. According to the authors, innovations in university management are methods of managing the system of a higher education institution that allow an organization to achieve high results using fewer resources. Among the innovations, the authors of the work highlight: structural and managerial, changes in the organizational and legal form of the university, crowdsourcing and benchmarking. The use of certain innovations in university management should be correlated with development planning strategies based on an analysis of the internal and external environment of an educational institution of higher education.

Keywords: innovation, management, management decisions, innovation in management, innovative development, organization management, education, high school, innovative support of the educational process

For citation: Belov M. T., Abazieva K. G., Samygin S. I. Innovations in making management decisions in the system of higher educational institutions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):18–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-18-22>.

В последние десятилетия мы активно наблюдаем за трансформациями, которые происходят в различных социальных институтах. Данные изменения связаны с тем, что вызовы социальной реальности побуждают социальные институты давать определенную обратную реакцию на то, что происходит в обществе. Институт образования не является исключением и активно реагирует на все внешние изменения. В последние десятилетия высшее образование в России пребывает в состоянии реформирования: введение трехуровневой системы образования в России (бакалавриат, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации), формирование и внедрение компетентностного подхода в обучении студентов, выстраивание профессиональных траекторий студенческой молодежи, использование различных инновационных технологий в процессе обучения в высшей школе, регулярное обновление ФГОС по различным направлениям обучения, использование вузами собственных стандартов обучения по определенным направлениям обучения, перевод ключевых направлений деятельности на проектную основу, развитие академической мобильности среди обучающихся вузов, а также развитие системы прогнозирования и поддержки принятия управленческих решений для вузовского образования¹.

Все внедряемые изменения в образовательном пространстве вузов направлены на улучшение качества образования. На наш взгляд, улучшение качества образования напрямую зависит от инноваций в управлении в системе высших образовательных учреждений, поскольку именно новые методики и технологии в управлении образовательным учреждением помогают высшей школе выходить на новый уровень, быть эффективным драйвером экономического развития страны.

В связи с тем, что тема реформирования высшего образования является актуальной и значимой, вполне естественно, что к проблеме реформирования обращаются многие исследователи. Когнитивный интерес исследователей направлен на проблему объединения вузовского и послевузовского образования, формирование стратегий непрерывного образования, ориентированность современной системы образования на рынок труда [1; 2]. Предметом исследований ученых становится компетентностный подход в обучении [3; 4; 5]. Огромный интерес у исследователей вызывают инновационные технологии в образовательном пространстве вуза [6]. В связи с реформированием института образования, ученые обращают свое внимание на вопросы системы управления образовательной организацией, осуществляя поиск моделей и стратегий эффективного управления вузом [7; 8; 9].

Анализ научных источников по выбранному проблемному полю показал, что рассмотрение вопросов реформирования высшего образования является очень актуальным направлением в рамках социогуманитарных исследований. В связи с реформированием системы высшего образования важно понимать, какие новации в управлении вузом могут повлиять на повышение качества образования, а также повысить конкурентоспособность вуза среди других учебных заведений. В связи с этим в рамках данной научной работы мы обращаемся к рассмотрению инноваций в принятии управленческих решений в системе высших образовательных учреждений.

Для того, чтобы понять, что включают в себя инновации в управлении вузом, обратимся к тому, что подразумевает под собой термин «инновации». «Инновации – это новшества, нововведения в промышленных, институциональных, финансовых, научно-технических и других областях» [10]. Управленческие инновации – это практики и технологии, которые организация использует как замену реализующимся механизмам управления, что позволяет улучшить выполнение поставленных перед сотрудниками организации задач [11]. Исходя из приведенных определений, инновации в управлении институтом образования представляют собой методы управления системой высшего учебного заведения, которые позволяют организации достигать высоких результатов, применяя меньшее количество ресурсов [12].

Для эффективного управления вузом выделяют такие черты управления, как контакт с потребителями образовательных услуг, небольшой управленческий штат и простые формы управления вузом [13]. Эффективное управление вузом подразумевает «обратную связь» между выпускниками и вузами. К такой «обратной связи» вуза и выпускников учебного заведения можно отнести мониторинг трудоустройства выпускников вузов, который ежегодно проводится высшими учебными заведениями. Во многих вузах существуют отделы, департаменты, центры карьеры, которые помогают студентам пройти практику и трудоустроиться после окончания вуза, также в рамках их работы выполняется и мониторинг трудоустройства выпускников. Особой важностью для управления вузом обладает постоянное взаимодействие высших учебных заведений, которые обучают студентов знаниям, умениям, навыкам, необходимым им для профессиональной деятельности

¹ Бюллетень о сфере образования. Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт (июнь 2017). URL: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/4411?page=2>

с учреждениями, предприятиями, организациями, которые трудоустраивают выпускников вузов после получения профессионального образования. Данное взаимодействие может быть связано с созданием базовых кафедр в вузе от определенных предприятий, сотрудничество учебного заведения с организацией посредством заключения целевых договоров, создание технопарков на базе учебных заведений, включение работодателей в члены государственных аттестационных комиссий, написание выпускных квалификационных работ студентов по заказам работодателей. Именно эти механизмы помогают обучающимся получить прикладные навыки для успешного трудоустройства и качественного выполнения профессиональной деятельности.

Среди инноваций в принятии управленческих решений в системе высших образовательных учреждений можно выделить структурно-управленческие инновации, изменения организационно-правовой формы вуза, краудсорсинг как эффективный инструмент развития маркетинга отношений в вузе и бенчмаркинг.

Касаясь структурно-управленческих инноваций в вузе можно отметить такие, как внедрение новых форм (создание внутри вуза академий, институтов, укрупнение кафедр внутри структурных подразделений, формирование дирекций институтов и академий, назначение руководителей основных профессиональных образовательных программ) и методов организации труда в высшем учебном заведении (проведение онлайн-курсов дисциплин, введение дистанционных форм работы со студентами) [14; 15]. К структурно-управленческим инновациям можно отнести экономические новации: заключение эффективных контрактов с фиксацией целевых показателей сотрудников, оценка студентами работы профессорско-преподавательского состава в рамках индивидуального рейтинга сотрудников вуза. Также можно отметить, что к структурно-управленческим инновациям можно отнести социальные нововведения. Например, предоставление мест в общежитиях молодым ученым, прохождение оплачиваемых стажировок.

К изменениям организационно-правовой формы вуза необходимо отнести создание новых по своей правовой сути структур, например, создание автономных учреждений. К одним из инноваций в управлении вузом можно отнести краудсорсинг как эффективный инструмент развития маркетинга отношений в вузе и бенчмаркинг. Краудсорсинг в высшем учебном заведении представляет собой привлечение профессорско-преподавательского состава к решению задач через усиление их творческой активности. Например, совместное проведение (администрация вуза и рабочая группа) опроса-мониторинга или фокус-группы по удовлетворенности работников вуза условиями труда, что поможет администрации вуза выработать дальнейшие управленческие решения по данному вопросу. Бенчмаркинг позволяет высшему учебному заведению проанализировать лучшие практики и адаптировать их в условиях работы конкретного вуза. К примеру, сейчас важно и актуально развитие сквозных технологий, которые ориентированы на формирование рынков будущего, сделана ставка на взаимодействие корпораций с научными и образовательными организациями. В связи с этим, вузы стремятся к применению сквозных технологий. В настоящее время в Иннополисе разработана и начала реализовываться программа дополнительного профессионального образования. На практических занятиях слушатели, куда входят и преподаватели вузов, смогут проанализировать образовательные программы высшего образования, а также получат обратную связь от экспертов по обновленным рабочим программам дисциплин (РПД) с целью внедрения в данные документы необходимых цифровых компетенций, которым должен обучиться студент в течение своей подготовки в высшей школе.

Исходя из проведенного анализа, мы видим, что инновации в управлении вуза опираются на педагогическую, социальную, экономическую и организационно-управленческую системы. Подчеркнем, что инновации в принятии управленческих решений в системе высших учебных заведений должны быть соотнесены со стратегиями планирования по развитию, на основе анализа внутренней и внешней среды образовательного учреждения высшей школы. На наш взгляд, комплексное использование инноваций позволит вузу добиваться наивысших результатов.

Список источников

1. Старыгина А. М. Институциональные изменения в Российской системе высшего образования в контексте модернизации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. №2 (199). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-izmeneniya-v-rossiyskoy-sisteme-vysshego-obrazovaniya-v-kontekste-modernizatsii> (дата обращения: 07.10.2021).
2. Кротенко Т. Ю. Выбор стратегии непрерывного образования // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. №7 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-strategii-neprepryvnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 07.10.2021).

3. Русинова Н. П. Готовность обучающихся к реализации проектной технологии как условие формирования профессиональной компетентности // Ученые записки ЗабГУ. 2018. № 6. С. 44–51.
4. Резник С. Д., Вдовина О. А. Профессиональные компетенции преподавателя современного университета: механизмы управления формированием и развитием // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2017. № 1. С. 67–83.
5. Бондин В. И., Латышева А. Т., Самыгин С. И. Формирование компетенций преподавателя высшей школы: компетентностная парадигма образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 19–22.
6. Косицкая Ф. Л. Основные тренды в современном российском высшем образовании (по материалам зимней школы преподавателей – 2020) // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2020. №3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-trendy-v-sovremennom-rossiyskom-vysshem-obrazovanii-po-materialam-zimney-shkoly-prepodavateley-2020> (дата обращения: 08.10.2021).
7. Шишлова Е. Э., Мирзоева А. М. Университет как конкурентоспособная образовательная организация // Высшее образование в России. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-kak-konkurentosposobnaya-obrazovatel'naya-organizatsiya> (дата обращения: 08.10.2021).
8. Хван В. В., Бринза В. В., Филиппов Д. В. Реорганизация университета и трансформация структуры управления его социальным комплексом // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 4 (116). С. 40–51.
9. Майер Г. В. Исследовательский университет: принципы, среда, инновации, традиции. Исторический аспект // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 2. С. 6–12.
10. Грищенко А. И., Дмитриева Е. А., Легченко М. А. Инновации - определение, классификация, стадии // Вестник БГУ. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-opredelenie-klassifikatsiya-stadii> (дата обращения: 09.10.2021).
11. Гребнев Е. Т. Управленческое нововведение. М.: Экономика, 1985. 159 с.
12. Ермакова С. Г. Взаимосвязь стратегий инновационного развития высшего учебного заведения и качества образования выпускников // Вестник Академии. 2015. № 2. С. 18–25.
13. Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. Под ред. Л.И. Евенко. М., 1996.
14. Гафиатулина Н. Х., Абдулаева Э. С., Самыгин С. И. Специфика онлайн-обучения в российском образовательном пространстве высшей школы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 24–28.
15. Karapetyan E. A., Gafiatulina N. Kh., Efimova V. M., Yaksa N. V., Luginina A. G., Prokhorenko O. N. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Gênero e Direito. 2020. Т. 9. № 4. С. 830–845.

References

1. Starygina A. M. Institutional changes in the Russian system of higher education in the context of modernization. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2017;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-izmeneniya-v-rossiyskoy-sisteme-vysshego-obrazovaniya-v-kontekste-modernizatsii> [Accessed 07.10. 2021]. (In Rus.).
2. Krotenko T. Yu. The choice of a strategy for lifelong education. *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2019;7(41). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-strategii-nepreryvnogo-obrazovaniya> [Accessed 07.10. 2021]. (In Rus.).
3. Rusinova N. P. The readiness of students to implement project technology as a condition for the formation of professional competence. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki = Scientific notes of ZabGU. Series: Pedagogical Sciences*. 2018;(6):44–51. (In Rus.).
4. Reznik S. D., Vdovina O. A. Professional competencies of a teacher of a modern university: mechanisms of management of formation and development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical education*. 2017;(1):67–83. (In Rus.).
5. Bondin V. I., Latysheva A. T., Samygin S. I. Formation of the competencies of a higher school teacher: the competence paradigm of education. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020;(3):19–22. (In Rus.).

6. Kositskaya F. L. The main trends in modern Russian higher education (based on the materials of the winter school for teachers – 2020). *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review = Scientific and pedagogical review. Pedagogical Review*. 2020;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-trendy-v-sovremennom-rossiyskom-vysshem-obrazovanii-po-materialam-zimney-shkoly-prepodavateley-2020> [Accessed 08.10. 2021]. (In Rus.).

7. Shishlova E. E., Mirzoeva A. M. University as a competitive educational organization. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2016;(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-kak-konkurentosposobnaya-obrazovatel'naya-organizatsiya> [Accessed 08.10. 2021]. (In Rus.).

8. Khvan V. V., Brinza V. V., Filippov D. V. Reorganization of the university and transformation of the management structure of its social complex. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: practice and analysis*. 2018;(4):40–51. (In Rus.).

9. Mayer G. V. Research University: Principles, Environment, Innovation, Tradition. Historical aspect. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: practice and analysis*. 2021;(2):6–12. (In Rus.).

10. Grishchenkov A. I., Dmitrieva E. A., Legchenko M. A. Innovations – definition, classification, stages. *Vestnik BGU = Bulletin of BSU*. 2014;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-opredelenie-klassifikatsiya-stadii> [Accessed 07.10. 2021]. (In Rus.).

11. Grebnev E. T. *Management innovation*. Moscow: Economics;1985. (In Rus.).

12. Ermakova S. G. The relationship between the strategies of innovative development of a higher educational institution and the quality of education of graduates. *Vestnik Akademii = Bulletin of the Academy*. 2015;(2):18–25. (In Rus.).

13. Peters T., Waterman R. *In search of effective management*. Moscow; 1996. (In Rus.).

14. Gafiatulina N. Kh., Abdulaeva E. S., Samygin S. I. The specifics of online education in the Russian educational space of higher education. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020;(6):24–28. (In Rus.).

15. Karapetyan E. A., Gafiatulina N. Kh., Efimova V. M., Yaksa N. V., Luginina A. G., Prokhorenko O. N. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society. *Revista Gênero e Direito*. 2020;9(4):830–845.

Информация об авторах

М. Т. Белов – канд. социолог. наук, доц., зав. кафедрой «Управление персоналом и социология»;

К. Г. Абазиева – докт. экон. наук, проф. кафедры «Управление персоналом и социология»;

С. И. Самыгин – докт. социолог. наук, проф. кафедры «Управление персоналом и социология».

Information about the authors

M. T. Belov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Personnel Management and Sociology;

K. G. Abazieva – Doctor of Economics, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology;

S. I. Samygin – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 18.10.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 03.11.2021

Научная статья

УДК 369.032

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-23-33

ВНЕДРЕНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОЦЕНКА БЮДЖЕТНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТА

Наталья Владимировна Брюханова¹, Наталья Станиславовна Григорьева²,
Дмитрий Игоревич Дынник³

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия

³Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия

¹nbruhanova@uriu.ranepa.ru

^{2,3}iubip502@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время общество перешло к активному этапу глобализации – цифровой трансформации и социально-политических процессов, в первую очередь, под влиянием большого прироста трансграничных данных. Цифровизация проникла во все сферы деятельности и является неотъемлемым элементом мирового общества. Она представляет собой повсеместное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни человека, а именно: промышленность, экономика, социальная сферы, повседневная жизнь. Цифровизация государственных органов власти, в первую очередь, направлена на повышение благосостояния общества, облегчение процесса получения государственных услуг, упрощение в целом государственной системы управления. В статье рассмотрены основные результаты цифровой трансформации и предложен проект по созданию единой базы данных для государственного и муниципального уровня с использованием интегрированных цифровых систем управления. Произведена бюджетная эффективность проекта посредством использования инструментария как нечеткая логика.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, органы исполнительной власти, управление, государственный институт, региональное развитие, государственные услуги, цифровое правительство, проект, эффективность

Для цитирования: Брюханова Н. В., Григорьева Н. С., Дынник Д. И. Внедрение межведомственных цифровых технологий в систему государственного управления: оценка бюджетной эффективности проекта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 23–33. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-23-33>.

Problems of Management

Original article

IMPLEMENTATION OF INTERDEPARTMENTAL DIGITAL TECHNOLOGIES INTO THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM: ASSESSMENT OF THE PROJECT BUDGETARY EFFICIENCY

Natalya V. Bryukhanova¹, Natalia S. Grigoryeva², Dmitry I. Dynnik³

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia

³Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

¹nbruhanova@uriu.ranepa.ru

^{2,3}iubip502@yandex.ru

Abstract. Currently, society has moved to an active stage of globalization - digital transformation and socio-political processes, primarily under the influence of a large increase in cross-border data. Digitalization has penetrated into all spheres of activity and is an integral part of world society. It represents the widespread introduction of digital technologies in all spheres of human life, namely: industry, economy, social spheres, everyday life. The digitalization of state authorities is primarily aimed at improving

the well-being of society, facilitating the process of obtaining public services, and simplifying the state management system as a whole. The article discusses the main results of digital transformation and proposes a project to create a unified database for the state and municipal levels using integrated digital control systems. The budget efficiency of the project was made by using the toolkit as fuzzy logic.

Keywords: digital technologies, digitalization, executive authorities, management, state institution, regional development, public services, digital government, project, efficiency

For citation: Bryukhanova N. V., Grigoryeva N. S., Dynnik D. I. Implementation of interdepartmental digital technologies into the public administration system: assessment of the project budgetary efficiency. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):23-33. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-23-33>.

В настоящее время органы власти и управления, в том числе Правительство Ростовской области, активно внедряют цифровые технологии в свою деятельность с целью повышения качества предоставления государственных услуг, а также совершенствуют систему межведомственного взаимодействия с помощью использования специальных цифровых систем. За последние годы в России реализованы ряд проектов, которые уже продемонстрировали свою эффективность на различных уровнях государственного управления. Однако, все еще существуют неразрешенные проблемы, которые на наш взгляд могут быть решены с помощью развития цифровых технологий.

Сегодня накоплен достаточно богатый и успешный зарубежный опыт формирования цифрового правительства [1]. Оцифрованные процессы, на примере зарубежных стран, преобразуют государственные услуги посредством повышения качества обслуживания и в целом эффективности государственного сектора. В условиях глобальной нестабильности многие страны, опираясь на потребности и предпочтения граждан, трансформируют системы предоставления услуг посредством внедрения цифрового правительства, что подразумевает их перепроектирование за счет прорывных технологий и данных. При этом сами по себе технологии и данные не являются преобразующими [2]. Только их системное применение в процессах принятия решений, в том числе при формировании всеобъемлющих стратегий и программ реформирования государственного сектора, является предпосылкой повышения благосостояния общества. В ряде зарубежных стран оцифрован основной объем государственных услуг.

В Российской Федерации также ведется процесс по созданию цифрового правительства, ряд государственных органов уже переведены в так называемое е-пространство и предоставляют различные услуги населению. За последние годы было создано большое количество специальных платформ, значительно упрощающих процесс взаимодействия населения с различными государственными институтами.

Анализ зарубежного опыта показывает [3, с. 39], что формирование стратегии перехода к цифровому правительству осуществляется на основе ориентации на граждан, что фактически является базовым условием наиболее полной реализации возможностей, которые предоставляет цифровая трансформация государственного управления и общества в целом. При этом она требует внедрения новых форм взаимодействия, навыков, многопланового использования больших массивов данных. Большое внимание уделяется развитию мобильных приложений, интеграции различных платформ для дальнейшего упрощения процессов коммуникации населения с государственными органами.

Разнообразие и дифференцированность субъектов Российской Федерации – ключевые факторы, влияющие на развитие российских регионов в условиях цифровизации. Именно региональный уровень целесообразно рассматривать как фундамент формирования экономической системы государства: система регионального управления должна способствовать положительным изменениям в социально-экономической сфере не только региона, но и страны в целом.

Развитие и распространение технологий цифровой экономики формируют предпосылки для преобразований региональных экономических систем, заключающихся в смене представления о системе взаимодействия экономических субъектов и в кардинальном изменении траектории построения ценностных ориентиров для хозяйствующих субъектов [4]. Цифровизация является фундаментом всех социально-экономических преобразований в субъектах Федерации: в исследовании выделены ключевые этапы становления цифровой экономики в регионе (рис. 1). При этом главным направлением реализации государственной политики цифровизации регионов является создание единого и взаимоувязанного «комплекса государственных и муниципальных информационных систем, обеспечивающих поддержку деятельности органов государственной власти регионов России и органов местного самоуправления, а также объединяющих их на основе общей информационно-технологической инфраструктуры региона» [5]. Одной из важнейших характерных черт социально-экономического развития регионов России является «ориентированность на инновационное развитие», непосредственно связанное с цифровизацией.

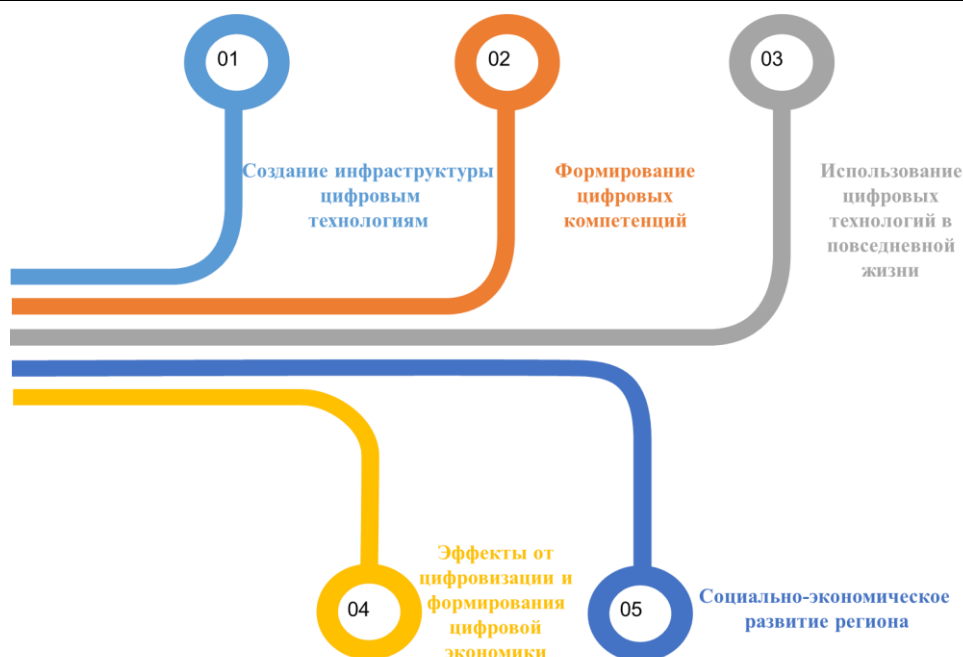

Рис. 1. Этапы становления цифровой экономики в регионе

Fig. 1. Stages of digital economy formation in a region

Современный этап развития экономики характеризуется активной трансформацией государственных институтов и механизмов государственного управления, что является следствием повсеместного цифрового развития. Российская Федерация также в качестве приоритетных целей видит трансформацию государственных органов посредством внедрения цифровых технологий. Данный процесс является трудоемким и длительным, поскольку изменениям подвергаются абсолютно все сферы деятельности государственных институтов. В научном мире, исходя из ряда трактовок и определений цифрового правительства, можно выделить ряд аспектов, в рамках которых рассматривается данный феномен, которые отражены на рис. 2.

Рис. 2. Аспекты цифрового правительства

Fig. 2. Aspects of digital government

Формирование цифрового правительства, начиная с 2010 года и по сегодняшний день, является одной из самых актуальных задач для государственного управления. В Правительстве Ростовской области активно применяется межведомственная система электронного документооборота и делопроизводства «Дело» и системы хранения документов в ведомственных архивах (архивах организации). Регион, в числе первых в стране, внедрил централизованную систему электронного документооборота, охватывающую все органы власти, муниципальные образования и множество подведомственных организаций. Кроме этого, в области реализуется целый комплекс уникальных проектов. В частности, это пилотный проект архивного хранения подлинников электронных документов (на базе системы «Архивное дело»), а также использование различных модулей для системы электронного документооборота – «Аналитика и визуализация отчетности», «Модуль взаимодействия с МЭДО. Расширенный», «Замещение должностей» и другие. Также, государственные служащие осуществляют тестирование отечественного офисного программного обеспечения. В течение полугода будет тестироваться офисный пакет «Мой Офис Стандартный».

Органы государственной власти Ростовской области используют информационную систему «Единая автоматизированная система управления общественными финансами в Ростовской области» (ЕАС УОФ). ЕАС УОФ реализована на базе программных продуктов ООО «Бюджетные и финансовые технологии»: «Система автоматизации финансово-казначейских органов – Автоматизированный Центр Контроля исполнения бюджета»; «Система автоматизации финансово-экономических органов – Автоматизированный Центр Контроля процесса планирования и анализа бюджета»; «Автоматизированный Центр Контроля – Открытый бюджет», и т.д.

Расходы на реализацию государственной программы в 2020 г. увеличились на 94 368,9 тыс. рублей или на 31,6% по сравнению с объемом финансирования в 2019 году (табл. 1). Рост замечен также по статье на образование, подготовку, переподготовку, повышение квалификации на 62,5 тыс. руб. или на 31,7% по сравнению с отчетным периодом. Процент исполнения бюджета в 2020 г. составил 99,8%, что на 1,6 процентных пункта больше по сравнению с прошлым годом [6].

Целями формирования цифрового государственного управления являются повышение качества и доступности предоставляемых организациям и гражданам государственных и муниципальных услуг [7], упрощение процедуры и сокращение сроков их оказания [8], снижение административных издержек со стороны граждан и организаций [9], которым необходимо получить какую-либо услугу.

По результатам проведенного анализа цифровой трансформации органов власти Ростовской области предложен проект по созданию единой базы данных по созданию единой базы данных для государственного и муниципального уровня с использованием интегрированных цифровых систем управления.

Так, например, одной из выявленных проблем является разрозненность программных продуктов федерального и регионального уровней. Государственные органы не имеют права требовать с обратившихся к ним за госуслугами граждан дополнительные справки, которые и так есть в распоряжении других ведомств. Эти сведения органы власти должны получать друг у друга через систему межведомственного взаимодействия. Кроме того, в состав системы межведомственного взаимодействия входят программные и технические средства, обеспечивающие взаимодействие информационных систем органов и организаций. Данное решение позволяет обеспечить предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг и исполнение государственных и муниципальных функций.

Система межведомственного электронного взаимодействия позволяет федеральным, региональным и местным органам власти, контроля и надзора в электронном виде передавать и обмениваться данными, необходимыми для оказания госуслуг или исполнения поручений руководства. Система позволяет реализовать принцип «одного окна» при оказании госуслуг населению. Гражданин обращается за услугой в профильное ведомство, а специалисты ведомства добывают необходимые данные в других ведомствах, используя систему межведомственного взаимодействия.

В Ростовской области имеются определенные базы данных и программные и технические средства, обеспечивающие взаимодействие информационных систем органов и организаций. Но вместе с тем существует проблема интеграции технических средств, программных продуктов, баз данных при осуществлении взаимодействия между региональными и федеральными уровнями власти. Например, министерство экономического развития Ростовской области предоставляет субсидии на возмещение части понесенных затрат на приобретение основных средств или уплату процентов по ним субъектам малого предпринимательства, субъектам туристической индустрии.

Таблица 1 – **Информация о расходовании бюджетных средств министерством цифрового развития, информационных технологий и связи Ростовской области**
 Table 1 – Information on budget spending of Rostov Region Ministry of Digital Development, Information Technologies and Communications

Наименование показателя	Утвержденные бюджетные лимиты, в тыс. руб.	Исполнено, в тыс. рублей	Процент исполнения к плану
2019 год			
Расходы бюджета, всего	298 843,2	293 418,3	98,2
Государственная программа Ростовской области «Информационное общество», в том числе:	297 606,2	292 185,9	98,2
1.Общегосударственные вопросы	134,9	134,9	100,0
2.Связь и информатика в т.ч.	297 471,3	292 051,0	98,2
Руководство и управление в сфере установленных функций органов государственной власти субъектов Российской Федерации	50 197,2	49 521,5	98,7
Финансовое обеспечение государственного задания бюджетного учреждения	22 099,9	22 099,9	100,0
Иные мероприятия	225 174,2	220 429,6	97,9
Иные непрограммные расходы, в т.ч.	1 237,0	1 232,4	99,6
Образование, подготовка, переподготовка, повышение квалификации	197,0	192,4	97,7
Общегосударственные вопросы	1040	1040	100
2020 год			
Расходы бюджета, всего	393 212,1	392 574,0	99,8
Государственная программа Ростовской области «Информационное общество», в том числе:	391 966,2	391 329,6	99,8
1.Общегосударственные вопросы	21,8	21,8	100,0
2.Связь и информатика в т.ч.	391 944,4	391 307,8	99,8
Руководство и управление в сфере установленных функций органов государственной власти субъектов Российской Федерации	50 872,7	50 613,0	99,5
Финансовое обеспечение государственного задания бюджетного учреждения	50 860,7	50 860,7	100,0
Субсидия на иные цели подведомственному учреждению	26 917,4	26 900,4	99,9
Иные мероприятия	263 293,6	262 933,7	99,9
Иные непрограммные расходы, в т.ч.	1 245,9	1 244,4	99,9
Образование, подготовка, переподготовка, повышение квалификации	259,5	258,0	99,4

Согласно утвержденному регламенту конкурсной комиссии, ответственный исполнитель осуществляет проверку участника конкурса конкурным критериям, а также запрашивает информацию по налоговой задолженности у УФНС по Ростовской области. Так как, УФНС по Ростовской области является управлением и подчиняется напрямую в Федеральную налоговую службу РФ и подключена к федеральной сети, то запрос осуществляется по средством использования Почты России, факс, направление скан-копии по электронной почте. Такая система усложняет процесс получения оперативной информации и отслеживания статуса заявления. Аналогичная ситуация с направлением в Росреестр или в Прокуратуру нормативно-правовых актов Правительства Ростовской области для проведения независимой экспертизы.

В условиях реализации программы «Цифровая экономика» и государственной программы «Информационное общество» на федеральном и региональном уровнях необходимо исключить

межуровневую асимметрию. Исключение данного фактора позволит усовершенствовать существующие бизнес-процессы в органах государственной власти.

Отсюда вытекает следующая проблема, которую необходимо решить, а именно, закрепление за документом юридического статуса и принятия ответственности за данный документ. Согласно ГОСТу по делопроизводству, документ считается принятым с момента его подписания и регистрации в журнале исходящей корреспонденции. В настоящее время государственные органы отходят от прошлого формата подписания документа на бумажном носителе. Все документы готовятся в электронном виде и утверждаются посредством использования электронной цифровой подписи в соответствии с федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [10]. Успешным примером является опыт ФНС с работой с физическими лицами через личный кабинет налогоплательщика. Суть проста, после регистрации на сайте физическое лицо может подавать заявления, налоговые декларации в налоговую службу без посещения офиса. В качестве подтверждения операции физическому лицу предлагается два варианта приобретения простой электронной подписи:

- электронный сертификат скачивается на персональный компьютер физического лица;
- электронный сертификат скачивается на сервер ФНС РФ и храниться не посредством в базе данных налогового органа.

Второй вариант самый удобный и пользуется большой популярностью, так как сервер ФНС имеет большую защиту от взлома. Срок действия такого сертификата один календарный год.

Также для повышения уровня цифровизации государственных органах и межведомственного взаимодействия предлагается разработать мобильную версию СЭД «Дело», АЦК «Финансы. С ее помощью можно смотреть, редактировать, направлять на согласование проекты документов по средством мобильного телефона, в случае отсутствия на основном месте работы. Это позволит владеть полной информацией в режиме онлайн времени. Все вышеперечисленные предложения требуют пересмотра финансовых ресурсов и привлечение инвестиций в ИТ-сферу.

В таблице 2 представлен организационный план проекта.

Таблица 2 – Организационный план проекта

Table 2 – The project of organizational plan

№	Мероприятие	Ответственный	Месяц, 2022 год							
			01	02	03	04	05	06	07	08
1	Совершенствование межведомственного взаимодействия	МЦ, МФ, МЦ РФ								
1.1	Разработка ТЗ на интеграции программных средств ПРО в федеральную систему	МЦ								
1.2	Согласование ТЗ с федеральным уровнем	МЦ, МЦ РФ								
1.3	Обоснование закупки и выделение средств	МФ								
1.4	Заключение госконтракта с организацией (исполнителем)	МЦ								
1.5	Исполнение и прием результатов по контракту	МЦ								
1.6	Приобретение сервера для хранения ЭЦП	МЦ								
1.7	Разработка мобильного приложения СЭД Дело, АЦК Финансы	МЦ, МФ								
2	Корректировка финансового обеспечения мероприятий	МФ, МЦ								
2.1	Корректировка ГП «Информационное общество»	МФ, МЦ								
2.2	Корректировка ФП «Цифровая экономика» (в части участия Ростовской области)	МФ, МЦ								
3	Привлечение инвестиций ИТ-сферу	МЭ, МЦ								
4	Оценка результатов	МЦ								

МЦ – министерство цифрового развития РО;

МФ – минфин области;

МЭ – минэкономразвития области;

МЦ РФ – министерство цифрового развития РФ

Затраты по проекту представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Затратная часть проекта

Table 3 – The cost part of the project

Наименование затрат	Стоимость затрат, в тыс. руб.	Примечание
Привлечение специализированной организации для разработки технического задания по интеграции информационных систем федерального и регионального уровня	100,0	Единовременные затраты. Для подготовки ТЗ по интеграции информационных систем и баз данных необходимо точно разработать ТЗ и на основании его уже будет проводиться обоснование закупки в соответствии с приказом минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567.
Предварительная стоимость проекта по интеграции информационных систем и баз данных в единую	18 562,9	Единовременные затраты. Данная стоимость является предварительной на основании успешного опыта реализации подобного проекта в 2018 году в Белгородской области. Необходимо обратить внимание, что стоимость зависит от технического задания и может варьироваться. Это лишний раз подчеркивает важность первого пункта данной таблицы.
Приобретение сервера для хранения ЭЦП сертификатов	16 500,0	Единовременные затраты. Средняя стоимость сервера составляет 300,0 тыс. рублей. Необходимо приобрести 55 серверов для МО. Следует отметить, что в муниципалитетах есть серверы, но они не приобретены специально для хранения БД сертификатов. Стоимость неокончательна, так как приобретение основного средства будет осуществляться конкурентным способом через электронный аукцион и может сложиться экономия средств. Предельная стоимость не будет превышать 16 500,0 тыс. рублей.
Привлечение специализированной организации для разработки технического задания по созданию мобильного приложения СЭД Дело, АЦК Финансы	100,0	Единовременные затраты. Для подготовки ТЗ по созданию мобильного приложения СЭД Дело и АЦК Финансы, на основании которой будет проводиться обоснование закупки в соответствии с приказом минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567.
Всего по проекту	35 262,9	

Управление на основе нечеткой логики использует предложения в форме правил для того, чтобы управлять тем или иным процессом. Регулятор на основе нечеткой логики может иметь неограниченное число входных сигналов и строится на основе знаний «эксперта», а также, в отличие от традиционных систем управления, может синтезироваться без использования специфических знаний об объекте управления. Приведем факторы оказывающие влияние на бюджетную эффективность проекта:

- инфляция (a1) [11];
- уровень социально-экономического развития области (a2);
- межбюджетные трансферты (a3);
- государственный долг (a4);
- дефицит бюджета (a5);
- коэффициент общего покрытия расходов бюджета (c1);
- коэффициент собственной сбалансированности бюджета (c2);
- коэффициент наличия дополнительных ресурсов (c3);
- коэффициент финансовой независимости (c4) [12]. 73
- коэффициент качества финансовой помощи (c5) [13, с. 73];
- коэффициент налоговой независимости (c6) [14].

В табл. 4 приведены результаты экспертных оценок по факторам.

Таблица 4 – Оценки экспертов бюджетной эффективности проекта

Table 4 – Estimates of the project budget efficiency experts

Код	Оценки экспертами значимость фактора			Средняя вероятность оценок экспертов, в процентах	Уровень значимость фактора	Интегральный А-фактор	Интегральный С-фактор
	А	Б	В				
A1	0,3	0,4	0,6	0,4	0,1	0,60	
A2	0,5	0,3	0,6	0,5	0,3		
A3	0,8	0,6	0,9	0,8	0,2		
A4	0,3	0,9	0,4	0,5	0,2		
A5	0,8	0,5	0,2	0,5	0,3		
C1	0,4	0,7	0,9	0,7	0,1	0,74	
C2	0,2	0,6	0,3	0,4	0,1		
C3	0,5	0,7	0,6	0,6	0,3		
C4	0,3	0,8	0,4	0,5	0,3		
C5	0,4	0,7	0,7	0,6	0,2		
C6	0,4	0,8	0,6	0,6	0,3		

С помощью нечеткой модели бюджетной эффективности можно моделировать ситуации в любой момент времени, достаточно произвести расчеты количественных показателей или оценки экспертов по качественным критериям. Данная модель является динамичной, так как учитывает фактор неопределенности в реальном времени. Придавая импульс вершинам модели можно построить прогноз развития. Например, на рис. 3 приведен сценарий развития A2 при условии изменения факторов A4, A5.

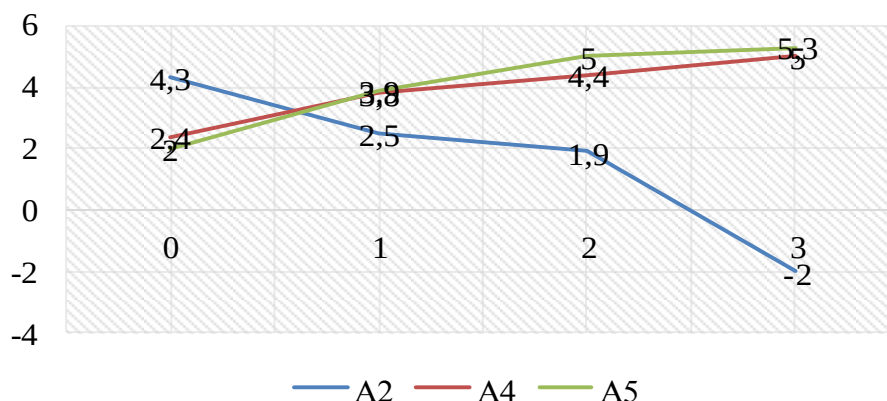

Рис. 3. Прогноз изменения A2 при +q1 (A4, A5)

Fig. 3. Forecast A2 Changes at + Q1 (A4, A5)

Применив инструментарий нечеткой логики и методику американского экономиста Паурсолло Э. Ж., рассчитаем бюджетную эффективность проекта. Для этого необходимо привести дополнительные расчеты по взаимосвязи и взаимоисключению АС-факторов. Итоговые результаты представлены в табл. 5.

Для расчета интегрального показателя АС-фактора бюджетной эффективности принимаются значения, находящиеся в интервале от 0,20 до 0,40. Таким образом, бюджетная эффективность проекта составляет 0,34, что соответствует значению как «эффективное». Следует отметить, что данный показатель бюджетной эффективности проекта рассчитывается исключительно для государственного и муниципального сектора, где предусмотрено бюджетное финансирование.

По результатам проведенных расчетов с помощью инструментария нечеткой логики была произведена сводная оценка бюджетной эффективности проекта. Результат представлен на рис. 4.

Таблица 5 – Результаты АС-факторов бюджетной эффективности

Table 5 – Results of budget efficiency as-factors

	A1	A2	A3	A4	A5	C1	C2	C3	C4	C5	C6
A1	1	0,27	0,80	0,67	0,89	0,67	0,67	0,45	0,42	0,34	0,23
A2	0,34	1	0,34	0,67	0,89	0,52	0,56	0,56	0,22	0,46	0,25
A3	0,56	0,23	1	0,85	0,79	0,15	0,36	0,32	0,36	0,45	0,25
A4	0,23	0,17	0,78	1	0,84	0,62	0,46	0,34	0,45	0,24	0,33
A5	0,47	0,12	0,56	0,67	1	0,56	0,35	0,55	0,11	0,46	0,27
C1	0,57	0,46	0,78	0,85	0,87	1	0,54	0,35	0,08	0,31	0,32
C2	0,23	0,26	0,67	0,59	0,13	0,86	1	0,45	0,37	0,43	0,57
C3	0,35	0,46	0,68	0,57	0,82	0,26	0,34	1	0,51	0,37	0,54
C4	0,56	0,35	0,86	0,94	0,17	0,35	0,54	0,12	1	0,65	0,34
C5	0,38	0,67	0,58	0,57	0,64	0,53	0,35	0,46	0,62	1	0,42
C6	0,37	0,25	0,69	0,88	0,23	0,23	0,56	0,63	0,18	0,36	1
АС-фактор (Fi) = 0,34											

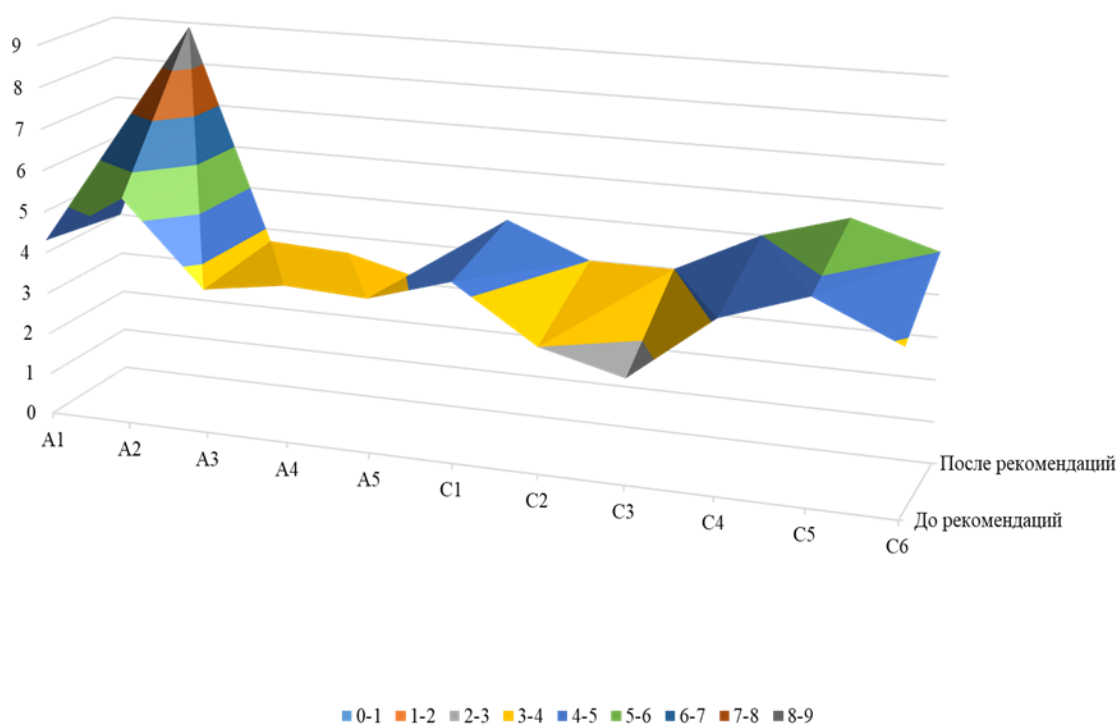

Рис. 4. Оценка эффективности реализации проекта

Fig. 4. Evaluation of the project effectiveness

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что предлагаемый проект эффективен и целесообразен к реализации. Цифровизация органов государственного управления позволит повысить производительность труда государственных служащих, сократить временные ресурсы, увеличить скорость предоставления государственных услуг и исполнения контрольных поручений. Внедрение современных цифровых технологий в бизнес-процессы социально-экономических систем всех уровней подразумевает не только установку современного оборудования или программного обеспечения, но и фундаментальные изменения в подходах к управлению, корпоративной культуре, внешних коммуникациях. В результате повышаются производительность каждого сотрудника, а государственный орган приобретает репутацию прогрессивного и современного института. На практике это означает создание системы сквозных бизнес-процессов, которую можно назвать цифровой экосистемой.

Список источников

1. Alekseychik T. V., Bogachev T. V., Karasev D. N., Sakharova L. V., Stryukov M. B. Fuzzy method of assessing the intensity of agricultural production on a set of criteria of the level of intensification and the level of economic efficiency of intensification // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2019. Т. 896. Р. 635-642.
2. Бугайчук В. В. Сценарное планирование как ключевая функция государственного управления в условиях волатильности и экономической турбулентности рынка // *Интерактивная наука*. 2021. № 5 (60). С. 82-85.
3. Лексин В. Н. Синтез общества потребления и информационного общества: сущность и реалии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. № 3.
4. Бондарева Я. Ю., Борзенкова Н. С. Решения цифровой трансформации для государственного сектора // В сборнике: *ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС, ИННОВАЦИИ*. Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 175-177.
5. Кравец Е. В., Солодова О. С. Анализ понятия "нечеткая логика", методы и области применения нечеткой логики // В сборнике: *«Цифра» – реальность, меняющая мир: готовность российской экономики к новым правилам игры*. Материалы Национальной научно-практической конференции. 2019. С. 110-112.
6. Белокрылова О. С. Институциональная модернизация госсектора в контексте формирования цифровой экономики – новый тренд исследований научной школы // В сборнике: *Модернизация и развитие национальной экономики*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции в рамках XXXIX Научной сессии экономического факультета Южного федерального университета. В двух томах. 2018. С. 18-24.
7. Григорьева Н. С., Дынник Д. И. Маркетинговое сопровождение в проектном управлении: применение в бизнесе и государственном секторе // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2020. № 6 (121). С. 11-15.
8. Дынник Д. И. Моделирование системы программно-целевого управления региональным развитием Ростовской области // *Человек. Общество. Инклюзия*. 2017. № 1 (29). С. 189-196.
9. Крамаров С. О., Сахарова Л. В. Управление сложными экономическими системами методом нечетких классификаторов // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2017. № 2. С. 42-50.
10. Крамаров С. О., Сахарова Л. В., Храмов В. В. Мягкие вычисления в менеджменте: управление сложными многофакторными системами на основе нечетких аналог-контроллеров // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2017. № 3. С. 42-51.
11. Мушта А. А. Информационно-аналитическая работа в органах государственного управления: трансформация профиля компетенций в условиях цифровизации // *Евразийский союз ученых*. 2020. № 5-7 (74). С. 26-29.
12. Morozova N. I., Tinyakova V. I. Digital technologies in the field of public and territorial administration: new challenges and global trends // В сборнике: *Advances in Economics, Business and Management Research. Proceedings of the 8th International Conference on Contemporary Problems in the Development of Economic, Financial and Credit Systems (DEFCS 2020)*. Belgorod State National Research University. 2020. С. 183-188.
13. Новикова В. С. Перспективы развития государственного управления в контексте информационных технологий // *Дневник науки*. 2019. № 3 (27).
14. Савельев, И. И. Современное государственное и муниципальное управление: необходимость изменений в повышении эффективности бюджетных расходов // *Революция и современность : материалы научно-практической конференции, Владимир, 03 марта 2017 года*. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. С. 327-330.

References

1. Alekseychik T. V., Bogachev T. V., Karasev D. N., Sakharova L. V., Stryukov M. B. Fuzzy method of assessing the intensity of agricultural production on a set of criteria of the level of intensification and the level of economic efficiency of intensification. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2019;896:635-642.
2. Bugaychuk V. V. Scenario planning as a key function of public administration in conditions of market volatility and economic turbulence. *Interaktivnaya nauka = Interactive Science*. 2021;5(60):82-85. (In Rus.)
3. Leksin V. N. Synthesis of a consumer society and an information society: essence and realities. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2020;(3). (In Rus.)

4. Bondareva Ya. Yu., Borzenkova N. S. Digital transformation solutions for the public sector. In: *ECONOMY, BUSINESS, INNOVATIONS. Collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference*. Penza, 2020:175-177. (In Rus.)
5. Kravets E. V., Solodova O. S. Analysis of the concept of "fuzzy logic", methods and areas of application of fuzzy logic. In: *"DIGIT" - REALITY CHANGING THE WORLD: READINESS OF THE RUSSIAN ECONOMY FOR NEW RULES OF THE GAME. Materials of the National Scientific and Practical Conference*. 2019:110-112. (In Rus.)
6. Belokrylova O. S. Institutional modernization of the public sector in the context of the formation of the digital economy – a new trend in the research of the scientific school. In: *Modernization and development of the national economy. materials of the All-Russian scientific and practical conference in the framework of the XXXIX Scientific session of the Faculty of Economics of the Southern Federal University. In two volumes*. 2018. P. 18–24. (In Rus.)
7. Grigorieva N. S., Dynnik D. I. Marketing support in project management: application in business and public sector. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and governance*. 2020; 6(121):P. 11–15. (In Rus.)
8. Dynnik D. I. Modeling of the system of program-targeted management of regional development of the Rostov region. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya = Chelovek. Society. Inclusion*. 2017;1(29):189-196. (In Rus.)
9. Kramarov S. O., Sakharova L. V. Management of complex economic systems by the method of fuzzy classifiers. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta = Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. 2017;(2):42-50. (In Rus.)
10. Kramarov S. O., Sakharova L. V., Khramov V. V. Soft computing in management: management of complex multifactor systems based on fuzzy analog-controllers. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta = Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. 2017;(3):42-51. (In Rus.)
11. Mushta A. A. Information and analytical work in government bodies: transformation of the competence profile in the context of digitalization. *Evrasiiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*. 2020;5-7(74):26-29. (In Rus.)
12. Morozova N. I., Tinyakova V. I. Digital technologies in the field of public and territorial administration: new challenges and global trends. In: *Advances in Economics, Business and Management Research. Proceedings of the 8th International Conference on Contemporary Problems in the Development of Economic, Financial and Credit Systems (DEFCS 2020)*. Belgorod State National Research University. 2020:183-188.
13. Novikova V. S. Prospects for the development of public administration in the context of information technologies. *Dnevnik nauki = Journal of Science*. 2019;3(27). (In Russ.)
14. Saveliev I. I. Modern state and municipal management: the need for changes to improve the efficiency of budgetary expenditures. In: *Revolution and modernity: materials of the scientific and practical conference*, Vladimir, March 03, 2017. Vladimir: Vladimir branch of RANEPa. P. 327-330. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. В. Брюханова – канд. экон. наук, доц., директор учебно-научного центра;
 Н. С. Григорьева – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой «Экономика и инновационные рыночные исследования»;
 Д. И. Дынник – ст. преп. кафедры «Управление и экономика таможенного дела».

Information about the authors

N. V. Bryukhanova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Training Center;
 N. S. Grigoryeva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Economics and Innovative Market Studies»;
 D. I. Dynnik – Senior Lecturer of the Department of Management and Economics of Customs.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 06.12.2021

Научная статья

УДК 336.717.061

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-34-42

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ БИЗНЕСА С ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ РФ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Яков Яковлевич Кайль¹, Вероника Сергеевна Епинина², Роман Михайлович Ламзин³

^{1,3}Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

²Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹kailjakow@mail.ru

²v.epinina@rambler.ru

³rom.lamzin@yandex.ru

Аннотация. Авторы статьи анализируют специфику государственно-частных коммуникаций на территории субъектов РФ, составляющих Южный федеральный округ, с целью установления признаков практического опыта формирования и модернизации GR-связей на региональном уровне в России. В рамках проведенного исследования рассматриваются перспективы дальнейшего совершенствования продуктивного GR-менеджмента как одного из ключевых факторов эффективного функционирования региональных экономических систем. Авторы устанавливают, что указанные перспективы выявляются посредством анализа и обобщения различных вариантов, реализуемых на практике, поддержки структурам частного бизнеса со стороны органов публичной власти в системе регионального развития GR-партнерства при использовании современных информационно-цифровых технологий.

Ключевые слова: государственно-частные коммуникации, государственно-муниципальная поддержка, информационно-коммуникационная основа, информационные ресурсы, публичная власть, информационно-цифровые технологии, регион, Южный федеральный округ, GR-партнерство

Для цитирования: Кайль Я. Я., Епинина В. С., Ламзин Р. М. Региональные практики взаимодействия субъектов бизнеса с органами публичной власти (на примере субъектов РФ Южного федерального округа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 34–42. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-34-42>.

Problems of Management

Original article

REGIONAL PRACTICES OF INTERACTION OF BUSINESS ENTITIES WITH PUBLIC AUTHORITIES (ON THE EXAMPLE OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)

Yakov Ya. Kail¹, Veronica S. Epinina², Roman M. Lamzin³

^{1,3}Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

²Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹kailjakow@mail.ru

²v.epinina@rambler.ru

³rom.lamzin@yandex.ru

Abstract. The authors of the article analyze the specifics of public-private communications on the territory of the constituent entities of the Russian Federation that make up the Southern Federal District in order to establish signs of practical experience in the formation and modernization of GR-communications at the regional level in Russia. Within the framework of the study, the prospects for further improvement of productive GR-management are considered as one of the key factors for the effective functioning of regional economic systems. The authors establish that these prospects are identified through the analysis and generalization of various options implemented in practice, support to private business structures by public authorities in the system of regional development of GR-partnership using modern information and digital technologies.

Keywords: public-private communications, state-municipal support, information and communication base, information resources, public authorities, information and digital technologies, region, Southern Federal District, GR-partnership

For citation: Kail Ya. Ya., Epinina V. S., Lamzin R. M. Regional practices of interaction of business entities with public authorities (on the example of constituent entities of the Russian Federation in the Southern federal district). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):34–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-34-42>.

Одним из ключевых факторов планомерного регионального социально-экономического развития выступает эффективное воплощение на практике научно-теоретических и нормативно-правовых положений, касающихся формирования и дальнейшего преобразования оптимальных форматов и вариантов государственно-частных коммуникаций. Данные коммуникации выступают продуктивной основой для реализации частнопредпринимательских инициатив посредством предоставления государственно-муниципальной поддержки на отдельных территориях с учетом специфики и опыта функционирования структур публичной власти. В современных информационно-технологических условиях важнейшим компонентом государственно-частного сотрудничества и развития различных вариантов его формирования со стороны представителей бизнес-сообщества в форме осуществления GR-менеджмента являются информационно-цифровые коммуникации. Тем самым происходит рассмотрение совокупности государственно-частных коммуникаций в соответствии с реализацией перспективных GR-связей в структуре осуществления частнопредпринимательских проектов на уровне региональных экономических систем. Предметом данного изучения являются различные варианты практического воплощения GR-партнерства на примере субъектов РФ, составляющих социально-экономическое и информационно-технологическое пространство ЮФО. В данном случае выявляются экономико-коммуникационные условия развития государственно-частного партнерства на макрорегиональном уровне функционирования органов публичного администрирования при сочетании трех основных уровней нормативно-правового регулирования (федерального, регионального, местного) частнопредпринимательской деятельности.

Путем структурно-функционального анализа специфики деятельности органов публично-исполнительной власти субъектов РФ в структуре ЮФО устанавливаются характеристики различных форм и вариантов их партнерства с представителями региональных бизнес-структур. Посредством метода формирования нового знания идентифицируются специфические черты практики регионального государственно-частного партнерства в условиях поддержания реализации бизнес-инициатив с помощью эффективных информационно-цифровых технологий. Экономико-инновационные аспекты практики регионального GR-партнерства выявлены посредством рассмотрения нормативно-правовой основы предоставления государственно-экономической поддержки реализации частнопредпринимательских проектов в структуре региональных социально-экономических процессов. При этом проанализированы ключевые статистические показатели функционирования субъектов малого и среднего бизнеса на территории ЮФО. Процесс рассмотрения указанной проблематики производится на основе всестороннего изучения полученных результатов научно-теоретических и практико-аналитических исследований, направленных на установление современных факторов дальнейших инновационных преобразований информационно-технологической основы продуктивного развития государственно-частного партнерства в формате регионального экономико-производственного пространства.

Для установления основных характеристик практики указанного сотрудничества выявлен ряд ключевых направлений деятельности публично-административных органов, которые соотносятся с различными аспектами поддержания GR-коммуникаций на территории восьми субъектов РФ, что составляет структуру государственно-частного партнерства на макрорегиональном уровне информационно-технологического обеспечения развития частноэкономических инициатив. GR-партнерство на макрорегиональном уровне обеспечивается при функционировании различных элементов социально-экономической инфраструктуры, в том числе разнонаправленной совокупности информационно-электронных коммуникаций, обеспечивающих устойчивый обмен информационными сообщениями по различным проектам совместного решения региональной социально-экономической проблематики между структурами государственно-муниципального администрирования и субъектами бизнес-сообщества с учетом стремительных темпов изменения электронно-информационного поля региональной экономики.

В частности, на территории Волгоградской области, указанная инфраструктура представлена результатами функционирования государственного автономного учреждения «Волгоградский областной бизнес-инкубатор» по ряду направлений в рамках поддержки субъектов малого и среднего бизнеса:

1. Заключение соглашений о взаимодействии с различными организациями, образующими различные функциональные компоненты инфраструктуры, действующих в системе региональной экономики региона, так и в других субъектах РФ [1, с. 43].

2. Реализация мониторинга динамики модернизации инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего бизнеса с оказанием необходимой методической и консультационной поддержки перспективным предпринимательским проектам по вопросам предоставляемых государственно-муниципальных услуг [2, с. 106].

3. Формирование и ведение в электронном виде в формате открытых данных регионального реестра услуг, предоставляемых в рамках данной инфраструктуры. При этом указанные информационные ресурсы должны раскрывать особенности порядка и характеристики государственной региональной микрофинансовой организации, действующей с использованием денежных средств, полученных из федеральных, региональных и муниципальных бюджетных средств в рамках финансирования реализации программы «Экономическое развитие и инновационная экономика», а также модернизации информационно-коммуникационной основы государственно-частного информационно-коммуникационного диалога [3, с. 618].

4. Поддержание оптимального уровня электронно-цифрового режима предоставления государственно-муниципальных услуг.

5. Поддержание деятельности регионального центра «Мой бизнес», в частности по вопросам приобретения современного электронного оборудования и функционирования сайта в сети Интернет для обеспечения конструктивного информирования о способах и формах оказания услуг субъектам малого и среднего предпринимательства и физическим лицам, заинтересованным в осуществлении бизнес-инициатив [4, с. 225; 5, с. 1544].

Формирование и дальнейшее инновационное преобразование информационных взаимосвязей в рамках регионального GR-партнерства в структуре деятельности центра «Мой бизнес» в Волгоградской области реализуются в форме ряда этапов обмена информацией:

- передача сведений по вопросам экспертной поддержки заявителей (субъектам бизнес-деятельности) о порядке и условиях получения государственно-муниципальных услуг;
- формирование и передача заявления (запроса) о предоставлении востребованной услуги от соответствующего заявителя;
- реализация оказания услуги с максимально полным информационным сопровождением.

Регламент предоставления услуг в центре «Мой бизнес» включает информацию по ряду блоков и аспектов (см. рис. 1).

Рис. 1. Регламент предоставления услуг в центре «Мой бизнес» субъектам малого и среднего бизнеса в Волгоградской области. Источник: сост. авт. по [6, с. 62; 7, с. 17; 8, с. 157; 9, с. 738; 10, с. 97; 11, с. 119; 12, с. 68]
Fig. 1. Regulations for the provision of services in the center «My Business» to small and medium-sized businesses in the Volgograd region. Source: comp. aut. to [6, p. 62; 7, p. 17; 8, p. 157; 9, p. 738; 10, p. 97; 11, p. 119; 12, p. 68]

На рис. 1 показан один из ключевых вариантов проявления регионального государственно-частного партнерства, которое проявляется на основе частнопредпринимательского инициирования в формате электронных запросов и обращений в соответствующие органы исполнительной власти региона. Указанные структуры публичной власти в рамках регионального электронно-цифрового поля предоставляют необходимые услуги с оценкой их результатов с точки зрения соответствующих сфер частнопредпринимательской активности.

Со стороны представителей руководства различных частных компаний и бизнес-сообщества GR-коммуникации формируются в виде последовательности действий, которые можно объединить в три основных блока, составляющих механизм GR-менеджмента, как это установлено по результатам диссертационного исследования А. А. Шетова.

Во-первых, производится всесторонний мониторинг и анализ региональной социально-экономической ситуации с выявлением сопутствующих и препятствующих факторов государственно-частному сотрудничеству. Это происходит на базе сбора, обработки и обобщения информационных данных, характеризующих функционирование органов власти, что тесно связано с оценкой действующей нормативно-правовой базы и выявлением устойчивых возможностей государственно-частных коммуникаций, что поддерживается прогнозированием наиболее вероятных действий и решений органов власти в отношении бизнес-сообщества.

Во-вторых, реализация партнерства представителей регионального частного бизнеса со структурами исполнительной власти. Это выражается в участии представителей бизнес-структур в деятельности различных консультативных органов при публично-управленческих органах, а также представлено договорным оформлением перспективных вариантов информационных контактов между бизнес-субъектами и конкретными должностными лицами, ответственными за предоставление эффективных услуг содействия развития частного предпринимательства.

В-третьих, посредством всестороннего информационно-правового сопровождения практико-производственного воплощения частноэкономических интересов в реализации функций органов регионального публичного администрирования [13, с. 144].

На основе сформированного государственно-частного партнерства определяются ключевые характеристики деятельности субъектов малого предпринимательства (см. табл.1).

Таблица 1 – Основные показатели деятельности малых предприятий по субъектам РФ в ЮФО

Table 1 – Main performance indicators of small enterprises by constituent entities of the Russian Federation in the Southern Federal District

Субъекты РФ ЮФО	2017 г.		2018 г.		2019 г.		Средняя величина за общий период	
	Средняя числен- ность ра- ботников, тыс. чел.	Обо- рот, млрд руб.	Средняя числен- ность ра- ботников, тыс. чел.	Обо- рот, млрд руб.	Средняя числен- ность ра- ботников, тыс. чел.	Обо- рот, млрд руб.	Средняя числен- ность ра- ботников, тыс. чел.	Обо- рот, млрд руб.
Республика Адыгея	21,9	57,4	21,5	68,3	20,2	70,6	21,2	65,4
Республика Калмыкия	8,2	11,9	8,3	16,0	6,5	17,6	7,7	15,2
Республика Крым	86,9	192,8	98,7	262,2	96,6	268,5	94,1	243,2
Краснодарс- кий край	390,7	1790,4	384,3	1466,2	378,5	1510,3	384,5	1588,9
Астраханс- кая область	47,5	108,6	42,4	114,8	42,1	118,9	44	114,1
Волгоградс- кая область	153,5	513,6	144,8	455,4	128,6	428,5	142,3	465,8
Ростовская область	326,2	1057,5	313,6	1130,1	298,8	1195,0	312,9	1127,5
г. Севасто- поль	28,5	68,3	28,4	75,5	33,8	86,4	30,2	76,7

Источник: сост. авт. с использованием: [14-16].

В табл. 1 указано два основных показателя деятельности малых компаний, характеризующих обеспеченность трудовыми и финансовыми ресурсами за период в три года. По большинству субъектов РФ отмечается снижение средней численности работников (исключением являются Республики Крым и г. Севастополь) в то время как оборот финансовых средств увеличивается (кроме Краснодарского края и Волгоградской области). За указанный период рассчитаны средние величины выявленных показателей.

Таким образом, рассмотренные статистические показатели отражают неравномерный характер развития деятельности структур малого бизнеса, что связано с недостаточным уровнем эффективности осуществляемых государственно-частных взаимосвязей. При этом анализ практического воплощения таких коммуникаций на территории ЮФО показывает оптимальную основу для дальнейшего и развития (см. табл. 2).

Таблица 2 – Формы и основы взаимодействия субъектов бизнеса с органами публичной власти в субъектах РФ на территории ЮФО

Table 2 – Forms and foundations of interaction between business entities and public authorities in the constituent entities of the Russian Federation in the Southern Federal District

Субъект РФ	Форма и основы взаимодействия	Основные характеристики форм взаимодействия
Республика Адыгея	Региональный бизнес-инкубатор	- стимулирование и поддержка деловой активности по созданию средних и малых предприятий с разработкой инновационных бизнес-проектов; - предоставление производственных и оборудованных офисных помещений в аренду по льготной стоимости; - консультативная поддержка по юридическим аспектам предпринимательства и ведения бухгалтерского учета.
	Фонд поддержки предпринимательства	Передача со стороны Министерства экономического развития и торговли целевых бюджетных средств в форме субсидий по направлениям: - микрокредитование (наличие возможностей получения до 5 000 000 руб.); - организация семинаров, совещаний, конференций по вопросам реализации бизнес-инициатив; - передача информационных данных о возможностях получения финансовой поддержки.
Республика Калмыкия	ПОДПРОГРАММА «ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕГИОНА»	- инновационное преобразование инфраструктуры электронного правительства с поддержанием безопасного режима информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; - информационно-цифровое поддержание режима автоматизации регулирования процессами обеспечения безопасности среды обитания в регионе.
	Система межведомственного электронного взаимодействия	- поддержание электронного режима передачи документов и сведений от заявителей, необходимых для получения государственно-муниципальных услуг; - электронный формат размещения регионально-государственных и муниципальных заказов на производство товаров и услуг в частных компаниях.

Продолжение табл. 2/Continuation of Table 2

Республика Крым	Комиссия по согласованию мероприятий по проектированию, разработке и внедрению информационных технологий, систем, площадок	- оценка степени обоснованности и целесообразности реализации органами власти мероприятий по проектированию, разработке и внедрению информационных технологий и электронно-коммуникационных площадок для непрерывного согласования проектов и инициатив структур публичного администрирования и бизнес-сообщества; - анализ перспектив дальнейшего развития электронно-цифровых компонентов выполнения государственно-муниципальных заказов (технических проектов) субъектами частного бизнеса.
	Крымский государственный фонд поддержки предпринимательства	- развитие профессионального образования и переподготовки сотрудников частных компаний в формате реализации специальных образовательных курсов; - проведение семинаров и тренингов по отдельным аспектам и вопросам частного бизнеса; - консультационная поддержка по вопросам финансового планирования и маркетингового сопровождения деятельности.
Краснодарский край	Управление информатизации и связи	- формирование и последующая модернизация электронно-цифровой основы государственно-частных коммуникаций; - цифровизация процессов предоставления государственных услуг.
	Региональный проект «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию»	- предоставление субсидий посредством «Фонда микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства Краснодарского края» для расширения доступа субъектов бизнеса к финансовым ресурсам посредством предоставления микрозаймов.
Астраханская область	Региональный проект «Цифровое государственное управление»	- цифровизация процессов предоставления государственных услуг представителям бизнес-сообщества на основе информационно-облачных сервисов и единой электронной платформы обеспечения реализации бизнес-инициатив.
	Астраханский фонд поддержки малого и среднего предпринимательства	- аккумулирование и использование современной материально-имущественной основы поддержки малого и среднего предпринимательства; - финансовая поддержка с применением механизма микрофинансирования..
Волгоградская область	Консультативный совет по экспертизе нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности	- государственно-частное сотрудничество по совместной экспертизе нормативно-правовых актов по вопросам осуществления инновационных предпринимательских проектов.
	Центр компетенции по направлению «Автоматизация предоставления государственных и муниципальных услуг»	- электронно-техническое сопровождение и оптимизация региональных информационных систем, обеспечивающих предоставление государственно-муниципальных услуг; - обеспечение интерактивных форм подачи заявлений в электронном режиме на получение государственно-муниципальных услуг.

Продолжение табл. 2/Continuation of Table 2

Ростовская область	Информационно - аналитическая система мониторинга и анализа социально-экономического развития Ростовской области	- создание и расширение аналитической базы данных полученных экономических показателей частно-предпринимательскими структурами; - обеспечение оперативной и актуальной информацией для обоснования управленческих решений в сфере государственно-частного взаимодействия.
	Региональный проект «Цифровое государственное управление»	- обеспечение режима упрощенного предоставления частным компаниям государственно-муниципальных услуг при снижении административных издержек; - увеличение спектра публичных услуг через сеть Интернет.
г. Севастополь	Департамент цифрового развития	- развитие цифровых сервисов и технологий цифровой среды «Умный город» и аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»; - координация деятельности по цифровому развитию государственно-частного партнерства.
	Управление информационной политики	- регулирование информационных потоков в структуре GR-коммуникаций.

Источник: сост. авт. по [17, с. 17; 18, с. 760; 19, с. 11; 20, с. 9; 21, с. 105-107].

В табл. 2 по каждому из субъектов РФ, составляющих территорию ЮФО, рассмотрены два варианта практических основ структурно-функционального усовершенствования государственно-частного взаимодействия с оптимальной реализацией перспективных бизнес-проектов при продуктивном предоставлении соответствующим частнопредпринимательским структурам государственно-муниципальных услуг в электронно-цифровом формате. При анализе и обобщении представленных в табл. 2 структурных компонентов государственно-предпринимательского партнерства следует выделить ряд факторов дальнейшего совершенствования продуктивного GR-менеджмента:

1. Деятельность совещательных органов при органах публичной власти с участием представителей регионального бизнес-сообщества.
2. Функционирование электронно-цифровых и автоматизированных систем предоставления государственно-муниципальных услуг при реализации частнопредпринимательских инициатив.
3. Создание микрофинансовых организаций и специализированных финансовых фондов государственной поддержки системы малого и среднего бизнеса.
4. Дальнейшее развитие деятельности региональных бизнес-инкубаторов.
5. Обеспечение цифровой трансформации государственно-частных коммуникаций.

Таким образом, посредством различных организационно-функциональных форм и эффективного электронно-информационного обеспечения на макрорегиональном уровне формируются перспективные формы практического воплощения государственно-частного взаимодействия. Посредством определения характера накопленного практического опыта предоставления поддержки структурам частного бизнеса со стороны органов публичной власти в системе регионального развития GR-партнерства обеспечивается дальнейшее усовершенствование процессов функционирования регионального бизнес-сообщества.

Список источников

1. Кайль Я. Я., Зудина Е. В., Ламзин Р. М. Инновационные образовательные технологии в преподавании экономических дисциплин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9. С. 41–46.
2. Korobov S. A., Moseiko V. O., Novoseltseva E. G., Epina V. S., Marusinina E. Yu. Application of the tools of cognitive analysis in formation of regional system of development of small and medium entrepreneurship // Contributions to Economics. 2017. P. 105–112.
3. Ключко Е.Н., Зелинская М.В. Совершенствование механизма государственно-частного партнерства как формы взаимодействия власти и бизнеса в строительной сфере // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6. С. 617–620.
4. Назарова О.И. Теоретические аспекты государственно-частного партнерства как формы взаимодействия бизнеса и власти в Республике Казахстан // Вестник Омского регионального института. 2019. №3. С. 224–226.

5. Трунова О. Д. Государственно-частное взаимодействие как основа информационной инфраструктуры агроинновационной системы // Российское предпринимательство. 2018. № 5. С. 1543–1564.
6. Бардулин Е. Н., Кудряшов В. С., Овчинников К. М. Поиск путей взаимодействия и развития государственно-частного партнерства в системе экономических отношений // Экономика и управление народным хозяйством. 2019. № 7. С. 60–66.
7. Козин М. Н., Радченко Е. П. Государственно-частное партнерство в продовольственном обеспечении уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: преимущества и формы взаимодействия // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. 2021. № 1. С. 16–19.
8. Ламзин Р. М. Социально-экономическое пространство межсекторного взаимодействия // Теоретична і прикладна економіка: збірник наукових праць. Варна: ЦНІІ «Парадигма», 2015. С. 156–160.
9. Пивень И. Г. Повышение эффективности корпоративного управления в рамках государственно-частного партнерства: аспекты информационного взаимодействия стейкхолдеров // Экономика и предпринимательство. 2020. № 2. С. 736–740.
10. Практика публичного управления социально-экономическими процессами на уровне муниципалитета: результативность и эффективность / Под ред. Я.Я. Кайля. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 244 с.
11. Разумовская Е. А., Гайнутдинов Б. А. Правовые аспекты применения механизма финансового взаимодействия государства и корпоративных финансов в формате государственно-частного партнерства // Право: история и современность. 2020. № 4. С. 116–124.
12. Устаев Р. М., Устаева М. Н. Взаимодействие органов власти и бизнес структур посредством государственно-частного партнерства в формате цифровой экономики // Актуальные проблемы экономики и управления. 2020. № 4. С. 66–69.
13. Шетов А. А. Теоретические основы GR-менеджмента как фактора повышения эффективности взаимодействия государства и общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4. С. 140–147.
14. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб./ Росстат. М., 2018.
15. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб./ Росстат. М., 2019.
16. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб./ Росстат. М., 2020.
17. Акобиров С. О. Использование государственно-частного партнерства для решения социальных задач: опыт взаимодействия государства и бизнеса в условиях пандемии // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1. С. 15–18.
18. Ачба Л. В., Ворона-Сливинская Л. Г., Воскресенская Е. В. Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре как форма взаимодействия государства и бизнеса // Экономика и управление. 2020. № 7. С. 759–765.
19. Казьмина И. В., Щёголева Т. В. Обоснование механизма взаимодействия виртуальных предприятий с производственными предприятиями технически сложной продукции на основе государственно-частного партнерства // Организатор производства. 2020. № 1. С. 7–16.
20. Малинин А. М., Мартынова Е. Ю., Погорельский П. П. Основные аспекты поддержки государственно-частного взаимодействия в процессах предоставления услуг жизнеобеспечения населению // Современные аспекты экономики. 2019. № 12-2. С. 6–19.
21. Сазонов С. П., Федотова Г. В., Харламова Е. Е. Финансовые механизмы формирования благоприятного имиджа территории. Волгоград: Изд-во ВГТУ, 2016. 227 с.

References

1. Kail Ya. Ya, Zudina E. V, Lamzin R. M. Innovative educational technologies in teaching economic disciplines. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017;(9):41-46. (In Russ.)
2. Korobov S. A, Moseiko V. O, Novoseltseva E. G, Epinina V. S, Marusinina E. Yu. Application of the tools of cognitive analysis in formation of regional system of development of small and medium entrepreneurship. *Contributions to Economics*. 2017:105–112.
3. Klocho E. N, Zelinskaya M. V. Improving the mechanism of public-private partnership as a form of interaction between government and business in the construction sector. *Jekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2020;(6):617–620. (In Russ.)
4. Nazarova O. I. Theoretical aspects of public-private partnership as a form of interaction between business and government in the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Omskogo regional'nogo instituta = Bulletin of the Omsk Regional Institute*. 2019;(3):224–226. (In Russ.)
5. Trunova O. D. Public-private interaction as the basis of the information infrastructure of the agro-innovation system. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2018;(5):1543–1564. (In Russ.)

6. Bardulin E. N, Kudryashov V. S., Ovchinnikov K. M. Search for ways of interaction and development of public-private partnership in the system of economic relations. *Jekonomika i upravlenie narodnym hozjajstvom = Economy and management of the national economy*. 2019;(7):60–66. (In Russ.)
7. Kozin M. N., Radchenko E. P. Public-private partnership in food supply of the penal system of the Russian Federation: advantages and forms of interaction. *Nauchnyj vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespechenija: voenno-nauchnyj zhurnal = Scientific Bulletin of the Volsk Military Institute of Material Support: a military scientific journal*. 2021;(1):16–19. (In Russ.)
8. Lamzin R. M. Socio-economic space of intersectoral interaction. In: *Teoretichna i prilozhna ikonomika: sbornik nauchni stati* [Theoretical and applied economics: collection of scientific stati]. Varna: Central Research Institute «Paradigma». 2015:156–160. (In Russ.)
9. Piven I. G. Improving the efficiency of corporate governance in the framework of public-private partnership: aspects of information interaction between stakeholders. *Jekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2020;(2):736–740. (In Russ.)
10. Kail Ya. Ya (ed.) *The practice of public management of socio-economic processes at the municipality level: efficiency and effectiveness*. Volgograd: Publishing House of Volga State University; 2017. 244 p. (In Russ.)
11. Razumovskaya E. A, Gainutdinov B. A. Legal aspects of the application of the mechanism of financial interaction between the state and corporate finance in the format of public-private partnership. *Pravo: istorija i sovremennost' = Law: history and modernity*. 2020;(4):116–124. (In Russ.)
12. Ustaev R. M., Ustaeva M. N. Interaction of authorities and business structures through public-private partnership in the digital economy format. *Aktual'nye problemy jekonomiki i upravlenija = Actual problems of economics and management*. 2020;(4):66–69. (In Russ.)
13. Shetov A. A. Theoretical foundations of GR-management as a factor in increasing the efficiency of interaction between the state and society. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2014;(4):140–147. (In Russ.)
14. Russian statistical yearbook. 2018: Statistical collection. Rosstat. M., 2018. (In Russ.)
15. Russian statistical yearbook. 2019: Statistical collection. Rosstat. M., 2019. (In Russ.)
16. Russian statistical yearbook. 2020: Statistical collection. Rosstat. M., 2020. (In Russ.)
17. Akobirov S. O. The use of public-private partnerships for solving social problems: the experience of interaction between the state and business in a pandemic. *Teoriya i praktika servisa: jekonomika, social'naja sfera, tehnologii = Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies*. 2021;(1):15–18. (In Russ.)
18. Achba L. V, Vorona-Slivinskaya L. G, Voskresenskaya E. V. Public-private partnership in transport infrastructure as a form of interaction between the state and business. *Jekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;(7):759–765. (In Russ.)
19. Kazmina I. V, Shchegoleva T. V. Substantiation of the mechanism of interaction of virtual enterprises with industrial enterprises of technically complex products on the basis of public-private partnership. *Organizator proizvodstva = Production organizer*. 2020;(1):7–16. (In Russ.)
20. Malinin A. M, Martynova E. Yu, Pogorelsky P. P. The main aspects of supporting public-private interaction in the provision of life support services to the population. *Sovremennye aspekty jekonomiki = Modern aspects of economics*. 2019;(12-2):6–19. (In Russ.)
21. Sazonov S.P, Fedotova G.V, Kharlamova E.E. *Financial mechanisms for the formation of a favorable image of the territory*. Volgograd: Publishing house of VSTU; 2016. 227 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Я. Я. Кайль – докт. экон. наук, проф. кафедры управления персоналом и экономики в сфере образования;
В. С. Епинина – канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента;
Р. М. Ламзин – канд. экон. наук, доц. кафедры управления персоналом и экономики в сфере образования

Information about the authors

Ya. Ya. Kail – Doctor of Economic Science, Professor of the Department of Personnel Management and Economics in Education;
V. S. Epinina – Candidate of Economic Science, Associate Professor of Department of Management;
R. M. Lamzin – Candidate of Economic Science, Associate Professor of Department of Personnel Management and Economics in Education.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 26.10.2021.

The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 26.10.2021

Научная статья

УДК 35.08

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-43-47

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Екатерина Александровна Попова¹, Екатерина Михайловна Медякова²,
Анастасия Игоревна Морозова³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Екатерина Александровна Попова, popova-eka@ranepa.ru

Аннотация. Авторами рассмотрены современные тренды профессионального развития государственных и муниципальных служащих с учетом влияния, оказываемого пандемией. Агрегация лимитирующих факторов процесса качественного управления трудовыми ресурсами в органах власти позволила сформировать модель персонального карьерного пути государственного и муниципального служащего.

Ключевые слова: карьера, государственная и муниципальная служба, профессиональное развитие, образование, цифровые навыки, профессионализм, оценка компетенций

Для цитирования: Попова Е. А., Медякова Е. М., Морозова А. И. Профессиональное развитие государственных и муниципальных служащих в условиях пандемии: проблемы и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 43-47. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-43-47>.

Problems of Management

Original article

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN PANDEMIC CONDITIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ekaterina A. Popova¹, Ekaterina M. Medyakova², Anastasia I. Morozova³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Ekaterina A. Popova, popova-eka@ranepa.ru

Abstract. The authors consider current trends in the professional development of state and municipal employees, taking into account the impact of the pandemic. The aggregation of limiting factors of the process of quality management of labor resources in the authorities has allowed to form a model of personal career path of a state and municipal employee.

Keywords: career, state and municipal service, professional development, education, digital skills, professionalism, competency assessment

For citation: Popova E. A., Medyakova E. M., Morozova A. I. Professional development of state and municipal employees in pandemic conditions: problems and prospects. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):43-47. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-43-47>.

Пандемия коронавируса внесла значительные изменения во все сферы жизни общества. Не является исключением и отрасль профессионального развития государственных и муниципальных служащих. Экстренный и массовый переход на удаленную работу, внедрение гибридных форм организации труда, использование гибких подходов к принятию управленческих решений, повсеместная цифровизация сфер и отраслей хозяйства определяют необходимость кадровых служб органов государственной и муниципальной власти искать новые подходы к профессиональному развитию работников органов власти.

Помимо внешних факторов, оказывающих влияние на развитие государственной и муниципальной службы, стоит учитывать и внутренние. Среди основных следует отметить системную работу в направлении обеспечения сотрудников необходимыми ресурсами для профессионального развития, применение проектного подхода и формирование проектных команд.

Все указанные тенденции определяют потребность в качественно новом подходе к организации образовательного процесса рассматриваемой категории работников. Однако учет данных трендов и использование современных инструментов при формировании модели профессионального развития государственных и муниципальных служащих связан с рядом проблем.

Во-первых, стоит отметить недостаточный уровень готовности большей части государственных и муниципальных служащих к работе в новых условиях. Прежде всего это связано с отсутствием требуемого уровня digital skills для организации совместной удаленной работы в цифровом пространстве, отсутствием хорошо проработанных навыков обработки big data, и, в связи с этим, минимальной гибкости в принятии управленческих решений. Эта проблема вышла на первый план в период пандемии, затронув не только сферу госуправления. Однако, именно государственные и муниципальные служащие сейчас являются базовым проводником информации, формируя с одной стороны имидж органа власти, с другой стороны предоставляя официальную информацию о реализации той или иной функции государства, оказывая государственные услуги. Потому профессиональное развитие именно этой группы работников сейчас как никогда ранее должно опираться на своевременную наработку и тренировку digital skills.

Во-вторых, при организации обязательного обучения государственных и муниципальных служащих имеет место проблема обучения не по тем направлениям, которые объективно необходимы каждому отдельному работнику, а по тем, которые выбираются усредненным методом на коллектив. Результатом становится получение не всегда тех знаний и навыков, в которых есть потребность у конкретного служащего, а тех, которые являются более общими и выбраны под большинство работников. Как следствие, не только обучение по «усредненным» программам, но и снижение заинтересованности служащего в качественном освоении программы. Таким образом, в случае развития кадрового потенциала государственных и муниципальных служащих подход на основе унификации образовательных программ и траекторий не является оптимальным, для более эффективного развития персонала требуется большая персонификация и индивидуализация в рассматриваемых процессах.

В-третьих, в период максимального развития цифрового пространства, внедрения и масштабирования новых форм обучения все еще часто наблюдается проблема использования традиционного пассивного обучения, также ориентированного на массы, но не на учет индивидуальных особенностей обучающихся. Как следствие, у служащих отсутствует возможность получения именно тех компетенций, которые необходимы каждому из них на различных этапах трудовой карьеры.

В-четвертых, отсутствие утвержденного профессионального стандарта в сфере государственной и муниципальной службы создаёт поле для вольных трактовок понимания требований к квалификационным характеристикам как для осуществления профессиональной деятельности, так и для подготовки качественно значимых программ дополнительного профобразования. В научной среде предпринимаются попытки сформировать требования к цифровым и иным компетенциям служащих [1; 2]. Однако законодательного закрепления в настоящее время нет. Конечно, есть опасения, что рамка потенциального профессионального стандарта государственных и муниципальных служащих породит определенные ограничения в части уровня образования, однако данные требования уже закреплены в федеральном законодательстве, и не должны ему противоречить. При этом создание стандарта позволит и претенденту заранее четко оценить свои возможности, знания и навыки для работы в должности, на которую планируется конкурс, и работодателю при проведении данного отбора осуществлять его по четким критериям. Такой профессиональный стандарт также поможет работодателю более четко определить требования к необходимым мерам для повышения компетентности сотрудников при построении их карьерограммы, а образовательным организациям – разрабатывать такие программы дополнительного профессионального образования, которые позволят убрать разрыв между теоретическими знаниями и практикой.

Также стоит отметить, что происходящая революционная перестройка спектра востребованных профессий вследствие тренда цифровизации, подстегнутого пандемией, переход к тем специальностям, которые еще недавно казались футуристическими, оказывает существенное влияние и на сферу государственного управления. Такие ожидаемые профессии, как GR-менеджер (government-relation), медиатор или координатор программ развития сообществ, уже оказывают влияние на набор требуемых компетенций претендента и должны изменить как спектр спроса и предложения образовательных услуг в рассматриваемой сфере, так и ожидания работодателя.

Указанные проблемные аспекты свидетельствуют о необходимости разработки и внедрения принципиально нового подхода к организации непрерывного образования рассматриваемой категории работников. Если ранее наблюдалась тенденция организации унифицированного корпоративного обучения, то сейчас требуется учет индивидуальных запросов при организации образовательной

деятельности. Таким инструментом может стать модель персонального карьерного пути государственного и муниципального служащего. Предлагаемая модель определяет набор действий, представляющих собой итерационный процесс, то есть с применением повторяющегося действия. Все происходящие действия не только базируются на такой последовательности операций, где результаты предыдущего этапа применяются для последующего, но сам цикл этих процессов не является замкнутым.

На первом этапе необходимо проводить оценку компетенций работника органа власти на предмет соответствия занимаемой должности с целью выявления «западающих» знаний, умений и навыков для каждого отдельного служащего. Однако лицам, проводящим мероприятия первого этапа, стоит понимать, какие конкретно знания, умения и навыки служащего действительно необходимы в разрезе современных трендов, чтобы сравнительные с некими эталонными показателями компетенции позволили выявить действительно значимые данные. Для этого нужно обязательное проведение ревизии показателей компетентности в преломлении на существующие группы должностей и создание некой базово-эталонной рамки компетенций. Возможно применение инструментов форсайт-сессий, позволяющих предложить ожидаемый образ будущего и необходимые для его воплощения меры.

Важнейшим условием качественного решения проблемы оценки компетенций работников является минимизация формального подхода, максимизация объективности и прозрачности. Служащий должен быть мотивирован на выявление и отражение тех слабых сторон, которые у него имеются на данный момент. Например, отсутствие знаний или digital skills для быстрой организации и участия в совместной удаленной работе в цифровом пространстве, – повод для направления служащего на обучение по соответствующей программе, а не причина применения к служащему каких-либо санкций. Именно такое позиционирование позволит не вуалировать реальную картину карты компетенций.

Учитывая работу кадровой службы в сфере государственного и муниципального управления с позиций системного подхода, не следует забывать такую характеристику любой модели, как гистерезис. Этот термин характеризует зависимость от текущего состояния и «предыстории» мгновенной реакции системы на примененные к ним усилия. При построении персонального карьерного пути это означает, что приложенные усилия служащего и/или представителя нанимателя, а также «стартовые» навыков и мотивированность на их получение будет линейно влиять на успешность карьерного пути. Если усилий всех субъектов построенного персонального карьерного пути окажется недостаточно, то динамика такого пути будет отрицательной, то есть такие минимально мотивированные действия или бездействия приведут к «карьерному тупику» или «карьерной петле». Оба сценария негативно скажутся на самом работнике, и новые навыки и знания такого работника стагнируются, довольно быстро потеряют актуальность.

В целях повышения эффективности деятельности служащих при формировании модели представляется целесообразным учитывать базовые принципы и компетенции, определение которых основано на анализе мирового опыта развития государственной службы.

К первой группе компетенций возможно отнести: профессионализм, добросовестность при выполнении должностных обязанностей, законопослушность и порядочность, справедливость при принятии управленческих решений, стремление к реализации потребностей высшего уровня в саморазвитии, социальном признании, а также практические навыки, связанные с коммуникативными способностями, такими как умение публично выступать, ясно и четко излагать свои идеи и т.д.

При формировании второй группы особое внимание уделяется развитию лидерских компетенций, которые связаны с клиентоориентированностью, ориентацией на конкретные показатели результативности и эффективности, умением создавать и работать в команде. Компетенции включаются в этап подбора и отбора кандидатов, а также служат ориентиром для формирования индивидуальных планов профразвития, учитывающих результаты оценочных процедур и место в рейтинге служащих и пожелания самих специалистов. Сформированные таким образом модели карьеры служащих будут способствовать выявлению талантов государственных и муниципальных служащих, повышать уровень персонификации образовательных траекторий.

Управление талантами [3] – один из современных подходов к развитию персонала, широко применяется в бизнес-структурах, однако в системе органов власти единой методологии и системного подхода по выявлению и поддержке талантов в настоящее время нет.

Министерством труда РФ¹ в 2018 году во исполнение п. 7 плана мероприятий по реализации Основных направлений развития государственной гражданской службы РФ на 2016 – 2018 годы

¹ Методика оценки показателей повышения эффективности и результативности работы кадровых служб федеральных органов исполнительной власти, включая показатели эффективности использования кадровых резервов // URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gosszluzhba/16/strategy/1> (дата обращения: 19.11.2021)

(утв. распоряжением Правительства РФ от 12 сентября 2016 г. № 1919-р), была разработана «Методика оценки показателей повышения эффективности и результативности работы кадровых служб федеральных органов исполнительной власти, включая показатели эффективности использования кадровых резервов». Однако среди показателей по процессу профессионального развития кадров отсутствует персонификация профессионального развития.

Перед органами власти поставлена задача создания «Плана организации мероприятий по профессиональному развитию кадров, предусматривающего организацию дополнительного профессионального образования и иных мероприятий по профессиональному развитию гражданских служащих», а также «Положения о наставничестве в федеральном органе исполнительной власти». После должен быть согласован алгоритм действий от оценки потребностей органов власти до проведения конкретных образовательных мероприятий. Далее предлагаются для анализа индикаторы, связанные с долей служащих, ежегодно участвующих в иных мероприятиях по профразвитию, долей служащих, удовлетворенных результатами освоения программ ДПО от общего числа прошедших обучение.

Следовательно, анализ представленной выше методики подтверждает отсутствие качественной работы по персонификации обучения и управлению талантами, которую возможно эффективно организовывать с использованием цифровых образовательных порталов, платформ открытого образования.

Важнейшим условием успеха реализации модели персонального карьерного пути государственного и муниципального служащего в современных условиях является применение единого цифрового ресурса, позволяющего провести комплексные мероприятия по подбору, отбору и обучению работников органов власти. В качестве платформы может быть использован официальный сайт государственной службы <https://gossluzhba.gov.ru/>. Внедрение цифровых технологий позволит осуществлять открытую кадровую политику органов власти и проводить качественную персонифицированную оценку компетенций служащих, а также претендентов на вакантные должности. Платформа может быть доработана с учетом актуальных запросов на применение современных методик подбора и отбора персонала.

На втором этапе по результатам выявленных индивидуальных потребностей профессионального и личностного развития предполагается подбор и модульное построение той программы образования, которая позволит максимально восполнить потребности каждого служащего. Программы могут полностью совпадать для нескольких человек, а могут содержать общую основную часть, но индивидуально построенные вариативные. Такой подход позволит получить образование с учетом объективных индивидуальных запросов. Наиболее удобным инструментом реализации модульного персонифицированного обучения может стать единая цифровая платформа, наполненная образовательными блоками с учетом вариативности запросов на развитие конкретных компетенций государственных и муниципальных служащих.

В-третьих, важнейшим условием успеха реализации индивидуализированной образовательной траектории развития служащего является применение современных форм обучения: кейс-стади, стратегические и форсайт-сессии, применение принципов перевернутого обучения, использование проектного подхода в решении образовательных задач. Максимальная вовлеченность служащих в решение образовательных задач, практикоориентированность обучения позволит повысить степень заинтересованности обучающихся в качественном получении знаний, умений и навыков.

Масштабное распространение в настоящее время получает институт менторства. Ментор является не просто формальным организатором образовательного процесса, это лицо, которое максимально вовлечено и заинтересовано в профессиональном и личностном развитии обучающихся. Это наставник, куратор, профессионал, целью деятельности которого является помощь в раскрытии индивидуальных способностей служащего, перестроении образовательной и карьерной траектории, разработке плана личного развития. Ментор может курировать несколько человек одновременно в микрогруппах, но формирование таких коллективов допускается только по итогам качественного анализа индивидуальных особенностей и запросов. К тому же ментор, а конкретно ментор стартапов, позиционируется как одна из профессий будущего в «Атласе новых профессий», что также может служить дополнительной мотивацией для участия в роли ментора и наработки навыков менторства.

Как результат, мы получим новый подход к разработке и реализации образовательной траектории развития государственного и муниципального служащего. Именно такой индивидуализированный учет запросов, основанный на максимально объективной и прозрачной системе оценки персонала, позволит уйти от простого формального обучения, реализуемого сейчас, к построению траектории, ориентированной на результат, на индивидуальный запрос и потребности.

Современные формы обучения, внедрение института менторства, формирование проектных команд, цифровизация образовательного процесса – именно такой системный подход позволит максимально заинтересовать служащих не просто в получении документа о дополнительном образовании, а в качественной вовлеченности в образовательный процесс, который будет соответствовать их запросам и ожиданиям.

Список источников

1. Карапетян Н. С., Каунов Е. Н. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 6. С. 993–1010. <https://doi.org/10.18334/ce.14.6.110503>
2. Сушкова И. В., Гаркавцева А. С. Цифровые компетенции государственных гражданских служащих Российской Федерации: современное состояние и направления развития // Регион: системы, экономика, управление. 2021. №2 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kompetentsii-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhaschih-rossiyskoy-federatsii-sovremennoe-sostoyanie-i-napravleniya> (дата обращения: 17.11.2021).
3. Андрейчук А. А. Система работы с талантами на государственной гражданской службе в России и за рубежом // Социально-экономические явления и процессы. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-raboty-s-talantami-na-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhbe-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 19.11.2021).

Referenses

1. Karapetyan N. S., Kaunov E. N. Transformation of the competences of civil servants in the context of the development of digital technologies. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2020;14(6):993–1010. <https://doi.org/10.18334/ce.14.6.110503> (In Russ.)
2. Sushkova I. V., Garkavtseva A. S. Digital competences of state civil servants of the Russian Federation: current state and development directions. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*. 2021;2(53). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kompetentsii-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhaschih-rossiyskoy-federatsii-sovremennoe-sostoyanie-i-napravleniya> [Accessed 17 November 2021]. (In Russ.)
3. Andreychuk A. A. The system of work with talents in the state civil service in Russia and abroad. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-economic phenomena and processes*. 2018;(4). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-raboty-s-talantami-na-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhbe-v-rossii-i-za-rubezhom> [Accessed 19 November 2021]. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Попова – докт. полит. наук, проф. кафедры государственного и муниципального управления.
Е. М. Медякова – канд. экон. наук, доц. кафедры международных экономических отношений.
А. И. Морозова – канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента.

Information about the authors

Е. А. Popova – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Administration.
Е. М. Medyakova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of International Economic Relations.
А. I. Morozova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 09.12.2021.

The article was submitted 23.11.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 09.12.2021

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Андрей Валерьевич Рачипа¹, Максим Александрович Васьков²,
Сергей Владимирович Бурмистров³

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

³Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
salon50@list.ru

¹rachipa@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4693-0126>

²vaskovmaxsim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8644-3720>

Аннотация. В настоящей статье анализируются вопросы, связанные с рассмотрением глобализации как фактора, оказывающего влияние на управление человеческими ресурсами в современной организации. Реализуя поставленную цель, авторы опираются на социокультурный подход, применяемый в менеджменте к управлению человеческими ресурсами (УЧР), который базируется на признании значимости человеческого фактора в рамках управления организацией глобального уровня. Рассматривается категория «организационная культура», приводятся данные, свидетельствующие в пользу преимуществ и недостатков в сфере международного УЧР, обозначаются ключевые составляющие УЧР в организациях глобального уровня.

Ключевые слова: глобализация, человеческие ресурсы, управление человеческими ресурсами, социокультурный подход, организационная культура, менеджмент, конкуренция, организации глобального уровня, международные отношения, рыночные стандарты, социокультурные факторы

Для цитирования: Рачипа А. В., Васьков М. А., Бурмистров С. В. Глобализация как фактор влияния на управление человеческими ресурсами в современной организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 48–53. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-48-53>.

Problems of Management

Original article

GLOBALIZATION AS A FACTOR OF INFLUENCE ON HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN A MODERN ORGANIZATION

Andrey V. Rachipa¹, Maxim A. Vaskov², Sergey V. Burmistrov³

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

³Rostov state economic university (RINH), Rostov-on-Don, Russia, salon50@list.ru

¹rachipa@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4693-0126>

²vaskovmaxsim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8644-3720>

Abstract. This article analyzes the issues related to the consideration of globalization as a factor influencing human resource management in a modern organization. Realizing this goal, the authors rely on the sociocultural approach applied in management to human resource management (HRM), which is based on the recognition of the importance of the human factor in the management of a global organization. The category of “organizational culture” is considered, data are presented that testify in favor of the advantages and disadvantages in the field of international HRM, the key components of HRM in the organizations of the global level are outlined.

Keywords: globalization, human resources, human resource management, sociocultural approach, organizational culture, management, competition, global organizations, international relations, market standards sociocultural factors

For citation: Rachipa A. V., Vaskov M. A., Burmistrov S. V. Globalization as a factor of influence on human resource management in a modern organization. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):48–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-48-53>.

В 80-е годы XX века сформировалась модель социально-политического управления. Данная концепция менеджмента была сформирована как ответ на кризис в системе социального управления. Модель современного менеджмента построена на принципах иерархической организации, бюрократических механизмах управления, политике администрирования. Отметим, что сегодня данная модель испытывает множество трансформационных изменений и факторов, в числе которых первостепенной является глобализация.

Глобализация выступает как важнейший фактор влияния на управление человеческими ресурсами в условиях растущей сложности и масштабности задач, связанных с процессом изменения условий конкуренции и инновационной интерпретацией источников конкурентных преимуществ глобального информационного общества [1]. И.В. Ильин и М.А. Каверин также отмечают, что тема глобальных процессов трансформации международных организаций, которые трансформируются в институты глобального управления, является весьма актуальной, поскольку на данные институты влияют различные факторы глобализации [2, с. 32].

Задачей организаций глобального уровня является создание и поддержание связей между составными частями организации через такие механизмы, как регулирование и управление. Под глобальным регулированием подразумевается процесс, который связан с организацией и контролем через мониторинг системы глобальной политики [2, с. 36]. Глобальное управление, как реакция на изменения в мировом масштабе, выступает в качестве совокупности формальных и неформальных институтов, а также рыночных механизмов, задачей которых является установить правила и нормы, а также решить внутриорганизационные конфликты [3].

По мнению Е.А. Федоровой, одно из важных направлений глобализации выступает как международное движение факторов производства и рабочей силы, так и увеличение количества финансовых операций, а также международная торговля [4, с. 189].

В рамках темы данной статьи важно подчеркнуть теоретико-методологическую значимость социокультурного подхода к управлению человеческими ресурсами, ставшего основой теорий организационной культуры. Кроме того, в настоящее время современный менеджмент опирается на теорию рационального выбора и рыночных установок, которые гласят, что выбор и обмен человеческими ресурсами обладает большими преимуществами и возможностями. Если мы обратимся к идеям Л. Тепи, то увидим, что данный исследователь считает, что все отмеченные преимущества выбора и обмена человеческими ресурсами включают в себя такие подходы, как количественный, аналитический, социальный, политологический, рыночный менеджериальный. Однако на все выделенные подходы оказывает существенное влияние экономический подход, направленный на управление человеческими ресурсами (УЧР) на предприятии [5].

Также в рамках теоретико-методологического подхода, применяемого в данной публикации, стоит обозначить такой подход в менеджменте, который базируется на признании значимости человеческого фактора в рамках управления организацией глобального уровня. Начиная с теории человеческих отношений, предложенной Э. Мэйо, согласно которой эффективность труда работников зависит от отношения к ним высшего руководства, теоретический менеджмент совершенствовал практики управления [6].

Отвечая поставленной цели в рамках заявленной темы, «глобализация как фактор влияния на управление человеческими ресурсами в современной организации», важно сказать о четырех движущих силах самого процесса глобализации [7, с. 176]:

- во-первых, глобальные рыночные силы, приводящие к усилению конкуренции в организации;
- во-вторых, глобальные технологические силы, приводящие к возникновению недорогих производственных мест в организации;
- в-третьих, силы глобальных затрат в силу появления новых конкурентных приоритетов в рамках современных рыночных стандартов;
- в-четвертых, политические и макроэкономические силы, оказывающие влияние на внутриорганизационные отношения и организационную культуру.

Глобализация международных корпоративных организаций – это, прежде всего, процесс глобализации экономики, что означает глобальное распространение рыночных механизмов и стандартов в глобальном масштабе. Эти механизмы, западные по своему происхождению, давно стали универсальными, однако это не означает полного единообразия. Универсальные элементы рыночной организационной культуры функционируют в разных социокультурных контекстах и признают значимость человеческого фактора [8].

Как показывают исследования, эффективность деятельности организации в условиях глобализации прямо либо косвенно, так или иначе, связаны с организационной культурой. Здоровая и

стабильная организационная культура любых организаций глобального уровня дает им многочисленные преимущества, среди которых можно отметить следующие: высокое качество обслуживания, эффективная работа сотрудников, сплоченный коллектив, нацеленность на достижение цели [9].

К одному из факторов выживания или не очень эффективной деятельности организации можно отнести организационную культуру. В условиях глобализации влияние данного фактора достаточно трудно доказать с точки зрения эмпирики, поскольку необходимо прибегнуть к лонгитюдному анализу глобальных рыночных стандартов, который вряд ли можно осуществить. Но можно отметить, что у таких международных фирм, как IBM, Procter & Gamble и McDonald' отмечается высокая степень конкурентного превосходства, что указывает на наличие сильной организационной культуры.

Стоит также отметить, что категория «организационная культура» отражает целостную картину взаимопереплетения и взаимопроникновения социокультурных составляющих всякой организации глобального уровня.

Существует множество определений организационной культуры в аспекте управления человеческими ресурсами. Организационная культура является частью культуры того общества, в котором существует, в связи с чем возможно вести речь о том, что она не является полностью автономной от внешней (глобальной) среды системой. Организационная культура включает в себя ценности, идеи и представления, а также правила поведения, на основе которых та или иная организация функционирует [10]. И здесь большое значение имеет человеческий фактор, который, по вполне объяснимым причинам, гораздо важнее материального и финансово-экономического. При этом, по мнению О.В. Бережной и Аль-Таифи Мохаммеда Абдулрахмана, наиболее подготовленный персонал дает возможность выпустить наиболее качественную продукцию, которая будет конкурентной среди других товаров, т.е. очевидно, что человеческие ресурсы качественными характеристиками [11, с. 17]. При этом данные исследователи, опираясь на научные источники, описали особенности УЧР, «которые формируют основу геоэкономического развития любой страны» и выделили девять ключевых признаков специфики управления человеческими ресурсами в организациях глобального уровня:

1. наличие интеллекта как в управляющей, так и в управляемой системах;
2. «соответствие целей и результатов управленческого влияния»;
3. «последствия управленческого влияния», детерминированного синергетическим эффектом;
4. время эксплуатации ЧР – как фактора, связанного с временными рамками трудовой жизни персонала организации;
5. фактор совпадения интересов, который может повлиять на УЧР, ослабив или усилив управление в организациях глобального уровня;
6. свобода передвижения (мобильность), так как изменения национальной и глобальной экономики зависят от передвижений человеческого и финансового капитала [11, с. 17-18];
7. выяснение организацией – каков уровень качества человеческих ресурсов путем использования дополнительных ресурсов [11, с. 18];
8. устойчивость качества человеческих ресурсов, на которую влияют различные факторы: технические и социально-экономические;
9. возможность саморазвития, которое позволяет повлиять на качество человеческих ресурсов и их конкурентоспособность [11, с. 18].

В рамках организации глобального уровня система управления человеческими ресурсами имеет такие преимущества, как адаптация персонала к различным условиям среды и разумное применение человеческих ресурсов.

Основными составляющими управления человеческими ресурсами в организациях глобального уровня являются:

- кадровая политика, найм сотрудников, их подбор и прием;
- приспособление, адаптирование нового сотрудника к сложившимся в организации нормам, правилам и требованиям, ознакомление его с профессиональными обязанностями;
- оценка деятельности сотрудника;
- организация обучения персонала, способствующего их профессиональному росту; стратегическое и карьерное планирование; стимулирование сотрудников;
- обеспечение техники безопасности и социальных гарантий; координация трудовых отношений;
- планирование трудового процесса; контроль трудовой деятельности, мотивирование сотрудников и т.д.

Таким образом, круг задач, осуществляемых в рамках управления человеческими ресурсами организации глобального уровня, очень широк. Он охватывает практически всю сферу межчеловеческих взаимодействий в рамках организации. Человеческие ресурсы – это сотрудники организации, ее человеческий капитал, который способен приносить прибыль предприятию и самим сотрудникам при эффективно налаженном управлении, с одной стороны, сочетающим интересы организации; с другой – интересы самих сотрудников.

Более ранние исследования, которые были посвящены управлению человеческими ресурсами в международных организациях, стремились решить вопросы кадровой политики, поскольку в рамках УЧР подбор и найм сотрудников играет важнейшее значение.

Статья Ч. Перлмуттера, которая касалась трех довольно разных подходов к формированию кадровой стратегии (этноцентрический, полицентрический и глобальный), была одной из первых зарубежных публикаций, связанных с кадровой политикой [12].

Что же представляют собой данные подходы? Какие у них преимущества и недостатки можно выделить?

Для получения ответа на поставленные вопросы, обратимся к публикации У.М. Манаповой, в которой проводится компаративный анализ кадровых политик в организациях глобального уровня с учетом обозначенных подходов.

Этноцентрический подход применяется транснациональными компаниями (ТНК), целью которых является интернационализация, которая обладает возможностью побороться с проблемой недостаточности квалифицированных кадров. Преимуществами данного подхода является единая организационная культура и сохранение ключевых ценностей организации, а также предотвращение проблемы недостатка кадров. Несоввершенством является то, что этноцентрический подход в сфере международного УЧР может обернуться культурным шоком для принимающей стороны [13, с. 191].

Согласно полицентрическому подходу к УЧР подразумевается, что организация глобального уровня подвержена найму и продвижению по карьерной лестнице тех сотрудников, которые являются гражданами принимающей страны. Достоинством данного подхода, напротив, является то, что он малозатратен и «предотвращает проявление проблемы «культурный шок», а в отношении недостатков наблюдается ограничение карьерной мобильности и отделение «родительской компании от зарубежных дочерних организаций» [13, с. 191].

Глобальный (геоцентрический) подход применяют ТНК с транснациональной ориентацией, стратегическим направлением которого является глобальная стандартизация, что позволяет весьма эффективно использовать человеческие ресурсы и создавать сильную организационную культуру [13, с. 190]. В плане недостатков же указываются существенные по экономическим меркам расходы на содержание человеческого капитала и проблемы, связанные с иммиграционной политикой в тех или иных странах, ставящей запрет на реализацию глобального подхода.

Таким образом, очевидно, что обозначенные подходы обладают как преимуществами, так и недостатками. В связи с этим ТНК стремятся подобрать наиболее оптимальные подходы [13, с. 190] для более эффективного использования человеческих ресурсов. Именно так ТНК смогут реализовать наиболее успешную политику управления человеческими ресурсами.

Как показывают данные исследований, долгосрочные экономические показатели организации глобального уровня зависят от организационной культуры [14]. При исследовании методов управления в 160 организациях в течение 10 лет было установлено, что организационная культура несет как положительный, так и отрицательный эффект – может повысить производительность или навредить ей. Финансовый рост и развитие карьерных стратегий наблюдается в организациях, которые обладают наиболее развитой культурой, которая нацелена на определенный результат. Также исследование показало, что социокультурные особенности организации глобального уровня, такие как принятие различных рисков: социальных, политических, экономических; эффективная внутренняя коммуникация и гибкость, – являются важными факторами, влияющими на индивидуальную производительность сотрудников. Кроме того, новаторство, продуктивность и способность к сотрудничеству, как и другие социокультурные факторы, также имеют положительные экономические последствия.

Несмотря на то, что культура способствует успеху организации, но не все аспекты организационной культуры вносят в этот успех одинаковый вклад. Было обнаружено, что влияние различных параметров неодинаково в разных регионах мира, и этот факт позволяет предположить, что на культуру организации глобального уровня в рамках УЧР влияют еще национальные социокультурные особенности.

Р.А. Долженко указывает на важную роль управления человеческими ресурсами и отмечает, что в настоящее время существует новое направление работы с человеческими ресурсами – People Data.

People Data – это «данные о людях», то направление, которое применяется в международных организациях. People Data – это такое направление, которое в рамках своей работы по принятию управленческих решений, позволяет анализировать как данные из внешней среды, так и данные внутри компании [15, с. 66].

Таким образом, глобализация является тем фактором, который сильнее всего влияет на управление человеческими ресурсами в организациях глобального уровня. При этом важно учитывать, что управление человеческими ресурсами в организациях глобального уровня – весьма сложная задача, поскольку эти организации нацелены на улучшение своих международных стратегий в области УЧР в целях сокращения экономических затрат и повышения конкурентоспособности. Применение комбинации разных подходов в рамках кадровой политики в организациях глобального уровня позволит эффективнее использовать человеческие ресурсы и проводить успешную политику в области УЧР.

Список источников

1. Karapetyan E. A., Gafiatulina N. Kh., Efimova V. M., Yaksa N. V., Luginina A. G., Prokhorenko O. N. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // *Revista Gênero e Direito*. 2020. Т. 9. № 4. С. 830-845.
2. Ильин И. В., Каверин М. А. Вопросы преобразования международных организаций в институты глобального управления // *Век глобализации*. 2014. №2. С. 32-38.
3. Karns M., Mingst K., Stiles K. *International Organization: The Politics and Processes of Global Governance*. Third edition. Copyright, 2015. 671p.
4. Tepy L. Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement // *Public Administration. Review*. 1998. Vol. 58. №2. P. 83.
5. Федорова Е. А. Глобализация и ее влияние на управление человеческими ресурсами в российских компаниях // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2017. №12. С. 189-193.
6. Popov A. V., Rachipa A. V., et al. Specificity of explication of the category «management decisions» and scientific-methodological approaches for their development // *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6. №2. Pp. 215-224.
7. Птрушев В. С. Глобализация как фактор управления человеческими ресурсами // *Успехи современной науки*. 2016. №12. Т. 4. С. 175-178.
8. Бурмистров С. В., Волочай А. В., Самыгин С. И. Мотивы трудовой деятельности в системе управления персоналом организации // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. №9. С. 26-29.
9. Nesmeyanov E. E., Kharlamova G. S., et al. Getting the experience of culture: from theory of activity to synergy anthropology // *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019. Т. 8. № 3.1. С. 326-331.
10. Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov, Valery Kasyanov, et al. Value orientations of Russian youth in the system of managing the moral security of society // *Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts*. 2018. №2. С. 134-140.
11. Бережная О. В., Аль-Таифи Мохаммед Абдулрахман. Управление человеческими ресурсами в условиях глобализации: национальный и корпоративный уровень // *Ceteris paribus*. 2016. №9. С. 16-20.
12. Perlmutter H. The Tortuous Evolution of the Multinational Corporation // *Columbia World Journal of Business*. 2009. P. 9-18.
13. Манапова У. М. Управление человеческими ресурсами в транснациональных корпорациях // *Научный журнал «Апробация»*. 2015. №12 (39). С. 190-191.
14. Belov M. T., Vaskov M. A., Vorobyev G. A., Burmistrov S. V., Samygin S. I. Specifics of managerial competencies in the context of managing the personnel of an educational organization / In the book: *Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region*. Ser. «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 291-298.
15. Долженко Р. А. People Data («данные о людях») как новое направление работы с человеческими ресурсами // *Вестник Омского университета*. 2019. Т. 17. №1. С. 63-72.

References

1. Karapetyan E.A., Gafiatulina N.Kh., Efimova V.M., Yaksa N.V., Luginina A.G., Prokhorenko O.N. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society. *Revista Gênero e Direito*. 2020;9(4):830-845.

2. Ilyin I.V., Kaverin M.A. Issues of transformation of international organizations into institutions of global governance. *Vek globalizacii = The age of globalization*. 2014; (2): 32-38. (In Russ.)
3. Karns M., Mingst K., Stiles K. *International Organization: The Politics and Processes of Global Governance*. Third edition. Copyright, 2015.
4. Tepy L. Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement. *Public Administration. Review*. 1998;58(2):83.
5. Fedorova E.A. Globalization and its impact on human resource management in Russian companies. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice*. 2017;(12):189-193. (In Russ.)
6. Popov A.V., Rachipa A.V. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development. *Revista Inclusiones*. 2019;6(2):215-224.
7. Ptrushev V.S. Globalization as a factor of human resource management. *Uspekhi sovremennoj nauki = Successes of modern science*. 2016;12(4):175-178. (In Russ.)
8. Burmistrov S.V., Volochai A.V., Samygin S.I. Motives of labor activity in the personnel management system of an organization. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2019;(9):26-29. (In Russ.)
9. Nesmeyanov E.E., Kharlamova G.S. Getting the experience of culture: from theory of activity to synergy anthropology. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019;8(3.1):326-331.
10. Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov, Valery Kasyanov Value orientations of Russian youth in the system of managing the moral security of society. *Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts*. 2018;(2):134-140.
11. Berezhnaya O.V., Al-Taifi Mohammed Abdulrahman Human resource management in the context of globalization: national and corporate level. *Ceteris paribus*. 2016;(9):16-20.
12. Perlmutter H. The Tortuous Evolution of the Multinational Corporation. *Columbia World Journal of Business*. 2009:9-18.
13. Manapova U.M. Human resource management in transnational corporations. *Scientific journal "Approbation"*. 2015;12 (39):190-191.
14. Belov M.T., Vaskov M.A., et al. Specifics of managerial competencies in the context of managing the personnel of an educational organization. *In the book: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. «Contributions to Economics»*. Switzerland, 2020:291-298.
15. Dolzhenko R.A. People Data («data about people») as a new direction of work with human resources. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2019;17(1):63-72. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Рачипа – докт. социолог. наук, проф.;
 М. А. Васьков – докт. социолог. наук, проф.;
 С. В. Бурмистров – канд. экон. наук, доц.

Information about the authors

A. V. Rachipa – Doctor of Sociological Sciences, Professor;
 M. A. Vaskov – Doctor of Sociological Sciences, Professor;
 S. V. Burmistrov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2021; одобрена после рецензирования 22.11.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted 06.11.2021; approved after reviewing 22.11.2021; accepted for publication 23.11.2021

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУРАХ

Владимир Викторович Тарновский¹, Андрей Витальевич Полянин²,
Людмила Ивановна Кулакова³

¹Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратов, Россия, vladimir-tarnovskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1855-7523>

²Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел, Россия, polyanin.andrei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1158-6898>

³Дальневосточный филиал Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Петропавловск-Камчатский, Россия, milakul2606@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4130-5954>

Аннотация. Авторами сформирована схема группового организационного поведения в социально ориентированной предпринимательской структуре, в которой все компоненты тесно взаимосвязаны между собой, и их необходимо рассматривать в едином комплексе элементов и параметров, дающих представление о поведении всех сотрудников организации. Несколько групп, сформировавшихся в социально ориентированной предпринимательской структуре совместно с групповым и межгрупповым коммуникационным взаимодействием, функционирующими взаимосвязями отдельных участников и целых групп образуют групповую структуру организационного поведения. Авторами проведена трансформация базовых элементов на основе «пирамиды Эдгара Шейна» по формированию организационной культуры в организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность. Структурированы формы и виды коммуникационного взаимодействия в социально ориентированной предпринимательской структуре. Сформирована авторская матрица парадигм управления в экономической и социальной системах, которая наглядно демонстрирует, что в зависимости от трансформации отношения к человеку в кадровой политике и переходе из экономической плоскости в социально-экономическую будет изменяться инструментарий работы с сотрудниками, а соответственно изменится ландшафт организационной культуры, что приведет к преобразованием в организационном поведении и модификациям коммуникационного взаимодействия.

Ключевые слова: организационное поведение, управление, командный менеджмент, организационная культура, предпринимательство

Для цитирования: Тарновский В. В., Полянин А. В., Кулакова Л. И. Особенности организационного поведения в социально ориентированных предпринимательских структурах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 54–59. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-54-59>.

Problems of Management

Original article

FEATURES OF ORGANIZATIONAL BEHAVIOR IN SOCIALLY ORIENTED ENTREPRENEURIAL STRUCTURES

Vladimir V. Tarnovsky¹, Andrey V. Polyanin², Lyudmila I. Kulakova³

¹Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia, vladimir-tarnovskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1855-7523>

²Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia, polyanin.andrei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1158-6898>

³Far Eastern Branch of All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, milakul2606@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4130-5954>

Abstract. The authors have formed a scheme of group organizational behavior in a socially oriented entrepreneurial structure, in which all components are closely interconnected, and they must be considered in a single complex of elements and parameters that give an idea of the behavior of all employees of the organization. Several groups formed in a socially oriented entrepreneurial structure together with group and intergroup communication interaction, functioning relationships of individual participants and whole groups form the group structure of organizational behavior. The authors carried out the transformation of the basic elements on the basis of the "Edgar Shein pyramid" for the formation of organizational culture in an organization carrying out entrepreneurial activity. The forms and types of communication interaction in a socially oriented entrepreneurial structure are structured. The author's matrix of management paradigms in economic and social systems has been formed, which clearly demonstrates that, depending on the transformation of attitudes towards a person in personnel policy and the transition from the economic plane to the socio-economic one, the tools for working with employees will change, and accordingly the landscape of organizational culture will change, which will lead to a transformation in organizational behavior and modifications of communication interactions.

Keywords: organizational behavior, management, team management, organizational culture, entrepreneurship

For citation: Tarnovsky V. V., Polyanin A. V., Kulakova L. I. Features of organizational behavior in socially oriented entrepreneurial structures. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):54–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-54-59>.

Специфика деятельности социально ориентированной предпринимательской структуры заключается в дуальности подходов по получению предполагаемых результатов. С одной стороны, любая предпринимательская структура стремится к максимизации доходов, а, с другой стороны, социальная ориентация предполагает получение социального эффекта и распределение общественных благ [1]. Таким образом, акцент в организации деятельности смещается с управления непосредственно производственным процессом в сторону организационного поведения в деятельности предпринимательской структуры. В частности, на первый план выходят такие элементы организационного поведения, как нематериальное стимулирование и групповое коммуникационное взаимодействие, направленные по получению социального эффекта и оптимизации коммерческий деятельности с целью недопущения снижения прибыльности предпринимательского процесса.

Авторами проведена трансформация базовых элементов на основе «пирамиды Эдгара Шейна» [2] по формированию организационной культуры в организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность (рис. 1). Верхний и нижний уровень пирамиды не претерпевают существенных изменений при социальной ориентации предпринимательской структуры. Средний элемент – такой, как «поведение и действие» – существенно трансформируется и будет направлен на создание общественных благ и удовлетворение общественных потребностей. Следует отметить, что существенным отличием социально ориентированных предпринимательских структур от других будет то, что организационное поведение формируется на основе выполнения гражданского долга по производству и распределению общественно полезных благ, а также удовлетворению социальных потребностей индивидов и определенных групп.

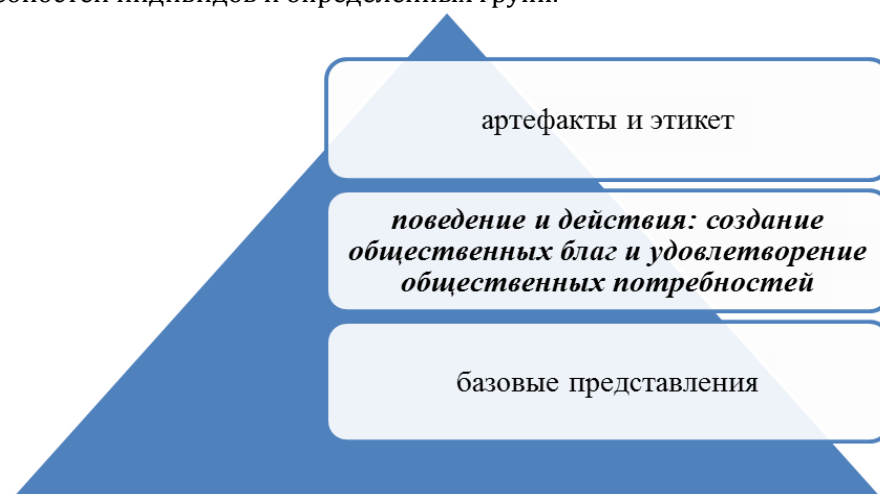

Рис. 1. Организационная культура в социально ориентированной предпринимательской структуре на основе «пирамиды Эдгара Шейна»

Fig. 1. Organizational culture in a socially oriented entrepreneurial structure based on the "Edgar Schein pyramid"

Изменение организационного поведения и действий сотрудников в социально ориентированной предпринимательской структуре формирует иной порядок коммуникационного взаимодействия с трансформированием типовых форм группового поведения в организации. В данном случае группа как общность определенных сотрудников формирует коммуникационное взаимодействие, направленное на удовлетворение общественных благ, при этом в группе каждый сотрудник оказывает влияние на других и находится под их воздействием [3]. При правильном коммуникационном взаимодействии проявляются синергетические и мультиплексные эффекты [4], которые проявляются в том, что группа, объединенная общественно значимой целью, работает лучше, чем любая другая группа, а также внутреннее управление в такой группе может осуществлять неформальными лидерами без координационной роли официального руководителя.

Если рассматривать формы коммуникационного взаимодействия сотрудников предпринимательских структур, то в первую очередь необходимо выделить внутригрупповые и межгрупповые формы (рис. 2). В тоже время существуют системные, внутрисистемные и межличностные формы коммуникационного взаимодействия, которые оказывают незначительное влияние на достижение общественно значимых целей, но в то же время всегда сопутствуют формам, играющим ведущую роль.

Рис. 2. Формы и виды коммуникационного взаимодействия

Fig. 2. Forms and types of communication interaction

Внутригрупповые и межгрупповые коммуникации позволяют участвовать в процессе создания общественных благ, а главное – присутствует признак доступности всех участников к данному процессу, то есть происходит эксплицирование чувств, эмоций и действий по отношению к производственному процессу в предпринимательской структуре. Также следует отметить: есть предметность и рефлексивность в действиях сотрудников, что повышает степень нематериального стимулирования их деятельности в общественно полезном процессе [5]. Все это усиливается ситуативностью, то есть коммуникационное взаимодействие происходит в конкретной ситуации и способствует пониманию воздействия на объект приложения усилий в социально ориентированной предпринимательской структуре посредством взаимодействия индивидов. Таким образом, субъективно процесс коммуникационного взаимодействия относится к осознанным действиям сотрудников по созданию общественных ценностей, а объективная сторона процесса состоит в создании взаимосвязей и взаимозависимости отдельных сотрудников и сформированных ими групп [6]. Также следует

отметить, что в социально ориентированных предпринимательских структурах коммуникационное взаимодействие усиливается, так как к взаимодействию в рамках организационной структуры и в процессе производства для создания социального эффекта добавляются личностно-психологические коммуникации сотрудников, основанные на общих общественных целях. Посредством положительной обратной связи между лицами, участвующими в межгрупповом и внутригрупповом взаимодействии, достигается приращение социального эффекта.

Особо следует отметить, что функции организационного поведения довольно широко представлены в научной литературе. Но в социально ориентированной предпринимательской структуре нами выделяется отдельная, центральная (ядерная) функция в организационном поведении – интегрирующая. Ее суть состоит в формировании у сотрудников чувства единства по достижению общественно значимой цели, общности и принадлежности к организации, создающей общественные блага. Именно интегрирующая функция (в отличие от других предпринимательских структур) выступает основой всех остальных функций организационного поведения в социально ориентированной предпринимательской структуре. Она создает платформу [7] для реализации мотивационной, ориентирующей, охранной, адаптивной, имиджевой и регулирующих функций посредством реализации причастности к достижению общественно значимой цели.

Таким образом, цель и задачи, выполняемые социально ориентированной предпринимательской структурой, выражаются через единую мотивационную сферу организационного поведения посредством группового и межгруппового коммуникационного взаимодействия и являются структурированной общественными потребностями и выраженной в общественной значимости создания благ [8]. Переход из чисто экономической плоскости с социально-экономическую при трансформации отношений от «человек-ресурс» к «человек-личность» формирует новую парадигму управления людьми в организации и строится на принципах социального командного менеджмента (рис. 3)

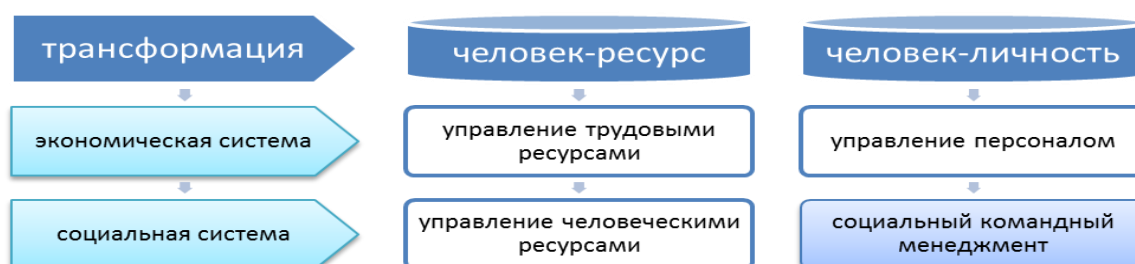

Рис. 3. Матрица парадигм управления в экономической и социальной системах

Fig. 3. Matrix of management paradigms in economic and social systems

Данная матрица имеет теоретическое значение с точки зрения разграничения понятий и формирования категориального аппарата. На практике вышеуказанные системы управления дополняются друг другом и пересекаются, формируя для каждой организации индивидуальные набор элементов из различных систем. Причинами такого практического воплощения являются особенности организационной структуры, стиль руководства, кадровая политика, формы и системы оплаты труда и многое другое [9]. В то же время матрица наглядно демонстрирует, что в зависимости от трансформации отношения к человеку в кадровой политике и перехода из экономической плоскости в социально-экономическую будет изменяться инструментарий работы с сотрудниками, а соответственно, изменится ландшафт организационной культуры, что приведет к преобразованиям в организационном поведении и модификациям коммуникационного взаимодействия. В итоге смещение в правый нижний угол матрицы усилий и средств приведет к ускорению ориентации людей в их служебной деятельности с ориентацией на непрерывное продуктивное изменение личности и в последующем – созданию общественных благ на основе приращения социального эффекта.

Коммуникационное групповое взаимодействие с использованием основного инструментария социального командного менеджмента формирует «групповое организационное поведение» в социально ориентированной предпринимательской структуре (рис. 4).

Все приведенные авторами компоненты группового организационного поведения в социально ориентированной предпринимательской структуре тесно взаимосвязаны между собой, их необходимо рассматривать в едином комплексе элементов и параметров, дающих представление о поведении всех сотрудников организации. Несколько групп, сформировавшихся в социально ориентированной предпринимательской структуре совместно с групповым и межгрупповым коммуникационным взаимодействием, функционирующими взаимосвязями отдельных участников и целых групп образуют групповую структуру организационного поведения. При успешном управлении этой структурой появляется возможность приращения как коммерческого, так и социального эффекта.

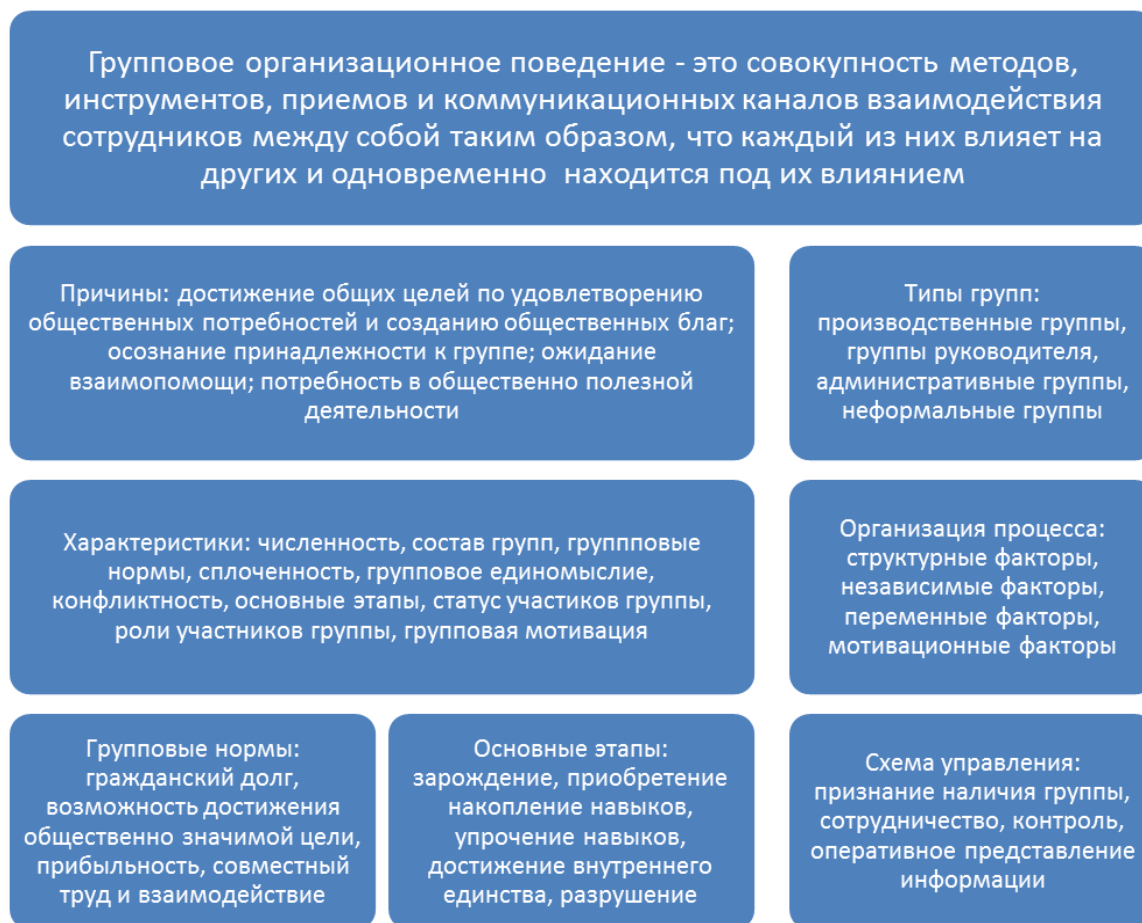

Рис. 4 – Групповое организационное поведение

Fig. 4 – Group organizational behavior

Список источников

1. Авдеева И. Л., Головина Т. А., Полянин А. В. Государственное регулирование приоритетных направлений предпринимательства в условиях цифровой экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 13–21.
2. Данилова Н. Е., Караева Е. Н., Коргина О. А. Реализация кадровой политики предприятия в современных условиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2018. № 22 (4). С. 45–55.
3. Белолипецкая А. Е., Головина Т. А., Данилова Н. Е. Управление персоналом в условиях цифровизации экономических процессов // Экономика и предпринимательство. 2020. № 1 (114). С. 715–718.
4. Головина Т. А. Методический подход к адаптивному управлению промышленными экономическими системами на основе диагностики слабых сигналов о кризисной ситуации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 4-1. С. 160–168.
5. Барсуков Д. П., Полянин А. В., Соболева Ю. П. Алгоритм создания социально ориентированной предпринимательской структуры // Петербургский экономический журнал. 2019. № 2. С. 112–120.
6. Докукина И. А., Полянин А. В., Попова О. В. Формирование механизма управления развитием предпринимательства в условиях создания свободной экономической зоны // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 5 (46). С. 196–199.
7. Суровнева А. А., Полянин А. В., Головина Т. А. Особенности менеджмента некоммерческих организаций // Труд и социальные отношения. 2017. № 4. С. 33–48.
8. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ.: Жильцов С., Чех А. Под ред. В. А. Спивака. СПб: Питер, 2002. 336 с.
9. Третьякова Л. А., Бессонова М. А., Трофименко Е. Н. Сущность категории "трудовой потенциал": социально-экономический аспект // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 34 (361). С. 2–10.

References

1. Avdeeva I. L. State regulation of priority areas of entrepreneurship in the digital economy. In: *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2018;(4):13-21. (In Russ.)
2. Danilova N. E. Implementation of the personnel policy of the enterprise in modern conditions. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural and humanitarian research*. 2018;22(4):45-55. (In Russ.)
3. Belolipetskaya A. E. Personnel management in the context of digitalization of economic processes. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2020;1(114):715-718. (In Russ.)
4. Golovina T. A. Methodical approach to adaptive management of industrial economic systems based on diagnostics of weak signals of a crisis situation. In: *Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta = Economic and legal sciences. Bulletin of the Tula State University*. 2014;(4-1):160-168. (In Russ.)
5. Barsukov D. P. Algorithm for creating a socially oriented entrepreneurial structure. *Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal = Petersburg economic journal*. 2019;(2):112-120. (In Russ.)
6. Dokukina I. A. Formation of a mechanism for managing the development of entrepreneurship in the context of the creation of a free economic zone. In: *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye humanitarnye issledovaniya = Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanities Research*. 2015;5(46):196-199. (In Russ.)
7. Surovneva A. A. Features of the management of non-profit organizations. In: *Trud i social'nye otnosheniya = Labor and social relations*. 2017;(4):33-48. (In Russ.)
8. Shane E. H. *Organizational culture and leadership*. Spivak V. A. (ed.) Transl. by Zhil'tsov S., Chekh A. Sankt-Peterburg: Piter; 2002. 336 p. (In Russ.)
9. Tretyakova L. A. The essence of the category "labor potential": socio-economic aspect. In: *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economics: theory and practice*. 2014;34(361):2-10. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Тарновский – канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента организации;
А. В. Полянин – докт. экон. наук, проф. кафедры менеджмента и государственного управления;
Л. И. Кулакова – канд. экон. наук, доц., декан экономического факультета.

Information about the authors

V. V. Tarnovsky – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Organization Management;
A. V. Polyanin – Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Public Administration;
L. I. Kulakova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021; одобрена после рецензирования 21.10.2021; принята к публикации 23.10.2021.

The article was submitted 04.10.2021; approved after reviewing 21.10.2021; accepted for publication 23.10.2021.

Научная статья

УДК 334.021.1

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-60-64

ТРЕНДЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Галина Геннадьевна Уварова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, 2188799@mail.ru

Аннотация. Повышение эффективности деятельности органов государственного управления в условиях цифровой экономики имеет свою специфику, стратегии и подходы в этом контексте основаны, в первую очередь, на качестве получения, обработки данных их интерпретации и применении выводов для непрерывного совершенствования управленческих процессов. При этом сами по себе цифровые технологии и их применение не являются самоцелью и не гарантируют улучшения результатов деятельности. Только в случае их органичной интеграции в релевантную систему управления, на основе соответствующих организационных мер, эти инструменты становятся фактором повышения эффективности. В силу существенной роли внешних условий в обеспечении возможностей для цифровой трансформации институциональных единиц, особую значимость приобретает деятельность институтов государственной власти, формирующих социально-экономический, правовой, научно-технологический фундамент для проактивной и реактивной цифровизации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственное управление, цифровой офис, экономика, инновационные технологии, эффективность деятельности

Для цитирования: Уварова Г. Г. Тренды цифровой трансформации деятельности органов государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 60–64. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-60-64>.

Problems of Management

Original article

TRENDS IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF GOVERNMENT

Galina G. Uvarova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, 2188799@mail.ru

Abstract. Improving the efficiency of public administration in the digital economy has its own specificity, strategies and approaches in this context are based primarily on the quality of the acquisition, processing of interpretation data and the application of conclusions for the continuous improvement of management processes. At the same time, digital technologies themselves and their use are not an end in themselves and do not guarantee improvement in performance. Only if they are integrated organically into the relevant management system, on the basis of the relevant organizational measures, do these tools become a factor of efficiency. Due to the significant role of external conditions in providing opportunities for the digital transformation of institutional units, the activities of state authorities, which form the socio-economic, legal, scientific and technological foundation for proactive and reactive digitalization, are of particular importance.

Keywords: digital transformation, public administration, digital office, economy, innovative technologies, efficiency

For citation: Uvarova G. G. Trends in the digital transformation of government. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):60–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-60-64>.

В условиях глобальной трансформации экономических систем трансфер технологий стал играть значимую роль. На текущем этапе развития общества современные цифровые технологии активно проникают во все сферы жизни и оказывают с каждым днем все более существенное влияние на социальные, политические, экономические процессы [1, с. 587]. Россия позже крупнейших западных экономик встала на путь цифровой трансформации. Вместе с тем, имея профессиональную

экспертизу и кадры в области разработки программного обеспечения и автоматизации, Россия смогла быстро нарастить темпы цифровизации, создавая инфраструктурные инновации и оказывая серьезное технологическое влияние на мировой рынок в целом¹.

Сегодня в нашей стране информационно незрелые организации, рынки, территории и целые классы отношений существуют параллельно с глубоко технологизированными и более эффективными, выступая своеобразным "узкими местами" общественного производства, ограничивающими пропускную способность и возможности развития всей экономической системы [2, с. 15]. К основным направлениям развития цифровой экономики [3, с. 310–311], закрепленным национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации»² были отнесены, в том числе: проведение исследований и разработок для создания платформ для независимых участников рынка, обменивающихся продукцией или опытом; подготовка кадров для цифровой экономики - создание сервисов для формирования цифровой грамотности пользователей с возможностью применения теории в практических ситуациях; система информационной безопасности, которая предусматривает применение отечественных разработок при обеспечении кибербезопасности. Очевидно, что все эти новшества необходимо вписать в проекты цифровизации бизнеса [4, с. 208–209], цифровой трансформации органов управления [5, с. 26], государственных и муниципальных предприятий, учитывая главные факторы успеха цифровой трансформации: наличие стратегического плана, четкое управление преобразованиями, внедрение ценностей и принципов «цифровой культуры», которые, в противовес локальной цифровизации, влияют на успешную цифровую трансформацию, подразумевающая гармоничное развитие сразу по всем указанным направлениям.

Цифровая культура – набор принципов и ценностей в корпоративной культуре, характеризующих использование информационно-коммуникационных цифровых технологий для взаимодействия с обществом и решения задач в профессиональной деятельности³.

Цифровую культуру называют одним из ключевых факторов успеха цифровой трансформации, поскольку эффективная цифровая трансформация невозможна без развития компетенций специалистов: как общих профессиональных качеств, так и знаний для работы с новыми технологиями и новыми методами [6, с. 33]. Так, например, официальная статистика, используя преимущества новых технологий и эффективного производства, в ближайшие несколько лет, как предполагается⁴, достигнет основных целей, поставленных перед ней обществом и государством. Единство подходов и методов сбора, обработки и распространения данных для всех органов власти – обязательное условие эффективной работы статистической системы в стране. Изменяющийся спрос на данные требует непрерывного выявления потребностей пользователей, и каждое новое статистическое обследование может отличаться от предыдущего по своему содержанию. Собирать и обрабатывать следует только те данные, которые будут действительно применяться для выработки значимых решений. Для определения потребностей и их приоритизации необходимо иметь постоянную обратную связь со всеми категориями пользователей.

Потребность федеральных органов власти подробно изучается через механизм федерального плана статистических работ⁵, актуализация которого проводится при их непосредственном участии. Однако при мониторинге документов стратегического планирования используются не только показатели официальной статистики, но и различные ведомственные оценки: доля официальных статистических показателей в государственных программах не превышает 50 %. Спрос других категорий пользователей исследуется нерегулярно либо не изучается совсем. К примеру, потребности региональных органов власти и органов местного самоуправления, по их мнению, удовлетворяются лишь частично. И это несмотря на то, что 75 % работ федерального плана имеют региональный

¹ Цифровая трансформация в России – 2020. Обзор и рецепты успеха [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения: 15.09.2021)

² Государственная программа "Цифровая экономика Российской Федерации". Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

³ Цифровая трансформация в России – 2020. Обзор и рецепты успеха [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения: 22.09.2021)

⁴ Стратегия развития российской статистики 2024. Стратегия 2.0 (проект)// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Xk2Q6QbN/strateg-2-0.pdf> (дата обращения: 19.09.2021)

⁵ Федеральный план статистических работ, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р (с учетом изменений, внесенных распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.08.2021 № 2342-п// <https://rosstat.gov.ru/folder/462>

разрез, а в базе данных муниципальной статистики¹ содержится более 200 показателей. Ситуация усугубляется запретом на доступ к информации, косвенно идентифицирующей респондента, что приводит к закрытию части официальной статистики на региональном уровне. Как результат, регионы и муниципалитеты проводят собственные неофициальные обследования, порождая дополнительную отчетную нагрузку на бизнес. Создание параллельных «статистических реальностей» как на федеральном, так и на региональном уровнях препятствует объективному и качественному мониторингу социально-экономического развития.

При этом использование новых технологий неизбежно усложняет производственные процессы. Росстат уже применяет инструменты повышения внутренней эффективности, характерные для бизнес-структур. Формируется культура непрерывного совершенствования внутренних процессов путем устранения потерь на всех этапах. Применяются инструменты бережливого производства (lean production) для повышения эффективности статистических процессов. Накопленный опыт внутренней трансформации готов к масштабированию и применению в системе государственного управления. Специалисты цифровых команд должны обладать знаниями и компетенциями, необходимыми для процессного управления и управления изменениями при использовании цифровых технологий в государственном и муниципальном управлении. В этом могла бы помочь так называемая «цифровизация офиса»², предполагающая использование современных возможностей и моделей применения базовых технологий, отвечающих специфическим запросам руководства информационных служб, пользователей и сотрудников IT-отделений [7, с. 247]. Использование цифровых технологий в современном офисе применяется для решения трех основных проблем:

1) обеспечения гибкости бизнеса – переход на условия цифрового офиса реализует специализированные программы, позволяющие упростить структуру корпоративных IT-систем и внедрить прогрессивный инструментарий управления клиентскими системами. Благодаря таким мерам высвобождаются IT-ресурсы на осуществление бизнес-процессов, дающих более высокую прибыль;

2) разработки схем взаимодействия сотрудников с корпоративными системами. Применение современных коммуникаций повышает конкурентоспособность компаний, поскольку их сотрудники более оперативно получают необходимую деловую информацию и максимально эффективно взаимодействуют с клиентами и коллегами;

3) защиты бизнеса. Цифровизация офиса сокращает риск кибератак, а разработка специализированных инструментов не только повышает продуктивность работы сотрудников и позволяет более эффективно планировать использование IT-ресурсов, но и обеспечивает более высокую степень защиты клиентских платформ и данных.

Инициативы по созданию «цифрового офиса» в системе органов государственного и муниципального управления могут кардинально изменить все уровни работы структурных подразделений, предоставляя широкий перечень возможностей: сотрудникам, которые смогут воспользоваться более совершенными механизмами поддержки совместной работы – например, интегрированными в ПК аудио- и видеоподсистемами; специалистам IT-подразделений, которые будут тратить меньше времени на выявление и ликвидацию поломок и сбоев и на управление системами на рабочих местах пользователей, на обслуживание всех аппаратных и программных элементов IT-конфигурации, на восстановление систем в любом состоянии без урона производительности работы конечных пользователей; руководителям информационных служб [8, с. 8]. Стабилизация профессиональных бизнес-платформ и стандартизация вычислительных систем на их основе значительно упростят принятие IT-решений и позволят снизить их совокупную стоимость, то есть сосредоточиться на инновационных технологиях, а не на сопровождении систем. Каким же должен быть цифровой офис? Основными направлениями создания цифрового офиса являются³: облачная цифровизация цифровой ячейки – «упаковка» инструментов личной продуктивности, совместной работы и коммуникаций на основе SaaS в единый облачный продукт; рабочий стол как услуга (DaaS, Desktop as a service) – предоставление пользователям по запросу возможности работы (с подготовкой, установкой исправлений и обслуживанием рабочих нагрузок) с рабочим столом в виртуальной среде из удаленного расположения; использование персональных средств коммуникации в качестве рабочего оборудования (BYOD, Bring Your Own Device, и BYOT, Bring Your Own Thing) для более

¹ БД ПМО – база данных, содержащая более 200 показателей, характеризующих состояние экономической и социальной сферы муниципальных образований [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

² Цифровизация офиса. Центр развития компетенция в бизнес-информатике ВШЭ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovizatsiya-ofisa/> (дата обращения: 25.09.2021)

³ Там же.

быстрого переключения между техникой и ведения деятельности без привязки к рабочему модулю; экономия на расстоянии (distance economy), предполагающая удаленное взаимодействие – виртуальные совещания, дистанционные собеседования, конференции в форме вебинаров – как альтернативу личным встречам; демократизация технологических сервисов, позволяющая упростить работу с технологиями Big Data и дающая возможности их использования на практике без углубленных знаний по администрированию кластеров, обучению нейросетей и разработке собственных data pipeline – последовательностей работы с данными, включающих стадии извлечения данных, скраббинг (очистку), разведочный анализ данных (EDA), моделирование, интерпретацию и пересмотр.

Также одним из направлений цифровизации офиса становится создание интеллектуальных рабочих мест (интеллектуальных рабочих пространств, smart workspace), предполагающее обеспечение комфорта рабочей обстановки с помощью технологий Industry 4.0 – унификации рабочих мест (в физической и виртуальной средах), автоматического отслеживания состояния сотрудников при помощи алгоритмизированных на машинное обучение устройств распознавания лиц и эмоций, комплексного и персонализированного управления микроклиматом с использованием IoT-датчиков и личных предпочтений владельцев smart-устройств. К тому же цифровое решение офисной работы может базироваться на комплексе технологических инструментов – отдельных функциональных единиц, решающих конкретные проблемы или автоматизирующие бизнес-процессы. В перечень цифровых инструментов в современном офисе входят: приложения для корпоративных социальных сетей (Enterprise Social Networking Applications); совместная работа (Collaborative Work Management); взаимодействие для выполнения совместных задач (Workstream Collaboration); службы интеграции (Content Integration Services); глубинный анализ данных (Insight Engines); роботизация технологического процесса (Robotic Process Automation; применение данных (Data Literacy).

В настоящее время сложившаяся в стране экономическая ситуация обуславливает необходимость повышения эффективности деятельности органов государственного управления в сфере реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности страны. Изменения в структуре рынков, новый уровень развития технологий и другие факторы, перечисленные ранее, закономерно приводят к необходимости адаптации властных структур к новым реалиям окружающей среды с точки зрения системы управления и внутренней организации. В данном разрезе проявляются такие вызовы как: повышенные требования к компетенциям руководителя, с точки зрения ориентации в трендах развития цифровой экономики, понимания закономерностей её функционирования и готовности переосмысливать старые модели работы; несостоятельность системы принятия управленческих решений, если она не основана на глубоком анализе данных, в противном случае существенно повышается вероятность допущения критических ошибок в управлении; возрастающая потребность в высококвалифицированных специалистах, способных разрабатывать и реализовывать тактики решения принципиально новых прикладных задач с применением информационных технологий.

В этих условиях приоритизация направлений цифровой трансформации деятельности органов государственного и муниципального управления должна учитывать следующие составляющие: работа с инновациями; управление на основе данных; цифровизация управленческих процессов [9, с. 29]; инфраструктура (цифровые технологии); расширение спектра цифровых инструментов, применяемых в современном офисе; цифровая культура и развитие компетенций [10, с. 36]. Эффективное взаимодействие всех участников цифровой трансформации: федеральных, региональных и муниципальных органов власти, бизнеса, научных и образовательных учреждений, структур гражданского общества [11, с. 11] предполагает взаимовыгодное сотрудничество на региональном и межрегиональном уровнях в процессах обмена опытом по освоению новых знаний и внедрению прорывных цифровых технологий, применению релевантных решений, способных обеспечить мультиплицирующий эффект в отношении показателей эффективности, однако требует последовательного выявления сфер деятельности, в которых отдача от цифровизации будет наибольшей, точного выбора конкретных технологий для внедрения, оценки рисков и объема необходимых ресурсов.

Список источников

1. Ревина С. Н., Казарян А. Г. К вопросу о цифровизации государственного управления // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1-2. С. 586–589.
2. Масленникова А. В., Потемкина Н. В. Цифровизация и ее влияние на государственное управление: возможности и риски для общества // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. № 3. С. 10–17.
3. Ковшикова Е. В., Шиндряева И. В., Шиндряев С. О. Трансформация системы информационно-документационного обеспечения как основа цифровизации системы государственного управления // ЦИТИСЭ. 2020. № 2 (24). С. 308–316.

4. Островская Н. В., Барыкин С. Е., Бурова А. Ю. Цифровизация проектного менеджмента в государственном и муниципальном управлении России // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2020. Т. 11. № 2. С. 206–215.
5. Мушта А. А. Информационно-аналитическая работа в органах государственного управления: трансформация профиля компетенций в условиях цифровизации // Евразийский союз ученых. 2020. № 5-7 (74). С. 26–29.
6. Кузнецов Н. В., Лесных Ю. Г. Цифровизация информационной поддержки принятия решений в сфере государственного управления // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 1 (78). С. 30–35.
7. Шаулова Т. В. Цифровизация и эффективность государственного управления // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10. № 2 (39). С. 243–252.
8. Левин А. И., Шошина В. И. Тенденции развития государственного управления в условиях цифровизации экономики // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 5–10.
9. Пролубников А. В. Информационное обеспечение государственного управления экономическим развитием в условиях цифровизации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 4 (46). С. 27–31.
10. Добролюбова Е. И. Международные показатели цифровизации государственного управления: обзор практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2019. Т. 6. № 1. С. 28–40.
11. Бросалина А. А. Некоторые правовые аспекты цифровизации государственного управления (на примере предоставления государственных услуг) // Державинский форум. 2020. Т. 4. № 16. С. 10–16.

References

1. Revina S. N., Kazaryan A. G. To the issue of digitalization of public administration. *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya = Science of the XXI century: topical directions of development*. 2020;(1-2):586–589. (In Russ.)
2. Maslennikova A. V., Potemkina N. V. Digitalization and its Impact on Government: Opportunities and Risks for Society. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo = Vestnik of Russian New University. Human and Society*. 2021;(3):10–17. (In Russ.)
3. Kovshikova E., Shindryaeva I., Shindryaev S. Transformation of the information and documentaion support system as the basis for digitalization of the public administration system. *TsITISE = CITISE*. 2020;2(24):308–316. (In Russ.)
4. Ostrovskaya N. V., Barykin S. E., Burova A. Yu. Digitalization of project management in state and municipal government of Russia. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic decisions and risk management*. 2020;11(2):206–215. (In Russ.)
5. Mushta A. A. Information and analytical work in government bodies: transformation of the competency profile in the conditions of digitalization. *Evraziiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*. 2020;74(7):26–29. (In Russ.)
6. Kuznetsov N. V. Digitalization of information support for decision-making in public administration. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*. 2020;1(78):30–35. (In Russ.)
7. Shaulova T. V. Digitalization and efficiency of public administration. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS = Scientific works of the North-West Institute of management – branch of RANEPa*. 2019;10(2(39)):243–252. (In Russ.)
8. Levin A. I., Shoshina V. I. Trends of development of public administration in the conditions of digitalization of economy. *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra = State and Society: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019;(2):5–10. (In Russ.)
9. Prolubnikov A. V. Information support for state governance of economic development in the conditions of digitalization. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Service theory and practice: economics, social sphere, technology*. 2020;4(46):27–31. (In Russ.)
10. Dobrolyubova E. I. International Indicators of Digitalization in Public Administration: An Overview of Practice. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie = RUDN Journal of Public Administration*. 2019;6(1):28–40. (In Russ.)
11. Brosalina A. A. Some legal aspects of digitalization of public administration (on the example of the provision of public services). *Derzhavinskii forum = Derzhavinsky forum*. 2020;4(16):10–16. (In Russ.)

Информация об авторе

Г. Г. Уварова – докт. полит. наук, проф. кафедры экономики, финансов и природопользования.

Information about the author

G. G. Uvarova – Doctor of Political Science, Professor of Department of Economics, Finance and Environmental Management

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.10.2021; одобрена после рецензирования 23.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 07.10.2021; approved after reviewing 23.10.2021; accepted for publication 25.10.2021

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 65–70

State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):65–70

Проблемы экономики.

Научная статья

УДК 339

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-65-70

**ВКЛАД ЭКСПОРТА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ
В МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ:
ГЛОБАЛЬНЫЙ ОПЫТ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ**

Виктория Андреевна Бондаренко¹, Наталия Витовна Пржедецкая²,

Юрий Валентинович Пржедецкий³

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

³Национальный медицинский центр онкологии Минздрава России, Ростов-на-Дону, Россия,

yurypr@gmail.com

¹b14v@yandex.ru

²nvpr@mail.ru

Аннотация. В статье изучен международный опыт экспорта медицинских услуг в условиях пандемии COVID-19, определен его вклад в международную конкурентоспособность в 2020 г. и обоснована необходимость его развития в России, а также разработаны рекомендации по управлению развитием экспорта медицинских услуг в 2021-2022 г. для максимизации его вклада в международную конкурентоспособность. В работе использована статистика международной конкурентоспособности здравоохранения за счет создания новых рынков медицинских услуг «завтрашнего дня». Посредством регрессионного анализа доказано, что экспорт медицинских услуг вносит умеренный, но значимый вклад в международную конкурентоспособность здравоохранения за счет создания новых рынков медицинских услуг «завтрашнего дня» в условиях пандемии. Определено контрольное значение наращивания экспорта медицинских услуг в долгосрочной перспективе, позволяющее сформировать рынки медицинских услуг «завтрашнего дня», вывести здравоохранение на принципиально новый уровень и стратегически обеспечить успешную борьбу с будущей угрозой по всему миру.

Ключевые слова: экспорт медицинских услуг, международная конкурентоспособность, пандемия, COVID-19, рынки медицинских услуг «завтрашнего дня»

Для цитирования: Бондаренко В. А., Пржедецкая Н. В., Пржедецкий Ю. В. Вклад экспорта медицинских услуг в международную конкурентоспособность в условиях пандемии: глобальный опыт и рекомендации по управлению // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 65–70. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-65-70>.

Problems of Economics

Original article

**THE CONTRIBUTION OF MEDICAL SERVICES EXPORTS TO INTERNATIONAL COMPETITIVENESS
IN A PANDEMIC: GLOBAL EXPERIENCE AND MANAGEMENT RECOMMENDATIONS**

Viktoriya A. Bondarenko¹, Natalia V. Przhedetskaya², Yury V. Przhedetskiy³

^{1,2}Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russia

³National Medical Research Centre of Oncology, Rostov-on-Don, Russia, yurypr@gmail.com

¹b14v@yandex.ru

²nvpr@mail.ru

Abstract. The article examines the international experience of exporting medical services in the context of the COVID-19 pandemic, identifies its contribution to international competitiveness in 2020 and substantiates the need for its development in Russia, and also provides recommendations for managing the development of medical services exports in 2021-2022 for maximizing its contribution to international competitiveness. The work uses the statistics of international competitiveness of healthcare due to the creation of new markets for medical services "of tomorrow". Regression analysis proves that the export of medical services makes a moderate but significant contribution to the international competitiveness of healthcare

by creating new markets for medical services of tomorrow in a pandemic. The control value of increasing the export of medical services in the long term has been determined, which allows to form the markets of medical services of "tomorrow", to bring health care to a fundamentally new level and strategically ensure a successful fight against the future threat around the world.

Keywords: export of medical services, international competitiveness, pandemic, COVID-19, markets for medical services of "tomorrow"

For citation: Bondarenko V. A., Przhedetskaya N. V., Przhedetskiy Yu. V. The Contribution of Medical Services Exports to International Competitiveness in a Pandemic: Global Experience and Management Recommendations. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):65–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-65-70>.

Пандемия COVID-19, изменившая облик современного общества и экономики и ставшая одним из ключевых событий начала XXI века, представляет собой противоречивое явление. С одной стороны, очевидно негативное влияние пандемии на мировое хозяйство. Кризис 2020 г. оказался наиболее глубоким за последние десятилетия. Согласно подсчетам Международного валютного фонда, спад мирового ВВП в 2020 г. составил 3,5%, а темп экономического роста в России в 2020 г. составил -3,056% по сравнению с 2,029% в 2019 г. Безработица в России из-за локдауна возросла с 4,6% в 2019 г. до 5,783% в 2020 г.¹

По оценкам Всемирной организации здравоохранения в настоящее время Россия находится на четвертом месте в мире по заболеваемости COVID-19 (6663473 подтвержденных случая) после США, Индии и Бразилии. Смертность от COVID-19 в России за весь период пандемии составила 172909 чел.² Пандемия представляет серьезную угрозу для реализации целей устойчивого развития (ЦУР), в частности, для ЦУР 10, связанной с сокращением неравенства. Развивающиеся страны в целом больше пострадали от пандемии, примером чему служит критическая заболеваемость и смертность от COVID-19 в Индии в начале 2021 г. Также первоначально вспышка заболеваемости COVID-19 началась в Китае, который принял на себя основной удар вирусной угрозы в начале 2020 г.

С другой стороны, хотя это и менее очевидно, есть и условно-положительные стороны пандемии. Во-первых, пандемия COVID-19 привлекла внимание мирового сообщества к проблемам здравоохранения и показала, что их необходимо решать в первоочередном порядке. Отрасль здравоохранения в 2020-2021 гг. получила небывалый импульс к развитию. К примеру, финансовая поддержка медицинских НИОКР возросла с 1,20 долл. на душу населения в 2019 г. до 1,44 долл. на душу населения в 2020 г.³

Рынки медицинских товаров и услуг продемонстрировали интенсивный рост в 2020-2021 гг. Среди них рынки фармацевтики, медицинского оборудования, но наибольшего развития достигли рынки медицинских услуг за счет роста спроса и увеличения цен на диагностику и лечение, а также вакцинацию от COVID-19. Развитые страны при лидерстве США активно осуществляют и наращивают экспорт вакцин. Для России экспорт медицинских услуг – это не только перспективное направление развития внешнеэкономической деятельности, но также вектор высокотехнологичного роста и ускоренного посткризисного восстановления экономики.

Проблема заключается в том, экспорт медицинских услуг не выделен в России в отдельное направление официальной статистики и, следовательно, критически мал по сравнению с другими реализуемыми направлениями внешней торговли. Это означает, что потенциал использования экспорта медицинских услуг в качестве меры экономического кризис-менеджмента в России реализован далеко не полностью.

Поставленная проблема укоренена в сложившемся подходе к международной производственной и экспортной специализации России на природных и энергетических ресурсах, которые

¹ World Economic Outlook Database, April 2021, by countries [Электронный ресурс]. – International Monetary Fund. – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April/select-country-group> (дата обращения: 19.08.2021).

² WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. Globally, as of 4:06pm CEST, 18 August 2021 [Электронный ресурс]. – World Health Organization. – Режим доступа: https://covid19.who.int/?gclid=Cj0KCQjwrIf3BRD1ARIsAMuugNslqvKZsmIoto8RJ964Wv1YdYllaCbKloYu2Z9HLeUkZuatNR0ZyZgaAvEiEALw_wcB (дата обращения: 19.08.2021).

³ World Health Statistics 2020: Monitoring Health for the SDGs: Total net official development assistance to medical research and basic health sectors per capita (US\$), by recipient country [Электронный ресурс]. – World Health Organization. – Режим доступа: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/whs-2021_20may.pdf (дата обращения: 19.08.2021)

В связи с этим актуальна научная проработка перспектив развития экспорта медицинских услуг в условиях пандемии. Это проблеме посвящены труды следующих ученых: Аксенова, Е.И., Петрова, Г.Д., Чернышев, Е.В., Юдина, Н.Н. [1], Ананченкова, П.И., Камынина, Н.Н. [2], Грин, С.И., Крюкова, К.К., Гатаулин, Р.Г., Радецкая, А.В., Гайдеров, А.А., Муравьев, С.М. [3], Грин, С.И., Крюкова, К.К., Иванов, И.В., Матыцин, Н.О., Щесюль, А.Г., Берсенева, Е.А. [4], Дайхес, А.Н., Решетников, В.А., Манерова, О.А., Михайлов, И.А. [5], Лисова, Т.К., Надворная, Н.Н. [6], Орлов, С.А., Мадьянова, В.В., Столбов, А.П., Качкова, О.Е. [7], Панов, А.В., Быковская, Т.Ю. [8], а также исследования автора этой статьи в соавторстве с Борзенко, К.В. [9], Пржедецким, Ю.В., Пржедецкой, В.Ю., Бондаренко, В.А. [10], Bondarenko V.A., Przhedetskaya N.V., Afanaseva M.F., Poluyanovа N.V. [11].

Для проверки выдвинутой гипотезы в этой статье используется метод регрессионного анализа, с помощью которого определяется зависимость международной конкурентоспособности от экспорта медицинских услуг в 2020 г. Поскольку всемирный экономический форум (WEF) отказался от выпуска ежегодного отчета о глобальной конкурентоспособности в 2020 г., в этой статье использована статистика международной конкурентоспособности здравоохранения за счет создания новых рынков медицинских услуг «завтрашнего дня», показателем которой выступает «расширение инфраструктуры и инноваций по уходу за престарелыми, детьми и здравоохранением на благо людей и экономики» из специального выпуска указанного отчета за 2020 г. (рис. 1).

Источник: составлено авторами на основе материалов¹.

Source: compiled by the authors on the basis of materials¹

1 The Global Competitiveness Report Special Edition 2020 How Countries are Performing on the Road to Recovery: Expand eldercare, childcare and healthcare infrastructure and innovation for the benefit of people and the economy [Электронный ресурс]. – World Economic Forum. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020> (дата обращения: 19.08.2021); Trade Map: Trade statistics for international business development: Export, Service: 11.2.1 - Other personal, cultural, and recreational services, Health services [Электронный ресурс]. – International Trade Centre. – Режим доступа: https://www.trademap.org/Country_SelService_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7cS11002001%7c3%7c3%7c1%7c2%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 19.08.2021).

Согласно рис. 1, в 2020 г. США лидируют по объему экспорта медицинских услуг, который составляет 1339 млн. долл. По уровню международной конкурентоспособности здравоохранения за счет создания новых рынков медицинских услуг «завтрашнего дня» лидирует Швеция (75,9 баллов). Россия не представлена в этих рейтингах. Результаты анализа данных из рис. 1 отражает регрессионная кривая на рис. 2.

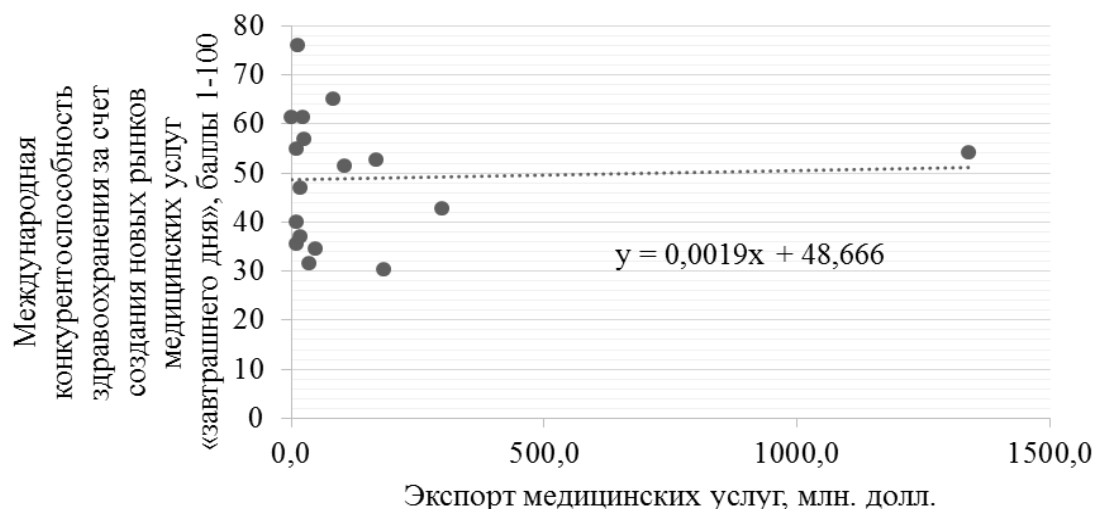

Рис. 2. Регрессионная кривая зависимости международной конкурентоспособности от экспорта медицинских услуг в 2020 г. Источник: рассчитано и построено авторами

Fig. 2. Regression curve of dependence of international competitiveness on exports of medical services in 2020. Source: calculated and constructed by the authors

Согласно рис. 2, при увеличении объема экспорта медицинских услуг на 1 млн. долл. в 2020 г. уровень международной конкурентоспособности здравоохранения за счет создания новых рынков медицинских услуг «завтрашнего дня» возрастает на 0,0019 балла. Это свидетельствует о том, что экспорт медицинских услуг вносит умеренный, но значимый вклад в международную конкурентоспособность здравоохранения за счет создания новых рынков медицинских услуг «завтрашнего дня» в условиях пандемии.

Также подсчитано, что для максимизации уровня международной конкурентоспособности здравоохранения за счет создания новых рынков медицинских услуг «завтрашнего дня» в странах выборки необходимо увеличение удельного объема экспорта медицинских услуг с 140,94 млн. долл. до 27017,89 млн. долл., то есть почти в 200 раз. Полученное значение нельзя рассматривать в качестве краткосрочного ориентира – это контрольное значение, позволяющее сформировать рынки медицинских услуг «завтрашнего дня», вывести здравоохранение на принципиально новый уровень и стратегически обеспечить успешную борьбу с будущей угрозой по всему миру.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что неполное раскрытие потенциала развития экспорта медицинских услуг в России не позволяет ей выйти на новые рынки медицинских услуг «завтрашнего дня». Для обеспечения международной конкурентоспособности отечественной системы здравоохранения недостаточно достигнутого высочайшего уровня медицинских услуг – необходимо наладить экспорт этих услуг.

Предпосылкой к этому является создания и регистрации первой в мире вакцины от COVID-19, а также разработка и успешное применение в «умных» городах России передовых технологий и программных приложений для борьбы с вирусной угрозой, которые по достоинству оценены во всем мире – Москва вошла в топ-3 рейтинга инновационных решений по борьбе с COVID-19 в городах мира StartupBlink and UNAIDS¹.

¹ StartupBlink, UNAIDS (2021). Global Rankings of Cities on Coronavirus Innovation. URL: <https://coronavirus.startupblink.com/> (data accessed: 02.08.2021).

Список источников

1. Аксенова Е. И., Петрова Г. Д., Чернышев Е. В., Юдина Н. Н. Проблемы экспорта медицинских услуг в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № S2. С. 1176–1179.
2. Ананченкова П. И., Камынина Н. Н. Социально-экономические аспекты развития экспорта медицинских услуг // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № 2. С. 184–189.
3. Грин С. И., Крюкова К. К., Гатаулин Р. Г., Радецкая А. В., Гайдеров А. А., Муравьев С. М. Сравнительный анализ целевых показателей федерального проекта «развитие экспорта медицинских услуг» и их корректировка в период пандемии COVID-19 // Вестник Росздравнадзора. 2021. № 1. С. 81–87.
4. Грин С. И., Крюкова К. К., Иванов И. В., Матыцин Н. О., Щесюль А. Г., Берсенева Е. А. Экспорт медицинских услуг как драйвер формирования национальной системы управления качеством и безопасностью медицинской деятельности // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № 3. С. 459–463.
5. Дайхес А. Н., Решетников В. А., Манерова О. А., Михайлов И. А. Современные практики организации экспорта медицинских услуг в Великобритании, Италии, Южной Корее и Китае // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2020. № 1 (39). С. 30–42.
6. Лисова Т. К., Надворная Н. Н. К вопросу о результатах развития экспорта медицинских услуг в Хабаровском крае // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2021. Т. 1. С. 363–367.
7. Орлов С. А., Мадьянова В. В., Столбов А. П., Качкова О. Е. Оценка внешних бизнес-процессов в экспорте медицинских услуг в Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № 6. С. 1281–1286.
8. Панов А. В., Быковская Т. Ю. Экспорт медицинских услуг в ростовской области: проблемы и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7-2 (97). С. 89–92.
9. Пржедецкая Н. В., Борзенко К. В. Цифровая медицина как механизм повышения качества жизни в России // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 2 (70). С. 75–79.
10. Пржедецкий Ю. В., Пржедецкая Н. В., Пржедецкая В. Ю., Бондаренко В. А. Роль медиаобразования в подготовке медицинских кадров и совершенствовании оказания медицинских услуг // Медиаобразование. 2017. № 4. С. 26–36.
11. Bondarenko V. A., Przhedetskaya N. V., Afanaseva M. F., Poluyanov N. V. MEDICAL TOURISM AS A DRIVER OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ECONOMY // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, 2020. p. 597-604.

References

1. Aksenova E. I., Petrova G. D., Chernyshev E. V., Yudina N. N. Problems of export of medical services in Russia. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny = Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2020;28(S2):1176–1179. (In Rus.)
2. Ananchenkova P. I., Kamynina N. N. Socio-economic aspects of the development of export of medical services. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny = Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2020;28(2):184–189. (In Rus.)
3. Green S. I., Kryukova K. K., Gataulin R. G., Radetskaya A. V., Gaidarov A. A., Muravyov S. M. Comparative analysis of the targets of the federal project "development of the export of medical services" and their adjustment during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Roszdravnadzora = Bulletin of Roszdravnadzor*. 2021;(1):81–87. (In Rus.)
4. Green S. I., Kryukova K. K., Ivanov I. V., Matytsin N. O., Shchesyul A. G., Berseneva E. A. Export of medical services as a driver of the formation of a national quality and safety management system for medical activities. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny = Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2020;28(3):459–463. (In Rus.)
5. Daihes A. N., Reshetnikov V. A., Manerova O. A., Mikhailov I. A. Modern practices of organizing the export of medical services in the UK, Italy, South Korea and China. *Medicinskie tehnologii. Ocenka i vybor = Medical technologies. Evaluation and selection*. 2020;1(39):30–42. (In Rus.)

6. Lisova T. K., Nadvornaya N. N. On the issue of the results of the development of the export of medical services in the Khabarovsk Territory. *Nauchno-tehnicheskoe i jekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke = Scientific, technical and economic cooperation of the Asia-Pacific countries in the XXI century*. 2021;(1):363–367. (In Rus.)

7. Orlov S. A., Madyanova V. V., Stolbov A. P., Kachkova O. E. Assessment of External Business Processes in the Export of Medical Services in the Russian Federation. *Problemy social'noj gigieny, zdravooohranenija i istorii mediciny = Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2020;28(6):1281–1286. (In Rus.)

8. Panov A. V., Bykovskaya T. Yu. Export of medical services in the Rostov region: problems and development prospects. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International research journal*. 2020;7–2(97):89–92. (In Rus.)

9. Przhedetskaya N. V., Borzenko K. V. Digital medicine as a mechanism for improving the quality of life in Russia. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH) = Vestnik of Rostov State University of Economics*. 2020;2(70):75–79. (In Rus.)

10. Przhedetskiy Yu. V., Przhedetskaya N. V., Przhedetskaya V. Yu., Bondarenko V. A. The role of media education in training medical personnel and improving the provision of medical services. *Mediaobrazovanie = Media Education*. 2017;(4):26–36. (In Rus.)

11. Bondarenko V. A., Przhedetskaya N. V., Afanaseva M. F., Poluyanov N. V. MEDICAL TOURISM AS A DRIVER OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ECONOMY. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk; 2020:597–604.

Информация об авторах

В. А. Бондаренко – докт. экон. наук, доц., зав. кафедрой маркетинга и рекламы;

Н. В. Пржедецкая – докт. экон. наук, проф. кафедры экономической теории;

Ю. В. Пржедецкий – докт. мед. наук, проф., зав. отделением реконструктивно-пластической хирургии и онкологии.

Information about the authors

V. A. Bondarenko – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Marketing and Advertising;

N. V. Przhedetskaya – Doctor of Economic Sciences, Professor of Department of Economic Theory;

Yu. V. Przhedetskiy – Doctor of Medicine, Professor, Head of Department of Plastic Reconstructive Surgery and Oncology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 23.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 23.10.2021; accepted for publication 25.10.2021

Научная статья

УДК 336.2

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-71-76

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Юлия Ивановна Бородина¹, Надежда Викторовна Токмачева²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹tokmacheva777@yandex.ru

²borodina@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению цифровизации налогового контроля России и ее влияния на экономическую безопасность. Актуальность данного вопроса бесспорна, поскольку благодаря налоговому контролю контролирующие органы выявляют налоговые преступления, препятствующие пополнению бюджета и, следовательно, обеспечению экономической безопасности страны, в процессе использования цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, налоговый контроль, налоговое администрирование, экономическая безопасность, НДС

Для цитирования: Бородина Ю. И., Токмачева Н. В. Цифровизация налогового контроля России и ее влияние на экономическую безопасность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 71–76. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-71-76>.

Problems of Economics

Original article

DIGITALIZATION OF RUSSIAN TAX CONTROL AND ITS IMPACT ON ECONOMIC SECURITY

Yulia I. Borodina¹, Nadezhda V. Tokmacheva²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹tokmacheva777@yandex.ru

²borodina@uriu.ranepa.ru

Abstract. This article deals with the digitalization of Russia's tax control and its impact on economic security. The relevance of this issue is undeniable, since, thanks to tax control, regulatory authorities identify tax crimes that prevent budget replenishment and, therefore, ensure the economic security of the country, in the process of using digital technologies.

Keywords: digitalization, tax control, tax administration, economic security, value added tax

For citation: Borodina Yu. I., Tokmacheva N. V. Digitalization of tax control in Russia and its impact on economic security. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):71–76. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-71-76>.

В России, как и в большинстве стран мира, происходит формирование информационного общества. Во всех сферах хозяйственной деятельности реализуются процессы цифровизации, которые будут обеспечивать интересы гражданского общества и развития инноваций. Задачей внутренней и внешней политики является формирование национальной цифровой экономики.

Согласно расчетам и прогнозам специалистов, цифровизация экономики породит в России экономический рост в размере 19-34% роста ВВП. При том, что к 2025 году возрастет и сама доля цифровой экономики с 2,1% до 8–10%. Сегодня же Россия занимает 39-е место из 85 стран по уровню цифровизации экономики [1].

Все эти и многие другие аспекты находят свое отражение в национальной программе «Цифровая экономика», рассчитанной на период до 2024 года, которая в свою очередь подразумевает

предусмотренные ассигнования из федерального бюджета, при этом тенденция средств, которые выделяются на эти цели, положительная и с каждым годом набирает обороты¹.

Стоит отметить, что современные цифровые технологии определяют системы управления большими данными, как в бизнесе, так и в государственной системе документооборота и делопроизводства. Цифровизация систем учета и контроля пронизывает все отрасли, в том числе и в сферу налогообложения и налогового администрирования и контроля. Происходит модернизация процессов налогового администрирования посредством современных программ и компьютерных технологий, что в свою очередь трансформирует саму модель осуществления функций налогового контроля и надзора за соблюдением налогового законодательства в нашей стране. Это в свою очередь меняет существующие модели поведения налогоплательщиков в части исполнения своих налоговых обязательств.

Данное взаимодействие должно строиться на принципах открытости и прозрачности, а гарантия защиты данных налогоплательщиков в совокупности позволит повысить уровень доверия и лояльности к органам власти. Главным направлением в этой части становятся центры обработки больших данных. На платформах центрального аппарата ФНС России происходит процесс автоматизации систем работы с документацией, а также применения цифровых технологий в процессе обработки налоговой отчетности различных категорий налогоплательщиков.

Так, на сегодняшний день цифровизация налогового администрирования и контроля привела к обязательности электронного взаимодействия налогоплательщиков и налоговой службы по направлениям:

- в рамках эксперимента: чипирование меховых изделий; введение налогового мониторинга для ограниченного ряда предприятий;

- активно развивается система автоматизированного налогового контроля за: процессом формирования НДС (внедрение в налоговые органы систем АСК «НДС-2 и 3», АСК «Реестры»), оборотом торговли (внедрение электронных чеков и новой ККТ); оборотами и выявлением контрафактной продукции на рынке алкоголя (система ЕГАИС); полнотой уплаты налогов грузовыми перевозчиками (система ПЛАТОН); и др.;

- развиваются системы электронного взаимодействия налоговых органов с другими органами власти, выполняющими контрольно-надзорные функции, в их числе с: Банком России, внебюджетными фондами, органами ЗАГС, и др. [2]

Уникальным проектом, который уже осуществляется, является проект по внедрению онлайн-касс, благодаря которому стал возможен отказ от кассовой отчетности, в результате чего сократилось количество проверок, и был изменен порядок уплаты налога по упрощенной системе налогообложения, что позволило улучшить условия для ведения бизнеса

Анализ показателей результативности функционирования ФНС России, говорит о том, что для повышения эффективности налогового контроля, идет постоянное совершенствование и укрепление технологической системы обработки данных, что обеспечивает непрерывную систему выявления отклонений от норм налогового права, в части положений НК РФ. Первоначальным этапом в проведении контрольных работ, в том числе и по отбору налогоплательщиков для проведения камеральных проверок, является нового риск-ориентированный подход в системе возмещения НДС, который осуществляется – на базе Программного комплекса АИС Налог -3 подсистемы системы «АСК НДС-2».

Одним из первых инструментов позволяющих осуществить внедрение новой системы налогового контроля является система «АСК НДС-2», на основе которого в Москве была создана межрегиональная инспекция по камеральному контролю, в которой в настоящее время за 8 часов обрабатывается порядка 1,5 млн. деклараций, поскольку данная Инспекция ФНС России осуществляет обработку всех представленных деклараций по налогу на добавленную стоимость в соответствии с положениями главы 21 НК РФ. Программы подход и алгоритмы обработки информации по предоставляемым декларациям позволяют в автоматическом режиме выявлять все несоответствия и расхождения. В процессе обработки данных сопоставляются все счетафактуры по всей стране по принципу «зеркала» - заявленные вычеты покупателя сравнивают с реализацией товара у продавца.

Так, например, при продаже товара продавец отражает в декларации по НДС доход от проданной продукции и исчисленный НДС в книгах продаж на основании выписанной счет фактуры,

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

покупатель же отражает в декларации по НДС налоговый вычет по приобретенному товару, отражая в книге покупок.

Программный комплекс АСК НДС-2 позволяет сопоставить: дату, номер счет-фактуры, стоимость товара и исчисленного НДС, реквизиты поставщика, покупателя и прочее. Далее суть системы достаточно проста. «АСК НДС-2» разделяет налогоплательщиков на три зоны: зеленая, желтая и красная – как «светофор» и строится так называемое «Дерево связей». Однако цветовой индикатор не является 100% показателем нарушения, а лишь определяет степень налогового риска: в зеленой зоне – прозрачные компании, в желтой и красной зоне налогоплательщики, имеющие наиболее высокие риски, которым уделяется пристальное внимание. Это позволяет, выявлять компании, которые могли ошибочно или намеренно заявить к вычету необоснованные суммы возмещений по данному налогу.

Системная база обработки информации «АСК НДС-2» позволяет взаимодействовать с ФТС по прослеживанию импорта товаров из-за рубежа. Несмотря на то, что проект является пилотным, он уже препятствует недобросовестным участникам ВЭД осуществлять занижение таможенной стоимости по ввозимым товарам. Администрирования прослеживаемости сделок по ВЭД ведется по 10 группам номенклатурных позиций, что позволило присоединиться к данной системе таких крупных участников ВЭД, как BOSH, PANASONIC и другие.

Использование налоговыми органами «АСК НДС-2» позволило добросовестным налогоплательщикам, работающим в «чистой среде» воспользоваться возможностью на сокращенный срок камеральной налоговой проверки декларации с трех месяцев до двух. Нововведение положительно сказалось на финансовой устойчивости бизнеса и помогло повысить оборачиваемость собственного капитала.

В результате активного использования новых программных продуктов по данным ФНС России к концу 2020 г. показатель налогового разрыва по НДС составил всего 0,43%, в то время как несколько лет назад он держался на уровне 8 %. Дальнейшее внедрение новейших технологий позволит более тщательно осуществлять контрольные мероприятия в отношении НДС [3].

Также наиболее перспективным в современном мире, на наш взгляд, является повсеместное введение таких приложений как «Мой налог», которое обеспечивает всё взаимодействие между самозанятыми и налоговыми органами. Введение подобных приложений позволит сократить ошибки по исчислению налогов, а также упростит процедуру их уплаты и в целом повысит уровень законопослушности нового поколения.

Более того, на данный момент рассматривается возможность интеграции приложения с онлайн-кабинетами банков, чтобы еще больше упростить оплату налога на профессиональный доход. [4].

Несмотря на то, что сейчас ФНС РФ – это один из самых технологически обеспеченных органов исполнительной власти, ей все же необходимо продолжить улучшать свои информационно-вычислительные возможности с помощью введения новых разработок и современных технологий. Сейчас наиболее эффективно удержание положительного темпа роста поступлений как раз за счет развития технологической и интеллектуальной платформы налогового администрирования.

Говоря в целом о цифровизации процессов в российской экономике в современных условиях, наиболее перспективно и эффективно развивать следующие направления:

- Цифровизация государственных услуг, в том числе уплаты налогов. Это позволит существенно снизить расходы государству, а гражданам – удобно и уже без ошибок в расчетах внести платежи.
- Переход к единой платформенной системе – с мобильными приложениями, банкингом, различными сервисами, что хорошо работает в коммерческом секторе.
- Введение электронного документооборота, где будет содержаться вся необходимая информация без возможности ее подделывания.
- Оптимизация деятельности налоговых органов с учетом эффективности затрат на ее осуществление и упростить процедуры взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков¹.

В настоящее время очень перспективным направлением работы ФНС России является проведение системного отраслевого подхода. Отраслевой подход фактически направлен на изучение конкретной отрасли, исследование незаконных схем налоговой оптимизации в ней, предложение путей решения и создания партнерского диалога между государственной властью и бизнесом. Построены проекты, прежде всего на «СУП» - системе управления рисков налогоплательщиком,

¹ Стратегическая карта ФНС России на 2020-2024 годы. Миссия, основные направления деятельности и Стратегическая карта Федеральной налоговой службы // режим доступа: www.nalog.ru

то есть проведение самостоятельной оценки своих экономических рисков и последствий. В данных проектах очень активную роль играют бизнес - ассоциации, выступая инициаторами проведения проектов в отношении по их мнению проблемной отрасли. Данный проект ФНС России проведен очень с хорошими результатами и получил большую огласку в зерновой отрасли.

Современная система налогового администрирования связана с осуществлением налогового мониторинга, который позволяет осуществлять процедуры налогового контроля непосредственно на цифровых платформах тех налогоплательщиков, которые заключили соглашения с ФНС России в части его проведения. В настоящее время в данном направлении снижения налоговых рисков и прозрачности осуществления своих налоговых обязанностей участвуют различные компании из разных секторов экономики: транспортные перевозки пассажиров – РЖД, Аэрофлот, банковский сектор экономики – ВТБ России, недропользование и добыча полезных ископаемых Лукойл и Роснефть, а также такие компании с госучастием, как Ростех, ИнтерРАО и другие.

Однако, цифровизация мировой экономики ставит перед налоговыми органами новые направления работы. Так, весной 2021 года состоялся семинар в рамках деятельности Координационного совета руководителей налоговых служб государств – участников СНГ (КСРНС) и был посвящен практике регулирования налогообложения цифровых активов.

Открывая семинар, начальник Управления международного сотрудничества и валютного контроля Елисей Балта отметил растущее внимание налоговых администраций к операциям с криптоактивами и способам уклонения от уплаты налогов с использованием данных активов. Научный руководитель Департамента налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Любовь Гончаренко отметила практическую и научную актуальность темы налогообложения цифровых активов, так как законодательство в этой сфере не является достаточно развитым в большинстве стран.

Научный секретарь Российского отделения Международной налоговой ассоциации Виктор Мачехин, освещая мировую практику налогообложения криптоактивов, отметил, что единого международного понимания, что такое криптоактивы, в настоящее время не выработано. Вместе с тем схожесть налоговых систем и структуры основных видов налогов в странах СНГ позволяет рассчитывать на возможную унификацию этих подходов. На семинаре были представлены результаты анализа законодательств государств – участников СНГ в сфере цифровых активов, подготовленного Рабочей группой по международному сотрудничеству КСРНС под руководством ФНС России. Были отмечены сходства и различия в квалификации цифровых активов, порядка их учета и налогообложения.

Также на семинаре выступили из Беларуси, Киргизии и Азербайджана, которые ознакомили участников со своим опытом налогообложения доходов физических и юридических лиц от операций с цифровыми активами, в том числе налогообложения доходов от майнинга. Семинар был организован совместно с Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации в рамках Международной научно-практической конференции «Евразийская налоговая неделя» и состоялся в формате видеоконференции.

В рамках конференции обсуждался:

- правовой статус криптовалюты;
- ценнобумажное регулирование;
- стабильность денежного оборота и денежного регулирования.

Участники семинара говорили о необходимости правового закрепления терминов: криптовалюта; виртуальная валюта; виртуальные активы; цифровые активы; цифровые финансовые активы.

Актуализация этих терминов произошла вследствие того, что средствами платежа в современном мире становятся Биткоин и Эфир, обращающимися активами становятся Spice и BСAP, а потребительские токены обеспечивают доступ к потребительским рынкам.

Вопросы налогообложения в ближайшей перспективе могут касаться следующих бизнес-процессов: Создание (майнинг); Хранение и передача криптовалюты; Обмер или другие формы отчуждения или получения.

Говоря о классификации учета криптовалюты, участники отмечали, что $\frac{3}{4}$ всех стран не определились с терминологией в рамках своего законодательства, при этом в ряде стран криптовалюта, либо запрещены, либо частично запрещены.

Спикеры высказали необходимость действия налоговых органов по следующим направлениям:

- Формирование ясности для налогоплательщика.
- Определение необходимости создания самостоятельной нормативно-правовой базы для регулирования операций по движению криптовалют.

– Определение с инструментами налогообложения – выбор прямого (личного или имущественного налогообложения) или косвенное налогообложения посредством НДС.

В ближайшей перспективе налоговым администрациям разных стран придется определиться с такими аспектами, как:

1. Понимание степени важности операций с криптовалютами.
2. Понимания того, как формируется политика налогообложения криптовалют за рубежом.
3. Необходимость выработки единого порядка для стран – участниц СНГ.
4. А также влияние налогообложения криптовалют на мировую повестку в части стратегических направлений глобальной налоговой политики.

Вопросы стратегического международного взаимодействия подтверждены использованием двух стандартов ОЭСР по международному автоматическому обмену информацией. Незадекларированные доходы от зарубежных источников, КИК и их контролирующих лиц отслеживаются по единому стандарту отчетности (Common Reporting Standard), в рамках которого происходит обмен сведениями о финансовых счетах.

Отчеты, содержащие финансовые и налоговые показатели деятельности компаний по странам ОЭСР (Country-by-Country Reporting) направлены на анализ величины налоговых баз и величины налоговой нагрузки.

Вновь говоря о национальных аспектах налогового администрирования, отметим, что в данный момент осуществляется работа над формированием цифровой платформы Государственного информационного ресурса Бухгалтерской отчетности (ГИР БО), которая объединит всю финансовую отчетность юридических компаний, пояснений к финансовой отчетности и аудиторских заключений на одной цифровой платформе.

В завершении следует сказать, что несомненным подтверждением эффективности цифровизации остается и то, что современные бизнес-технологии позволяют налоговым администрациям трансформироваться в адаптивные цифровые платформы. Применение этих технологий поможет выстроить экономику знания и доверия при взаимодействии с налогоплательщиками.

Перед налоговыми органами России стоит несколько групп задач по приоритетным направлениям деятельности, реализация большинства из которых опирается именно на цифровизацию налогового администрирования и контроля и на электронное взаимодействие с налогоплательщиками. Безусловно, это предопределяет необходимость и неизбежность внедрения в деятельность налоговых органов качественных информационных технологий [5].

Цифровизация налоговых органов поможет усилить прозрачность экономики для всех субъектов России и выстроить доверительные отношения с налогоплательщиками.

Применение адаптивно цифровых платформ позволят налоговым органам выстроить экономику знания и доверия с налогоплательщиками. Если ведомства будут гарантировать защиту информации от утечек, то и налогоплательщики станут делиться персональными данными. При этом деятельность контрольно-надзорных органов сосредоточится на потенциальных нарушителях.

На наш взгляд – будущее за цифровыми технологиями, которые позволят повысить прозрачность экономики, улучшить качество бюджетного планирования и гарантировать стабильность поступления доходов в бюджет Российской Федерации.

Анализируя процесс цифровизации налогового администрирования, следует отметить, что создаются условия, при которых уклонение от уплаты налогов становится не только не выгодным, но и невозможным. И практически происходит переход от традиционных форм проверок к дистанционному мониторингу.

На сегодняшний день ФНС предлагает более 50 электронных услуг, которыми налогоплательщики могут воспользоваться без визита в отделение службы. При этом ФНС обрабатывает данные о 165,8 млн граждан России и других государств, а также о 4,1 млн юридических лиц и 3,97 млн индивидуальных предпринимателей¹.

Список источников

1. Бреслав Е. П. Как развить цифровую экономику в вашей организации уже сегодня // Качество. Инновации. Образование. 2017. № 4 (143). С. 51–61.
2. Кириллова О. С. Цифровая архитектура налоговых процессов: актуальные вопросы развития в современных условиях // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3 (82). С. 14.

¹ М. Мишустин: цифровизация налоговых органов позволяет строить экономику доверия. Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8532147/

3. Голик Е. Н. Цифровизация администрирования НДС в системе обеспечения экономической безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 103-109.

4. Петина Ал. А., Ермош Е. В. К вопросу о цифровизации налоговых процессов в России / В сборнике: Современный взгляд на науку и образование. Сборник научных статей. 2020 С. 218–234.

5. Ширинова О. А. Развитие налоговых органов в условиях цифровой экономики // Вестник Академии Знаний. 2020. № 4 (39). С. 444–447.

References

1. Breslav E. P. How to develop the digital economy in your organization today. *Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie = Quality. Innovation. Education*. 2017;4(143):51–61. (In Russ.)

2. Kirillova O. S. Digital architecture of tax processes: topical issues of development in modern conditions. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of Saratov State Socio-Economic University*. 2020;3(82):14. (In Russ.)

3. Golik E. N. Digitalization of VAT administration in the system of ensuring economic security. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(2):103–109. (In Russ.)

4. Petina Al. A., Yermosh E. V. On the digitalization of tax processes in Russia. / In: *A modern view of science and education. Collection of scientific articles*. 2020:218–234. (In Russ.)

5. Shirinova O. A. Development of tax authorities in the digital economy. *Vestnik Akademii Znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;4(39):444–447. (In Russ.)

Информация об авторах

Ю. И. Бородин – канд. экон. наук, доц. кафедры налогообложения и бухгалтерского учета;

Н. В. Токмачева – канд. экон. наук, доц. кафедры налогообложения и бухгалтерского учета.

Information about the authors

Yu. I. Borodina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting;

N. V. Tokmacheva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 19.11.2021.

The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 19.11.2021.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-77-85

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ ЮГА РОССИИ)

Дарья Николаевна Гонтарева¹, Лариса Анатольевна Лозовова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹gontareva-dn@uriu.ranepa.ru

²lozovova-la@ranepa.ru

Аннотация. В статье отмечается, что большинство населения России проживает в городах. Города являются центрами деловой активности, промышленного потенциала, развитой инфраструктуры и гибкой адаптивной экономики. Городская экономика подвержена кризисам и циклическим колебаниям, что отражается на уровне и качестве жизни горожан. Органы местного самоуправления предпринимают ряд мер для смягчения таких колебаний. Эпидемия коронавируса показала уязвимость городской экономики и возможности всех субъектов хозяйствования работать в новых условиях. Органы власти оказали поддержку как предпринимательскому сектору – барометру городской экономики, так и горожанам как основному субъекту городского хозяйства.

Ключевые слова: пандемия, социально-экономическое развитие, города-миллионники, экономика города, городская экономика, проблемы городов, крупные города, города как центр притяжения инвестиций, проблемы городов

Для цитирования: Гонтарева Д. Н., Лозовова Л. А. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие городов (на примере городов-миллионников Юга России) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 77–85. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-77-85>.

Problems of Economics

Original article

THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF CITIES (USING THE EXAMPLE OF THE MILLENNIAL CITIES OF SOUTHERN RUSSIA)

Daria N. Gontareva¹, Larisa A. Lozovova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹gontareva-dn@uriu.ranepa.ru

²lozovova-la@ranepa.ru

Abstract. The article notes that the majority of the population of Russia lives in cities. Cities as centers of business activity, industrial potential, developed infrastructure and flexible adaptive economy. The urban economy is subject to crises and cyclical fluctuations, which affects the level and quality of life of citizens. Local governments are taking a number of measures to mitigate such fluctuations. The coronavirus epidemic has shown the vulnerability of the urban economy and the ability of all business entities to work in new conditions. The authorities provided support both to the business sector, as a barometer of the urban economy, and to citizens as the main subject of urban economy.

Keywords pandemic, socio-economic development, million-plus cities, city economy, urban economy, problems of cities, large cities, cities as a center of attraction for investments, problems of cities

For citation: Gontareva D. N., Lozovova L. A. The impact of the pandemic on the socio-economic development of cities (using the example of the millennial cities of Southern Russia). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):77–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-77-85>.

Неотъемлемый компонент развития любой национальной экономики в условиях глобализации и цифровизации является постепенный процесс повышения роли городов, а именно доминирование несельскохозяйственных функций в экономике, пространственной концентрации деятельности хозяйствующих субъектов на территориях социально-экономического развития и распространением городского образа жизни.

Город в современном понимании представляют собой сосредоточение интеллектуального, производственного, финансового, экономического и социального потенциалов и по мере своего развития они становятся ведущими звеньями системы расселения, на основе территориального сосредоточения производительных сил и производственных отношений, в основе которых лежат социально-экономические процессы.

При увеличении доли городского населения растет экономическая, политическая и культурная значимость городов по сравнению с сельской местностью. Более того, современные города это основное место притяжения и сосредоточения интеллектуальных, промышленных, экологических, финансовых ресурсов и центры социально-экономического развития регионального и национального уровней, а часть городов играет роль и на международном уровне [1] (например, Москва как центр притяжения инвестиций, Санкт-Петербург культурная столица России, Екатеринбург на стыке Европы и Азии).

По рейтингу стран мира по уровню урбанизации в 2020 году Россия занимает 60 место, занимая строчку рядом с Болгарией, Швейцарией и Чехией¹. Доля городского населения составляет 74,7 % от общего числа жителей, при этом населения неравномерно распределено по городам, так, в России насчитывается более 1100 тыс. городов, из них большая часть – это малые города с численностью до 50 тыс. человек (15,51 % населения страны), 150 городов с численностью населения более 100 тыс. человек (10,04 % соответственно), 95 городов до 250 тыс. чел. (14,13%), 40 городов до 500 тыс. чел. (13,77 %), 23 города с населением до 1 млн. чел. (13,77%) и более четверти населения страны сконцентрированы в 16 крупнейших городах-миллионниках 33,69 млн. чел. (32,78%)². Как раз они формируют большую часть национального богатства страны - 32% ВВП государства.

Одна из главных тенденций в нашей стране является сверхурбанизация или приток населения малых и средних городов в более крупные, ведь города выполняют множество функций и имеют развитую инфраструктуру, которая быстро реагирует на сигналы, поступающие из внутренней и внешней среды.

Функции городов представлены на рис. 1.

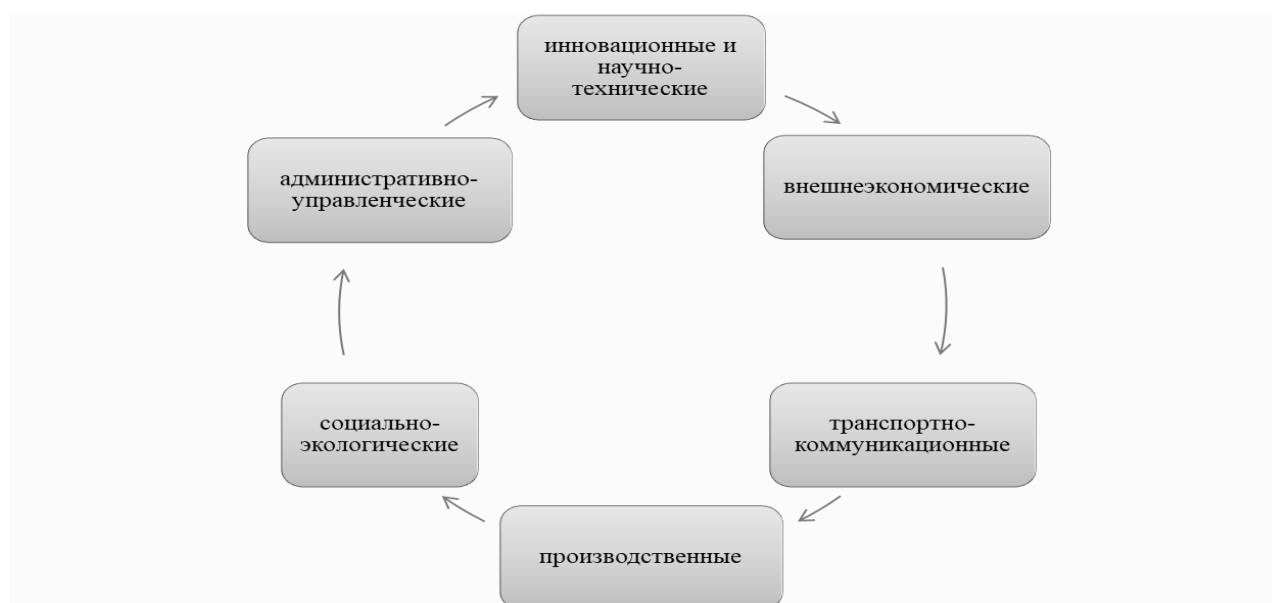

Рис. 1. Функции современных городов

Fig. 1. Functions of modern cities

Крупнейшие города играют лидирующие позиции в системе городского расселения, поскольку сочетают в экономике ведущие отрасли хозяйства и прогрессивные виды экономической деятельности. Как правило, им присуща расширенная сфера приложения труда, способствующая концентрации экономически активного населения, диверсификации экономики и интенсификации городского образа жизни.

¹ Рейтинг стран мира по уровню урбанизации [Электронный источник] // Официальный сайт гуманитарного портала gtmarket.ru

² Росстат: в 16 городах-миллионниках проживает четверть населения [Электронный источник] <https://regnum.ru/news/society/2768515.html>

Крупнейшие города являются фокусно-узловыми пунктами регионов, концентрирующими демографический, трудовой, промышленный, инновационный и научный потенциал страны [2] и точками опоры, своеобразными локомотивами развития при кризисных ситуациях в экономике с использованием индустрии инноваций.

Экономика крупнейших городов представляет собой открытую территориальную социально-экономическую систему, состоящую из элементов, исторически сложившихся с соответствующим типом ресурсов и потенциалом. Данный тип экономики подвержен влиянию, как внутренних (территории близлежащие), так и внешних факторов (цифровизация и глобализация городской экономики).

Экономика города – это сложная система, в основании которой лежат условия ее функционирования: бизнес-среда и инвестиционный климат, уровень образования, исследований и управленческой культуры, существующая инфраструктура (как физическая, так и социальная) и экологическая обстановка. Эти условия формируют рамки для драйверов развития, таких как управление, структура промышленности, человеческий капитал и инновации.

Гибкость городской экономики способствует развитию и формированию конкурентной среды, внедрению новых экономических концепций, развитию инклюзивности, выстраивания четкого спроса и предложения товаров, работ и услуг и предстают точками аккумуляирования капитала, технологий и трудовых ресурсов.

Президент Российской Федерации в своих посланиях Федеральному Собранию неоднократно подчёркивал, что развитие городов должно стать движущей силой страны, при этом акцент необходимо сделать на социальные и инфраструктурные проекты и развитие новых технологий при обновлении городской среды. Вопросы устойчивого развития, социального и экономического здоровья экономики городов залог развития регионального и федерального уровня.

В России 8 федеральных округов, при этом города-миллионники расположены крайне неравномерно, так в Приволжском федеральном округе 5 городов-миллионников, а в Дальневосточном такие города отсутствуют.

Высоким уровнем урбанизации отличается и Южный федеральный округ, концентрирующий 11,28 % от населения РФ (на площади 2,61 %) или 16,48 млн чел. (по состоянию на 1 января 2021 г.).

Учитывая, что большинство населения проживает в городах устойчивость городской экономики важный инструмент социально-экономического развития ЮФО.

Южные города (Ростова-на-Дону, Краснодар, Волгоград) являются важнейшими центрами экономики Юга России, активными точками социально-экономического развития ЮФО.

Пандемия оказала существенное влияние на экономику страны в целом. Так, в результате локдауна в I квартале 2020 года потери составили 0,49% годового внутреннего валового продукта (ВВП), а во II квартале – 7,53% годового ВВП. Но в этом году постепенно наблюдается восстановление российской экономики, о чем свидетельствуют такие показатели как: ВВП (в первом полугодии текущего года вырос на 4,8%); размер зарубежных инвестиций в Россию за этот же период составил около \$11 млрд.; также наблюдается рост на 2,5% реальных располагаемых доходов граждан России (ниже, чем до докризисного уровня).

К наиболее пострадавшим от пандемии относятся такие сферы экономики как: гостиничный бизнес, предоставление услуг, ресторанный бизнес, туризм, фитнес-индустрия, пассажирские перевозки, организация досуга и развлечений, спорт, туризм, общественное питание, дополнительное образование, организация конференций и выставок и бытовые услуги.

Волны пандемии воспринимались городской экономикой по-разному. Первая волна – адаптация малого и среднего предпринимательства к изменяющимся условиям, вторая волна – жесткие ограничения по мере распространения коронавируса.

В итоге пандемия повлияла на структуру городской экономики, городской образ жизни и устройство городской экономики. В целом города оперативно отреагировали на этот кризис, и то, как они реагируют, имеет решающее значение для защиты их населения, прекращения пандемии и создания условий для обеспечения устойчивого развития и восстановления.

Для оценки влияния пандемии на экономику городов-миллионников (Ростов-на-Дону, Краснодар и Волгоград) ЮФО проводился анализ 5 социально-экономических показателей за 2018–2020 гг. и 1 квартал 2021 года на основе данных Росстата¹.

¹ Сравнительный анализ городов ЮФО. Официальный интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской думы Краснодара [Электронный источник] // <https://krd.ru/departament-ekonomicheskogo-razvitiya-investitsiy-i-vneshnikh-svyazey/ekonomika/sravnitelnyy-analiz-yufo/>

Первый показатель социально-экономической ситуации является демография городского населения - численность постоянного населения, позволяющий выявить количественные состав населения конкретного города.

Результаты исследования представлены на рис. 1.

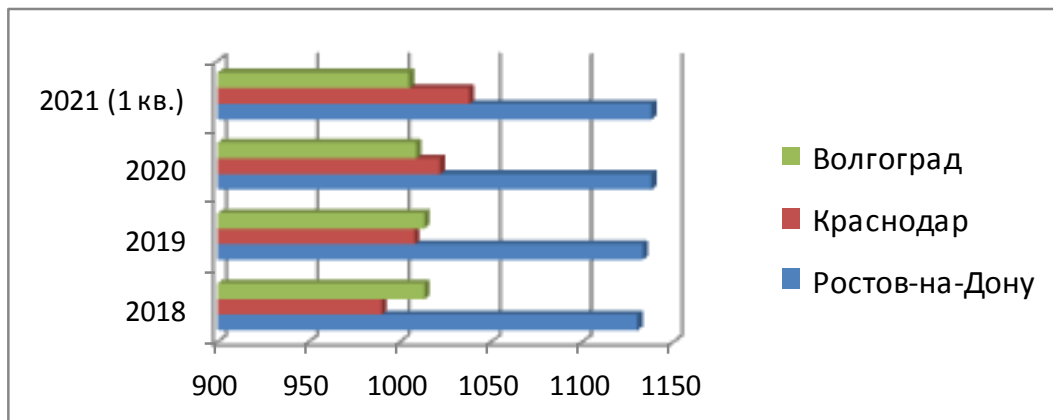

Рис. 2. Динамика численности постоянного населения городов-миллионников ЮФО за 2018–2021 гг. (тыс. чел.)

Fig. 2. Dynamics of the permanent population of the cities with millions of inhabitants of the Southern Federal District for 2018–2021 (thousand people)

Оценивая динамику численности населения можно сказать следующее, что лидером по численности населения является город Ростов-на-Дону, где пандемия не оказала существенного влияния на число жителей мегаполиса, а, наоборот, за последний три города число жителей незначительно возросло. Город Краснодар в свою очередь, в течение этого периода перешел в статус города миллионника и численность населения увеличивалась (в 1 квартал 2021 г. достигла 1038,0 млн. чел.). Городское население города Волгограда демонстрирует отрицательную динамику – количество постоянного населения незначительно уменьшилось по сравнению с 2018 годом (менее 1 %).

Второй показатель - объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по крупным и средним предприятиям (обрабатывающие производства), который позволяет оценить стоимость товаров, работ, услуг произведенных предприятиями города.

Результаты исследования представлены на рис. 2.

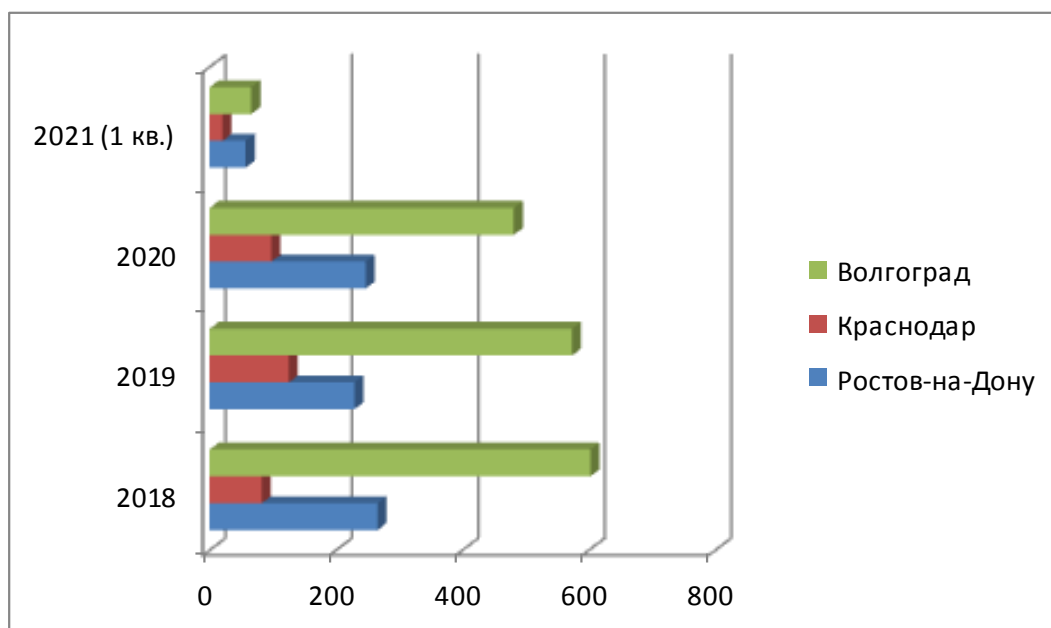

Рис. 2. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по крупным и средним предприятиям (обрабатывающие производства) по городам-миллионикам за 2018-2021 гг. (млн руб.)

Fig. 2. The volume of shipped goods of own production, works and services performed by large and medium-sized enterprises (manufacturing industries) by million-plus cities for 2018-2021 (million rubles)

Оценивая данный показатель по городам ЮФО можно заметить, что в 2019 г. объём отгруженных товаров в городе Ростове-на-Дону и городе Волгограде продемонстрировал отрицательную динамику (уменьшился) в городе Ростове-на-Дону на 14 %, в городе Волгограде на 5 %, но в 2020 г. объём отгруженных товаров в городе Ростове-на-Дону показал динамику роста, а в городе Волгограде дальнейшее падение (21%) по сравнению с 2018 г. В городе Краснодаре в 2018 г. рост, затем последовало падение в 2020 г.

Следующий показатель оценки – оборот розничной торговли по крупным и средним организациям всех видов деятельности. Данный показатель характеризует выручку от продажи товаров населению для личного потребления или использования в домашнем хозяйстве за наличный расчет.

Результаты исследования представлены на рис. 3.

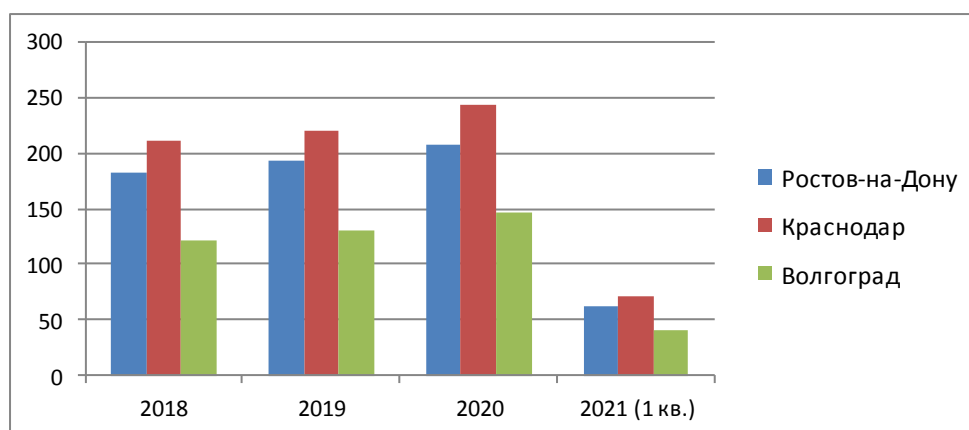

Рис. 3. Оборот розничной торговли по крупным и средним организациям всех видов деятельности (млн. руб.) по городам-миллионникам за 2018–2021 гг.

Fig. 3. Retail trade turnover by large and medium-sized organizations of all types of activity (million rubles) by million-plus cities for 2018-2021

Данный показатель характеризуется положительной динамикой, так за последние три года он постепенно увеличивался по всем городам. По сравнению с 2018 годом в городе Ростове-на-Дону на 12%, в городе Краснодаре на 13 %, в городе Волгограде на 17 %. Анализируя оборот розничной торговли между городами можно сделать вывод, что город Краснодар, несомненно, является лидером по обороту розничной торговли, начиная с 2018 г.

Очередным оценочным показателем является - инвестиции в основной капитал по крупным и средним организациям за счёт всех источников финансирования. Данный показатель соотносит затраты на создание и приобретение новых основных средств, а также поступивших по импорту (за счет всех источников финансирования), включая средства бюджетов на возвратной и безвозвратной основе, кредиты, техническую и гуманитарную помощь, договор мены.

Результаты исследования представлены на рис. 4.

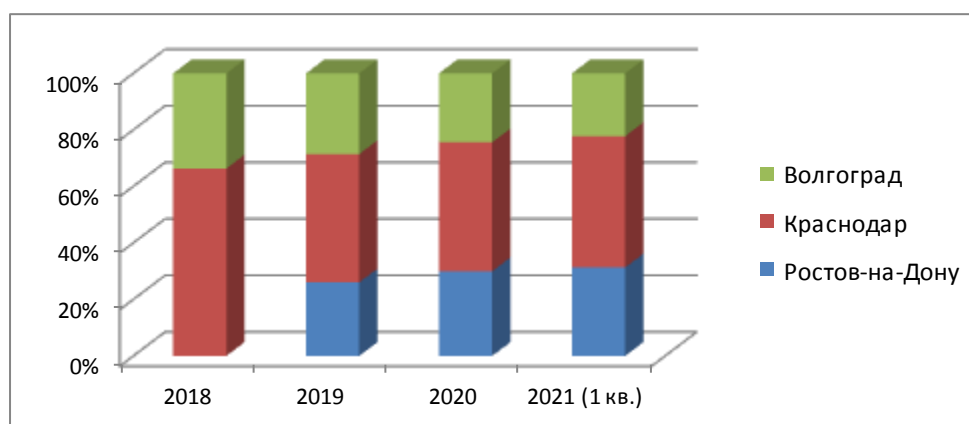

Рис. 4. Инвестиции в основной капитал по крупным и средним организациям за счёт всех источников финансирования, млрд. руб. по городам-миллионникам за 2018-2021 гг.

Fig. 4. Investments in fixed assets by large and medium-sized organizations at the expense of all sources of financing, billion rubles by million-plus cities for 2018-2021

Оценивая показатель можно сказать, что бесспорным лидером по инвестициям в основной капитал за предыдущие три года является город Краснодар, но инвестиции по сравнению с 2018 годом у города снизились на 6 %. В городе Волгограде этот показатель в 2020 г. практически равен показателю 2018 г., а город Ростов-на-Дону, наоборот, на 13 % увеличил объем инвестиций по сравнению с 2019 г.

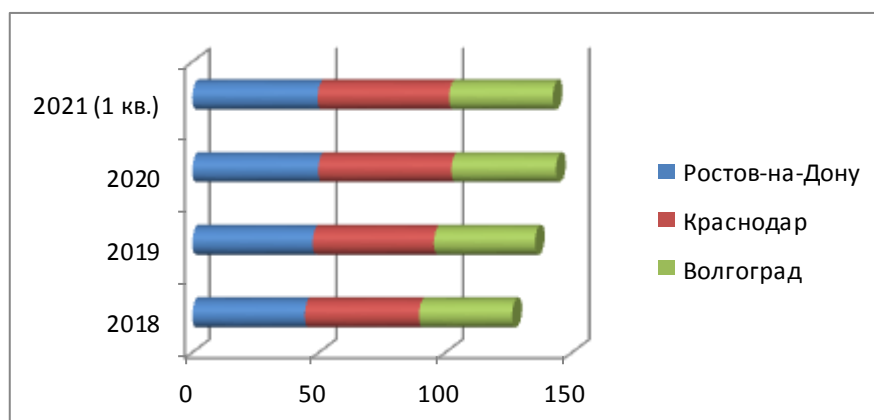

Рис. 5. Среднемесячная заработная плата одного работающего по крупным и средним предприятиям (руб.) по городам-миллионникам за 2018-2021 гг. (тыс. руб.)

Fig. 5. The average monthly salary of one employee in large and medium-sized enterprises (rubles) by million-plus cities for 2018-2021. (thousand rubles)

Среднемесячная заработная плата одного работающего по крупным и средним предприятиям еще один показатель, влияющий на качество жизни горожан.

По данному показателю лидером является город Краснодар. На втором месте город Ростов-на-Дону и завершает линейку город Волгоград. Все три города – миллионника показывают положительную динамику – рост заработной платы. Так, в городе Ростове-на-Дону и городе Волгограде заработная плата увеличилась на 10 % по сравнению с 2018 годом с 44,4 тыс. руб. до 49,5 тыс. руб., с 36,8 до 41,3 в городе Волгограде соответственно, а в Краснодаре этот показатель еще выше с 45,1 до 52,6 тыс. руб.

Таким образом, согласно статическим данным существенного падения экономика городов-миллионников не испытывала, а наоборот часть показателей имеет положительную динамику. Такая гибкость городской экономики – это следствие эффективной политики органов власти, нацеленной на диверсификацию, развитие инфраструктуры, новых производств.

Вышеуказанные города проводили мощную политику по поддержанию и развитию городской экономики в период пандемии и ее адаптацию для работы в новых условиях хозяйствования. В основном меры сконцентрированы вокруг двух хозяйствующих субъектов – предпринимательского сектора (формирующий предложение на товары, работы и услуги на территории) и сектор домашних хозяйств (отвечающие спросом).

Рассмотрим меры городов-миллионников.

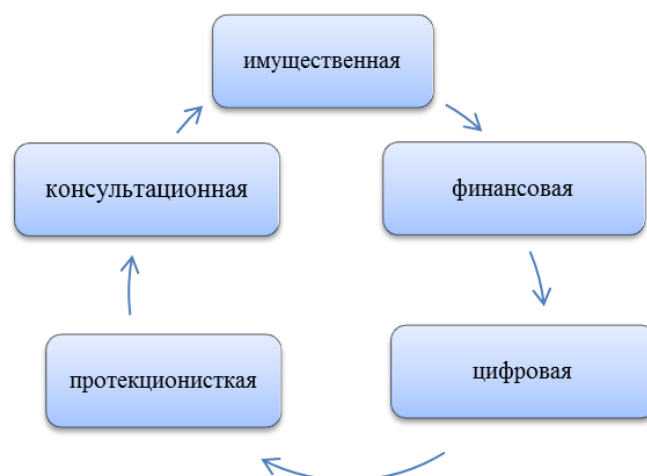

Рис. 6. Меры поддержки предпринимательского сектора по городам-миллионникам в условиях пандемии

Fig. 6. Measures to support the business sector in million-plus cities in the context of a pandemic

Ростов-на-Дону занимает 1-ое место среди городов-миллионников по количеству зарегистрированных индивидуальных предпринимателей на 10 тыс. жителей, по итогам января-сентября 2020 года на территории города зарегистрировано около 27 тыс. субъектов малого и среднего бизнеса. Его доля в экономике города составляет практически 40%.

Учитывая важность предпринимательского сектора, поддержка оказывалась и оказывается поддержка по 6 направлениям:

финансовое – снижение ставки налогов (например, в 2 раза снижена ставка налога для предпринимателей, работающих по упрощенной системе налогообложения для наиболее пострадавших отраслей экономики);

консультационное – разработка и внедрение организациями и фондами, осуществляющими поддержку предпринимательского сектора льготных продуктов;

имущественное – отсрочка арендной платы на определенный период для предпринимателей арендующих муниципальные помещения и установление ставки аренды в 1 рубль для предприятий, размещенных на площадках институтов поддержки предпринимательства;

протекционистское – возможность получить кредиты на пополнение оборотных средств по льготной ставке для предприятий производящих средства индивидуальной защиты или антисептики;

контрольно-надзорное – мораторий на проведение проверок и на возбуждение дел о банкротстве;

цифровое – внедрение в работу предпринимательского сектора цифровых инструментов как: платформа для отбора лучших проектов для грантов и финансирования – «Бизнес-акселератор»;

программа по переводу предпринимательского сектора в интернет-пространство «Центр цифровизации бизнеса» предназначенная для оцифровывания специальной продукции и создание маркетингового плана продвижения;

программа по поиску крупных заказов в области торговли, туризма, рекламы и маркетинга «Кооперационная площадка».

На территории Волгоградской области зарегистрировано 618 тыс. предпринимателей, при этом 4,4 % зарегистрировано в городе Волгограде 27,3 тыс. чел. Поддержка малого предпринимательства сосредоточилась по трем приоритетным направлениям: имущественная, консультационная и финансовая¹.

Имущественная поддержка включает в себя предоставление помещений в аренду без проведения торгов и на льготных условиях по определенным видам предпринимательской деятельности (производственная, социальная, научная), а также уменьшение арендной платы в размере 25% от рыночной стоимости за пользование объектами государственного имущества.

Консультационная, экспертная и информационно-аналитическая поддержка оказывается в сфере:

ведения предпринимательской деятельности и экспортной деятельности;

технологического и проектного инжиниринга (проведение экспресс-оценки; анализ потенциала малых и средних предприятий, выявление текущих потребностей и проблем предприятий, влияющих на их конкурентоспособность; проведение технических аудитов на предприятиях; проведение финансового или управленческого аудита на предприятиях;);

социального предпринимательства (услуги по продвижению, поддержке и сопровождению социальных проектов);

научно-технической, инновационной и производственной.

Финансовая поддержка представлена кредитованием (предоставление займов микрофинансовым организациям и кредитным кооперативам, поручительство Гарантийного Фонда Банку за заемщика) и налоговым направлением (снижение ставок налога, взимаемого при упрощенной системе налогообложения и снижение ставки единого налога на вмененный доход).

Аналогичные виды поддержки оказывали органы местного самоуправления города Краснодара. В Краснодаре более 84,5 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства.

¹ Государственная поддержка предпринимательства в Волгоградской области [Электронный источник] // Официальный сайт Союза «Волгоградская торгово-промышленная палата» // <https://volgograd.tpprf.ru/ru/special/mery-podderzhki-biznesa-covid-19/>

По видам поддержки можно выделить следующие¹:

кредитная, представлена займами и поручительствами. Займы можно получить от Фонда микрофинансирования Краснодарского края, антикризисные микрозаймы: от 100 тыс. до 2 млн руб. и «Антикризисные займы от 3 до 30 млн. рублей, займ на неотложные нужды и займ по программе «Первая необходимость». Поручительства от Краевого фонда развития бизнеса по банковским кредитам и банковским гарантиям предприятиям, нуждающимся в финансировании в связи с ухудшением финансово-экономического положения;

имущественная, заключается в предоставлении отсрочки арендных платежей по договорам аренды недвижимости (в краевой собственности), отсрочки для земельных участков не пострадавших от коронавируса отраслей российской экономики, а также отсрочки для арендаторов арендуемых недвижимости виды деятельности которых соотносятся с одной из отраслей пострадавшей от коронавируса использованием;

финансовая – снижение ставок: по отдельным налоговым режимам; по единому налогу на вмененный доход; на имущество собственникам коммерческой недвижимости.

Поддержка органов местного самоуправления важна для предпринимательского сектора, но немаловажную роль играют виды поддержки на федеральном уровне [3–5].

Одно из последних предложений²: единовременно выплатить компаниям гранты в размере 1 МРОТ на одного занятого в пострадавших от коронавируса отраслях и возобновить льготную кредитную программу для бизнеса ФОТ 3.0, позволяющую малым и средним предприятиям взять кредит под 3% годовых при сохранении 90% работников до конца срока выплаты кредита.

Пандемия коронавируса сильно повлияла на городской образ жизни и методы управления городской экономикой. Отраслевой состав претерпел изменения. Пандемия ускорила развитие одних аспектов экономики (e-commerce) и заморозила другие (туристический бизнес).

Но, как экономика страны в целом, так и экономика на уровне конкретного города восстанавливается благодаря продуманной стратегии органов власти и совместными усилиями хозяйствующих субъектов. Есть ряд отраслей, восстановление которых зависит от внешних факторов (например, гостиничный бизнес – туризм от международных ограничений), а есть от внутренних (сфера красоты и фитнеса). Поэтому необходимы комплексные меры поддержки.

Предпринимательский сектор за время пандемии коронавируса сумел перенастроить бизнес-процессы, внедрить в продажи электронную коммерцию, перевести часть сотрудников на удаленную работу, оптимизировать отношения внутри компании.

В свою очередь, органы местного самоуправления для смягчения последствий коронавируса проводили инвестиционную политику по привлечению временно свободных денежных средств в экономику, создавали новую инфраструктуру и адаптировали производства к нынешним условиям, изменяли графики работы предприятий, внедряли новые способы коммуникации, перепрофилировали городские офисные и торговые площади, а также проводили масштабные медицинские меры.

Необходимо учитывать, что пандемия заложила тенденции развития городской экономики и в дальнейшем они будут усиливаться, среди них можно назвать: 1) переход на удаленную работу (опыт европейских стран - доля работающих на дому за 12 лет выросла с 7,7% до 10%, в Австралии с 8% в 2001-м до 30%) [6]; 2) распространение электронной коммерции и цифровых сервисов (например, доставка товаров на дом, переход на систему самообслуживания).

Таким образом, городская экономика крупнейших городов это открытая система подвергающаяся влиянию множества факторов. От ее развития зависит не только уровень и качество жизни горожан, но и всей страны. Поэтому так важно органам власти проводить рациональную политику по укреплению городской экономики с учетом тенденций развития регионального, национального и мирового уровня.

Список источников

1. Обедков А.П. Закономерности эволюции и этапы развития городского расселения материалы // Международная научно-практическая конференция Отв. ред. Н.В. Яковенко. - том. 1. Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты. Воронеж, 12-16 ноября 2019 г. С. 151-156.

¹ Меры поддержки бизнеса [Электронный источник] Официальный сайт Администрации Краснодарского края // <https://admkrasnodar.ru/content/2032/>

² Кабмин может с 15 ноября начать выплату МСП грантов по одному МРОТ на занятого [Электронный источник] Рамблер/финансы (rambler.ru) // <https://finance.rambler.ru/money/47423950-kabmin-mozhet-s-15-noyabrya-nachat-vyplatu-msp-grantov-po-odnomu-mrot-na-zanyatogo/>

2. Хорт Н. Как изменятся города после пандемии [Электронный источник] <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5ea1aef09a794731b2717fca>
3. Вахтина М. А., Игнатова Т. В. Институциональные ограничения на пути комплексного развития российских моногородов // Вестник Академии знаний. 2020. № 36(1). С. 43–48.
4. Игнатова Т. В., Героева Ю. А., Гонтарева Д. Н. Теория и методология управления инновационным предпринимательством в мегаполисе // Наукovedение. Электронный журнал. 2014. № 4 (23). <http://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-4-14>
5. Пономарева А. М., Игнатова Т. В. Разработка матрицы инновационно-креативного развития города на основе индексного метода // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9. № 3. С. 37–47.
6. Теува Е. Города после болезни. Как эпидемии меняют городскую среду [Электронный источник] // <https://www.kommersant.ru/doc/4340942>

References

1. Obedkov A. P. Patterns of evolution and stages of development of urban settlement materials. In: *International Scientific and Practical Conference*. Ed. by N.V. Yakovenko. Vol. 1. *Theoretical and applied problems of geographical science: demographic, social, legal, economic and environmental aspects*. Voronezh, November 12-16, 2019, pp. 151-156. (In Russ.)
2. Hort N. *How cities will change after the pandemic*. Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5ea1aef09a794731b2717fca>
3. Vakhtina M. A., Ignatova T. V. Institutional restrictions on the comprehensive development of Russian single-industry towns. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;36(1):43-48. (In Russ.)
4. Ignatova T. V., Geroeva Yu. A., Gontareva D. N. Theory and methodology of managing innovative entrepreneurship in the metropolis. *Naukovedenie. Elektronnyi zhurnal = Science. Electronic journal*. 2014;4(23). Available from: <http://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-4-14> (In Russ.)
5. Ponomareva A.M., Ignatova T. V. Development of the matrix of innovative and creative development of the city on the basis of the index method. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of economic regulation*. 2018; 9(3):37-47. (In Russ.)
6. Teuva E. *Cities after illness. How epidemics change the urban environment*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4340942>

Информация об авторах

Д. Н. Гонтарева – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и предпринимательства;
Л. А. Лозовова – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и предпринимательства;

Information about the authors

D. N. Gontareva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship;
L. A. Lozovova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 05.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-86-92

БЕДНОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРАКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В СТРАНЕ

Владимир Викторович Келарев

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, vkelarev@yandex.ru

Аннотация. Бедность как экономическое явление присутствует в нашей экономике с самого начала рыночных преобразований. Существующие теоретические концепции по-разному оценивают бедность как экономическую категорию. Показатели бедности данных концепций характеризуют в нашей стране отрицательную динамику. Количество бедного населения увеличивается. Экономические последствия бедности влияют на деятельность малого и среднего предпринимательства. Такие последствия проявляются в снижении покупательной способности населения, изменения структуры спроса в сторону низкого ценового сегмента и в целом негативно влияют на деловую активность малого и среднего бизнеса в экономике.

Ключевые слова: бедность, концепции бедности, методы оценки бедности в России, динамика бедности в РФ, взаимосвязь деловой активности малого бизнеса и уровня бедности, малый бизнес РФ, факторы бедности, воздействующие на развитие малого бизнеса

Для цитирования: Келарев В.В. Бедность как явление российской экономики и ее отрицательное воздействие на практическое развитие малого бизнеса в стране // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 86–92. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-86-92>.

Problems of Economics

Original article

POVERTY AS A PHENOMENON OF THE RUSSIAN ECONOMY AND ITS NEGATIVE IMPACT ON THE PRACTICAL DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESSES IN THE COUNTRY

Vladimir V. Kelarev

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, vkelarev@yandex.ru

Abstract. Poverty as an economic phenomenon has been present in our economy from the very beginning of market transformations. The existing theoretical concepts in different ways assess poverty as an economic category. Poverty indicators of these concepts characterize negative dynamics in our country. The number of the poor is increasing. The economic consequences of poverty affect the activities of small and medium-sized enterprises. Such consequences are manifested in population's purchasing power decrease, changes in the structure of demand towards a low-price segment and, in general, negatively affect the activity of small and medium-sized business in the economy.

Keywords: poverty, concept of poverty, methods of assessing poverty in Russia, dynamics of poverty in the Russian Federation, the relationship between small business activity and the level of poverty, small business in the Russian Federation, poverty factors affecting the development of small business

For citation: Kelarev V. V. Poverty as a phenomenon of the Russian economy and its negative impact on the practical development of small business in the country. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):86–92. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-86-92>.

Рыночные преобразования социально-экономической жизни нашей страны в течение почти двух с половиной десятилетий дают не только положительные ожидания и результаты. Существует достаточно много негативных последствий реформирования нашей экономической системы. Одними из таких негативных фактов стоит назвать увеличивающееся в последние годы количество бедного населения в нашей стране и снижение количества населения, относящихся к среднему классу.

Как возникает бедность, как она оценивается, какие сопутствующие проблемы несет бедность в социально-экономической действительности... эти и многие другие аспекты постоянно

исследуются учеными. Рассматривая понятие «бедность» стоит отметить, что это явление сопровождает существование человечества в течение многих десятков веков. Ряд специалистов считает, что это «вечная и многогранная проблема, которая является неотъемлемой частью общественной жизни» [1], и для ее искоренения нужны научные подходы, которые дают обоснованные рекомендации для государственной политики в этом направлении.

Среди зарубежных концепций борьбы с бедностью первыми работами стали труды Чарлза Бута [2]; и Сибом Раунтри, [3], которые анализируя количественные оценки бедности, опирались на концепцию взаимосвязи дохода и бедности. Ими введено в оборот научное понятие «порог бедности» – тот минимальный доход, который необходим только для питания, одежды и проживания. Позже, опираясь на данную теорию, возникла концепция «прожиточного минимума».

Другая концепция, «концепция относительной бедности», создана американцем П. Таунсэндом [4]. В ней бедность связывалась с уровнем социального благосостояния. Бедность оценивалась не только по наличию жилья и средства на питание, но и с наличием жизненно необходимых услуг. Такой подход предполагает взаимосвязь между бедностью и социальными возможностями общества. Качество жизни определялось возможностью доступа к многообразным социальным услугам общества.

В 1979 году норвежцем Е. Хансеном [5]; была предложена концепция бедности, опирающаяся на необходимость учета всех проблем, с которыми сталкиваются бедные люди (концепция аккумулятивной депривации). Необходимо учитывать не только самые необходимые потребности человека и минимальные социальные потребности, но и те потребности, которые могут удовлетворяться при получении образования, услуг здравоохранения, безопасности и т.д.

В 1980-с появляется голландская концепция бедности на основе того, что использовалась субъективная оценка бедности: т.е., насколько человек сам оценивает свою бедность и достаток своей жизни. Такая теория дает возможность посмотреть на бедность через призму самооценки субъекта и это хорошая социальная информация для принятия мер.

Российская экономическая наука проблемы бедности начала изучать с началом 2000 года, когда стали значительно проявляться характеристики исследуемого явления. К таким авторам стоит отнести И. А. Голосенко, М. А. Можиную, В. С. Сычевой, В. С. Тапилиной и Н. В. Черниной и др. [6]

Актуальность темы и потребностей в ее дальнейшем изучении характеризует тот факт, что в 2019 году Нобелевская премия по экономике вручена М. Кремеру, А. Банерджи и Э. Дюфло [7] за их вклад в исследование проблематики феномена «бедности» и разработку мер по его искоренению. Так, В. Н. Овчинников [7] отмечает, что «их эмпирические (полевые) исследования и эксперименты в образовании, здравоохранении, финансовой и технологической сферах позволили иначе взглянуть на эффективность традиционных инструментов социально-экономической политики в странах догоняющего мира, предлагая им взамен новые, более совершенные практики и реформы, направленные на борьбу с бедностью».

В самом общем виде бедность представляется собой состояние, когда у человека отсутствуют возможности для минимального удовлетворения своих биологических и социальных потребностей, т. е. тех потребностей, которые представлены таблицей Маслоу, начиная от физиологических потребностей и заканчивая духовными потребностями и потребностями в самовыражении. Состояние, когда у человека есть возможность для удовлетворения всех своих потребностей, можно назвать богатством. Поэтому на наш взгляд, понимание бедности стоит рассматривать в одной связке с категорией богатство. Между состояниями возможностями полного удовлетворения своих возможностей и, например, только биологическими существуют целые промежуточные уровни.

Так, Т. В. Кашникова [8] выделяет следующие уровни: нищета, нужда, умеренная бедность, плавающая бедность, хроническая и временная бедность и др. В европейских странах, по мнению Н. П. Купрешенко, «бедность определяют неимением достаточных ресурсов для поддержания общепринятого в социуме уровня жизни» [1], и для оценки состояния бедности приняты пороги бедности. Так, «порог бедности» определяется доходами ниже «относительного порога бедности». Данный порог определяется «минимальным прожиточным минимумом и составляет 660 – 669 евро» [1].

В самом общем виде позиция Д. А. Зияева [6] дает возможность посмотреть на оценку бедности с трех сторон. Первый подход формируется на основе тех минимальных потребностей, которые удовлетворяют физиологические потребности человека. Исходя из них, определяется так называемая «потребительская корзина», что позволяет субъекту выжить.

Второй подход определяется статистическим путем посредством выделения из общего количества населения, людей, живущих на уровне минимального прожиточного минимума или ниже его.

Третий подход учитывает субъективизм в оценке бедности. Здесь используются социологические методы, позволяющие реально иметь информацию о части населения, считающей себя бедным.

Комбинированный подход, или смешанный метод определяет бедность по разным группам. Например, необходимое количество продуктов рассчитывается по нормам, а непродовольственные товары, стоимость услуг рассчитывается из расчета этих долей в расходах бедного населения.

В нашей стране уровень оценки бедности опирается на разные подходы. Но в первую очередь, они связаны с концепцией абсолютной бедности (нормативной), т. е. концепцией, которая опирается на оценку самых необходимых условий для существования граждан. Так, в России уровни бедности определены понятиями:

- прожиточный минимум;
- уровень потребительской корзины;
- минимальный размер оплаты труда (МРОТ).

Например, «в 2018 г. прожиточный минимум составлял 10 287 руб., в 2019 – 10 890 руб., в 2020 – 11 731 руб. (для трудоспособных граждан)» [9]. Прожиточный минимум в нашей стране на данный текущий 2021 год составляет 11653 руб. Это денежная оценка стоимости необходимых продуктов и условий проживания человека. Необходимо заметить, что с этой суммы следует выплачивать налоги и коммунальные платежи. В прожиточный минимум включается и стоимость потребительской корзины. Это стоимость продуктов для биологического существования человека в месяц.

Состав потребительской корзины на 2021 год остался неизменным. Основанием для расчета служит Федеральный закон №227 [10], согласно которому раз в пять лет пересматриваются содержание и объемы продуктовой корзины по каждой социальной группе населения.

На основании закона в корзину входят продовольственные продукты, непродовольственные товары и услуги. Общая продуктовая корзина на месяц может включать в себя следующий список продуктов:

- Хлебобулочная продукция.
- Сахар. Яйца.
- Макароны. Мука.
- Различные крупы.
- Овощи. Фрукты.
- Мясо. Рыба.
- Молочные изделия.
- Растительное масло. Маргарин.
- Приправы. Чай.

Кроме этого, в потребительскую корзину входят минимальное количество непродовольственных товаров, позволяющих иметь удовлетворять потребности в одежде, некоторые потребности в гигиене и медикаментах и др.¹ В настоящий момент в нашей стране в состав потребительской корзины входят 156 товаров. Тогда как в Великобритании – 350, в Германии – 475, в США – 300 товаров. Стоимость потребительской корзины в нашей стране дифференцируется по регионам. Отметим и то, что потребительская корзина отличается по регионам. В Российской Федерации вся страна поделена на 10 регионов.

МРОТ (минимальный размер оплаты труда) – это тот показатель, который определяет минимальную заработную плату, которую работодатель обязан платить работнику. На 2021 года эта величина составляет 12792 рубля.

Таким образом, сделаем вывод, что абсолютная концепция бедности в нашей стране выражается в наличии тех показателей, которые определяют минимальные критерии физиологического существования человека. Это минимальный прожиточный минимум, уровень потребительской корзины и минимального размера труда.

Если оценивать уровень бедности в нашей стране на основе абсолютной концепции, то выводы здесь неутешительные. Так в табл. 1 показан анализ динамики количества бедного населения в нашей стране. Такая оценка опирается на сопоставлении доходов с минимальным прожиточным минимумом.

Таблица 1 – Анализ количества бедного населения по годам, млн. чел.²

Table 1 – Analysis of the number of poor population over the years, mil. people

2000	2003	2006	2009	2012	2015	2017	2018	2019	2020
29,0	20,3	15,2	13,0	12,5	13,3	17,0	20,0	18,9	18

¹ Федеральный закон от 03.12.2012 N 227-ФЗ (ред. от 28.12.2017) "О потребительской корзине в целом по Российской Федерации" Электронные средства информации. Интернет-ресурсы. Консультант плюс. <https://legalacts.ru/>

² См.: [10], а также: Неравенство и бедность – [Электронный ресурс] – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

Как видно из данного анализа, абсолютное количество россиян, проживающих за чертой бедности, начиная с 2009 года, увеличивается. И в прошлом году составляла чуть более 18 миллионов человек, а это около 13 % от общего количества жителей страны.

Существует в нашей стране и оценка бедности на основе относительных показателей доходов населения с так называемыми медианными доходами, т.е. рассчитываются средние величины среднедушевого дохода, сопоставляются показатели с медианными цифрами и его долями.

Оценивая относительную бедность в нашей стране, т.е. анализируя долю населения, чьи доходы составляют меньше половины среднего дохода по стране, можно иметь представление о данной категории граждан на рис. 1. Как видно из рисунка, доля населения, получающая доходы ниже среднего, уменьшается, с 18,9 % от общей численности жителей в 2007 г., до 18,1 % в 2017 г.

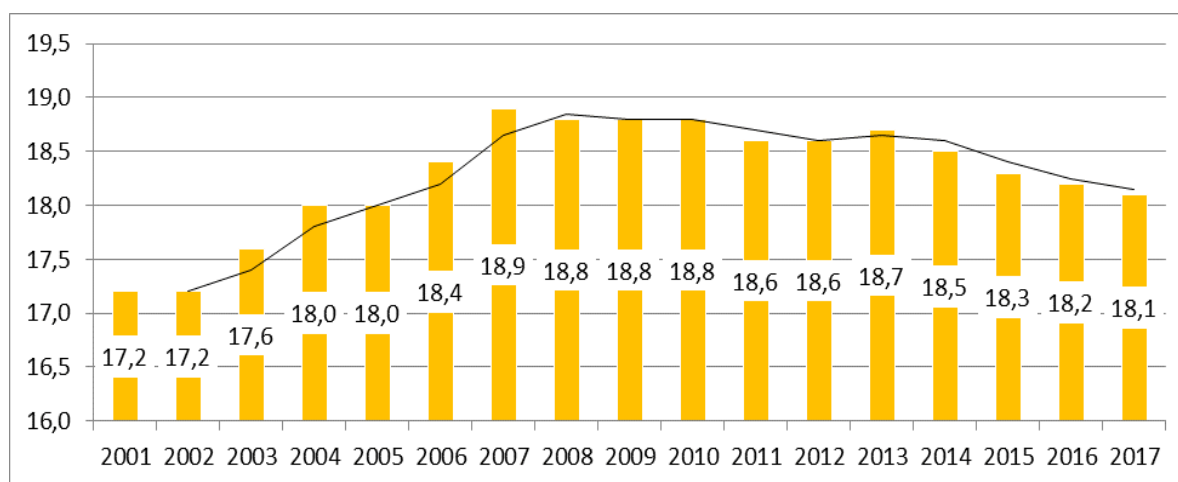

Рис. 1. Доля населения с денежными доходами ниже половины медианного дохода, Россия, 2001-2017 гг., %¹
 Fig. 1. The share of the population with money incomes below half of the median income, Russia, 2001-2017, %

И если исходить из того, что количество россиян около 147 млн чел., то более 26 млн граждан живет ниже среднего уровня. А это почти пятая часть населения. Таким образом, можно в целом оценить бедность в нашей стране, как постоянно присутствующее явление, которое затрагивает почти пятую часть населения.

В самом общем виде отметим, что бедность – это социально-экономическая категория, которая определяет бедность не с позиции состояния и возможностей отдельного человека, а зависит от его отношений с целыми институтами и нормами общественной и социальной жизни. Суть этих отношений заключена в том, что бедность эта категория, которая связана с условиями функционирования государства, его экономическими, географическими, политическими, экологическими, природными и другими возможностями, которые влияют на бедность населения.

Вместе с тем, и сама бедность как социальное явление в нашей стране, в свою очередь воздействует на экономические процессы в нашей среде. И одним из таких примеров служит взаимосвязь бедности и развитие малого предпринимательства.

Как уже отмечалось автором в работе [11], развитие данного института экономики происходит очень противоречиво. По оценкам ОПОРА России, одним из ключевых показателей деловой активности малых предпринимателей является индекс RSBI. На рис. 2 показана динамика такого индекса за последние 4 года.

В самом общем виде Индекс Опоры RSBI фиксирует уровень деловой активности субъектов малого и среднего бизнеса. С января 2020 г. RSBI рассчитывается ежемесячно и в самом общем виде отражает определенную взаимосвязь деловой активности субъектов МСП с динамикой ВВП. Уровень показателя RSBI колеблется от 0 до 100. Если этот показатель ниже 50 пунктов, то такой уровень характеризуется как уровень падения деловой активности.

И как видно из рис. 2, за последние 4 года данный индекс находился в зоне колебаний очень слабой деловой активности малого предпринимательства, а в период с марта 2020 и по март текущего года, по сути дела в зоне стагнации.

¹ Неравенство и бедность – [Электронный ресурс] – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

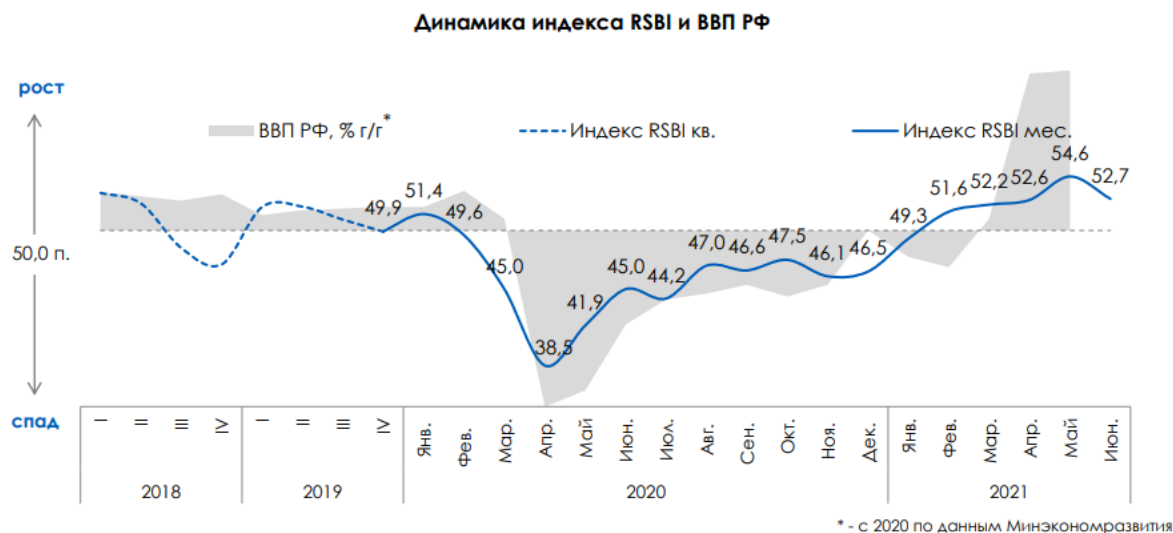
Рис. 2. Динамика индекса RSBI с 2018 по июнь 2021 года¹

Fig. 2. Dynamics of the RSBI index from 2018 to June 2021

Существует и другая методика оценки состояния активности МСБ. Она разработана институтом экономики роста им. Столыпина П. А. при участии Сбербанка и института уполномоченного при Президенте РФ по защите предпринимательства. Называется методика – расчет значения индекса Роста МСП.

Ее суть заключается в следующем. Берутся ключевые показатели, характеризующие состояние МСП: выручка, фонд оплаты труда и количество работающих в расчете на одного субъекта МСП. Причем, доля первого и второго показателя составляет по 40 процентов в общем показателе, а доля последнего – 20 процентов. Сама же формула выглядит следующим образом:

*Значение Индекса Роста МСП = выручка МСП*0,4 + объем ФОТ по МСП*0,4 + число рабочих мест * 0,2.*

Индекс Роста МСП рассчитывается поквартально, и данная методика имеет ряд преимуществ: она дает возможность для оперативной оценки активности предпринимательства; способная оценивать более половины субъектов МСП, и, следовательно, такой анализ лежит в основе прогнозирования состояния; и в третьих «индекс позволяет оценивать и прогнозировать развитие сектора МСП в разрезе как регионов и муниципальных образований, так и видов деятельности и размера предприятий» [12, с. 140].

Так, согласно данным, приведенным в специальном докладе Президенту РФ, подготовленным институтом уполномоченного по защите предпринимателей [16], сказано, что мы значительно отстаем от многих ведущих стран по оценке роли вклада субъектов МСП в экономику. А показатели Индекса Роста МСП первого квартала 2021 по отношению к первому кварталу 2020 года = минус 30 пунктов, что характеризует спад МСП. Отношение показателя Роста МСП в целом 2020 к 2019 характеризуется как стагнация². Да и в целом динамика МСП за последние 10 лет не улучшается, а ухудшается, как в части увеличения доли в ВВП страны, так и в части показателей занятости в малом и среднем предпринимательстве.

Рассматривая причины низкой активности малого и среднего бизнеса, несложно заметить, что динамика показателей его активности связана со многими макроэкономическими показателями экономики, и в данном контексте показатели бедности являются одними из них. Например, как показано в табл. 1, с 2000 и 2009 г., в нашей стране стремительно снижалось количество бедных с 29 по 13,5 млн чел. И именно в эти годы малый и средний бизнес показывал свои лучшие показатели динамики развития. Начиная с 2012 г., количество бедного населения в нашей стране увеличилось

¹ Электронные средства информации. Интернет-ресурсы. Официальный сайт общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства ОПОРА РОССИИ. URL: <https://opora.ru/projects/index-opory-rsbi/> (Дата обращения: 5.10.2021)

² Специальный доклад Президенту Российской Федерации. 2021 год. МСП/ПОСТКОВИД. Время для системных решений. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите предпринимателей. Электронные средства информации. Интернет-ресурсы. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (Дата обращения 16.10.2021)

с 12,5 млн чел., до 18 млн в прошлом году. И именно эти годы были самыми сложными для субъектов МСП. Такая тенденция также отмечается в докладе уполномоченного по защите предпринимателей¹.

Таким образом, можно сделать определенный вывод: есть некоторая закономерность в том, что увеличение бедного населения влияет на снижение активности малого бизнеса, а в свою очередь рост малого бизнеса способствует снижению числа бедного населения.

Выявим, какие конкретные факторы, с увеличением количества бедного населения в стране воздействуют на снижение активности института малого и среднего бизнеса.

К основным факторам на наш счет следует отнести следующие. В первую очередь это снижение внутреннего совокупного спроса. Дело в том, что расходы бедного населения, и не только тех, кто живет за чертой доходов ниже МРОТ, а, например, так называемых «работающих бедных», пенсионеров и других категорий населения определяются в основном минимальными пенсиями и минимальной заработной платой. К этому можно добавить наличие иждивенцев в семьях, которые не имеют возможность работать. За последние годы, данная динамика доходов значительно отстает от инфляционных показателей. Добавим к этому значительный рост цен, как правило, на все виды продукции в стране. Таким образом, приведенные факторы воздействуют на снижение общей покупательной способности лиц, относящихся к категории бедных, малообеспеченных, социально незащищенных и т.д.

Исходя из данной закономерности, снижение объемов продаж, снижение выручки, особенно в сфере торговли ведет зачастую к серьезным проблемам. Так, малому бизнесу катастрофически не хватает оборотных средств, средств на выплату заработной платы, налогов. Добавим к этому рост цен и тарифов на все виды энергоносителей, коммунальных и других расходов для бизнеса, в том числе и устойчивый рост налогов, и получается та стагнация и застой, о которой говорилось выше.

Второй особенностью воздействия увеличивающегося количества бедного населения, служит тенденция изменения структуры спроса. Все больше предпринимателей отмечают, что эта тенденция направлена в сторону покупок товаров и услуг низкого ценового сегмента. Исходя из такой тенденции те виды малого и среднего бизнеса, ориентирующиеся на покупателей средней и высокой ценовой ниши, испытывают значительные трудности, что также влияет на деловую активность бизнеса.

Например, во многих малых городах России, особенно в депрессивных районах и территориях, весь малый бизнес удовлетворяет потребности граждан в таких сферах, как продуктовые и пивные рынки, агентства по выдаче кредитов и займов, похоронные агентства, парикмахерские и тому подобные сферы. То есть самые жизненно необходимые потребности.

Третья особенность проявляется в том, что снижение доходов, прибыли малых и средних предприятий, приводят к тому, что значительно повышаются риски для таких предприятий. Риски убытков, риски ухода с рынка, риски проигрыша в конкурентной борьбе и т.д. Все это резко снижает мотивацию работы субъектов исследуемого института. И естественно, никакие самые красивые прогнозы государства об увеличении всех показателей МСП не сбудутся.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что одним из важных направлений развития малого бизнеса должно стать направление повышения внутреннего потребительского спроса. И здесь, все меры по политике снижения бедности могут стать и полезными для малого предпринимательства. И в свою очередь, активная роль МСП значительно повлияет на снижение бедного населения, увеличение его занятости и становлению среднего класса нашей страны.

Список источников

1. Купрещенко Н. П. Феномен бедности в современной России как угроза социально-экономической стабильности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 287-290.
2. Бут Ч. Жизнь и труд лондонцев. (фрагменты). (Перевод с англ.). Booth Ch. Life and labour of the people in London. – L. : Macmillan & Co., 1897. Vol. 9. – p. 159–161, 176–188; 1903. Vol. 17 (final). P. 32–38.
3. Rowntree B.S. Poverty: A Study of Town Life. 3d ed. L.: Macmillan, 1902. Ch. 5-P. 119–145. Пер. с англ. М.В. Кондрашовой.
4. Peter Townsend. Абсолютная и общая бедность в Великобритании в 1997 году: что говорит само население, Бристоль: Bristol Statistical Monitoring Unit, University of Bristol, 1997.
5. Alvin Harvey Hansen Monetary Theory and Fiscal Policy / Пер. с англ. и ред. пер. В. Е. Малевича. Центр эволюционной экономики. М.: Дело, 2006. 311 с.
6. Зияев Д. А. Концепция бедности в трудах российских ученых. Интернет-ресурсы. Киберленинка. <https://cyberleninka.ru/> 7. Овчинников В.Н. Нобелевская премия по экономике 2019 года: борьба с бедностью и эксперименты в экономике развития // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 2. С. 120-131.

¹ Специальный доклад Президенту Российской Федерации. 2021 год. МСП/ПОСТКОВИД. Время для системных решений. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите предпринимателей. Электронные средства информации. Интернет-ресурсы. URL:<http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (Дата обращения 16.10.2021)

7. Овчинников В. Н. Нобелевская премия по экономике 2019 года: борьба с бедностью и эксперименты в экономике развития // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 2. С. 120-131.
8. Кашникова Т. В. Феномен бедности и его структурно-функциональные характеристики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 70-73. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-70-73>.
9. Силова Е.С. О ловушках бедности и путях преодоления бедности (о книге «Экономика бедности. Радикальное переосмысление методов борьбы с глобальной бедностью»)/Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 199-202.
10. Королёва Н. В., Чинишвили В. В. Бедность как социально-экономическая проблема // The Scientific Heritage. 2020. № 43-3 (43). С. 31-37.
11. Келарев В. В. Малый и средний бизнес Российской Федерации в условиях постоянных кризисов и волатильной бизнес-среды // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 127-137.
12. Алехнович А. О., Анучин Л. Л., Ахиев А. О. Индекс роста малых и средних предприятий – новый инструмент мониторинга состояния сектора малого и среднего предпринимательства в России // Проблемы прогнозирования. 2021. №4. С.134-143 DOI: 10.47711/0868-6351-187-134-144

References

1. Kupreschenko N. P. The phenomenon of poverty in modern Russia as a threat to social and economic stability. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2020;(6): 287-290. (In Russ.)
2. Booth Ch. *Life and Labor of Londoners*. (fragments). (Translated from English). Booth Ch. Life and labor of the people in London. London: Macmillan & Co. 1897;(9):159-161, 176-188; 1903;(17 (final)):32-38.
3. Rowntree B. S. *Poverty: A Study of Town Life*. 3d ed. London: Macmillan; 1902;(5):119-145. Transl. from English M. V. Kondrashova.
4. Peter Townsend. *Absolute and general poverty in the UK in 1997: what the population says*. Bristol: Bristol Statistical Monitoring Unit, University of Bristol, 1997.
5. Alvin Harvey Hansen. *Monetary Theory and Fiscal Policy*. Transl. from English and ed. per. V. E. Malevich. Center for Evolutionary Economics. Moscow: Delo; 2006. 311 p.
6. Ziyaev D. A. *The concept of poverty in the works of Russian scientists*. Available from: <https://cyberleninka.ru/>
7. Ovchinnikov V. N. 2019 Nobel Prize in Economics: Fighting Poverty and Experimenting in Development Economics. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2020;12(2):120-131. (In Russ.)
8. Kashnikova T. V. Phenomenon of poverty and its structural and functional characteristics. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2021;(3):70-73. (In Russ) <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-70-73>.
9. Silova E. S. On the traps of poverty and ways to overcome poverty (on the book "The Economics of Poverty. Radical rethinking of methods to combat global poverty"). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;10(444):199-202. (In Russ.)
10. Koroleva N. V., Chinishvili V. V. Poverty as a socio-economic problem. *The Scientific Heritage*. 2020;43-3 (43):31-37. (In Russ.)
11. Kelarev V. V. Small and Medium Business of the Russian Federation in the Conditions of Constant Crises and Volatile Business Environment *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2021;(1):127-137. (In Russ.)
12. Alekhovich A. O., Anuchin L. L., Akhiev A. O. The growth index of small and medium-sized enterprises – a new tool for monitoring the state of the small and medium-sized business sector in Russia. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting*. 2021;(4):134-143. (In Russ.) DOI: 10.47711 / 0868-6351-187-134-144

Информация об авторе

В. В. Келарев – докт. экон. наук, проф. кафедры экономической теории и предпринимательства, директор ООО «ОРТО».

Information about the author

V. V. Kelarev – Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, Director of ORTO LLC.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2021; одобрена после рецензирования 03.11.2021; принята к публикации 08.11.2021.

The article was submitted 17.10.2021; approved after reviewing 03.11.2021; accepted for publication 08.11.2021.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-93-103

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В БИРЮЗОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Елена Петровна Костенко¹, Ксения Андреевна Ефременко²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹kostenko.ep@yandex.ru

²efreme@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и причины эволюции организационных структур, а также принципы управления работниками на разных этапах развития организаций. Основное внимание уделяется характеристике особенностей реализации основных функций и принципов управления персоналом в бирюзовых организациях. На основе исследования, проводимого в традиционных и бирюзовых офисах ПАО «Сбербанк», показана специфика рекрутинга, адаптации, мотивации, оценки, обучения и развития персонала, особенностей корпоративной культуры в бирюзовых организациях. В результате анкетирования руководителей и HR-менеджеров предприятий и организаций ЮФО были выделены причины медленного распространения принципов бирюзового управления персоналом.

Ключевые слова: бирюзовые организации, HR-менеджмент, новые инструменты и технологии управления персоналом, тренды в управлении персоналом, эффект «красной королевы»

Для цитирования: Костенко Е. П., Ефременко К. А. Особенности управления персоналом в бирюзовых организациях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 93–103. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-93-103>.

Problems of Economics

Original article

FEATURES OF PERSONNEL MANAGEMENT IN TURQUOISE ORGANIZATIONS

Elena P. Kostenko¹, Ksenia A. Efremenko²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹kostenko.ep@yandex.ru

²efreme@sfedu.ru

Abstract. The article discusses the features and causes of the evolution of organizational structures, as well as the principles of employee management at different stages of the development of organizations. The main attention is paid to the characteristics of the implementation of the main functions of personnel management in teal organizations. Based on the research conducted in the traditional and teal offices of Sberbank, the specifics of recruiting, adaptation, motivation, assessment, training and development of personnel, features of corporate culture in teal organizations are shown. As a result of the survey of managers and HR managers of enterprises and organizations of the Southern Federal District, the reasons for the slow spread of the principles of teal personnel management were identified.

Keywords: teal organizations, HR management, new tools and technologies in HR, HR trends, the Red Queen's Hypothesis

For citation: Kostenko E. P., Efremenko K. A. Features of personnel management in turquoise organizations. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):93–103. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-93-103>.

Эволюция моделей организации

Изменение технологического уклада, усиление нестабильности и неопределенности бизнес-среды (VUCA мир), смена поколений работников, их интересов и ценностей обуславливают парадигмальный сдвиг в управлении. Для успешного осуществления своей деятельности современные организации должны не только быстро адаптироваться к новым условиям и выстраивать рабочие процессы в соответствии с запросами общества, но и учитывать эффект «красной королевы».

Под эффектом «Красной королевы» понимается «ситуация, когда приходится рваться вперед изо всех сил лишь для того, чтобы сохранить статус-кво», а для того, чтобы достичь превосходства нужно бежать в два раза быстрее [1, с. 69-70].

В настоящее время предъявляются высокие требования к компетенциям работника, его квалификации, мотивации и трудовой дисциплине. Однако, эффективность деятельности персонала во многом зависит от организации системы управления. Устаревшие системы управления создают препятствия для роста компании и раскрытия потенциала ее сотрудников. На каждой ступени общественного развития происходит изменение сознания человека, его ценностей и потребностей, что обуславливает необходимость организационного развития и внедрения новых подходов к управлению персоналом. Одним из новых подходов к структурированию организации и проектированию систем управления персоналом является «бирюзовый подход».

Термин «бирюзовый» впервые появился в 1966 г. в работах Клера Уильяма Грейвза в теории спиральной динамики – модели эволюции ценностей. Согласно данной концепции в процессе развития все общества проходят через этапы, для каждого из которых характерны свои ценности и убеждения. При этом каждый следующий этап в определенной степени включает особенности предыдущего [2, с. 131-135]. Его ученики – Дон Бек и Крис Кован – для наглядности каждой стадии присвоили определенный цвет и адаптировали эту теорию для управления. Согласно их теории с изменением мировоззрения происходит изменение модели организации [3].

Основываясь на предшествующих теориях, Фредерик Лалу разработал концепцию бирюзовых организаций, впервые представленную в 2014 г. в работе «Открывая организации будущего». По его мнению, в своем развитии организации прошли семь стадий, каждой из которых для наглядности он присвоил определенный цвет: инфракрасная, пурпурная, красная, янтарная, оранжевая, зеленая и бирюзовая. Появление каждого нового типа организаций и парадигм управления было обусловлено недостатками предыдущей модели организации и ее несоответствием уровню развития человека и общества. Первые две стадии организационного развития были примитивными и не осознанными, организации как таковые еще не существовали. Пять последних типов организаций и управленческих парадигм существуют и в настоящее время.

Инфракрасная (реактивная) парадигма – это самая ранняя стадия развития человечества, охватывающая период примерно 100-50 тыс. лет до нашей эры. На данной стадии люди объединяются в небольшие группы, численность которых не более нескольких десятков человек, связанных узами родства. Увеличение группы несло за собой ее распад вследствие неумения поддержания сложных отношений. В данный период человеческое «я» сформировалось не полностью. Основной деятельностью было собирательство, которое не предполагало разделения труда. Тем не менее, уже начинается определение гендерных ролей. Иерархия с лидером и, как следствие, организация отсутствовала [4, с. 28].

Пурпурная (магическая) парадигма – возникла примерно 15 тыс. лет назад. На данной стадии численность групп достигала уже нескольких сотен человек. Люди научились отделять собственное «я» от других, но не умели выстраивать причинно-следственные связи. На этой стадии также еще не существует организации, а разделение обязанностей ограничено. Вместе с тем уже появляется некая иерархия по возрасту: старшее поколение имеет особый статус и некоторую степень власти [4 с. 29].

Красные организации (самые консервативные из существующих) появились около 10 тыс. лет назад. Именно с них началась активная эволюция организационных моделей и систем управления. Сравнительный анализ организаций, предшествующих бирюзовым организациям, представлен в табл. 1.

Считается, что первые бирюзовые организации возникли в конце XX века. Их появление во многом связано с переходом к гибким технологиям управления, формированием кросс-функциональных команд и развитием проектного менеджмента, усилением внимания к вопросам самореализации человека. Бирюзовая организация рассматривается как «живой организм», «живая система», в которой нет иерархии и преодолена проблема неравного распределения власти.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика типов организационных структур

Table 1 –Comparative Characteristics of Organizational Structure Types

Признак сравнения	Красные организации	Янтарные организации	Оранжевые организации	Зелёные организации
Примеры организаций	армии	государственные учреждения, школы, религиозные учреждения	международные корпорации	Southwest Airlines, e Container Store, Ben & Jerry's
Принципы	- один лидер; - разделение труда; - управление сверху вниз.	- воспроизводимые процессы; - стабильные и регулируемые иерархии.	- новаторство; - меритократия; - ответственность.	- расширение прав и возможностей; - культура ценностей; - заинтересованность.
Преимущества по сравнению с предыдущей стадией	- высокая адаптивность к хаосу; - быстрая реакция на новые угрозы.	- среднесрочное и долгосрочное планирование; - создание стабильных организационных структур, устойчивых и способных к масштабному развитию.	- предоставление сотрудникам возможности продвижения вверх по карьерной лестнице благодаря своим способностям независимо от социального происхождения; - господство в настоящее время, преимущественно в бизнесе и политике.	- высокий уровень адаптации персонала; - высокий уровень мотивации персонала; - доверие сотрудникам.
Недостатки по сравнению с последующей стадией	- слабая стратегия; - плохая приспособленность к достижению сложных результатов в стабильной окружающей среде.	- неспособность адаптации к изменяющимся условиям; - снижение эффективности деятельности в условиях конкуренции на рынке.	- стремление к материальным выгодам, социальному признанию; - снижение ценности духовной составляющей - алчность людей и коррупция.	- зелёные организации не добились заметных успехов и практически прекратили своё существование.

Особенности реализации HR-функций в бирюзовых организациях

Бирюзовая модель организации значительно отличается от предыдущих моделей не только принципом построения организационной структуры и подходом к ведению бизнеса, но и существенно меняет технологии управления персоналом.

При проектировании системы управления персоналом бирюзовые организации основываются на трех принципах: самоуправление, целостность и эволюционная цель.

1. Самоуправление. Организационная структура бирюзовых организаций представлена самоуправляющимися командами, у которых нет высшего руководства. Процедура ведения проектов радикально упрощена за счет того, что рабочие группы формируются из добровольцев в зависимости от компетенции персонала и сферы интересов. Функцию поддержки персонала выполняют коучи. Бирюзовые организации предоставляют всю необходимую информацию своим сотрудникам в режиме реального времени посредством корпоративных сетей. Самоуправление не означает, что в таких организациях вообще отсутствует какой-либо порядок и иерархия. Особенность такой организации как раз и состоит в том, что в что иерархия возникает «естественным путем». Используется не прямое (сверху вниз), а обратное делегирование полномочий. Руководитель – это признанный лидер, однако права принимать обязательные решения ни по одному вопросу у него нет. На смену иерархии доминирования приходит иерархия уровней развития, таланта и опыта [4].

2. Эволюционная цель. Реализация этого принципа не направлена напрямую на увеличение прибыли и рост благосостояния акционеров или отдельных клиентов, а отвечает социальным потребностям и гуманистическим целям общества. Миссия компании не является строго определенной, она эволюционирует вместе с развитием компании [4].

3. Целостность. Данный принцип подразумевает, что ведущая роль отводится целостности сотрудника организации. Кадровая политика бирюзовой организации и HR-процессы включают

такие же фазы жизненного цикла сотрудника, как и в традиционных организациях. Однако, данные процессы наделены своей спецификой в связи с тем, что сотрудник воспринимается не просто как ресурс организации, а как личность, как человек со своими потребностями и эмоциями. Сотрудники сами выбирают себе роли в бизнес-процессах, определяют задачи, правила и сроки выполнения работы, что, конечно, не отменяет необходимость согласования своих идей и проектов со всеми членами команды. Можно сказать, что не сотрудник «подстраивается под должностную инструкцию», а должностная инструкция формируется под сотрудника. Работники бирюзовых организаций поддерживают друг друга внутри компании и одновременно выполняют внешнюю работу ради общей цели организации [7, с. 212-213]. В этом проявляется сходство принципов работы бирюзовых компаний с принципами проектирования кросс-функциональных команд.

Рассмотрим, специфику реализации основных функций и принципов управления персоналом в бирюзовых организациях.

1. Рекрутинг персонала. Решающее влияние в процессе отбора оказывают личностные характеристики кандидата, соответствие его ценностных ориентаций ценностям компании, мотивация к осуществлению трудовой деятельности, умение работать в команде, а также, квалификация кандидата и его опыт работы. Для всесторонней оценки соответствия данным критериям, с кандидатом на вакантную должность собеседование проводят его потенциальные будущие коллеги [6], можно говорить о том, что профессиональные навыки кандидата как бы отступают на второй план.

2. Организация труда. Одной из основных характеристик является «мелкая дисперсность» (не должности, а отдельные обязанности сотрудников команды). У персонала нет официального названия должностей. Принято лишь обращение «коллега». Вместо должностной инструкции существуют текущие и четко оформленные отдельные обязанности для выполнения конкретного проекта. При этом работник должен научиться брать на себя ответственность за выполнение проектов. Руководитель – это не «диктатор», а учитель, наставник, который не контролирует работу, а обучает и дает рекомендации. Главный принцип – доверие вместо контроля. Совещания проводятся только по мере необходимости. В большинстве организаций сотрудники работают по свободному гибкому графику при условии своевременного выполнения всех обязательств. В командах обсуждается, сколько сотрудник может потратить времени на работу, учитывая другие важные жизненные обстоятельства [7]. Типовое решение для таких организаций – общее пространство работы. На рабочем месте сотрудники привносят свою индивидуальность.

3. Адаптация персонала. Организационная адаптация упрощена, поскольку отсутствует строгое структурирование компании. Для содействия процессу адаптации новых сотрудников, в организациях нового типа предусмотрено проведение адаптационных тренингов. В бирюзовых компаниях регулярно отводится время на обсуждение ценностей и фундаментальных принципов компании для поддержания их жизнеспособности.

4. Вознаграждение персонала. Мотивация сотрудника к работе и лояльность к компании вырабатывается на уровне общечеловеческих ценностей и контактов. В бирюзовых компаниях сотрудники сами назначают себе зарплаты и распределяют премии под руководством коллег, находящихся на равных позициях. Считается, что внимание к вопросам финансового вознаграждения отвлекает работников от внутренней мотивации.

5. Обучение персонала. Бирюзовые организации предоставляют своим сотрудникам широкие возможности для обучения. Сотрудникам предлагается самостоятельно определить, какие дополнительные компетенции им необходимы для выполнения работы. В процессе внутреннего консультирования сотрудники могут записаться на любой тренинг внутри или вне компании, если эти расходы будут оправданы [8].

6. Оценка персонала. В бирюзовых организациях оценка результатов деятельности и производительности труда осуществляется не на индивидуальном, а на командном уровне. Оценка сотрудников проводится коллегами по команде на основе отчета каждого сотрудника о его достижениях, полученных в ходе работы уроках и ожиданиях.

7. Продвижение и управление карьерой персонала. Карьерный рост как таковой отсутствует. Но осуществляется постоянное перераспределение ролей и обязанностей между коллегами. В практике «живых» организаций увольнения встречаются крайне редко. В случае кризиса компания считает несправедливым увольнять ценного сотрудника из-за временных трудностей, чтобы удержать прибыль. Если компания вынуждена уволить сотрудника, создаются условия, чтобы увольнение для него было возможностью научиться чему-то, а также дается время, чтобы найти новое место работы [4, с. 160-164].

8. Управление конфликтами и корпоративная культура. Организация построена на предположении, что все сотрудники – грамотные и ответственные. Одним из способов предотвращения

конфликтов является установка на прозрачность и качественную обратную связь. В организациях этого типа разработана эффективная процедура разрешения конфликтов, которая в случае невозможности устранения разногласия между равноправными коллегами предполагает посредничество одного коллеги, а затем группы коллег.

Акцент делается на соблюдение баланса между работой и жизнью. Некоторые бирюзовые компании разрешают своим сотрудникам приводить на работу детей и животных. Можно сказать, что в некотором смысле даже отсутствует жесткое разделение между работой, домом и хобби. Они – единый, неразделимый поток, что и обеспечивает гармонию и внутреннюю стабильность бирюзовых компаний.

Любая система управления имеет как достоинства, так и недостатки. Бирюзовая организация не является исключением. Бирюзовый стиль управления можно реализовать не в каждой компании. Процесс перехода к новой системе управления персоналом и организационной культуре всегда сложен, а когда переход является настолько масштабным, риски увеличиваются. Бирюзовая парадигма управления базируется на постоянных изменениях. «Бирюзовая трансформация» – это постоянный процесс, который никогда не заканчивается, поэтому бирюзовые принципы управления персоналом можно внедрить только в тех компаниях, сотрудники которых открыты ко всему новому, готовы быстро меняться, сохраняя при этом верность корпоративным и общечеловеческим ценностям.

Кроме того, далеко не все руководители готовы отказаться от иерархии и согласны находиться с рядовыми сотрудниками на одной плоскости. Например, в банке «Точка», который изначально создавался бирюзовым, около 20% управленцев не смогли принять такую модель организации и покинули компанию [9]. В новых организационных условиях лидеры должны научиться больше доверять всем сотрудникам.

К недостаткам бирюзовых организаций можно отнести и сложность организации подбора высококвалифицированного персонала, способного принять ценности компании и работать без контроля. Предполагается, что новых сотрудников будут нанимать их будущие коллеги, что также сложно реализовать в действительности. Кроме того, на каждого сотрудника ложится большая ответственность в связи с самостоятельным принятием решений: от него зависит прибыль компании и место на рынке. Не все сотрудники способны справиться с такой нагрузкой и могут покинуть компанию.

Существенным недостатком бирюзовых организаций является отсутствие четкого планирования, которое может привести к снижению производительности труда и несвоевременному выполнению задач. Отсутствие карьерного роста и эффективной системы материальной мотивации может привести к профессиональному выгоранию сотрудников.

Также, для внедрения бирюзовой системы управления персоналом необходима подходящая профессиональная ИТ-платформа, благодаря которой каждый сотрудник сможет оперативно получать необходимую для осуществления проекта информацию. Не все компании обладают соответствующим программным обеспечением.

Опыт применения принципов бирюзового управления персоналом в ПАО «Сбербанк»

Одной из первых российских организаций, внедривших в свою практику бирюзовое управление является ПАО «Сбербанк». ПАО Сбербанк входит в топ-5 крупнейших работодателей России (численность сотрудников более 280 тыс. человек)¹. Весной 2016 г. в качестве эксперимента в пять отделений Среднерусского банка в Балашихе были внедрены принципы бирюзовых организаций. Однако, на первых этапах, ПАО Сбербанк столкнулся со снижением прибыли, невыполнением плана и многочисленными жалобами со стороны клиентов. После выявления и обсуждения ошибок, рабочий процесс был оптимизирован и проблемы решены. К 2018 г. стало понятно, что бирюзовые офисы могут эффективно осуществлять свою деятельность, началось активное распространение данной философии и на другие офисы банка. По итогам 2020 года 1634 офиса ПАО «Сбербанк» полностью переведены на бирюзовое управление, а их доля в общем числе бизнес-офисов выросла до 27 %². Динамика распространения нового типа управления за последние три года представлена на рис. 1.

В настоящий момент в офисах Банка в Балашихе работа построена полностью в соответствии с принципами бирюзового управления, а персонал полностью разделяет бирюзовую философию. В целом в России в большинстве офисов компании внедрены отдельные принципы и инструменты бирюзового управления. В них сохраняется иерархия и обозначение должностей, но каждый сотрудник принимает ответственность за выполнение проекта и, в определенной степени, имеет самостоятельность.

¹ СберБанк [Электронный ресурс] // Главная страница: [сайт]. [1997-2021]. URL: <https://www.sberbank.com/ru> (дата обращения: 24.10.2021).

² Там же.

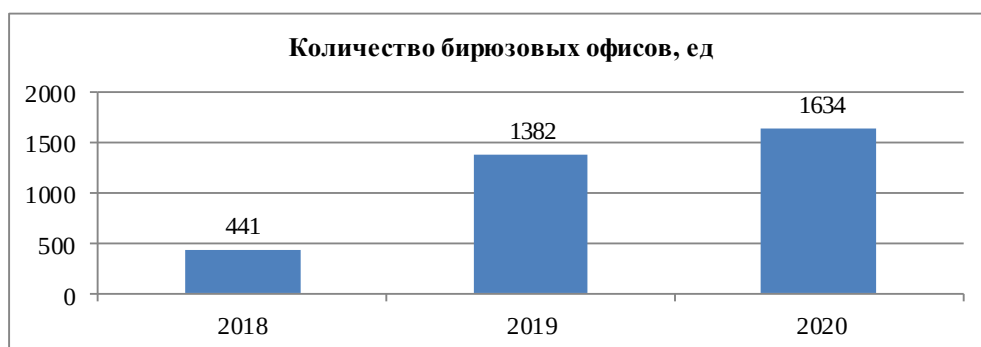

Рис. 1 Динамика распространения нового типа управления, ед.

Fig. 1. Dynamics of distribution of a new type of management, unit

С целью изучения опыта перехода ПАО «Сбербанк» к бирюзовому типу управления на Юге России, весной-летом 2021 г. было проведено 5 глубинных экспертных интервью с линейными руководителями традиционных филиалов банка г. Краснодара (именно Краснодар является центром внедрения принципов бирюзового управления в отделениях банка на Юге России), а 5 с руководителями филиалов, в которых внедрены отдельные инструменты бирюзового управления. Критериями отбора офисов служило их расположение в городе с учетом площади округа. Было задействовано по два офиса в Центральном и Западном округах, по три в Карасунском и Прикубанском округах. 50 % офисов обслуживает только физические лица, 50% – обслуживают как физические, так и юридические лица. Источником информации стали также интервью с ведущими специалистами первых бирюзовых офисов Банка. Результаты сравнительного анализа системы управления персоналом в традиционных и бирюзовых офисах «Сбера» представлены в табл. 2.

Таблица 2 – Особенности управления персоналом в традиционных и бирюзовых офисах ПАО «Сбербанк»

Table 2 – Features of personnel management in traditional and turquoise offices of Sberbank PJSC

HR-функция	Примеры вопросов к респондентам	Реализация HR-функции в традиционном офисе	Реализация HR-функции в бирюзовом офисе
Рекрутинг персонала. Установка – привлечение универсальных специалистов	«Какие методы подбора персонала применяют в Вашем офисе?», «Кто проводит собеседование с кандидатом?», «Какие существуют критерии отбора (образование, опыт работы, профессиональные, личностные качества, соответствие цели и культуре компании)?»	Собеседование проводит руководитель. В компании применяются, как внутренние, так и внешние источники набора персонала. Из внешних источников используются, преимущественно, рекрутинговые агентства. Базовыми критериями при отборе персонала являются: образование, уровень профессиональных компетенций, опыт работы и личностные качества, такие как коммуникабельность, стрессоустойчивость, умение работать в команде, инициатива. Кандидат на вакантную должность проходит несколько этапов отбора. В компании применяются проектные методы, тестирование и классическое интервью.	Собеседование проводит весь коллектив офиса, и решение о принятии на работу сотрудника принимается совместно. А главным критерием приёма на работу становится соответствие кандидата корпоративной культуре. Кандидат уже на этапе собеседования понимает отличие данной организации от других и оценивает, разделяет ли он ценности компании и сможет ли работать в подобных условиях.
Организация труда. Установка – раскрытие потенциала каждого сотрудника	«Как задействовать потенциал каждого сотрудника?», «Как происходит распределение обязанностей сотрудников?»	Каждый сотрудник занимает конкретную должность согласно штатному расписанию и имеет должностную инструкцию. Ему определено выполнение конкретного вида банковских услуг. Каждый сотрудник имеет фиксированный график.	Отсутствует названия должностей и должностной инструкции. Сотрудник является универсальным специалистом, способным оказать любую банковскую услугу. Сотрудникам предоставляется гибкий график при условии качественного выполнения всех обязательств.

Продолжение табл. 2/Continuation of Table 2

Адаптация персонала. <i>Установка – ускорение адаптации нового работника.</i> (Адаптационные мероприятия позволили компании повысить удовлетворенность новых сотрудников своей адаптацией – с 57 % до 91 %)	«Какие существуют адаптационные программы для новых сотрудников?», «Сколько времени тратится на адаптацию новичков?»	Новый сотрудник проходит испытательный срок длительностью от месяца до трёх, на протяжении которого его работа курируется наставником. Кандидат получает справочные материалы и автоматизированное сопровождение процессов адаптации.	Проводятся тренинги, направленные на ознакомление сотрудника со всеми аспектами деятельности организации.
Вознаграждение персонала. <i>Установка – установление конкурентоспособного пакета вознаграждения</i>	«Какие инструменты финансового вознаграждения персонала существуют в Вашей компании?», «Как происходит процесс распределения премии?», «Какие существуют инструменты нефинансового вознаграждения?»	Финансовое вознаграждение - выплата премий за выполненную работу. Расширенный «социальный пакет». Разнообразные инструменты нефинансового вознаграждения, в том числе программы вовлеченности работников (раз в год проводятся дни открытых дверей, когда разрешено посещение офиса вместе с детьми). Существует система санкций.	Большой перечень инструментов финансового и нефинансового вознаграждения. Правила и критерии распределения премий определяются в коллективе (например, премия делится поровну, если работник не уходил в отпуск и на больничный, или размер премий зависит от вклада в реализацию проекта). Сотрудникам разрешено посещение офисов с животными. Нарушения дисциплины и качества труда влияют на размер премии.
Обучение персонала. <i>Установка – систематическое повышение квалификации и самообразование на основе внедрения передовых технологий.</i> Особенностью является активное применение цифровых технологий (внутреннего портала) и изучение специальной бизнес-литературы («Библиотека Сбербанка»)	«Как происходит выбор обучающих программ?», «Как часто проводится обучение?», «Кто является инициатором обучения?»	Траекторию тренинговых программ выстраивает HR-служба. Тренинги направлены на отработку практических навыков. После каждого обучения руководством проводится оценка полученных сотрудниками знаний	Выбор тренинга осуществляется индивидуально. В большинстве случаев тренинги посвящены корпоративной культуре компании. Результаты обучения проверяются в ходе выполнения работ
Продвижение и управление карьерой персонала. <i>Установка – возможность карьерного роста каждого сотрудника</i> (81 % вакансий закрываются внутренними кандидатами благодаря карьерному росту персонала)	Какие существуют в компании перспективы карьерного роста?», «Что является причиной увольнения сотрудников?»	В случае качественного выполнения работником должностных обязанностей и соблюдения трудовой дисциплины возможен карьерный рост на вышестоящие должности. Увольнение согласно трудовому законодательству	Карьерное продвижение проявляется в получении новых ролей и более высоком уровне заработной платы. Увольнение согласно трудовому законодательству, но это является крайней мерой, чаще применяются материальные взыскания
Управление конфликтами и корпоративная культура. <i>Установка – создание комфортных условий для работы сотрудников и сплочение коллектива</i>	«Часто ли в коллективе возникают конфликты?», «Преимущественно, по какой причине возникают конфликты?», «Какие способы разрешения конфликтов приняты в организации?», «Основные принципы формирования корпоративной культуры?»	Коллектив ассоциируется с семьей. Все члены команды помогают своим коллегам в выполнении операционных и проектных задач. Иногда в коллективе возникают разногласия, причиной которых является оценка деятельности работников и они разрешаются коллективно.	Коллектив ассоциируется с семьей. Конфликты в коллективе, как правило, не возникают.

ПАО «Сбербанк» является привлекательным местом трудоустройства – 84 % сотрудников гордятся работой в компании, а индекс вовлеченности ее сотрудников составляет 75 %. Эффективность системы управления персоналом в компании также подтверждается регулярными победами в российских и международных конкурсах работодателей: в 2019 г. – в международном рейтинге работодателей среди студенческой аудитории Universum № 1 в категории «Банки» и № 5 в категории IT; в 2020 г. – 2 место в рейтинге работодателей России 2020 от HeadHunter (в категории «Банки» лидер рейтинга); HR-команда получила Гран-при премии «Хрустальная пирамида» и звание лучшей команды года.

Причины медленного распространения принципов бирюзового управления персоналом в России

В России принципы бирюзового управления персоналом внедрены в деятельность предприятий и организаций разных секторов экономики. Среди них можно выделить такие известные компании, как «ВкусВилл», «Фабрика окон», «Аскона», «Mindbox», «ДоДо пицца» и др. Внедрение новых технологий управления и структурирования организации способствовало как росту эффективности их деятельности и повышению конкурентоспособности, так и улучшению репутации на рынке труда. Тем не менее, в нашей стране данный тип управления пока еще получил такого же распространения как в зарубежных странах.

С целью выявления причин медленного распространения принципов бирюзового управления персоналом на Юге России был проведен анкетирование руководителей и HR-менеджеров предприятий и организаций ЮФО. Выборочная совокупность составила 30 организаций преимущественно среднего бизнеса, осуществляющих свою деятельность более 5 лет. В равном количестве были представлены компании, осуществляющие свою деятельность в сферах: производство, строительство, торговля, услуги (логистика, маркетинг, финансы, юриспруденция, гостиничный бизнес, медицина). Выбор данных компаний во многом был обусловлен спецификой организации в них системы управления. Все компании активно внедряют в компанию принципы гибкого управления, например, Agile и Scrum. Несмотря на сохранение традиционной иерархической организационной структуры, в сфере управления персоналом компании основываются на современных подходах: делегирование полномочий и ответственности, свобода в принятии решений (работники несут персональную ответственность за выполнение проектов и всегда могут высказать свое мнение, к которому обязательно прислушаются руководители), фокус на непрерывное обучение и развитие сотрудников, разработка разнообразных программ благополучия работников, ориентация на соблюдение баланса между работой и досугом, прозрачность информации, развитие механизмов командной работы и неформальных типов коммуникации. Отмеченное свидетельствует о потенциальной возможности внедрения у них новой парадигмы управления. В связи с этим, целью исследования было выявление причин медленного распространения бирюзового управления персоналом: низкая степень информированности о новой системе управления или негативное отношение к ней.

Первоначальной задачей было выявление степени информированности руководителей компаний о существовании и специфике бирюзового управления. Так, опрос показал, что 76,7 % респондентов знают о существовании бирюзовых организаций и только 6,7 % затруднились с ответом на данный вопрос. Однако степень информированности о специфике и принципах бирюзового управления оказалась несколько ниже (табл. 3).

Таблица 3 – Понимание принципов бирюзового управления

Table 3 - Understanding turquoise management principles

	Знаю	Не знаю	Затрудняюсь ответить	Всего
Самоуправление	100	-	-	100
Целостность сотрудников	66,7	20	13,3	100
Эволюционная цель	66,7	33,3	-	100

Принцип «самоуправление» является единственным принципом, который оказался предельно ясен всем опрошенным. Принцип «эволюционная цель» в полной мере понятен 66,7 % респондентов. При этом мнения этих респондентов о значимости принципа эволюционной цели разделилась поровну: 50 % респондентов разделяют с «живыми» организациями позицию о том, что главной целью организации должно быть улучшение окружающего мира, а не получение прибыли. Другая половина респондентов не разделяют такую позицию, но это не отменяет их положительного отношения к ней.

Самым неоднозначным принципом является «целостность сотрудников» – 20 % респондентов не смогли дать ответ на этот вопрос. При этом 86,7 % респондентов считают возможным

для себя восприятие работника как целостной, самостоятельной личности со всеми преимуществами и недостатками. Лишь 3,3 % респондентов усомнились в такой возможности.

Непонимание в полной мере принципов бирюзового управления во многом определило негативное отношение к новому типу управления у большинства опрошенных руководителей компаний – в 73,3 % случаев (ответ «скорее отрицательно»). Представления респондентов об эффективности бирюзового управления коррелируют с ответами на предыдущий вопрос – только 23,3 % респондентов считают данную модель эффективной (рис. 2).

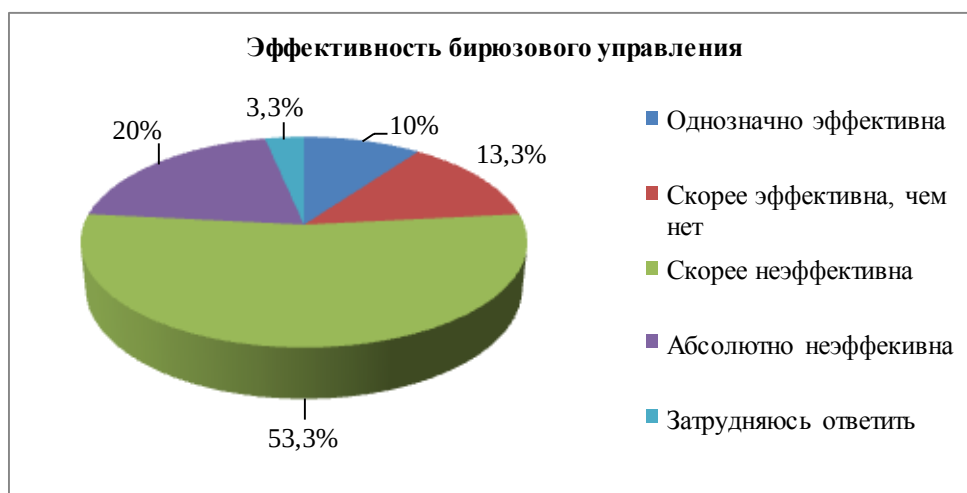

Рис. 2. Эффективность бирюзового управления, %
Fig. 1. Efficiency of turquoise management, %

По мнению большинства руководителей и HR-менеджеров, принявших участие в опросе, главным недостатком бирюзовых является отсутствие иерархии. Так, 90 % из них отметили, что, эффективное функционирование организации скорее невозможно без иерархических отношений и классического руководства. Основным последствием отсутствия иерархии респонденты указали снижение качества выполняемой работы – 76,7 % (сумма ответов «да» и «скорее да»). Равное количество опрошенных, а именно 66,7 % считают, что отсутствие иерархических отношений способно в той или иной мере привести к снижению трудовой дисциплины и работоспособности персонала. Мнения респондентов о последствиях отсутствия иерархии и отказе от классического стиля руководства (жесткое администрирование, функциональное распределение работы, формальные отношения между руководителями и работниками) представлены в табл. 4.

Таблица 4 – Последствия отсутствия иерархии для организации, %

Table 4 – Effects of no hierarchy on the organization, %

	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Снижение трудовой дисциплины	50	16,7	33,3	-	-
Снижение работоспособности персонала	43,3	23,3	16,7	10	6,7
Снижение качества выполняемой работы	66,7	10	13,3	6,7	3,3

Большинство респондентов в целом пессимистично оценивают перспективы внедрения принципов бирюзового управления персоналом в нашей стране. Лишь пятая часть респондентов – 20 % верят в то, что бирюзовая система управления персоналом приобретет в России такую же популярность, как и за рубежом (сумма ответов «да» и «скорее да, чем нет»), что является достаточно низким показателем. При этом опрошенные являются, по сути, той целевой аудиторией, которая может внести вклад в популяризацию данного типа управления в России.

Остальным 80 % респондентов был задан вопрос о причинах отсутствия популярности бирюзового типа управления в России. Среди причин медленного внедрения принципов бирюзового управления персоналом всеми опрошенными была отмечена низкая степень адаптивности новой системы управления к российским реалиям почти половина респондентов указали на сложность

организационного процесса перехода к новой системе управления работниками. Ключевые факторы, оказывающие влияние на успешность/неуспешность внедрения системы бирюзового управления персоналом в России, по мнению респондентов, представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Императивы внедрения системы бирюзового управления персоналом в России, %*

Table 5 - Imperatives of introduction of turquoise personnel management system in Russia, %

Характеристика фактора	%
Сфера деятельности организации	73,3
Менталитет населения страны	66,7
Экономическая ситуация в стране	36,7
Законодательство страны	33,3
Размер организации	30,0
Профессиональный уровень работников	23,3
Социально-демографические характеристики персонала	20,0
Ценностные ориентации персонала	10
Ценностные ориентации руководства организации	6,7

* (сумма ответов составила больше 100 %, так как был возможен выбор нескольких вариантов ответов)

Пандемия COVID-19 способствует быстрому внедрению новых подходов и инструментов в сфере управления персоналом. В то же время, в условиях макроэкономической нестабильности руководители многих организаций не готовы идти на дополнительные риски, связанные с внедрением нового типа управления. Пример ПАО «Сбербанк» также свидетельствует о том, что новая система управления не сразу и не во всех офисах демонстрирует свою эффективность. Опыт бирюзовых организаций за рубежом и частично в России уже показал, что сфера деятельности организации не является ограничением для внедрения новой системы управления. Однако, как показал наш опрос, такой стереотип существует и обусловлен недостаточной степенью информированности об особенностях и преимуществах бирюзового управления.

Лишь 6,7 % опрошенных допускают возможность внедрения бирюзового типа управления в своей организации. Это именно те респонденты, которые обозначили свое положительное отношение к системе бирюзового управления персоналом в целом и к каждому из ее принципов. Примечательно, что это оказались организации малого бизнеса, в которых, возможно, будет легче произвести организационные изменения.

Несмотря на то, что компании бирюзового типа стали все чаще появляться на рынке, быстрый переход к бирюзовой модели организации в ближайшее время скорее невозможен. Кроме того, как показывает опыт, бирюзовые организации редко существуют в «чистом виде». Переход к новой бирюзовой системе управления персоналом можно начать с внедрения отдельных эволюционных принципов без существенных изменений в организационной структуре организации.

Список источников

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы [перевод с английского О. Перфильева]. М.: Издательство АСТ, 2021. 704 с.
2. Graves C. W. Levels of Existence: An Open System Theory of Values // Journal of humanistic psychology. 1970. № 2. P. 10, 131-135.
3. Бек Д. и Кован К. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. М.: ООО «Альпина Паблишер», 2019. 410 с.
4. Лалу Ф. Открывая организации будущего: пер. с англ. В. Кулябиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 432 с.
5. Аббосов М. И., Ястребова Т. Е. Бирюзовые организации как тренд развития деловых организаций // Sciences of Europe. 2020. №47-4 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biryuzovye-organizatsii-kak-trend-razvitiya-delovyh-organizatsiy> (дата обращения: 21.10.2021).
6. Касьянова А. Д., Фирсова Н. В. Актуальные технологии подбора персонала как маркер современной «бирюзовой» организации деятельности // Современные технологии управления персоналом: от проблем к решению. Сборник статей участников II Международной научно-практической конференции. Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2020. С. 43-48.
7. Тесленко И. Б. Бирюзовая модель организации: особенности подхода к управлению персоналом // Modern Science. 2020. № 11-3. С. 211-215.

8. Пинк Д. Драйв: что на самом деле нас мотивирует. М.: Альпина Диджитал, 2020. 260 с.
9. Легостаева Л.В., Бакирова Е.Е. Бирюзовые организации – организации будущего // Будущее науки-2019. Сборник научных статей 7-й Международной научной конференции. 2019. С. 219–222.

References

1. Acemoglu D., Robinson J. *Narrow corridor. States, societies and the fate of freedom*. Translation from English by O. Perfiliev. Moscow: AST Publishers; 2021. 704 p. (In Russ.)
2. Graves C. W. Levels of Existence: An Open System Theory of Values. *Journal of humanistic psychology*. 1970;(2):10, 131-135.
3. Beck D. E., Cowan C. C. *Spiral Dynamics: mastering values, leadership, and change*. Wiley-Blackwell; 2019. 352 p.
4. Laloux F. Reinventing Organizations. Nelson Parker, 2014. 379 p.
5. Abbosov M. I., Yastrebova T. E. Turquoise organizations as a trend in the development of business organizations. *Sciences of Europe*. 2020;47-4(47). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/biryuzovye-organizatsii-kak-trend-razvitiya-delovyh-organizatsiy> [Accessed 21 October 2021] (In Russ.).
6. Kasyanova A. D., Firsova N. V. Actual technologies of personnel selection as a marker of modern «Teal» organization of activities. In: *Modern technologies of personnel management: from problems to solutions. Collection of articles by the participants of the II International Scientific and Practical Conference*. Chelyabinsk: South Ural State University; 2020:43-48. (In Russ.)
7. Teslenko I. B. Turquoise model of the organization: features of the approach to personnel management. *Modern Science*. 2020;11-3:211-215. (In Russ.)
8. Pink D. *Drive: what really motivates us*. Moscow: Alpina Digital; 2020. 260 p. (In Russ.)
9. Legostaeva L. V., Bakirova E. E. Teal organizations – organizations of the future. In: *Future of Science-2019. Collection of scientific articles of the 7th International Scientific Conference*. 2019:219-222. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. П. Костенко – канд. экон. наук, доц. кафедры управления человеческими ресурсами;
К. А. Ефременко – магистрант по направлению подготовки «Управление персоналом», экономический факультет.

Information about the authors

E. P. Kostenko – PhD, associate professor of the Human resource management department;
K. A. Efremenko – undergraduate in the field of training «Personnel Management», faculty of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 04.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 04.12.2021; accepted for publication 06.12.2021

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-104-110

АНАЛИЗ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Пантелеевич Кюрджиев¹, Владимир Николаевич Шкред²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹Kyurdzhiev-SP@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4212-5496>

²shkred.vladimir3333@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6791-7855>

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы и препятствия на пути развития государственно-частного партнерства (ГЧП) на территории РФ. Особое внимание уделено применению эффективных зарубежных практик сотрудничества государства и бизнеса. Статья доказывает, что создание необходимых условий для развития государственно-частного партнерства позволит повысить инвестиционную привлекательность регионов и муниципалитетов Российской Федерации, улучшить экономическую ситуацию, а также снизит объем вложений государственных средств в инфраструктурные объекты на всех уровнях реализации проектов.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, отложенный механизм оплаты, налоги, региональный бюджет, региональная экономика, инвестиции, эффективность ГЧП, концессии, риски, проектное финансирование.

Для цитирования: Кюрджиев С.П., Шкред В.Н. Анализ условий развития государственно-частного партнерства на территории Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 104–110. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-104-110>.

Problems of Economics

Original article

ANALYSIS OF THE CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey P. Kyurdzhiev¹, Vladimir N. Shkred²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Kyurdzhiev-SP@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4212-5496>

²shkred.vladimir3333@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6791-7855>

Abstract. The article discusses the prospects and obstacles to the development of public-private partnerships in the Russian Federation. Particular attention is paid to the application of effective foreign practices of cooperation between the state and business. The article proves that creating the necessary conditions for the development of public-private partnerships will increase the investment attractiveness of regions and municipalities of the Russian Federation, improve the economic situation, and also reduce the volume of public investment in infrastructure facilities at all levels of project implementation.

Keywords: public-private partnership, deferred payment mechanism, taxes, regional budget, regional economy, investments, PPP efficiency, concessions, risks, project financing.

For citation: Kyurdzhiev S. P., Shkred V. N. Analysis of the conditions for the development of public-private partnership in the territory of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):104–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-104-110>.

Экономическое развитие любой страны всегда было связано с привлечением финансовых, а также управленческих ресурсов частного сектора. По мнению большинства исследователей ключевым источником формирования подобного рода взаимоотношений стали первые концессионные соглашения, которые в свою очередь, заложили институциональные основы государственно-частного партнерства.

Изучением особенностей функционирования ГЧП занимались многие зарубежные и отечественные ученые, в числе которых Йозеф Шумпетер, Дитрих Мёллер, Джон Мейнард Кейнс, Морган Ливи, Анфиногентова Анна Антоновна, Гурвич Исаак Аронович, Вальтух Константин Куртович, Войтинский Владимир Савельевич и другие. Стоит отметить, что термин «государственно-частное партнерство» - это перевод более распространенного в иностранных кругах термина «PPP» (public-private partnership). Основываясь на содержании термина «государственно-частное партнерство» для России целесообразно определять ведущую роль государства в данном взаимодействии.

ГЧП - относительно новый, но эффективный способ привлечения инвестиций и развития социально необходимых объектов инфраструктуры. Именно поэтому, партнерство государства и бизнеса следует рассматривать как долгосрочное взаимодействие двух хозяйствующих субъектов, с целью получения взаимной выгоды от проекта.

На данный момент лидерские позиции в практике применения ГЧП сохраняются за США, Великобританией, Францией и Германией. Франция придерживается политики преемственности традиций государственно-частного партнёрства, которая включает в себя широкое использование концессионных механизмов и деятельности SEM (сообщества смешанной экономики) [1]. В США использование механизмов ГЧП нашло широкое распространение на муниципальном уровне. В среднем, из пятидесяти базовых видов муниципальной деятельности на территории США, более половины передается частному сектору.

В Российской Федерации также ведется активная работа по налаживанию связей государства и бизнеса. Партнерский формат работы становится инструментом развития территорий и привлечения инвестиций в регионы. В связи с этим, правительство России всячески стремится поддерживать и развивать проекты государственно-частного партнерства.

Сегодня в РФ государственно-частное партнерство – это один из самых потенциально важных инструментов привлечения отечественного и иностранного капитала, который необходим для удовлетворения существующих нужд инфраструктуры. В настоящее время, большинство проектов основанных на партнерстве реализуются в социальной и транспортной сфере. Связано это с возможностью заключения концессий со справедливым перераспределением рисков для обеих сторон.

Концессионные соглашения являются основным способом партнерства в России: более 3 тысяч проектов, в большинстве своем инфраструктурных, реализуются и будут реализованы в формате концессионного соглашения в соответствии №115-ФЗ «О концессионных соглашениях». В социальной сфере, например, здравоохранении и образовании, используются соглашения о партнерстве (МЧП), которые регулируются региональными законодательствами.

Так как активизация государственно-частного партнерства произошла не так давно, отрицательным моментом является то, что большинство таких инвестиционных проектов находятся в начальных стадиях [2].

Так, более 33% соглашений, в которых сформировано инвестиционных обязательств на 61% объема инвестиций, на данный момент находятся на стадии реализации-проектировании или стадии строительства объекта инвестирования.

Инвестиции в проекты, реализуемые в рамках ГЧП, более чем на 70% состоят из внебюджетных средств. Отбор инвесторов для заключения таких соглашений в 62% осуществляется в рамках публичной инициативы. В рамках же частной инициативы заключено около 30% , на которые приходится 40% от общего объема инвестиций.

Большинство таких соглашений связаны с модернизацией коммунальной сферы, однако наиболее масштабными по количеству входящих инвестиций остаются транспортные: на такие соглашения приходится всего 3% от общего числа, но они составляют 70% общего объема инвестиций. В транспортной сфере больше всего инвестиций приходится на инфраструктуру автомобильных дорог.

На данный момент в 64 субъектах приняты региональные законы, которые регулируют деятельность ГЧП. Для анализа рисков и перспектив ГЧП проектов в регионах необходимо оценить статистику текущего развития рынка государственно-частного партнерства и муниципально-частного партнерства (МЧП) [3].

Ведущие позиции в рейтинге занимают не только экономически развитые регионы РФ, но и территории, наиболее приспособленные к реализации проектов в рамках ГЧП. Развитые сферы общественной жизни способствуют регулярным и упорядоченным инвестициям в развитие региона, а также появлению новых форм ГЧП и МЧП.

Тем не менее, карта развития ГЧП в России крайне неоднородна. Регулярная работа в рамках таких партнерств – это привилегия для обеспеченных регионов и субъектов:

- с развитой инфраструктурой;
- с благоприятным инвестиционным климатом.

При этом некоторые менее развитые регионы имеют значительный опыт в работе с частными структурами, однако он сильно ограничен из-за непривлекательного инвестиционного климата. В данный момент времени согласно статистическим данным Центра ГЧП, более 50% проектов были реализованы в 5% субъектов РФ, данные рассмотрены на рис. 1.

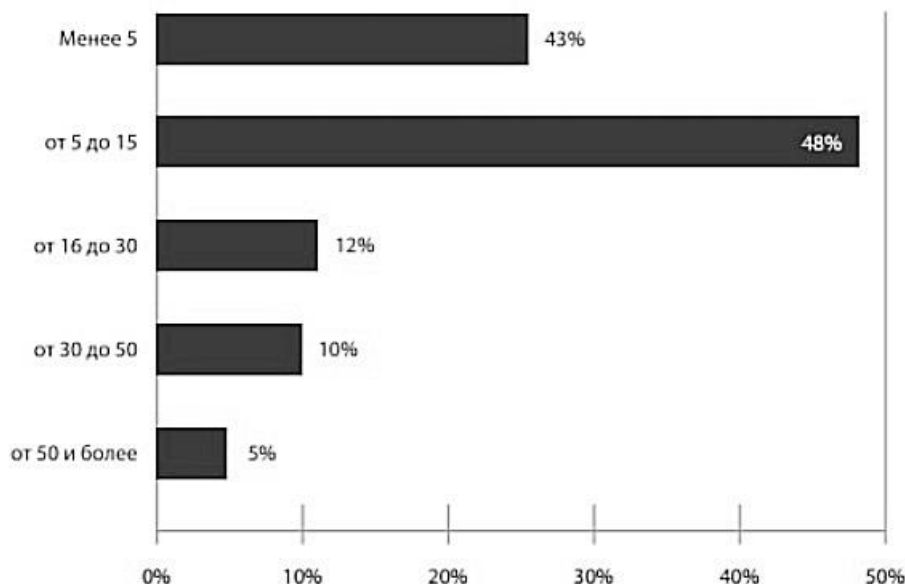

Рис. 1. Доля субъектов РФ по количеству реализованных в рамках ГЧП проектов¹

Fig. 1. The share of constituent entities of the Russian Federation by the number of projects implemented within the framework of PPP

Наиболее актуальными формами ГЧП для РФ остаются:

- соглашения концессионные (71%);
- соглашения о ГЧП в рамках регионального законодательства (40%).

Однако, несмотря на заметные позитивные изменения в развитии ГЧП и МЧП в России, на сегодняшний день есть множество трудностей, рисков и проблем, которые, кроме того, носят системный характер.

Главным препятствием в развитии ГЧП и МЧП на данный момент остаются достаточно высокие риски, которые исходят от государственных структур. Основной федеральный акт, который регулирует ГЧП на данном этапе – это закон о концессионных соглашениях. Он не охватывает весь существующий в зарубежной практике ГЧП-инструментарий.

Касаясь темы рисков, важно отметить роль государства в вопросах их нивелирования. Задачами государства в данном вопросе остаются:

- минимизация потенциальных коммерческих рисков;
- обеспечение функционирования проекта через административное влияние;
- разработка планомерного сотрудничества с частной стороной.

Все это возможно через обеспечение максимально благоприятной среды для частной стороны.

Благоприятная среда функционирования партнерства подразумевает ряд характерных особенностей, которые обуславливают специфические условия функционирования проектов в данной области. Выгодным условием и специфической характеристикой ГЧП выступает возможность финансирования проектов из разнообразных источников, а также возможность их комбинирования.

Государственные органы могут получать кредиты по более низкой процентной ставке, однако они не имеют возможности воспользоваться этим в полной мере, так как ограничены выделенным бюджетом (объем заемных средств регламентируется). В таком случае государство прибегнуть к компаративному либо проектному финансированию.

¹ Данные из информационно-аналитического обзора Минэкономразвития РФ. Электронный доступ; <https://www.economy.gov.ru/material/file/6b5f12f3140cf044f1f715d18dfe0a/gchp%2021.02.2020.pdf.pdf>.

Корпоративное финансирование основывается на привлечении заемных средств для взаимовыгодного инвестирования в проект. Возможность осуществления таких операций есть у сторонних по отношению к проекту инвесторов. Соотношение инвестиций и прибыли, при таком виде финансирования, обусловлено завышенной стоимостью финансирования проекта. Что, в свою очередь, ограничивает возможность вхождения в такие проекты концедента (государства).

Проектное финансирование используют когда прямые кредиты предоставляются напрямую проектной компании. Кредитор воспринимает денежные потоки проекта как гарантию погашения долговых обязательств, а обеспечение в таком случае ограничивается текущими активами проекта и перспективными будущими доходами.

Положительные стороны использования проектного финансирования:

- справедливое распределение рисков между сторонами;
- размещение обязательств, средств и рисков на балансе СПК;
- участие собственными средствами не более 20-40% от всей стоимости проекта.

Кроме того, выделяют такой механизм, как форфейтинг. Форфейтингом называют своеобразную форму кредитования экспортеров или продавцов при продаже товаров, которая применяется во внешнеторговых операциях. Форфейтинг или форфейтирование, таким образом, выступает формой трансформации любого коммерческого кредита в банковский. Данный механизм получил широкое распространение во внешней торговле в начале 60-х гг. XX века, однако форфейтирование активно используется многими странами для осуществления торговых сделок внутри страны.

Характеристики финансирования изменяются в зависимости степени от доступности всех инструментов финансирования на рынке и возможностей инвесторов и кредиторов нести проектные и кредитные риски.

В «Рекомендациях по реализации проектов ГЧП в субъектах РФ» выделяется спектр инструментов по финансированию капитальных затрат проектов ГЧП в России:

- доленое финансирование (средства инвестора и Фонда национального благосостояния);
- кредиты государственных и коммерческих банков;
- облигационный займ (средства пенсионных фондов путем выпуска различных облигаций);
- кредиты различных финансовых институтов, а также гранты.

Комбинирование источников финансирования является самым оптимальным способом обеспечения проекта финансовыми средствами. Это позволяет органам власти:

- повысить бюджетную эффективность проекта;
- значительно поднять социальную и финансовую эффективность проектов;
- привлечь потенциальных инвесторов и кредиторов.

Каждый конкретный проект ставит свои условия и форматы для модели финансирования для инвестора. Это позволяет управлять привлекательностью проекта как для государственных органов власти, так и для частной стороны. В таком случае источник финансирования проекта – это капитал инвесторов и кредитные банковские средства. Государственная поддержка выступает гарантией разделения рисков, а также стимулирует интерес инвесторов и развития рынка ГЧП-проектов. Участие частного сектора в подобных проектах ГЧП подразумевает доленое участие, что подробно описывается в работах Окольниковишников и Куватова.

Зарубежный опыт финансирования ГЧП показал, что возрастающее значение в вопросах финансирования на данный момент имеют международные финансовые институты, с помощью которых проект получает нужный объем средств в кредит [4].

Частные банки – это перспективный источник финансирования, однако такие кредиты означают высокую стоимость из-за срока и условий займа. Такой источник имеет повышенный риск рефинансирования.

Анализ механизма и принципов заемного финансирования показывает, что банки охотнее предоставляют финансирование в рамках реализации проектов с гарантированными доходами.

Такая избирательность и большой перечень условий от банковских учреждений могут стать причиной разрыва соглашения о ГЧП. Возможность привлечения достаточного объема средств увеличивается с помощью банковской синдикации кредита, но их стоимость может быть значительно выше средней на рынке.

На федеральном уровне и в субъектах до сих пор действуют ограничения, которые значительно тормозят осуществление крупных инвестиционных проектов, а именно – ограниченный объем заёмного капитала, что также является косвенной причиной необоснованного повышения кредитной ставки. Для полноценного эффективного функционирования подобных проектов требуется систематический контроль от органов управления на уровне города, региона или государства [5].

Действительно, несмотря на сложную экономическую ситуацию на рынке, ГЧП – это крайне удобный формат работы и для государства, и для частного сектора. Дефицит заемных средств и их удорожание меняет правила игры на рынке государственно-частного партнерства.

Тем не менее, проблема привлечения инвесторов в региональные проекты ГЧП остаётся до сих пор открытой. Инновационные средства привлечения финансирования в региональные проекты государственно-частного партнерства зарекомендовали себя как результативные в зарубежной экономической практике, однако не все из них применимы к отечественным реалиям и требуют некоторых модификаций для адаптации к экономической ситуации РФ. Это осложняет точную объективную оценку целесообразности их использования в массовой практике, однако опыт других стран показывает, что такой путь может стать ключом к стремительному развитию отечественной экономики.

Одним из таких инструментов является отложенный механизм оплаты или ОМО, который используется многими странами с развитым уровнем ГЧП на протяжении многих лет. Отложенный механизм оплаты основан на эффекте роста налогов с последующим перераспределением и погашением первоначальных инвестиций. Этапы реализации проекта на основе ОМО изображены на рис. 2.

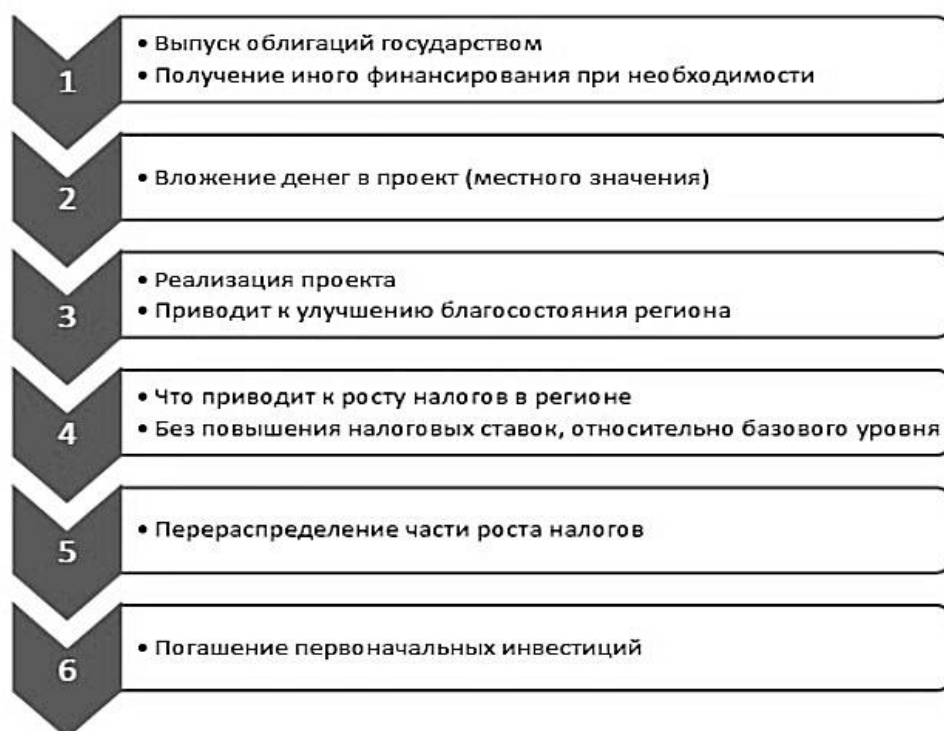

Рис. 2. Этапы реализации проекта ГЧП с использованием отложенного механизма оплаты¹

Fig. 2. Stages of PPP Project Implementation Using a deferred payment mechanism

Основа данного механизма – перераспределение части роста налогов из регионального бюджета в бюджет, связанный с реализацией проекта. Дополнительные финансовые средства позволяют властям региона проводить модернизацию имеющихся фондов без дополнительного финансирования со стороны государства. Это закрепляет финансовую устойчивость и снижает риски для бюджета региона.

Регионы РФ отличаются по уровню развития, однако во всех регионах наблюдается проблемы дефицита основных фондов, а также изношенность имеющихся [7]. Для Ростовской области, например, опыт использования ОМО мог бы стать точкой роста и значительно улучшить позиции субъекта в рейтинге уровня развития ГЧП по регионам РФ. Примером эффективного использования этого механизма может стать Чикаго, где таким образом осуществлено более 130 проектов, которые обеспечивают 20% городских налогов на недвижимость.

Опыт использования ОМО в других странах показывает, что он эффективен:

- при недостаточном уровне развития территории;
- при упадке отдельных отраслей в общей структуре;
- при критических экологических ситуациях;
- при проблемах с рациональным использованием ресурсов.

¹ Составлено авторами на основе данных [6].

Наиболее широкий спектр использования механизмов ОМО представлен в США, Австралии, Канаде и частично в Испании. Стоит отметить, что изначально ОМО был пилотным проектом, направленным на финансирование региональных проектов Калифорнии. В данном случае ОМО продемонстрировал не только возможности самофинансирования проектов, но и повышение инвестиционной привлекательности региона.

Схема поступления доходов от налогов с использованием ОМО рассмотрена на рис. 3.

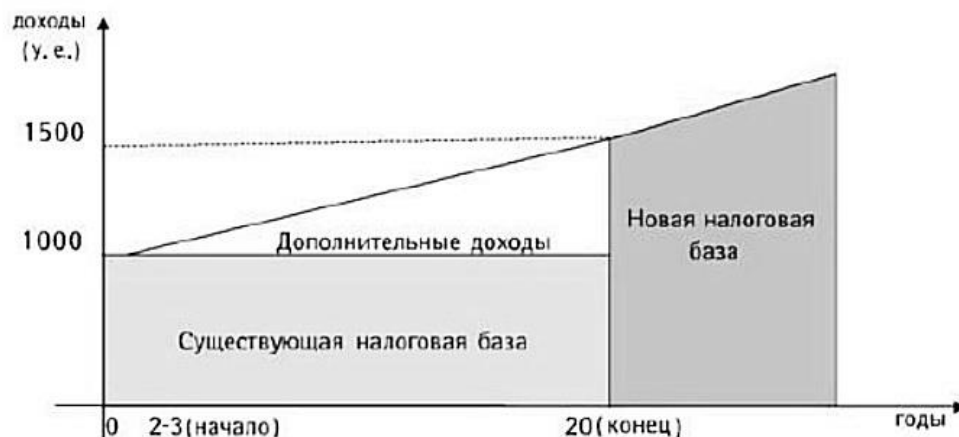

Рис. 3. Схема поступления налоговых доходов при реализации проекта с отложенным механизмом оплаты
Fig. 3. Scheme of receipt of tax revenues during the implementation of a project with a deferred payment mechanism

В Канаде инструмент носит название CRL и используется во всех сферах осуществления ГЧП. Наиболее яркий пример использования этого механизма на данной территории – проект развития железной дороги протяженностью 53 км. Общая стоимость проекта составила 2,7 миллиардов канадских долларов, и была профинансирована только с помощью данного механизма.

Как было сказано ранее, региональные особенности и опыт заключения совместных сделок имеет ключевое значение в вопросах привлечения инвесторов для тех или иных необходимых региону проектов. Проекты, осуществляемые в рамках сотрудничества государства и бизнеса, являются точками роста для многих территорий в развитых странах мира.

Следовательно, Российская Федерация в отношении ГЧП должна сформировать четкую политику на всех уровнях власти. Мерой по реализации таких шагов послужит прежде всего определение концепции развития инфраструктуры как в регионах, так и в стране. Исходя из реальных потребностей экономики, следует дополнять закон о ГЧП. В соответствии с этим дополнить и изменить законодательство должны субъекты РФ.

На региональном уровне следует дать возможность субъекту определить значимость механизма ГЧП, с помощью которого возможно дальнейшее развитие всех сфер экономики. Следующим шагом будет обозначение приоритетного направления развития ГЧП в тех формах и методах, которые наиболее полно отвечают реалиям регионального рынка [8]. Будущее концепта развития ГЧП на уровне регионов – это всесторонняя модернизация механизмов финансирования проектов с краткосрочными и долгосрочными показателями с учетом уже определенного приоритетного для региона звена.

Важный момент институциональных особенностей реализации ГЧП в регионах России – несогласованность политики данной сферы на федеральном и региональном уровнях. Это имеет огромное влияние на качество и сроки реализации проектов, так как законодательство федерального уровня нередко противоречит документам на уровне субъектов.

Институциональная среда, ввиду особенностей в сфере законодательства каждого региона, должна продолжить свое развитие обособленно, однако при строгом учёте и обмене положительным и отрицательным опытом между регионами с последующей консолидацией на уровне Федерации. Только вследствие качественно проделанной указанной выше работы станут понятны дальнейшие векторы развития.

Качественные изменения в законе о ГЧП помогут избежать конфликтов с системой контролирующих органов. Это обеспечит возможность стремительного развития как отдельных территорий, так и государства в целом. Кроме того, применение и совершенствование таких инструментов как ОМО значительно обогатило зарубежные страны в плане опыта реализации проектов ГЧП, как с точки зрения построения схем функционирования сотрудничества государства и бизнеса, так и с точки зрения анализа проблем и недостатков развития сферы ГЧП.

Мы же в рамках регионов имеем базу квалифицированных кадров с большим практическим опытом. Повышение эффективности реализации проектов ГЧП может быть достигнуто с помощью привлечения специалистов в сфере инвестиций и налогообложения. Знания, полученные ими в процессе реализации предыдущих проектов, позитивно скажутся на условиях реализации последующих, что улучшит общее экономическое состояние в городах и регионах РФ.

Список источников

1. Bowen, T. Renee et al. Efficiency of flexible budgetary institutions // *Journal of economic theory*. 2017. Volume 167, P. 148-176.
2. Троценко О. С. Государственно-частное партнерство как сложное межотраслевое понятие // *Представительная власть-XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2018. № 4, С. 16-21.
3. Кривенко К. П., Вивчар Т. А. Риски в проектах гчп: достижение рационального распределения // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2018. № 4. С. 79-101.
4. Кюрджиев С. П., Пешкова Е. П. Методы оценки эффективности хозяйствования в регионе // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2014. № 1. С. 90-96.
5. Моисеева И.В. Способы финансирования ГЧП-проектов: зарубежный опыт и возможности его использования в России // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 12-7. С. 1281-1286.
6. Swenson, Dave and Eathington, Liesl, "Tax Increment Financing Growth in Iowa". *Economics Technical Reports and White Papers*. 2006. № 25. 34 p.
7. Манькова А. О. Международный опыт реализации проектов государственно-частного партнерства // *Проблемы экономики и менеджмента*. 2016. № 10. С. 10-14.
8. Maurya, D., & Srivastava, A. K. Managing partner opportunism in public-private partnerships: The dynamics of governance adaptation // *Public Management Review*. 2019. Vol. 21 (10). P. 1420-1442.

References

1. Bowen, T. Renee et al. Efficiency of flexible budgetary institutions. *Journal of economic theory*. 2017; (167):148-176.
2. Trotsenko O. S. Public-private partnership as a complex intersectoral concept. *Predstavitel'naya vlast' - XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy = Representative power-XXI century: legislation, comments, problems*. 2018;(4):16-21. (In Russ.)
3. Krivenok K. P., Vivchar T. A. Risks in PPP Projects: Achieving Rational Allocation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University Bulletin. Series 21. Management (state and society)*. 2018;(4):79-101. (In Russ.)
4. Kyurdzhiev S. P., Peshkova E. P. Methods for assessing the efficiency of economic management in the region. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2014;(1):90-96. (In Russ.)
5. Moiseeva I. V. Ways of financing PPP projects: foreign experience and the possibilities of its use in Russia. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2015;12-7:1281-1286. (In Russ.)
6. Swenson, Dave and Eathington, Liesl. *Tax Increment Financing Growth in Iowa*. Economics Technical Reports and White Papers. 2006. 34 p.
7. Mankova A. O. International experience in implementing public-private partnership projects. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta = Problems of Economics and Management*. 2016;(10):10-14. (In Russ.)
8. Maurya, D., & Srivastava, A. K. Managing partner opportunism in public – private partnerships: The dynamics of governance adaptation. *Public Management Review*. 2019;21(10):1420-1442.

Информация об авторах

С. П. Кюрджиев – докт. экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики, финансов и природопользования.
В. Н. Шкред – аспирант кафедры экономики, финансов и природопользования.

Information about the authors

S. P. Kyurdzhiev – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics, Finance and Environmental Management.
V. N. Shkred – Postgraduate Student of the Department of Economics, Finance and Environmental Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2021; одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 15.10.2021; approved after reviewing 01.11.2021; accepted for publication 03.11.2021.

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Татьяна Борисовна Малкова¹, Ирина Васильевна Богданова²

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и

Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Борисовна Малкова, mtb37@yandex.ru

Аннотация. В работе рассмотрены проблемы экономической безопасности промышленных предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК), связанные с резким ростом требований к цифровизации данных, определенным форматам загрузки аналитики, автоматизации формирования отчетности. Отмечена неготовность как самих предприятий, так и МО РФ к стремительному внедрению цифровых методов сбора и обработки конфиденциальной информации, по сути являющейся коммерческой тайной предприятий ОПК. В связи с чем, озвучены опасения в защищенности каналов передачи данных военных представительств Министерства обороны, что ставит под угрозу экономическую безопасность промышленных предприятий и в целом ОПК РФ.

Ключевые слова: экономическая безопасность, промышленность ОПК, цифровизация экономики, экономические риски, отчетность, гособоронзаказ

Для цитирования: Малкова Т. Б., Богданова И. В. Проблемы цифровизации промышленных предприятий оборонно-промышленного комплекса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 111–115. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-111-115>.

Problems of Economics

Original article

PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX

Tatyana B. Malkova¹, Irina V. Bogdanova²

Vladimir state University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs, Vladimir, Russia

Corresponding author: Tatyana B. Malkova, mtb37@yandex.ru

Abstract. The paper considers the problems of economic security of industrial enterprises of the military-industrial complex (MIC) associated with a sharp increase in the requirements for digitalization of data, certain formats for uploading analytics, automation of reporting. The unwillingness of both the enterprises themselves and the Ministry of Defense of the Russian Federation to the rapid introduction of digital methods for collecting and processing confidential information, which is essentially a trade secret of defense industry enterprises, was noted. In this connection, concerns have been voiced about the security of data transmission channels of military missions of the Ministry of Defense, which threatens the economic security of industrial enterprises and the defense industry of the Russian Federation as a whole.

Keywords: economic security, defense industry, digitalization of the economy, economic risks, reporting, state defense order

For citation: Malkova T. B., Bogdanova I. V. Problems of digitalization of industrial enterprises of the military-industrial complex. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):111–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-111-115>.

Экономическая среда, в которой приходится функционировать предприятиям ОПК, характеризуется ужесточением государственного контроля за эффективностью и целевым расходованием бюджетных средств, за ведением раздельного учета по контрактам в сфере гособоронзаказа (далее – ГОЗ), повышением требований к ценообразованию, импортозамещению и качеству выпускаемой продукции, а также процессами повсеместной информатизации и цифровизации, плотно вошедшими в зону экономической безопасности предприятий.

Приказом Министра обороны Российской Федерации №554 в 2018 г. промышленным предприятиям, работающим в ГОЗ, была введена ежемесячная обязанность отчитываться об исполнении ГОЗ, этим же приказом были кратко разъяснены порядок и сроки сдачи отчетности¹.

Ежемесячный отчет по гособоронзаказу – это форма, которую сдают участники исполнения государственного оборонного заказа. Обязанность зависит от нескольких факторов, а если отчетность не предоставить, то грозит довольно серьезная ответственность. Поэтому важно правильно заполнять бланк и соблюсти контрольные соотношения, которые проверяются на этапе сдачи отчетности в Военное Представительство МО РФ.

Организации, выполняющие государственный оборонный заказ, в которых созданы военные представительства, обязаны предоставлять отчетность ежемесячно, не позднее 10 числа каждого месяца, следующего за отчетным. Другие организации, выполняющие гособоронзаказ, обязаны предоставить отчетную форму в течение десяти дней со дня получения запроса Министерства обороны.

Обязанность сдавать новую отчетность вызвала много споров, кто и каким образом должен предоставлять ее, естественно, никаких подробных методик отражения учетных данных в форме размещено не было, а тем временем военпреды требовали ежемесячной отчетности от всех исполнителей и соисполнителей гособоронзаказа.

Противоречивые споры вызвал вопрос, в какой момент предприятие заканчивает подавать отчетность по контракту ГОЗ. Приказом определено, что отчетный документ предоставляется до того момента, пока стороны не исполняют обязательств. Однако прокуратура сплошь и рядом запрашивает отчетность по контрактам, обязательства по которым давно исполнены. Оказывается, под контроль попадают все отдельные банковские счета, открытые в рамках исполнения контрактов ГОЗ, и не закрытые на дату проверки. Но, как показывает практика, отдельные банковские счета могут оставаться открытыми не один год после завершения работ по контрактам соисполнителей, пока головной исполнитель не выполнит все свои обязательства перед Министерством обороны, что значительно увеличивает электронный документооборот предприятия. Таким образом, необходимо отметить, что в данный момент существует возможность снять определенный контракт с контроля МО РФ, уведомив Департамент финансового мониторинга и дождавшись от них соответствующего уведомления.

Приказом Минобороны также предусмотрено, что бланк сдается в электронной форме в определенном составе и формате, обеспечивающим прием и обработку информации в Единой информационной системе расчетов по государственному оборонному заказу (ЕИС ГОЗ). Он должен соответствовать тому формату, который установило Министерство обороны. Заполнить форму в excel и переформировать его в xml-формат не получится. Предприятию необходимо соответствующее программное обеспечение, позволяющее сформировать файл в нужном формате, и далее подписать файл электронной цифровой подписью.

Как показала практика, многие предприятия испытали, а некоторые испытывают до сих пор, сложности с формированием отчета. Дело в том, что небольшие предприятия ведут бухгалтерский учет в упрощенных вариантах 1С, где не реализована возможность не только автоматического заполнения и формирования отчета, но и в принципе ведения раздельного учета. Карточки раздельного учета ресурсов контрактов ведутся такими предприятиями вручную, что значительно затрудняет подачу отчета об исполнении ГОЗ.

Отчет вызывает практические сложности с заполнением даже у опытных бухгалтеров и экономистов, он имеет признаки управленческого баланса.

Многие показатели отражаются методом двойной записи, то есть одна хозяйственная операция отражается в двух ячейках. Особенно это касается движения ресурсов между затратами, остатками на складе и расчетами с поставщиками.

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 08.10.2018 г. № 554 "Об определении порядка и сроков представления организациями, выполняющими государственный оборонный заказ, в которых созданы военные представительства Министерства обороны Российской Федерации, отчета об исполнении государственного контракта, контракта, предусмотренного Правилами ведения организациями, выполняющими государственный оборонный заказ, раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 г. № 47, а также порядка истребования указанного отчета у иных организаций, выполняющих государственный оборонный заказ, и сроков его представления". Зарегистрировано в Минюсте России 18 октября 2018 г. N 52477// <https://rg.ru/2018/10/22/minoborony-prikaz-554-site-dok.html>

Одним из примеров практических сложностей служит невозможность учитывать в рамках одного ИГК различные государственные контракты с отдельной аналитикой по договорам и отдельным счетам, в стандартной конфигурации ИГК привязан к одному государственному контракту.

Далеко не все предприятия, работающие в рамках ГОЗ (особенно если речь идет о кооперации 3-4 и далее уровней), могут позволить себе профессиональную доработку имеющейся конфигурации 1С. А стоимость программного обеспечения, позволяющего вести отдельный учет и автоматическое заполнение отчетности исполнения контрактов ГОЗ, такого как 1С: ERP, достаточно высокая.

Специфика учета каждого предприятия настолько уникальна, что доработка конфигурации 1С происходит в несколько этапов, корректируется и дописывается в процессе под конкретные требования работников-исполнителей предприятия. Так, на производственном предприятии N, с порядка девяносто текущими контрактами ГОЗ, доработка вылилась в 1,5 года, и, можно сказать, продолжается в рамках сопровождения.

Трудности возникли еще на этапе составления технического задания для доработки конфигурации. Составить его грамотно могут только люди, которые долго и хорошо знают производство, также необходимо правильно занести номенклатуру и все справочники.

Большие трудности возникают с кадрами, так как отчетность новая, она не входит по умолчанию в обязанность ни бухгалтерии, ни планово-экономической службы, а несет солидную ответственность за ошибки и не предоставление информации. Часто у экономистов не хватает данных, а у бухгалтеров - квалификации, здесь только руководитель предприятия своим волевым решением может решить вопрос, так как в итоге он несет ответственность за этот отчет.

Серьезной проблемой также являются сроки предоставления отчетности – до 10 числа месяца, следующего за отчетным. Как правило, на эту дату себестоимость за отчетный месяц не просто не сформирована, не проведена еще масса проводок. По данным конкретного предприятия N, процесс расчета себестоимости может быть запущен не ранее, чем 20 числа месяца, следующего за отчетным и длится не менее трех дней. К этим числам уже возможно пропорциональное распределение накладных расходов. В таких условиях большинству промышленных предприятий ОПК приходится сдавать отчеты с задержкой данных на месяц, так как другие данные отсутствуют в принципе на данный момент.

Из приведенного обзора проблем промышленных предприятий ОПК, связанных с резким ростом требований к цифровизации данных, определенным форматам выгрузки аналитики, автоматизации формирования отчетности, можно сделать вывод о неготовности как самих предприятий, так и МО РФ к стремительному внедрению цифровых методов сбора конфиденциальной информации, по сути, являющейся коммерческой тайной предприятий [1, 2].

Частые сбои при заливке отчетов об исполнении в ЕИС ГОЗ, выдача Протоколов о приеме отчетов с ошибками, не поддающимися логическим объяснениям, вызывают опасения в защищенности каналов передачи данных военных представительств Министерства Обороны, что ставит под угрозу экономическую безопасность промышленных предприятий и в целом ОПК РФ.

Для анализа уровня цифровизации промышленных предприятий мы предлагаем использовать коэффициент цифровой активности:

$$K_{\text{цифров.}} = \sum I_{\text{цифрв.}} / \sum I_i, \quad \text{где} \quad (1)$$

$I_{\text{цифрв.}}$ – сумма инвестиций, направленных на цифровизацию на промышленном предприятии за определенный временной период (руб.);

I_i – общая сумма инвестиций на промышленном предприятии в определенный временной период (руб.).

Ускорение уровня цифровизации промышленного предприятия зависит от множества факторов (рис. 1).

Коэффициент цифровизации можно использовать для анализа динамики изменения внедрения цифровых технологий на промышленных предприятиях. Внедрение цифровых технологий способствует росту конкурентоспособности промышленных предприятий ОПК [3, 4]. Для оценки уровня цифровизации используются данные предприятий о вложенных инвестициях на приобретение программных средств, создание собственных IT- платформ, приобретение оборудования и компьютерной техники, внедрение искусственного интеллекта, роботизацию производства, обучение персонала и создание более устойчивой системы информационной безопасности, дополнительные затраты на заработную плату сотрудников.

Рис. 1. Факторы ускорения процесса цифровизации промышленных предприятий ОПК
 Fig. 1. Factors of acceleration of the process of digitalization of industrial enterprises of the military-industrial complex

На сегодняшний день инвестиции в цифровые технологии в промышленности составляют всего 8%. Причины сдерживания связаны, прежде всего, с ограничениями, которые имеют предприятия ОПК, а также недостаточного финансирования, опыта, повышенных требований к информационной безопасности, секретности и жесткому регулированию. Некоторые технологии невозможно применить, например, Wi-Fi, облачные технологии совершенствовали бы работу с документацией. Еще одной проблемой является отсутствие актуализированной нормативно-технической документации (в частности, потребностей в оборудовании, материалах и комплектующих, трудовых норм), часто не учитывающей современные тенденции развития. Для ускорения процессов цифровизации промышленных предприятий ОПК необходимо создание целевых программ и проектов с целевым финансированием.

Следующей не менее важной проблемой является ограничивающая стратегия импортозамещения, предполагающая выбор только отечественных разработок, что часто приводит к удорожанию проектов, к экономической не выгоды, иррациональности реализации цифровых проектов. Прорывные отечественные технические решения помогут развитию промышленных предприятий ОПК, росту их конкурентоспособности и их капитализации. Недостаточно высокий уровень компетенций сотрудников предприятий отрасли в вопросах цифровизации также является проблемой, снижающей скорость внедрения цифровых технологий.

Для решения данной проблемы можно использовать организованные центры повышения компетенций по новым технологиям на базе ведущих вузов. На наш взгляд, полезно будет создание базы проектов по цифровизации промышленных предприятий ОПК, где будут отражены показатели эффективности, сильные и слабые стороны проектов, недостатки в реализации, экспертное сопровождение этих проектов. Должна быть создана закрытая экосистема промышленных предприятий ОПК, которая будет включать IT-компании, предприятия, вузы, центры компетенций цифровизации, аудиторские и экспертные организации.

Еще одной проблемой является отсутствие опыта и обмена наработками и практиками функционирующими предприятиями ОПК, отечественными предприятиями IT-индустрии и государства. Стоит отметить, что не менее важной проблемой в современных условиях является хранение технической конструкторской документации на бумаге, таким образом, затруднена автоматизация на этапе конструктор – технолог, что оказывает влияние на выполнение производственных планов, планов закупок и своевременности подготовки отчетной документации о целевом использовании финансовых средств. Решение перечисленных проблем будет способствовать применению предприятиями ОПК облачных сервисов, интеллектуальных технологий, интернета вещей, цифровых двойников.

Список источников

1. Ганичева А.П., Как правильно вести раздельный учет ТМЦ на предприятиях - исполнителях государственного оборонного заказа // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020, № 4. С. 31–34.
2. Яковлев А.В. 1С: Академия ERP: Практикум по подготовке отчетности исполнения контрактов гособоронзаказа. М.: 1С-Паблишинг. 2019. 362 с.
3. Коробач А. А. Роль и значение инноваций в повышении эффективности и конкурентоспособности деятельности предприятий // Новая экономика. 2021. № 1 (июнь). С. 285–290.
4. Акбердина В. В., Смирнова О. П. Кросс-индустриальная трансформация: структурные изменения и инновационное развитие // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17. Вып. 7. С. 1238–1260.

References

1. Ganicheva A. P. How to correctly keep separate records of materials at enterprises - executors of the state defense order. *Oboronno-promyshlennyyi kompleks: voprosy prava = Defense-industrial complex: issues of law*. 2020;(4):31--34. (In Russ.)
2. Yakovlev A. V. 1S: ERP Academy: Workshop on the preparation of reports on the execution of state defense order contracts. Moscow: 1C-Publishing; 2019. 362 p. (In Russ.)
3. Korobach A. A. Role and importance of innovation in improving the efficiency and competitiveness of enterprises. *Novaya ekonomika = New economy*. 2021;1 (June):285–290. (In Russ.)
4. Akberdina V. V., Smirnova O. P. Cross-industrial transformation: structural changes and innovative development. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2021;17(7):1238–1260. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. Б. Малкова – докт. экон. наук, проф. кафедры «Экономика инноваций и финансы»;
И. В. Богданова – асп. кафедры «Экономика инноваций и финансы».

Information about the authors

T. B. Malkova – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics of Innovation and Finance;
I. V. Bogdanova – Postgraduate Student of the Department of Economics of Innovation and Finance.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья

УДК 336

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-116-120

ГИБРИДНАЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Инна Владимировна Некрасова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, inna-nekrasova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1230-1762>

Аннотация. Предприятия, основанные на платформенной бизнес-модели, играют ключевую роль в цифровой экономике. Это связано с прежде всего с используемыми ими информационными и коммуникационными технологиями для мгновенного доступа к своим пользователям, т.е. с так называемым «сетевым эффектом». Данный эффект позволяет получать максимальные конкурентные преимущества на рынке, за счет экономии на затратах при росте объема производства и реализации товаров и услуг. В данной статье анализируются основные факторы, обуславливающие необходимость использования гибридной бизнес-модели предприятиями в цифровой экономике. Автор статьи рассматривает различные трактовки понятия бизнес-модель, а также новые подходы к производству ценностей. На основе проведенного анализа автором статьи была определена специфика образования доходов предприятия, использующего гибридную бизнес-модель и проанализирован зарубежный опыт функционирования компаний с гибридной бизнес-моделью.

Ключевые слова: цифровая платформа, бизнес-модель, платформенная занятость, гибридная бизнес-модель, линейное производство, новые технологии

Для цитирования: Некрасова И. В. Гибридная бизнес-модель как ключевой фактор конкурентоспособности предприятия в цифровой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 116–120. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-116-120>.

Problems of Economics

Original article

HYBRID BUSINESS MODEL AS A KEY FACTOR OF THE COMPETITIVENESS OF AN ENTERPRISE IN THE DIGITAL ECONOMY

Inna V. Nekrasova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, inna-nekrasova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1230-1762>

Abstract. Platform-based enterprises play a key role in the digital economy. This is primarily due to information and communication technologies that they use for instant access to their users, i.e. with the so-called "network effect". This effect allows you to obtain maximum competitive advantages in the market, due to cost savings with an increase in production and sales of goods and services. This article analyzes the main factors driving the need for a hybrid business model by enterprises in the digital economy. The author of the article examines various interpretations of the concept of a business model, as well as new approaches to the production of value. Based on the analysis, the author of the article determined the specificity of the formation of income of an enterprise using a hybrid business model and analyzed the foreign experience of functioning of companies with a hybrid business model.

Keywords: Digital Platform, Business Model, Platform Employment, Hybrid Business Model, Linear Manufacturing, New Technologies

For citation: Nekrasova I. V. Hybrid business model as a key factor of the competitiveness of an enterprise in the digital economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):116–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-116-120>.

Появление платформенных бизнес-моделей стало возможным благодаря появлению новых технологий, которые позволяют вести бизнес с меньшими затратами, а также осуществлять более широкое взаимодействие между разными субъектами рынка. Искусственный интеллект, технология блокчейн, интернет вещей, роботы, автономные транспортные средства коренным образом изменили правила бизнеса и инноваций [1].

Новые технологии оказывают значительное влияние на весь бизнес. Например, искусственный интеллект повышает производительность и потенциал ВВП в мировой экономике благодаря своей способности предлагать на рынке значительное разнообразие продуктов и создавать персонализированные услуги.

Концепция платформенных бизнес-моделей была впервые введена в статье Choudary в 2013 году [2]. В своей работе Choudary противопоставляет платформенную бизнес-модель традиционной линейной (pipeline) бизнес-модели, предполагающей цепочку создания стоимости готового продукта: (вход, производство (преобразование) и выход готового продукта), разработанной Michael Porter.

В настоящее время в научной литературе, понятие бизнес-модель определяется как концепция, которая с помощью комплексного подхода объясняет, как компании ведут бизнес [3, 4].

При изучении концепции понятия платформенной бизнес-модели через призму управления технологиями она определяется как технология, которая позволяет совершать транзакции между партнерской сетью и пользователями, которые неизбежно становятся взаимозависимыми сотрудниками в экосистеме [5].

Во многих научных исследованиях указывается, что инновации в бизнес-модели способны приносить более высокую прибыль, чем инновации в продукты или услуги [6, 7, 8].

Именно по этой причине можно утверждать, в период цифровизации спецификой инновационных процессов является создание новых подходов к производству ценности, а не сами производимые товары или услуги.

Новые подходы к производству ценностей возможны посредством следующих форм трансформации бизнес-моделей:

- существующая бизнес-модель полностью трансформируется в другую бизнес-модель (например, линейная бизнес-модель трансформируется в платформенную);
- диверсификация бизнес-модели - когда существующая бизнес-модель превалирует, но позволяет внедрить дополнительную бизнес-модель;
- приобретение технологий для новой бизнес-модели с последующим ее включением в существующую бизнес-модель.

Рассмотрим специфику образования доходов предприятия, использующего гибридную бизнес-модель.

По мере масштабирования платформы ее стоимость на проданную единицу продукции уменьшается логарифмически. Для сравнения, линейные предприятия ограничены U-образной кривой затрат на единицу, поскольку они увеличивают продажи. Чтобы понять почему, рассмотрим линейный бизнес по производству пиломатериалов. Первоначально, по мере роста компании, она получает выгоду от эффекта масштаба, поскольку ее операции становятся более эффективными и могут обрабатывать большие объемы древесины с меньшими затратами. Однако, чтобы охватить весь рынок, доступный для лесозаготовительной компании, она должна инвестировать значительные ресурсы в расширение своих мощностей, чтобы производить больше пиломатериалов и продавать больше запасов.

Напротив, платформа растет не за счет покупки большего количества активов, а за счет привлечения большего количества пользователей, что имеет почти нулевую стоимость. Например, когда Uber хочет добавить больше автомобилей на свою платформу, ему просто нужно привлечь новых водителей в свою сеть, а не покупать больше машин. Платформе это почти ничего не стоит.

Таким образом, можно сделать вывод, что успешные платформы не ограничены типичной U-образной кривой затрат, которая описывает большинство линейных предприятий. Напротив, из-за сетевых эффектов и низких предельных затрат на производство товаров и услуг, их себестоимость не растет прямо пропорционально росту доходов от их реализации, даже если платформенный бизнес расширяется достаточно интенсивно. Прирост затрат на производство и реализацию будет близок к нулю в конце роста платформенного бизнеса, т. е. затраты на рост платформы имеют тенденцию к логарифмическому выравниванию.

Платформа растет не за счет покупки большего количества активов, а за счет привлечения большего количества пользователей, с затратами на привлечение, незначительно отличающимися от нуля.

С другой стороны, стоимость обслуживания одного дополнительного клиента также очень незначительна.

Таким образом, для распространения сервисов совместного использования пассажиров Uber достаточно предоставить каждому пользователю копию приложения.

«Копирование» является ключом к пониманию почти нулевой предельной стоимости развития платформы. Uber сделал некоторые инвестиции в разработку своих приложений и сегодня продолжает их улучшать с помощью разработчиков, чтобы улучшить взаимодействие с пользователями, но затраты на разработку значительно меньше прибыли, полученной от возросшего количества пользователей. Благодаря Интернету и технологиям обмена информационные товары сегодня имеют почти нулевую предельную стоимость распространения.

Отсюда можно сделать вывод, что наиболее выгодной формой организации бизнеса является гибридная модель, сочетающая в себе линейную и платформенную бизнес-модели. Сочетание этих двух бизнес-моделей может быть чрезвычайно эффективным и прибыльным, позволяя бизнесу извлечь выгоду из сильных сторон каждой бизнес-модели.

Например, компания Apple сочетает линейное производство с платформой для разработчиков. Основным источником дохода Apple по-прежнему является линейный бизнес: разработка и продажа оборудования, в первую очередь iPhone. Несмотря на то, что Apple по-прежнему получает большую часть своего дохода от продажи устройств, она отличается от других производителей смартфонов своей платформой разработки iOS.

Основная ценность продукции Apple для потребителей – это обширная сеть приложений и разработчиков приложений.

Прошлый опыт компании показывает, что отказ от бизнес-модели платформы может быть фатальным. В эпоху настольных компьютеров Apple выбрала полностью закрытый, линейный подход, при котором она разрабатывала все свои собственные приложения, и в конечном итоге проиграла Microsoft, которая поддерживала сторонние приложения в своих операционных системах.

В настоящее время Apple с большим успехом применяет уроки, извлеченные из эпохи смартфонов. После открытия операционной системы iPhone продажи iPhone выросли на 300% (с 5,4 млн до 15,7 млн) с 2 млрд. загрузок приложений iOS только за первый год после запуска App Store.

Таким образом, можно сделать вывод, что миллионы разработчиков приложений Apple являются ключевой причиной, по которой компания сохраняет свой статус продавца смартфонов премиум-класса.

Компания Amazon объединяет платформу торговой площадки с услугами B2B (Business - to - Business) в области логистики, рекламы, а также потоковой передачи и подписки B2C (Business-to-Consumer).

Amazon также объединяет линейный и платформенный подход в своем бизнесе электронной коммерции B2C. Ее торговая площадка состоит как из продуктов, принадлежащих Amazon (линейный), так и из продуктов, продаваемых сторонними продавцами, которые продают товары через Amazon (платформа, напрямую связывающая сторонних продавцов с покупателями).

Торговая площадка Amazon является одной из самых быстрорастущих сфер электронной коммерции, а также одной из самых прибыльных. В 2018 году более половины товаров и услуг, проданных на торговой площадке Amazon, были проданы сторонними продавцами [9]. Развивая прочные отношения с продавцами, Amazon также может предлагать продавцам дополнительные услуги, такие как, в первую очередь, «Fulfillment By Amazon».

Выполнение заказов Amazon - еще один (линейный) источник дохода для Amazon, который также улучшает работу платформы в целом, гарантируя, что клиенты быстро получают товары, заказанные на торговой площадке Amazon, независимо от того, кто их продал. Сервис «Fulfillment By Amazon» позволяет продавцам хранить свои запасы на складах Amazon и обрабатывать доставку, когда покупатель размещает заказ, за определенную плату.

Amazon также предлагает рекламодателям рекламные места на своей торговой площадке.

В III квартале 2020 года доходы компании Amazon от продажи рекламы составили \$5,3 млрд, тогда как собственные затраты на продвижение товаров и услуг составили \$5,4 млрд.¹

По прогнозам аналитиков, к 2026 г. доход компании от рекламы может превысить \$85 млрд². Доля доходов Amazon от рекламы растет благодаря успеху ее торговой площадки. Торговая площадка привлекает внимание более 300 миллионов активных пользователей, что делает ее привлекательной для потенциальных рекламодателей.

¹ Доход Amazon от рекламы в 2020 году вырос на 52%, отнимая долю рынка Google // <https://marketinfo.pro/news/dohod-amazon-ot-reklamy-v-2020-godu-vyros-na-52-otnimaja-dolju-rynka-google-> (дата обращения: 20.11.2021)

² Выручка от рекламы на Amazon может приблизиться к \$90 млрд через пять лет // <https://ffin.ru/market/future/103124/#ixzz7ClekFL58> (дата обращения: 11.10.2021)

Что касается В2С, более 100 миллионов пользователей подписываются на Amazon Prime и, таким образом, получают доступ к библиотеке потоковой передачи развлечений (как с лицензионным, так и с оригинальным контентом), бесплатной двухдневной доставке продуктов, купленных на торговой площадке, и другим льготам.

Сочетая платформу и линейный подход, Amazon объединяет лучшее из обеих бизнес-моделей. Amazon может осуществлять контроль качества и цены за счет организации линейного бизнеса, а также широкий выбор и размер прибыли на рынке. Компания предлагает уникальные возможности для предложения услуг В2В и В2С продавцам и покупателям, совершающим сделки на рынке, тем самым увеличивая потоки доходов.

Кроме того, более 80% всех товаров, представленных на Amazon, поступают от сторонних продавцов, а это означает, что рынок является важным фактором, позволяющим компании фиксировать долгосрочные продажи. Amazon также может использовать данные о сторонних продажах, чтобы определить, куда инвестировать в свой линейный бизнес электронной коммерции.

Подводя итоги исследования необходимо отметить следующее.

По данным МОТ на сегодняшний день насчитывается 777 крупных цифровых бизнес-платформ, доля занятости на которых колеблется от 0,3% до 22% взрослого населения в различных странах мира.

В настоящее время в мировой экономике наблюдается взрывной рост занятости населения работоспособного возраста.

По прогнозам аналитиков, к 2023 г. платформенная занятость в России может вырасти в 2 раза и составить 5% экономически активного населения. По последним данным на 2021 год доля платформенной занятости на мировом рынке труда составляет 3%¹.

Если говорить о степени концентрации цифровых платформ в экономике различных стран мира, то можно сказать, что она достаточно неравномерна: 29% – США, 8% – Индия, 5% – Великобритания, 2% – Россия.

Около 70% выручки мировой платформенной экономике приходится на США (около 49%) и Китай (приблизительно 22%). На Россию приходится всего лишь около 1% глобальных инвестиций в цифровые проекты. Причем 90% от этих средств вкладывается в платформу «Яндекс.Такси», что свидетельствует о неразвитости платформенного бизнеса в России.

В России 94% всех доходов платформенных бизнес-моделей генерирует компания «Яндекс», которая при этом достаточно невелика с точки зрения международных критериев.

Все это свидетельствует о неразвитости платформенного бизнеса в России, что подтверждается достаточно низким рейтингом российской экономики по уровню цифровизации – 27 место по данным на сентябрь 2021 года².

Выводы и рекомендации

В цифровой экономике России, как и в мире в целом гибридные компании вытесняют традиционные, которые остаются на 100% линейными.

Для эффективной работы платформенной бизнес-модели необходим постоянный доступ к новым технологиям и дополнительным возможностям, чтобы создавать сильные конкурентные преимущества для компании [10].

Посредством платформенной бизнес-модели компании должны уметь привлекать критическую массу клиентов, определять способ их взаимосвязи в соответствии с общими потребностями, а также организовывать транзакции, способствующие оптимизации системы в целом.

Предприятия с традиционной линейной моделью ведения бизнеса в условиях цифровой экономики могут потерять контроль над каналами сбыта и попасть в зависимость от цифровых платформ.

Существует угроза цифровой монополизации экономики через контроль цифровыми платформами спроса и предложения товаров и услуг, а также манипуляцией большими объемами информации.

Список источников

1. Nekrasova I., Karnaukhova O., Sviridov O. (2018) Fractal Properties of Financial Assets and Forecasting Financial Crisis. In: Nekrasova I., Karnaukhova O., Christiansen B. (Ed.) Handbook of Fractal Approaches for Modeling Financial Assets and Predicting Crises. Hershey, PA: IGI Global, pp. 23-41.

¹ Ученые спрогнозировали резкий рост платформенной занятости в России и мире // https://www.cnews.ru/news/line/2021-09-17_uchenye_sprognozirovali_rezkij (дата обращения: 11.11.2021)

² Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации // <https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672.html> (дата обращения: 16.10.2021)

2. Choudary S.P. (2013) Platform power. Secrets of billion-dollar internet startups // <http://platfromed.info> (дата обращения: 15.11.2021).
3. Parker, G.G., Van Alstyne, M.W. (2018): Innovation, openness, and platform control. *Manag. Sci.* 64, pp. 2973–3468
4. Eckhardt, J.T., Ciuchta, M.P., Carpenter, M. (2018): Open innovation, information, and entrepreneurship within platform ecosystems. *Strat. Entrep. J.* 12 (3), pp. 369–391.
5. Khin S., Ho T. C. Digital technology, digital capability and organizational performance: A mediating role of digital innovation // *International Journal of Innovation Science.* – 2019. – Vol. 11, No. 2. – P. 177–195.
6. Wen, W., Zhu, F. (2019) Threat of platform owner entry and complementor responses: evidence from the mobile app market. *Strat. Manag. J.* 40, pp. 1336–1357.
7. Зараменских Е. П. Цифровые платформы как средство агрегации, производства и предоставления цифровых товаров и услуг // *Управление сложными системами.* 2018. № 3. С. 105–112.
8. Никишина Е. Н. Доверие и шеринговые платформы // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика.* 2020. № 4. С. 71–83.
9. Helfat, C.E., Raubitschek, R.S. (2018) Dynamic and integrative capabilities for profiting from innovation in digital platform-based ecosystems. *Res. Policy* 47 (8), pp. 1391–1399.
10. Свиридов О.Ю., Некрасова И.В. Государственное финансирование индустриальных парков и технопарков как основной элемент промышленной политики России // *Финансовые исследования.* 2017. № 4 (57). С. 110–121.

References

1. Nekrasova I., Karnaukhova O., Sviridov O. (2018) Fractal Properties of Financial Assets and Forecasting Financial Crisis. In: *Nekrasova I., Karnaukhova O., Christiansen B. (Ed.) Handbook of Fractal Approaches for Modeling Financial Assets and Predicting Crises.* Hershey, PA: IGI Global, pp. 23–41.
2. Choudary S.P. (2013) *Platform power. Secrets of billion-dollar internet startups.* Available from: <http://platfromed.info> [Accessed 15 November 2021].
3. Parker, G.G., Van Alstyne, M.W. (2018): *Innovation, openness, and platform control.* *Manag. Sci.* 64, pp. 2973–3468
4. Eckhardt, J.T., Ciuchta, M.P., Carpenter, M., (2018): *Open innovation, information, and entrepreneurship within platform ecosystems.* *Strat. Entrep. J.* 12 (3), pp. 369–391.
5. Khin S., Ho T. C. Digital technology, digital capability and organizational performance: A mediating role of digital innovation. *International Journal of Innovation Science.* 2019;11(2):177–195.
6. Wen, W., Zhu, F. Threat of platform owner entry and complementor responses: evidence from the mobile app market. *Strat. Manag. J.* 2019;40:1336–1357.
7. Zaramenskikh E. P. Digital platforms as a means of aggregation, production and provision of digital goods and services. *Upravlenie slozhnyimi sistemami = Management of complex systems.* 2018;(3):105–112. (In Russ.)
8. Nikishina E. N. Trust and sharing platforms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Moscow University Economics Bulletin.* 2020;(4):71–83. (In Russ.)
9. Helfat C.E., Raubitschek R.S. (2018): Dynamic and integrative capabilities for profiting from innovation in digital platform-based ecosystems. *Res. Policy* 47 (8), pp. 1391–1399.
10. Sviridov O. Yu., Nekrasova I. V. State financing of industrial parks and technoparks as the main element of the industrial policy of Russia. *Finansovye issledovaniya = Financial research.* 2017;4(57):110–121. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Некрасова – канд. экон. наук, доц. кафедры «Финансы и кредит»

Information about the author

I. V. Nekrasova – PhD in economics, associate Professor of Finance and Credit Department.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 06.12.2021

ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Вадим Андреевич Сыропятов¹, Сергей Сергеевич Цыганков²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹sir.vadim.syropyatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9458-8746>

²sscygankvov@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7827-8318>

Аннотация. Формирование успешной инновационной системы на национальном уровне невозможно без участия человеческого капитала. В результате анализа нарративов акторов российской инновационной системы (государства, бизнеса, науки) авторами были выявлены провалы государственного регулирования на базе экспертных мнений респондентов, связанных и посвященных в проблему оттока человеческого капитала и её влияния на формирование российской инновационной системы. Эмпирической базой для анализа нарративов акторов российской инновационной системы послужили 43 источника средств массовой информации, содержащиеся в электронном архиве источников информации «Интегрум» за период с 1 января 2010 г. по 1 июля 2021 г. В ходе исследования были выявлены 3 основные причины сохранения существующих проблем воспроизводства и оттока научных и академических кадров из России.

Ключевые слова: человеческий капитал, российская инновационная система, национальная инновационная система, утечка мозгов, воспроизводство кадров, нарративный анализ, нарративная экономика, молодые ученые

Для цитирования: Сыропятов В. А., Цыганков С. С. Проблемы человеческого капитала в российской инновационной системе через призму нарративного анализа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021 № 4 С. 121–132. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-121-132>.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики».

Problems of Economics

Original article

PROBLEMS OF HUMAN CAPITAL IN THE RUSSIAN INNOVATION SYSTEM THROUGH THE PRISM OF NARRATIVE ANALYSIS

Vadim A. Syropyatov¹, Sergey S. Tsygankov²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹sir.vadim.syropyatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9458-8746>

²sscygankvov@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7827-8318>

Abstract. The formation of a successful innovation system at the national level is impossible without the participation of human capital. As a result of the analysis of the narratives of the actors of the Russian innovation system (state, business, science), the authors identified failures of state regulation based on the expert opinions of respondents connected and devoted to the problem of the outflow of human capital and its influence on the formation of the Russian innovation system. The empirical basis for the analysis of the narratives of the actors of the Russian innovation system was 43 media sources contained in the electronic archive of information sources "Integrum" for the period from January 1, 2010, to July 1, 2021. The study identified 3 main reasons for the persistence of existing problems reproduction and outflow of scientific and academic personnel from Russia.

Keywords: human capital, Russian innovation system, national innovation system, brain drain, personnel reproduction, narrative analysis, narrative economics, young scientists

For citation: Syropyatov V. A., Tsygankov S. S. Problems of human capital in the Russian innovation system through the prism of narrative analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):121–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-121-132>.

Financial Support: This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 21-18-00562, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00562/> "Developing the national innovation system in Russia in the context of narrative economics".

Российская инновационная система и человеческий капитал

Родоначальником использования («national system of innovation» [1]) в научном дискурсе считается Bengt-Ake Lundvall [2]. На современном этапе развития научной мысли национальная инновационная система трактуется в узком и широком смыслах [3]. В более узком смысле это совокупность инновационных предприятий и государственная инфраструктура, с которой они взаимодействуют [4]. Более широкий подход к определению национальной инновационной системы включает в себя все инновационные процессы, происходящие в стране вне зависимости от места их происхождения [3].

В нашем исследовании мы опираемся на концепцию широкого подхода к определению национальной инновационной системы, при этом наиболее релевантным определением НИС по нашему мнению, является определение Меткалфа, согласно которому НИС – это «совокупность различных институтов, которые по отдельности и во взаимодействии вносят вклад в развитие и передачу технологий и обеспечивают рамки для формирования государственной политики, оказывающей влияние на инновационные процессы...». Такое определение НИС, по мнению О. Голиченко, является «наиболее полным» [5].

Формирование конкурентоспособной отечественной инновационной системы актуально в условиях имеющихся проблем с темпами развития российской экономики и безуспешными попытками увеличить её вклад в мировой ВВП в последнее десятилетие, которые можно охарактеризовать как «бег на месте» (рис. 1 и рис. 2).

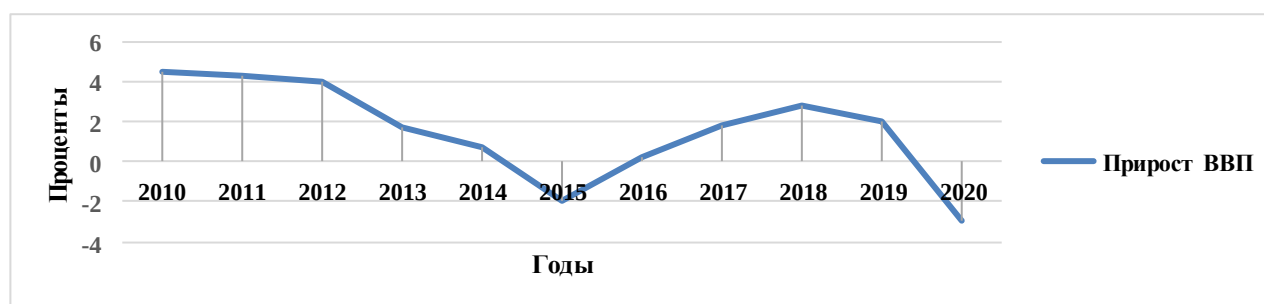

Рис. 1 Темпы прироста ВВП России в 2010–2020 гг.¹

Fig. 1 Rates of GDP growth in Russia in 2010–2020

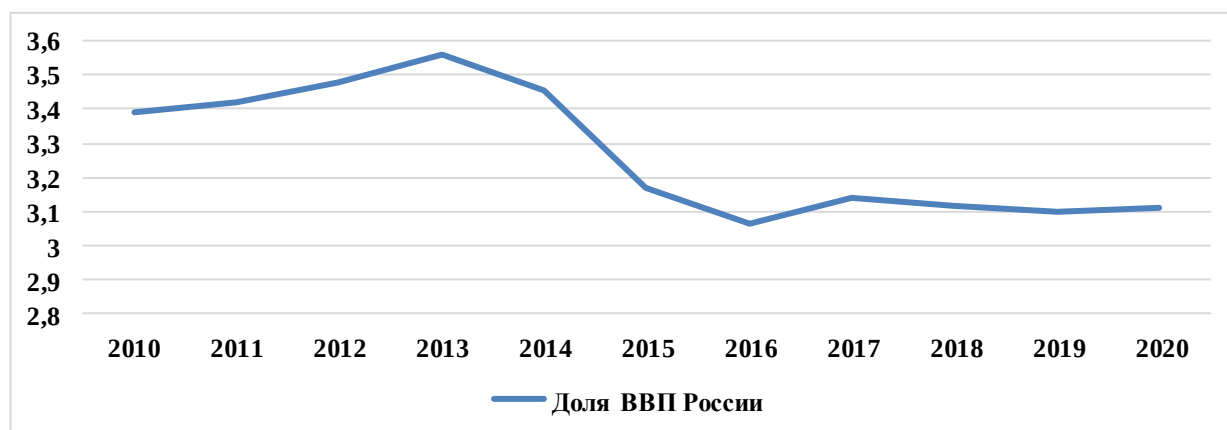

Рис. 2 Доля ВВП (по ППС) России в мировом ВВП, %²

Fig. 2 Share of GDP (PPP) of Russia in world GDP, %

Структурные проблемы отечественной национальной экономики, связанные в том числе, с высоким уровнем зависимости от колебания цен на энергоносители, ухудшающимися в последнее время отношениями с западными странами и «санкционными войнами», а также текущим периодом пандемии коронавируса дополнительно обуславливают необходимость развития национальной инновационной системы.

¹ Составлен по данным Всемирного банка //

<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=R> (дата обращения: 10.10.2021)

² Составлен авторами по данным Международного валютного фонда //

<https://www.imf.org/en/Publications/> (дата обращения: 10.10.2021)

Институциональная структура НИС включает в себя государство, бизнес и академию (наука), которые участвуют в инновационной деятельности и в результате взаимодействия «переплетаются, образуя тройную спираль» [6]. Академия (наука) осуществляет свое взаимодействие, как с государством, так и с бизнесом, оказывая влияние на направление развития инновационной системы, следовательно, качество человеческого капитала влияет на успешность инновационной деятельности на национальном уровне, при этом недооценка важности человеческого капитала является «одним из препятствий для экономического обновления страны» [7].

Как видно из рис. 3, несмотря на положительную динамику, Россия по-прежнему отстает по Индексу человеческого развития от стран Большой семерки и в рейтинге за 2020 год и занимает всего лишь 52-е место в мире (между Казахстаном и Беларусью)¹.

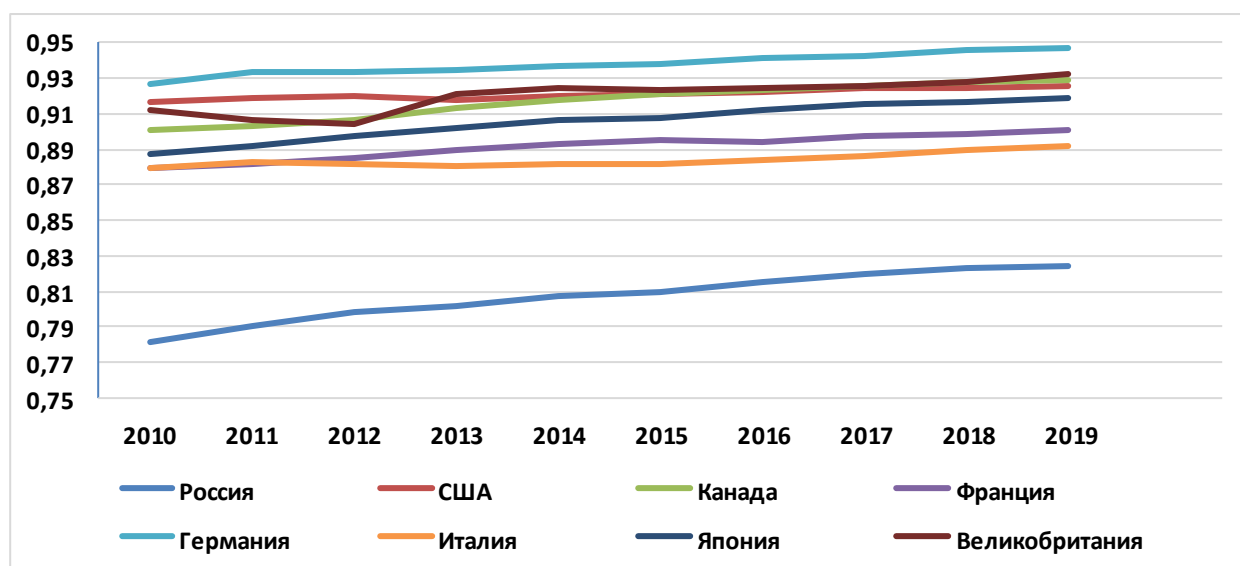

Рис. 3 Индекс человеческого развития²
Fig. 3 Human Development Index

Одной из проблем, влияющих на качество человеческого капитала, является проблема «утечки» мозгов и воспроизводства кадров в России, которая встала крайне остро начиная с распада в 1991 г. Советского Союза, когда в условиях тотального дефицита, резкого снижения уровня жизни и открытия государственных границ, многие видные ученые и исследователи, и просто образованные высококвалифицированные специалисты, учитывая качество высшего образования в СССР и наличие большого числа подготовленных кадров (так, по данным исследования Дж. Саломона [8], в 1988 году в СССР было сосредоточено примерно 26,6% ученых и инженеров всего мира, тогда как в Северной Америке - 25,4% а Западной Европе - 16,7%) стали массово уезжать из страны.

По некоторым оценкам, в течение нескольких лет после распада союза ежегодно страну покидало более 80 тысяч человек, и существенная их доля имела именно высокую научно-профессиональную квалификацию в различных сферах³.

Падение финансирования науки, как одного из важнейших факторов удержания кадров, по данным Салтыкова [9], было очень значительным – так если до распада СССР заработная плата научных работников была выше на 20% среднего по стране уровня, то уже к 1992 году она составляла всего лишь 65% от среднего уровня.

Как справедливо отмечает И. Гангули [10], достаточно трудно поддается подсчету точное количество эмигрировавших ученых, как в 1990-е, так и в настоящее время. В некоторых исследованиях данные варьируются от 7 тысяч человек [11], до 20 тысяч человек [12] работавших в сфере науки и образования.

¹ Программа развития ООН // <http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking> (дата обращения: 10.10.2021)

² Составлен авторами по данным Организации Объединенных Наций // <http://hdr.undp.org/en/countries> (дата обращения: 10.10.2021)

³ Миграция в России и СССР: откуда приезжают и куда уезжают – трудовая и вынужденная миграция, утечка мозгов // [Электронный ресурс] – URL: <https://vc.ru/migrate/> (дата обращения: 21.09.2021)

В более поздних исследованиях, например Рязанцева С. [13], направленных на период анализа миграционных потоков за период 2002–2010 гг. приводятся данные оттока более 90 тысяч человек с высшим образованием за обозначенный период, при чем уже тогда автор подчеркивал, что официальную российскую статистику следует умножать как минимум в 3-4 раза, вследствие чего реальные данные оттока за период 2002 - 2010 гг. составляют, по его мнению, от 750 тыс. до 1 млн. человек с высшим образованием (в том числе 1,2 - 1,6 тыс. докторов и кандидатов наук).

В 2021 году, по данным главного ученого секретаря РАН Николая Долгушкина¹, ситуация с «утечкой мозгов» снова стала принимать угрожающие масштабы, увеличившись в пять раз по сравнению с показателями 2012 года.

Здесь мы опять возвращаемся к уже упомянутой нами ранее проблеме используемой методологии учета оттока высококвалифицированных специалистов из России. Как и в более ранних исследованиях Рязанцева С., так и в последние несколько лет различные циркулирующие в открытом информационном пространстве данные указывают на то, что официальные данные Росстата об эмиграции Россиян занижены в несколько раз.

Такие же данные приводятся в исследовании Масленникова [14], по его мнению, также наблюдаются значительные расхождения в миграционной статистике России и других стран: указываемое количество выбывших граждан России на постоянное место жительства за рубеж в несколько раз меньше, чем в официальных зарубежных данных о количестве, прибывших в страны-реципиенты.

Таким образом, данные негативные тренды в миграции населения приводят к тому, что Россия по числу эмигрантов в мире занимает 3–4 место на 2017 год, а в мире проживает более 10,6 млн человек, покинувших страну². И большая часть этого населения – самые высококвалифицированные специалисты, что обуславливает нахождение России по данным ОЭСР, в топ-8 государств, откуда уезжают самые образованные кадры³.

В дополнение к этому продолжение негативного миграционного тренда только усиливается на фоне распространения высоких эмиграционных настроений среди российской молодежи. Так, каждый третий молодой человек в возрасте 18–24 лет (31%) хотел бы уехать из страны, а каждый второй аспирант (50%) готов покинуть Россию ради хорошей работы за рубежом, а среди студентов бакалавриата и магистратуры эта доля составляет 43,1% [15].

Кокшаров и Агарков в своём исследовании [16] на базе данных динамики академической мобильности за период с 2011 г. по 2017 гг. на примере Уральского федерального университета постарались выяснить основные направления отъезда отечественных ученых (рис. 4).

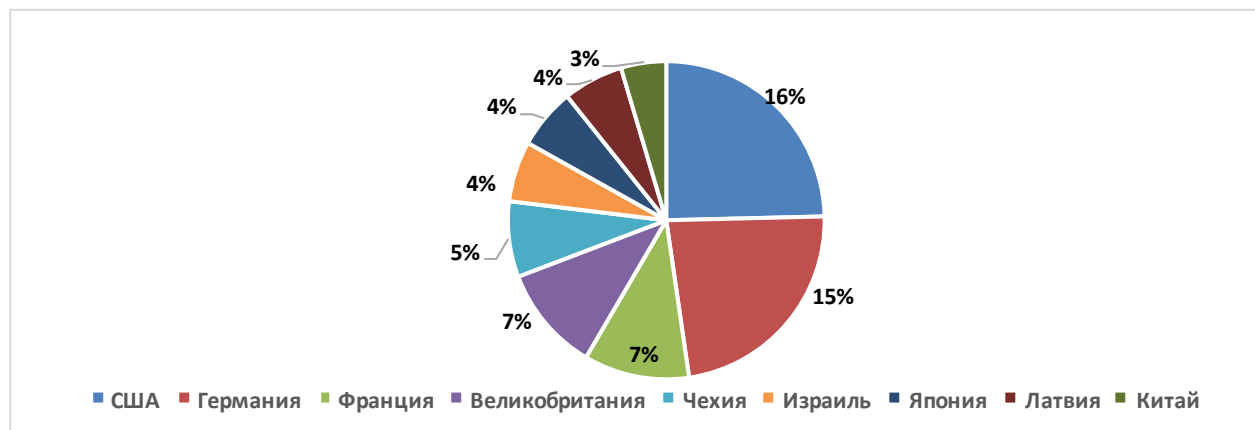

Рис. 4 Страны, принимающие российских ученых [16]

Fig. 4 Countries hosting Russian scientists

Согласно этим данным основными странами-реципиентами являются США, Германия, Великобритания и Франция. Эти данные согласуются с другими более свежими исследованиями [17], которые также указывают на США, Германию, Великобританию и Францию как основные научные

¹ РАН: за границу с 2012 года стало уезжать впятеро больше ученых. Тасс Наука // [Электронный ресурс] – URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/11198355> (дата обращения: 17.09.2021)

² International migrant stock: The 2017 revision. United Nations // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/> (дата обращения: 17.09.2021)

³ Directorate for employment, labour and social affairs employment, labour and social affairs committee. OECD // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 17.09.2021)

центры академических мигрантов из России, где была большая доля умеренно цитируемых и высоко цитируемых исследователей.

В рамках проводимого исследования, для более детальной систематизации эмпирических данных касательно проблемы воспроизводства кадров и человеческого капитала в отечественной науке и российской инновационной системе, нами был составлен пул из нескольких разных статистических показателей за период 2010–2020 гг., которые, по нашему мнению, могут с разных сторон охарактеризовать рассмотренную проблему.

Первой группой статистических показателей служат непосредственные данные Росстата по оттоку (миграции) людей с высшим образованием (рис. 5), в том числе с ученой степенью (рис. 6).

Несмотря на дивергенцию этих официальных данных со статистическими данными других стран, о чем мы писали выше, данные Росстата были взяты нами как «абсолютный минимум» и ориентир для определения локальных миграционных трендов.

Так, согласно рисунку 5, количество выбывшего населения с 2010 года по 2020 гг. с высшим образованием неуклонно растет, с локальным пиком в 2018 году, когда число покидавших страну было почти в 8,5 раз выше, чем в 2010 году. Локальный спад в 2020 году мы рассматриваем исключительно как «ковидный фактор», когда ограничения на свободное передвижение по всему миру существенным образом повлияли на существующие миграционные потоки.

Количество людей с ученой степенью, покидающих Россию, также значительно выросло за последние десять лет, с локальным пиком в 2017–2018 гг., в 7 раз выше, чем на 2010 год.

Рис. 5. Количество выбывшего населения с 2010–2020 гг. с высшим образованием¹
Fig. 5. The number of people leaving the population from 2010–2020 with higher education

Рис. 6. Количество выбывшего населения с ученой степенью 2010 года по 2020 гг.²
Fig. 6. The number of people dropping out with an academic degree from 2010 to 2020

¹ Составлено по официальным данным Росстата <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

² Там же.

Теперь перейдем к другой группе статистических показателей, которые демонстрируют отток высококвалифицированных специалистов относительно общего размера населения России. Для более репрезентативной и релевантной оценки нами были взяты схожие показатели, но от разных международных институтов, количество исследователей в России, на тысячу занятых по данным ОЭСР, и количество Исследователи в области НИОКР (на 1 млн чел.) по данным Мирового банка (рис. 7 и рис. 8 соответственно).

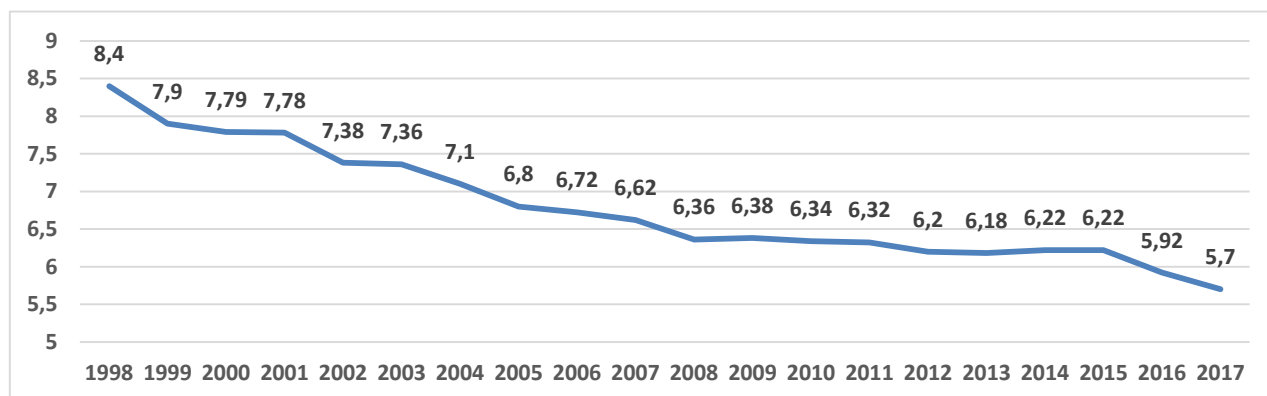

Рис. 7 Исследователей в России, на тысячу занятых¹

Fig. 7 Researchers in Russia, per thousand employed

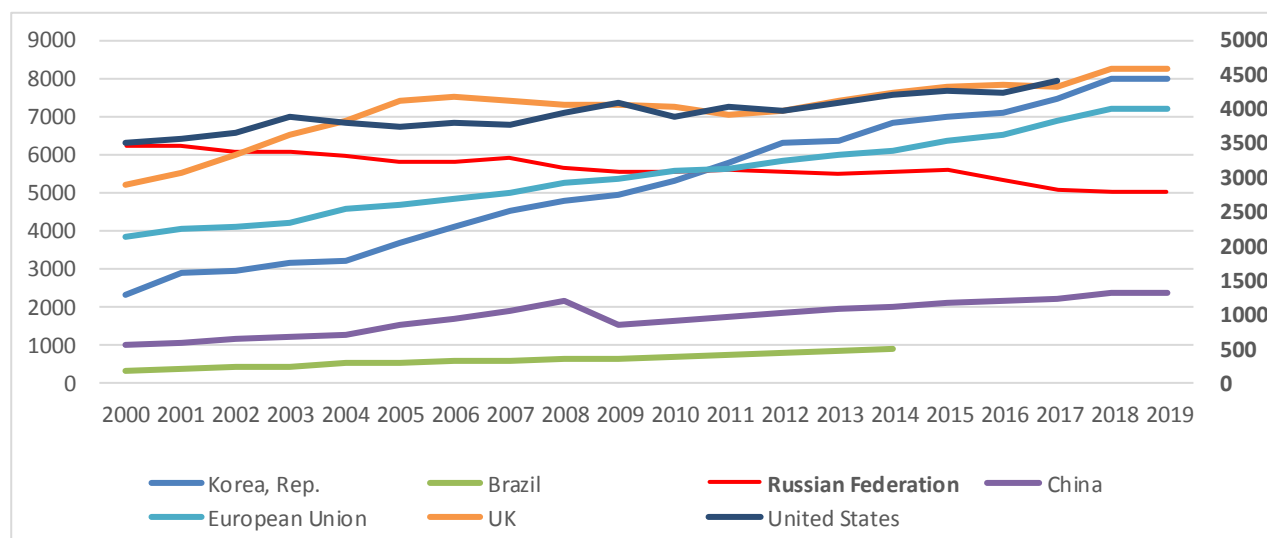

Рис. 8 Исследователи в области НИОКР (на 1 млн. чел.)²

Fig. 8 Researchers in the field of R&D (per 1 million people)

Оба показателя также указывают на значительное снижение научных работников и исследователей, особенно в рамках международного контекста (рис. 8).

Основным внутренним источником воспроизводства человеческого капитала и научного кадрового потенциала в любой стране является подрастающее поколение – студенты, будущие аспиранты и молодые ученые. Официальные данные Росстата указывают на продолжающееся снижение и данной метрики (рис. 9), причем снижение за 10 лет произошло почти в 2 раза.

Существует огромное количество факторов, которые влияют на принятие учеными и научными сотрудниками финального решения об отъезде из страны: низкие зарплаты, плохое финансирование науки, отсутствие возможности научно-карьерного роста, плохая среда, отсутствие материальной базы (лаборатории, реагенты) и другие. К наиболее распространенной причине, как правило, относят недофинансирование науки и образования со стороны государственных институтов. Тем не менее, согласно объемам государственных расходов на образование (рис. 10) в России, расходы в номинальном значении растут из года в год, в том время как в проценте от федерального бюджета стагнируют на уровне в среднем 4%.

¹ Составлено по данным ОЭСР, <https://stip.oecd.org/stip/countries/RussianFederation>

² Составлено по данным Мирового банка, <https://data.worldbank.org/indicator>

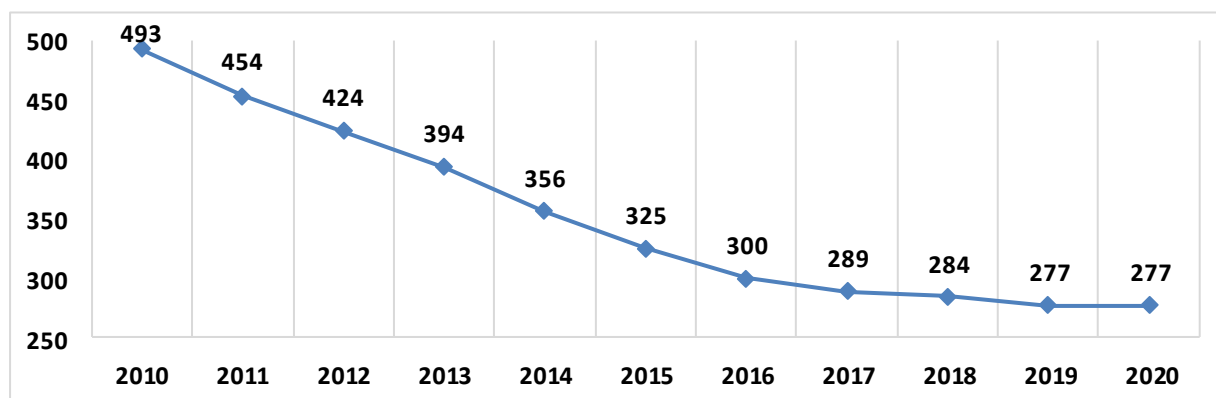

Рис. 9. Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения¹

Fig. 9. The number of students enrolled in educational programs of higher education - bachelor's, specialist's, master's programs, per 10,000 population

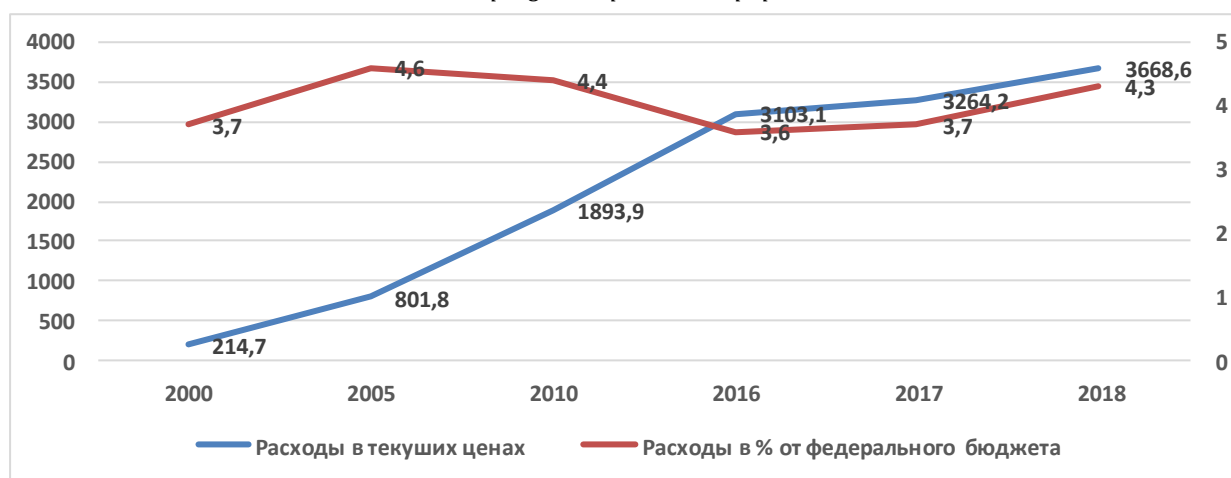

Рис. 10. Государственные расходы на образование в процентах от расходов федерального бюджета²

Fig. 10. Government spending on education as a percentage of federal budget spending

По данным исследования ВШЭ³, в целом в России также наблюдается устойчивый рост затрат на науку (с 2000 г. – в 12.3 раза в действующих ценах и почти в 2 раза в постоянных ценах), что позволяет ей сохранять позиции в группе мировых лидеров по этому показателю. И хотя затраты на исследования и разработки расчете на одного исследователя в России значительно ниже, чем в других развитых странах, в целом существующие данные о финансировании явно не являются катастрофическим аналогом начала 1990-х и не коррелируют с той высокой динамикой отъезда ученых, наблюдающейся последние десять лет. Таким образом, наряду с финансированием, должны быть какие-то другие существенные миграционные факторы. Для выявления и анализа этих факторов (причин) отечественной РИС мы будем использовать инструмент нарративного анализа.

Нарративный анализ проблем человеческого капитала в российской НИС

Для анализа проблем российской национальной инновационной системы нами использована методология нарративной экономики (narrative economics). Под нарративами понимается последовательность причинно-связанных между собой событий и их источников, происходящих в течение времени, которые можно использовать в качестве шаблона для интерпретации нашего текущего опыта [18],[19],[20]. По мнению Нобелевского лауреата Роберта Шиллера, созвездие нарративов («constellations of narratives») позволяют лучше понимать происходящие экономические явления [21].

¹ Составлено по данным Росстата, <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.1.2.xls>

² Составлено по: Образование в Цифрах. ВШЭ // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.hse.ru/data/2018/06/29/1153062641/obr2018.pdf> (дата обращения: 15.09.2021)

³ Российская наука в цифрах. ВШЭ // [Электронный ресурс] – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/215179745> (дата обращения: 15.09.2021)

Анализ нарративов важен для отображения контекста, в котором происходит взаимодействие, поскольку институты интерпретируются акторами исходя из понимания происходящих процессов [22, с. 139]. Следовательно, анализ нарративов акторов российской инновационной системы позволяет определить стимулы, мотивы, идеи и правила, которые имеются в этой среде, т.е. получить релевантные для анализа качественные данные.

Эмпирической базой для анализа нарративов акторов российской инновационной системы послужили 43 источника средств массовой информации (а именно газеты, журналы, Интернет-ресурсы), содержащихся в электронном архиве источников информации «Интегрум». Отбор 43 источников информации осуществлялся с помощью системы мониторинга и анализа СМИ «Медиалогия»: «Федеральные СМИ: 2020 год»¹. Для определения источников из числа газет были использованы рейтинги «Топ-10 самых цитируемых газет - 2020 год» по индексам цитирования в СМИ и «Топ-10 самых цитируемых газет - 2020 год» по гиперссылкам в социальных медиа, итогом объединения результатов этих двух рейтингов стали 11 источников-СМИ.

Аналогичным образом были определены источники из числа журналов с использованием рейтингов «Топ-10 самых цитируемых журналов - 2020 год» по индексам цитирования в СМИ и «Топ-10 самых цитируемых газет - 2020 год» по гиперссылкам в социальных медиа, итогом объединения стали 16 источников-журналов. Для определения источников из числа Интернет-ресурсов были использованы первые 10 мест рейтингов «Топ-30 самых цитируемых Интернет-ресурсов - 2020 год» по индексу цитирования в СМИ и «Топ-30 самых цитируемых Интернет-ресурсов - 2020 год» по гиперссылкам в социальных медиа, итогом объединения стали 16 источников-Интернет-ресурсов.

Таким образом, в результате вышеуказанных действий нами был сформирован список из 43 источников средств массовой информации, включая газеты, журналы и Интернет-ресурсы. Нарративы акторов российской инновационной системы, были отобраны за период с 1 января 2010 г. по 1 июля 2021 г. и представляют собой качественные данные для изучения роли человеческого капитала в формировании отечественной инновационной системы и выявлении провалов ее государственного регулирования.

На первом этапе была выбрана научная проблема выявления провалов государственного управления Российской инновационной системы на базе анализа проблем воспроизводства кадров и человеческого капитала в отечественной науке. На втором этапе изучались тексты глубинных интервью, а также интервью из СМИ. На третьем этапе были выделены и сгруппированы ключевые причины оттока и воспроизводства кадров и человеческого капитала в отечественной науке, по мнению акторов из сферы образования, бизнеса и государства.

Непосредственный процесс отбора, группировки и анализа нарративов осуществлялся по следующей схеме: на первом этапе на основе данных 43 рейтинговых источников была составлена единая сводная таблица нарративов с текстами глубинных интервью и информацией из СМИ, которая служила исходным источником для анализа в ходе исследования, на втором этапе, учитывая полученную выборку нарративов, которая включала объекты анализа, не относящиеся к теме данной статьи, была проведена их систематизация, группировка и отбор по непосредственно интересующим нас темам воспроизводства кадров, человеческого капитала и провалов государственного регулирования в сфере науки и образования, на третьем этапе сформированная в итоге предварительная таблица служила для нас финальной выборкой для анализа нарративов. Четвертый и финальный этап работы с нарративами заключался в поиске, выявлении и группировке повторяющихся нарративов.

Таким образом, проведение анализа и группировки нарративов позволило выделить несколько ключевых пересекающихся по частоте упоминания «историй» и «паттернов», которые являются сжатым описанием причин сохранения существующих проблем воспроизводства и оттока научных и академических кадров из Российской Федерации, по мнению основных акторов НИС, представителей сферы образования, бизнеса и государства (рис. 8).

- Первая группа: **«Ученым нужна среда, а не только деньги».**
- Вторая группа: **«Отсутствие системы институтов, направленных на мотивацию и привлечение молодежи в научную среду».**
- Третья группа: **«В России необходим институт поиска «талантов»».**

¹ Медиалогия // <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/8058/>

- Нарративы, относящиеся к первой группе:

Анатолий Григорьев, Вице-президент РАН академик¹: *Интерес у молодежи есть. Но нужно создать должные условия для этого, и не только финансовые. Это и интересная постановка научных задач, и оборудование, и жилье для молодых людей - без этого невозможно.*

Артем Юхин, руководитель венчурных фондов²: *для "стартапов" не так нужны площади и гектары, как социальная среда и нормальное законодательство. И даже денег много тратить не надо. Нужно просто создать условия для того, чтобы международные научные проекты шли в России. Чтобы студентам и аспирантам было, где вести научные работы.*

Михаил Гельфанд, биолог, один из основателей «Диссернета»³: *...в России создано полицейское, к тому же коррумпированное государство, жить в котором крайне неуютно. Страна решила противопоставить себя всему миру, пошла по пути конфронтации и изоляции. Не только ученым — вообще людям свободной мысли, предпринимателям, молодежи в такой среде, мягко говоря, не очень комфортно.*

Александр Рубцов, руководитель Центра анализа идеологических процессов Института философии РАН⁴: *и наконец, роль идеологической среды и морально-политического климата для элементарного присутствия, удержания интеллектуального ресурса. Думать о том, что специалисты и интеллектуалы покидают страну только в погоне за деньгами, лабораториями и оборудованием, утешительно, но безответственно.*

Евгений Гонтмахер, член правления Института современного развития⁵: *Я уже сказал, это и зарплата, и лаборатории - без этого никуда. Но есть и другая сторона: качество жизни, атмосфера. Например, милиция, хорошее здравоохранение, жилье, отсутствие коррупции. Чтобы привлечь в Россию бизнес, недостаточно освободить его от налогов. Грязь, пробки на улицах, пьяные...*

Андрей Заякин, сооснователь «Диссернета»⁶: *Наше миграционное законодательство не делает разницы между таджиком, который подметает дворы, и европейским профессором. Плюс чрезмерные меры безопасности, когда на работу ты должен ходить через колючую проволоку, а в библиотеку записываться за неделю. Все это делает Россию непривлекательной страной для ученых.*

Таким образом, респонденты из данной группы неоднократно отмечали тот факт, что для сохранения и воспроизводства научных кадров в России одного финансирования недостаточно. Для молодых ученых нужна полноценная социально-культурная среда и «инфраструктура» в широком смысле этого слова, не только традиционно относимые сюда «лаборатории и реагенты», но и институциональная среда, благоприятствующая их исследовательской работе, в том числе отсутствие бюрократизма, коррупции, академическая свобода.

- Нарративы, относящиеся ко второй группе:

Константин Агладзе, биофизик, заведующий лабораторией «Наноконструирование мембранно-белковых комплексов для контроля физиологии клетки» МФТИ⁷: *Как бы вы оценили существующую систему мотиваций для молодых ученых в нашей стране? - Она пока просто не сформирована. Потому что сейчас если человек остается в вузе, он должен быть или совершенным маньяком, или у него богатые родители.*

¹ Наука стоит дешевле, чем технологии. Газета РУ // [Электронный ресурс] – URL: https://www.gazeta.ru/science/2010/06/03_a_3379959.shtml (дата обращения: - 01.07.2021).

² Здесь будет город-стартап. Известия // [Электронный ресурс] – URL: <https://iz.ru/news/362204> (дата обращения: - 01.07.2021).

³ Слова Путина и реальность не сходятся. Знак // [Электронный ресурс] – URL: https://www.znak.com/2018-06-21/mihail_gelfand_prezidentskie_obechaniya_tehnologicheskogo_proryva_provalyatsya (дата обращения: - 01.07.2021).

⁴ Возвращение идеологии: как дефицит времени диктует ход модернизации. РБК // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/13/10/2017/59e0868c9a79476948e73794> (дата обращения: 01.07.2021).

⁵ Сможет ли Россия построить свою «силиконовую долину. Комсомольская правда // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kp.ru/daily/24520.4/668020/https://www.kp.ru/daily/24520.4/668020/> (дата обращения: 01.07.2021).

⁶ Я хотел научно доказать, что наши депутаты — людоеды. Новые ведомости // [Электронный ресурс] – URL: <https://nvdaily.ru/info/41825.html> (дата обращения: 01.07.2021).

⁷ Если в науке не будут предприняты энергичные шаги в ближайшие месяцы, поезд уйдет. Перепечатка статьи с портала Знак // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.saveras.ru/archives/7128> (дата обращения: 01.07.2021).

Юрий Медведев, журналист¹: *Самая болевая точка нашей науки - старение ее кадров. Но парадоксально, что при этом молодым ученым после окончания аспирантуры часто **не находится места в институтах, так как все ставки заняты**. Более того, человек может годами не публиковать ни одной статьи, но его невозможно уволить.*

Многие респонденты из второй группы схожим образом отмечают отсутствие в рамках отечественной НИС системы институтов, направленных на мотивацию и вовлечение молодых людей в построение профессиональной карьеры в качестве ученых.

- Нарративы, относящиеся к третьей группе:

Александр Гришин, журналист²: *Необходимо **создать систему поиска и сопровождения молодёжи**, которая обладает современным инновационным мышлением и способна в будущем к тому, чтобы развивать «умную» экономику, экономику, основанную на знаниях.*

Владислав Сурков, помощник президента РФ³: ***Нужна система поиска гениев, вычисление, нахождение уникальных людей у нас, за границей – это самое главное, что мы должны сделать. Нацелиться на персонафикацию политики развития Инновационная экономика всегда возится с людьми, ищет индивидуальности, не только строит институты.***

Респонденты из третьей группы отмечают необходимость формирования в России полноценного института «поиска и отбора» талантливой молодежи, которая в будущем могла бы стать костяком «омоложения» отечественной сферы науки и образования.

Заключительное мнение и предложения

В рамках проведенного исследования была продемонстрирована перспективность использования подхода нарративной экономики к выявлению и оценке институциональных провалов отечественной национальной инновационной системы. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на существующие проблемы регулирования в рамках отечественной НИС через экспертные мнения, опыт и знания социальных практик от непосредственных акторов инновационной системы.

Проведенное исследование историй и экспертных мнений акторов сферы науки и образования на проблему миграции и воспроизводства научных кадров в России позволило нам выделить три основные причины сохранения и продолжения этого негативного тренда в рамках российской инновационной системы:

1. Необходимо изменить существующую методологию оценки поддержки молодых ученых, при которой доминируют финансовые показатели, и расширить её за счёт набора качественных показателей, оценивающих создаваемые условия (инфраструктуру) для работы научных кадров. Для молодых ученых нужна полноценная социально-культурная среда и «инфраструктура» в широком смысле этого слова, не только традиционно относимые сюда «лаборатории и реагенты», но и институциональная среда, благоприятствующая их исследовательской работе, в том числе отсутствие бюрократизма, коррупции, академическая свобода.

2. В России отсутствует система институтов, направленных на мотивацию и привлечение молодежи в научную среду, из-за чего впоследствии не происходит естественного процесса замещения как выбывших за границу, так и стареющих кадров новыми учеными, что приводит к устойчивому тренду сокращения числа ученых на единицу занятых, старению профессорско-преподавательского состава.

3. В России необходимо создать полноценный институт поиска и отбора «талантов» и будущих научных кадров.

Список источников

1. Lundvall, B. A. (ed.) National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning, London, Pinter., 1992.

2. Freeman C. The "National System of Innovation" in historical perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. № 19 (1). P. 5–24.

3. Edquist C. Systems of innovation: perspectives and challenges // In Fagerberg et al. Innovation. 2004. P. 181–208.

¹ Человек инновационный. Российская газета // [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2011/01/18/nauka-site.html> (дата обращения: 01.07.2021).

² Нано, Федя, нано. Комсомольская правда // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kp.ru/daily/25648/811735/> (дата обращения: 01.07.2021).

³ Гении всегда в меньшинстве. Известия // [Электронный ресурс] – URL: <https://iz.ru/news/369286> (дата обращения: 01.07.2021).

4. Nelson, R. R. ed. *National Innovation Systems: a Comparative Study*. Oxford: Oxford University Press., 1993.
5. Голиченко О. Г. Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования // *Вопросы экономики*. 2014. № 7. С. 35–50.
6. Дежина И.Г., Киселева В.В. *Государство, наука и бизнес в инновационной системе России*. М.: ИЭПП, 2008.
7. Макарова Е. О. Человеческий капитал в инновационной экономике // *Вестник Казанского государственного аграрного университета*. 2008. Том 3. № 2 (8). С. 74–78.
8. Salomon J. J., Sagasti F. R., Sachs-Jeantet C. *The uncertain quest: Science, technology and development*. New York and Paris: United Nations University Press., 1994.
9. Saltykov B. G. The reform of Russian science // *Nature*. 1997. № 388(6637). P. 16–18.
10. Ganguli I. Who Leaves and Who Stays? Evidence on Immigrant Selection from the Collapse of Soviet Science // *Global Mobility of Research Scientists*. Chapter 5 2015 P. 133-154.
11. Graham L. R., Dezhina, I. *Science in the new Russia: Crisis, aid, reform*. Indiana University Press., 2008.
12. Gokhberg, L., Nekipelova, E. International migration of scientists and engineers in Russia // *International mobility of the highly skilled*. 2002. P. 177–187.
13. Рязанцев С. В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: "циркуляция" или "утечка" умов // *Социологические исследования*. 2013. № 4(348). С. 24–35.
14. Масленников В. В., Линников А. С., Масленников О. В. Оценка потерь российской экономики от миграции населения в другие страны // *Финансы: теория и практика*. 2018. № 2. Т. 22. С. 54–65.
15. Антошук И.А., Леденева В. Ю. Из России в Великобританию: о механизмах миграции молодых ученых в области компьютерных наук // *Социологические исследования*. 2019. № 2. С. 108–118.
16. Кокшаров В.А., Агарков Г.А. Международная научная миграция: прогресс или угроза научно-технической безопасности России // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 243–252.
17. Subbotin A., Aref S. Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996–2020 // *Scientometrics*. 2021. Vol. 126. P. 7875–7900.
18. Akerlof, G. A., Snower, D. J. Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2016. № 126. P. 59.
19. Graesser, A.C., Hauff-Smith, K., Cohen, A.D., Pyles, L.D. Advanced outlines, familiarity, and text genre on retention of prose // *J. Exp. Educ*. 1980. № 48 (4). P. 281–290.
20. Bruner J. The narrative construction of reality // *Crit. Inq*. 1991. № 18. P. 1–21.
21. Shiller R. J. Narrative economics and neuroeconomics // *Финансы: теория и практика*. 2018. Т. 22. № 1. P. 65.
22. Вольчик В. В. Нарративная и институциональная экономика // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)*. 2017. Т. 9. № 4. С. 132–143.

References

1. Lundvall B. A. (ed.) *National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*. London: Pinter; 1992.
2. Freeman C. The "National System of Innovation" in historical perspective. *Cambridge Journal of Economics*. 1995;19(1):5–24.
3. Edquist C. Systems of innovation: perspectives and challenges. In Fagerberg et al. *Innovation*. 2004;:181-208.
4. Nelson R. R. (ed.) *National Innovation Systems: a Comparative Study*. Oxford: Oxford University Press.; 1993.
5. Golichenko O. G. National innovation system: from concept to research methodology. *Economic Issues*. 2014;(7):35–50. (In Russ.).
6. Dezhina I. G., Kiseleva V. V. *State, science and business in the innovation system of Russia*. Moscow: IET; 2008 (In Russ.).
7. Makarova E. O. Human capital in an innovative economy. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of the Kazan State Agrarian University*. 2008;3(2(8)):74–78. (In Russ.).
8. Salomon J. J., Sagasti F. R., Sachs-Jeantet C. *The uncertain quest: Science, technology and development*. New York and Paris: United Nations University Press.; 1994.
9. Saltykov B. G. The reform of Russian science. *Nature*. 1997;388(6637):16–18.

10. Ganguli I. Who Leaves and Who Stays? Evidence on Immigrant Selection from the Collapse of Soviet Science. *Global Mobility of Research Scientists. Chapter 5*. 2015:133–154.
11. Graham L. R., Dezhina, I. *Science in the new Russia: Crisis, aid, reform*. Indiana University Press.; 2008.
12. Gokhberg L., Nekipelova E. International migration of scientists and engineers in Russia. *International mobility of the highly skilled*. 2002:177–187.
13. Ryazantsev S. V., Written E. E. Emigration of scientists from Russia: "circulation" or "drain" of brains. *Sociological research*. 2013;4 (348):24–35. (In Russ.).
14. Maslennikov V. V., Linnikov A. S., Maslennikov O. V. Assessment of losses of the Russian economy from population migration to other countries. *Finance: theory and practice*. 2018;2(22):54–65. (In Russ.).
15. Antoshchuk I. A., Ledeneva V. Yu. From Russia to Great Britain: on the mechanisms of migration of young scientists in the field of computer science. *Sociological research*. 2019;(2):108–118. (In Russ.).
16. Koksharov V. A., Agarkov G. A. International scientific migration: progress or threat to the scientific and technical security of Russia. *Economy of the region*. 2018;14(1):243–252. (In Russ.).
17. Subbotin A., Aref S. Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996–2020. *Scientometrics*. 2021;(126):7875–7900.
18. Akerlof G. A., Snower D. J. Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2016;(126):59.
19. Graesser A.C., Hauff-Smith K., Cohen A.D., Pyles L.D. *Advanced outlines, familiarity, and text genre on retention of prose*. J. Exp. Educ. 1980;48(4):281–290.
20. Bruner J. The narrative construction of reality. *Crit. Inq.* 1991;(18):1–21.
21. Shiller R. J. Narrative economics and neuroeconomics. *Finance: theory and practice*. 2018;22(1):65.
22. Volchik V. V. Narrative and institutional economics. *Journal of institutional studies (Journal of institutional studies)*. 2017;9(4):132–143.

Информация об авторах

В. А. Сыропятов – стажер-исследователь кафедры экономической теории;
С. С. Цыганков – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории.

Information about the authors

V. A. Syropyatov – Research Trainee of Department of Economic Theory;
S. S. Tsygankov – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor of Department of Economic Theory.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 10.11.2021.

The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication 10.11.2021.

Научная статья

УДК 351

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-133-140

ИНФРАСТРУКТУРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ДЕРБЕНТА)

Казиахмед Тагирович Тагиров¹, Елена Михайловна Филимонцева²

¹филиал Дагестанского государственного университета, Дербент, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹tagir57.05@mail.ru

²rustle44@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ состояния и перспективы развития важных инфраструктурных элементов городского округа «город Дербент». Транспортная система, система инженерного обеспечения, объекты социальной сферы и жилищного фонда способны обеспечить социально-экономический и социально-демографический рост уровня жизни населения города и республики в целом. Кроме того, предложена оценка основных рисков, связанных с уровнем обеспеченности города транспортной, инженерной, социальной и жилищной инфраструктурами и качеством городского пространства. Были представлены пространственные распределения имеющихся объектов социальной инфраструктуры (в сфере здравоохранения, образования и спорта), предложены возможности повышения уровня обеспеченности жильем в городе и улучшения комфортной среды для жизни в городе.

Ключевые слова: транспортная система, транспортный потенциал города; оптимизация системы транспортного обслуживания; система инженерного обеспечения; социальная и жилищная инфраструктура; качество городской среды

Для цитирования: Тагиров К. Т., Филимонцева Е. М. Инфраструктурное обеспечение городских округов (на примере города Дербента) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 133–140. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-133-140>.

Problems of Economics

Original article

INFRASTRUCTURE PROVISION OF CITY DISTRICTS (EXAMPLE OF DERBENT CITY)

Kaziakhmed T. Tagirov¹, Elena M. Filimontseva²

¹branch of Dagestan state university, Derbent, Russia

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The analysis of a state and the prospect of development of important infrastructure elements of the urban district "city of Derbent" is presented in article. The transport system, the system of engineering support, objects of the social sphere and housing stock are capable to provide the social and economic and social and demographic growth of the standard of living of the population of the city and republic in general. Besides, assessment of the main risks connected with the level of security of the city with transport, engineering, social and housing infrastructures and quality of city space is offered. Spatial distributions of the available objects of social infrastructure were presented (in the sector of health, education and sport), opportunities of increase in level of security with housing in the city and improvements of the comfortable environment for life in the city are offered.

Keywords: transport system, transport capacity of the city; optimization of a system of transport service; system of engineering support; social and housing infrastructure; quality of the urban environment

For citation: Tagirov K. T., Filimontseva E. M. Infrastructure provision of city districts (example of Derbent city). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):133–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-133-140>.

Гипотезой данного исследования является изучения и оценка основных рисков и возможностей улучшения комфортной среды для жизни в городском округе «город Дербент».

Для этого был проведен анализ обеспеченности городского округа «город Дербент» следующими важными элементами:

- обеспеченность транспортной инфраструктурой;
- обеспеченность инженерной инфраструктурой;
- обеспеченность жителей города социальной инфраструктурой;
- обеспеченность жильем;
- общее состояние и уровень качества городских общественных пространств.

Анализ обеспеченности города транспортной инфраструктурой. Особенности транспортно-географического положения городского округа «город Дербент» обусловлены следующими факторами:

– по территории городского округа проходит автомобильная дорога федерального значения Р217 «Кавказ» (до 31 декабря 2017 г. применялся учетный номер М29), ведущая от соединения с федеральной автотрассой М4 «Дон» (в районе станицы Павловская Краснодарского края) до села Яраг-Казмаляр (граница с Республикой Азербайджан). Участок от Махачкалы до границы с Азербайджаном также входит в европейский маршрут Е119 и азиатский маршрут АН8;

– через город Дербент проходит двухпутная, электрифицированная железнодорожная магистраль, соединяющая столицу Азербайджана Баку и центральную часть России через Армавир и Гудермес. Прикаспийская железная дорога, построенная в 1894 г., уже в 1900 г. была продлена до Баку и долгое время оставалась единственной железнодорожной связью с Закавказьем. Прикаспийская линия является единственной железной дорогой, идущей из России в Закавказье и Иран (после грузино-абхазского конфликта в 1992 г. и разрыва Черноморской железнодорожной линии), чем обусловлено ее стратегическое значение;

– воздушное сообщения является достаточно актуальным, так как пассажиры пользуются Международным аэропортом Махачкалы (Уйташ), который расположен в 110 км от города Дербента. Кроме регулярного авиационного сообщения с городами России: Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Сургут, Минеральные Воды осуществляется международное сообщение с Турцией (Стамбул), ОАЭ (Дубай), Казахстаном (Актау);

– наличие железной дороги и федеральной автомобильной дороги, близость к городам с имеющимися портами и отсутствие предприятий, нуждающихся в морском сообщении, не способствовали организации строительства порта и портовых сооружений, хотя город и расположен на берегу Каспийского моря.

Данные факторы определяют положение города Дербента в структуре пространственной организации Российской Федерации и Республики Дагестан.

Анализ существующего состояния транспортной системы, решений Генерального плана городского округа «город Дербент», Стратегии развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 г.¹, Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 г., позволил оценить проблемы и перспективы развития транспортной инфраструктуры в городском округе «город Дербент» [3].

Следует отметить, что через территорию городского округа «город Дербент» проходят международные транспортные коридоры, связывающие в единое транспортно-экономическое пространство города с развитыми регионами и деловыми центрами России и стран ближнего зарубежья:

– автомобильная дорога Р217 «Кавказ» способна обеспечить рост спроса на автомобильное сообщение с другими регионами России и Республикой Азербайджан. Существующие железнодорожные пути обеспечивают как грузовые внешние связи города, так и удовлетворяют спрос на пригородное и междугороднее сообщение;

– отсутствие аэропорта компенсируется наличием Международного аэропорта «Уйташ» в Махачкале, расположенного в 110 км от городского округа «город Дербент». Доступность аэропорта обеспечивается автомобильным транспортом и пассажирским сообщением по железной дороге до Махачкалы.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 ноября 2017 г. № 2469-р «Об утверждении Стратегии развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 г.»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 г.».

Что касается городского транспорта, то особенности локации города – между автомобильной дорогой Р217 «Кавказ» и побережьем Каспийского моря и линейно вытянутая конфигурация города повлияли на структуру улично-дорожной сети и определили сценарий дорожного развития города.

Основное ограничение существующей организации УДС города Дербента является наличие исторической застройки в центральной части города. Города Дербент, включающий в себя крепость с цитаделью и множество культовых и гражданских зданий (архитектурно-ландшафтный ансамбль «Древний Дербент»), был включен в 2003 году в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Фактор, также значительно влияющий на перспективное развитие города, это существующие железнодорожные пути. Ветка железной дороги проходит в восточной части города, отделяя прибрежные районы от основной части города, разрывая транспортные связи прибрежной застройки с центром.

Основные зоны активного посещения жителями города Дербент расположены в центральной части города, около автовокзалов «Северный» и «Южный» и железнодорожного вокзала, а также в прибрежной зоне.

Основные промышленные центры, влияющие на загрузку УДС, – ООО «Дербентский коньячный комбинат», ОАО «Дербентский завод игристых вин», ПК «ДКСМ».

Анализ транспортной инфраструктуры выявил проблемы, связанные с несовершенством структуры УДС и вызывающие возникновение заторов:

- крайне низкая связность районов города;
- недостаточное количество переездов через железную дорогу;
- транзитное движение через исторический центр;
- отсутствие окружных и кольцевых дорог.

Также актуальны проблемы транспортного обслуживания города, связанные с недостатками эксплуатации дорог, что ухудшает ситуацию и провоцирует дорожно-транспортные происшествия:

– недостаточное качество дорожного полотна (почти половина всей УДС не имеет твердого покрытия, 40 % не соответствует нормативному состоянию), разметка улиц либо отсутствует, либо повреждена;

– хаотичная стоянка индивидуального транспорта на УДС, острая нехватка парковочных мест в основных зонах спроса на размещение автомобилей;

- недостаточное количество камер видеофиксации;
- отсутствие единого муниципального транспорта;
- недостаточное количество или неоптимальное размещение пешеходных переходов;
- отсутствие или недостаточное освещение улиц;
- неудовлетворительное состояние, недостаточная ширина или отсутствие тротуаров.

Наземный городской пассажирский транспорт (НГПТ) представлен в городе тремя видами транспорта:

- автобус;
- маршрутное такси;
- такси.

Система НГПТ в городе Дербенте включает в себя 12 отдельных маршрутов – автобусы малого класса.

Пассажиропоток составляет 9 981 тыс. пасс/год.

По данным проведенного ООО «Спектр-С» социологического исследования «Комплексная схема организации дорожного движения городского округа «город Дербент», 28 % населения города пользуется общественным транспортом.

Существующие маршруты НГПТ полностью охватывают территорию города, остановочные пункты расположены в пределах нормативной пешеходной доступности.

Генеральным планом городского округа «город Дербент» был предусмотрен ряд мероприятий, оптимизирующих систему транспортного обслуживания города. Так, например, создание дополнительных центров притяжения должно снизить транспортную нагрузку на исторический центр.

В то же самое время развитие главной меридиональной транспортной оси приведет к однозначному увеличению транзита через центр города.

В связи со стабильно растущим транспортным спросом создаваемые новые центры притяжения транспортного потока необходимо обеспечить связями, исключающими увеличение загрузки существующей УДС в центральной части города. Основной акцент развития транспортной системы города необходимо сосредоточить на развитии видов перемещений с высокой провозной способностью и соответствующих высоким экологическим нормам.

Основные направления развития транспортной инфраструктуры:

1. На основании анализа вариантов развития УДС можно отметить, что пространственная структура города Дербента ограничивает варианты развития ее УДС. Через город проходит железная дорога, расположенная вдоль берега моря. Также западную часть города с севера на юг разделяет Самур-Дербентский канал. УДС запада центральной части представлена историческими улицами. УДС северной и южной частей города имеет правильную сетку, что обеспечивает хорошую внутреннюю связность района, однако неупорядоченная индивидуальная застройка сводит на нет данное преимущество. Этот и вышеуказанные факторы создают препятствие для активного развития дорожной сети города в центральной части города. В то же время строительство дополнительных объездных дорог, а также новых съездов с автомобильной дороги Р-217 «Кавказ» и переездов через железнодорожные пути позволит увеличить связанность территорий на основных направлениях развития города.

2. Исходя из анализа вариантов развития рельсового транспорта, наиболее оптимальным является дальнейшее развитие существующих путей, включающее в себя модернизацию подвижного состава, реконструкцию перронов, а также уменьшение интервалов движения, что фактически позволит превратить железнодорожную линию в наземное метро.

3. Предложенный анализ вариантов развития НГПТ позволит в соответствии с соблюдением современных требований к скорости движения сделать комфортным и доступным.

Автобусную маршрутную сеть предлагается сформировать в трехуровневой структуре:

- сеть скоростного автобусного транспорта большой вместимости для скоростных маршрутов;
- сеть первого уровня (подвозочно-развозочная) с автобусами средней вместимости;
- сеть второго уровня (рабочая) с автобусами малой вместимости.

Кроме рассмотренных ранее предложений были изучены – развитие грузового сообщения, варианты велосипедной инфраструктуры, развитие транспортного потенциала города и выбор приоритетного направления развития транспорта [1].

На основании рассмотренных выше факторов была выработана политика устойчивого транспортного развития, основой которой являются:

- приоритет пешехода над транспортом;
- приоритет общественного транспорта над личным;
- приоритет экологических видов транспорта над бензиновым.

Стратегическое развитие городов, нацеленное на выполнение указанных целей, позволяет обеспечить увеличение доли перевозок на общественном транспорте. Основными механизмами реализации такой стратегии является обеспечение приоритетного права проезда общественного транспорта, а также реализация иных мероприятий, повышающих качество транспортного обслуживания населения, результатами которых является снижение привлекательности поездок на личном транспорте.

Транспортная система города Дербента должна соответствовать основным принципам устойчивого транспортного развития как наиболее современной и актуальной транспортной доктрине. Определение основного вектора развития транспортной системы, конкретных целей и методов их достижения закладывает параметры для дальнейшего эффективного функционирования города в целом, его привлекательности, экономического развития.

В результате анализа и оценки системы транспортного обслуживания города Дербента, оценки перспектив его развития можно предложить следующие рекомендации по ее оптимизации:

1. При развитии городского округа «город Дербент» необходимо обеспечить развитие транспортных связей северной (в городском районе Карьер) и южной (в городском районе Южный) планировочных зон. Транспортная связь должна осуществляться между проектируемыми и существующими районами города с западной стороны города (по автомобильной дороге «Кавказ») и с восточной, вдоль прибрежных районов по существующим улицам с предусмотренными соединяющими их проектируемыми участками. Движение с восточной стороны вдоль прибрежных районов предусмотреть по улицам категории не выше «магистральной улицы общегородского движения 2-го класса».

2. Для обеспечения широтных связей городской территории необходимо предусмотреть соединение двух магистралей с запада (а/д «Кавказ») и востока (проектируемая улица вдоль прибрежных районов) в направлениях восток-запад, соединяющие магистральный направления север-юг с Узлами 1-го порядка.

3. Учитывая проектируемый обход города Дербента, необходимо предусмотреть включение хода а/д «Кавказ» в улично-дорожную сеть города. Для этого необходимо предусмотреть соединение в одном уровне автомобильной дороги с широтными магистральными улицами.

4. Учитывая историко-культурную ценность центральной части города, необходимо предусмотреть мероприятия, исключающие транзитное движение через центр города.

5. Полифункциональные узловые центры 2-го порядка, образующие функционально-планировочные коридоры, необходимо обеспечить внутренними транспортными связями.

6. Для обеспечения качественного обслуживания населения транспортом необходимо предусмотреть развитие маршрутов НГПТ.

7. Для исключения транзитного движения грузового транспорта через городскую территорию необходимо предусмотреть перечень улиц, формирующих «грузовой каркас».

8. Необходимо предусмотреть возможность развития существующего железнодорожного сообщения с использованием электропоездов как городского внеуличного транспорта.

Анализ обеспеченности города инженерной инфраструктурой. На основании данных, предоставленных подразделениями Администрации городского округа «город Дербент», и сведений эксплуатирующих служб была проведена оценка эффективности функционирования систем инженерного обеспечения (электроснабжение, водоснабжение, водоотведение, канализование поверхностного стока, очистка бытовых и промышленных сточных вод, теплоснабжение, связь) и выявлены ключевые проблемы развития систем инженерного обеспечения и факторы, лимитирующие социально-экономическое и пространственное развитие города.

Анализ систем инженерного обеспечения свидетельствует о наличии наиболее критичных проблем в сфере инженерной инфраструктуры, сдерживающих развитие города, обусловленных как объективными обстоятельствами, так и субъективными внутригородскими причинами.

Возможность устранения отмеченных проблем видится во внедрении современных и эффективных решений в сфере ЖКХ, которые могут выступить и в качестве новых точек экономического роста. В то же время ограничить использование этой возможности может ограниченный территориальный ресурс города, а также необходимость поддержки предлагаемых инициатив со стороны жителей.

Реализация мероприятий по развитию систем инженерного обеспечения, предусмотренных Генеральным планом городского округа «город Дербент» позволяет ликвидировать основные дефициты. Однако критичность ряда проблем инженерного обеспечения, снижающих потенциал развития города, требует детализации проблем с учетом имеющихся рисков и установления приоритетности необходимых мероприятий по усовершенствованию систем инженерного обеспечения (табл. 1).

Таблица 1 – Оценка рисков функционирования систем инженерного обеспечения и приоритетные мероприятия по их снижению

Table 1 – Risk Assessment of Utility Systems Operation and Priority Measures to Reduce Them

№ п/п	Система инженерного обеспечения	Риски	Приоритетные мероприятия по снижению рисков
1.	Водоснабжение	Не подтвердятся запасы воды на существующих водозаборах.	1. Дополнительные исследования запасов воды. 2. Поиск альтернативных источников воды.
2.	Водоотведение хозяйственно-бытовых стоков	Правовые и площадные ограничения участка размещения существующих очистных сооружений.	Изменение назначения земельных участков в планируемых границах санитарно-защитной зоны существующих очистных сооружений.
3.	Электроснабжение	Недостаточность финансирования при переводе системы электроснабжения с 6 кВт на 10 кВт.	Осуществление электроснабжения вновь застраиваемых территорий по 10 кВт, для существующей территории – по мере необходимости.
4.	Газоснабжение	Утрата коридоров прокладки новых газопроводов высокого и среднего давления в районах нового строительства.	Резервирование коридоров для прокладки сетей.
5.	Теплоснабжение	Возникновение аварий на источниках теплоснабжения.	1. Модернизация источников теплоснабжения. 2. Использование потенциала муниципально-частного партнерства.
6.	Инженерная защита	Утрата коридоров для реализации мероприятий по защите от селей. Недостаточность коридоров для прокладки сетей ливневой канализации в существующей застройке. Отсутствие земельного участка для размещения очистных сооружений ливневых стоков в сложившейся застройке и во вновь проектируемых районах.	1. Резервирование земельных участков под сооружения селезащиты, сетей и очистных сооружений ливневых стоков. 2. Разработка специальных мероприятий по селезащите города.

Мероприятия по усовершенствованию систем инженерного обеспечения, дифференцированные на разные горизонты планирования, имеют достаточно большой потенциал:

1. В краткосрочной перспективе должны быть реализованы мероприятия, существенно влияющие на качество жизни населения и во многом определяющие уровень социально-экономического развития города, а также организационные мероприятия, не требующие существенных затрат:

- полная обеспеченность жителей города водой питьевого качества;
- очистка всех хозяйственно-бытовых стоков;
- организация контроля и учета потребления ресурсов физическими и юридическими лицами.

2. Мероприятия среднесрочной перспективы включают жизненно важные решения, требующие более сложной проектной проработки, решения по инженерному обеспечению, связанные с новым строительством, мероприятия, повышающие эффективность использования ресурсов, такие как:

- создание системы селезащиты и отведения дождевых стоков;
- гарантированное обеспечение энергетическими ресурсами (наличие источников инженерного обеспечения);
- повышение энергоэффективности существующих потребителей;
- создание единой информационной системы, содержащей информацию о новых объектах инженерной инфраструктуры.

3. Мероприятия долгосрочной перспективы должны быть направлены на достижение новых приоритетов развития города:

- рециклинг ресурсов;
- внедрение солнечных батарей для электро- и теплоснабжения частного сектора и др.

Но есть факторы, способные ограничить реализацию данного потенциала. Это необходимость использования холистического комплексного подхода к осуществлению работ по модернизации и строительству новых объектов инфраструктуры, предусматривающих тщательное согласование всех реализуемых мероприятий, а также проблемы города, связанные с качеством воды и санитарными условиями:

- сброс неочищенных сточных вод в Каспийское море и, как следствие, загрязнение морской воды в рекреационных зонах;
- отсутствие зон санитарной охраны у источников водоснабжения и (или) несоблюдение требований к их эксплуатации;
- превышение предельно-допустимой концентрации отдельных веществ в питьевой воде;
- микробное загрязнение отдельных проб питьевой воды;
- ограничение частными лицами доступа к береговой линии.

Анализ обеспеченности города социальной инфраструктурой. Повышение обеспеченности объектами социальной инфраструктуры является одной из наиболее приоритетных проблем.

1. Вне зоны обслуживания амбулаторно-поликлинических учреждений находится значительная доля жилой застройки – 56 %, организаций общего образования находится – 40 % жилой застройки, организаций дошкольного образования – 57 %, что составляет весьма значительный показатель. (Зоны обслуживания определены в соответствии с Республиканскими нормативами градостроительного проектирования Республики Дагестан, утвержденными Постановлением Правительства Республики Дагестан от 22 января 2010 г. № 14)¹.

2. Вне зоны обслуживания некоммерческих объектов спортивной инфраструктуры находится 26 % жилой застройки. При этом каждый третий объект имеет приспособленный характер, что свидетельствует о недостаточном уровне обеспеченности и качестве спортивной инфраструктуры. (Зоны обслуживания определены в соответствии с Республиканскими нормативами градостроительного проектирования Республики Дагестан, утвержденными Постановлением Правительства Республики Дагестан от 22 января 2010 г. № 14)².

3. Объекты притяжения в сфере культуры (библиотека, театры, детская музыкальная школа) сконцентрированы преимущественно в районе «Коньячный», т. е. в пределах ограниченной территории, что существенно снижает возможности для реализации творческого потенциала жителей других городских районов.

¹ Постановление Правительства Республики Дагестан от 22 января 2010 г. № 14 «Об утверждении республиканских нормативов градостроительного проектирования Республики Дагестан».

² Там же.

4. Для городского округа «город Дербент» характерно отставание от нормативных значений обеспеченности спортивной инфраструктурой более чем в три раза, как в части плоскостных объектов, так и спортивных залов (площадь объектов в кв.м.): плоскостные объекты – 64 364 м², при нормативе – 241 180 м²; спортивные залы – 11 244 м², при нормативе – 43 302 м².

В процессе разрешения проблем обеспеченности города социальной инфраструктурой есть возможность создания новых объектов социальной инфраструктуры как полноценных аттракторов для горожан, а также заметного увеличения обеспеченности инфраструктурой здравоохранения за счет инструментов государственно-частного партнерства в связи со значительным количеством объектов коммерческой медицины.

Ограничениями на пути решения этих проблем могут стать: низкий уровень обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, как в сфере здравоохранения, так и образования (школьного и дошкольного); неравномерное пространственное распределение имеющихся объектов социальной инфраструктуры в сфере здравоохранения и образования; необходимость учета мнения различных и многочисленных социальных групп при планировании расположения новых объектов социальной инфраструктуры¹.

Анализ жилищной обеспеченности. Для города характерен низкий уровень обеспеченности жильем. Решение этой проблемы осложнено следующими обстоятельствами:

- ограниченный территориальный ресурс;
- предпочтение населением города при прочих равных условиях малоэтажной застройки, что снижает эффективность освоения территории.

Проблема обеспеченности жильем для города не утратила своей актуальности, однако ее решение может быть найдено только в поле оптимального сочетания ИЖС и многоквартирных домов при эффективном использовании имеющегося территориального ресурса.

На территории города на индивидуальные жилые строения (ИЖС) приходится 41% и 59 % на многоквартирные дома.

Разрешение проблемы обеспеченности жильем для города даст возможность внедрения новых форматов ИЖС, а также возможность использования жилищного строительства как одного из драйверов для развития других секторов экономики города (производство строительных материалов, мебели, предметов домашнего обихода).

В то же время этот процесс может быть сопряжен с проблемой ограниченного территориального ресурса для новой жилой застройки, с обеспеченностью инженерной, социальной и транспортной инфраструктурой имеющейся жилой застройки. Кроме того, пространственное развитие города должно предусматривать территориальные резервы для обеспечения растущего числа жителей социальной и жилой инфраструктурой.

Анализ общего состояния и качества городских пространств. Согласно проведенным исследованиям (Индекс.городов.рф), город Дербент отличается низким качеством городской среды. Наиболее проблемные зоны: отсутствие условий для детского и спортивного отдыха, общее состояние и чистота общественных пространств и низкая озелененность территории².

Позиция города Дербента в рейтинге городов по качеству жизни в части критериев, характеризующих городскую среду в % от максимальной оценки (опрос интернет-портала Domofond.ru) (табл. 2):

Таблица 2 – Опрос интернет-портала Domofond.ru

Table 2 – Internet Portal Survey Domofond.ru

Критерии	%
Общегородские пространства	48
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	50
Общественно-деловая инфраструктура	28
Уличная инфраструктура	50
Озелененные и водные пространства	14
Жилье и прилегающие пространства	56

¹ Рейтинги как аналитический инструмент оценки инвестиционной привлекательности туристской индустрии страны (региона) URL: bstudy.net/602711/turizm/rejtingi_analiticheskij_instrument_otsenki_investitsionnoy_privlekatelnosti_turistskoy_industrii_stran#296

² Мастер-план Дербента: риски и возможности URL: www.centeragency.org/ru/blog/280

Улучшение качества городской среды может способствовать снижению оттока молодежи, квалифицированных специалистов и активных предпринимателей из города и повышению его привлекательности для инвесторов.

Вместе с тем, взаимозависимость проблем по улучшению качества городской среды и повышения обеспеченности жителей города инженерной и социальной инфраструктурой может ограничить потенциал улучшения качества городской среды.

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы о качестве среды для жизни в городском округе «город Дербент».

На сегодняшний день качество среды для жизни является первоочередным фактором, лимитирующим развитие городского округа «город Дербент», во-первых, поскольку серьезные проблемы, риски и ограничения присутствуют во всех составляющих рассматриваемой среды (качество воды и соблюдение санитарных норм, обеспеченность жильем, транспортной, инженерной и социальной инфраструктурой, качество городских пространств), во-вторых, поскольку качество среды для жизни оказывает непосредственное влияние на миграционные потоки в сегменте квалифицированного населения.

Имеющиеся проблемы в сфере качества среды для жизни отличаются тесной взаимосвязанностью друг с другом и не могут решаться в отдельности друг от друга при помощи мероприятий локального характера. Отсутствие системного решения проблемы обеспеченностью качественной водой, мероприятия по росту обеспеченности жильем могут привести к дальнейшему ухудшению эколого-санитарной ситуации.

Список источников

1. Вахтина М. А., Игнатова Т. В. Институциональные ограничения на пути комплексного развития российских моногородов // Вестник Академии знаний. 2020. № 36(1). С. 43–48.
2. Игнатова Т. В., Полянин А. В. Управление факторами «труд» и «предпринимательство» в целях повышения конкурентоспособности муниципалитетов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 24–28.
3. Игнатова Т. В., Черкасова Т. П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2 (34). С. 5–14.

References

1. Vakhtina M. A., Ignatova T. V. Institutional restrictions for ways of complex development of the Russian monotowns. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of Academy of knowledge*. 2020;36(1):43-48. (In Rus.)
2. Ignatova T. V., Polyinin A. V. Management of factors "work" and "business" for improving competitiveness of municipalities. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economy; business; right and management*. 2017;9(88):24-28. (In Rus.)
3. Ignatova T. V., Cherkasova T.P. Institutes and technologies of digital economy as factors of innovative growth of Russia. *Drukerovskij vestnik*. 2020;2(34):5-14. (In Rus.)

Информация об авторах

Т. К. Тагиров – канд. экон. наук, доц.;
Е. М. Филимонцева – канд. экон. наук, доц.

Information about the authors

T. K. Tagirov – Candidate of Economic Science, Associate Professor;
E. M. Filimontseva – Candidate of Economic Science, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 20.10.2021.

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 20.10.2021.

Научная статья

УДК 336.717

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-141-146

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ ОРГАНИЗАЦИИ КАССОВОЙ РАБОТЫ С ЦЕЛЬЮ МИНИМИЗАЦИИ БАНКОВСКИХ РИСКОВ, ПРИСУЩИХ ОПЕРАЦИЯМ С НАЛИЧНЫМИ ДЕНЬГАМИ

Аида Абдуллазяновна Фатыхова¹, Миляуша Анваровна Сайфуллина²,
Лилия Равилевна Уразбахтина³

^{1,2}Казанский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Казань, Россия,

³Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

¹ rezedakbs@mail.ru

² sayfullina_milya@mail.ru

³ strat.men@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена организация внутреннего контроля Банком России в рамках кассовой работы. Авторами сделан акцент на структурирование основных рисков, присущих операциям с наличными деньгами, поэтому они представлены в данном направлении банковской деятельности. В статье сказано, что основными рисками кассовой работы являются: операционный, репутационный, правовой, технологический, стратегический, кредитный риски, риск ликвидности и другие, причем, выявляются на любом этапе работы с наличными деньгами. Все эти риски оказывают влияние не только на деятельности отдельной кредитной организации, но и на банковскую систему в целом. Поэтому авторы предлагают осуществлять рискоориентированный контроль, а так же основные подходы и методы проверки кассовых операций. Авторы указывают на то, внутренний контроль предполагает проведение проверочной работы на соответствие внутренних документов, необходимым требованиям Центрального Банка Российской Федерации (законов, инструкций, положений, приказов, договоров, в том числе и по конкретным мероприятиям (например, приобретения необходимого оборудования для кассовых узлов, на перевозку денежной наличности, страхования, автоматизированных программных продуктов). Необходимо проверить правильность оформления регламентирующих внутренних документов, трудовых договоров, распределение полномочий сотрудников, в рамках кассовой работы и другое.

Ключевые слова: внутренний контроль, рискоориентированный подход, кредитные организации; операционный, репутационный, правовой, технологический, стратегический, кредитный риски, риск ликвидности, кассовые операции, нормативные документы Банка России, проверка организации кассовой работы

Для цитирования: Фатыхова А. А., Сайфуллина М. А., Уразбахтина Л. Р. Особенности проверки организации кассовой работы с целью минимизации банковских рисков, присущих операциям с наличными деньгами // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 141–146. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-141-146>.

Problems of Economics

Original article

FEATURES OF CHECKING THE ORGANIZATION OF CASH WORK IN ORDER TO MINIMIZE BANK RISKS INHERENT IN CASH TRANSACTIONS

Aida A. Fatykhova¹, Milyausha A. Sayfullina², Liliya R. Urazbakhtina³

^{1,2}Kazan branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kazan, Russia

³Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

¹ rezedakbs@mail.ru

² sayfullina_milya@mail.ru

³ strat.men@yandex.ru

Abstract. The article presents the organization of internal control by the Bank of Russia within the framework of cash operations. The authors emphasize the structuring of the main risks inherent in cash transactions, therefore they are presented in this direction of banking. The article says that the main risks

of cash work are: operational, reputational, legal, technological, strategic, credit risks, liquidity risk and others, and, moreover, are identified at any stage of working with cash. All these risks affect not only the activities of an individual credit institution, but also the banking system as a whole. Therefore, the authors propose to carry out risk-oriented control, as well as the main approaches and methods of checking cash transactions. The authors point out that internal control involves testing for compliance with internal documents with the necessary requirements of the Central Bank of the Russian Federation (laws, instructions, regulations, orders, contracts, including for specific measures (for example, the acquisition of the necessary equipment for cash registers, for the transportation of cash, insurance, automated software). It is necessary to check the correctness of the regulatory internal documents, employment contracts, the distribution of powers of employees, within the framework of cash work, and more.

Keywords: internal control, risk-based approach, credit institutions; operational, reputational, legal, technological, strategic, credit risks, liquidity risk, cash transactions, regulatory documents, the Bank of Russia, checking the organization of cash operations.

For citation: Fatykhova A. A., Sayfullina M. A., Urazbakhtina L. R. Features of checking the organization of cash work in order to minimize bank risks inherent in cash transactions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):141–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-141-146>.

Касса кредитных организаций является сосредоточием самого ликвидного актива. Если в них отсутствуют правильный подход к управлению операционными рисками и сформировавшаяся система внутреннего контроля кассовых операций, касса может стать для кредитных организаций источником регуляторного, репутационного, стратегического рисков и огромных финансовых потерь.

Соблюдение правил ведения операций в кассовом узле и сохранность денежной наличности обеспечивает частные интересы кредитных организаций, предприятий и других организаций. При этом преследуется и общественный интерес, преимущественно для государства: обеспечение корректного определения налогооблагаемых сумм. Полученные учетные данные позволяют владельцу любой организации проводить внутренний контроль над состоянием денежного оборота [1].

Проверка организации работы с денежной наличностью в сфере банковской деятельности является наиболее значимой. Требуется убедиться в том, что по операциям с наличными правильно отражены бухгалтерский учет и бухгалтерская отчетность, а также в том, что банк имеет систему проведения ревизий [2].

Проверка кассовой работы) проводится с целью выявления и структурирования наиболее эффективным образом рисков, присущих банковской системе и которые проявляются в этом направлении деятельности¹. Схема рискоориентированного подхода внутреннего контроля представлена на рис. 1.

Рис. 1. Рискоориентированный подход

Fig. 1. Risk-based approach

¹ Письмо Банка России №70-Т от 23.06.2004 «О типичных банковских рисках» // [Электронный ресурс]. URL: <https://rulings.ru/acts/Pismo-Banka-Rossii-ot-23.06.2004-N-70-T/>; Письмо Банка России №76-Т от 24.05.2005 «Об организации управления операционным риском в кредитных организациях» // [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-banka-rossii-ot-24052005-n-76-t/>; Письмо Банка России №26-Т от 03.03.2007 «О Методических рекомендациях по проведению проверки системы управления банковскими рисками в кредитной организации (ее филиале)» // [Электронный ресурс]. URL: <https://bazanpa.ru/bank-rossii-metodicheskie-rekomendatsii-ot23032007-h1216327/>

При упоминании о рискоориентированном подходе, технология проверки остается неизменной (способы и порядок классификации, этапы проверки и анализа информации и документов). Внутренние рабочие документы создаются на основе подхода, который основан на рисках, что позволит сконцентрировать внимание на более важных задачах [3].

Все риски, возникающие в банковской сфере, прописаны в основополагающих документах Базельского комитета по банковскому надзору и в нормативных документах Центрального Банка Российской Федерации¹.

Смещается акцент с аудита на организацию денежной работы, то есть на выявление рисков в данной сфере деятельности и на систему управления рисками. Банковские риски кредитных организаций, свойственные денежным операциям, представлены на рис. 2.

Рис. 2. Банковские риски, присущие операциям с наличными деньгами²

Fig. 2. Banking risks inherent in cash transactions

Операционный риск

Любая деятельность внутри организации происходит в рамках двух систем. Одна - это операционная (организационная) система, построенная для достижения заданных целей. Другая система - это система контроля, пронизывающая операционную (организационную) систему [5].

Операционный риск в соответствии с Письмом Банка России от 24.05.2005 N 76-Т «Об организации управления операционным риском в кредитных организациях» включает в себя те риски, которые связаны с характером и объемом деятельности банка (не соответствуют требованиям действующего законодательства), нарушение различных кассовых операций и внутренних процедур, денежных операций.

Операционный риск выявляется на любом этапе проверки работы с наличными. Наиболее весомым риском считается возможная потеря денежных средств или хищение ценностей, перевозимых или хранящихся.

К рискам утраты и похищения ценностей относят³:

1. Неполноценная техническая подготовленность кассовых узлов в кредитных организациях.
2. Неполноценная техническая подготовленность транспорта, осуществляющего перевозку.
3. Неполноценная квалификация сотрудников, ответственных за сохранность.
4. Недостаточная личная ответственность персонала банка.
5. Неполноценная ответственность организаций, осуществляющих перевозку ценностей.
6. Сущность конфликта интересов среди служащих, которые ответственные за сохранность.
7. Происшествие форс-мажорных обстоятельств (террористические деяния, стихийные бедствия и др.).

К операционному риску относятся повреждения, технические сбои, программные комплексы из-за несоблюдения правил безопасности, ненадлежащее обращение, вирусная инфекция (увеличение ненужного рабочего процесса, нехватка персонала, высокая себестоимость производства).

В процессе кассовой работы возможна порча или неправильное хранение расходных материалов, бланков строгой отчетности, необходимых для проведения кассовых операций (ответственность должна быть объяснена в должностных инструкциях).

¹ Письмо Банка России №14-Т от 06.02.2012 «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору "Принципы совершенствования корпоративного управления" // [Электронный ресурс]. URL: <https://rulings.ru/acts/Pismo-Banka-Rossii-ot-06.02.2012-N-14-T/>; Письмо Банка России № 173-Т от 02.11.2007 «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору» // [Электронный ресурс]. URL: <https://rulings.ru/acts/Pismo-Banka-Rossii-ot-02.11.2007-N-173-T/>

² Письмо Банка России №70-Т от 23.06.2004 «О типичных банковских рисках» // [Электронный ресурс]. URL: <https://rulings.ru/acts/Pismo-Banka-Rossii-ot-23.06.2004-N-70-T/>

³ Положение № 630-П от 29.01.2018 «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71972710/paragraph/1:0>; Письмо Банка России №70-Т от 23.06.2004 «О типичных банковских рисках» // [Электронный ресурс]. URL: <https://rulings.ru/acts/Pismo-Banka-Rossii-ot-23.06.2004-N-70-T/>

В ситуации страхового случая, при наличии нарушения одного или более условий договора страхования, сумма страхования может быть не выплачена (частично или полностью). Должен быть представлен ежеквартальный отчет об остатках / движении денежных средств, что повысит эффективность операций. Происходит временами неполное или неправильное взыскание комиссии по денежным операциям (при расчете, затраты на рабочую силу повышаются, а деловая репутация теряется).

Риск ликвидности банка

Риск ликвидности банка заключается в неспособности банка обеспечить полное выполнение своих обязательств. Неспособность банка в полной мере выполнять свои обязательства возникает в случае задержки выполнения предпринимателями различных финансовых обязательств (невозможность пополнить свой счет деньгами, особенно когда банк требует срочности ситуации, финансовых обязательств (в результате потери репутации, например, паника);

В таком случае, если организация неправильно обращает денежную наличность (кассовые узлы), это может привести к временной потере ликвидности банка и невозможности исполнения его обязательств по эмиссии денег (так называемый кассовый разрыв) из-за дисбаланса финансовых активов и обязательств¹.

Технологический риск

Технологический риск может снизить качество обслуживания клиентов, увеличить затраты на рабочую силу и объем работы, привести к неэффективному использованию ресурсов.

Этому могут способствовать неадекватная и / или неверно выстроенная технология кассовых процессов, неверность и недостаточность внутренней нормативной базы, процедуры ее согласования, утверждения, информирования структурных подразделений и их знаний.

Необходимо проверить нормативно-правовую базу и степень его соответствия, если это необходимо, выявить причины несоблюдения внутренних правил (например, из-за нехватки персонала, технические трудности, распределение ответственности и т.д.). Для этого персонал кассы должны быть оснащены специальной литературой и данными (например, справочными материалами для выявления признаков ненастоящих (фальшивых) банкнот и монет и т.д.).

Рис. 3. Ревизия ценностей

Fig. 3. Revision of values

Правовой риск

Правовой (юридический) риск проверяется на каждом этапе деятельности кассы. При организации работы кассы в кредитных организациях он возникает из-за отступления банком к требованиям должностных инструкций, нормативных актов и договорам о полной материальной ответственности.

¹ Письмо Банка России №70-Т от 23.06.2004 «О типичных банковских рисках» // [Электронный ресурс]. URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Banka-Rossii-ot-23.06.2004-N-70-T/>

Юридические (правовые) ошибки, допущенные в период деятельности (неверное юридическое консультирование, заполнение документов, в том числе судебных органов). Несогласованность законодательства и отсутствие правовых норм для решения определенных проблем указывают на недостаточную адекватность правовой системы, что может привести к нарушению сторонами договора и содержащихся в нем условий.

Правовой риск в организации кассовой работы:

- риск нелегитимности услуг для банка от сторонних организаций (не прописан в уставе данный вид деятельности, неимение лицензии);
- риск совершения действий неуполномоченными лицами (отсутствует доверенность или неправильно оформлена должностная инструкция);
- отсутствие ответственности за риск;
- риск судебных издержек от клиентов с претензиями;
- риск несоблюдения внутренней законодательных требований и нормативной базы.

С целью проверки кассовой работы необходимо проанализировать приказы (на открытие кассового узла), договоры страхования, изъятия, выдачи ценностей, приобретения технических средств, автоматизированных программных систем. Следует разработать типовые формы договоров, доверенностей, с прохождением юридической экспертизы. Требуется проверить наличие специалистов, отвечающих за методологию кассовой работы, определение их ответственности, оформление трудовых отношений.

Репутационный риск

Репутационный риск возникает, когда у клиентов кредитной организации формируется не правильное мнение о качестве предлагаемых услуг, финансовом положении банка, в связи с неправильной организацией кассовой работы. Он возникает так же, когда кредитные организации нарушают требования Банка России, в том числе по вопросам противодействия легализации доходов, полученных преступным путем¹.

Репутационный риск возникает, если имеет место быть мошенничество, преступный сговор, ухудшается качество обслуживания клиентов. В рамках международных и национальных стандартов должны соблюдаться основные принципы формирования системы внутреннего контроля².

В России модель COSO наиболее активно используется в банковской и аудиторской деятельности [6]. В частности, два основных принципа «Знай своего сотрудника» и «Знай своего клиента», что приводит к несвоевременному или неправильному предоставлению кассовых отчетов. Нарушение клиентоориентированного подхода может привести к внезапному оттоку средств (паника, клевета).

Стратегический риск

Стратегический риск проявляется на всех этапах кассовой работы, из-за искаженной работы, ошибок, допущенных при утверждении решения об определении стратегии коммерческого банка и его деятельности. Это происходит, когда организация кассовой работы неправильная и/или отсутствуют стратегические цели (штат кассовых работников, количество кассовых узлов, способ работы, достаточность материальной базы, объем операций) [7].

Следует изучить материалы предыдущих проверок, внутреннюю отчетность по финансовому мониторингу и контролю за рисками, вести учет возможных опасностей в данном направлении деятельности³. Необходимо оценить значимость выявленных рисков, количество и трудозатратность контрольных процедур. Требуется организация системы внутреннего контроля, соответствующая основным целям и задачам кассового отдела. Неправильная организация кассовой работы, объема его деятельности, оперативные ошибки, дублирование и, как следствие, отток клиентов, так же повышают стратегический риск.

Для эффективной организации управления рисками и внутренним контролем следует обеспечить взаимосвязанное развитие предложенных направлений [4].

¹ Федеральный закон № 86-ФЗ от 10.07.2002 «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12127405/paragraph/292484:0>

² Международный стандарт ИСО 9004:2019 «Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. (ISO 9004:2019 «Managing for the sustained success of an organization - A quality management approach») // [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200167117>; Национальный стандарт Российской Федерации менеджмент риска принципы и руководство risk management. principles and guidelines ГОСТ Р ИСО 31000-2010 // [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200089640>

³ Инструкция Банка России №147-И от 5 декабря 2013 г. «О порядке проведения проверок кредитных организаций (их филиалов) уполномоченными представителями Центрального банка Российской Федерации (Банка России)» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70500470/>

Список источников

1. Фатыхова А. А., Уразбахтина Л. Р., Тихонова О. П. Проверка и контроль кассовой работы финансовой организации // Финансовая экономика. Всероссийский научно-аналитический журнал. 2021. № 7. С. 98-101.
2. Мусаева Р. А., Митрофанов А. Д. Организация внутреннего контроля и управления рисками. Методические инструменты и основные требования к системе планирования // Финансовая экономика. Всероссийский научно-аналитический журнал. 2019. № 2 (ч. 4). С. 407-410.
3. Булыга Р. П. Классификация и стандартизация финансового контроля и аудита в Российской Федерации // Учет. Анализ. Аудит. 2017. № 5. С. 10-17; 2017. № 6. С. 6-19.
4. Кашанова О. Ю. Расчеты и операционная работа в коммерческом банке // Методический журнал «Мудрый экономист». 2010. № 3.
5. Внутренний контроль. Теория, опыт, практика. Научно-практическое пособие для специалистов / В.В. Рудько-Селиванов, О. В. Полякова, К. В. Лапина: под редакцией В. В. Ткаченко. М.: РИРО, 2012. 396 с.
6. Булгаков А. Л., Телегин И. Риски российского коммерческого банка в современных условиях // Бухгалтерия и банки. 2011. № 5.
7. Современные системы внутреннего контроля: учеб. пособие / С. М. Резниченко, М. Ф. Сафонова, О. И. Швырёва. Краснодар: КубГАУ, 2016. 439 с.
8. Фатыхова А. А., Уразбахтина Л. Р., Сабитова В. А. Внутренний контроль работы кассовых подразделений. ошибки, как факторы увеличения операционного риска // Modern Economy Success. 2021. № 4. С. 70-75.

References

1. Fatykhova A. A., Urazbakhtina L. R., Tikhonova O. P. Verification and control of cash work of a financial organization». *Finansovaya ekonomika = Financial Economics* / All-Russian Scientific Analytical Journal. 2021;(7):98-101. (In Russ.)
2. Musaeva R. A., Mitrofanov A. D. Organization of internal control and risks management. Methodological instruments and main planning system requirements. *Finansovaya ekonomika = Financial Economics* / All-Russian Scientific Analytical Journal. 2019;2(part 4):407-410. (In Russ.)
3. Bulyga R. P. Classification and standardization of financial control and audit in the Russian Federation. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2017;(5):10-17. 2017; (6):6-19. (In Russ.)
4. Kashanova O. Yu. Settlements and operational work in a commercial bank. *Methodological Journal Umiy economist = Wise economist*. 2010;(3). (In Russ.)
5. *Internal control. Theory, experience, practice. Guidebook of Research and Practice for specialists.* / V.V. Rud'ko – Selivanov, O.V. Polyakova, K.V. Lapina. In: V.V. Tkachenko (ed.). Moscow: RIRO; 2012. 396 p. (In Russ.)
6. Bulgakov A. L., Tegin I. Risks of a Russian commercial bank in present-day conditions. *Bukhgalteriya i banki = Accounting and banks*. 2011;(5). (In Russ.)
7. Reznichenko S. M., Safonova M. F., Shvyreva O. I. *Modern systems of internal control: Stud guide*. Krasnodar: KubSAU, 2016. 439 p.
8. Fatykhova A. A., Urazbakhtina L. R., Sabitova V. A. Internal control of work of cash department. Errors as factors of increasing of operational risk. *Modern Economy Success*. 2021;(4):70-75 (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Фатыхова – доц. комиссии «Экономика и бухгалтерский учет»;
 М. А. Сайфуллина – преп. комиссии «Общеобразовательные дисциплины»;
 Л. Р. Уразбахтина – доц. кафедры «Экономика организации производства».

Information about the authors

A. A. Fatykhova – Associate Professor of the Commission "Economics and Accounting";
 M. A. Sayfullina – teacher of the Commission of "General Education disciplines";
 L. R. Urazbakhtina – Associate Professor of the Department of Economics of the Organization of Production.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 19.11.2021.

The article was submitted 26.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 19.11.2021

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 147–155
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):147–155

Политология и этнополитика

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-147-155

**ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ
ОТДЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ЗНАЧИМЫХ ПРОСТРАНСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Лю Сяоянь², Ян Фулинь³

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, maya.astv@gmail.com

^{1, 2, 3}Хэйлунцзянский институт иностранных языков, Харбин, Китай

²xy6lena@mail

³yangfulin@hiu.net.cn

Аннотация. Сравнительные исследования общественно-значимых пространств РФ и КНР имеют смысл в методологических оценках трансформирующихся, реформирующихся политий при выявлении общих и дифференцированных политико-детерминированных тенденций и закономерностей. В статье анализируются ресурсы патриотической идеи как интегративной базы структурирования управленческого и образовательного общественно-значимых пространств России и Китая, выделяются популярные техники и технологии формирования патриотического сознания общества в целом, и студенческой молодежи, в частности.

Ключевые слова: патриотическая идея, общественно-значимое пространство, реформы, «национальный российский патриотизм», «национальный китайский патриотизм», Президент РФ, идеология реформирования, социальные ориентиры студенчества

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Лю Сяоянь, Ян Фулинь. Гражданско-патриотические акценты отдельных общественно-значимых пространств Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 147–155. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-147-155>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

**CIVIL-PATRIOTIC ACCENTS OF SEPARATE SOCIAL SPACES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

Maya A. Astvatsaturova¹, Liu Xiaoyan², Yang Fulin³

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, maya.astv@gmail.com

^{2, 3}Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, China

²xy6lena@mail

³yangfulin@hiu.net.cn

Abstract. Comparative studies of socially significant spaces of the Russian Federation and the PRC make sense in methodological assessments of the transforming, reforming polities in identifying general and differentiated politically determined tendencies and patterns. The article analyzes the resources of the patriotic idea as an integrative basis for structuring the administrative and educational socially significant spaces of Russia and China, highlights popular techniques and technologies for the formation of patriotic consciousness in society in general, and student youth, in particular.

Keywords: patriotic idea, socially significant space, reforms, "national Russian patriotism", "national Chinese patriotism", President of the Russian Federation, ideology of reform, social guidelines of students

For citation: Astvatsaturova M. A., Liu Xiaoyan, Yang Fulin. Civil-patriotic accents of separate social spaces of the Russian Federation and the People's Republic of China. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):147–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-147-155>.

Гражданско-патриотическая проблематика политического знания является историко- и социально детерминированной, постоянно пополняемой научно-исследовательскими изыскания по нескольким причинам [1]. Среди множества современных потребностей, которые побуждают к политологическому осмыслению патриотизма, назовем следующие. 1. Изменение, а точнее, уход старого миропорядка и формирование новой геополитической архитектуры, которая наполнена противоречиями, проблемами, инцидентами. 2. Кризис, с одной стороны, международных ассоциаций и форматов межгосударственных отношений и в тоже время, кризис национальных государств, которые оказались неспособны противостоять вызовам современности. 3. Распад традиционных идеологий как идеологий национал-патриотизма, народного патриотизма в условиях жестких диссонансов государств (как власти) и граждан (как населения). 4. Расщепление национальных гражданских патриотизмов (как патриотизма нации-государства) на множество социально-дифференцированных и часто противостоящих друг другу патриотизмов (этнический, региональный, гендерный, религиозный, профессиональный и др.), имеющих конфликтогенные составляющую.

Учитывая данные обстоятельства, подчеркнем необходимость изучения патриотизма и как феномена, и как института, в том числе и в сравнительном аспекте. В этом плане имеют смысл сравнительные политологические исследования, относящиеся к гражданско-патриотическому содержанию отдельных общественно-значимых пространств России и Китая. Сегодня РФ и КНР развиваются на новой политико-доктринальной базе, которая включает демократическое народовластие, республиканскую форму правления, многопартийность, а также сильные позиции национальных лидеров – Президента РФ В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина [2]. Сотрудничество России и Китая в последние 20 лет осуществлялось в соответствии с Договором 2001 г. [3]. В 2021 г. политическое руководство обеих стран – Президент РФ В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин – подтвердили взаимную заинтересованность в продолжении всестороннего сотрудничества на основе солидарных политических идеалов и доктрин¹.

Кейс 1. Гражданско-патриотическое содержание современных общественно-значимых управленческих пространств РФ и КНР

Общественно-значимое управленческое пространство современной РФ отличается патриотической, гражданской направленностью, основанной на традиционных общероссийских ценностях, близких и понятных большинству населения страны. Главным стержнем объединения российского народа как гражданской нации выступает патриотизм в его традиционном понимании – как любви к Родине [4].

В то же время патриотизм является базой взаимодействия и согласия граждан и государства. Такое согласие может быть рассмотрено как основа дальнейшего поступательного развития Российского государства и российского общества и позиционирования РФ на международной арене [5]. Именно патриотическое признание гражданами значимости государства, легитимности власти, эффективности национальных лидеров становится необходимым условием упрочения суверенитета государства, его экономической, военно-политической мощи, а соответственно, и упрочения национальной и человеческой безопасности.

Функционал политических руководителей России (в различных исторических эпохах, общественно-экономических и политико-системных формациях) традиционно имеет четкий патриотический характер, который предусматривает актуализацию величия, несокрушимости и глобальной мировой значимости страны. Данные черты присущи функционалу Президента РФ В. Путина, который декларирует идеи разумно-патронажного традиционализма и консерватизма. Деятельность Президента РФ, а также такой политической партии, как «Единая Россия», является главным общественно-значимым управленческим пространством популяризации российского гражданского патриотизма. Глава Российского государства выделяет патриотические сюжеты через обращение к историко-героическим образам российских, советских людей, которые совершали подвиги во имя свободы народа и независимости государства.

Речи, послания Президента РФ содержат апелляции к истории страны и утверждения о том, что «Патриотизм – в характере нашего народа, и мы знаем, на какую героическую высоту он поднимает людей, когда Родина в опасности»². Глава РФ актуализирует величие народного подвига в периоды испытаний (Великая Отечественная война 1941-1945 гг., распад СССР), а также и в период

¹ Беседа с Председателем КНР Си Цзиньпином. 28 июня 2021 года // Президент РФ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65940>

² Путин назвал патриотизм одной из черт характера россиян // Известия. Политика. 22 февраля 2018 г. <https://iz.ru/712312/2018-02-22/putin-nazval-patriotizm-odnoi-iz-chert-kharaktera-rossiian>

манифестных этнополитических конфликтов 90-х гг. XX в – начала 2000-х гг. XXI в.¹ Именно патриотизм Президент РФ считает безусловным стержнем национальной идеи россиян², так как усматривает в патриотизме ресурс стабильности российского общества, а также и динамики общественно-значимого управленческого пространства РФ.

Гражданский патриотизм в современной КНР базируется на позитивной перцепции китайскими гражданами своей страны как великой цивилизации, а также и правящей Коммунистической партии Китая, и Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина как эффективного управленца. Основным общественно-значимым управленческим пространством утверждения гражданско-патриотических ценностей в общественно-политическом процессе КНР является пространство КПК, Государственного совета Китая и Правительства КНР. Руководство КНР пропагандирует патриотизм и как «глубокие чувства людей к своей Родине, и как основу нравственной нормы для регулирования отношений между личными интересами и интересами Родины, и как политический принцип» [6].

КПК традиционно рассматривает упрочение гражданского патриотизма китайской нации как важнейшее направление своей деятельности. Так, на первом заседании XII Всекитайского собрания народных представителей в 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил: «Патриотизм всегда был духовной силой, которая прочно объединяла китайскую нацию, а реформы и инновации всегда были той духовной силой, которая подталкивала нас идти в ногу со временем в реформах и открытости»³. В доктринальных документах КПК зрелость патриотических убеждений населения непосредственно соотносится со стабильностью и перспективами нации. В этой связи Председатель КНР Си Цзиньпин отметил: «Возвеличивая национальный дух и дух эпохи, усиливая воспитательную работу в духе патриотизма, коллективизма и социализма, необходимо ориентировать людей на формирование правильной системы взглядов на историю, нацию, государство и культуру»⁴.

Программные документы КПК сохраняют приверженность концептам марксизма, продолжая его принципы в современных социалистических преобразованиях. Политико-управленческая доктрина современного руководства Китая предусматривает широкий фронт реформ и инноваций [7]. Осмысление и понимание духа времени – важная задача политического управления в Китае, в ходе которого культивируются и «внедряются в практику основные ценности социализма, и распространяются социалистическое понятие чести и позора». Патриотическое содержание общественно-значимого управленческого пространства Китая предусматривает акцентирование свойств морали и нравственности – честности, правдивости, добросовестности, ответственности, коллективизма.

Кейс 2. Некоторые направления и технологии воспитания гражданского патриотизма в общественно-значимых образовательных пространствах РФ и КНР

В РФ с начала 2000-х гг. воспитательное воздействие на молодежь возобновлено на новом уровне в рамках патриотических политических доктрин и государственных программ РФ «**Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 годы**», «**Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы**». Также важно отметить Указ Президента РФ В. Путина 2012 г. «**О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания**», в котором предусматривается укрепление духовно-нравственных основ российского общества, усиление патриотического воспитания молодежи⁵.

Система образования и воспитания молодежи в РФ строится на правовой базе – ФЗ «**Об образовании в Российской Федерации**», который прописывает необходимость не только образования, но и воспитания учащихся, студентов. При этом образование признается «общественно-значимым благом», а воспитание определяется с акцентированием гражданских и патриотических начал: «деятельность, направленная на развитие личности..., формирование у обучающихся чувства

¹ Путин назвал патриотизм, любовь к семье и Родине главными чертами российского общества. Как отметил президент, эти ценности в немалой степени являются основой суверенитета страны // ТАСС. 18 июня 2020 г. <https://tass.ru/obschestvo/8765261>

² Путин предостерег от «квасного» и «затхлого» патриотизма. РБК. Политика. 10 мая 2020 г. Подробнее на РБК // <https://www.rbc.ru/politics/10/05/2020/5eb7ac579a7947e750a4bc6f>

³ Материалы XII Всекитайского собрания народных представителей 30 декабря 2015 г. (кит. 刘妍彤. 习近平的爱国心：爱国主义是中国梦的基石). http://news.youth.cn/wztt/201512/t20151230_7476831.htm

⁴ Си Цзиньпин. Доклад на XIX съезде КПК 27 октября 2017 г. (кит. 习近平19大报告) http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm.

⁵ Указ Президента РФ В. Путина от 20 октября 2012 г. «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» // КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=385005&dst=100001#Kg07BqS1RPbR5HrU>

патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»¹.

Система формирования у российской молодежи гражданских патриотических начал включает составление учебных планов школьного образования и по направлениям подготовки в системе высшего образования. Они включают дисциплины исторического, социокультурного, общественно-политического содержания, которые создают целостное историческое сознание и активную гражданскую позицию у учащихся. С 1994 г. в стране действует профильный федеральный орган, прошедший несколько организационных стадий – в настоящее время – Федеральное агентство по делам молодежи – Росмолодежь. Примечательно, что каждый субъект РФ имеет в структуре органов региональной власти орган, который реализует молодежную политику в нескольких основных направлениях, среди которых патриотическое воспитание занимает существенное место.

Патриотической направленностью отличается деятельность молодежных общественных организаций, прежде всего, Российского Союза Молодежи (РСМ). Его инициативы предусматривают целевое патриотическое просвещение молодежи и системные патриотические акции: помощь ветеранам, организацию постов у вечных огней, заботу о памятниках и мемориалах, проведение тематических акций и флэш-мобов.

Большая работа по патриотическому воспитанию молодежи проводится руководством КНР. В ноябре 2019 г. ЦК КПК и Государственный совет Китая на портале Правительства КНР опубликована «**Программа реализации патриотического воспитания патриотизма в новую эру**». В ней подчеркивается, что «*Патриотизм — это национальное сердце и душа китайской нации, важнейшее духовное богатство китайской нации и мощная духовная движущая сила для китайского народа и китайской нации в защите национальной независимости и национального достоинства*»². В Программе обращается внимание на патриотическое воспитание молодежи и детей в образовательных организациях: занятия по идеологической и политической теории, опубликование целевых изданий о патриотическом воспитании, организация практических патриотических акций и т.д.

Особое внимание уделяется идейной составляющей патриотического воспитания китайской молодежи, которое реализуется в традиционных для социалистических и коммунистических систем направлениях. В КНР действуют организации Коммунистического союза молодежи Китая – Комсомола Китая (кит. 中国共产主义青年团), который образован в 1920 г. Сам обряд вступления в ряды комсомола, который предусматривает торжественное принесение присяги, позволяет упрочивать у молодого гражданина сознание принадлежности к государству, гражданству, а также и коллективизм. В ходе идейно-нравственного воспитания формируется осознание гражданской идентичности, единства, достоинства и чести по отношению к своей Родине, нации и культуре. Патриотизм предполагает высокие моральные требования к гражданину, а также и правовые нормы, которые регулируют отношения между гражданином и Родиной³.

Общая практика патриотического воспитания китайской молодежи включает проведение массовых мероприятий, посещение мемориальных залов, музеев, участие в военных сборах, зимних и летних лагерях. Действуют центры патриотического воспитания разных уровней и типа, стимулирующие патриотический энтузиазм, накопление социальных инициатив и воспитание национального духа.

Широкие возможности для патриотического воспитания молодежи предоставляет празднование государственных праздников. Такие праздники, как **Праздник труда, День образования КНР, День образования КПК, День создания народно-освободительной армии Китая** имеют оборонно-патриотическое содержание и сопровождаются целевыми массовыми акциями «**Я и моя Родина**». Информационные, пропагандистские, культурно-массовые мероприятия патриотического характера проводятся также и в режиме онлайн. Используются тематические ролики, видео, документальные фильмы, микрофильмы, распространяющие исторические и современные достижения

¹ ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/

² В Китае опубликован план действий по усилению патриотического воспитания. 13 ноября 2019 г. <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1113/c31521-9631952.html>

³ Ло Годзе, Ся Вэйдун. Идейно-нравственное воспитание и законодательная база // Издательство высшего образования. Пекин. 2015. (罗国杰, 夏伟东.思想首先修养与法律基础[M].北京: 高等教育出版社, 2015).

китайской культуры и патриотической идеи, которые представлены в социальных сетях, в коммуникационной системе Вичат - WeChat (кит. 微信), в блогах.

В РФ и КНР большое внимание уделяется патриотическому воспитанию молодежи в рамках общественно-значимого образовательного пространства. В вузах России и Китая действуют специальные структурные подразделения, службы кураторов, студенческие союзы и ассоциации, которые интегрируют патриотизм в учебный процесс, в научно-исследовательскую работу студентов, во внеаудиторную работу, в инициативные и добровольческие акции. При этом между многими вузами РФ и КНР организовано творческое сотрудничество в сферах образования, науки, общественных инициатив [8].

Пятигорский государственный университет (ПГУ) как один из ведущих вузов Ставропольского края, региона Кавказских Минеральных Вод и Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) РФ осуществляет широкую систему воспитательных мероприятий, основанную на патриотических, гуманистических принципах. В вузе с 2007 г. действует Управление по формированию социальных компетенций, гражданскому воспитанию и подготовке выпускников к трудоустройству и будущей карьере. Его функционал включает формирование высококомпетентного выпускника университета, успешного профессионала, сознательного гражданина, культурного человека. Патриотическое воспитание студентов ПГУ осуществляется в общей **Стратегии ПГУ-2050 «Обгоняя время: преобразовательный (креативно-инновационный) университет в действии»**. Ректорат и руководство высших школ и институтов ПГУ воплощают такие направления патриотического воспитания студентов, как: формирование целостного исторического сознания, общественно-политической грамотности. Важны образовательные и широкие социальные компетенции, которые приобретаются студентами, навыки волонтерства, гражданского участия, организации гуманитарных акций.

Студенты ПГУ, объединенные во многие общественные организации (союзы, советы, клубы, дискуссионные площадки) являются носителями: локального университетского патриотизма - **«Пятигорский государственный замечательный университет»**; регионального северокавказского патриотизма - **«Северный Кавказ – уникальный многонациональный поликультурный регион России»**; общероссийского патриотизма - **«Россия – наш общий дом»**. Патриотическое воспитание в ПГУ осуществляется в двух магистральных направлениях, которые обусловлены социальной спецификой РФ, Северного Кавказа. Во-первых, студенты идентифицируют себя как члены российской нации и граждане одного из самых влиятельных и мощных государств мира. Во-вторых, студенты идентифицируют себя как члены своего народа, имеющего уникальную культурную самобытность. В ПГУ действуют 17 центров национальных культур, где студенты могут реализовать свои интересы в изучении языков, культур, обрядов и традиций.

Общие патриотические идеи, которые имеют гражданскую, гуманистическую обусловленность, реализуются как в обычной практике социального общения студенчества, так и в ходе государственных праздников России – **День России, День народного единства, День государственного флага России, День Победы**, а также **День Ставропольского края, День города Пятигорска** и др.

Хэйлунцзянский институт иностранных языков (ННУ) является одним из молодых и успешных вузов Китая, который организован в Харбине в провинции Хэйлунцзян. ННУ осуществляет подготовку по многим гуманитарным специальностям и имеет широкую профессиональную учебно-методическую и научно-исследовательскую базу для подготовки студентов со знанием иностранных языков. Общественные союзы студентов принимают участие в подготовке и проведении партийных мероприятий и «комсомольских дней», тематических собраний классов и групп. Патриотическая тематика широко использована в создании современного цивилизованного кампуса ННУ через девизы классов и студенческих групп, популяризацию истории вуза, патриотические песни и гимны учебного заведения и через внедрение патриотической тематики в культурные мероприятия в кампусе.

Учебные планы ННУ предусматривают большой объем дисциплин и мероприятий, которые имеют историко-патриотическую, социально-патриотическую, военно-патриотическую направленность. Так, в первый период поступления в институт осуществляется обучение студентов «Военному делу», которое включает строевые занятия с целью воспитания коллективного духа, дисциплины, ответственности. На первом - втором курсах студенты ННУ всех направлений подготовки изучают ряд общеобразовательных дисциплин идейно-политического содержания. Это: «Основные принципы марксизма», «Краткое изложение современной истории Китая», «Введение в идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина и идея «Тройного представительства» (идеологическая концепция КПК, введенная председателем КНР Цзян Цзэмином)» и «Идейно-нравственное воспитание и законодательная база».

Патриотическое воспитание осуществляется и во внеаудиторном процессе. Ректорат и преподавательский состав организует партийную и комсомольскую жизнь, массовые мероприятия, добровольческие акции гражданской направленности. В НИУ организованы мемориальные зоны, где показаны сюжеты Второй мировой войны, представляющие героизм китайских солдат и преступления японских военных. Демонстрируются фильмы патриотического содержания, проводятся лекции и экскурсии в центры патриотического воспитания, например, Музей революции провинции Хэйлунцзян, Музей павших героев Северо-Востока и др. Целевая агитационная, пропагандистская и информационная деятельность руководства НИУ нацелена на воспитание студентов-общественников, имеющих высокий уровень гражданского сознания.

Кейс 3. Сравнительные показатели гражданско-патриотических ориентиров студентов Пятигорского государственного университета (ПГУ) и Хэйлунцзянского института иностранных языков (НИУ).

Для успешного патриотического воспитания студентов важен мониторинг социальных настроений и ориентиров молодежи. С этой целью в 2020/2021 учебном году проведен блиц-опрос (выборочный и нерепрезентативный) студентов ПГУ и НИУ по теме **«Патриотизм в воспитании и социализации современного студенчества»**¹. В ходе опроса устанавливалось мнение студентов о том, что такое патриотизм и кто такой патриот, для чего нужно быть патриотом, что предполагает любовь к своему Отечеству. Также выяснялись: мнение студентов о том, что включает в себя гражданское понимание патриотизма; каковы источники информации о патриотизме; что подразумевает понятие «российский патриотизм» и «китайский патриотизм» и др.

Результаты опроса студентов ПГУ². Как показали выбранные студентами ПГУ варианты ответов, большинство опрошенных (86%) считают, что патриотизм – это воспитанное сознание, 10% опрошенных отметили, что это – врожденное чувство, 8% опрошенных указали, что это – политический принцип. Чуть больше половины опрошенных считают, что патриот, это тот: кто знает историю своей страны (58% ответов), кто соблюдает законы своей страны (38% ответов), кто поддерживает политику главы государства (16% ответов). Мнения студентов о том, почему нужно быть патриотом распределись следующим образом: 26% ответов - патриот служит своей Родине, 30% ответов - патриотизм граждан – условие безопасности и независимости страны, 22% ответов - патриотизм делает человека сильнее, 22% ответов - затрудняются ответить. Симптоматичные ответы дали студенты на вопрос о том, что предполагает любовь к своей Родине. Так, респонденты выбрали варианты: 34% - любовь к ее истории и культуре, 50% - любовь к своим родным местам, к «малой Родине», 14% - любовь к своим родителям и близким людям, 2% - готовность встать на защиту своей страны. Отвечая на вопрос о гражданском содержании патриотизма, студенты выбрали варианты: 48% - знание законов страны и их исполнение; 24% - понимание интересов Родины на международной арене; 14% -- знание политики своего государства; 12% затруднились ответить.

Как показали ответы, главными источниками информации о патриотизме являются семья и школа или вуз (образовательное учреждение). Так о патриотизме узнали: 38% - от своих родителей, 34% - от школьных учителей и преподавателей вуза, 24% - из СМИ и интернета, 4% респондентов затруднились ответить. В то же время отметили: что проблема патриотизма редко обсуждается в социальных сетях – более половины студентов, что обсуждается часто – более трети студентов, что вообще не обсуждается – единицы. В ходе опроса акцентировалась проблема патриотизма гражданской нации. Ответы студентов свидетельствуют о традиционном понимании российского патриотизма, прежде всего, как любви к Родине (56% ответов), как знания истории и культуры России (30% ответов), как поддержка политики РФ (10% ответов).

Студенты определяли, какие дисциплины учебных планов институтов и высших школ ПГУ нацелены на формирование патриотического сознания, а именно: 59% ответов - история, социология, 31% ответов - история России, культурология, 10% ответов - право, политология, литература. Также студенты указали праздники и акции, способствующие формированию патриотизма. Это, прежде всего, празднование **Дня Победы – 9 мая, Дня России, Дня национального единства,**

¹ Опрос проводился методом «снежного кома» по инструментарию Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований Пятигорского государственного университета.

² В ПГУ были опрошены по 50 студентов (80% - девушки, 20% - юноши, в большинстве проживающие в Пятигорске, также в Ессентуках, Кисловодске) первых-пятых курсов таких направлений подготовки, как «Перевод и переводоведение», «История», «Психология служебной деятельности». Большинство студентов – выходцы из Ставропольского края, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана. Большинство опрошенных (78%) не являются членами общественных организаций.

а также **Дня национальностей**, который традиционно проводится в ПГУ. Вызывают большой интерес ответы на вопрос о том, формируют ли преподаватели ПГУ патриотизм у студентов. Ответы распределились следующим образом: 38% ответов – формируют достаточно, 18% ответов – формируют, но недостаточно, 24% ответов – не формируют, 20% ответов – затрудняюсь ответить.

Аналогичный опрос по тому же инструментарию параллельно проведен в НИУ¹. Определяя патриотизм, чуть более половины китайских студентов (54%) ответили, что это врожденное чувство, четверть (26%) указали, что это воспитанное сознание, некоторые (18%) отметили, что это политический принцип. В определении патриота студенты в большинстве отметили, что это: тот, кто знает законы своей страны (90%); тот, кто знает историю своей страны (68%); тот, кто поддерживает политику главы государства (40%). Студенты отмечают, что патриот – это тот, кто служит своей Родине (42%), а патриотизм граждан – условие безопасности и независимости страны (46%).

Китайские студенты считают, что любовь к своей Родине проявляется через: знание ее истории и культуры (66%), уважение к которым чрезвычайно значимо в Китае; любовь к своим родным местам, к «малой Родине» (24%). 50% студентов отметили, что гражданское содержание патриотизма это – знание и исполнение законов своей страны. 30% отметили, что это – понимание интересов Родины на международной арене; 20% отметили, что это знание политики своего государства

Студенты НИУ в качестве первого по значимости источника знаний о патриотизме назвали: школьных учителей и преподавателей вуза (46%), на втором месте – родителей (30%), на третьем месте – СМИ и интернет (22%). Половина опрошенных студентов указали, что проблема патриотизма часто обсуждается в социальных сетях; в то же время более трети отметили, что данная проблема обсуждается редко. Определяя национальный – китайский патриотизм, студенты НИУ ответили, что это, прежде всего, любовь к великому Китаю, на втором месте это – поддержка политики Китая и на третьем месте это – знание истории и культуры Китая.

Студенты в своем большинстве указали четыре дисциплины из учебных планов факультетов НИУ, которые связаны с проблематикой патриотизма. Это: «Идеи Мао Цзэдуна. Социализм с китайской спецификой», «Современная история Китая», «Основные положения марксизма», «Духовно-нравственные и правовые основы воспитания». Опрос позволил выявить формы и методы воспитательной работы, которые имеют наибольший успех у студентов. Среди них: «Посещение исторического музея» «Посещение музея мира», «Посещение музея преступления японских захватчиков 731-ого отряда», «Посещение музея Северо-Восточной антияпонской объединённой армии», «Партийная и комсомольская деятельность», «Мероприятия в честь 100-летнего юбилея КПК», «Национальный праздник День образования Китая». Отмечены фильмы о патриотизме, уроки морального воспитания, собрания на тему патриотизма, поднятие государственного флага, комсомольская и партийная учеба, изучение истории и устава КПК. При этом 79% студентов отметили, что патриотизм в вузе преподаватели формируют недостаточно, а 32% отметили, что достаточно.

Некоторые обобщения

Сравнительное осмысление гражданско-патриотических акцентов отдельных общественно-значимых пространств России и Китая, свидетельствует о том, что они не идентичны. Однако общей идейной основой диалога государства и общества, власти и граждан и России и Китая выступает патриотизм. Российский патриотизм и китайский патриотизм имеют общие обусловленности и причинно-следственные факторы, а именно: впечатляющая история, великая цивилизация и культура, выдающаяся геополитическая позиция, сильная государственность, авторитетные правители и национальные лидеры. В качестве общих сущностно-содержательных свойств патриотизма российского общества и патриотизма китайского общества отметим их **историко-детерминированную природу, организационно-интегрирующий традиционализм, политико-консолидирующий функционал**. Ведущая роль в обеспечении гражданско-патриотических акцентов общественно-значимого управленческого пространства и в РФ и в КНР принадлежит руководителям государств – Президенту РФ В. Путину и Председателю КПК Си Цзиньпину.

В качестве различий стоит указать на идеологизированность гражданско-патриотических акцентов общественно-значимого управленческого пространства КНР, которое базируется на идеологии марксизма, а также на партийно-политических концепциях КПК. Патриотические ориентиры современного китайского общества гораздо больше соотносятся с деятельностью КПК, чем

¹ Опрос проведен в НИУ среди 50 студентов третьего курса Хэйлунцзянского института иностранных языков факультета русского языка (большинство девушки – 86% и 14% – юноши, возрастом от 18 до 23 лет из провинций Хэйлунцзян, Хэбэй, Синьцзян (автономный район в КНР), Юньнань, Гуадунь, все проживают в Харбине). Из опрошенных студентов большинство (74%) являются членами общественно-политических организаций (комсомольцами или коммунистами).

патриотические ориентиры современного российского общества соотносятся с деятельностью «Единой России», КПРФ или иных партий. И если в КНР партийность в широком идейно-политическом и политико-организационном смысле выступает неотъемлемым фактором общественно-значимого управленческого пространства, то в РФ партийность не представляется российским гражданам значимым фактором общественного функционирования и не соотносится с деятельностью Президента РФ как национального лидера.

И в РФ, и в КНР общественно-значимым пространством воспитания гражданского патриотизма молодёжи являются образовательные организации, что зафиксировано в доктринальных политических и правовых документах. Вузы РФ и КНР проводят системную аудиторную и внеаудиторную работу по формированию активной гражданско-патриотической позиции студенчества, что иллюстрирует деятельность Пятигорского государственного университета (Пятигорск) и Хэйлунцзянского института иностранных языков (Харбин). Среди опрошенных российских и китайских студентов отмечаются схожие позиции в понимании патриотизма, свойств патриота, содержания «национального патриотизма», а также таких позиций, как нужность патриотизма, содержание любви к Родине, источники информации о патриотизме, дискурс патриотизма в СМИ и др. Также в качестве общих ориентиров российскими и китайскими студентами выделяются государственные общественно-значимые праздники, героико-патриотического содержания.

В то же время, если российские студенты в подавляющем большинстве считают, что патриотизм – это «воспитанное сознание», то половина китайских студентов указывают, что патриотизм – это «врожденное чувство». Более половины российских студентов отметили, что патриот – это тот «кто знает историю своей страны», тогда как китайские студенты почти в абсолютном большинстве отметили, что это – тот «кто знает законы своей страны». Если российские студенты узнают о патриотизме практически в равной степени от родителей и от школьных учителей и преподавателей, то китайские студенты в качестве первого по значимости источника назвали школьных учителей и преподавателей вуза, а родителей указали на втором месте. Симптоматичной характеристикой опрошенных было их участие в общественных организациях: среди китайских студентов – почти 74% и среди российских студентов – только 22%.

Проведенное исследование подтверждает вступительные тезисы о том, что гражданский патриотизм является идейно-мировоззренческой базой оптимизации общественно-значимых пространств и РФ и КНР и основой консолидации и российского общества и китайского общества. Также очевидно, что патриотизм является стержнем политического и политико-управленческого функционала лидеров РФ и КНР, которые пользуются большим авторитетом у граждан.

Основой упрочения гражданского единства российской нации и китайской нации является патриотическое сознание молодёжи, формируемое в общественно-значимом образовательном пространстве. В этой связи очевидной необходимостью является постоянное обновление форм, методов и технологий всей работы с молодёжью с учетом современных внутренних и внешнеполитических вызовов и рисков.

Список источников

1. Абрамов А. В. Современный российский патриотизм как маркер гражданской идентичности личности и общества // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2014. № 3. С. 216.
2. Се Фучжань. Содействовать развитию российско-китайских отношений в новую эпоху на более высокий уровень // Сборник эссе к 20-летию подписания российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Пекин. 2021. С. 3.
(кит. / 推动新时代中俄关系向更高水平发展, 《庆祝中俄睦邻友好条约签署20周年文集》, 第3页).
3. Ли Чжоу. Воспоминания о подписании «Китайско-российского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» // Сборник эссе к 20-летию подписания российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Пекин. 2021. С. 65. (кит. / 推动新时代中俄关系向更高水平发展 / 忆《中俄睦邻友好条约》的签署, 同上, 第5页).
4. Селезнева А.В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200–208.
5. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. № 2. С. 47–50.

6. Сюн Дахой. Патриотизм в эпоху глобализации // Издательство Китайского горного университета. Китая. Пекин. 2013. (кит./熊大辉全球时代的爱国主义).
7. Лу Си. Фундаментальные исследования – основа инноваций // Китай. 2018. № 3. С. 24-26.
8. Маслов А. А. Россия-Китай: этапы и проблемы образовательного обмена в XX-XXI вв. // Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего: материалы III Российско-китайской конференции «Двустороннее научно-образовательное сотрудничество России и Китая». М., 2009. С. 35–39.

References

1. Abramov A. V. Modern Russian patriotism as a marker of civil identity of the individual and society. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser.: History and Political Sciences*. 2014;(3):216-218. (In Russ.)
2. Xie Fuzhan. To promote the development of Russian-Chinese relations in a new era to a higher level. In: *Collection of essays on the 20th anniversary of the signing of the Russian-Chinese treaty on good Neighborliness, friendship and cooperation*. Beijing. 2021:3. (In Russ.)
3. Li Zhou. Memoirs of the signing of the "Sino-Russian Treaty on Good-neighborliness, Friendship and Cooperation". In: *Collection of essays on the 20th anniversary of the signing of the Russian-Chinese treaty on good-neighborliness, Friendship and cooperation*. Beijing. 2021:65. (In Russ.)
4. Selezneva A. V. Patriotism as a political value: political and psychological analysis. *Bulletin of Tomsk State University. Ser.: Philosophy. Sociology. Political science*. 2017;(38):200-208. (In Russ.)
5. Lubsy A. V. Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the lack of citizenship in Russian patriotism. *Humanities of the South of Russia*. 2019;(2):47-50. (In Russ.)
6. Xiong Dahoi. *Patriotism in the era of globalization*. Chinese Mining University Press. China. Beijing. 2013. 熊大辉 全球时代的爱国主义 (In Chinese)
7. Lu Cy. Fundamental research - the basis of innovation // China. 2018. (3):24-26. (In Russ.)
8. Maslov A. A. Russia-China: stages and problems of educational exchange in the XX-XXI centuries. In: *Cooperation between Russia and China in the field of education: analysis of the past and prospects for the future: materials of the III Russian-Chinese conference "Bilateral scientific and educational cooperation between Russia and China"*. Moscow; 2009:35-39. (In Russ.).

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – докт. полит. наук, проф., директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований;
 Лю Сяоянь – докт. филолог. наук, проф.;
 Ян Фулинь – проректор.

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Research;
 Liu Xiaoyan – Doctor of Philology, Professor;
 Yang Fulin – Vice-rector.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ

Артур Мансурович Вафин

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия, arthur.vafin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9368-9967>

Аннотация. В работе проводится сравнительный анализ нормативных документов Республики Индия. Этот анализ выстроен не столько как строгая юридическая интерпретация, а как качественный политический анализ. Автор полагает, что даже в неидеологических государствах (согласно конституции, Индия – это светское, следовательно, неидеологическое государство) существуют неполитические идеологии, которые в случае чиновничества, бюрократии проявляют себя в качестве идеологии служения, служения обществу и общему благу.

Ключевые слова: государственная служба, бюрократия, идеология, политическая идеология, неполитическая идеология, политика, общее благо, политико-юридический подход, моральная политика, Индия

Для цитирования: Вафин А. М. Идеология государственного служения: анализ нормативных документов Республики Индия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 156–162. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-156-162>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE IDEOLOGY OF PUBLIC SERVICE: ANALYSIS OF REGULATORY LEGAL ACTS OF THE REPUBLIC OF INDIA

Artur M. Vafin

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia, arthur.vafin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9368-9967>

Abstract. The paper provides a comparative analysis of the regulatory documents of the Republic of India. The author argues that even in non-ideological states there are non-political ideologies, which in the case of bureaucracy manifest themselves as an ideology of service, service to society and the common good.

Keywords: public service, bureaucracy, ideology, political ideology, non-political ideology, policy, politics, common good, political and legal approach, moral politics, India

For citation: Vafin A. M. The ideology of public service: analysis of regulatory legal acts of the Republic of India. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):156–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-156-162>.

Введение

Современные интеллектуалы, полемизируя и соглашаясь с классиками, задаются вопросами об аутентичности развития как альтернативе модернизационной идеологии [3; 4; 5; 7]. И вопросы эти правильные, и ответы на них зачастую верные. И наиболее интересные примеры аутентичного развития сегодня являют те страны, которые когда-то были охвачены модернизационной волной, а ныне идут по какому-то особенному нестандартному пути, сочетая в себе и традицию, и авангард.

В нашей работе мы ставим себе задачу проанализировать нормативные документы Республики Индия и обнаружить в них идеологический посыл, связанный с государственным служением.

На наш взгляд, даже неидеологические государства, такие как Индия, в отличие от коммунистически индоктринированного Китая, в корпусе своих нормативно-«нейтральных» документов имеют идеологические установки. И одной из таких идеологических установок является идея служения – не простых смертных граждан, а государственных служащих – общему благу, обществу.

Методология

Работа выполнена в рамках политико-юридическим подхода, который предполагает анализ юридических документов, выявления в них идеологических посылов.

Под идеологией мы понимаем систему идей [8; 9] и ценностных установок человека [2], организации [1] и государства (правительства) [6]. Зачастую под идеологией в современных государствах понимается политическая идеология (коммунизм, либерализм, консерватизм, анархизм и т.д.), что позволяет уходить от ответа на вопрос: на каких идеях и ценностях фундируется данное общество? Тем не менее, элементы неполитической идеологии обнаруживаются даже в нормативных документах (которые сами по себе – парадокс политических и юридических наук! – есть идеологические документы, если идеологию трактовать вне классических рамок либерализм – консерватизм и т.д.).

Результаты исследования

Сардар Валлабхаи Пател, государственный деятель и один из авторов Конституции Индии, называл государственных служащих «стальным каркасом Индии»¹.

Государственная служба в Индии начала формироваться после раздела Британской Индии на Пакистан и Индийский Союз в 1947 году.

На сегодняшний день вопросами государственной службы в Индии занимается Министерство кадров, государственных жалоб и пенсий (Ministry Of Personnel, Public Grievances & Pensions). Данное министерство находится под общим руководством премьер-министра, а также Комиссии по вопросам государственной службы, с которой в соответствии со ст. 320 Конституции Индии необходимо консультироваться по всем вопросам, связанным с приемом на государственную службу. К функциям Комиссии отнесено проведение экзаменов, собеседования, разработка и изменение правил набора персонала, рассмотрение дисциплинарных дел.

Конституция Индии закрепляет равный доступ к государственной службе всех граждан Индии без дискриминации по признаку религии, расы, касты, пола, происхождения, места рождения, места жительства (ст. 16)². Это предопределяет выбор конкурсного способа подбора кандидатов.

Экзамены при поступлении на государственную службу считаются очень сложными и состоят из трех последовательных этапов: предварительный экзамен, основной экзамен и собеседование. Предварительный экзамен играет скрининговую и отсеивающую роль, а оценки, полученные по его итогам, не учитываются при принятии итогового решения. Экзамен состоит из двух обязательных тестов-вопросников по 200 баллов каждый, состоящих из вопросов с множественным выбором ответов; на каждый из вопросников отводится по два часа. Первый вопросник призван выявить знания кандидатов о текущих событиях национального и международного значения, истории и политики Индии, экономическом и социальном развитии. Второй ориентирован на оценку понимания написанного, логических способностей, коммуникативных навыков и умения считать³.

Главный экзамен включает 9 заданий в форме эссе (развернутого ответа на вопрос). На каждое задание отводится три часа, задания касаются: знания одного из языков Индии (Paper A), знания английского (Paper B), двух дополнительных предметов по выбору⁴. Так, в ходе проведения главного экзамена 2020 г. предлагалось написать эссе по таким темам, как «Life is a long journey between human being and being humane» («Жизнь – долгий путь от человека к человечности»), «Ships do not sink because of water around them, ships sink because of the water inside them» («Корабли то не от воды вокруг них, а от воды внутри них»), «Simplicity is the ultimate sophistication» («Простота – высшее проявление утонченности»)⁵.

Обязательные задания I-IV включают вопросы по истории, культуре, философии, политике, географии, призванные оценить кругозор и глубину общих знаний кандидата. К примеру, в рамках одного задания содержатся такие вопросы, как: «Как таяние гималайских ледников окажет долгосрочное воздействие на водные ресурсы Индии?», «Потеряла ли кастовая система свою актуальность

¹ National Civil Service Day 2021: Inspirational Quotes by Sardar Vallabhbhai Patel // News18. 21.04.2021. URL: <https://www.news18.com/news/lifestyle/national-civil-service-day-2021-inspirational-quotes-by-sardar-vallabhbhai-patel-3660770.html> (дата обращения: 30.05.2021).

² The Constitution of India [as on the 9th December, 2020] URL: https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI_1.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

³ Examination Notice 2018 // Union Public Service commission. URL: https://upsc.gov.in/sites/default/files/Notification_CSP_2018_Engl.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

⁴ Examination Branch. Frequently asked questions // Union Public Service Commission. URL: https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/ExamBrFAQs_03062019_Engl_0_2.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

⁵ Question paper specific instruction. URL: https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/ESSAY_1.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

в мультикультурном индийском обществе? (с примерами)», «Персидские литературные источники средневековой Индии отражающие дух эпохи»¹. В задании IV предлагается представить свои рассуждения по следующим вопросам: «Какие учения Будды наиболее актуальны сегодня и почему?», «Каковы основные компоненты интеллектуальной зрелости, можно ли им научиться?», «Определите разницу между законами и правилами. Порассуждайте о роли этики при их формировании». Кроме того, предлагаются ситуации из деятельности государственных служащих, в основе которых лежат этические проблемы, которые кандидату необходимо выявить и оценить возможные пути их разрешения². Другие задания фокусируются на вопросах о политике, регулировании различных сфер и институциональном устройстве Индии, особенностях развития экономики страны и технологий³. Кандидат также выбирает к сдаче два дополнительных предмета и сдает тематические задания по таким направлениям, как: сельское хозяйство, ботаника, антропология, химия, экономика, ветеринария, география, геология, история, право, менеджмент, математика, философия, физика, государственное управление, социология, статистика и др.⁴. По итогам основного экзамена успешные кандидаты допускаются к тестированию на личные качества в форме интервью, в ходе которого оценивается потенциал кандидата стать компетентным, преданным и честным служащим, данные об образовании, знаниях и умениях, интересах и деятельности, склад ума, разнообразие и глубина интересов, лидерские качества, интеллектуальная и моральная целостность⁵.

Предусмотрен возрастной ценз: минимальный возраст кандидатов – 21 год, максимальный возраст при сдаче экзаменов варьируется в рамках 31-37 лет в зависимости от направления службы⁶.

Минимальные требования к уровню образования кандидатов составляют диплом университета или приравненных к нему образовательных организаций, или подтверждение соответствующей квалификации.

Кандидатам рекомендуется начинать подготовку к экзаменам не менее, чем за год. У кандидатов на должности общей службы есть 6 попыток сдать экзамены в рамках возрастного ценза, после исчерпания которых они лишаются права участвовать далее.

В 2012 г. были разработаны новые Правила подготовки кадров, в которых сделан упор на необходимость перехода к управлению кадровыми ресурсами на основе компетенций. В развитие такого подхода в 2014 г. были представлены Рекомендации, описывающие основы государственной службы и призванные укрепить кадровую политику. В соответствии с ними под компетентностью понимаются не только знания и умения, но и набор личных характеристик, влияющих на выполнение работы государственного служащего, таких как: социальная роль (то, как человек проявляет себя в обществе и на какие свои черты делает акцент), образ (подразумевает набор личных ценностей, которых придерживается человек), черты характера, мотивация. Так, например, для государственного служащего важна эмоциональная зрелость, которая помогает поддерживать должный профессиональный уровень и качество выполнения служебных обязанностей в стрессовых ситуациях.

В рекомендациях в своеобразной форме представлены привычные элементы этики и стандартов служебного поведения государственной службы с акцентом на внутреннюю культуру государственного служащего и его личные качества, определяющие его пригодность к службе. Определяется четыре базовых блока компетенций для государственных служащих (внутри блоков необходимые государственному служащему качества категоризируются по уровню продвинутости):

«Этос». В рамках этого блока государственный служащий:

- стремится способствовать общему благу и долгосрочным интересам нации;
- является положительным образцом поведения и поддерживает культуру служения людям и решения их проблем;

¹ Main Exam. General Studies. Paper I // Union Public Service commission. URL: https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/Gen_St_P1.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

² Main Exam. General Studies. Paper IV // Union Public Service commission. URL: https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/Gen_St_P4.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

³ Main Exam. General Studies. Paper II and III // Union Public Service commission. URL: https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/Gen_St_P2.pdf, https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/Gen_St_P3.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

⁴ Civil Services (Main) Examination, 2020. Union Public Service Commission. URL: <https://www.upsc.gov.in/examinations/Civil%20Services%20%28Main%29%20Examination%2C%202020> (дата обращения: 30.05.2021).

⁵ Recruitment Branch. Frequently asked questions. Union Public Service Commission. URL: <https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/FAQ-RecrtBr-30072019-Engl.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).

⁶ Is UPSC Age Limit Increased to 35? Here's the Latest Age Limit for General Category UPSC Aspirants / UPSC Pathshala. 21.05.2021. URL: <https://upscpathshala.com/content/is-upsc-age-limit-increased-35-latest-general-category-aspirants/> (дата обращения: 30.05.2021).

- демонстрирует желание служить людям, проявляя особое внимание к социально уязвимым категориям, не имеет предубеждений и стереотипов относительно определенных групп;
- корректирует свое поведение в соответствии с миссией, потребностями и интересами государственной структуры, в которой трудоустроен, и осознает значимость своего вклада в реализацию политики своего департамента;
- не нарушает субординацию, понимает законы и правила, работает над тем, чтобы глубоко понимать особенности своей отрасли и работать со всеми заинтересованными сторонами;
- должен быть доступным для людей, приветливым и заботливым, обосновывать принятые решения, защищать репутацию коллектива перед обществом, при этом поощряя культуру обратной связи.

В блоке «Этика» государственный служащий:

- должен постоянно демонстрировать честность, прозрачность, открытость и справедливость, держать слово и своими действиями поддерживать ценности государственной службы;
- действует таким образом, чтобы избегать ситуаций предполагаемого или явного конфликта интересов, в том числе вовремя раскрывает необходимую информацию;
- в конфликтных или спорных ситуациях руководствуется общественными интересами;
- должен иметь внутреннее стремление к внимательной и тщательной работе, соблюдать процедуры, стандарты, законы, правила поведения, не оправдываться;
- исправляет ошибки, берет ответственность за результат, честно оценивая свою работу, демонстрирует желание брать на себя дополнительные обязанности и радуется сложным заданиям;
- сохраняет позитивный подход даже в стрессовых ситуациях.

В блоке «Равенство» государственный служащий:

- должен поддерживать одинаковое отношение ко всем гражданам, поддерживать справедливость для всех и сочувствовать слабым, уметь распознавать предвзятость и исключать ее в процессе выполнения своих функций;
- должен уметь определять заинтересованные стороны и взаимодействовать с ними через формальные и неформальные каналы в поиске взвешенного решения через диалог, помня об основной цели своей деятельности – предоставление лучших услуг населению;
- предугадывает результаты и влияние решений на общество, проявляет инициативу по поиску новых идей и решений совместно с заинтересованными сторонами;
- проактивно делится знаниями и опытом, прилагает усилия для понимания чужих точек зрения, может оценить общественную реакцию на предложение на основе понимания их мотивов и позиций;
- проявляет эмпатию и способность слушать, открыт к разным мнениям и адаптирует свое поведение, чтобы быть полезным, создает условия для взаимного доверия.

В блоке «Эффективность» государственный служащий:

- должен стремиться к эффективному управлению и достижению целей, вносить собственный вклад – больший, чем от него ожидается, соблюдать сроки, не сдаваться и пытаться найти решение сложной проблеме;
- должен разумно и рационально использовать ресурсы, уметь отбрасывать стереотипы;
- поддерживает высокий уровень собственного профессионального развития;
- самостоятельно определяет свои сильные, слабые стороны и триггеры, контролирует эмоции, осознает причинно-следственные связи между своими чувствами и производительностью, противостоит желанию действовать импульсивно¹.

Именно эти четыре блока – база для идеологии государственного служения.

В качестве помощи при применении Рекомендаций разработан Инструментарий кадровой политики, основанной на компетенции служащих, который предлагает способы определения сфер компетенции, требуемых в конкретном государственном органе, в том числе для целей отбора кандидатов на замещение должностей государственной службы². По сути, идеология закрепляется инструментально. Идея фиксируется в формалистическом ключе. Так, правилами поведения государственных служащих закреплена обязанность служащих всегда сохранять преданность долгу и

¹ Competency Dictionary. GoI-UNDP Project: Strengthening Human Resource Management of Civil Service. Department of Personnel & Training. URL: <https://dopt.gov.in/sites/default/files/Competency%20Dictionary%20for%20the%20Civil%20Services.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).

² Competency based Human Resource Management. Implementation Tool-kit. Department of Personnel & Training. URL: <https://dopt.gov.in/sites/default/files/Implementation%20Tool-kit.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).

не делать ничего, что не подобает государственному служащему, вести себя учтиво при исполнении своих служебных обязанностей и не затягивать умышленно выполнение порученной ему работы¹. Правила развернуто и подробно регулируют поведение государственных служащих во взаимоотношениях с членами Парламента и legislatures штатов, в том числе предусматривают обходительное и вежливое отношение, обязанность внимательно слушать, быть корректными, быстро отвечать на письма и звонки, поступающие из законодательных органов.

Примечательной особенностью является включение в Правила раздела, посвященного поведению государственного служащего в отношении своей семьи. В нем указано, что до сведения Правительства были доведены случаи, когда государственные служащие не заботились о надлежащем содержании своих семей. Идея заключалась в том, что госслужащий должен заботиться о своей семье. Однако после обсуждения от формального закрепления отказались ввиду невозможности включения такого положения в Правила, поскольку это повлекло бы административные трудности в его осуществлении и обеспечении соблюдения.

Так или иначе, от государственного служащего ожидается, что он будет поддерживать достойное поведение в своей личной жизни, не будет дискредитировать службу своими проступками. В тех случаях, когда сообщается, что государственный служащий действовал неподобающим для государственного служащего образом, например, пренебрегая своей женой и семьей, ведомственные меры могут быть приняты против него на этот счет без ссылки на Правила (ст. 5).

Государственным служащим также предписана определенная роль в части искоренения неприкасаемости. Статья 17 Конституции Индии закрепляет запрет на практики неприкасаемости в любом выражении. Осуществление подобных практик является уголовно наказуемым деянием. Такое поведение со стороны государственных служащих является достаточным основанием для наложения наказания, предусмотренного в соответствии с правилом контроля и дисциплины. Правительство ожидает, что его сотрудники не только будут строго соблюдать действующий закон, но и подадут пример другим в вопросах полного искоренения практики неприкасаемости в любой форме. Государственный служащий, признанный виновным в практике неприкасаемости в любой форме, будет признан непригодным к государственной службе, и в отношении него будут приняты дисциплинарные меры (ст. 6).

Государственным служащим предписано соблюдать трудовой распорядок дня, не задерживаться вне рабочего места в обеденный перерыв, а также не задерживаться надолго после окончания рабочего дня, поскольку это может нарушить режим безопасности здания (норма изначально была введена в 1967 г. из-за того, что многие государственные служащие в рабочее время были замечены на улице за игрой в карты; систематичность и масштаб нарушений подтверждается включением в текст статьи двух аналогичных пунктов в 1968 и 1983 гг.).

Государственные служащие, особенно те, которые занимают ответственные должности, должны не только оставаться честными и беспристрастными при исполнении своих обязанностей, но и иметь соответствующую репутацию. Несмотря на эти инструкции, нередко поступают жалобы на фаворитизм или недоброжелательность, проявляемые должностными лицами, занимающими руководящие должности, по отношению к своим подчиненным или другим представителям общественности (ст. 22).

Отдельно запрещены любые проявления сексуального харассмента. По этому вопросу в каждом органе должны быть разработаны соответствующие правила. Их несоблюдение может повлечь дисциплинарную или уголовную ответственность (в случае, если действия, совершенные государственным служащим, суммируются в состав уголовного преступления в соответствии с Уголовным кодексом).

Тема родственных взаимоотношений находит развитие и в статьях, посвященных трудоустройству. Государственным служащим запрещено использовать свое положение или влияние прямо или косвенно для обеспечения занятости любого члена своей семьи в любой компании или фирме. Как только государственному служащему становится известно о трудоустройстве родственников в какую-либо компанию или фирму, он обязан незамедлительно сообщить об этом в установленный орган, а также сообщить, имел ли он какие-либо официальные отношения с этой компанией в ходе своей службы. Одновременно с этим по общему правилу родственникам (как правило, детям) государственного служащего не будут чинить препятствия, если они поступили на работу в компанию, имеющую связи с Правительством, на честной основе. При этом возникает необходимость исключить все сомнения в добросовестности государственного служащего для поддержания его собственной репутации и репутации государственного органа. Если с фирмой, где работает родственник государственного служащего, заключается контракт, служащий обязан воздержаться от работы с контрактом и передать дела другому служащему.

¹ Central Civil Services (Conduct) Rules, 1964. URL: <https://dopt.gov.in/ccs-conduct-rules-1964> (дата обращения: 30.05.2021).

Политическая деятельность государственных служащих в Индии жестко ограничена:

- ни один государственный служащий не может быть членом или иным образом связан с какой-либо политической партией или организацией, принимающей участие в политической деятельности, а также не может принимать участие или каким-либо иным образом помогать любому политическому движению или деятельности;

- обязанностью каждого государственного служащего являются попытки воспрепятствовать любому члену его семьи принимать участие в любом движении или деятельности, которые являются или имеют тенденцию прямо или косвенно подрывать деятельность Правительства. Если государственный служащий не в состоянии воспрепятствовать члену его семьи принимать участие в любом таком движении или деятельности или оказывать помощь любым другим образом, он обязан представить в Правительство соответствующий доклад;

- ни один государственный служащий не должен агитировать или иным образом вмешиваться или использовать свое влияние в связи с выборами в какой-либо законодательный орган или орган местного самоуправления или принимать в них участие;

- государственным служащим разрешено голосовать, однако они никаким образом не должны указывать на то, как они проголосовали; они обязаны поддерживать свою политическую нейтральность;

- демонстрация государственным служащим на себе, своем транспортном средстве или месте жительства любого избирательного символа приравнивается к использованию его влияния в связи с выборами;

- государственным служащим запрещено участвовать в любой демонстрации, которая наносит ущерб интересам суверенитета и целостности Индии, безопасности государства, дружественным отношениям с иностранными государствами, общественному порядку, порядочности или морали или которая связана с неуважением к суду, диффамацией или подстрекательством к преступлению, а также прибегать или каким-либо образом подстрекать к любой форме забастовки, давления или физического принуждения в связи с любым вопросом, относящимся к его службе или службе любого другого государственного служащего.

Государственным служащим запрещается публично (на радио, по телевидению, в сети Интернет, в любых публикуемых материалах) от своего имени, анонимно или с использованием псевдонима или имени другого лица делать заявления, содержащие критику любой текущей или недавно проводимой федеральной или региональной политики; способные нанести ущерб отношениям между федеральным и региональным правительствами Индии и других государств.

По общему правилу государственные служащие не только не должны принимать подарки от третьих лиц, но и не разрешать этого членам своих семей, а также лицам, действующим от их имени. Под подарками понимается бесплатный транспорт, проживание, другие услуги и материальные преимущества, если они предоставляются любым лицом, за исключением родственников и близких друзей. Кроме того, служащим предписано избегать слишком щедрого гостеприимства как от частных лиц, так и от компаний, имеющих любые деловые отношения с ним.

Антикоррупционные меры закреплены в отдельном акте, который в частности предусматривает ответственность за:

- получение государственным служащим любого вознаграждения, кроме законно выплачиваемой заработной платы, в качестве поощрения за действия или бездействие государственного служащего, проявление снисхождения к определенному лицу – в виде лишения свободы от трех до семи лет и штрафа;

- принятие ценной вещи от любого лица, в прошлом, настоящем или будущем взаимодействовавшим с государственным служащим в рамках осуществления его служебных полномочий – в виде лишения свободы сроком от 6 месяцев до 5 лет и штрафа.

Деяния, совершенные государственным служащим, считаются уголовным проступком, если он, например, регулярно получает или пытается получить от третьих лиц вознаграждения в обмен на определенные действия, а также если обманным путем незаконно присваивает или иным способом «преобразует» для личного пользования любое имущество, находящееся под его контролем и вверенное ему, и наказываются лишением свободы на срок от четырех до десяти лет и штрафом¹.

Заключение

Несмотря на очень подробно разработанные правила служебного поведения и длинный перечень запретов, а также жесткие конкурсные требования, уровень коррупции в Индии остается крайне высоким. В 2020 г. Индия была первой среди азиатских стран по уровню взяточничества. В соответствии с последними данными Transparency International, 89% населения Индии считают

¹ The Prevention of Corruption Act, 1988. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1988-49.pdf> (дата обращения: 31.05.2021).

коррупцию в государственных органах серьезной проблемой, 39% давали взятку при получении государственных услуг за год. 46% населения Индии задействовали личные связи для получения государственной услуги (также самый высокий показатель среди азиатских стран), 51% населения практически или полностью не доверяют государственным структурам [10].

Тем не менее, неполитическая идеология, внедренная в корпус нормативно-правовых документов Индии в виде ценностных установок и элементов идей служения обществу, существенно улучшает качество работы государственных служащих. Вопрос в том, как предсказывать и контролировать девиации? Частично легализовать nepotism? Или наоборот, ужесточить наказания взяточничества и кумовства? Например, в Индии разрешена смертная казнь за тяжкие преступления, быть может, ее стоит применять и по отношению к коррупционерам, как это делается в Китае? На эти вопросы должны отвечать не столько юристы и политологи, сколько народ, общество и политики (как отражение, представители общества) Индии.

Список источников

1. Вафин А. Идеология в организации: Психологические игры в «лидеров» и манипуляции «массами». М.: URSS, 2020. 88 с.
2. Вафин А. Политическая маргинальность: психология и идеология // Азимут научных исследований. Т. 6. №4. 2017. С. 307-310.
3. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 101-122.
4. Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социологические исследования. № 6. 2014. С. 3-12.
5. Ильинская С.Г. Концепт аутентичного развития как альтернативная модернизации идеология // Вестник РУДН. Т. 20. №2. 2018. С. 215-236.
6. Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7-276.
7. Чарльз Т. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 – 1992 гг. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.
8. Эткрафт Э. Политическая теория и политическая идеология // Политическая теория в XX веке. М., 2008. С. 364-383.
9. Eagleton T. Ideology: An introduction. London; New York, 1991.
10. Vrushni J. Global Corruption Barometer. Asia 2020. Citizens' views and Experiences of Corruption // Transparency International. 2020.

References

1. Vafin A. *Ideology in the organization: Psychological games in the "leaders" and manipulation of the "masses"*. Moscow: URSS; 2020. (In Russ.)
2. Vafin A. Political marginality: psychology and ideology. *Azimut nauchnykh issledovaniy = Azimuth of scientific research*. 2017;6(4):307-310. (In Russ.)
3. Giddens E. The consequences of modernity. In: *New post-industrial wave in the West. Anthology*. Moscow; 1999. P. 101-122. (In Russ.)
4. Efremenko D. V., Meleshkina E. U. The theory of modernization about the ways of socio-economic development. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*. 2014;(6):3-12. (In Russ.)
5. Ilyinskaya S. G. The concept of authentic development as an alternative ideology to modernization. *Vestnik RUDN*. 2018;20(2):215-236. (In Russ.)
6. Mannheim K. *Favorites. The diagnosis of our time*. Moscow: Jurist; 1994. P. 7-276. (In Russ.)
7. Charles T. *Coercion, capital and European states. 990-1992*. Moscow: Publishing House "Territory of the Future";, 2009. (In Russ.)
8. Etkraft E. Political theory and political ideology. In: *Political theory in the XX century*. M.; 2008:364-383. (In Russ.)
9. Eagleton T. *Ideology: An introduction*. London; New York, 1991.
10. Vrushni J. Global Corruption Barometer. Asia 2020. Citizens' views and Experiences of Corruption. *Transparency International*. 2020.

Информация об авторе

А. М. Вафин – канд. полит. наук, доц. кафедры политических и правовых учений.

Information about the author

A. M. Vafin – PhD in Political Sciences, Associate Professor of Department of Political and Legal Studies.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

ОТЪЕЗД ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ИЗ ПЕТРОГРАДА 22 ФЕВРАЛЯ 1917 Г. КАК ФАКТОР КРАХА МОНАРХИИ

Андрей Геннадьевич Данилов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, agd7@mail.ru

Аннотация. В статье автор ищет ответы на три вопроса. Почему 22 февраля 1917 г. император выехал в Ставку, хотя в Петрограде сложилась взрывоопасная ситуация? Какие ошибки допустил царь во время пребывания в Могилеве 23 – 28 февраля 1917 г.? Мог ли император сохранить монархию, оставаясь в дни Февральской революции в Царском селе? Анализ данных сюжетов позволяет точнее понять, все ли сделала власть в критические моменты своей истории? Какова степень влияния личности (например, главы государства) на исторический процесс?

Ключевые слова: император Николай II, Февральская революция 1917 г., Ставка Верховного главнокомандующего, генерал М. В. Алексеев, генерал Н. В. Рузский, генерал Н. И. Иванов, М. В. Родзянко, Государственная дума, Петроградский гарнизон

Для цитирования: Данилов А. Г. Отъезд императора Николая II из Петрограда 22 февраля 1917 г. как фактор краха монархии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 163–171. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-163-171>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

DEPARTURE OF EMPEROR NICHOLAS II FROM PETROGRAD ON FEBRUARY 22, 1917 AS A FACTOR OF THE MONARCHY BREAKDOWN

Andrey G. Danilov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, agd7@mail.ru

Abstract. In the article, the author looks into answers to three questions. Why did the emperor leave for Headquarters on February 22, 1917, although crisis did develop in Petrograd? What mistakes did the tsar make during his stay in Mogilev on February 23 - 28, 1917? Could the emperor preserve the monarchy, staying in TsarskoeSelo during the days of the February Revolution? Analysis of these plots makes it possible to more accurately understand whether the authorities did everything at critical moments in their history? What is the degree of the individual influence (for example, the head of state) on the historical process?

Keywords: Emperor Nicholas II, February Revolution of 1917, Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief, General M.V. Alekseev, General N.V. Ruzsky, General N.I. Ivanov, M.V. Rodzianko, State Duma, Petrograd garrison

For citation: Danilov A. G. Departure of Emperor Nicholas II from Petrograd on February 22, 1917 as a factor of the monarchy breakdown. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):163–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-163-171>.

22 февраля 1917 г. в 14 часов император Николай II отбыл из Царского села в Могилев.

Царь не был в Ставке 2 месяца. 18 декабря 1916 г. он отбыл из Могилева по просьбе своей жены в связи с исчезновением Григория Распутина. И вот, спустя 2 месяца 23 февраля он в очередной раз приехал в штаб Верховного главнокомандующего. С августа 1915 г., когда император возглавил армию, он неоднократно совершал поездки между Царским селом и Могилевом. 22 – 23 февраля все было, как всегда: те же лица, которые сопровождали царя в его поездках; на всем пути следования двух царских поездов полиция, жандармы, охрана, местное начальство на железнодорожных станциях; 23 февраля на вокзале в Могилеве Николая II встретили те же генералы во главе с начальником

штаба М.В. Алексеевым. 22 февраля 1917 г. в поезде царь записал в своем дневнике известную сегодня фразу: «Читал, скучал и отдыхал» [1. Т. I, с. 163]. Все, как всегда... Однако данная поездка в Ставку оказалась последней. Из нее он вернется в Царское село уже не императором и под арестом.

Отъезд Николая II из Петрограда 22 февраля, который казался рутинным делом, впоследствии будет охарактеризован многими современниками и будущими исследователями как важный (если не решающий) фактор краха монархии.

Жизнь и деятельность Николая II, события Февральской революции сегодня восстановлены по дням, а часто и по часам. Тем не менее, как сама поездка царя, так и несколько ее отдельных сюжетов вызывают острые споры.

Когда и почему (причины) царь принял решение ехать в Ставку? Каковы последствия отсутствия царя в Петрограде в дни Февральской революции для сохранения монархии в России? Чтобы усидеть на троне, Николаю II целесообразно было быть поближе к событиям, то есть быстрее вернуться из Могилева в Царское село, или правильнее было в критические дни февраля оставаться в Ставке во главе армии? Мог ли Николай II, оставаясь в Ставке, с помощью верных ему войск подавить «мятеж» в Петрограде? Причины, по которым император 28 февраля 1917 г. покинул Могилев и поехал домой? Генералы Ставки все вместе и каждый конкретно – заговорщики, которые предали своего царя? Мотивы деятельности (или бездействия) руководителей армии (в Ставке и командующих фронтами) 23 февраля – 3 марта 1917 г. Степень единства в действиях генералов: все были заодно или были разногласия? Если были разногласия – степень разногласий и по каким вопросам? Роль командующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского 1 – 2 марта в процессе отречения Николая II от власти?

Из всего многообразия дискуссионных сюжетов в данной статье мы проанализируем 3 вопроса. Почему император отправился в Ставку 22 февраля 1917 г.? Какие ошибки он допустил во время пребывания в Могилеве? Как могли развиваться события в Петрограде, если бы император во время «бунта» находился в Царском селе?

Географические рамки темы. К краху монархии привели как ошибки, допущенные императором Николаем II в Ставке в Могилеве и в Пскове, так и министрами и военными в столице. Хотя оба вопроса тесно взаимосвязаны, в данной статье будут проанализированы действия только царя. Ошибки власти в самом Петрограде в дни Февральской революции были проанализированы нами ранее [2].

Источниковую базу для написания статьи составляют: а) материалы личного происхождения – дневники, письма, воспоминания участников событий, б) документы Ставки Верховного главнокомандующего – приказы по армии, переписка Ставки с командующими фронтами, министрами в Петрограде, председателем IV Государственной думы М.В. Родзянко, в) материалы допросов царских министров, генералов, политиков следователями Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством.

Для профессиональных историков общепринятым является обязательная перепроверка данных из документов личного происхождения, которые полны фактических ошибок вследствие: а) особенностей человеческой памяти спустя годы, тем более, что большинство мемуаристов в эмиграции не имели под рукой какие-либо документальные источники, или б) сознательного манипулирования фактами авторами мемуаров с целью показать себя в выгодном свете. К сожалению, в последние 20-30 лет на книжных полках, в интернете и на телевидении преобладают материалы, авторы которых не утруждают себя тщательным источниковедческим анализом и искреннее уверены, что написанное в воспоминаниях или письмах участников событий – это «истина в последней инстанции».

Поездка царя на фронт проанализирована в работах П. Е. Щеголева, В. М. Хрусталева, П. В. Мультатули, С. В. Куликова, К. М. Александрова и многих других исследователей [например, 4–8].

Сюжет отречения императора в Пскове 2 марта 1917 г. – это отдельная большая тема, которая имеет свою богатую историографию, свои дискуссионные проблемы, но она не является предметом данной статьи.

Почему император отправился в Ставку 22 февраля 1917 г.?

Это – одна из загадок истории, которая вряд ли когда-нибудь будет решена. Правильный ответ знает только сам царь и, можно предположить, его супруга Александра Федоровна. Современники событий и авторы научных статей и монографий могут только высказывать гипотезы.

«Конспирологическая» версия гласит: генералы – «заговорщики» и «предатели» – якобы выманили царя в Ставку. Подобное мнение в начале XXI в. преобладает в публицистике, интернете и на телевидении, активно продвигается в работах Н. В. Старикова, П. В. Мультатули и ряда других

авторов [4, 9]. У этой версии нет никаких документальных оснований, она содержит немало логических и фактических ошибок и противоречий. Например, распространенное утверждение «конспирологов» о том, что генерал М.В. Алексеев в интересах заговорщиков своей телеграммой якобы вызвал Николая II в Ставку для обсуждения планируемого весеннего наступления, свидетельствует о непонимании характера взаимоотношений в русской армии. Как справедливо указывает К. М. Александров, ни по этикету, ни по субординации, ни по особенностям служебной деятельности и личного характера начальник Штаба не имел права и не мог «вызвать» куда-либо Верховного Главнокомандующего [7, с. 162].

Вторая, традиционная точка зрения, разделяемая многими мемуаристами и многими исследователями. На Конференции союзников в Петрограде 19 января – 7 февраля 1917 г. было принято решение о наступлении одновременно на Западном и Восточном фронтах весной 1917 г. В этой связи Николай II сам решил съездить на неделю в Ставку с целью обсудить с начальником штаба генералом М.В. Алексеевым ход подготовки русской армии к весеннему наступлению. Но в таком случае возникает вопрос: не проще было императору пригласить генерала М. В. Алексеева для доклада в Петроград, чем самому отправляться в далекое путешествие в сложное время? Например, с 5 января по 13 февраля 1917 г. Николай II 7 раз принимал в Царском селе исполняющего обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего (вместо болевшего М.В. Алексеева) генерала В.И. Гурко [10, с. 930].

Другими словами, если бы речь шла только о необходимости обсудить с генералами вопрос о подготовке весеннего наступления, это можно было бы сделать и в Царском селе. Видимо, была, как минимум, еще одна причина.

И мы выдвигаем, на первый взгляд, фантастическую *версию* или *гипотезу*. Николай II сам (а не под влиянием «заговорщиков») проявил инициативу поехать в Могилев. Поездка в Ставку – своего рода «отдушина» от необходимости как главе государства решать массу срочных проблем. Он мечтал хотя бы на неделю «отдохнуть от дел», «развяться», переменить обстановку, побыть одному. Читатель, выбери подходящий для себя адекватный синоним нашей мысли. Аргументы в пользу такой версии мы можем найти в письмах царя, в мемуарах хорошо знавших и близких к нему людей: министра финансов П. Л. Барка, обер-прокурора Святейшего Синода А. Д. Самарина, протопресвитера русской армии (он руководил всеми священнослужителями на фронте) Г. И. Шавельского, председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко. Приведем несколько свидетельств.

В письме к жене из Могилева 24 февраля 1917 г. император пишет: «Мой мозг отдыхает здесь – ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно, но только для мозга. Сердце страдает от разлуки» [11, Т. V, с. 217]. 20 июня 1915 г. в Барановичах, где в то время находилась Ставка, Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич в разговоре с А.Д. Самариним сказал: «я предан Государю (при этом великий князь ударял себя в грудь), я люблю Государя, и я должен вам сказать, что он несчастнейший человек. Он одинок. Он приезжает сюда, чтобы отдохнуть, но и здесь он находится под влиянием Императрицы» [12, с. 232].

Однажды (дата в мемуарах не указана) после возвращения Г.И. Шавельского из столицы в Могилев государь спросил его:

– Хорошо съездили в Петроград? – Совсем измучился, – отвечаю я, – разные посетители и просители так извели меня, что я, наконец, захватив чемодан, удрал к брату и уже на другой день от него выехал на вокзал.

– Понимаю это... сказал Государь, – со мной не лучше бывает, когда приезжаю в Царское Село. Но мне убежать некуда... [13, Т. I, с. 348–349].

Как-то после доклада председателя Государственной думы (дата в мемуарах отсутствует) Николай II обронил такую реплику: «Был я в лесу сегодня... Тихо там и все забываешь, все эти дразги, суету людскую. Так хорошо было на душе... Там ближе к природе, ближе к Богу» [14, с. 213]. В отличие от работы в Царском селе, пребывание в Могилеве оставляло царю время ежедневно совершать автомобильные поездки и пешие прогулки, часто гуляя в лесу.

Как известно, отъезд императора в Ставку 22 февраля был для министров и политиков в Петрограде полной неожиданностью. Председатель Совета министров Н.Д. Голицын «объяснил себе такой неожиданный отъезд в Ставку желанием государя избежать новых докладов, совещаний и разговоров» [14, с. 220].

Стремление Николая II хотя бы неделю отдохнуть от государственных дел было следствием физического и нервного переутомления, накопившегося за 22 года правления. Ранее мы уже анализировали свидетельства по этому вопросу министра земледелия А.Н. Наумова, министра путей

сообщения Э.Б. Кригер-Войноровского, бывшего председателя Совета министров России В. Н. Коковцова, начальника канцелярии Министерства императорского двора, генерал-лейтенанта А.А. Мосолова [15, с. 195–196]. Приведем только два примера. После аудиенции у императора 13 января¹ 1917 г. у В.Н. Коковцова сложилось убеждение, которое он сохранил до конца своей жизни, что в начале 1917 г. «Государь тяжело болен ... и едва ли ясно понимал ... все, что происходило кругом него». Например, император забыл, зачем он вызвал графа, не мог ответить на некоторые простые вопросы [16, Т. II, с. 402–404]. Воспоминание о царе Э. Б. Кригер-Войноровского: «В январе 1917 года это уже был человек совсем подломленный, равнодушный ко всему, не верящий ни в какие удачи и предоставивший все воле Бога. Я был прямо поражен происшедшей в нем переменой, его пассивностью и полным упадком духа и каждый раз уходил от Государя с тяжелым чувством и безнадежными мыслями о том, в каких обессиленных руках находится судьба России» [17, с. 88]. О пассивности Николая II в последние месяцы своего правления при выслушивании докладов о состоянии дел в стране в своих мемуарах писали великий князь Александр Михайлович и председатель Государственной думы М. В. Родзянко.

Граф П.К. Бенкендорф² в июне 1918 г. в Петрограде поведал «официальному историографу» царя Д.Н. Дубенскому о своем разговоре с императором в начале апреля 1917 г. «Государь мне сказал, что только теперь, спустя две-три недели, он начинает приходить немного в себя, во время же событий в Могилеве, в пути, а главное, в Пскове он находился как бы в забытьи, тумане» [18, с. 59].

Особенность существовавшей в течение веков системы управления в России – неограниченная власть главы государства. Степень эффективности деятельности подобной модели управления зависит от ее лидера. Важными факторами, которые определяют возможности руководителя страны, являются: законно или не законно человек находится на вершине власти, уровень образованности, кругозор, возраст, личный темперамент, пол (мужчина, женщина). Заметное влияние на качество принимаемых управленческих решений оказывает здоровье главы государства. Этой стороне вопроса уделяют внимание исследователи, анализируя деятельность Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, Б.Н. Ельцина. Но подобный сюжет еще слабо разработан в отношении Николая II.

Вернемся в 1917-й год.

Предположим, что царь действительно устал. К тому же за прошедшие после возвращения из Ставки два месяца (19 декабря 1916 г. – 22 февраля 1917 г.) имели место убийство Г. Распутина, обострение конфликта с близкими родственниками, выступившими в защиту одного из убийц Г. Распутина великого князя Дмитрия Петровича, конференция союзников в Петрограде, опасения возможных беспорядков в день открытия заседаний IV Государственной думы 14 февраля. Эти и другие вопросы требовали от царя напряжения сил, энергии, нервировали его.

Но насколько подходящей была обстановка в столице в 20-х числах февраля 1917 г., чтобы ехать в Могилев? Это сегодня, спустя столетие, мы знаем, что момент отъезда был выбран самый неудачный. А если попробовать посмотреть, как версия, на ситуацию глазами Николая II.

а) В столице, по твердым заверениям министра внутренних дел А. Д. Протопопова, которому царь всецело доверял, «все под контролем». О том, как осенью 1916 г. – феврале 1917 г. А. Д. Протопопов постоянно дезинформировал царя и царицу о положении дел в стране и в Петрограде, мы ранее уже писали [2, с. 43–45]. Отметим, что неоднократные уверения министра внутренних дел о стабильности и подконтрольности ситуации в столице, в том числе и во время их последней встречи вечером 21 февраля 1917 г., были важным фактором для Николая II.

б) Существовал план совместных действий полиции и войск на случай «беспорядков» в Петрограде. Все руководящие чины полиции и армии знали, как действовать в соответствии с выработанным планом [19, с. 181; 20, с. 30; 21, с. 156–158].

в) Чисто количественно в столице было достаточно войск для подавления любых выступлений «бунтовщиков». Цифры разнятся, но речь идет о сотнях тысяч солдат и офицеров. В случае необходимости частям Петроградского гарнизона достаточно быстро могут прийти на помощь войска, расположенные в окрестностях столицы.

г) Сил было достаточно. Тем не менее, дополнительно в январе 1917 г. в Петроград были передислоцированы 1-й и 4-й Донские казачьи полки, а в Царское село для охраны царской семьи 15 февраля 1917 г. с фронта прибыл Гвардейский морской экипаж.

¹ Дату приема мы взяли из Камер-фурьерского журнала за январь 1917 г. [10, с. 404]. Автор в мемуарах ошибочно указал дату встречи – 19 января.

² Человек, близкий к царю, один из немногих, кто добровольно остался под арестом вместе с Николаем II в Царском селе в марте – июле 1917 г.

д) Беспорядки в Петрограде вспыхивали и ранее. Например, 17–20 октября 1916 г. в стачках участвовало 65 тысяч столичных рабочих. Одновременно прошли демонстрации и столкновения с полицией. Важное явление – казаки отказались стрелять в толпу, а солдаты 181 пехотного полка поддержали забастовщиков [22]. Эти и другие волнения быстро заканчивались сами или вследствие действий полиции и жандармов. Почему в очередной раз (в феврале 1917 г.), если они и возникнут, не так же быстро закончатся?

е) Император уезжает в Ставку всего на неделю. Что такого катастрофического может произойти за неделю?

ж) Из Могилева до Петрограда на поезде ехать сутки. В экстренном случае царь всегда может быстро вернуться в Царское село.

з) Осязаемых признаков надвигающейся катастрофы император не замечал: иначе, можно предположить, он не покинул бы столицу, а также вспомним запись в его дневнике за 8 дней до краха монархии – «читал, скучал и отдыхал». А различного рода предупреждения о том, что «скоро грянет буря», царь слышит уже не первый год.

Вывод. Исходя из этих доводов, вполне можно на неделю оставить столицу для поездки в Ставку.

Однако один из уроков многовековой истории власти – слабое знание или поверхностное понимание многими руководителями страны положения дел.

Николай II не понимал:

а) с осени 1916 г. победа в войне определялась не на фронте, а в тылу; б) судьба России несколько веков решалась только в столицах; в) по сравнению с периодом стабильности в качественно изменившейся ситуации общего кризиса осенью 1916 г. необходимо было менять не министров, а политику (диктатура или диалог с обществом); г) переоценивал свой авторитет в обществе; д) плохо знал настроения частей Петроградского и Царскосельского гарнизонов; е) когда в стране накопилось много «горючего материала» (о чем всю осень 1916 г. и в январе – феврале 1917 г. неоднократно сообщало Петроградское охранное отделение) любая «мелочь» может взорвать ситуацию; ж) слабо разбирался в людях, назначая на ключевые должности неподходящие кадры [о кадровой политике см. 2, с. 42–46].

Непонимание императором и императрицей степени взрывоопасности ситуации, накопившаяся усталость Николая II, постоянная ложь министра внутренних дел А.Д. Протопопова «все под контролем» – как результат: вместо вызова генерала М. В. Алексева в Царское село император сам уезжает в Ставку.

Какие ошибки допустил Николай II во время пребывания в Могилеве?

Во время присутствия царя в Могилеве одной из ключевых проблем стала проблема информирования Николая II о событиях в Петрограде. Данный сюжет имеет несколько аспектов: а) насколько адекватные или точные сведения получал император из столицы; б) скорость получения информации; в) правильное осмысление полученной информации. От этого зависят степень адекватности принимаемых ответных мер и скорость принятия решений. Осмысление полученной информации – наиболее сложный вопрос. Руководители часто получают разноплановую, порой диаметрально противоположную информацию. Многие из них предпочитают больше доверять информации, которая подтверждает их «картину мира», и игнорируют или недооценивают те сведения, которые не укладываются в эту «картину».

К такому типу руководителей относился и Николай II. В своих работах мы неоднократно приводили множество свидетельств того, как, минимум с лета 1916 г., некоторые великие князья, министры, начальник штаба М. В. Алексеев, другие близкие к царю люди, доклады Петроградского охранного отделения в течение 8 месяцев предупреждали его о нарастании кризиса и хаоса во всех сферах жизни общества и приближающейся катастрофе. Император больше верил оценкам ситуации из уст своей супруги Александры Федоровны, министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Насколько они реально оценивали ситуацию в стране, уважаемый читатель, суди сам. 4 декабря 1916 г. в письме к мужу Александра Федоровна пишет: «... наступил уже поворот к лучшему ... Я глубоко убеждена, что близятся великие и прекрасные дни для твоего царствования и существования России» [11, Т. V, с. 154]. До краха монархии оставалось 2,5 месяца. О приближении светлого будущего императрица часто писала мужу в своих письмах. Еще одно свидетельство. Близкая подруга императрицы Юлия Ден вспоминала, что министр внутренних дел в своих докладах «не любил сообщать неприятные факты, поэтому отделялся любезностями. Он неизменно уверял Императорскую Семью, что ничего опасного не может произойти. «Положитесь на меня», – заявлял Протопопов, принимая соответствующую позу. А когда кто-нибудь робко замечал, что среди рабочих, несомненно, налицо

тревожные настроения, то Протопопов снова принимал позу, как был говоря: «Тут что-то говорили о тревожных настроениях или же мне это послышалось?» Вслух же с надрывом в голосе, но дружелюбно произносил: «Как?! Неужели вас действительно беспокоят какие-то волнения? Мы скоро подавим эти беспорядки. Против МЕНЯ рабочим не выстоять» [23, с. 134].

Эта черта Николая II как государственного деятеля – не доверять информации, противоречащей его представлениям о положении дел, – частично проявилась и во время его пребывания в Могилеве.

В телеграммах, отправленных в Ставку командующим Петроградским военным округом С. С. Хабаловым днем 26 февраля, в 12ч.10мин 27 февраля, военным министром М. А. Беляевым в 13ч.15мин. 27 февраля, сообщая о беспорядках, генералы информировали царя о том, что войска и полиция энергично их подавляют [24, с. 134, 137–138, 139]. Хотя уже в телеграмме С. С. Хабалова от 12ч.10 мин. и полученной в Ставке в 12ч.20мин. 27 февраля командующий округом просил «прислать немедленно надежные части с фронта» [24, с. 138].

Совершенно иную информацию в Ставку сообщил председатель Государственной думы М. В. Родзянко в телеграммах, посланных в Могилев поздним вечером 26 февраля и в 12ч.40мин. 27 февраля. В столице хаос, «гражданская война началась и разгорается», паралич власти, неспособность правительства справиться с беспорядками. Необходимы экстренные меры – формирование правительства из лиц, пользующихся доверием народа [24, с. 135–136, 138]. И как отреагировал Николай II? Если верить министру Двора В. Б. Фредериксу, 27 февраля 1917 г. император якобы сказал ему: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать» [25, с. 38]. Можно не отвечать председателю Государственной думы. Но что мешало, получив разные по содержанию телеграммы, перепроверить информацию? В тот день у Ставки еще была связь с Петроградом и Царским селом не только телеграфная, но и телефонная. Вместо этого после обеда царь, как и в предшествующие дни, поехал «кататься на моторах». Только после получения в 19 ч. 35 мин. телеграммы от военного министра М.А. Беляева о невозможности подавить «мятеж» и необходимости срочно прислать надежные части [24, с. 140] Николай II и генералы принимают такое решение.

Проблема информированности царя в Могилеве о происходящем в Петрограде была ключевой. Сам Николай II об этом записал в своем дневнике 27 февраля 1917 г.: «Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия!» [1, Т. 1, с. 200] (о положении в Петрограде – А.Д.).

С большой долей вероятности можно предположить, что в Могилеве Николай II до последнего не понимал масштабы, суть и причины происходящего в Петрограде. Например, в письме супруге 27 февраля он пишет: «беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал» [11, Т. V, с. 224]. Следствием непонимания происходящего в столице стали три ошибки, которые он допустил в эти судьбоносные дни.

Во-первых, поздно – только вечером (между 19 и 21 часами) 27 февраля – принял решение о посылке войск с фронта для водворения «порядка» в столице, тогда как революция в столице фактически уже победила: именно в этот день значительная часть войск Петроградского гарнизона перешла на сторону восставших рабочих, Совет министров практически перестал действовать, сформировались два новых центра власти – Временный комитет Государственной думы и Совет рабочих депутатов. Царь опоздал еще и потому, что с утра 28 февраля железные дороги были взяты под контроль победившей революцией в лице комиссара Временного комитета Государственной думы А. А. Бубликова, его помощника Ю. В. Ломоносова. Героические усилия железнодорожных служащих, которые сумели не пропустить царские поезда и эшелоны с фронта в Петроград, во многом повлияли на исход событий.

Во-вторых, продолжая свою неудачную кадровую политику, император во главе карательной экспедиции поставил не боевого генерала, а генерала Н.И. Иванова. За слабое руководство войсками в марте 1916 г. он был снят с поста командующего Юго-Западным фронтом и в течение почти года, до 27 февраля просто находился в Ставке при особе царя.

В-третьих, несмотря на все уговоры своего начальника штаба М. В. Алексева – остаться под защитой верных ему войск и из Ставки руководить подавлением мятежа – Николай II, волновавшийся за судьбу своей семьи в Царском селе, в 5 часов утра 28 февраля выехал из Могилева. Железнодорожники не пустили императорский поезд ни в Петроград, ни в Царское село. В 19 часов 1 марта вместо Царского села Николай II прибыл в Псков в штаб Северного фронта. Таким образом, на 38 часов 28 февраля и 1 марта Николай II самоустранился от руководства страной. Совет министров самораспустился еще вечером 27 февраля. Другими словами, в дни, когда решалась судьба

монархии, два дня в стране был вакуум власти: не было правительства, император бездействует и где он, не известно. Одновременно все ключевые «игроки» слабо представляли себе, что делают их оппоненты. Госдума не знала, что планируют генералы в Ставке, а в Могилеве до конца не понимали происходящее в столице. Почти сутки ни в Ставке, ни в Госдуме, ни в штабе Северного фронта в Пскове не знали, где царь. Царь в поезде практически не получал информации о происходящем в Петрограде и не предпринимал никаких действий.

Такую фантазмагорическую ситуацию не мог бы придумать ни один заговорщик и даже ни один писатель – фантаст. История всегда богаче и непредсказуемее любых прогнозов.

Как могли развиваться события в Петрограде, если бы император во время «бунта» находился в Царском селе?

Осмысление опыта любого государственного деятеля предполагает анализ не только того, что он сделал, но и того, какие были возможны иные варианты действий. Это не «гадание на кофейной гуще». С большой долей вероятности можно предположить, что в случае присутствия императора в Царском селе:

а) он мог получать информацию значительно быстрее и более точную, чем в Могилеве;
б) как следствие – верные царю войска с фронта могли быть вызваны раньше. Само известие 26 – 27 февраля о том, что в столицу на помощь императору идут эшелоны с войсками, могло повлиять на настроения солдат Петроградского гарнизона и уже одним этим не допустить их массового перехода на сторону народа 27 февраля – всегда основная масса колеблется и готова поддерживать победителя;

в) если бы восстание в Петрограде все-таки победило бы, наличие императора в Царском селе под защитой оставшихся верными ему частей (а такие войска в реальной действительности были и в Петрограде, и в его окрестностях, и в самом Царском селе) придавало бы экспедиции фронтовых частей благородную цель – защитить государя от «смутьянов»;

г) в Ставке он был одинок, а в Царском селе рядом была бы волевая решительная любимая супруга Александра Федоровна, чья поддержка много значила для императора. В ее присутствии в Могилеве, в Пскове, где угодно – Николай II никогда бы не подписал акт отречения: об этом можно судить по тому, как она общалась с министрами во время отсутствия мужа в столице, и по содержанию ее многочисленных писем в 1916 г., а также ее писем от 2 и 3 марта 1917 г. [11, с. 226, 226, 232],

д) назначенные царем министры и военные в Петрограде были только исполнителями монаршей воли. В февральские дни, не привыкшие брать на себя ответственность, они растерялись и не предприняли никаких энергичных мер, кроме расстрела демонстрантов 26 февраля. В присутствии императора военный министр М. А. Беляев, министр внутренних дел А. Д. Протопопов, командующий Петроградским военным округом С. С. Хабалов, другие министры действовали бы более решительно;

е) руководители Государственной думы и либеральных партий М. В. Родзянко, П. Н. Милюков и другие не были решительными революционерами. Например, даже 28 февраля они еще не верили в победу революции, колебались, проявляли нерешительность в вопросе брать власть в свои руки. Можно предположить, что в случае присутствия царя в столице и его активных решительных действий, думцы не рискнули бы объявить себя властью.

Предложенный нами прогноз возможного хода событий в случае, если бы император находился в Царском селе, нам представляется достаточно реалистичным. В этом случае монархия в России на некоторое время сохраняется. Отъезд Николая II 22 февраля 1917 г. из Петрограда направил развитие истории по другому пути.

На основе всего выше изложенного можно сделать следующие выводы.

Николай II не только совершил ряд управленческих ошибок и просчетов, которые к февралю 1917 г. привели к кризису в различных сферах жизни общества. Он продолжал делать ошибки и в судьбоносные для монархии дни. Тем самым ситуация из состояния кризиса перешла в состояние краха.

Современники отмечали прекрасную память Николая II и хорошее знание им массы отдельных фактов. Одновременно они отмечали неспособность императора из отдельных «деталей» сложить общую картину. Слабое понимание происходящего в стране, неудачная кадровая политика, преувеличение степени своей популярности в обществе, нерешительные действия в критические для самодержавия дни – все это делало крах монархии неминуемым.

Список источников

1. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 т. / отв. ред., сост. В. М. Хрусталева. М.: ПРОЗАИК, 2012.
2. Данилов А. Г. Действия власти в Петрограде 23–28 февраля 1917 г.: некоторые уроки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 36–58.

3. Щеголев П. Е. Последний рейс Николая II. М.-Л., 1928.
4. Мультатули П.В. Николай II. Отречение, которого не было. М.: АСТ, Астрель, 2010.
5. Хрусталеv В. М. Романовы. Последние дни великой династии. М.: АСТ, 2013.
6. Куликов С. В. Ставка: 23 февраля–1 марта / Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. Февральская революция / изд. 2 исправ. Рук. проекта Б. В. Ананьич. СПб., 2014. С. 343–368.
7. Александров К. М. Ставка накануне и в первые дни Февральской революции 1917 года: к истории взаимоотношений императора Николая II и русского генералитета // Звезда. 2017. № 2. С. 157–173.
8. Александров К. М. Ставка в революционные дни: 27–28 февраля 1917 года // Звезда. 2017. № 4. С. 138–155.
9. Стариков Н. В. 1917. Кто «заказал» Россию? Главная тайна XX века. М.: Яуза: Эксмо, 2010.
10. Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг. СПб.: Д.А.Р.К., 2014.
11. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. т. III–V. М.-Л., Государственное издательство, 1923–1927.
12. Самарин П. Д. Рассказ Саши о поездке его к государю в Барановичи 19–21 июня 1915 г. / «Подвигом добрым подвизался...» Материалы к жизнеописанию Александра Дмитриевича Самарина (1868–1932) / Авторы-составители С.Н. Чернышев и прот. Димитрий Сазонов. Кострома: Издательство Костромской митрополии, 2017.
13. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. I–II. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954.
14. Родзянко М. В. Крушение империи. Изд. 2-е. Л.: Прибой, 1929.
15. Данилов А. Г. Некоторые уроки краха монархии в феврале – марте 1917 г. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 191–197.
16. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Т. I–II. Париж, 1933.
17. Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции / Кригер-Войновский Э. Б.; Спроге В. Э. Записки инженера. М.: Русский путь, 1999.
18. Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 11–111.
19. Допрос С. С. Хабалова в Чрезвычайной следственной комиссии. 22 марта 1917 г. / Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П.Е. Щеголев. Т. 1. Л., 1924. С. 182–219.
20. Балк А. П. Последние пять дней царского Петрограда. Дневник последнего Петроградского Градоначальника // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1. Л., 1991. С. 26–64.
21. Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте / Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 121–272.
22. Нефедов С.А. Репетиция Февральской революции // Былые годы. 2016. № 42(4). С. 1378–1385.
23. Ден Ю. Подлинная царица. М.: Вече, 2013.
24. Ставка и революция. Штаб верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года. По документам Российского государственного военно-исторического архива: Сборник документов: В 2 т. Том. 1. 18 февраля – 18 июня 1917 г. /отв. ред И.О. Гаркуша. М.: Кучково поле, 2019.
25. Допрос В.Б. Фредерикса в Чрезвычайной следственной комиссии. 2 июня 1917 г. / Падение царского режима. Т. 5. М.-Л., 1926. С. 32–49.

References

1. *Diaries of Nicholas II and Empress Alexandra Fedorovna*: in 2 vols. Otv. Ed., Comp.V. M. Khrustalev. Moscow: PROZaiK, 2012. (In Russ.)
2. Danilov A. G. Actions of the Authorities in Petrograd of February 23 – 28, 1917: some lessons. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(3):36–58. (In Russ.)
3. Shchegolev P.E. *The last flight of Nikolai II*. М.-Л.; 1928. (In Russ.)
4. Mutsuli P. V. *Nikolai II. Abdication, which was not*. Moscow: AST, Astrel; 2010. (In Russ.)
5. Khrustalev V. M. *Romanov. The last days of the great dynasty*. Moscow: AST; 2013. (In Russ.)

6. Kulikov S. V. *Stavka: February 23-March 1. In: World War I and the end of the Russian Empire*. T. 3. February Revolution / ed. 2 changes. Hands. project B.V. Ananyich. St. Petersburg; 2014:343-368. (In Russ.)
7. Alexandrov K. M. Stavka on the eve and in the early days of the February Revolution of 1917: to the history of the relationship between Emperor Nicholas II and the Russian general. *Zvezda = Star*. 2017;(2):157-173. (In Russ.)
8. Alexandrov K. M. Stavka in revolutionary days: February 27-28, 1917. *Zvezda = Star*. 2017;(4):138-155. (In Russ.)
9. Starikov N. V. 1917. *Who "ordered" Russia? The main secret of the XX century*. Moscow: Yauza: Eksmo; 2010. (In Russ.)
10. *Camera-fourier magazines*. 1916-1917 St. Petersburg: D.A.R.K., 2014. (In Russ.)
11. *Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov*. 1914-1917 vol. III-V. M.-L., Public Publishing House, 1923-1927. (In Russ.)
12. Samarin P. D. *Sasha's story about his trip to the sovereign in Baranavichi on June 19-21, 1915*/"He gave a good feat..." Materials for the biography of Alexander Dmitrievich Samarin (1868-1932) / Authors-compilers S.N. Chernyshev and Prot. Dimitri Sazonov. Kostroma: Publishing House of the Kostroma Metropolis, 2017. (In Russ.)
13. Shavel'sky G. I. *Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy*. T. I-II. New York: ed. im. Chekhov; 1954. (In Russ.)
14. Rodzianko M. V. *The collapse of the empire*. Ed. 2nd. L.: Surf, 1929. (In Russ.)
15. Danilov A. G. Some lessons of the collapse of the monarchy in February - March 1917. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(4):191-197. (In Russ.)
16. Kokovtsov V. N. *From my past. Memories*. 1903-1919 T. I-II. Paris, 1933. (In Russ.)
17. Krieger-Voinovsky E. B. *Notes of the engineer: Memories, impressions, thoughts on the revolution* / Krieger-Voinovsky E.B.; Sproge V.E. Notes of the engineer. Moscow: Russian way; 1999. (In Russ.)
18. Dubensky D. N. How the coup took place in Russia. Diary Notes. In: *Russian Chronicle*. III. Paris; 1922;(III):11-111. (In Russ.)
19. Interrogation of S. S. Khabalov in the Extraordinary Commission of Inquiry. March 22, 1917. In: *Fall of the tsarist regime: Verbatim reports of interrogations and testimonies given in 1917 in the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government* / Red. P.E. Shchegolev. T. 1. L., 1924:182-219. (In Russ.)
20. Balk A.P. The last five days of tsarist Petrograd. Diary of the last Petrograd Mayor. Russian past. Historical documentary almanac. L., 1991;(1):26-64. (In Russ.)
21. Martynov E. I. Tsarist army in the February coup. In: Martynov E. I. *Politics and strategy*. Moscow; 2003:121-272. (In Russ.)
22. Nefedov S. A. Rehearsal of the February Revolution. *Past years*. 2016;42(4):1378-1385. (In Russ.)
23. Den Yu. *Genuine queen*. Moscow: Veche; 2013. (In Russ.)
24. Bet and revolution. *The headquarters of the supreme commander and the revolutionary events of 1917 - early 1918. According to the documents of the Russian State Military Historical Archive*: Collection of documents: In 2 tons. Tom. 1. February 18 - June 18, 1917. Rev. Ed I. O. Garkush. Moscow: Kuchkovo field; 2019. (In Russ.)
25. Interrogation of V. B. Fredericks at the Emergency Commission of Inquiry. June 2, 1917. In: *The fall of the tsarist regime*. Vol. 5. M.-L., 1926:32-49. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Г. Данилов – докт. ист. наук, проф. кафедры теории и истории права и государства.

Information about the author

A. G. Danilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Theory and History of Law and State.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.

АКТИВИЗАЦИЯ ЖЕНСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РФ

Лариса Хасановна Дзахова¹, Роксана Маратовна Бурнацева²

^{1,2}Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

¹ldzakhova@mail.ru

²rburnatseva89@gmail.com

Аннотация: статья посвящена женскому участию в современном общественно-политическом пространстве; выделяются условия его формирования и реализации, а также факторы женских активностей; подчеркивается многоплановый характер деятельности некоторых женских организаций РФ, которые действуют, как в традиционных, так и в модернизационных сегментах социальной жизни.

Ключевые слова: женские движения, общественно-политическое пространство, женские активности, социальная адаптация, Россия, женские организации, Третий Евразийский женский форум, национальные проекты

Для цитирования: Дзахова Л. Х., Бурнацева Р. М. Активизация женских движений в современном социально-политическом пространстве РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 172–177. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-172-177>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

ACTIVATION OF WOMEN'S MOVEMENTS IN THE MODERN SOCIO-POLITICAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Larisa Kh. Dzakhova¹, Roxana M. Burnatseva²

^{1,2}North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

¹ldzakhova@mail.ru

²rburnatseva89@gmail.com

Abstract. The article is devoted to women's participation in the modern socio-political space; the conditions for its formation and implementation, as well as the factors of women's activities are highlighted; emphasizes the multifaceted nature of the activities of some women's organizations in the Russian Federation, which operate in both traditional and modernization segments of social life.

Keywords: women's movements, social and political space, women's activities, social adaptation, Russia, women's organizations, the Third Eurasian Women's Forum, national projects

For citation: Dzakhova L. Kh., Burnatseva R. M. Activation of women's movements in the modern socio-political space of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):172–177. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-172-177>.

Социальная адаптация и политическая активность женщин в современном мире как проблема практического участия и как проблема политического знания не теряет своей актуальности. Кажется бы, в XXI в. значимость женской активности во всех сферах человеческой жизнедеятельности не только очевидна, но и возрастает в соответствии с потребностями экономики, культуры, демографии, общественной и политической жизни. Однако и сегодня существует множество проблем, противоречий и инцидентов, которые сопровождают функционирование женщин во всех сферах общественного и общественно-политического пространства.

Закономерно, что каждый новый этап развития общественно-политического процесса создает новые, как благоприятные, так и неблагоприятные условия, и факторы для женщин как для особой

социальной группы, имеющей специфические характеристики. Эти характеристики изучены и разработаны в рамках специальных направлений внушительного банка гендерных исследований [1; 2].

Тем не менее, изучение принципов, содержания, направлений, форм и методов женского участия в общественно-политическом пространстве нуждается в продолжении. Такая необходимость обусловлена динамичностью, многоуровневостью, противоречивостью современных общественно-политических отношений. Сегодняшний «общественно-политический момент» характеризуется высоким индексом сложности и конфликтностью. В этой связи отметим особые сферы общественно-политического пространства, которые сегодня отмечены акцентированной женской активностью.

Сфера состояния экологии: сохранение природы в целом и конкретных уникальных природных комплексов, редких видов животных; забота о чистоте питьевой воды, воздуха, атмосферы; борьба с вредными отходами и выбросами; противостояние производственным ассоциациям, губящим природу.

Сфера обеспечения витальных потребностей человека: борьба с голодом; забота о сообществах, живущих за чертой бедности и не получающих социальных услуг (медицинское обслуживание, родовспоможение, образование) и не имеющих (или лишенных) доступа к достижениям современной цивилизации; организация гуманитарной помощи сообществам, терпящим бедствия (кризисы, природные катастрофы, пандемии, голод, отстранение от жизненно важных ресурсов).

Сфера сохранения традиционных человеческих ценностей: упрочение крепости семьи в противовес технократизации и утилизации института брака; противостояние культу жестокости, агрессии, цинизма; гуманизация межгендерных, межпоколенных, межгрупповых взаимодействий; распространение идей добра, взаимопомощи, коллективизма; популяризация здоровья как ценности, профилактика вредных привычек, социальных девиаций.

Сфера поддержания института детства: забота о матери и ребенке, о детях как о целевой социодемографической группе; защита юридических прав и экономических интересов матерей и детей; ограждение детей от насилия (в том числе, домашнего); обеспечение интересов детей из неполных семей, детей-инвалидов, «солнечных детей», детей с орфанными заболеваниями; позитивизация межпоколенных отношений.

Сфера сохранения мира как состояния человечества без войны и конфликтов: популяризация иринологического мышления и преимуществ мира; разоблачение войны и конфликтов как катастрофических состояний человечества; формирование «мирного мировоззрения» у подрастающих поколений, снижение молодежного радикализма; распространение технологий общественного компромисса, договора, диалога.

Сфера политики и управления: очеловечивание власти, придание ей «человеческого облика»; организация женского противовеса «мужской политике»; создание новых женских политических и бизнес-элит; включение женщин в политические элиты современности; поддержка массовых женских общественно-политических движений; помощь женщинам в карьерном росте и социализации; организация женских политических организаций, отстаивающих права женщин.

Отметим, что это далеко не все сферы общественно-политического пространства, в которых современные женщины занимают ведущие позиции и составляют успешную конкуренцию мужчинам. С конца XIX в. и особенно со второй половины XX в. множество женщин принимали активное участие в женских общественно-политических движениях (суфражизм, эмансипация, феминизм).

Женщины-активистки через многие препоны и принесенные жертвы пришли к значительным победам – в разных странах в разные хронологические периоды. Женщины завоевали гражданские права наравне с мужчинами, получили возможность иметь паспорта, голосовать, судиться, переезжать с места на место самостоятельно, трудиться во всех областях экономики.

Женщины заняли ведущие позиции во многих социальных сферах (образование, здравоохранение), стали получать равную с мужчинами заработную плату и социально обеспечение (хотя до сих пор это равенство достигнуто далеко не везде); получили право служить в армии (в том числе, авиация и флот).

Рубежными этапами всеобщей социальной реабилитации женщин стало право на контрацепцию и регулирование рождаемости, а также право на развод. Бытующее ранее представление о женщине только как о жене, матери, хозяйке, ограниченной рамками дома и семьи, безвозвратно ушли в прошлое. Равноправие женщин фактически обеспечивается долей участия женщин в экономике стран (прежде всего, европейских, также и США, также и России), которая часто превышает долю участия мужчин, прежде всего, потому что продолжительность жизни женщин дольше, чем у мужчин, а состояние их здоровья (физического и социального) лучше, чем у мужчин.

Широкими слоями повсеместно (за исключением стран, где по религиозным соображениям это не допускается) женщины вошли в сферы бизнеса, предпринимательства, финансов (менеджмент, управление, проектирование, торговля, услуги, а также воспитание детей, обучение, патронаж, помощь по дому, ухаживание за больными и лицам старших возрастов и др.)

Отметим, что факторами-катализаторами женской общественно-политической активности в XX в. стали революции, две мировые войны, в ходе и после которых происходили всплески женской активности, что в полной мере проявилось в строительстве первого в мире Советского социалистического государства [3].

Новациями конца XX в. - начала XXI в. стали женские ассоциации (клубы, кружки) по интересам и по функционалу – благотворительные, гуманитарные, экологические, патронажные, предпринимательские, информационные, воспитательные, просвещенческие, домоводческие, досуговые и др. Стали активно формироваться женские общественно-политические движения, женские форумы и конгрессы мирового, планетарного, транснационального, странового и регионального уровней [4; 5].

Все это закономерно создало предпосылки для участия женщин в политике и власти. В эти сферы женщины вносят отличные от мужских именно женские формы и методы работы, женские техники и технологии. Обозначилась такая выпуклая тенденция, как вхождение женщин в политические партии, в парламенты, в органы законотворчества и правоприменения, в верхние эшелоны власти. Такое вхождение, во-первых, отражает успешную общественно-политическую социализацию женщин, а во-вторых, позволяет женщинам успешно бороться с дискриминацией и с попытками мужчин отбрасывать женщин от экономических, политических, властных ресурсов, от ресурсов влияния [6; 7].

Если говорить о современной РФ, то она наследует некоторые традиции женской самоорганизации, которые были и в Российской империи, и в СССР¹. Однако новые условия общественно-политического пространства современной России совершенно иные, нежели в прежние эпохи [8]. Сами реалии политической системы и политического режима (многопартийность, институционализация гражданского общества, свобода слова, местное самоуправление и др.) предполагают активности женщин в общественно-политическом плане [9].

На федеральном уровне действуют сложившиеся в последнее десятилетие несколько крупных организаций. Среди них выделим постепенно образовавшуюся на основе **Движения солдатских матерей России - Комитет солдатских матерей России (КСМ)**. С учетом тех масштабных конфликтов и военно-политических инцидентов, которые состоялись в РФ после распада СССР (прежде всего, на Северном Кавказе), а также с учетом, что в разрешении этих внутренних конфликтов были в массовом порядке задействованы армейские силы, были образованы комитеты солдатских матерей.

С одной стороны, можно представить, что эта организация имеет исключительно гуманитарный характер, а именно: поиск без вести пропавших военнослужащих, вызволение плененных, помощь раненым, реабилитация военнослужащих, попавших в террористических акты, непосредственное взаимодействие с командным составом военных частей, стоящих в «горячих точках», защита прав солдат-срочников, забота о матерях военнослужащих, юридические консультации солдат-срочников, а также, что чрезвычайно важно – защита от дедовщины и др.

С другой стороны, комитеты солдатских матерей из разных регионов и на уровне федерального центра проводят огромную работу по стабилизации общественной ситуации, по улучшению диалога армии и граждан, который в 90-е гг. – начале 2000-х гг. был проблемным и конфликтным и который и сегодня далек от совершенства.

Комитет солдатских матерей имеет долгую историю и легитимную основу для деятельности, которая стала формироваться еще в период перестройки перед распадом СССР (например, Указ Президента РФ Горбачева М.С. **«О реализации предложений Комитета солдатских матерей»**). КСМ имеет около 60 региональных отделений в субъектах РФ и постоянно проявляет инициативы по контролю над легитимностью отношений в армии, соблюдению норм призыва и др. Деятельность КСМ в отдельных случаях вызывает критику армейских и силовых структур, однако организация продолжает свою работу в части разоблачения фактов правонарушения в отношении военнослужащих².

¹ См.: Тулузакова М.В. Женские социально-политические организации: советский опыт и современность // <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-sotsialno-politicheskie-organizatsii-sovetskiy-opyt-i-sovremennost/viewer> (дата обращения 15.10.2021)

² «Комитет солдатских матерей России» изменит формат работы после приказа ФСБ. Lenta.RU. 17.10.2021 г. // <https://lenta.ru/news/2021/10/07/format/> (дата обращения 15.10.2021)

На основе КСМ образована новая общественно-политическая организация – **«Единая народная партия солдатских матерей»**. Цели данной партии состоят в развитии демократии, в содействии гражданскому миру. *«Партия выражает интересы тех социальных групп, которые обделены вниманием общества и власти»*, – говорится в проекте программы «женской партии». Также лейтмотивом общественно-политического функционирования «женской партии» является противодействие насилию, терроризму и борьба за мир, за согласие, за достижение стабильности и социальной справедливости¹.

Существенное место в общественно-политическом пространстве занимает **Движение женщин России (ДЖР)**, образованное в 1996 г. Это неслучайно, так как именно в первой половине 90-х гг. XX в. в РФ были приняты федеральные законы о некоммерческих и об общественных объединениях. Среди целей ДЖР фиксируются такие, как: *«содействие формированию в России подлинно цивилизованного общества, в котором свобода, достоинство и безопасность человека станут безусловными ценностями жизни. Также предусматривается реализация конституционного принципа равных прав, свобод и равных возможностей для мужчин и женщин»*.

Особо выделяется задача, имеющая выраженное политическое содержание: *«Активизация участия женщин в общественно-политической жизни России и содействие их продвижению на все уровни власти»*². Практически все направления деятельности ДЖР имеют политическую направленность, так как способствуют повышению женского участия в политике, во власти, в работе международных организаций. В общем плане само ДЖР является школой общественно-политической социализации женщин и адаптации их к политическим реалиям.

ДЖР трансформировалось в **Союз женщин России (СЖР)**, который постепенно, пройдя многие стадии организационного и содержательного становления, занял прочное место в общественно-политическом пространстве РФ. В 2018 г. Указом Президента РФ Союзу женщин России присвоен статус общественно-государственной организации. СЖР действует во многих направлениях и полностью включен в общественно-политическую жизнь российского общества. Так, есть глобальная программа **«Равенство. Развитие. Мир в 21 веке»**, которая включает 7 направлений, посвященных укреплению семьи, достижению социальной безопасности, равенство прав и возможностей мужчин и женщин, духовность, культура, здоровье, мир, международное сотрудничество. Последнее направление очень важно с учётом современных геополитических рисков, а также и пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Союз женщин России входит в состав Международного совета женщин, Международной демократической федерации женщин, Всемирной ассоциации сельских женщин.

С 1999 г. СЖР имеет специальный консультативный статус в Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС). Союз женщин России представляет российских женщин на международной арене, участвуя в работе профильных комитетов ООН, конференциях ОБС и др.

Современные российские женщины принимают участие в мировых форумах и конференциях. Форумная культура, культура дискурса является важнейшей составляющей современного общественно-политического пространства. Так, в 13-15 октября 2021 г. прошел **Третий Евразийский женский форум** (далее – Форум) в Санкт-Петербурге³. Как отмечалось на Форуме, ситуация современных рисков и угроз требует от женских организаций, от женских элит новой активности. *«Ключевая тема третьего Евразийского женского Форума будет посвящена роли женщин в построении стабильного и безопасного будущего – «Женщины: глобальная миссия в новой реальности» приобретает особую актуальность»*.

Программа Форума предполагает обсуждение актуальных проблем современности, а именно: миссия женщин в современном мире, роль женщин в формировании *«новой повестки мира и доверия, сохранении здоровья, развитии экономики и цифровизации, а также в сохранении планеты и реализации социальных преобразований»*⁴. Тематическими новациями Форума, который дает сигнал активности всем женским организациям РФ и, собственно, мира, являются такие, как:

¹ В Москве открылся учредительный съезд новой "Единой народной партии солдатских матерей". РИА Новости. 6.11.2004 // <https://ria.ru/20041106/727197.html> (дата обращения 15.10.2021)

² Движение женщин России. Цели // <http://www.owl.ru/win/women/wmr/index.htm> (дата обращения 15.10.2021)

³ Евразийский женский форум с 2015 г. является глобальным международным событием, которое консолидирует женщин разных континентов планеты. Организаторами Третьего Форума являются Совет Федерации ФС РФ и Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ.

⁴ Женщины: глобальная миссия в новой реальности. Третий Евразийский женский форум. Совет Федерации. Росконгресс. Пространство доверия // <https://2021.eawf.ru/> (дата обращения 15.10.2021)

- как женщине стать лидером;
- как женщины могут противостоять пандемии COVID-19;
- как успешно совмещать бизнес и воспитание детей;
- как принять участие в реализации национальных проектов РФ.

Отметим проблемную новацию III Евразийского женского форума, а именно тематическую сессию **«Глобальная корпоративная ответственность в интересах женщин»**. Также прошло обсуждение перспектив разработки целевого национального проекта, посвященного именно женщинам. Среди спикеров Форума - выдающиеся женщины - деятели общества и политики международного уровня – В. Матвиенко (председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ), Г. Карелова (заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ), Т. Валова (директор отделения ООН в Женеве, заместитель Генерального секретаря ООН, Генеральный секретарь по разоружению). Как отметила председатель Совета Федерации ФС РФ В. Матвиенко, в Форуме приняли участие почти 500 участников из 110 стран¹.

Как видно, современное общественно-политическое пространство стимулирует новые активности женских элит, женских общественных объединений.

С одной стороны, они демонстрирует содержательный консерватизм, так как заботятся о неких сугубо «женских сегментах» жизни общества. Это - защита семьи, детей, здоровья людей через помощь, патронаж, воспитание, образование, благотворительность. Также это – защита прав именно женщин в части доступа к образованию, работе, карьере, досугу, к самостоятельности и самодостаточности, к экономическому и социальному успеху.

С другой стороны они демонстрируют включение в принятие и реализацию важных политических решений, касающихся стабильности, поступательного развития и прогресса, демократии. Также это – противодействие экстремизму, радикализму, агрессии и активности в достижении мира, в политике конфликтов, в продвижении техник и технологий договор, согласия на принципах гуманизма.

Как показывают многочисленные и масштабные практики женских активностей в современном общественно-политическом пространстве – российском и международном – женские движения являются важной силой, имеющей модернизационный ресурс дальнейшего развития и отклика на ведущие проблемы России и современного мира.

Список источников

1. Айвазова С. Г. Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 121–130.
2. Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века (Историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3(48). С. 3-14.
3. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике: речь на V Московской общегородской беспартийной конференции и работниц 23 сентября 1919 г. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 198-205.
4. Бабаева Л. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. М., 1996. 204с.
5. Бриджер С. Язык дискриминации – наследство перестройки российским женщинам // Гендерные аспекты социальной трансформации. Вып. 15. 1996. С. 111–127.
6. Романова Н. П., Коновалова Г.В. Женщина и власть. Чита, 2007. 240 с.
7. Мельникова Т. А. Женское движение в России: традиции и инновации. М., 2000. 181 с.
8. Ионов И. Н. Женщины и власть в России: история и перспективы // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 75–87.
9. Тимшина Е. Л. Женское движение в общественно-политической жизни современной России. Автореф... канд. ист. наук. М., 2012. 31 с.

¹ Парламентская газета // <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-na-iii-evraziyskiy-zhenskiy-forum-priedut-482-uchastnika-iz-110-stran.html> (дата обращения 15.10.2021)

References

1. Aivazova S. G. Women's movement in Russia: traditions and modernity. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 1995;(2):121-130. (In Russ.)
2. Khasbulatova O. A., Smirnova A. V. Evolution of state policy in relation to the family in Russia in the XX - early XXI century (Historical and sociological analysis). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. = Woman in Russian society*. 2008; 3(48): 3-14. (In Russ.)
3. Lenin V.I. On the tasks of the women's labor movement in the Soviet Republic: speech at the V Moscow city-wide non-party conference and female workers on September 23, 1919. *Poln. sobr. soch. = Full collection op.* (39): 198-205. (In Russ.)
4. Babaeva L. *Women of Russia in the conditions of a social turning point: work, politics, everyday life*. Moscow; 1996. 204 p. (In Russ.)
5. Bridger S. The language of discrimination - the legacy of perestroika to Russian women. *Gender-nyye aspekty sotsial'noy transformatsii = Gender aspects of social transformation*. 1996; (15): 111-127 (In Russ.)
6. Romanova N.P., Konovalova G.V. *Woman and power*. Chita; 2007. 240 p. (In Russ.)
7. Melnikova T.A. *Women's movement in Russia: traditions and innovations*. Moscow; 2000. 181 p. (In Russ.)
8. Ionov I.N. Women and Power in Russia: History and Prospects. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2000; (4): 75-87. (In Russ.)
9. Timshina E.L. *Women's movement in the social and political life of modern Russia*. Abstract of thesis ... cand. ist. sciences. Moscow; 2012. 31 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. Х. Дзахова – докт. полит. наук, проф. кафедры философии и общественных наук;
Р. М. Бурнацева – асп. кафедры философии и общественных наук.

Information about the authors

L. Kh. Dzakhova – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences;
R. M. Burnatseva – Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Social Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 11.11.2021.

The article was submitted 21.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 11.11.2021.

УКРЕПЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ

Зуриет Анзауровна Жаде

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, zhadezura@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь уровня доверия граждан к региональной власти и имиджа региона. Объектом исследования выступает Республика Адыгея. Эмпирической базой анализа являются результаты социологического исследования, проведенного в сентябре – октябре 2021 года в Адыгее. Подчеркивается, что доверие власти является важной составляющей социальной консолидации и основой стабильности регионального социума, оно гармонизирует отношения общества и институтов власти, формирует стабильность власти в долгосрочной перспективе, определяет ее легитимность, характер развития и направленность социальной интеграции. Аргументируется тезис о том, что повышение доверия является эффективным ресурсом позитивного имиджа региона. Делается вывод о необходимости применения междисциплинарного подхода при анализе взаимосвязи феноменов «имидж региона» и «доверие власти».

Ключевые слова: региональная власть, доверие к власти, имидж региона, Республика Адыгея, COVID-кризис

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31778.

Для цитирования: Жаде З.А. Укрепление доверия к власти как фактор повышения имиджа региона: на примере Республики Адыгея // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 178–183. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-178-183>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

STRENGTHENING TRUST IN THE AUTHORITIES AS A FACTOR IN IMPROVING THE IMAGE OF THE REGION: THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ADYGEA

Zuriet A. Zhade

Adyghe State University, Maykop, Russia, zhadezura@yandex.ru

Abstract: The article examines the relationship between the level of trust of citizens in the regional government and the image of the region. The object of the study is the Republic of Adyghe. The analysis is based on the results of a sociological study conducted in September – October 2021 in Adyghe. It is emphasized that the trust of the authorities is an important component of social consolidation and the basis for the stability of regional society, it harmonizes the relations of society and institutions of power, forms the stability of power in the long term, determines its legitimacy, the nature of development and the direction of social integration. The thesis is argued that a positive image of the region is an effective resource for increasing trust. The conclusion is made about the need to apply an interdisciplinary approach to the analysis of the relationship between the phenomena «image of the region» and «trust of the authorities».

Keywords: regional power, trust in the authorities, the image of the region, Republic of Adyghe, COVID-crisis.

Financial Support: The study was carried out with the financial support of RFFI and EISI as part of the scientific project No. 21-011-31778.

For citation: Zhade Z. A. Strengthening trust in the authorities as a factor in improving the image of the region: the example of the Republic of Adyghe. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):178–183 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-178-183>.

Уровень доверия населения к власти и характер восприятия имиджа регионов Российской Федерации напрямую зависят от состояния неопределенности, в которое ввергла современный социум пандемия COVID-19. Как отмечает известный ученый А.В. Торкунов, «с момента официального объявления глобальная пандемия стала неординарным и шоковым явлением для мирового сообщества и глобальной экономики. Проблема оценки последствий пандемии и поиска путей их нейтрализации является достаточно сложной и комплексной, требующей решений не только на национальном, но и на международном уровне, координации действий и согласованности решений стран и правительств, международных организаций и национальных институтов, государственных и негосударственных структур, общественной поддержки и солидарности в обществе» [1, с. 8].

В условиях пандемического кризиса динамика рыночной экономики особо требует от каждого региона активного привлечения инвестиций. В этой связи конструирование позитивного имиджа региона и брендинг территорий являются важной задачей государственных органов региональной власти. Обозначенная проблема активно обсуждается в экономической науке, представителями которой предложены оригинальные пути повышения доверия к региональной власти [2].

В последние два года, в связи с COVID-кризисом, в России остро встала проблема развития внутреннего туризма. Привлечение туристических потоков в российские регионы стало не только задачей подъема туристической индустрии, но и масштабной задачей правительства РФ и региональных органов власти. Важным инструментом решения этой задачи является разработка и реализация эффективной имиджевой стратегии регионов в коммуникативном пространстве. Целенаправленно данный конструкт создается региональными правительствами и размещается на официальных сайтах. В этих имиджевых конструктах делается акцент на привлекательные характеристики, адресованные разным потребителям – бизнес-сообществу, широким слоям населения, которое рассматривается как потенциальный туристический поток. Для бизнес-структур освещается инвестиционный климат региона, успехи в экономике, предпринимательская активность населения; для потенциальных туристов – природные и историко-культурные особенности региона.

В данном контексте остановимся на реалиях Республики Адыгея, недостаточно развитый туристический кластер которой в сравнении с курортами и туристическими комплексами соседних регионов (Краснодарского края, Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии) требует поиска уникальных характеристик, способных снизить эти недостатки. Одним из инструментов такого поиска может стать анализ качества и имиджа регионального управления.

Как известно, разработка стратегии регионального развития и формирование имиджа региона является первоочередной задачей институтов власти. «От понимания и осознания важности реализуемой стратегии устойчивого развития региона представителями государственной и муниципальной власти в значительной степени зависят эффективность создания позитивного образа региона, положительная репутация, финансово-экономические, политические и социокультурные составляющие регионального развития» [3, с. 168]. Исходя из этого положения, в данной статье проанализируем укрепление доверия к власти как фактор повышения имиджа региона.

Эмпирическая база исследования. С целью определения степени доверия населения органам власти в условиях COVID-кризиса исследовательским коллективом Адыгейского государственного университета в сентябре-октябре 2021 года проведен социологический опрос в Республике Адыгея (N=508). В качестве эмпирических объектов выступило население четырех муниципальных образований республики: города Майкоп (39,8%) и трех районов: Красногвардейский (15,7%), Тахтамукайский (20,1%) и Теучежский (24,4%). Основным инструментарием является стандартизированная анкета, пригодная для личного анкетирования и применяемая в Google Forms с анонимным заполнением респондентами. Опрос проведен по квотно-пропорциональной выборке по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Результаты исследования. За отправную точку анализа приняты итоги исследования, в основе которых лежат ответы респондентов на вопрос «Доверяете ли Вы следующим органам, структурам, институтам в условиях пандемии?». Данные показывают, что Главе Республики Адыгея доверяют 59,1% (суммарный) респондентов, не доверяют (19,8%) (суммарный), затруднились ответить (20,8%) (таб. 1).

Согласно полученным результатам, среди институтов власти наибольшим доверием у населения пользуются правоохранительные органы (21%), чуть меньше доверия вызывают у респондентов исполнительные (20,4%) и законодательные органы власти (19,4%), администрация города/села (19%). В наименьшей степени население доверяет общественным организациям (18,3%), далее средствам массовой информации (15,3%) (таб. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Доверяете ли Вы следующим органам, структурам, институтам в условиях пандемии?», (в %)

Table 1 – Distribution of answers to the question: "Do you trust the following bodies, structures, institutions in pandemic conditions?", %

Варианты ответа	полностью доверяю	скорее доверяю	скорее не доверяю	не до- веряю	затрудняюсь ответить
Президенту РФ	25,9	27,9	16	9,6	20,8
Главе региона	27,1	32	12,4	7,4	20,8
Исполнительным органам власти региона	20,4	27,6	18,3	8,6	20,8
Законодательным органам власти региона	19,4	27,6	18,7	8,8	21,2
Администрации города/села	19	33	17,7	8,4	21,6
Правоохранительным органам	21	33,2	15,7	8,8	21
Организациям здравоохранения	20,4	33	16,1	10,6	19,6
Общественным организациям	18,3	34,2	16,5	8,8	22
СМИ	15,3	31,1	21	11	21,4

Сравнительный анализ этих показателей с результатами аналогичного социологического исследования, проведенного нами в 2020 году, позволяет утверждать, что уровень доверия населения к руководителю региона, составлявший 71,2%, снизился на 12,1%. На наш взгляд, это является свидетельством того, что в условиях продолжающегося кризиса «для обеспечения безопасности и защиты населения органы публичной власти вынуждены были пойти на жесткие меры по сдерживанию распространения инфекции, многие из которых были сопряжены с ограничениями прав человека» [4, с. 37-38]. Органы власти республики при столкновении с пандемией ввели профилактические меры, сходные с таковыми в остальных регионах: карантин, перевод школьников и студентов на дистанционное обучение, перевод граждан на удаленную работу, временное закрытие для посещения учреждений культуры, временное закрытие для посещения верующими религиозных учреждений, режим нерабочих дней, режим повышенной готовности и самоизоляции, масочный и пропускной режимы, мобилизация системы здравоохранения.

Один из вопросов, который нас интересовал в ходе социологического исследования, связан с восприятием населением общей ситуации в республике в период «третьей волны» пандемии. 12,6% респондентов полагают, что ситуация значительно улучшилась; 23,2% выбрали ответ, что не изменилась, по мнению 20,3%, стала несколько лучше; 12% считают, что стала несколько хуже; 24,2% – затруднились ответить. Вариант «значительно ухудшилась» выбрали 7,7% респондентов. (рис. 1).

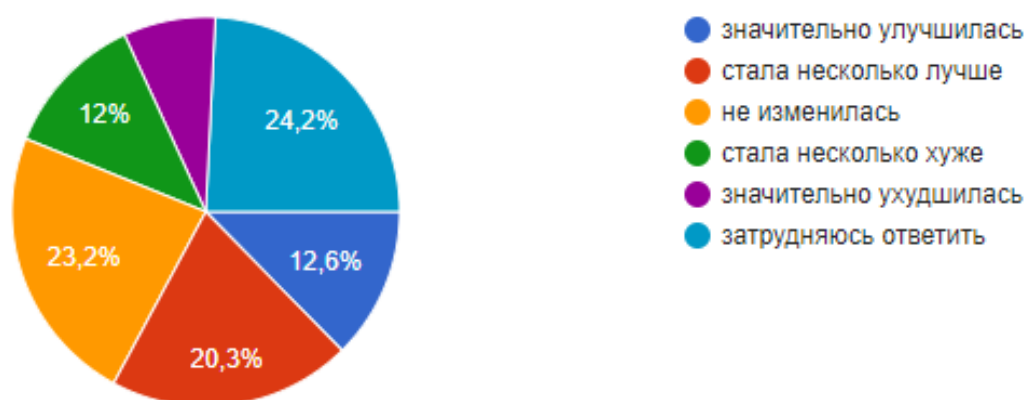

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, общая ситуация в Вашем регионе за последние полгода улучшилась или стала хуже?»

Fig. 1. The distribution of answers to the question "In your opinion, has the general situation in your region improved over the past six months or has it become worse?"

Представляется, что такая оценка текущей ситуации в республике связана с принятыми ограничительными мерами для населения, которые, в свою очередь, усугубили существующие и породили новые социальные и экономические проблемы, начиная с кризиса во многих отраслях экономики. Как указывает Н. В. Варламова, «при пандемии «уровень чрезвычайности ситуации» проявляется по-разному в различных регионах страны, что требует децентрализации управления, вовлечения в него региональных органов власти и институтов гражданского общества. При этом установление необходимых ограничительных мер на региональном уровне очень часто входит в противоречие с конституционными гарантиями прав и свобод человека, которые не могут корректироваться региональными властями, что «размывает» конституционный порядок» [5, с. 17]. Тем не менее, на наш взгляд, ограничительные мероприятия, связанные с самосохранительным поведением граждан, являются целесообразными, поскольку направлены на снижение риска от распространения пандемии.

Одно из направлений проведенного прикладного исследования связано с оценкой деятельности республиканской власти в разных сферах общественной жизни. Опрошенное население указывает, что на достаточно высоком уровне работа организована в культурной области (24,8%), затем в обеспечении безопасности (18,1%), далее в системе образования (17,5). По мнению 20,5% респондентов, в экономической сфере работа очень плохо ведется (таб. 2).

**Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос:
«Оцените, пожалуйста, работу органов власти Вашего региона, проводимую
в различных областях за последние полгода» (в %)**

Table 2 – Distribution of answers to the question: "Please assess the work of the authorities of your region carried out in various areas over the past six months" (%)

Варианты ответа	работа очень плохо ведется	работа организована на высоком уровне
экономика	20,5	13,2
социальная сфера	15	17,1
образование	15,3	17,5
здравоохранение	23	13,6
безопасность, работа правоохранительных органов	16	18,1
культура	12,2	24,8

Кризис, вызванный пандемией, стал своеобразным стресс-тестом для всей системы государственного управления, в том числе и региональной. Как показано на рисунке 2, только 12,6% опрошенных жителей республики полностью удовлетворены действиями органов власти, скорее удовлетворены (39,4%), скорее не удовлетворены (19,9%), полностью не удовлетворены (6,6%), затруднись ответить (21,5%). Как видно, суммарно больше половины респондентов поддерживает деятельность региональной власти. Во время пандемии, как и в других кризисных ситуациях, формируется запрос на новые формы взаимодействия органов власти и общества. В текущей ситуации государственные органы власти республики при реализации региональной политики стали уделять существенное внимание координации действий с гражданами.

Следует согласиться с коллегами в том, что «COVID-19, распространившийся более чем в 200 странах, имеет огромные последствия для экономики как отдельных стран, так и всего мира. Меры государственной политики, принимаемые в отдельных странах, с целью сглаживания экономических издержек пандемии могут иметь значительные негативные последствия в долгосрочной перспективе» [6, с. 554]. Действительно пандемия внесла особые коррективы в деятельность органов власти, которым безотлагательно пришлось вводить новые механизмы принятия управленческих решений, чтобы эффективно и результативно реагировать на критическую ситуацию.

Таким образом, доверие к власти играет важную роль в повышении имиджа региона. Доверие власти на региональном уровне является важной составляющей социальной консолидации и основой стабильности общества, оно гармонизирует отношения общества и институтов власти, формирует стабильность власти в долгосрочной перспективе, определяет ее легитимность, характер развития и направленность социальной интеграции.

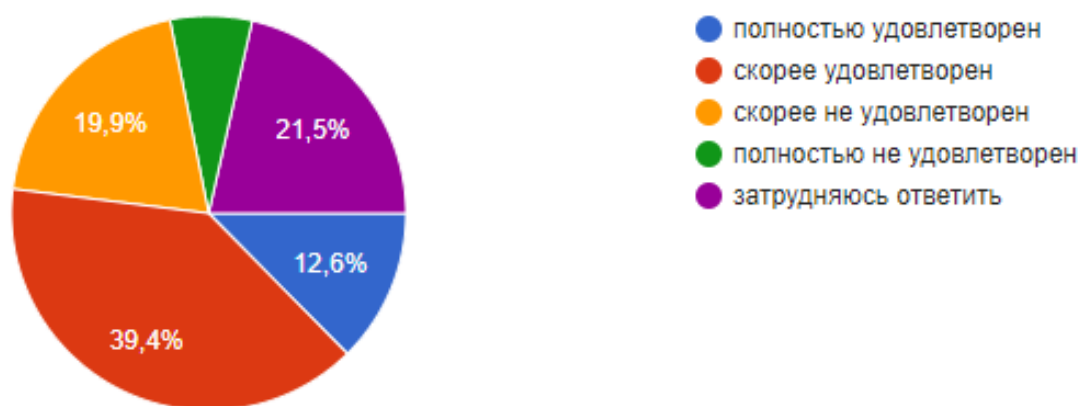

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос
«Если говорить в целом, то лично Вы удовлетворены действиями органов власти
в городе (районе), где Вы живете?»

Fig. 2. The distribution of answers to the question "In general, are you personally satisfied
with the actions of the authorities in the city (district) where you live?"

Повышение привлекательности и узнаваемости Республики Адыгея, которые являются основными характеризующими признаками ее имиджа, зависит в значительной степени от скоординированной и целенаправленной имиджевой политики, реализуемой властными структурами. Успешность реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея напрямую связана с укреплением доверия граждан к власти.

Исследование взаимовлияния и взаимозависимости имиджа региона и доверия власти имеет особый практический потенциал, поскольку дает возможность объяснить институциональные процессы во всех сферах общественной жизни. Данный анализ должен основываться на междисциплинарном подходе, необходимость использования которого объясняется многогранностью феноменов «имидж региона» и «доверие власти».

Список источников

1. Торкунов А.В. Как будем выходить из эпидемиологического кризиса? Пытаемся ответить // Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / Под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова. М.: Издательство Аспект Пресс, 2021. С. 7-10.
2. Отвагина И.Е., Брокерт А.В. Повышение уровня доверия к власти как фактор укрепления бренда территории в условиях информационно-цифровой экономики // Экономика и предпринимательство. 2020. № 11. С. 533–536.
3. Дроздова Ю.А. Имидж региона: коммуникативные аспекты определения, структурирования и продвижения // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 4. С. 165-171.
4. Савенков А.Н. Обеспечение прав человека как составляющая национальной безопасности в условиях пандемии COVID-19 // Защита прав человека в условиях распространения новой коронавирусной инфекции: теория и практика. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. С. 37–47.
5. Варламова Н. В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 17–30.
6. Дробот Е.В. Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. 2020. Том 10. № 4. С. 937-960.

References

1. Torkunov A. V. *How will we get out of the epidemiological Crisis? Trying to respond. The COVID-19 pandemic: Challenges, Consequences, Counteraction*. Edited by A.V. Torkunov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2021: 7-10. (In Russ.)
2. Bravagina I. E., Brokert A. V. Increasing the level of trust in the authorities as a factor of strengthening the brand of the territory in the conditions of the information and digital economy. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2020; (11): 533-536. (In Russ.)
3. Drozdova Yu.A. Image of the region: communicative aspects of definition, structuring and promotion. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Right*. 2014;(4):165-171. (In Russ.)
4. Savenkov A. N. Ensuring human rights as a component of national security in the context of the COVID-19 pandemic. Protection of human rights in the context of the spread of a new coronavirus infection: theory and practice. Moscow: Publishing Center of the O. E. Kutafin University (MSLA), 2021:37-47. (In Russ.)
5. Varlamova N. V. The COVID-19 pandemic as a challenge to constitutional law and order. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2020;(6):17-30. (In Russ.)
6. Drobot E. V. The world economy in the context of the COVID-19 pandemic: the results of 2020 and prospects for recovery. *Ekonomicheskie otnosheniya = Economic relations*. 2020;10(4):937-960. (In Russ.)

Информация об авторе

З. А. Жаде – докт. полит. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права и политологии.

Information about the author

Z. A. Zhade – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law and Political Science

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 18.11.2021.

The article was submitted 29.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 18.11.2021.

Научная статья

УДК [323.1(1-87)+325](28)

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-184–192

**«ТЕКУЧЕЕ» РАЗМЫВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
МУСУЛЬМАНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ
КАК ВЫЗОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ИНТЕГРАЦИИ**

Шамиль Равильевич Кашаф^{1, 2}

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

²Казанский федеральный университет, Казань, Россия,

Kashaf@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния процессов глобализации и сопровождающих ее миграционных движений из мусульманских регионов в страны западной цивилизации на дезинтеграцию гражданского (политического) сообщества, сложившегося в условиях глубокого духовного кризиса и разъединения Европейского сообщества. Подчеркивается, что с приходом глобализации усилившиеся расовые, этнические и религиозные идентичности приобрели еще большее значение в преломлении через призму политической идентификации индивидов с политическим сообществом как политической нацией. Одновременно с этим в идентитарном пространстве европейской постсекулярности активизируется «Мы-дискурс» мусульманских меньшинств в Европе, который артикулируется приверженцами ислама при наличии множественных идентичностей. Важной компонентой дискурсивной борьбы становится историко-культурный нарратив мусульманских интеллектуалов, принимающий форму «битвы за идентичность». В этих условиях национальная идентичность, рассматриваемая демократическими странами, которые уже не могут оставаться этнически и культурно однородными, в качестве важного ресурса эволюции национального государства испытывает на себе давление со стороны отрицательных внешних воздействий. Это актуализирует необходимость проведения политическими акторами государственной политики идентичности, способной обеспечить укрепление гражданского единства в социуме. Делается вывод о том, что европейские модели выстраивания взаимоотношений тех групп населения, которые позиционируют себя как исторически сложившееся большинство, с миноритарными сообществами носителей мусульманской идентичности, не демонстрируют своей высокой эффективности, а отсутствие реального диалога и социально-политической интеграции мусульман-мигрантов в «принимающее сообщество» способно привести к еще более серьезному цивилизационному отчуждению инокультурных и иноконфессиональных элементов.

Ключевые слова: мусульмане, Европа, ислам, политическая интеграция, иммиграционные стратегии, нациестроительство, мультикультурализм

Для цитирования: Кашаф Ш. Р. «Текущее» размывание национальной идентичности: мусульманская иммиграция как вызов европейской политике интеграции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 184–192. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-184-192>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

**"CURRING" EROSION OF NATIONAL IDENTITY: MUSLIM IMMIGRATION
AS A CHALLENGE TO EUROPEAN INTEGRATION POLICY**

Shamil R. Kashaf^{1, 2}

¹Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

²Kazan Federal University, Kazan, Russia,

Kashaf@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>

Abstract. The article discusses specific features of the influence of the globalisation process and the migration movements from Muslim regions to the Western countries on the disintegration of the civil (political) community. This process has developed at the time of spiritual crisis and further disintegration

of the European Community. With the advent of globalisation, increased racial, ethnic and religious identities have become even more important within the framework of political self-identification of individuals with a certain political community as a political nation. At the same time, the "We Discourse" of Muslim minorities in Europe becomes more intense in the identity space of European post-secular society. The Islamic people articulate this fact through their multiple identities. An integral component in the self-identification of Islamic intellectuals becomes their historical and cultural narrative, which often takes the form of an "identity battle". The national identity as considered by the democratic countries (no longer ethnically and culturally homogeneous) ceases to be a crucial resource for the development of the nation-state. It experiences the often negative pressure from external influences. This fact makes actual the need for "political actors" to pursue an identity policy that can strengthen the civil unity in society. It is obvious that the old European models of relationship construction between the population groups, which constitute historical majorities with the minority communities of Muslim identity are no longer effective. The lack of dialogue and socio-political integration of Muslim migrants into the "host community" can lead to even more serious civilisational alienation of foreign cultural and foreign religious elements.

Keywords: Muslims, Europe, Islam, political integration, immigration policy, nation-building, multiculturalism

For citation: Kashaf Sh. R. "Curring" erosion of national identity: Muslim immigration as a challenge to European integration policy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):184-192. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-184-192>.

Введение

Существование мира более открытым, прозрачным и взаимозависимым, сопровождаемое бурным развитием наднациональных и трансграничных связей, приводит к тому, что «общества XXI в. уязвимы, и уязвимость в тенденции растет» [1, с. 82]. С этой новой реальностью, когда под влиянием глобализации и неослабевающих миграционных потоков из мусульманских регионов с высокой рождаемостью (Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Центральная и Южная Азия) происходит размывание гражданской национальной идентичности, сегодня вынуждены считаться практически все европейские страны. Реагируя на новые вызовы, их правительства заняты поисками более защищенных и устойчивых идентификационных оснований.

Встречающиеся в литературе трактовки концепта национальной идентичности актуализируют в нем, в первую очередь, идентификационные основания национально-государственного сообщества, в котором превалирует коллективное самосознание его граждан, считающих себя частью, членами, такого сообщества [2, с. 80]. О национальной идентичности говорят также как о маркере, указывающем на принадлежность человека к той или иной нации – политическому сообществу, являющемуся по сути своей «воображённым» (по Бенедикту Андерсону). «Члены даже самой маленькой нации, – пишет он, – никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности» [3, с. 31]. Глобализация и здесь выступила тем «спусковым крючком», который вовлек в борьбу за национальную идентичность большие группы людей, которые ранее желали самоопределяться, предпочитая рамку примордиального этнического национализма. Примеры борьбы за право на национальное самоопределение со стороны различных этнических групп вдохновили на «битвы за идентичность» членов религиозных конфессий и деноминаций.

С приходом глобализации расовые, этнические, религиозные идентичности не только не утратили своего смысла, напротив, приобрели еще большее значение в преломлении через призму политической идентификации индивидов с политическим сообществом как политической нацией. Именно нации, в которой Э. Ренан в 80-е гг. XIX в. прозорливо узрел «духовную семью», оказывается под силу рождать «настолько сильную политическую солидарность, что перед ней отступают важнейшие этнокультурные различия между людьми» [4, с. 101]. Выступив главным носителем *национальной идентичности*, нация – независимо от того, является ли она этнической или гражданской по своему происхождению – нуждалась, как представлялось Э. Ренану, в «повседневном плебисците» [4, с. 102]. Но поскольку «идентичность не существует как что-то данное (*taken-for-granted*), а воспроизводится в социальных взаимодействиях» [5, с. 11], за ее переопределение социальные акторы ведут дискурсивную борьбу, принимающую форму «борьбы за идентичность». Иного не дано, поскольку, конечно же, если прав Чарльз Тилли, «идентичности всегда нуждаются в подтверждении, всегда зависят от обстоятельств, всегда представляют собой результат переговоров (*negotiable*)» [6, p. 608].

Ассимиляция инокультурных меньшинств: дебаты об идентичности

В глобализирующемся мире особенно интенсивные дискуссии о национальной идентичности как ресурсе гражданского единства развернулись «в форме дебатов об идентичности» (А. Турен). На авансцену политики и социальной жизни, прежде всего в западноевропейских странах, выступили проблемы размывания национальной сплоченности государств, ослабления традиционных авторитетов, упадка главной религии (об этом подробнее см.: [7]). К ним также добавились вызовы растущего инокультурного и иноконфессионального меньшинства, образовавшегося вследствие многомиллионной иммиграции представителей мусульманской уммы¹ из развивающихся стран, и в основном не предрасположенного к ассимиляции, проблемы политизации социокультурных различий.

Вполне естественно, что в центре оживленных споров оказался и вопрос о том, какие акторы драматичного идентификационного процесса генерируют сегодня значимые для национально-государственного сообщества образы и смыслы, параметры его эволюции в глобальном социально-политическом контексте, а также влияют на готовность граждан участвовать в национальном развитии при всей широте идентификационных ориентиров и индивидуальных поведенческих моделей.

Как мы уже отметили, правительства большинства стран Западной Европы, которые до недавнего времени имели устоявшиеся традиции моноэтнических и моноконфессиональных сообществ, а сейчас оказались в ситуации «принимающих обществ», вбирающих в себя носителей западных цивилизационных ценностей и проводников инокультурных влияний (по большей части – это трудовые мигранты из числа приверженцев ислама), в начале 2000-х гг. посчитали необходимым пересмотреть собственные стратегии сохранения своей идентичности. Впрочем, эти попытки завершались не всегда успешно.

По выражению Ж. Бодрийяра, если Соединенные Штаты Америки – это «оригинальная версия современности», то Европа – ее «версия с субтитрами» [8]. Сравнение французского философа, на наш взгляд, вполне приложимо к казусу той ассимиляционной модели, применявшейся на протяжении долгого времени в отношении мигрантов западноевропейскими странами (по примеру Канады, затем Австралии, США и других стран со значительным уровнем иммиграции), которая, однако, так и не сумела при встрече с мусульманской идентичностью превратить ее в очередной «плавильный тигель». Поэтому с 1980-х гг. культурная европолитика строилась на принципе «интеграции без ассимиляции», который, в свою очередь, базировался на доктрине мультикультурализма [9, с. 186].

В свою очередь и мультикультурализм (от английского «*multiculturalism*») как концепцию парадигмы общественного развития, признающую культурное разнообразие современного общества и необходимость сохранения этнорелигиозными меньшинствами своей культурной идентичности, постигла судьба общеевропейского разочарования. Концепт мультикультурализма пополнил собой ряд самых спорных понятий современного политического дискурса и публичной политики. «Проблемы регулирования иммиграции и интеграции иммигрантов, политики идентичности в отношении коренных («первых», в политкорректной терминологии мультикультуралистской доктрины) народов, обеспечения культурных прав и политических требований автохтонных этнических групп и национальных сообществ в составе национального государства сплелись в клубок вызовов и угроз, чреватых размыванием национальной идентичности» [10, с. 163].

Изменению в последние годы тональности публичного дискурса на Западе способствовали и кризисные явления, постигшие социальные государства. Западный мир приобрел непостоянность и неуверенность в качестве постоянных и устойчивых атрибутов. Неслучайно эпоху Нового времени один из крупнейших мировых политических философов и социологов Зигмунт Бауман предложил описывать в терминах «*текучей современности*» (*liquid modernity*), называя ее самой важной чертой *ненаправленности перемен*. Сегодня становится, «как никогда, сложно сказать о том, что происходящие перемены имеют какое-то заранее определенное направление, – обосновывает свою мысль ученый, – они застают нас врасплох, мы их не ожидаем и не предвидим» [11]. Другим эффектом текучей современности для Европы стал страх – и он «тоже текучий». «Мы не знаем, – поясняет З. Бауман, – откуда он прибывает, он вытекает откуда-то, но мы не можем найти источник, мы не можем противодействовать накоплению такого страха...» [11].

Кроме того, европейский публичный дискурс стал избыточно напряженным вследствие пересмотра критериев к оцениванию пределов личной и общественной безопасности. Он приобрел

¹ «Умма [أمة] араб.] Мусульманское сообщество, община. В переводе с арабского означает общину вообще (не обязательно мусульманскую)». См.: Словарь мусульманских терминов. URL: <https://dum-spb.ru/slovar-musulmanskih-terminov> (дата обращения: 10.01.20202).

понижительный тренд под натиском испуга от угроз терроризма, религиозного фундаментализма и участвовавших проявлений нетерпимости представителей разных групп по отношению друг к другу. Все эти факторы вместе с миграционными потоками влились в городскую жизнь европейцев с ее неизменной составляющей в виде повсеместного присутствия незнакомцев как неиссякаемого источника тревоги и агрессивности, обычно пребывающей в полусонном состоянии, но иногда все же прорывающейся наружу. Накопленные бессознательные страхи перед неизвестностью отчаянно стремятся вовне; чуть ли не единственным способом освобождения от них становятся «чужаки», в ком напуганным обществом олицетворяется все «незнакомое» [12, с. 43].

По свидетельству известного французского политолога Доминика Муази, атмосфера сильного беспокойства европейцев «оборачивается представлением о захвате мусульманским миром Европы, в котором пришлые чужаки занимают ведущие демографические и религиозные позиции», при этом сам Старый Свет превращается в «Евразию» [13, с. 112]. Запад назначил «чужаками» арабов и мусульман, которые «превратились в заложников культуры унижения» [14, с. 8].

Инокультурная идентичность мусульман: драйвер «текущего» страха

Следует отметить, что в немногочисленной литературе, рассматривающей причины паники Запада перед инокультурной идентичностью мусульман, открыто говорится о глубинных интересах и той роли, исполняемой акторами (движущими силами, субъектами политической и социальной деятельности), выступающими в защиту прав граждан, кого Иммануил Валлерстайн объединяет общим понятием *«те кто уже здесь живет»* [15]. Именно последние оказываются перед необходимостью предоставлять продолжающей прибывать в развитые западные страны неквалифицированной рабочей силе «третьего мира» справедливый доступ к общественным ресурсам.

По наблюдению канадского ученого Уилла Кимлики, в западных демократических странах с более чем двухсотлетним опытом ассимиляции «иммигрантских групп» иммигранты не оказывают сопротивления нацистроительным кампаниям большинства, нацеленным на интеграцию их в большее общество. Однако то, чего они сейчас добиваются, – это договориться об изменениях условий интеграции, с помощью которых бы им позволяли сохранить некоторые из их старинных обычаев, касающихся еды, одежды, отдыха, религии, и объединяться друг с другом для поддержания этих обычаев [16, с. 448]. Мобилизация иммигрантских групп под знаменами сепаратистских движений или националистических политических партий, революционных движений, ставящих целью свержение легитимной власти, практически минимальна.

Однако политики популистского толка, используя недовольства *тех, кто уже здесь живет*, через свои парламенты и прессу «взывают к национальной идентичности и отождествляют иммигрантов с угрозой западной или даже иудеохристианской цивилизации» [17, с. 22]. Их призывы, прежде всего, воспринимаются той стратой населения, которая в большинстве своем представлена маловлиятельными низшими классами. Эта социальная группа оказывается одинаково восприимчивой как к рассуждениям ультраправых националистов об угрозе утраты национальной идентичности государством, в котором излишне «заметными» становятся иммигранты и их потомки, так и к заявлениям популистов от «левых» партий, в которых – на это указывают, в частности, Р. Сапата-Барреро [18] и В. Гиравон [19, с. 263–282] – трудности воплощения в жизнь идеи социального государства зачастую объясняются негативным влиянием обрушившейся на Европу иммиграции.

Питательную почву для недовольства создает, прежде всего, усталость *тех, кто уже здесь живет* от неравенства «разобщенного общества», в котором при имеющейся положительной экономической динамике прогрессирует разрыв между пользующимися плодами растущей экономики Запада и теми, для кого доступ к ним серьезно ограничен. Проблема опасности устойчивого неравенства для широкой демократизации и необходимости в связи с этим изменений в отношениях неравенства и в публичной политике исчерпывающе изложена в трудах Ч. Тилли. Проницательный теоретик и знаток политической истории Западной Европы для описания механизмов порождения неравенства использует понятия *эксплуатация*, а также *узурпация*, *накопление возможностей* [20, с. 138].

В первом случае действие механизма обнаруживается тогда, когда лица, сами или объединившись, взяв под свой контроль ресурс, оказываются в состоянии направить во благо себе плоды чужого труда, лишая их создателей возможности самим распоряжаться тем результатом, который возник посредством этого ресурса и их трудовой деятельности.

Во втором случае неравенство возникает вследствие распоряжения ресурсом только членами одной закрытой группы, узурпировавшей источник материальных ценностей. «В западных политических

режимах категориальные различия по принадлежности/непринадлежности к родовой знати, вероисповеданию, полу, расе, национальности и владению собственностью стали основой неравенства в правах и обязанностях» [20, с. 145], – заключает Ч. Тилли.

Сформулировать свою оценку западному паттерну касательно инокультурных оппонентов в середине 1990-х гг. попытался генеральный секретарь Организации Исламская конференция (ОИК) Экмеледдин Ихсаноглу, руководитель крупнейшей межправительственной организации, которая представляла с 1969 г. мусульманский мир. Так, выступая на конференции «Отношения между европейской и исламской культурой и положение мусульман в Европе», организованной Министерством иностранных дел Швеции в 1995 г. в Стокгольме, Э. Ихсаноглу заявил о том, что имеющийся конфликт носит не межрелигиозный или межкультурный характер, но он лежит в плоскости разных политических мотивов и экономических интересов [21].

Позицию видного исламского общественного деятеля могли бы, предположим, разделить многие участники дискуссий, посвященных объяснению причин нарастающей конфликтности. Как утверждает У. Кимлика, «в реальности политика почти всегда есть дело и идентичностей, и интересов. Вопрос всегда в том, *какие* интересы и идентичности поддерживаются» [16, с. 414]. За густо окутанным лицемерием вопросом о «мигрирующих идентичностях» проглядывают политико-экономические интересы тех, кого И. Валлерстайн причисляет также к виновникам эскалации кризиса идентичности. По его мнению, в свободном перемещении рабочей силы не заинтересованы «либералы-рыночники», прежде всего, по двум причинам. Во-первых, для более обеспеченных регионов «это было бы политически крайне непопулярно», и, во-вторых, «это подорвало бы всю мировую систему неодинаковой оплаты рабочей силы, имеющую важнейшее значение для максимизации прибыли на глобальном уровне» [15]. В результате решение проблем экономики неэкономическими средствами с готовностью возлагают на себя примыкающие к популистским движениям политики, некоторые из которых, по словам Э. Де Фреде, умело раздувают и эксплуатируют эти чувства, разжигая злобу и недоверие к «чужакам» [17, с. 22–23].

Вывод о том, что мультикультурный подход в Западной Европе изначально и не предполагал достижения культурного компромисса в качестве фундамента для формирования общего блага, содержится и в работах современных российских авторов. Не имевшая в реальности такой цели политика «мультикультурализма», будучи заимствованной из практики неевропейских государств для создания видимости поликультурного диалога и снижения общей напряженности, оказалась весьма далека от того, чтобы «интегрировать общество на почве конструктивного политического объединения равнозначных и равноценных культурных групп посредством включения их в диалог по поводу определения общего блага» [22, с. 27].

Не отсюда ли исходят участившиеся запреты на присутствие атрибутов исламской идентичности в публичном пространстве (Франция, Бельгия), карикатурные скандалы с изображением почитаемого у мусульман пророка Мухаммада в Европе, референдум о возведении минаретов в Швейцарии, результаты которого некоторыми европейскими министрами и парламентариями были восприняты как «четкий сигнал: да – колокольням, нет – минаретам», в целом рост антиисламских настроений в европейских странах? Все это «свидетельства системных сбоях в политике интеграции и адаптации иммигрантов в рамках мультикультурной модели» [23, с. 180].

Можно ли эффективно перенастроить систему, корректируя западноевропейскую политику идентичности с учетом позитивно-умеренной позиции той части исламской общины, которая сознательно называет себя мусульманами стран Запада, тем самым подчеркивая, что одновременно принадлежит и к исламской, и к западной цивилизации? Положительный ответ на этот вопрос, пожалуй, содержится в работах Тарика Рамадана, с которым автор настоящих строк имел возможность познакомиться лично во время визита профессора Оксфордского университета в 2015 г. в Москву для презентации изданной им в России новой книги «По стопам Пророка: Уроки из жизни Мухаммада»¹.

Сторонник подхода, согласно которому считается, что ислам – един, но культур – множество, Т. Рамадан (см., например, его работы [24, 25]), предлагает говорить о европейском, канадском, американском, западном исламе, относя «европейскость» и «западность» к культуре, оставляя неизменными исламские принципы. Будучи убежденным, что приверженец ислама, в котором «есть место и единению, и многообразию», может быть «носителем канадской культуры и при этом быть мусульманином по вероисповеданию, и в этом нет никакого противоречия, потому что это заложено

¹ Тарик Рамадан вошел в Международный редсовет журнала «Ислам в современном мире» // Совет муфтиев России : официальный сайт. URL: <https://muslim.ru/articles/279/14214> (дата посещения 05.11.2021).

в правовой традиции ислама»¹. (Мысль, которая органично вписывается в дискурс религиозного исламского истеблишмента в России, отстаивающего традиционные ценности своей веры.)

Высказанное в середине 1990-х гг. Э. Ихсаноглу соображение о политической и экономической подоплеках конфликтной идеологии, навязываемой народам разных религий или культур, не утрачивает веских оснований и в текущем столетии. Крайне тревожившие исламского лидера тенденции политизации борьбы против ислама в сочетании с дискредитацией самой молодой из мировых религий были артикулированы Э. Ихсаноглу на Международном экономическом саммите России и стран Организации исламского сотрудничества (ОИС) в 2013 г. «Создается впечатление о том, что отдельные политические партии и движения соревнуются в ненависти к Исламу², – заявил Э. Ихсаноглу на форуме KazanSummit-2013. Упрек главы ОИС прежде всего был обращен в сторону М. Ле Пен, лидера партии «Национальный фронт», участвовавшей в качестве кандидата в президенты Франции на выборах 2012 г. Два года ранее она сравнила рост числа мусульман, молящихся на улицах городов Франции, с нацистской оккупацией³.

Важно прояснить: скрываются ли за антиисламскими эскападами западных политиков чувственные переживания по поводу утраты национальной идентичности, вынуждающие их идти на оскорбительный для многих – и не только для мусульманского меньшинства – «конфликт эмоций» (по Д. Муази)? Или же все-таки наружу прорывается агрессия «текущего страха», разряжаемая на «чужаков» (по З. Бауману) и более всего спровоцированная состоявшимся расставанием с прежней эпохой повсеместного западного доминирования и господства?

Из предложенных вариантов, как видится, возможно утверждение как того, так и другого ответа. Ведь С. Хантингтон еще в 1994 г. в рамках известной дискуссии вокруг цивилизационной модели отвечал своим оппонентам: «Западное могущество в форме колониализма и американская гегемония в XX в. распространили западную культуру почти по всему современному миру. Европейский колониализм позади; американская гегемония отступает» [26, с. 55]. Влияние «ушедшей натуры» исторического прошлого европейских держав, державших в колониальной зависимости мусульманские страны, стойкое стремление ввести в ограниченные рамки участие мусульман в общественно-политической жизни страны (см. в: [27]), сегрегирование мусульманских общин под давлением большинства, состоящего из тех, кто уже здесь живет, сегодня отдается растущей угрозой национальной идентичности и внутренней стабильности западных обществ вследствие превращения инокультурной и иноконфессиональной иммиграции в фактор социальной и внутривнутриполитической жизни.

Сказанное вполне коррелирует с тем, что в 2013 г. было заявлено В. В. Путиным на Международном дискуссионном клубе «Валдай». «В европейских, да и в ряде других стран так называемый мультикультурализм – во многом привнесённая, искусственно сверху внедряемая модель – ставится сейчас под сомнение, и понятно почему. Потому что в основе лежит своего рода плата за колониальное прошлое»⁴, – подчеркнул президент России.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время национальная идентичность рассматривается демократическими странами как важный ресурс эволюции национального государства, способный придать его развитию устойчивый характер, менее подверженный отрицательным внешним и внутренним воздействиям процессов глобализации. В условиях становящейся прозрачности, открытости и взаимозависимости мира подавляющее большинство развитых стран уже не могут оставаться этнически и культурно однородными, что актуализирует необходимость проведения политическими акторами соответствующей политики идентичности, направленной прежде всего на укрепление гражданского единства в социуме.

Оказавшиеся неэффективными европейские модели взаимоотношений тех групп населения, которые позиционируются как исторически сложившееся большинство, с миноритарными сообществами, значительная часть которых в Европе представлена носителями мусульманской идентичности,

¹ Tariq Ramadan: Western Muslims Beyond Integration // URL: <http://www.onislam.net/english/reading-islam/living-islam/456016-tariq-ramadan-western-muslims-beyond-integration.html> (дата обращения: 04.07.2021).

² Э. Ихсаноглу: «Нарастают тревожные тенденции политизации борьбы против Ислама» // Ислам сегодня: сайт. 2013. 9 октября. URL: http://islam-today.ru/islam_v_rossii/eixsanoglu_narastayut_trevozhnye_tendencii_politizacii_borby_protiv_islama (дата обращения: 04.07.2021).

³ Marine Le Pen: Muslims in France «like Nazi occupation» // The Telegraph. 12.12.2010. (дата обращения: 05.07.2021).

⁴ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сентября.

в отсутствие реального диалога и социально-политической интеграции приводят к серьезному цивилизационному отчуждению инокультурных и иноконфессиональных элементов.

Производимая иммигрантскими «закапсулированными» общинами на Западе дискурсивная борьба в публичной сфере, часто сводимая к артикулированию политических требований, определенным образом отличается высокой степенью политизированности. Которая, как следует признать, в ближайшей перспективе будет только нарастать.

Список источников

1. Шейнис В. Л. Конец знакомого мира. *Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса*. (под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина). М.: ИМЭМО РАН, 2012.
2. Семененко И. С. Национальная идентичность. *Политическая идентичность и политика идентичности* : в 2 т. Т. 1 : *Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий* (отв. ред. И. С. Семененко). 2012. М. : РОССПЭН. С. 80–86.
3. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М. : КАНОН-Пресс, Кучково поле, 2001. 288 с.
4. Ренан Э. *Что такое нация?* Собрание сочинений в 12 т. Т. 6. Киев, 1902. С. 99–101.
5. Панов П. В. *Борьба за идентичность и новые институты коммуникации* / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М. : РОССПЭН, 2012. С. 7–17.
6. Tilly C. Political identities in changing politics. *Social Research*. 2003. Vol. 70. No. 2. P. 605–620.
7. Сафран У. Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры. *Политическая наука*. 2011. С. 64–97.
8. Бодрийяр Ж. *Америка* (пер. с фр. Д. Калугина). СПб.: Владимир Даль, 2000. 206 с.
9. Кисовская Н. К. Западная Европа: секулярная политическая традиция и мусульманская идентичность. *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 т. Т. 2 : *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* (отв. ред. И. С. Семененко). 2012. М. : РОССПЭН. С. 184–206.
10. Семененко И. С. *Мультикультурализм в повестке дня публичной политики*. Год планеты : ежегодник. Вып. 2011 г. Экономика. Политика. Безопасность. (гл. ред. В. Г. Барановский). М.: Идея-Пресс, 2011.
11. *Текущая модерность: взгляд из 2011 года* : лекция З. Баумана, прочитанная 21 апреля 2011 г. в клубе «ПирОГИ на Сретенке». Полит.ру: сайт. 2011. 6 мая. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman> (дата посещения 10.05.2021).
12. Бауман З. Город страхов, город надежд. *Логос*. 2008. № 3. С. 24–53.
13. Муази Д. Горькое торжество демократии. *Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века*. М.: Европа, 2010. С. 103–116.
14. Муази Д. Конфликт эмоций. *Россия в глобальной политике*. 2007. № 1. С. 8–9.
15. Валлерстайн И. М. *Иммигранты* (пер. с англ. Я. В. Межуевой). Государство и антропоток : сайт Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. Комментарий № 90. 2002. 1 июня. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a035.htm> (дата посещения 10.05.2021).
16. Кимлика У. *Современная политическая философия: введение* (пер. с англ. С. Моисеева). М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 592 с.
17. Де Фреде Э. Культура, цивилизация и идентичность. *Полис*. 2012. № 5. С. 17–23.
18. Zapata-Barrero R. *Fundamentos de los discursos politicos en torno a la inmigration*. Madrid: Trotta, 2009.
19. Guiraudon V. The constitution of a immigration polisy domain: a political sociology approach. *Journal of European Public Policy*. 2003. Vol. 10. №. 2. P. 263–282.
20. Тилли Ч. *Демократия*. М. : Институт общественного проектирования, 2007. 263 с.
21. Ихсаноглу Э. Европа и Ислам – новые вызовы, новые горизонты. *Минарет*. 2011. № 1–2. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?2545 (дата посещения 10.05.2021).
22. Веретевская А. В. *Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы* : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2012. 29 с.

23. Семененко И. С. Мультикультурализм. *Политическая идентичность и политика идентичности* : в 2 т. Т. 1 : *Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий* (отв. ред. И. С. Семененко). 2012. М. : РОССПЭН. С. 176–181.
24. Ramadan T. *To Be a European Muslim*. Leicester, U. K. : Islamic Foundation. 1999. 273 p.
25. Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N. Y. : Oxford Univ. Press. 2004. 278 p.
26. Хантингтон С. Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам. *Полис*. 1994. № 1. С. 49–57.
27. Мешлок Т. Р. *Мусульманские меньшинства в странах Западной Европы во второй половине XX века : на примере Франции и Германии* : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 .Краснодар, 2007. 198 с.

References

1. Sheinis V. *The Trends of World Social-Political Development under the Crisis conditions*. Ed. E. SH. Gontmachera, N. C. Zagladina. Moscow: IMEMO RAS, 2012. (In Russ.)
2. Semenenko I. *National identity. Political Identity and Identity Politics* : in 2 Vols. Vol. 1 : Identity as a category of Political Science : dictionary of terms and concepts. (Ed. I. Semenenko). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. P. 80–86. (In Russ.)
3. Anderson B. *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: CANON-Press, Kuchkovo pole. 2001. 288 p. (In Russ.)
4. Renan E. *What is a nation?* Collected works in 12 Vols. Vol. 6. Kiev. 1902. P. 99–101. (In Russ.)
5. Panov P. Struggle for identity and new institutions of communication. (Eds. P. Panov, K. Sulimov, L. Fadeeva). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. P. 7–17. (In Russ.)
6. Tilly C. Political identities in changing polities. *Social Research*. 2003;70(2): 605–620.
7. Saffron W. National identity in France, Germany and the United States: modern disputes. *Political science*. 2011. P. 64–97. (In Russ.)
8. Baudrillard J. *America*. (Trans. from French. D. Kalugina). St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2000. 206 p. (In Russ.)
9. Kisovskaya N. *Western Europe: secular political tradition and Muslim identity. Political identity and identity policy*: in 2 Vols. Vol. 2 : Identity and socio-political changes in the XXI century. (Ed. I. Semenenko). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. P. 184–206. (In Russ.)
10. Semenenko I. *Multiculturalism on the agenda of public policy*. Year of the Planet : Yearbook. Issue 2011. Economy. Politics. Security. (Ed. V. Baranovsky). Moscow: Idea-Press. 2011. (In Russ.)
11. *Current modernity: a look from 2011: lecture by Z. Bauman, read on April 21, 2011 at the club PiroGI on Sretenka*. Polit.ru: site. 2011. May 6. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman> (accessed 10.05.2021). (In Russ.)
12. Bauman Z. City of fears, city of hopes. *Logos*. 2008;(3):24–53.
13. Muazi D. *Bitter triumph of democracy. Democracy and modernisation: to the discussion about the challenges of the XXI century*. Centre for Post-industrial Society Studies; Introductory article by V. Inozemtsev. Moscow: Europe, Publ., 2010. P. 103–116. (In Russ.)
14. Muazi D. Conflict of emotions. *Russia in global politics*. 2007;(1):8–9. (In Russ.)
15. Wallerstein I. *Immigrants*. (Trans. from Engl. Ya. Mezhueva). State and Anthropologist : site of the Centre for Strategic Studies of the Volga Federal District. Comment No. 90. 2002. June 1. Available from: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a035.htm> [Accessed 10 May 2021].
16. Kimlik U. Modern political philosophy: introduction. (Trans. from Engl. S. Moiseev). Moscow: Publ. House of State University – Higher School of Economics. 2010. 592 p.
17. De Frede E. Culture, civilisation and identity. *Polis*. 2012;(5):17–23.
18. Zapata-Barrero R. *Fundamentos de los discursos politicos en torno a la inmigration*. Madrid: Trotta. 2009.
19. Guiraudon V. The constitution of a immigration polisy domain: a political sociology approach. *Journal of European Public Policy*. 2003;10(2):263–282.
20. Tilly C. *Democracy*. Moscow: Institute of Public Design. 2007. 263 p.
21. Ihsanoglu E. Europe and Islam – new challenges, new horizons. Minaret. 2011. No. 1–2. Available from: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/? 2545 [Accessed 10 May 2021].

22. Veretevskaya A. *Prospects and obstacles to the policy of multiculturalism in the consolidated democracies of Western Europe : abstract of dissertation ...* Cand. of Polit. Sciences : 23.00.02. Moscow. 2012. 29 p. (In Russ.)
23. Semenenko I. *Multiculturalism. Political Identity and Identity Politics* : in 2 Vols. Vol. 1 : Identity as a category of Political Science : dictionary of terms and concepts. (Ed. I. Semenenko). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. P. 176–181. (In Russ.)
24. Ramadan T. *To Be a European Muslim*. Leicester, U.K. : Islamic Foundation. 1999. 273 p.
25. Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N. Y. : Oxford Univ. Press; 2004. 272 p.
26. Huntington S. Discussion around the civilisational model: S. Huntington responds to opponents. *Polis*. 1994;(1):49–57.
27. Meshlok T. R. *Muslim minorities in Western Europe in the second half of the XX century: on the example of France and Germany* : Diss. ... Cand. of Hist. Sciences : 07.00.03. Krasnodar. 2007. 198 p.

Информация об авторе

Ш. Р. Кашаф – научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук (Москва); старший преподаватель кафедры по изучению исламской цивилизации (на базе Института востоковедения Российской академии наук) Института международных отношений Казанского федерального университета (Казань).

Information about the author

Sh. R. Kashaf – researcher at the Center for the Study of Central Asia, Caucasus and the Ural-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Senior Lecturer at the Department for the Study of Islamic Civilization (on the basis of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) of the Institute of International Relations of Kazan Federal University (Kazan).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 07.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 07.12.2021.

Научная статья

УДК 323.2

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-193-197

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Елизавета Александровна Морозова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, eamorozova@sfedu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена одному из актуальнейших вопросов настоящего времени – вопросу национальной безопасности. В статье рассматриваются основные проблемы, существующие в данной сфере: международный терроризм, ядерное оружие, отсутствие культурной интеграции, появление новых игроков на мировой арене, несвоевременность действий, осуществляемых под эгидой ООН.

Ключевые слова: глобальные политические риски, национальная безопасность, международный терроризм, межгосударственный конфликт, глобализация, ядерное оружие

Для цитирования: Морозова Е. А. Политические риски глобальных конфликтов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 193–197. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-193-197>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

POLITICAL RISKS OF GLOBAL CONFLICTS

Elizaveta A. Morozova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, eamorozova@sfedu.ru

Abstract. This article is devoted to one of the most pressing issues of the present time - the issue of national security. The article examines the main problems that exist in this area: international terrorism, nuclear weapons, lack of cultural integration, the emergence of new players in the world arena, untimely actions carried out under the auspices of the UN.

Keywords: global political risks, national security, international terrorism, interstate conflict, globalization, nuclear weapons

For citation: Morozova E. A. Political risks of global conflicts. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):193–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-193-197>.

Глобализационные процессы изменили контуры современного общества, придали ему новые черты, существенно отличающие его от предыдущих эпох развития. Они явились мощной трансформирующей силой, которая оказала влияние на все сферы общественной жизни. И, если первоначально этим процессам не придавали особого значения, то уже сегодня последствия этого влияния стали отчетливо проявляться, в первую очередь, в тех глобальных рисках, которые стали следствием происходящих процессов. Эти риски отличаются не только своей новизной, но и всеобъемлющей силой, способной проникать и оказывать влияние на совершенно различные стороны жизни. Так, международная торговля наркотиками отражается на политике, экономике, социальной обстановке и культуре различных стран. В целях борьбы с ней ужесточаются законы, усиливается контроль над перевозками, проводятся различные общественные мероприятия и т.д. Хотя перечисленные меры являются локальными, это не отменяет того факта, что проблема носит глобальный характер и вынуждает другие страны выбирать способы защиты от нее. В этом главная особенность современности – риски быстро превращаются в глобальные и требуют совместных действий для их предотвращения.

Однако осознание проблемы является лишь первым шагом на пути к ее решению. Прочувствовав последствия экономического прогресса, отношение к глобализации изменилось. Проблемы не просто остаются, а продолжают усугубляться, что связано с необратимостью начавшихся изменений. Появление и распространение новых видов оружия, усиление ядерного потенциала стран, международный терроризм и растущее число политических конфликтов – это лишь тот небольшой круг глобальных угроз, которые оказывают влияние на национальные правительства и проводимую ими политику. Современные риски отличаются тем, что, независимо от того, в какой именно сфере общественной жизни они проявились, рано или поздно риски становятся политическими. Данная черта является сегодня доминирующим фактором на международной арене. Сохранение национальной безопасности неотделимо от коллективной, что определяет направление внешней политической линии каждого государства. Но о каких конкретно рисках идет речь? Насколько они способны воздействовать на межправительственное сотрудничество?

Одним из современных рисков, оказывающих влияние на международную политику, является оружие, а конкретнее – торговля им и создание новых видов. Вопросы, касающиеся этой проблемы, беспокоят многие страны, а контроль над вооружениями занимает основное место в системе глобальной безопасности. Не случайно, государства периодически заключают договоры в этой области, а в рамках ООН действует постоянная Конференция по разоружению.

Глобализация торговли оружием привела к тому, что оно распространилось по всему миру в таких количествах, которое национальные правительства контролировать уже не в состоянии. Изначально они закрывали глаза на эти процессы, из-за чего торговля свободно развивалась, не встречая никаких препятствий на своем пути. Сегодня этот, а также такие факты, как создание новых видов вооружения и соперничество в этой сфере стали причиной того, что число стран с мощным военным потенциалом значительно увеличилось. Это, в свою очередь, привело к усилению угрозы для национальной безопасности. Но, как уже не раз отмечалось, «современная глобализация ставит очень глубокие вопросы насчет значения и практики государственного суверенитета и автономии» [5], что касается и военной сферы. Потому политика безопасности и организация обороны является уже не только внутренним делом каждой страны, а требует активного межправительственного сотрудничества для эффективного решения этих проблем. Для этого, как уже было упомянуто, создаются различные институты контроля, имеющиеся теперь у многих стран, они же занимаются дипломатическими переговорами.

К сожалению, здесь, как и в сфере экономики, встречаются трудности, мешающие государствам справляться с потенциальными рисками. Основная из них – неспособность договориться друг с другом, найти оптимальный вариант. Не все страны готовы полностью отказаться от вооружений и новых разработок, т.к. актуальным остается вопрос о защите перед внешними угрозами. Например, Договор о нераспространении ядерного оружия от 1968 г., был подписан практически всеми государствами мира, за исключением Индии, Пакистана, Израиля и КНДР. Первые два из них обладают ядерным оружием и отказались от подписания. Израиль и КНДР занимаются разработками, что также запрещено условиями договора. Иран подписал его, но уже больше 10 лет находится под подозрением в разработке ядерного оружия.

Приведенный пример ярко иллюстрирует обозначенную проблему: обеспечение коллективной безопасности сталкивается с национальными интересами. Государства по своей инициативе вступают в организации, подписывают соглашения, однако, они также могут отказаться от выполнения условий и просто выйти из союза. Не существует силы, которая могла бы их заставить следовать общим целям против их воли, а потому единственное, что может помешать им в создании того же ядерного оружия – собственные политические установки. Это означает, что еще рано говорить о космополитическом мировоззрении или возможности создания космополитического государства, о чем писал У. Бек [1].

Производя новые риски, современное общество при этом не успевает своевременно находить способы борьбы с ними, что приводит к печальным последствиям. Одним из них стал международный терроризм, который смело можно назвать детищем глобализации. Как явление, терроризм появился очень давно, но таким, каким мы знаем его сейчас, он стал буквально несколько десятилетий назад. И, несмотря на то, что его приверженцы встречаются по всему миру, основную угрозу видят в арабских странах. Связано это, в первую очередь, с религиозными установками.

Глобализация привела к распространению западных культурных ценностей, популяризации и навязыванию их обществу. Однако мировоззрению мусульман они являются чуждыми. К сожалению, это привело к попыткам преступных групп совершить джихад. Самым известным из них стала

атака 11 сентября 2001 года на башни-близнецы в США. Именно после этого события государства активно заговорили о борьбе с международным терроризмом, а сотрудничество в этой сфере вышло на новый уровень.

Идеология, которая очень сильна в арабском мире, не является сегодня единственной причиной популярности там радикальных идей. Еще одной можно назвать степень развитости экономики на Ближнем Востоке, которая сказывается на безработице населения. Как следствие этого, молодежь, не имея возможности зарабатывать честным трудом и виня во всем развитые капиталистические страны, вербуются террористическими организациями. К сожалению, эта тенденция пока что не идет спад, а продолжает нарастать.

Терроризм – яркий пример глобального риска, который касается всех независимо от принадлежности населения к его идеям. Стремясь обеспечить безопасность национальную, государства следуют целям коллективной безопасности, но угроза не может быть устранена, пока существует причина ее появления. Очаг религиозных и этнических конфликтов сосредоточен на Ближнем Востоке, однако, их последствия ощущает на себе весь мир. Это проявляется не только в террористических атаках, но и в эмиграции арабов в страны Запада. Следствием второго также становятся конфликты уже двух культур, не способных существовать вместе из-за радикально настроенных мусульман.

Актуальным примером можно считать Германию, в которой крупнейшим этническим меньшинством являются турки. Проблема состоит в том, что большинство из них не стремятся интегрироваться в местную жизнь и культуру.

По мнению Тило Саррацина, низкий уровень образованности в совокупности с высокой рождаемостью среди мусульман представляет существенную угрозу для страны [4]. Культурная интеграция в глобализирующемся мире стала важной проблемой, сказывающейся на взаимоотношениях между нациями.

Но вернемся к вопросу о международном терроризме. Почему же он стал так опасен и так распространен в обществе, которое считает себя самым развитым и самым умным за всю историю существования человечества? Однозначного ответа нет, но одно можно сказать совершенно точно – заключенная в природе человека агрессия не знает моральных норм и культурных ценностей.

Сегодня технологическое развитие помогает изобретать новые способы высвобождения этой агрессии: через интернет, СМИ, новые виды оружия. И это сделало терроризм намного опаснее, чем раньше, возведя его в ранг глобальной политической проблемы. Подверженность ему в таких масштабах вынуждает государства принимать очередные меры в целях коллективной безопасности.

Именно терроризм может стать одним из тех факторов, которые будут способствовать консолидации различных политических сил. Шаги в этом направлении уже сделаны: приняты различные конвенции, вопрос стоит на повестке дня в ООН. Однако, как уже было сказано, проблема не исчезнет, пока остаются причины ее появления. А их устранить невероятно сложно, и с наступлением эры глобализации это становится сделать еще труднее. Подпитывает опасность и распространение ядерных технологий, получение которых террористическими организациями вывело бы угрозу на беспрецедентный уровень. Не случайно еще и по этой причине в системе коллективной безопасности уделяется такое особое внимание нераспространению ядерного оружия.

В одном из своих докладов Национальный разведывательный совет США выдвигает вполне реалистичное предположение. Оно заключается в том, что в будущем использование ядерного оружия могло бы привести к значительным геополитическим переменам, «поскольку некоторые государства попытались бы организовать или укрепить альянсы по обеспечению безопасности с существующими ядерными державами, а другие требовали бы глобального ядерного разоружения» [3]. Такая ситуация вполне возможна, если неравенство между странами и внутренние проблемы сохраняются.

К сожалению, хоть сегодня и осознается степень риска от существования этого вида вооружения, не все придерживаются курса на нераспространение. А появление новых стран, обладающих ядерным потенциалом, может только подтолкнуть других к созданию такого оружия. Актуальным примером сегодня является Республика Иран, которую подозревают в наличии программы ядерных разработок. Уже сейчас этот факт вызывает беспокойство стран региона, а появление таких вооружений, по мнению экспертов, может «может дать дополнительный импульс ряду государств для того, чтобы инициировать собственные ядерные программы вооружений» [3].

Кроме возможных конфликтов на Ближнем Востоке, это может привести к краже или торговле сделанными ранее разработками, что будет иметь глобальные последствия. Во-первых, они могут попасть в руки к террористам, о чем было упомянуто выше. Во-вторых, это будет означать неспособность государств защититься от внутренних врагов, не говоря уже о внешних.

Ситуация с Ираном отчетливо указывает на тот факт, что потенциальный риск в одном государстве может отразиться на политической обстановке как в регионе, так и во всем мире. Борьба мусульманских и западных ценностей является на сегодняшний день важной проблемой, которая создает множество глобальных рисков. Если до начала процессов глобализации эти два мира сосуществовали вполне спокойно, то впоследствии влияние Запада и его культуры возросло настолько, что представители ислама восприняли это очень негативно. Как итог, религиозные ценности превратились в потенциальные политические риски. Пока что распространение радикализма и терроризма свидетельствует о том, что позитивные тенденции в борьбе с ними отсутствуют.

Еще одной проблемой современности, которая имеет непосредственное отношение к политическим рискам, является появление новых игроков и их многообразие на международной арене. С одной стороны, с падением биполярной системы заговорили о тенденции к многополярности, о равенстве субъектов международных отношений. С другой – неспособность Европы эффективно вести свою политическую линию говорит о трудностях сотрудничества не только на мировой арене, но и внутри региона.

Растущие политические риски ясно выявили необходимость согласованных действий между государствами, так как решить проблемы в пределах национальных границ становится невозможным. Но современные тенденции говорят о сложностях в этой сфере, и пока что рано делать серьезные прогнозы о том, как будут развиваться отношения на международной арене. США до сих пор остаются одной из наиболее влиятельных сил, от которой ждут применения своей мощи в решении наиболее серьезных вопросов, например, в борьбе с терроризмом. Также они воспринимаются как стабилизатор отношений на Ближнем Востоке. При этом можно предположить, что многообразие новых игроков и скептическое отношение крупных государств «приведут к тому, что у США сократится возможность задавать тон без поддержки сильных партнеров» [3].

Современная ситуация, характеризующаяся упадком доверия к Америке и ее политической линии, свидетельствует о движении к такому раскладу. Вряд ли кто-то сможет занять ее место на арене мировой политики, но и равенство между новыми игроками не предвидится. Глобальные проблемы требуют глобального участия в их решении, однако тенденции говорят о дефиците управления, неспособности эффективно сотрудничать и быстро предпринимать необходимые действия. Многообразие субъектов международных отношений является одной из причин этого, так как создает раздробленность в решении огромного количества проблем.

Кроме того, крупные организации, созданные для решения глобальных вопросов, оказываются неповоротливыми в быстроменяющемся мире, им трудно адаптироваться к новым задачам. Яркий пример этому уже упомянутая здесь Организация Объединенных Наций, которую обвиняют в несвоевременности принимаемых мер и неспособности бороться с серьезными опасностями. Европейский Союз также поставил под сомнение свою способность проводить эффективную политику, а внутренние неурядицы могут и вовсе вывести его из ранга влиятельного игрока. Также мощь Европы все сильнее будет стоять под сомнением в связи с процессом усиления государств азиатского региона, в том числе Китая.

Фрагментация мировой политической системы может привести к тому, что страны будут сосредоточены на внутренних вопросах или проблемах своего региона, что негативно отразится на глобальных рисках. Потому существование международных организаций имеет большое значение для будущего, и будет зависеть от эффективного руководства и взаимовыгодного сотрудничества. Не стоит сомневаться в том, что потребность в глобальном управлении будет только увеличиваться, а непрекращающееся распространение опасностей отчетливо свидетельствует об этом.

Список источников

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Территория будущего, 2007. 464 с.
2. Искендеров П. А. Управляемый хаос. Как США переформируют в своих интересах Большой Ближний Восток – Центр – Азия. <http://www.stoletie.ru>
3. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад НРС США. М.: Европа, 2009.

4. Саррацин Т. Германия: самоликвидация / Пер. с нем. Т.А. Набатникова. М.: Рид Групп, 2012. 400 с.
5. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В. В. Сапова и др. М.: Праксис, 2004. 576 с.

References

1. Bek W. *Power and its opponents in the era of globalism*. Moscow: Territory of the future; 2007. 464 p. (In Rus.)
2. Iskenders P. A. *Managed chaos. How the United States will reformat the Greater Middle East - Center - Asia*. Available from: <http://www.stoletie.ru> (In Rus.)
3. *The world after the crisis. Global Trends - 2025: A Changing World*. US LDC Report. Moscow: Europe, 2009. (In Rus.)
4. Sarrazin, T. *Germany: self-elimination*. Transl. from the German: T. A. Nabatnikov. Moscow: Reed Group; 2012. 400 p. (In Rus.)
5. Held D. et al. *Global transformations: Politics, economics, culture*. Transl. from the English: V. V. Sapova and others. Moscow: Praxis; 2004. 576 p. (In Rus.)

Информация об авторе

Е. А. Морозова – канд. полит. наук, доцент.

Information about the author

E. A. Morozova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 09.11.2021.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 09.11.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-198-202

**ТЕХНОЛОГИИ КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ:
КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА
ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ И «ПРЯМЫХ ЛИНИЙ» С ПРЕЗИДЕНТОМ**

Александр Владимирович Осипов

Ленинский районный суд, Ростов-на-Дону, Россия, osipov.82@inbox.ru

Аннотация. В статье представлены результаты актуального анализа консолидирующего потенциала Посланий Президента Федеральному Собранию РФ и «прямых линий» с президентом на основании данных социального мониторинга 2012-2021 годов. Автор обосновывает вывод, что в современной России послания Президента Федеральному Собранию РФ, «прямые линии с президентом», пресс-конференции общенационального лидера обладают значительным консолидационным потенциалом. Президент обличен доверием граждан и, согласно данным социальных мониторингов 2012-2021 года, отвечает основным социально-политическим ожиданиям россиян в вопросах внешней и внутренней политики. Вместе с тем, рост индекса протестной активности населения, падения индексов социального благополучия в связи с кризисными процессами в экономике на фоне пандемии и т.д., показывают недостаточность использования политического капитала общенационального лидера и правильных идеологием для решения актуальных проблем современности. Решение проблем консолидационной политики требует дальнейшего поиска эффективных технологий консолидации политической власти, преодоления разрыва между государственной властью и обществом посредством реальной модернизации российской социально-политической действительности.

Ключевые слова: политическая власть, институт общественного мнения, послания Президента Федеральному Собранию РФ, консолидация политической власти, политические технологии, Стратегия государственной национальной политики, общероссийская гражданская идентичность

Для цитирования: Осипов А. В. Технологии консолидации политической власти: консолидирующий потенциал посланий Президента Федеральному Собранию РФ и «прямых линий» с президентом // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 198–202. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-198-202>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

**POLITICAL POWER CONSOLIDATION TECHNOLOGIES: THE CONSOLIDATING POTENTIAL
OF PRESIDENT'S MESSAGES TO THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND "DIRECT LINES" WITH THE PRESIDENT**

Alexander V. Osipov

Leninsky District Court, Rostov-on-Don, Russia, osipov.82@inbox.ru

Abstract. The article presents the results of the current analysis of the consolidating potential of the President's Messages to the Federal Assembly of the Russian Federation and the "direct lines" with the President based on the social monitoring data of 2012-2021. The author justifies the conclusion that in modern Russia, the President's messages to the Federal Assembly of the Russian Federation, "direct lines with the president," press conferences of the national leader have significant consolidation potential. The president is denounced by the trust of citizens and, according to social monitoring data from 2012-2021, meets the main socio-political expectations of Russians in matters of foreign and domestic policy. At the same time, the growth of the index of protest activity of the population, the decline of social well-being indices in connection with crisis processes in the economy against the background of a pandemic, etc., show the lack of use of the political capital of the general-national leader and the right ideology to solve the current problems of our time. Solving the problems of consolidation policy requires the further search for effective technologies for consolidating political power, bridging the gap between state power and society through the real modernization of Russian socio-political reality.

Keywords: political power, institution of public opinion, messages of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation, consolidation of political power, political technologies, Strategy of state national policy, all-Russian civic identity

For citation: Osipov A. V. Political power consolidation technologies: the consolidating potential of President's messages to the Federal Assembly of the Russian Federation and "direct lines" with the president. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):198–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-198-202>.

Современная эпоха – это эпоха постиндустриализации в России, с доминированием высоких технологий, которые вызывают трансформацию социально-политической реальности в направлении виртуализации социума, внедрения новых коммуникативных практик, развития электронной медиасреды и т.д. Это затрагивает в полной мере и социально-политическую сферу, оказывает определяющее влияние на политические процессы и институты, механизмы реализации политических задач и технологии осуществления политической власти. Особый интерес представляет политический анализ технологий осуществления власти, претворения в жизнь актуальной политики, реализации политических решений.

Поскольку в современных демократических обществах власть опирается не на политику грубой силы, а вынуждена использовать механизмы легитимации власти, основанные на доверии граждан политической элите, конститuentов лидеру, возрастает актуальность использования политических PR-технологий, управления общественными настроениями посредством организации и поддержания диалога власти и общества. Это тем более актуально в условиях пандемии, когда дистанционные режимы взаимодействия разобщают социум, открывают широкие возможности для политических манипуляций, и управление информационными потоками, направление их в конструктивное русло, становится ключевой политической задачей правящей элиты.

Начиная с 2008 года, в связи с процессами укрепления вертикали власти, усиления президентской власти и социально-политического влияния президента В.В. Путина как общенационального лидера, в фокусе внимания политологов находятся процессы и технологии, направленные на разработку и реализацию политики консолидации политической власти, легитимации власти, достижения консенсуса на базе общественного договора, совершенствования взаимодействия между властью и обществом. Иначе говоря, тема консолидации политической власти и общественного согласия приобретает особую актуальность.

Реализация интереса политических наук и властных структур к теме консолидации находит выражение в попытках теоретико-методологического моделирования консенсуса, а также в попытках выработать и реализовать механизмы консолидации на разных уровнях социально-политической реальности и теоретического осмысления.

Принимая во внимание технологическую модернизацию политической сферы и социально-политические вызовы современности, интерес к политическим технологиям консолидации и легитимации власти является обоснованным и своевременным. Вместе с тем, несмотря на актуализацию проблематики политики и технологий консолидации политической власти, политическая теория и практика так и не получила исчерпывающих решений проблемы. Среди факторов, которые препятствуют разработке технологий и активизации процессов консолидации политической власти, единения власти и общества следует отметить:

- Отсутствие адекватного вызовам современности теоретико-методологического понимания и моделирования процессов консолидации политической власти.
- Обострение противоречий, связанных с социально-экономическим, информационным, территориальным, политическим, гендерным и т.д. неравенством в современной России.
- Увеличение протестной активности, напряженности в обществе, в связи с кризисными явлениями в экономике, ситуацией пандемии, внешним давлением на Россию со стороны западных стран, неэффективностью внутренней политики в некоторых социально-экономических сферах и т.д.
- Углубление кризиса общенациональной социально-политической идентичности, в связи с отсутствием общенациональной идеи и принимаемых на всех уровнях власти и общества стратегических ценностей.
- Недостаточно эффективные формы взаимодействия, в том числе в пространстве электронной медиасреды, между всеми социально-политическими акторами.

Соответственно, эффективное решение проблемы заключается в минимизации влияния данных факторов. В теоретико-методологической плоскости решения проблемы политологические и социально-политические науки обоснованно сосредоточены на поиске технологий и способов коммуникации, интерактивного взаимодействия между властью и обществом, а также между наиболее влиятельными политическими акторами, кластерами. К числу основных кластеров социально-политического влияния относятся широкая общественность и президентская власть, которая,

в свою очередь, в общественном сознании отождествляется с фигурой общенационального лидера – Президента РФ В. В. Путина. Поэтому в социально-политическом знании, начиная с 2008 года, широко представлен анализ содержания послания Президента Федеральному Собранию на предмет выявления особенностей и оценки эффективности социально-политической коммуникации и дискурса, основных тенденций политического управления, динамики политических трансформаций, сопоставления поставленных политических задач и полученных результатов. Анализ материалов пресс-конференций, «прямых линий», обращений Президента к Федеральному Собранию, а так же вторичный анализ фактологического материала опросов общественного мнения, данных социальных мониторингов представляется ценным в раскрытии темы технологий консолидации политической власти.

Немаловажно, что начиная с 2012 года, в посланиях Президента В.В. Путина четко прослеживается тема общенациональной и общегражданской идентичности. Даная тема также нашла отражение в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой отражены представления о россиянах как о единой нации, объединённой общим историческим опытом, традициями, традиционными ценностями и т.д. В тексте декларируется необходимость сохранения исторического наследия и активизации исторического творчества, реализации поддерживающих национальную самобытность России социально-политических и социокультурных проектов, поиска консолидирующих нацию идей. Иначе говоря, в 2012 – 2013 годах в политический дискурс на государственном уровне активно вводится понятие «российская нация», а поиск общегражданской общенациональной идентичности, мероприятия и технологии поддержания российской нации становятся приоритетами российской государственной политики.

Следует отметить, что в посланиях президента присутствует адекватное понимание, как определяющей роли государства в формировании, конструировании, поддержании общенациональной идентичности и консолидирующей общество национальной идеи, так и понимание, что национальная идея и идентичность не могут быть навязаны «сверху», а должны стать результатом самоидентификации граждан России со стратегическими общенациональными ценностями, должны быть поддержаны «снизу» в рамках одобрения стратегий государственной политики. Соответственно, развитие общенациональной и общегражданской идентичности предполагает достижение консенсуса между основными кластерами консолидации политической власти: государством, правящей элитой, партиями (которые выступают своеобразными посредниками между государством и обществом), гражданским обществом, в том числе посредством эффективных политических технологий консолидации.

В послании Президента к Федеральному Собранию РФ в декабре 2013 года четко прозвучало, что единство российской нации возможно на основе единства языка и культуры, традиционных ценностей, переосмысления и сохранения исторического наследия, а также посредством активизации роли граждан в конструировании общенациональной идентичности путем более активного участия в социально-политической жизни страны. В свою очередь, задачами действующей власти было названо, в первую очередь, завоевание, обеспечение и поддержание доверия граждан, обеспечение консолидации политической власти, преодоления разрыва между государством и обществом. Это позволяет проследить содержательные тенденции и динамику развития указанных основополагающих ориентиров государственной политики в посланиях президента вплоть до апреля 2021 года. В 2014 году в обозначенном контексте одной из основополагающих идей послания Президента стала идея патриотизма, целостности и суверенитета страны. Это не в последнюю очередь было связано с процессами присоединения и интеграции в Российскую Федерацию территории Крыма. В последующие годы, наряду с идеями повышения эффективности коммуникации общества и власти, в том числе в формате электронной медиасреды (развития технологий электронного правительства и т.д.), на первый план выходит тема национальной безопасности в связи с внешнеполитическим давлением на Россию со стороны Запада, а также возрождением идеи великодержавности, самодостаточности экономики России, необходимости самим творить свою судьбу и т.д.

Следует отметить, что прямое обращение власти к народу, Президента к Федеральному Собранию и гражданам страны, является эффективной технологией консолидации политической власти. Об этом свидетельствует постоянный интерес, который проявляют россияне к данной форме социально-политической коммуникации. Так, например, в 2021 году «82% опрошенных россиян знают о готовящейся пресс-конференции Владимира Путина, 71% интересуются ответами президента на вопросы журналистов»¹. «87% планируют следить за выступлением президента»².

¹ Большая пресс-конференция президента: внимание и интерес 17 декабря 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaja-press-konferencija-prezidenta-vnimanie-i-interes> (дата обращения: 21.06.2021).

² Послание Президента-2021: ожидания россиян. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poslanie-prezidenta-2021-ozhidaniya-rossijan-1> (дата обращения: 21.06.2021)

Немаловажным представляется анализ того, что общество надеется услышать от власти, актуальных ожиданий, которые высказывают россияне в 2021 году. «Более трех четвертей россиян (78%) хотят услышать от В. Путина решение актуальных проблем и ответы на текущие вопросы. Более трети опрошенных (37%) сказали, что лучше сконцентрировать внимание на вопросах внутренней политики»¹. Можно сделать вывод, что актуальной тенденцией последних лет является смещения фокуса внимания общества с вопросов внешней политики на внутреннюю. Это, не в последнюю очередь спровоцировано усилением социально-экономического кризиса, а также актуальным интересом россиян к действиям президента и правительства в условиях пандемии, которая спровоцировала рост безработицы, падение доходов россиян, усиление социального и территориального неравенства, а также усилила необходимость социальной защиты населения под угрозой демографического кризиса и т.д.

Очевидно, что на уровне общественной психологии реакцией на кризис является рост неуверенности людей в завтрашнем дне, падение индексов счастья и общественного благополучия. Соответственно технологии консолидации политической власти должны принимать во внимание указанные параметры и показывать эффективность в вопросах поддержания позитивных настроений в обществе. Если обращение Президента к общественности и Федеральному Собранию является эффективной политической технологией, направленной на обеспечение консенсуса и позитивных настроений в обществе, то результатом ее использования должна явиться удовлетворенность граждан от обращений общенационального лидера к народу, положительные эмоции, большая уверенность в завтрашнем дне, доверие к власти, ощущение, что власть понимает проблемы своих граждан и решает их всеми возможными легитимными способами в интересах общего блага.

Следует отметить, что социальный мониторинг, проведенный ВЦИОМ по итогам выступления президента в апреле 2021 года свидетельствует в пользу того, что ожидания россиян совпали с результатами выступления общенационального лидера по актуальным вопросам. Наибольший интерес и одобрение вызвали темы социальной защиты населения, поддержки материнства и детства². Поскольку «Большинство информированных граждан (76%) считают, что задачи, поставленные президентом во время выступления, будут выполнены полностью или частично» и это положительно повлияет на жизнь россиян в ближайшие годы, можно сделать вывод о том, что послание Президента к Федеральному Собранию РФ является эффективным способом социально-политического взаимодействия действующей власти и общества, а так же эффективной технологией консолидации политической власти.

Поскольку для реализации политики достижения консенсуса власти и общества по актуальным вопросам необходимо доверие общества к власти, можно констатировать, что послание Президента к Федеральному Собранию с задачей справилось – произвело положительное впечатление на большинство россиян (78%). «Среди эмоций, которые испытали слышавшие о Послании россияне, наиболее частыми были надежда (31%), доверие (24%), уважение (21%), уверенность в завтрашнем дне (20%) и гордость (16%)». Более того, если расценивать послание как технологию политической коммуникации, целью которой в том числе является преодолеть существующий разрыв между властью и обществом, следует констатировать, что она является достаточно эффективной для решения указанной задачи. Большинство респондентов (60%) ответило, что «президент понимает ситуацию в стране и проблемы рядовых граждан»³. Аналогичная статистика наблюдается и по результатам «Прямой линии-2021», в ходе которой президент В.В. Путин ответил на вопросы граждан в прямом эфире. «68% респондентам понравилось выступление президента и то, как он отвечал на вопросы. 62% респондентов считают, что Владимир Путин понимает реальную ситуацию в стране и проблемы населения. Таким образом, большинство показателей оценки выступления президента в ходе «Прямой линии», зафиксированных в ходе исследования, носят позитивный характер и превышают аналогичные показатели предыдущего исследования (на «Прямой линии» 2019 года)»⁴.

С одной стороны, можно сделать обоснованный вывод, что политическая власть в лице президентской элиты и верховного общенационального лидера осознает важность консолидационной политики и эффективно использует политические PR-технологии для организации эффективного взаимодействия по линии элита-общество, обеспечивая наличие обратной связи, поддержки доверия общества к власти, на базе которого во многом осуществляется легитимность политической власти. Особенно это важно, учитывая ситуацию пандемии, которая, как всякая острая непредвиденная

¹ Послание Президента-2021: ожидания россиян...

² Послание Президента: итоги. 30 апреля 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poslanie-prezidenta-itogi> (дата обращения: 25.06.2021).

³ РАСШИРЕННАЯ ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ к тематическому выпуску «Доверие» (№ 7). URL: <http://www.wciom.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).

⁴ Прямая линия с Владимиром Путиным: первые оценки. 01 июля 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prjamaja-linija-s-vladimirom-putinyim-pervye-ocenki> (дата обращения: 15.07.2021).

проблема, повышает роль и значение фигуры общенационального лидера, вокруг которого в кризисный момент должно сплотиться общество.

С другой стороны, очевидно, что консенсус не может обеспечиваться только в результате использования консолидационного потенциала и политического капитала верховного лидера. Современная ситуация в публичной политике требует более активной гражданской политической культуры, активизации обратной связи по линии лидер конституенты в интерактивном режиме не только пресс-конференций, но и совместного политического действия по выработке и реализации политических решений, определения единых для элиты и общества политических стратегий на основе ценностного консенсуса. Соответственно, обратная связь между лидером и конституентами должна обеспечиваться по всему социально-политическому полю, постоянными политическими процессами, механизмами полноценного политического участия граждан в управлении страной, а не однократными ежегодными PR-акциями, имитациями налаженной обратной связи и единения власти с народом.

С одной стороны, следует отметить верно выбранный вектор посланий Президента, ориентированный на формирование общегражданской общенациональной идентичности, что на идейно-эмоциональном уровне выступает противовесом процессам этно-национального сепаратизма и социально-политической дифференциации. А, с другой стороны, как отмечают многие политологи, ценности консолидации власти и общества, ориентация на консенсус носят для власти во многом инструментальный характер, проявляющийся в декларациях и идеологемах, влияние которых ощущается только на поверхности функционирования социума и не способно вызвать глубокий резонанс на уровне общественного сознания, достаточный для преодоления отчуждения граждан от власти и активизации гражданской позиции населения по актуальным политическим проблемам современности [1]. Инструментальное отношение власти к традиционным ценностям, проявляющееся, в том числе в конвенциональной интерпретации отечественной истории, включение их в контекст политической манипуляции общественным мнением, приводит к ослаблению морального авторитета власти и обесцениванию идейных оснований общегражданской идентичности [2–3].

Подытожим: в современной России послания Президента Федеральному Собранию РФ, «прямые линии» с президентом, пресс-конференции общенационального лидера обладают значительным консолидационным потенциалом. Президент обличен доверием граждан и, согласно данным социальных мониторингов 2012–2021 гг., отвечает основным социально-политическим ожиданиям россиян в вопросах внешней и внутренней политики. Вместе с тем, рост индекса протестной активности населения, падения индексов социального благополучия в связи с кризисными процессами в экономике на фоне пандемии и т.д., показывают недостаточность использования только политического капитала общенационального лидера и правильных идеологем для решения актуальных проблем современности. Решение проблем консолидационной политики требует дальнейшего поиска эффективных технологий консолидации политической власти, преодоления разрыва между государственной властью и обществом посредством реальной модернизации российской социально-политической действительности.

Список источников

1. Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. ред.: А. В. Дука, И. И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. 280 с.
2. Россия на пути консолидации: Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2015. 416 с.
3. Евсеева М. А. Идеи общероссийской гражданской идентичности в посланиях Президента к Федеральному собранию: поиск консенсуса // Власть. 2020. №6. С. 201–207.

References

1. *Conditions and possibilities of consolidation of Russian society*. Collection of scientific works of the SI RAS. A. V. Duka, I. I. Eliseev (eds.). St. Petersburg: Nestor-History; 2010. 280 p. (In Russ.)
2. *Russia is on the way to consolidation: A collection of articles*. St. Petersburg: Nestor-History, 2015. 416 p. (In Russ.)
3. Evseeva M. A. Ideas of an all-Russian civic identity in the President's Messages to the Federal Assembly: the search for consensus. *Vlast' = The Authority*. 2020;(6):201–207. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Осипов – канд. полит. наук, судья.

Information about the author

A. V. Osipov – Candidate of Political Science, Judge.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.11.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 26.11.2021.

The article was submitted 10.11.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 26.11.2021.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 203–207
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):203–207

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316.3

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-203-207

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЛАНИРОВАНИЯ КАРЬЕРЫ: КАК СЛЕДИТЬ ЗА ТРЕНДАМИ И НАЙТИ НОВЫЙ КАРЬЕРНЫЙ ПУТЬ

Ольга Юрьевна Ангел

Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,
Россия, kornienko00@yandex.ru

Аннотация. В рамках данной статьи автор обращается к наиболее актуальным подходам планирования карьеры. Цель данной работы заключается в рефлексии существующих подходов к пониманию планирования карьеры как в психологической науки, так и в рамках концепций в области управления персоналом. Обращаясь к существующим концепциям управления персоналом, автор работы отмечает, что при планировании карьеры индивидуальное и организационное планирование.

Ключевые слова: карьера, карьерные стратегии, успех, статус, тенденции, управление, менеджмент, планирование, план, профессия, самоопределение, должность, квалификация, деятельность, кадровая политика

Для цитирования: Ангел О. Ю. Современные тенденции планирования карьеры: как следить за трендами и найти новый карьерный путь // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 203–207. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-203-207>.

Sociology Problems

Original article

CURRENT TRENDS IN CAREER PLANNING: HOW TO FOLLOW TRENDS AND FIND A NEW CAREER PATH

Olga Yu. Angel

Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
kornienko00@yandex.ru

Abstract. Within the framework of this article, the author turns to the most relevant career planning approaches. The purpose of this work is to reflect on the existing approaches to understanding career planning both in psychological science and within the framework of concepts in the field of personnel management. Referring to the existing concepts of personnel management, the author of the work notes that when planning a career, individual and organizational planning.

Keywords: career, career strategies, success, status, trends, management, management, planning, plan, profession, self-determination, position, qualifications, activities, personnel policy

For citation: Angel O. Yu. Current trends in career planning: how to follow trends and find a new career path. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):203–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-203-207>.

Вопросы, связанные с выстраиванием карьерных стратегий, для многих современных людей являются весьма значимыми. Некоторые полагают, что карьера выступает как некий набор случайностей, но все-таки большинство склонно считать, что достижение карьерного успеха выступает результатом некоего долгосрочного плана, который выстраивается человеком самостоятельно. Безусловно, помимо существования карьерного плана человека существует собственный план организации, направленный на карьерное развитие сотрудников. Данный план направлен на профессиональный рост членов трудового коллектива – приобретение требуемой для занятия желаемой

должности квалификации, последовательное занятие должностей, опыт работы на которых необходим для успеха в целевой должности. Карьерное планирование – это не только четко сформированные стратегии человека, его личные профессиональные ожидания, но и те кадровые возможности, которыми обладает организация.

Формирование карьерных стратегий и выстраивание индивидуальной карьерной траектории является весьма сложным процессом, который занимает достаточно большой временной отрезок и может протекать в течение всей жизни человека [1].

Построение карьеры неразрывно связано с управлением карьеры. Под управлением карьеры подразумевается процесс анализа карьерных стратегий, которые принимаются как индивидуально или связаны с системой карьер, которая разрабатывается организацией [2].

В рамках управления карьерой выделяют такой блок, как планирование, где определяются и фиксируются такие ресурсы, как время, материальные и психологические ресурсы, необходимые для того, чтобы достичь поставленных карьерных целей – повысить социальный статус за счет повышения должности, увеличить доход до необходимого.

Отметим, что в различных науках планирование карьеры рассматривается по-разному. В связи с этим в рамках данной статьи обратимся к тому, как раскрываются данные дефиниции с различных научных точек зрения.

Американский психолог Д. Сьюпер, который работал над вопросами, связанными с психологией развития, разрабатывал методики психологического консультирования и методы оценки и измерения, промышленной и организационной психологии указывает, что к достижению успеха в карьере ведут события из профессиональной жизни, связанные с профессиональными ролями, которые выбирает личность на основе своих целей [3].

С точки зрения психологии карьеры, карьера – это «индивидуально-осознаваемая, обусловленная изменяющимися в течение жизни взглядами, позициями, поведением и опытом, проектируемая последовательность изменяемых жизненных целей и процесс достижения этих целей в результате трудовой и профессиональной деятельности, сопровождаемый выполнением определенных социально-профессиональных ролей и сменой социально-профессиональных статусов» [2].

Помимо того, что планирование карьеры рассматривается исследователями, работающими в рамках психологии, карьера и карьерные стратегии является темой, которая составляет когнитивный интерес специалистов, развивающих свои исследования в области управления персоналом.

В работе С. В. Шекшни исследователь отмечает, что планирование карьеры заключается в том, что сотрудник ставит цели в рамках своего профессионального развития и намечает пути, которые могут привести его к достижению поставленных карьерных целей. В план карьерного развития входит как развитие сотрудников трудового коллектива в профессиональном плане – усиление своих профессиональных компетенций в рамках выбранной квалификации, так и опыт трудовой деятельности, чтобы достичь успеха в карьере [4].

Многие исследователи отмечают, что планирование карьеры неразрывно связано с таким этапом формирования карьерных стратегий, как выбор профессии [5].

При рассмотрении карьеры с точки зрения управления персоналом карьера представляет собой планирование – постановка целей для достижения карьерных высот и формирование способов, при помощи которых данные карьерные высоты могут быть достигнуты. Концепции управления персоналом отмечают, что планирование карьеры может быть индивидуальным или организационным.

Касаясь индивидуального планирования, мы можем отметить, что в рамках данного вида планирования в соответствии с целями и потребностями сотрудника составляется карьерный план, который подходит именно для данного человека. В рамках же организационного планирования организация или учреждение, фирма, предприятие устанавливает пути, по которому будет проходить развитие персонала в рамках данного учреждения. Организационное карьерное планирование – это процесс, в рамках которого сопоставляются как возможности организации, так и индивидуальные способности сотрудника. Отметим, что абсолютно для каждого работника важно и необходимо проводить анализ имеющихся способностей в соотношении с предлагаемыми возможностями, что позволяет самостоятельно выстраивать индивидуальные карьерные стратегии и прорабатывать внутриорганизационную карьерную линию [6].

В управлении персоналом существует такое понятие, как планирование деловой карьеры. Планирование деловой карьеры – это процесс, который происходит в течение трудоустройства и последующей работы сотрудника в организации. В процессе трудовой деятельности сотрудник совершает горизонтальные и/или вертикальные перемещения в организации, которые приводят к карьерному росту, увеличению его профессиональных компетенций.

Карьерные стратегии сотрудника выстраиваются на основе того, какие перспективы сотрудник видит в рамках работы в организации как на краткосрочный, так и долгосрочный временной период [7]. Планирование карьеры с точки зрения социально-профессиональной характеристики процесса выглядит так, что сам человек непосредственно определяет, что ему необходимо в карьерном плане и ставит перед собой профессиональные цели.

В рамках управления персоналом активно используется процессуальный подход. На основе данного подхода А. Мэйо определил, что существует 3 системы управления карьерой, которые показывают все стороны описываемого процесса: процессы, протекающие в организации, процессы, касающиеся таких акторов, как работник и организация, а также планирование индивидуальной карьеры. В рамках данной работы для нас важен такой этап, как процесс планирования индивидуальной карьеры, куда можно отнести самопознание работника, профессиональные консультации, которые даются со стороны экспертов, разработка планов саморазвития сотрудника [8].

Карьерное планирование с точки зрения психологии представлено как процесс, в рамках которого человек приходит к осознанию себя, понимает, какие препятствия могут встретиться на его пути и каким образом можно преодолеть барьеры [2]. То есть карьерное планирование может выступать как часть формирования жизненного пути человека. В рамках такого рассмотрения жизненный и карьерный план не должны противоречить друг другу [1].

По мнению Р.А. Березовской планирование карьеры выступает как процесс, в течение которого выбирается и анализируется наиболее удачный способ действий для того, чтобы достичь запланированных целей [9].

Организационное планирование карьерного развития позволяет стать организации конкурентоспособной на рынке. С позиции организации планирование карьеры – это один из видов практической деятельности организации, который состоит в принятии решений, предусматривающих выдвижение целей организации в планировании карьерных стратегий сотрудников. Грамотное карьерное планирование – это мониторинг компанией внутреннего рынка труда.

По мнению В.Л. Романова и С.В. Шекшня, пути, необходимые для достижения карьерного развития, выступают в качестве смены должностей в организации, на которых необходимо поработать, чтобы достичь более высокой – целевой должности.

В рамках карьерного планирования стоит цель, которая связана с разработкой мер, направленных на продвижение по карьерной лестнице. Для того, чтобы данная цель была реализована, необходимо соблюдать реальные возможности, измеримость, конкретику, адресность и ориентированность во времени [10].

При описании дефиниций карьерного планирования мы отметили, что среди основных элементов данного процесса встречаются выбор профессии, определение целей и их реализация, а также процесс самопознания.

Обращаясь к западным практикам планирования карьерных стратегий, мы можем отметить, что на Западе пользуются популярностью такие методики, как консультирование кадровыми специалистами и руководителями в неформальной обстановке, реализация деятельности специальных карьерных центров, которые проводят лекции по самооценке. В своей деятельности организации пользуются и формальными системами, которые позволяют осуществлять карьерные успехи, например, партнерская модель по карьеры [10]. Также необходимо отметить тот факт, что на развитие организации огромное влияние оказывают такие должности, как руководитель и управляющее звено организации. На уровне данных должностей разрабатываются и реализуются специальные системы, которые позволяют развиваться будущим руководителям. Для создания кадрового резерва необходимо точно сформировать требования к кандидатам. Прописав требования, легче будет отбирать кандидатов на должность. После отбора происходит назначение – принятие сотрудника в штат организации.

Для того чтобы понять, как работает карьерное продвижение на практике, обратимся к моделям управления карьерой, реализуемых в Японии и США. Многие страны ориентируются на опыт Японии и США в развитие карьеры.

Говоря о японской модели управления, нужно упомянуть, что в рамках данной модели сотрудник чувствует себя как часть целого. Профессиональная идентичность себя с организацией позволяет организации достичь должного успеха. Для сотрудников, которые задействованы в японских организациях, идеи компании превыше индивидуальных идей. Такие сотрудники трудолюбивы и обладают высоким самообладанием, что делает компанию экономически успешной среди других компаний. Трудоустраиваясь на работу, японцы выстраивают профессиональный план так, что они намерены работать в данной организации до пенсионного возраста.

В рамках системы пожизненного найма есть как сильные, так и слабые стороны. Пожизненный найм способствует сохранению рабочей силы, вырабатывает у сотрудников чувство преданности, но лишает управленческий процесс некой гибкости, так как не дает возможность быстро привлекать способных работников, поскольку в организации есть неэффективная рабочая сила [11].

В рамках японского подхода управления карьерой качество рабочей силы выступает как квалификация, которую сотрудник накапливает опытным путем, работая в организации. Накапливаемый опыт в организации позволяет совершать карьерные продвижения. Чтобы преодолеть слабые стороны данной модели, необходимо, чтобы сотрудники могли получить широкие познания в нескольких специализациях. Японская модель управления карьерой – это традиционная «система статусов», когда сотрудник в течение трудовой деятельности совершает передвижения от периферии к центру. Данная модель складывалась в течение веков.

При реализации американской модели планирования карьеры главным критерием достижения успеха в карьере является продвижение вверх по иерархической лестнице аппарата управления. В американской модели карьера называется профессиональной. Очень часто, чтобы добиться успеха в карьере, сотрудник меняет организации, потому что успех в карьере – это выбор более престижного места работы. Также в американской модели фиксируется такая закономерность – молодой сотрудник за свою профессиональную деятельность получает денежное вознаграждение выше, чем сотрудник со стажем.

Американская модель управления карьеры состоит из 4 схем замещения должностей: молодые специалисты, которые трудятся в нижнем звене управления, специалисты, которые подбираются вне компании, на различные должности, заполнение образовавшейся вакансии, сочетание ротации и ускоренного продвижения работника. Продвижение работников в рамках американской модели подразумевает такие действия, как проверка деловых качеств, квалификации, получение оценки своей деятельности и аттестация. Для того чтобы занять должность в рамках нижнего звена, от сотрудника не требуется глубоких знаний. То есть руководитель самостоятельно утверждает на должность. Если же речь идет о сотрудниках среднего или высшего звена, то здесь активную работу выполняют кадровые службы организации. Стоит отметить, что работа с кадрами высшего и среднего звена может осуществляться за счет реализации программ раннего выявления управляющих с высоким потенциалом к продвижению.

Таким образом, проанализированные нами материалы позволяют отметить, что при определении такой дефиниции, как карьера, прослеживается неразрывная связь с самим индивидом, его целями, мотивацией, установками. Помимо индивидуальных целей и ценностей человека карьерные планы зависят и от организационно-иерархических форм и культурных ценностей общества.

Рассматривая процесс планирования карьеры, мы не затрагиваем создание новых вакансий и стопроцентную гарантию продвижения по служебной лестнице. Процесс, связанный с планированием карьеры, формированием карьерных стратегий позволяет индивиду стать более значимым в профессиональной области и для рынка труда.

Список источников

1. Авкопашвили П. Т. Современные подходы к планированию карьеры как неотъемлемому элементу развития персонала организации // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 118-1. С. 6-8.
2. Заводчиков Д. П., Кормильцева М. В. Психология карьеры. Екатеринбург: Изд-во Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2012. 156 с.
3. Поваренков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2012. 237 с.
4. Шекшня С. В. Управление персоналом современной организации. М.: Бизнес-шк. «Интел-синтез», 2002. 368 с.
5. Цымбалюк А. Э. Характеристика основных проблем психологии карьерного развития // Ярославский педагогический вестник. Серия «Психология». 2016. № 6 [Электронный ресурс] http://vestnik.yspu.org/releases/2016_6/42.pdf (дата обращения 14.09.2021).
6. Киселева Е. В. Планирование и развитие карьеры. Вологда: Легия, 2010. 332 с.
7. Голованова И. И. Саморазвитие и планирование карьеры. Казань: Казан. ун-т, 2013. 196 с.
8. Спивак В. А. Организационное поведение и управление персоналом. СПб: Издательство «Питер», 2000. 416 с.
9. Березовская Р. А. Психология профессиональной карьеры. СПб: Изд-во С.-Перерб. ун-та, 2012. 152 с.

10. Климова В. А., Терехова Т. М. Карьера государственного служащего: проблемы управления и построения. Практика построения карьеры // Вопросы управления, 2013. № 1(3). С. 55-63.
11. Зыкова Н. В., Попова О. В., Шапошников Е. А. Особенности японской модели менеджмента // Научные междисциплинарные исследования. 2020. №5. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yaponskoy-modeli-menedzhmenta> (дата обращения: 17.09.2021).

References

1. Avkopashvili P. T. Modern approaches to career planning as an integral element of the development of the organization's personnel. *Novaya nauka: Strategii i vektory razvitiya = New science: Strategies and vectors of development*. 2016;(118-1):6-8. (In Russ.)
2. Breeders D. P., Kormiltseva M. V. *Psychology of career*. Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State Vocational Pedagogical University, 2012. 156 p. (In Russ.)
3. Povarenkov Yu. P. *Problems of psychology of professional personality formation*. Saratov: Saratov State Socio-Economic University, 2012. 237 p. (In Russ.)
4. Shekshnya S. V. *Personnel management of a modern organization*. Moscow: Business School «Intel-synthesis», 2002. 368 p. (In Russ.)
5. Tsymbalyuk A. E. Characteristics of the main problems of psychology of career development. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Seriya «Psihologiya» = Yaroslavl Pedagogical Bulletin. The series «Psychology»*. 2016;6. Available from: http://vestnik.yspu.org/releases/2016_6/42.pdf [Accessed 14 September 2021]. (In Russ.)
6. Kiseleva E. V. *Career planning and development*. Vologda: Legia; 2010. 332 p. (In Russ.)
7. Golovanova I. I. *Self-development and career planning*. Kazan: Kazan. un-t; 2013. 196 p. (In Russ.)
8. Spivak V. A. *Organizational behavior and personnel management*. St. Petersburg: Publishing House «Peter»; 2000. 416 p. (In Russ.)
9. Berezovskaya R. A. *Psychology of professional career*. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University; 2012. 152 p. (In Russ.)
10. Klimova V. A., Terekhova T. M. Career of a civil servant: problems of management and construction. The practice of building a career. *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2013; 1(3): 55-63. (In Russ.)
11. Zyкова N. V., Popova O. V., Shaposhnikov E. A. Features of the Japanese management model. *Nauchnye mezhdisciplinarnye issledovaniya = Scientific interdisciplinary research*. 2020;(5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yaponskoy-modeli-menedzhmenta> [Accessed 17 September 2021]. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Ю. Ангел – канд. социол. наук.

Information about the author

O. Yu. Angel – Candidate of Sociological Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.09.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 09.10.2021.

The article was submitted 21.09.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 09.10.2021.

Научная статья

УДК 316.442

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-208-213

ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ НЕРАВЕНСТВ ГЛАЗАМИ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Юсуп Джабраилович Джабраилов

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, y.djabrailov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9588-0156>

Аннотация. В статье предметом анализа является восприятие граждан социального неравенства этнических и конфессиональных групп и влияние социальной дифференциации этноконфессиональных групп на интеграцию российского общества. В ней представлен сравнительный социологический анализ состояния этнорелигиозных прав граждан в сознании молодежи на территории Республики Дагестан и за ее пределами. Автором выделены ключевые проблемы этнорелигиозных неравенств для дагестанской молодежи. Методологическую базу исследования составляют результаты авторского социологического исследования, проведенного методом сплошного анкетного опроса. В работе применена также методика дискурс-анализа выступлений и заявлений политических, общественных и религиозных деятелей, контент-анализа СМИ.

Ключевые слова: этнокультурное неравенство, гражданская идентичность, российская нация, религиозность, этничность, интеграция, социальное равноправие, национальный вопрос, верующие

Для цитирования: Джабраилов Ю. Д. Проблема этнокультурных неравенств глазами дагестанской молодежи: социологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 208–213. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-208-213>.

Sociology Problems

Original article

THE PROBLEM OF ETHNO-CULTURAL INEQUALITIES THROUGH THE EYES OF DAGESTAN YOUTH: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Yusup D. Dzhabrailov

Regional Center for Ethnopolitical Research of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, y.djabrailov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9588-0156>

Abstract. The article analyzes the perception of citizens of social inequality of ethnic and confessional groups and the impact of social differentiation of ethno-confessional groups on the integration of Russian society. It presents a comparative sociological analysis of the state of ethno-religious rights of citizens in the minds of young people on the territory of the Republic of Dagestan and beyond. The author highlights the key problems of ethno-religious inequalities for Dagestan youth. The methodological basis of the study consists of the results of the author's sociological research conducted by the method of a continuous questionnaire survey. The paper also uses the methodology of discourse analysis of speeches and statements by political, public and religious figures, content analysis of the media.

Keywords: ethno-cultural inequality, civic identity, Russian nation, religiosity, ethnicity, integration, social equality, national question, believers

For citation: Dzhabrailov Yu. D. The problem of ethno-cultural inequalities through the eyes of Dagestan youth: a sociological analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):208–213. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-208-213>.

В условиях жесткой геополитической конкуренции на мировой арене внутрироссийская консолидация общества является одним из важных факторов успешного развития государства и его безопасности. Это означает, что приоритетной становится задача укрепления общегражданской идентичности россиян, которая, можно сказать, неразрывно связана с обеспечением в обществе положительного восприятия всего многообразия этнокультурной специфики российских народов.

Реальный дезинтегративный потенциал этнокультурных неравенств в российском социуме еще велик и его минимизация является одной из ключевых задач в направлении обеспечения политического и культурного единства страны [1, с. 101].

В целом, на сегодняшний день мусульманская часть российского общества чувствует себя полноправными гражданами страны и положительно оценивает внешнюю политику России с мусульманскими странами.

Тем не менее, в реальной жизни отмечаются случаи несоответствия между возможностями индивидов в исполнении культовых установлений, в трудоустройстве на конкурентной основе, в получения иных социальных благ и законодательной нормой обеспечения этнорелигиозного равенства прав граждан.

Конечно, у специалистов и религиозных деятелей есть понимание, что в отдельных регионах страны (где исторически отсутствовала система развитых межэтнических и межконфессиональных отношений) до сих пор доминирует в общественном мнении некоторое недоверие к мусульманам. Следовательно, пока не изменить это общественное мнение бесполезно ожидать полного соответствия законодательной и социальной реальности. И необходимо, в том числе, чтобы поведение этнических мусульман соответствовало проповеди ислама¹.

Инцидент с дракой молодых дагестанцев в московском метро в 2021 году стал показательным и самым резонансным за последние годы. Действия молодых людей были осуждены в республике, начиная с властей, религиозных деятелей и простых граждан, как далекие от морально-нравственных ориентиров дагестанского общества, бросающие тень на всех дагестанцев и мусульман.

Согласно опросу ВЦИОМ, посвященному данному происшествию, главной причиной случившегося стало бескультурье (31%), большое число приезжих (15%), чувство безнаказанности у нападавших (10%), а также безразличие окружающих (8%) и агрессия (8%)².

Но, по мнению, известных дагестанских блогеров и лидеров общественного мнения все информационное пространство в России пытается именно дискредитировать в глазах россиян в целом дагестанское общество. В то время как «Тысячи Дагестанцев работают во всех уголках нашей страны, 99 процентов из них, это профессионалы, порядочные люди, законопослушные граждане и достойные представители общества»³.

В комментариях в социальных сетях дагестанцы отмечают не справедливой привязку ответственности за преступную деятельность отдельных индивидов к целым народам, а не государству. Сегодня ни старейшины, ни традиции не имеют такого влияния на молодежь как раньше. Республика Дагестан действует в рамках общероссийской правовой системы, где нет своего законодательства, отличающиеся от федерального, нет своих судов (ни шариатских, ни по адатам). И если нет абсолютно никакого инструмента влияния на воспитание/наказание молодежи, неадекватно ведущую себя, то и ответственность полностью лежит на плечах государства. Поскольку, прежде всего, молодежь воспитывается в детских садах, школах, вузах, на российской культуре (фильмы, мультфильмы, телевидение и т.д.). А также агрессивность молодежи подпитывается разными компьютерными и виртуальными играми, разрешенными российскими законами.

По мнению экспертов, отмечаемая с 2014 года в Россия тенденция к положительному восприятию мигрантов принимающих сообществах, толерантного отношения к ним меняется, начиная с 2017 года в сторону повышения уровня недовольства населения связанное численностью мигрантов. Они рассматривают в качестве основной причины этого изменения социально-экономической ситуации в России вследствие пандемии коронавируса и ухудшения общего благосостояния населения [2, с. 126].

Можно предположить, что в условиях существенного обострения социальной конкуренции «антимигрантские» настроения, скорее всего, распространяются и в отношении выходцев из республик Северного Кавказа. Этничность на фоне потери определенных своих социальных позиций и укрепления у людей других национальностей приобретает совсем иное звучание.

В рамках обозначенной «двуединой» задачи (этнокультурного развития российских народов и формирования общероссийской идентичности) официальная государственная национальная политика концентрирует внимание, прежде всего, на вопросах интеграции поликультурного общества посредством обеспечения политического и этнокультурного равноправия.

¹ Али Полосин: Мусульмане заявляют свою гражданскую позицию всему обществу. [Электронный ресурс]. <https://islamnews.ru/2021/10/8/>

² Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/draka-v-moskovskom-metro-kto-vinovat-i-chto-delat>

³ Пост блогера Махача Абдулаева на странице социальной сети «Facebook» 8 октября 2021 года; Интервью Хабиба Нурмагомедова на канале YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jpKCuhOIY>

Основным документом, направленным на гармонизацию межэтнических отношений в пространстве российского общества, является «Стратегия государственной национальной политики России на период до 2025г.»¹. В ней для разрешения обозначенной цели выдвигается ряд задач, направленных на обеспечения социального равенства населения. В первую очередь, необходимого для представителей малочисленных этноконфессиональных групп и общин для поддержания равноправного гражданского статуса с представителями титульных этносов.

В недавнем прошлом попытка закрепления в Конституции страны особой роли православия и русского народа не получили практического воплощения. Но в раздел Конституции РФ о государственном языке было внесено компромиссное изменение, одобренное в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года, о том, что государственным языком Российской Федерации является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в союз равноправных народов Российской Федерации.

Таким образом, возобладало понимание того, что природа национального вопроса в России не такая как в Европе здесь нет иммигрантов, все российские народы, можно сказать, вошли в состав государства со «своей землей». Национальный вопрос относится к сфере, где нужно проявлять максимальную корректность при принятии какого-либо практического шага, тонко чувствовать возможные негативные последствия. К примеру, выделение одного этноса в Основном законе (возможно даже с целью дани исторической справедливости) означает, что остальные автоматически будут считать себя в государстве людьми «второго сорта», они не будут чувствовать равную ответственность за внутреннюю и внешнюю политику страны. Такое положение дел в конечном итоге ведет разобщенности внутри страны по этноконфессиональному признаку. При такой обстановке будет значительно сложнее конкурировать с геополитическими конкурентами, которые бьют именно по национальному и религиозному вопросу в России.

Наиболее острая проблема на Северном Кавказе самый высокий, среди всех федеральных округов, уровень молодежной безработицы. По официальным данным он составляет – 10,1%, в среднем в Российской Федерации – 5,8%². В то же время в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) самая большая доля молодежи (30,5%) в общей численности населения.³

Но до сих пор остаются невоплощенными планы по организации трудовой миграции молодежи из республик СКФО в другие регионы РФ, прежде всего, из-за нежелания со стороны местного населения, а также из-за настороженного отношения со стороны резидентов других регионов [3, с. 156].

С целью выяснения уровня общероссийской идентификации представителей малых дагестанских народов методом сплошного анкетного опроса было проведено социологическое исследование в 2021 году среди студентов высших учебных заведений Республики Дагестан. Всего было опрошено 650 респондентов.

Этнический состав на основе результатов самоидентификации опрошенных представлен следующим образом: аварцы – 223 чел., даргинцы – 105 чел., лезгины – 65 чел., кумыки – 71 чел., лакцы – 42 чел., табасаранцы – 26 чел., русские 14 чел., рутульцы и агулы по 11 чел, цахуры – 5 чел. и др. – 8 чел. Из числа опрошенных 69 человек не указали своей этнической принадлежности.

Поскольку самое распространенное понимание в массовом сознании нашего общества категории социальная справедливость это, прежде всего, равенство возможностей независимо от этнических и религиозных признаков, мы решили обратить внимание на проблему этнорелигиозного равенства в республике и в стране в целом глазами молодежи.

В целях дифференциации восприятия представлений молодежи о нарушениях этнических прав в регионе проживания и за пределами Северного Кавказа, в других регионах Российской Федерации в ходе социологического опроса были заданы вопросы **«Как Вы считаете, нарушаются ли права жителей Северного Кавказа по этническому (религиозному) признаку за пределами региона, на территории Российской Федерации?»** и **«Как Вы считаете, нарушаются ли права жителей по этническому (религиозному) признаку в Республике Дагестан?» (%)**.

По всему массиву опрошенных 36,61% (36,61%) респондентов считают, что за пределами республики в регионах России имеет место нарушениям прав граждан по этническим (религиозным)

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>

² Материалы круглого стола в Государственной Думе 12 декабря 2017 года на тему «Самореализация молодежи Северного Кавказа: проблемы и перспективы». URL: <http://duma.gov.ru/media/files/Mc95Ty8JKT5aBZ3GdDEDF2mZckCYfQIU.pdf>

³ Российская газета. 24 апрель 2012 г. URL: <https://rg.ru/2012/04/24/molodej-site-dok.html>

признакам. Позиции об этническом (религиозном) равноправии на всей территории стране придерживаются 31,07% (35,07%) респондентов. Значительно различаются показатели относительно обеспечения этнорелигиозного равноправия на территории Республики Дагестан. Так, согласно результатам социологического исследования об ущемлении этнических (религиозных) прав в республике отмечают 18,61% (17,23%) респондентов, но 60,46% (64,46%) придерживаются противоположной позиции.

О нарушении и этнических и религиозных прав граждан на территории Российской Федерации, за пределами Северного Кавказа заявили 25,07% респондентов и на территории Республики Дагестан – 9,69%, соответственно, позиции обеспечения и этнического и религиозного равноправия придерживаются 21,07% и 49,69% опрошенных.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о двукратном превышении числа респондентов, считающих о наличии этнорелигиозного паритета на территории Республики Дагестан, чем тех, кто придерживается мнения об этнорелигиозном равноправии на всей территории Российской Федерации.

Из распределений ответов на вопрос «**В какой степени Вы ощущаете близость с ниже перечисленными группами?**» (в % от общего количества опрошенных) в таблице 1 видно, что гражданская идентификация дагестанской молодежи уступает этнической, религиозной и региональной (результаты социальной диагностики не путать с российской (государственной) идентичностью, которая занимает лидирующее положение).

Таблица 1 – Измерение гражданской идентификации студенческой молодежи

Table 1– Measuring the civic identification of student youth

	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущаю близость	Затрудняюсь ответить
С гражданами России	26,15%	38,15%	14%	21,69%
С людьми моей национальности	52,46%	26%	4,76%	16,76%
С людьми моей религии	60,15%	18,92%	6,92%	14%
С жителями моей республики	44,61%	33,07%	5,53%	16,76%

Для рассмотрения возможной этнической специфики ощущения социальной близости с «гражданами России» варианты ответов на данный вопрос были распределены согласно этнической принадлежности респондентов (табл.2). В итоге существенных расхождений по суммарным данным «очень близко» и «близко» «с гражданами России» не обнаружено. За исключением выделения на общем фоне показателей «значительной степени близости» с гражданами России у респондентов русской национальности и «не ощущаю близость» у лезгин.

Таблица 2 – Измерение гражданской идентичности этнических групп

Table 2 – Measuring the civic identity of ethnic groups

Варианты ответов // Национальности	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущаю близость	Затрудняюсь ответить
Аварцы	30,49%	35,87%	14,34%	19,28%
Даргинцы	21,9%	45,71%	11,42%	20,95%
Лезгины	15,38%	38,46%	26,15%	20%
Кумыки	25,35%	42,25%	15,49%	16,9%
Лакцы	33,33%	40,47%	9,52%	16,66%
Табасаранцы	30,76%	34,61%	7,69%	26,92%
Русские	57,14%	28,57%		14,28%
Рутулы	36,36%	54,54%	9,09%	
Цахуры	40%	40%		20%
Агулы	18,18%	54,54%	9,09%	18,18%

На вопрос «**Считаете ли Вы себя верующим человеком?**» ответили положительно – 575 чел (88,46 %), нет, не считаю – 30 чел. (4,61 %), верю высшие силы, но не отношу себя какому-то вероисповеданию – 22 чел. (3,38 %) и затруднились ответить – 23 чел. (3,53 %).

Таким образом, в зависимости от самоидентификации опрошенных, группу «верующие» составили – 88,46% респондентов, а группу «неверующие» – 4,61%. Гражданская идентификация этих двух групп респондентов приведена в таблице 3. Как мы видим, показатели социальной близости с «гражданами России» в сумме «близко» и «очень близко» незначительно выше у «неверующих». На наш взгляд, возможно сказывается определенное влияние проповедей представителей нетрадиционных течений (в сети Интернет), которые не проникнуты культурой межрелигиозного согласия. В то время как межкультурное согласие имеет в Дагестане глубокие корни и продолжает развиваться благодаря лидерам традиционных религий и конфессиональной политике республиканских властей. Проведенное ранее автором исследование, свидетельствует о том, что религиозность мусульман не ослабляет позиции гражданской идентичности [4, с.95].

Таблица 3 – Измерение гражданской идентичности в зависимости от отношения к религии

Table 3 – Measurement of civic identity depending on the attitude to religion

Варианты ответов // Отношение к религии	В значитель- ной степени	В некоторой степени	Не ощущаю близость	Затрудняюсь ответить
Верующие	26,26%	37,21%	14,43%	22,08%
Неверующие	33,33%	46,66%	6,66%	13,33%

Довольно интересны результаты ощущения социального неравенства граждан по этническим и религиозным признакам у данных групп опрошенных. Так, результаты опросов *«Как Вы считаете, нарушаются ли в Российской Федерации права жителей Северного Кавказа по этническому признаку?»* и *«Как Вы считаете, нарушаются ли в Российской Федерации права жителей Северного Кавказа по религиозному признаку?»* показывают, что в отличие от «верующих» респонденты группы «неверующие» большей степени отмечают о неравенстве этнических прав граждан (40%), чем религиозных (26,66%).

Следует подчеркнуть, что наличие ощущения социального неравенства по этнорелигиозным признакам у довольно немалой доли дагестанской молодежи означает восприятие ими и всей системы общественных отношений как неполноценной, не ждущейся на социальной справедливости.

Социологи связывают возникающие ощущения несправедливости, нарушением механизмов воспроизводства социальной структуры в результате особых преференций для одних этнических групп (или их представителей) [5, с.146]. И как показывают результаты исследований общественных неравенств, россияне готовы принимать социальные неравенства, если они обусловлены справедливыми основаниями, другой «болевой точкой» современного российского общества, по их мнению, является неравенство перед законом [6, с. 25].

Среди основных негативных последствий в жизни граждан вследствие этнорелигиозной дискриминации респонденты отметили трудности карьерного роста (28,31%) и проблему трудоустройства (25,84%). В результате опроса, в качестве ключевых проблем этнорелигиозного развития, обостряющих чувство социальной несправедливости, зафиксированы: трудности с сохранением культуры и традиций своего народа и родных языков (по 15,69%), запреты ношения «религиозной» одежды (27,07%).

Таким образом, можно предположить, что наличие равных условий и равенства перед законом представителей всех этнокультурных групп позволит укрепить нравственные устои общественно-го единения. Но помимо выработки действенных адаптационных практик в области национальной политики необходимы изменения в социальной политике и социальном управлении [7, с. 32].

Список источников

1. Лошкарева-Имгрунт С. И. Перспективы преодоления этнокультурных неравенств в рамках российской цивилизационной идентичности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6. С.100-103
2. Волков Ю. Г., Мамина Д. А. Значение социальной справедливости в повседневной жизни мигрантов в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2021. Том. 10. № 2 С. 114-129. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.2.10
3. Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х., Мильдзихов С. Т. Структурирование социально-экономических и политико-управленческих проблем в региональном пространстве Северо-Кавказского федерального округа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 154-159. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-154-159

4. Джабраилов Ю. Д. Религиозность и гражданская идентификация молодежи в Республике Дагестан: современное состояние. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. № 4-5. С.90-102. DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-90-102
5. Бинеева Н. К., Войтенко В. П. Социальная справедливость в системе межэтнических отношений в оценках экспертного сообщества Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2020. Том. 9. № 6. С. 139-147. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.6.11>
6. Горшков М. К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20–31
7. Волков Ю. Г., Гурба В. Н., Гуськов И. А. Специфика социальных неравенств в российском обществе: теоретико-концептуальное и социально-диагностическое измерение // Гуманитарий Юга России. 2020 Том. 9. № 6. С. 30-47. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.1

References

1. Loshkareva-Imgrunt S. I. Prospects for overcoming ethnocultural inequalities within the framework of the russian civilizational identity. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2014;(6):100-103. (In Rus.)
2. Volkov Yu. G., Mamina D. A. The importance of social justice in the daily life of migrants in modern russian society. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2021;10 (2):114-129. (In Rus.)
3. Astvatsaturova M. A., Dzakhova L. H., Mildzikhov S .T. Structuring socio-economic and political-managerial problems in the regional space of the North Caucasus Federal District. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):154-159. (In Rus.)
4. Dzhabrailov Yu. D. Religiosity and civic identification of youth in the Republic of Dagestan: the current state. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and socio-educational thought*. 2020; (4-5):90-102. (In Rus.)
5. Bineeva N. K., Voitenko V. P. Social justice in the system of interethnic relations in the assessments of the expert community of the Rostov region. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the south of Russia*. 2020; 9 (6): 139-147. (In Rus.)
6. Gorshkov M. K. Social inequalities as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2014;(7):20-31. (In Rus.)
7. Volkov Yu. G., Gurba V. N., Guskov I. A. The specifics of social inequalities in russian society: theoretical-conceptual and socio-diagnostic dimension. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2020;9(6):30-47. (In Rus.)

Информация об авторе

Ю. Д. Джабраилов – канд. полит. наук, ст. научн. сотр.

Information about the author

Yu. D. Dzhabrailov – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 11.11.2021.

The article was submitted 25.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 11.11.2021.

ДИНАМИКА ЭТНОГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Людмила Владиславовна Клименко

Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия,
lucl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7696-7830>

Аннотация. В статье на материалах повторно-сравнительных социологических исследований с 2004 по 2020 гг. анализируется динамика гендерных установок населения Юга России. Анализируется отношение к возможностям карьерного продвижения женщин в образовании, медицине, бизнесе, финансах, производственной деятельности, политике и силовых ведомствах. В традиционалистских республиках (Ингушетия, Дагестан) растет консерватизм среди мужчин, в переходных республиках (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария) устойчиво позитивное отношение среди женщин и рост нейтрального восприятия среди мужчин. Но фиксируется тяготение гендерных оценок титульного населения Адыгеи к традиционному полюсу. Наибольшая степень выраженности модернизированных установок и сближение гендерных подгрупп в данных установках наблюдается в разные годы в Ростовской области. А также в целом, большая часть женщин различных субрегионов Юга России устойчиво ориентирована на деконструкцию традиционного гендерного дисплея. В то же время несовпадение этнотерриториальных сегментов в установках относительно социально-профессиональной активности женщин выступает фактором, затрудняющим социальную интеграцию поликультурного Юга России.

Ключевые слова: этногендерные установки, карьера, социально-профессиональная сфера, социальная целостность, полиэтнический регион, Юг России, республики Северного Кавказа, этнокультурная специфика

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

Для цитирования: Клименко Л. В. Динамика этногендерных установок населения Юга России в социально-профессиональной сфере // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 214–219. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-214-219>.

Sociology Problems

Original article

DYNAMICS OF ETHNO-GENDER ATTITUDES OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE SOCIAL-PROFESSIONAL SPHERE

Ludmila V. Klimenko

Higher School of Business Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, lucl@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7696-7830>

Abstract. The article analyses the dynamics of gender attitudes of the South Russian population using the material of the repeated comparative sociological research conducted from 2004 to 2020. In the article the author analyses the attitude to the possibilities of career promotion for the female population in education, medicine, business, finance, production, politics and security agencies. In the conformist republics (the Republic of Ingushetia, the Republic of Dagestan) there is an increasing conservative trend, whereas the transitive republics (the Karachay-Cherkessia Republic, the Kabardino-Balkar Republic) are described by the approving stable attitude among the female and growing neutral attitude among the male population. Although, gender attitudes of the title nation in the Republic of Adygea are inclined to the conformist's pole. Modernized orientations and gender subgroups coming closer within the given attitudes have been detected in Rostov region over the number of years. In general, a substantial part of the female population of various South Russian subregions is targeted at the deconstruction of traditional gender display. Simultaneously there is an incongruity of ethno-territorial segments within the attitudes towards the female socio-professional ambitions, which turns into the factor hindering societal integration of the multicultural South of Russia.

Keywords: ethno-gender attitudes, career, social and professional sphere, societal integrity, multi-ethnic region, Southern Russia, republics of the North Caucasus, ethnocultural specificity

Financial Support: The reported study was funded by RFBR, project number 19-011-00270.

For citation: Klimenko L. V. Dynamics of ethno-gender attitudes of the population of the South of Russia in the social-professional sphere. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):214–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-214-219>.

Постановка проблемы. В процессах формирования социетальной (макроуровневой) интеграции многосоставных социумов важнейшую роль играет генерализация и универсализация базовых ценностей в обществе. В полиэтничных регионах гендерные стереотипы, установки и паттерны поведения являются важнейшими показателями степени традиционализации или же модернизации социальной жизни. Южно-российский макрорегион, который включает в себя Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, характеризуется гетерогенным этническим составом населения, разным уровнем социального и экономического развития административно-территориальных субъектов.

Процессы деконструкции традиционного гендерного дисплея наиболее ярко проявляются в сфере публичной жизни. В частности, речь идет о показателях представленности и влияния женщин в сфере социально-профессиональной и политической активности. С одной стороны, установки основной части современных жителей республик Северного Кавказа отличаются гендерным консерватизмом, традиционализацией поло-ролевых стереотипов. С другой стороны, южно-российское население активно вовлекается в процессы глобализации и распространения массовой культуры, что сопряжено с расширением границ гендерных экспектаций особенно среди женщин [1, 2].

В этой связи рассмотрим динамику этногендерных установок населения относительно социально-профессиональной активности в контексте социетальной интеграции Юга России.

Региональные особенности занятости и оплаты труда на Юге России. Многолетние статистические наблюдения и эмпирические исследования фиксируют сохраняющуюся горизонтальную и вертикальную сегрегацию социально-трудовой активности женщин в нашей стране [3]. Исходя из международного исследования Всемирного банка, проведенного в 2019 г. по шкале гендерного равенства, Россия занимает только 75-е место (из 187). Данный индекс гендерных различий включал анализ 8 параметров и внутри страны самые низкие баллы набрал параметр гендерного равенства в оплате труда¹.

По данным Росстата в 2019 г. показатели уровня занятости на Юге России среди мужчин выше, чем среди женщин и это общероссийская тенденция (работающие мужчины в РФ составляют – 81%, женщины – 75%). В южно-российском макрорегионе фиксируется значимая разница показателей трудоустройства по федеральным округам и административно-территориальным субъектам. В целом по ЮФУ уровень занятости мужчин составляет 81%, женщин – 73%. Тогда как по СКФО показатели занятости женщин гораздо ниже – 71% против 59%. Самые низкие показатели трудоустройства женщин в Дагестане – 51% и Ингушетии – 52%, а самые высокие – в Краснодарском крае – 75% и Ростовской области – 73% (рис. 1.).

Остается устойчивой гендерная асимметрия в уровне оплаты труда, когда женщины в среднем зарабатывают меньше. На современном этапе отношение женской зарплаты к мужской составляет в России 72% или в фактических величинах 37,9 тыс. руб. у женщин и 52,5 тыс. руб. В Южном федеральном округе этот показатель составляет 76%, в Северо-Кавказском федеральном округе – 82%. В некоторых субрегионах Юга России отношение женской зарплаты к мужской сближается до 90% в Чечне и 97% в Ингушетии). Вместе с тем, подобное соотношение уровня оплаты труда объясняется совсем не выравниванием гендерной асимметрии, а общим низким уровнем зарплат в республиках (например, в Ингушетии в 2019 г. средняя заработная плата женщин составляла 22,4 тыс. руб. и мужчин – 23 тыс. руб.) (рис. 2).

Низкий уровень жизни большинства населения республик Северного Кавказа, а также «влияние религиозного фактора (ислама); негативное влияние традиционных установок и семейных ценностей; дискриминация по видам деятельности и необходимость получения разрешения на работу от мужчины; консервативность в государственной политике» [6, с. 1464] являются факторами усиления патриархальности и гендерной дискриминации [7, с. 21].

¹ Global Gender Gap Report 2017. World Economic Forum. Retrieved July 16, 2019, from http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf

Рис. 1. Уровень занятости женщин и мужчин в трудоспособном возрасте на Юге России в 2019 г. (в %) [5]

Fig. 1. Employment rate of women and men of working age in the South of Russia in 2019

Рис. 2. Средняя зарплата женщин и мужчин на Юге России в 2019 г. (в %) [5]

Fig. 2. Average salaries of women and men in the South of Russia in 2019

Динамика гендерных конструкторов в сфере социально-экономической активности населения Юга России. Эмпирической базой исследования выступают результаты повторно-сравнительных социологических исследований, проведённых в шести субрегионах Юга России в 2004, в 2010 и 2020 годах. Сопоставление социологических данных, полученных в различных республиках и областях макрорегиона, обусловлено их принадлежностью к одному из трех типологических сегментов, в которых обнаруживается близость социокультурной динамики: 1) экономически

более развитые, урбанизированные территории с преимущественно русским населением (Ростовская область (РО), Краснодарский край (КК) и др.); 2) республики, занимающие промежуточное положение по уровню социально-экономического развития (Кабардино-Балкария (КБР), Адыгея (РА), Северная Осетия-Алания (РСО-А), Карачаево-Черкесия (КЧР); 3) традиционалистские республики (Ингушетия (РИ), Чечня (ЧР), Дагестан (РД)).

По стандартизированной анкете было опрошено население:

- в 2004 г. Карачаево-Черкесии (334 чел.), Ингушетии (270 чел.) и Ростовской области (276 чел.),
- в 2010 г. – Адыгеи (300 чел.), Ингушетии (300 чел.), Кабардино-Балкарии (262 чел.), Ростовской области (300 чел.),
- в 2020 г. – Адыгеи (331 чел.), Дагестана (420 чел.), Кабардино-Балкарии (373 чел.) и Ростовской области (407 чел.).

По этническому составу в разных республиках было опрошено не менее двух третей титульного/ коренного населения. По квотно-пропорциональной выборке опрашивались жители республиканских и областных центров.

Эмпирические замеры показывают устойчивость стереотипа о наличии т.н. «женских» профессий, к которым относится образование и медицина. Здесь степень одобрения на трех этапах опроса составляет не меньше 80% в разных подгруппах. Немного ниже уровень положительного отношения (около 70%) среди мужчин Ингушетии (в 2004 г. и 2010 г.) [8] и Адыгеи (в 2020 г.) (рис. 3-4).

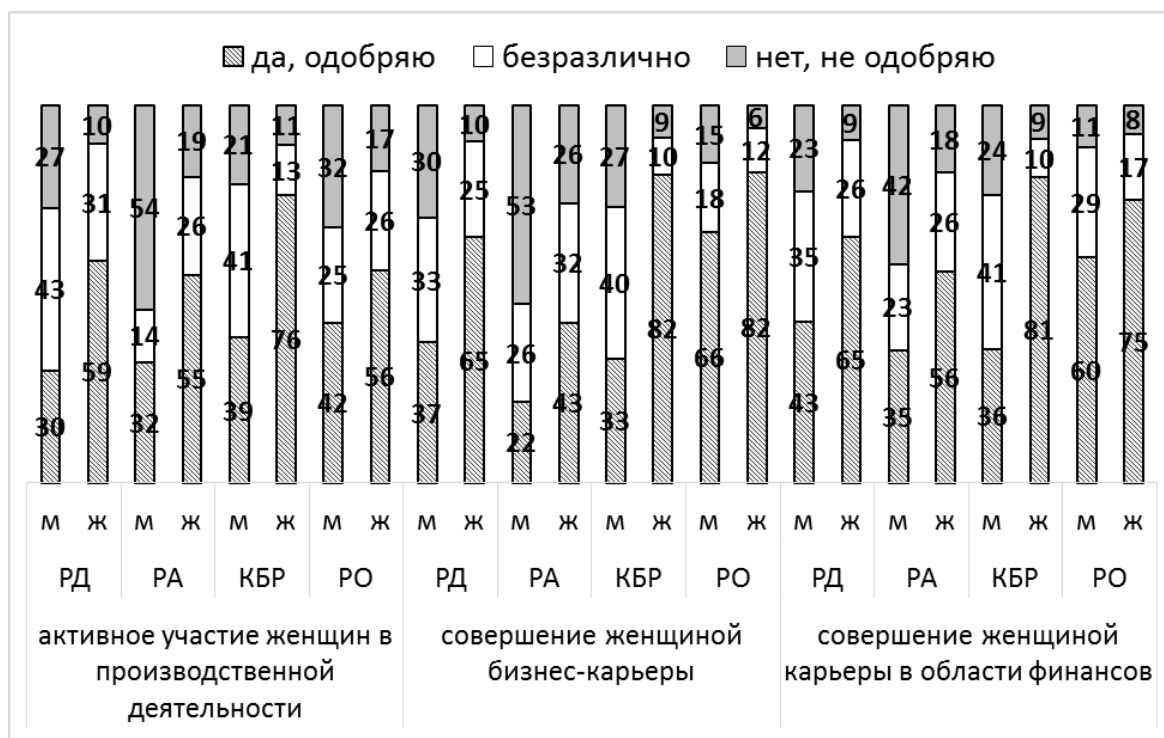

Рис. 3. «Одобряете ли Вы?» (%). Опрос 2020 г.

Fig. 3. «Do you approve?» (%). Survey 2020

Менее позитивно воспринимается бизнес-карьера женщин, особенно выражено неодобрение среди северокавказских мужчин. На этом фоне в традиционалистских республиках (РИ, РД) фиксируется положительная динамика (негативное отношение в 2004 г. более двух третей респондентов, а в 2020 – не более трети). Данное обстоятельство может объясняться ухудшением социально-экономической ситуацией в этих республиках, ростом уровня безработицы, что нормализует потребность экономической активности женщин. Тогда как среди мужчин республик переходного типа (КЧР, КБР, РА) отмечается снижение положительного отношения к женской бизнес-карьере (с половины до четверти опрошенных). Северокавказские женщины на разных этапах опроса высказались одобрительно (от 65% до 82% случаев). В Ростовской области позитивация бизнес-карьеры женщины нарастает от первого к последнему этапам опроса в обеих гендерных подгруппах (рис. 3-4).

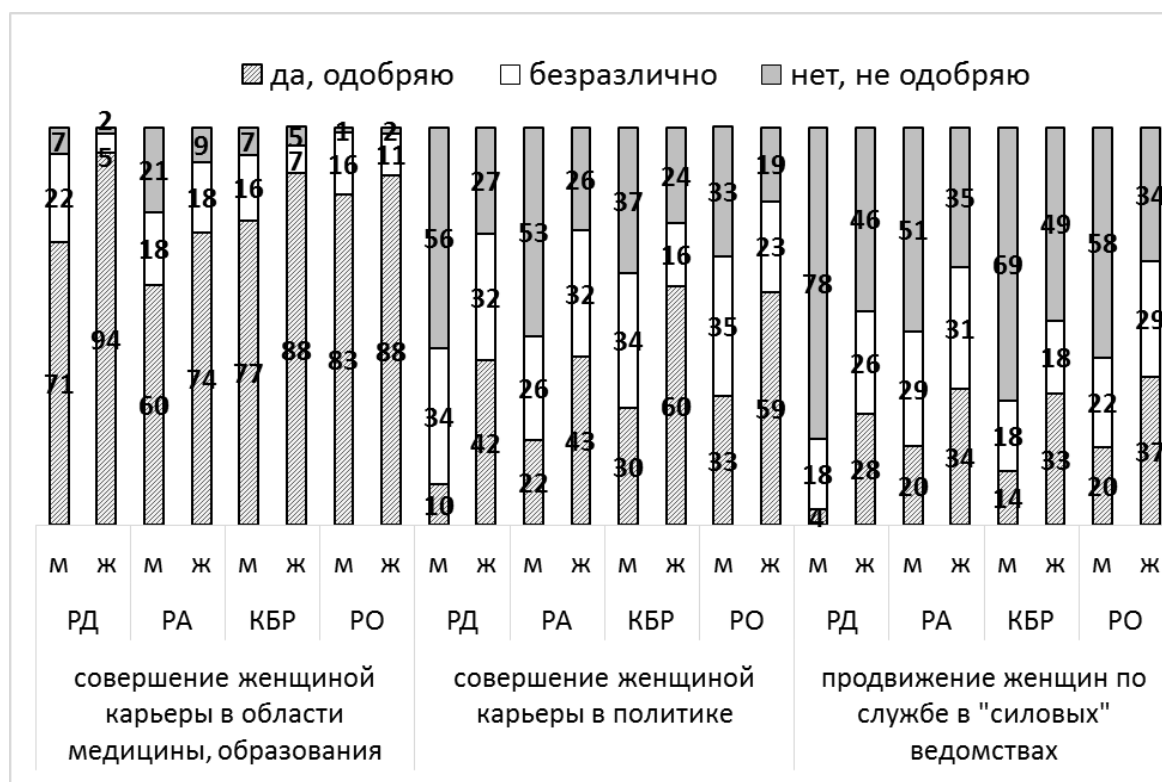

Рис. 4. «Одобрите ли Вы?» (%). Опрос 2020 г.

Fig. 3. «Do you approve?» (%). Survey 2020

Далее в условном рейтинге одобрения располагается участие женщин в производственной деятельности, которое в меньшей степени одобряется мужчинами традиционалистских республик и в большей степени женщинами переходных и модернизированных субрегионов Юга России. В свою очередь, карьера женщин в политике и в «силовых» ведомствах негативно воспринимается основной частью мужчин республик Северного Кавказа на трех этапах опроса. Среди мужской части традиционалистских республик от первого к последнему этапам исследований число негативных оценок увеличивается. А в переходных и модернизированных субрегионах чаще начинает встречаться нейтральное отношение (за исключением титульного населения Адыгеи, которое тяготеет к традиционалистскому полюсу). А также с 2004 по 2020 гг. фиксируется рост положительных или нейтральных оценок по этому вопросу среди женщин различных этнотерриториальных сегментов Юга России (рис. 3-4).

Заключение. Таким образом, эмпирические замеры разных лет выявляют этногендерную специфику отношения населения Юга России к социально-экономической активности женщин. Выраженным консерватизмом отличаются взгляды мужчин традиционалистских республик (Ингушетия, Дагестан) и по большинству позиций установки на гендерную сегрегацию усиливаются от первого этапа исследования к последнему. Среди республик переходного типа (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария) чаще встречается позитивное (среди женщин) и нейтральное (среди мужчин) отношение к публичным формам активности женщин. Тогда как установки титульного населения Адыгеи тяготеют к традиционному полюсу. В целом устойчивым остается разрыв во взглядах северокавказских мужчин и женщин, и за период с 2004 по 2020 гг. растет число республиканских женщин ориентированных на деконструкцию традиционного гендерного дисплея. И наибольшая степень одобрения социально-экономической и политической карьеры женщин, а также сближение гендерных подгрупп населения в данных установках наблюдается в разные годы в Ростовской области. Подобное несовпадение этногендерных подгрупп населения во взглядах на социально-профессиональную самореализацию женщин выступает фактором, затрудняющим социальную интеграцию поликультурного Юга России.

Список источников

1. Антонова Н. В., Виноградова Н. Л., Леонтьева Е. Ю., Серебрянская В. Н. Гендерные репрезентации в ситуации этнокультурного многообразия южнороссийского региона: монография. Волгоград: ВолгГТУ, 2015. 156 с.
2. Костерина И. Жизнь и положение женщин на Северном Кавказе. Отчет по результатам исследования. 2014. URL: <https://ru.boell.org/ru/2015/05/28/zhizn-i-polozhenie-zhenshchin-na-severnom-kavkaze-otchet-po-rezultatam-issledovaniya>
3. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ для ЦСР. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 148 с. URL: <https://lirt.hse.ru/news/204197196.html>
4. Женщины и мужчины России. 2020: Стат. сб./ Росстат. М., 2020. 239 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf>
5. Хаджалова Х. М., Абдулаева З. З. Гендерные особенности рынка труда в республиках Северного Кавказа // Экономика труда. 2019. № 4. С. 1463-1474.
6. Бутаева М.А. Инновационный потенциал женщины как фактор социально-политический трансформации (на материалах республик Северного Кавказа). Автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2012. 50 с.
7. Клименко Л. В. Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение. Дис. ... д. с. н. Майкоп, 2016. 367 с.

References

1. Antonova N. V., Vinogradova N. L., Leont'eva E. YU., Serebryanskaya V. N. *Gender Representations in the Situation of Ethnocultural Diversity in the South Russian Region*: Monograph. Volgograd, VolgGTU Publ., 2015. 156 p. (In Russ.).
2. Kosterina I. Life and Status of Women in the North Caucasus. Results of the study. 2014. Available from: <https://ru.boell.org/ru/2015/05/28/zhizn-i-polozhenie-zhenshchin-na-severnom-kavkaze-otchet-po-rezultatam-issledovaniya>
3. *Russian labor market: trends, institutions, structural changes. Report of CETI and LIRT of the National Research University Higher School of Economics for the CSR*. Moscow: NRU HSE; 2017. 148 p. (In Russ.). Available from: URL: <https://lirt.hse.ru/news/204197196.html>
4. *Women and men of Russia. 2020: Statistical collection*. Rosstat. Moscow; 2020. 239 p. (In Russ.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf>
5. Hadzhalova H. M., Abdulaeva Z. Z. Gender characteristics of the labor market in the republics of the North Caucasus. *Russian Journal of Labor Economics = Ekonomika truda*. 2019;(4):1463-1474. (In Russ.).
6. Butaeva M. A. *The innovative potential of women as a factor in socio-political transformation (based on the materials of the republics of the North Caucasus)*. Abstract of thesis. dis. ... doct. polit. sciences. Moscow, 2012. 50 p. (In Russ.).
7. Klimenko L. V. *Dynamics of the Societal Sphere of the South of Russia: Sociocultural Dimension*. Diss doct. sociological. sciences. Majkop; 2016. 367 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. В. Клименко – докт. социол. наук, проф.

Information about the author

L. V. Klimenko – Doctor of Sciences in Sociology, Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 26.10.2021; принята к публикации 28.10.2021.

The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 26.10.2021; accepted for publication 28.10.2021.

Научная статья

УДК 316.77

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-220-224

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Наталья Владимировна Маслодудова

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, nata.maslodudova@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа особенностей современной цифровой реальности обосновываются социальные риски, связанные с изменением сущности самого человека. Переход из сферы непосредственного контактного общения в виртуальную обезличенную реальность ведет к существенным изменениям характеристики человека разумного. Сами эти изменения становятся причиной новых социальных рисков как для отдельного человека, так и для человечества в целом.

Ключевые слова: цифровая реальность, виртуальное общение, социальные риски, биосоциальность и духовность человека

Для цитирования: Маслодудова Н. В. Социальные риски современной цифровой реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 220–224. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-220-224>.

Sociology Problems

Original article

SOCIAL RISKS OF MODERN DIGITAL REALITY

Natalia V. Maslodudova

Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk, Russia, nata.maslodudova@yandex.ru

Abstract. On the basis of analysis of the features of modern digital reality justified social risks associated with changes in the essence of the person. The transition from the sphere of direct contact communication to virtual impersonal reality leads to significant changes in the characteristics of Homo sapiens. These changes themselves are causing new social risks both for the individual and for humanity as a whole.

Keywords: digital reality, virtual communication, social risks, biosociality and human spirituality.

For citation: Maslodudova N. V. Social risks of modern digital reality. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):220–224.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-220-224>. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 220–224.

Первая мысль, которая приходит в голову при постановке обозначенной проблемы, это слова Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».¹ Какую бы теорию происхождения человека мы не выбрали для себя в качестве истинной, очевидность эволюционных процессов, связанных в том числе и с самим человеком, подвергнуть сомнению очень трудно. Долгое время мы были убеждены, что человек в сущности на протяжении всей своей истории остается неизменным, лишь подстраиваясь под постоянно меняющиеся обстоятельства. Эту неизменную сущность мы связывали с биосоциальностью человека, то есть включенностью человека в два мира: мир природы и мир общественных отношений. Формирование такого отличительного признака человека как наличие у него сознания мы справедливо связывали с влиянием общества, отмечая, что у родившегося здорового ребенка есть лишь заданная биологическим видом потенция к мыслительной деятельности. Развитие этой заданной потенции во многом определяется обществом в целом и непосредственным социальным окружением конкретного ребенка.

© Маслодудова Н. В., 2021

¹ Балашов Л. Протагор... Человек - мера всех вещей. <https://proza.ru/2012/12/02/2025> (дата обращения 25.07.2021)

Психология заставила расширить сущность человека до восприятия ее как биопсихосоциальной. Хотя в целом, с точки зрения философии, это не изменяет заданных координат, так как индивидуальные психические характеристики человека относятся все к тому же миру биологической природы, а коллективные психические находят отражение в социальном. А это означает, что биологические изменения, которые происходят в человеке под влиянием как природных изменений, так и в результате развития новых биотехнологий, вступая во взаимодействие с социальной реальностью, не могут не оказывать на нее влияние. И наоборот, социальные изменения могут приводить, и уже приводят, к желанию биологических изменений в самом человеке. Яркий пример: «диалектика пенсионной реформы». Женщина, осознающая, что ей необходимо доработать до 60 лет, и планирующая «на зло правительству» получать пенсию до 90 лет, начинает совершенно по-новому относиться к своему здоровью и его возможным резервам. Но ее надежды не ограничиваются здоровым питанием и физкультурой. Она вполне справедливо надеется на современную гормональную терапию, позволяющие сохранять молодость, и современные медицинские технологии, позволяющие заменять изношенные суставы, выращивать с помощью стволовых клеток новые органы и при необходимости заменять старые и т.п. Очевидно, что развитие доступности возможных технологий в будущем несомненно поставит вопрос о новом увеличении пенсионного возраста. Такова диалектика...

Вместе с тем, увеличение пенсионного возраста с философской точки зрения не является серьезным социальным риском, если конечно не рассматривать его как инструмент для наращивания социального протеста. Такими инструментами в современном мире могут оказаться и сертификаты о вакцинации, QR-коды, увеличивающие историческую сегрегацию населения, и многое другое. Здесь на первое место выходит ответственность самих политиков, которые опираются на подобные инструменты.

С философской точки зрения более серьезными социальными рисками являются последствия изменения сущности самого человека под влиянием современной цифровой реальности. Что представляет из себя цифровая реальность для обывденного человека? В первую очередь – доступность. Условием этой доступности становится не только наличие смартфона и гаджета, которые, и это необходимо признать, еще для достаточно большого количества российских людей остаются предметами роскоши, но и уровень образовательных возможностей самого человека. И вот здесь начинается самое интересное... Дело не в возрастных способностях! Нашим бабушкам и дедушкам всегда найдутся помощники. Задача государства обеспечить защиту от некоторых из них. Огромное количество людей становятся заложниками мошенников, которые, успешно осваивая новые технологии, берут от нашего имени кредиты, сдают в аренду или продают нашу собственность, получают за нас страховые выплаты и т.д. и т.п. Все это затмевает привлекательную доступность цифровой реальности и порождает страх. Последний же оказывает колоссальное влияние на биологическую сущность человека. И это влияние далеко не только положительное, связанное с защитной реакцией организма. Страх способен парализовать чувственную сторону человека, которая является его сущностной характеристикой. Чувства, как важнейший элемент человеческого сознания являются осознанной эмоцией. Выдающийся психолог Л.С. Выготский обращал внимание на двуединство интеллекта и эмоции. Именно в этом двуединстве и рождаются чувства. Чем выше интеллект, тем сложнее, глубже и продолжительнее эмоции человека. Лишившись чувств, он становится эмоциональным животным.

Феномен страха изучается философами и социологами, психологами и политологами. Различные подходы, сложившиеся в истории философии к проблемам страха и тревоги связаны с именами античных авторов (Платон, Эпикур, Тит Лукреций Кар), представителями Средневековья (Августин Аврелий, Иоанн Дамаскин, Никколо Макиавелли), Нового времени (Френсис Бэкон, Томас Гоббс, Поль Анри Гольбах, Иммануил Кант, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Сёрен Кьеркегор), а также западной философии XX века (Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр, Карл Ясперс, Зигмунд Фрейд, Альфред Адлер, Эрих Фромм) и русской философской мысли (Михаил Михайлович Шербаков, Иван Александрович Ильин, Николай Александрович Бердяев, Семен Людвигович Франк, Лев Исаакович Шестов).

Современными учеными В.А. Андрусенко, В.Ю. Антоновым, В.К. Бакшутковым, М.И. Витковским, А.С. Гагариным, А.С. Заваруевой и многими другими изучается не только природа страха, но и эволюция самих воззрений на страх и тревогу.

Так, Д.Н. Баринев, изучая эволюцию философских представлений о тревоге и страхе, приходит к выводу о возможности выделения нескольких аспектов данного феномена. «Антропологический аспект позволяет установить связь тревоги с родовым понятием «страх», который обусловлен

потребностью человека в самосохранении и воспроизводстве своей жизни. Онтологический аспект заключается в раскрытии природы тревоги и страха как духовных явлений, в уяснении их места в системе жизнедеятельности человека и общества, а также их структуры и типологии. Гносеологический аспект состоит в осознании страха и тревоги как специфических форм отражения реальности. Аксиологический аспект заключается в соотношении страха и тревоги с миром социальных ценностей, социальных интересов, мотивов, что позволяет понять их роль в жизненных проявлениях. Праксеологический аспект раскрывает роль тревоги и страха в стимулировании практической социальной активности, усилении волевого фактора, направленного на предотвращение социальных, психологических, экзистенциальных угроз». [1, с. 38] Именно аксиологический аспект страха последствий цифровой реальности, заключающийся в соотношении последнего с миром социальных ценностей (доступности, которую предлагает цифровая реальность), помогает понять почему эта, казалось бы, очевидная современная социальная ценность, так отторгается большей частью довольно прогрессивного российского общества. Многие из таких представителей справедливо связывают грядущую цифровизацию с усилением деспотизма по отношению к человеку.

И здесь мы выходим еще на один серьезный социальный риск, порожденный цифровым обществом. Таким риском становится Интернет-зависимость, которая за последние годы распространяется в детской и молодежной среде очень быстрыми темпами. В 2010 г. Интернетом в России пользовались 43,3 млн человек, в 2015 г. – 78 млн человек, в 2017 г. – 87 млн человек, что составляет 73% всего населения в России. К середине 2018 г. уже более 90 млн человек – 81% населения. Такой прирост неизбежно ведет к увеличению численности интернет-зависимых.¹ Речь не идет об использовании Интернета как средства получения доступной информации, которую в дальнейшем можно самостоятельно анализировать и обобщать. Речь идет о зависимости, которая проявляется как психическое заболевание, сопровождающееся большим количеством поведенческих проблем. Проявлением такой зависимости служит неспособность человека вовремя выйти из Сети и постоянное навязчивое желание войти в эту Сеть под любым предлогом. Это становится причиной разрушения существенных личностных характеристик человека. Как любой зависимый человек, он становится ведомым, способным подчиняться. Он часть толпы. А как справедливо отмечает Д.С. Соммер: «при растворении человека в толпе значительно ослабевает его разум». [2, с. 31] Человек в толпе перестает мыслить, его основным желанием становится потребление наслаждения. В 1970 году Ж. Бодрийяр в своей работе «Общество потребления» назвал потребление цепной психологической реакцией, природа которой бессознательна. [3, с. 3] По мнению Ж. Бодрийяра, само потребление предметов перестает быть связанным с их сущностью, а избыток предметов потребления, указывая на «мнимое» изобилие, делает современное общество обществом самообмана, где уже подлинные чувства просто невозможны.

Надо признать, что страх, связанный с отсутствием Интернета, может быть выражением праксеологического аспекта, связанного со стимулированием практической социальной активности. И выражается он в том, что ради возвращения доступа к Интернету молодежь готова выйти на улицу и стать марионетками в руках политиков. «Современные молодые люди уже не боятся голода и лишений военного времени, рэкета «лихих 90-х», уличных грабежей, квартирных краж и т.п. Нам надо понять, что у них реально другие страхи: они боятся ограничения доступа к информации, слежки в своих соцсетях, отсутствия мобильной связи или Интернета, запрета на использование Iphone и установление нового «железного занавеса»». [4, с. 215] В этом аспекте страхи предыдущих поколений продолжают стимулировать людей старшего возраста на сохранение достигнутых положительных сторон социального развития и являются действенной прививкой от социального радикализма. Но у современных молодых людей другие страхи, стимулирующие иную социальную активность.

И, наконец, еще один серьезный социальный риск: утрата реальных коммуникативных способностей, развитие которых исторически способствовало формированию сознания человека. Siri, Алиса, голосовые помощники банков, магазинов, государственных учреждений, электронная почта и социальные сети вместо звонков и непосредственных встреч стали сегодня нашей повседневной реальностью. Выступать против них – это все равно, что уговаривать человека пересечь из машины на лошадь. Но машина – источник повышенной опасности, и когда мы садимся в нее, осознавая эту опасность, мы уже на половину от нее защищены. Вот таким же должно быть отношение и к современным коммуникативным суррогатам, представляющим формы виртуального общения.

¹ Статистика интернет-зависимости у российских подростков. <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/127-> (дата обращения 21.07.2021)

Они не могут и не должны вытеснять из нашей жизни непосредственное общение, даже если они удобны и эффективны.

Чрезмерное увлечение такими формами общения обязательно приведет к потере коммуникативных способностей, страху перед непосредственным общением и в конечном итоге к сокращению когнитивных способностей человека. Если ранее недостаток непосредственного общения замещался общением с героями книг, то сегодня прочтение серьезной литературы, наполненной характерными героями, удел немногих. А между тем, литература как особый вид искусства, всегда оказывала огромное влияние на развитие чувственности человека.

Снимая фильм «Война и мир», С. Бондарчук боялся выбросить каждый монолог, считая, что с ним будет потерян и смысл. Именно поэтому прочтения краткого содержания произведения – это всего лишь получение информации, а не воспитание чувства. Человек, способный не просто испытывать эмоции, а наполнять свою жизнь чувствами, не утрачивает свою духовную сущность. Двойственная природа человека, по мнению С.Л. Франка, помогает ему преодолеть рабский страх. На уровне психической жизни она проявляется как двойственность эмоциональных проявлений: экзистенциальный ужас «перед глубиной и безмерностью бытия, перед бездонной бездной», а с другой – ищет счастья, умиротворения («согревающего приюта для души») [5, с. 538]. Для С. Л. Франка это возможно благодаря религиозной вере. Выйдя за рамки религиозной веры, отметим, что это возможно благодаря духовности, сама природа которой в истории философской мысли до сих пор понимается неоднозначно, но единым остается признание того, что это существенный признак человека.

В. Франкл отмечал: «духовность человека - это не просто его характеристика, а конституирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим, которые свойственны и животным. Духовное – это то, что отличает человека, что присуще только ему и ему одному. ...Человек как духовное существо не только сталкивается с тем, что он противостоит миру (как внешнему, так и внутреннему), но и занимает позицию по отношению к нему. Человек всегда может как-то «относиться», как-то «вести себя» по отношению к миру. В каждое мгновение своей жизни человек занимает позицию по отношению как к природному и социальному окружению, к внешней среде, так и к витальному миру, к внутренней среде. И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке, что всегда может возразить» [6, с. 92-93].

С. Кьеркегор, стремясь показать, что любое достигнутое состояние является промежуточным в непрерывном процессе обретения духовности, назвал страх «определением грядущего духа» [7, с. 143]. То есть страх отражает становление духовности. По мнению автора, там, где есть страх – духовности еще нет, но чувство страха помогает ее обрести. В связи с этим, хотелось бы обратить внимание на следующее. Если речь идет не о чувстве страха, а о страхе как неосознанной эмоции, то последний, как раз может лишить человека имеющейся у него духовности, став определением потери обретенного ранее духа. Мы определяем духовность как «способность человека открывать, воспринимать и переживать истину, добро и красоту, усваивать их, преломляя через свое «Я» и в соответствии с этим строить свое поведение и всю жизнедеятельность. Это личный, интимный мир человека, его заинтересованность и добровольное исполнение норм нравственности» [8, с. 29].

Сохранить ценность сознательности (самостоятельной мыслительной деятельности) и чувственности человека (осознанности эмоций, не ограничивающейся кратковременностью восприятия) – это значит обеспечить в условиях неизбежной эволюции неизменность духовной сущности самого человека, удержать его от превращения в эмоциональное животное, неспособное к чувствам, или в машину, функционирующую по заданной программе. В 2009 году режиссер Роланд Эммерих снял художественный фильм «2012» о конце света¹. Фраза одного из героев фильма: «Всем нам пришлось принимать не простые решения ради спасения нашей цивилизации, но быть человеком значит заботиться о ближнем. ... Когда мы прекратим биться друг за друга – мы лишимся того, что делает нас людьми!», достойна того, чтобы встать в один ряд с высказыванием Протагора.

Список источников

1. Баринов Д. Н. Тревога и страх: историко-философский очерк // Психолог. 2013. № 3. С. 1-39.
2. Соммер Д. С. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2013. 480 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2006. 269 с.

¹ О фильме «2012». [https://ru.wikipedia.org/wiki/2012_\(%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/2012_(%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC)) (дата обращения 24.07.2021)

4. Маслодудова Н. В., Шинкевич В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи российских регионов: на материалах социологического исследования, проведенного среди студентов г. Красноярска // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 212–220.
5. Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
8. Маслодудова Н. В. Духовная культура личности и гуманитарное образование: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. 137 с.

References

1. Barinov D. N. Anxiety and fear: historical and philosophical essay. *Psikholog = Journal of Psikhsolog*. 2013;(3):1–39. (In Russ.)
2. Sommaire D. S. *Moral of the 21st century*. Moscow: Kodeks; 2013. 480 p. (In Russ.)
3. Bodriyar J. *Consumption Society*. Moscow: AST; 2006. 269 p. (In Russ.)
4. Maslodudova N. V., Shinkevich V. E. Value orientations of modern youth of Russian regions: on the materials of a sociological study conducted among students Krasnoyarsk. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2019;(5):212–220. (In Russ.)
5. Frank S. L. Writings. Moscow: Pravda; 1990. 608 p. (In Russ.)
6. Frankl W. Man in search of meaning. Moscow: Progress; 1990. 368 p. (In Russ.)
7. Kierkegaard S. Fear and awe. Moscow: Respublika; 1993. 383 p. (In Russ.)
8. Maslodudova N.V. Spiritual culture of personality and humanitarian education: monograph. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the MIA of Russia; 2005. 137 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Маслодудова – канд. философ. наук, доц.

Information about the author

N. V. Maslodudova – Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 20.10.2021.

The article was submitted 04.10.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 20.10.2021.

Научная статья

УДК 316.34

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-225-233

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ РОСТОВА-НА-ДОНУ

Юлия Сергеевна Панфилова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, panfilovajuia@mail.ru

Аннотация. Формирование оценочного восприятия профессиональных династий – это процесс, детерминированный широким спектром факторов (степень открытости социально-профессиональной структуры, государственная политика, состояние профессиональных сфер). В статье на материалах опроса врачей г. Ростов-на-Дону предпринимается попытка объяснить восприятие профессиональных династий в медицине с точки зрения поколенческого подхода. Оценка эффектов профессиональных династий лежала в плоскости «династии как механизм преемственности – династии как способ монополизации социальных позиций». Как показали результаты исследования, негативные градации в общей доле оценок повышаются по мере снижения возрастной когорты респондентов. Это обусловлено, во-первых, условиями первичной профессиональной социализации разных поколений врачей; во-вторых – разницей в объеме культурного, социального и символического капиталов, позволяющей более старшим поколениям врачей снижать деструктивные эффекты династийности.

Ключевые слова: профессиональная династия, поколение, медицинская среда, профессиональная преемственность, монополизация статусов

Финансирование: статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в современном российском обществе».

Для цитирования: Панфилова Ю. С. Поколенческие особенности восприятия профессиональных династий медицинскими работниками Ростова-на-Дону // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 225–233. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-225-233>.

Sociology Problems

Original article

GENERATIONAL FEATURES OF PERCEPTION OF PROFESSIONAL DYNASTIES BY ROSTOV-ON-DON MEDICAL WORKERS

Yulia S. Panfilova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
panfilovajuia@mail.ru

Abstract. Formation of evaluative perception of professional dynasties is a process determined by a wide range of factors such as the degree of openness in the socio-professional structure, public policy and the state of professional affairs. Based on the survey results of the Rostov-on-Don city doctors, the article attempts to explain this perception in medicine from generational perspective. As the study prompts, evaluative perception of professional dynasties lay in the plane of dynasty as a mechanism of succession and dynasty as a way of monopolizing social positions. According to the findings, negative gradations in the total share of evaluations increase as the respondents' age cohort decreases. This is, first of all, due to the conditions of initial professional socialization of different generations of doctors. Secondly, it forms on the difference in the volume of cultural, social and symbolic capital, which allows the older generations of doctors to reduce the destructive effects of dynasty.

Keywords: professional dynasty, generation, medical environment, professional succession, status monopolization

Financial Support: This article is supported by the Russian Science Foundation under grant No. 19-18-00320, "Constructive and destructive potential of professional dynasties in modern Russian society".

For citation: Panfilova Yu. S. Generational features of perception of professional dynasties by Rostov-on-Don medical workers. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):225–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-225-233>.

Профессиональные династии имеют двойственный потенциал. С одной стороны, они являются носителями профессиональных знаний, норм и ценностей, с другой – монополизируют престижные социально-профессиональные позиции [1, с. 102]. Исследователи профессиональных династий в порядках открытого и закрытого доступа сегодня ставят вопросы, связанные с конфликтогенным потенциалом династий в организациях, институциональных и социокультурных эффектах династийности [2–5]. Отдельным предметом исследовательского интереса являются факторы, которые в разных институциональных средах детерминируют восприятие профессиональных династий.

Формирование оценочного восприятия династийности – это не только результат микросоциальных взаимодействий (личный опыт общения), как может показаться на первый взгляд. Ретроспективный анализ показывает, что отношение к профессиональным династиям детерминировано социальным контекстом: идеологией, условиями профессиональной социализации и роста, степенью открытости каналов социальной мобильности, статусом профессиональной группы [6–7]. Это привело нас к идее о возможности применения поколенческого подхода для анализа факторов формирования отношения к профессиональным династиям.

В социологии сегодня существуют разные трактовки сути поколенческого подхода [8]. Однако все они сводятся к необходимости выделения следующих идентифицирующих показателей: социальный контекст становления поколения; анализ институциональных условий, которые в большей степени определяют социальное положение и жизненные шансы; доступ к получению образования; общность волнующих проблем; определенные возрастные границы. На наш взгляд, поиск подобных идентифицирующих признаков возможен не только для так называемых массовых поколений, но и для поколений, выделяемых по принадлежности к той или иной профессиональной среде.

В эмпирическую основу настоящей работы легли результаты анкетного опроса медицинских работников г. Ростов-на-Дону (250 чел., квотная пропорциональная выборка; декабрь 2020 – март 2021 г.). В рамках исследования сравнение проводилось по следующим возрастным группам: до 29 лет, 30-39 лет, 40-54 лет, 55-64 лет, 65 лет и старше. Выделим различия в оценках династийности в этих возрастных когортах, а затем попытаемся обосновать эти различия в рамках поколенческого подхода.

Прежде всего мы попросили респондентов оценить влияние профессиональных династий на функционирование медицины. Однозначно признавая свою сферу одной из наиболее династийных, опрошенные разного возраста дают разные оценки характера влияния династий на нее (табл. 1). Так, чем моложе медицинские работники, тем чаще они выбирают негативные градации (при общем преобладании нейтральных позиций). Подобная тенденция прослеживается и при ответе на вопрос о том, нужны ли в целом профессиональные династии. В данном случае в группе старше 65 лет 68,9% дают положительный ответ, а в группе до 29 лет – только каждый третий (табл. 2).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы оцениваете влияние профессиональных династий на функционирование различных областей деятельности» (медицина)?»

Table 1 – Distribution of respondents' answers to the question: "How do you assess the influence of professional dynasties on the functioning of various fields of activity" (medicine)? "

	Возраст				
	до 29 лет	30-39 лет	40-54 лет	55-64 лет	65 лет и старше
скорее положительное	22,2%	18,3%	36,8%	50,0%	37,9%
положительное и отрицательное в равной степени	55,6%	60,6%	43,7%	38,9%	37,9%
скорее отрицательное	18,5%	18,3%	17,2%		6,9%
никак не влияет	3,7%	1,4%		5,6%	17,2%
затрудняюсь ответить		1,4%	2,3%	5,6%	

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, нужны ли в целом профессиональные династии?»

Table 2 – Distribution of respondents' answers to the question: "Do you think professional dynasties are needed in general?"

	Возраст				
	до 29 лет	30-39 лет	40-54 лет	55-64 лет	65 лет и старше
да	7,4%	2,8%	20,7%	16,7%	24,1%
скорее да	25,9%	38,0%	32,2%	47,2%	44,8%
скорее нет	14,8%	21,1%	12,6%	11,1%	6,9%
нет	11,1%	8,5%	6,9%	2,8%	
затрудняюсь ответить	40,7%	29,6%	27,6%	22,2%	24,1%

Оценка эффектов профессиональных династий лежит в плоскости «династии как механизм преемственности – династии как способ монополизации социальных позиций». И если старшее поколение медицинских работников тяготеет к первой позиции, то молодые – однозначно придерживаются второй.

Результаты опроса медицинских работников показывают, что потенциал династий в деле поколенческой трансляции профессиональных норм, ценностей и моделей поведения высоко оценивается представителями всех возрастных групп, что особенно важно в переходные периоды отсутствия системных вложений в поддержание профессиональной мотивации и лояльности. Так, выделяя положительные стороны династий, респонденты каждой когорты на первые места поставили их способность накапливать и передавать знания, создавать условия для профессиональной социализации в семье, сохранять профессиональные традиции и ценности (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, заключаются положительные стороны существования профессиональных династий»? (неограниченное число ответов)

Table 3 – The distribution of respondents' answers to the question: "What, in your opinion, are the positive aspects of the existence of professional dynasties"? (unlimited number of responses)

		Возраст				
		до 29 лет	30-39 лет	40-54 лет	55-64 лет	65 лет и старше
1	накопление и передача в семье уникальных профессиональных знаний и опыта	24,2%	15,5%	15,8%	16,2%	19,6%
2	раннее приобщение младшего поколения к профессиональной деятельности	16,7%	17,9%	12,0%	14,4%	16,3%
3	накопление старшим поколением опыта и связей, которые создают для приемников конкурентные преимущества	10,6%	18,5%	16,7%	16,2%	13,0%
4	осознанность выбора профессии представителями династий	7,6%	9,5%	11,1%	11,7%	12,0%
	передача трудового опыта и профессиональных знаний в семье с меньшими издержками	7,6%	7,7%	8,1%	9,0%	9,8%
5	затрудняюсь ответить	1,5%	0,6%	0,0%	4,5%	0,0%
6	не вижу положительных сторон	0,0%	0,0%	1,3%	0,0%	0,0%
7	другое	0,0%	0,0%	0,4%	0,0%	0,0%

Однако, несмотря на схожесть оценок, мнения о профессионализме выходцев из династий в разрезе возрастных групп отличаются. Старшее поколение медицинских работников проводит прямую связь между потенциалом династий как механизма профессиональной преемственности и уровнем профессионализма из представителей (37,9% опрошенных в группе старше 65 лет; 30,6% –

в группе 55-64 лет; табл. 4). Таким образом, в сознании этой возрастной когорты профессиональные династии отражаются в первую очередь как неформальные институты воспроизводства группы, снижения рисков ее депрофессионализации. Если же мы посмотрим на распределения ответов молодых медицинских работников, то увидим, что, в их восприятии по уровню профессионализма выходцы из династий не отличаются от нединастийных коллег (табл. 4). То есть, признаваемая этой группой респондентов способность династий транслировать знания и паттерны поведения не способствует формированию «особенных» навыков и компетенций у династийных медиков. Можно предположить, что это связано с восприятием молодыми медиками выбора профессии выходцами из династий как инерционного (табл. 3, строка 4), обусловленного давлением семейных традиций и стремлением семьи снизить институциональные барьеры при карьерном продвижении детей.

Таблица 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, уровень профессионализма представителей профессиональных династий в среднем выше или ниже, чем у обычных работников?»

Table 4 – The distribution of respondents' answers to the question: "Do you think that the level of professionalism of representatives of professional dynasties is on average higher or lower than that of ordinary workers?"

	Возраст закодированный				
	до 29 лет	30-39 лет	40-54 лет	55-64 лет	65 лет и старше
в среднем выше	14,8%	15,5%	32,2%	30,6%	37,9%
в среднем ниже	11,1%	12,7%	11,5%	2,8%	6,9%
нет особых отличий	59,3%	63,4%	46,0%	44,4%	48,3%
затрудняюсь ответить	14,8%	8,5%	10,3%	22,2%	6,9%

Оценки деструктивных эффектов профессиональных династий в разных возрастных когортах медицинских работников в значительной степени отличаются. Результаты опроса позволяют говорить о следующей тенденции: если старшие поколения врачей чаще связывают негативное влияние династий с издержками ранней профессионализации, то молодое поколение видит в династиях механизм монополизации престижных социальных позиций (должностей, отраслей) (табл. 5). Так, 21,7% респондентов из возрастной группы до 29 лет и 22,2% из группы 30-39 лет полагают, что профессиональные династии эксплуатируют семейные связи; в группах старше 55 лет этот показатель не превышает 15%. Чем младше возрастная когорта, тем большая доля опрошенных в ней говорит об ограничении династиями свободной профессиональной конкуренции (20% в группе до 29 лет и 9,8% в группе старше 65 лет). Учитывая тот факт, что в оценках молодых медицинских работников уровень профессионализма выходцев из династий в сравнении с остальными работниками не является более высоким, наследование неконкурентных преимуществ создает в медицинских организациях очаги напряжения. Необходимо также отметить распространенность мнения (во всех возрастных когортах) о том, что приход в медицину у представителей династий происходит инерционно, что в условиях неконкурентного продвижения и искусственного создания барьеров для профессиональной мобильности не членов семей еще больше усиливает напряженность. Но если врачи старшего поколения, имея репутационные ресурсы и профессиональный опыт, могут минимизировать выделенные деструктивные эффекты, то для молодых медработников необходимость конкурировать с теми, чьи стартовые позиции выше, воспринимается как проявление социальной несправедливости.

Этот вывод подтверждается и при анализе ответов на другие вопросы анкеты. Так, мы попросили респондентов высказать свое согласие с рядом утверждений, в которые заложили дихотомию «профессиональная династия как репутационный ресурс – профессиональная династия как источник напряжения». По всем предложенным позициям молодые медицинские работники тяготеют ко второму полюсу. Рассмотрим подробнее.

Первый тезис, отношение к которому должны были высказать участники опроса, звучал следующим образом: «Принадлежность к профессиональной династии мотивирует к более ответственному отношению к своей работе». Как видно из таблицы 6, мнения респондентов разных возрастных групп разошлись. Прослеживается четкая тенденция: чем младше возрастная группа, тем реже в ней опрошенные соглашались с приведенным высказыванием (от 55,1% в группе старше 65 лет до 11,1% (при отсутствии однозначно положительных градаций) в группе моложе 29 лет). Таким образом, по мнению молодых медиков, династийность не формирует особого отношения к содержанию труда и ответственности за его результаты.

Таблица 5 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «В чем заключаются отрицательные стороны существования профессиональных династий?»
(неограниченное число ответов)

Table 5 – Distribution of respondents' answers to the question: "What are the negative aspects of the existence of professional dynasties?" (unlimited number of responses)

		Возраст				
		до 29 лет	30-39 лет	40-54 лет	55-64 лет	65 лет и старше
1	ограничение свободной профессиональной конкуренции	20,0%	13,5%	11,3%	4,7%	9,8%
2	эксплуатация семейных связей (клановость, фаворитизм и пр.)	21,7%	22,2%	21,0%	15,3%	13,1%
3	ограничение доступа посторонним (не членам семьи), «закрытость» некоторых профессиональных областей/ подразделений/ структур за счет присутствия там профессиональных династий	13,3%	9,9%	15,6%	14,1%	8,2%
4	более низкий уровень профессионализма представителей династий	6,7%	7,6%	6,5%	8,2%	1,6%
5	вынужденный приход в профессию младшего поколения под влиянием родственников, давления семейных традиций	18,3%	11,1%	13,4%	14,1%	23,0%
6	затрудняюсь ответить	1,7%	1,8%	0,5%	5,9%	0,0%
7	не вижу отрицательных сторон	1,7%	1,2%	2,7%	2,4%	4,9%
8	другое	0,0%	0,0%	0,5%	0,0%	0,0%

В то же время согласие со следующим тезисом («Неконкурентное продвижение за счет родственных связей и протекции ведет к профессиональной деградации представителей династий») высказывают все возрастные группы медицинских работников (табл. 6). Однако отмечая факт низкой поляризованности оценок в этом случае, не стоит забывать сделанный выше вывод о том, что молодыми работниками неконкурентная протекция приписывается выходцам из династий в подавляющем большинстве случаев, в то время как поколение врачей старше 55 лет не склонны отождествлять династийность и родственную протекцию. Это еще раз обращает наше внимание на то, что молодые медики в дихотомии «профессиональная династия как репутационный ресурс – профессиональная династия как источник напряжения» выбирают второй вариант.

Третий тезис «Профессиональные династии создают социальные монополии, ограничивающие доступ к престижным профессиональным статусам» также чаще поддерживается медицинскими работниками до 40 лет (таблица 6). Учитывая приведенные выше распределения можно сделать вывод: молодые врачи склонны видеть в принадлежности к профессиональной династии возможность более быстрого карьерного старта при более низком уровне профессионализма.

Оценки опыта взаимодействия с представителями профессиональных династий также различаются в выделенных возрастных когортах. Так, в группах младше 29 лет и 30-39 лет доля позитивных оценок не превышает 34%; в группе 45-54 лет она повышается до 47%, в группе 55-64 лет составляет уже 56%, а респонденты из группы 65 лет и старше оценивают опыт общения с представителями династий наиболее позитивно – 63% в общей доли оценок занимают положительные. Это еще раз подтверждает сделанный выше вывод: в сознании старшего поколения медицинских работников династии позиционируются как успешный профессиональный проект, сопровождаемый карьерным ростом, общественным и внутрипрофессиональным признанием; для молодых врачей присутствие в коллективе выходцев из профессиональных династий является источником напряжения и фактором снижения эффективности деятельности подразделения / организации.

Поиск причин таких различий в восприятии профессиональных династий в медицинском сообществе приводит нас к необходимости анализа условий, в которых происходила профессиональная социализация каждого из выделенных поколений врачей.

Таблица 6 – **Согласие респондентов с утверждениями**
(«1» – совершенно не согласен; «5» – полностью согласен)

Table 6 – Respondents agree with the claims ("1" – completely disagree; "5" – fully agrees)

Принадлежность к профессиональной династии мотивирует к более ответственному отношению к своей работе.					
	Возраст				
	до 29 лет	30-39 лет	40-54 лет	55-64 лет	65 лет и старше
1	14,8%	2,8%	2,3%	11,1%	10,3%
2	18,5%	7,0%	18,4%	19,4%	13,8%
3	40,7%	31,0%	25,3%	13,9%	20,7%
4	11,1%	26,8%	25,3%	22,2%	31,0%
5		14,1%	21,8%	25,0%	24,1%
затрудняюсь ответить	14,8%	18,3%	6,9%	8,3%	
Неконкурентное продвижение за счет родственных связей и протекции ведет к профессиональной деградации представителей династий.					
	Возраст				
	до 29 лет	30-39 лет	40-54 лет	55-64 лет	65 лет и старше
1	7,4%	2,8%	10,3%	2,8%	13,8%
2	3,7%	4,2%	13,8%	13,9%	13,8%
3	25,9%	22,5%	21,8%	27,8%	17,2%
4	11,1%	46,5%	28,7%	27,8%	27,6%
5	25,9%	14,1%	24,1%	19,4%	17,2%
затрудняюсь ответить	25,9%	9,9%	1,1%	8,3%	10,3%
Профессиональные династии создают социальные монополии, ограничивающие доступ к престижным профессиональным статусам.					
	Возраст				
	до 29 лет	30-39 лет	40-54 лет	55-64 лет	65 лет и старше
1	11,1%	1,4%	9,2%		6,9%
2	11,1%		4,6%	8,3%	10,3%
3	18,5%	25,4%	29,9%	36,1%	37,9%
4	29,6%	49,3%	27,6%	16,7%	13,8%
5	22,2%	15,5%	25,3%	27,8%	24,1%
затрудняюсь ответить	7,4%	8,5%	3,4%	11,1%	6,9%

Старшие поколения (представленные в структуре выборке возрастной группой старше 65 лет и группой 55-64 лет) получали медицинское образование и начинали профессиональное становление в 70-е-начале 80-х годов прошлого века. Утверждение Верховным Советом СССР в 1969 г. Основ законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении закрепило принципы и формы медицинской помощи населению – бесплатность, общедоступность, квалифицированность, профилактическая направленность, охрана материнства и детства, санитарно-противоэпидемическая служба и т. д. Принятый государством курс на повышение качества и доступности медицинском помощи для населения СССР в значительной степени способствовал минимизации барьеров для профессионального роста медицинских работников страны. Во-первых, происходит рост сети медицинских учреждений: так, если в 1940 г. в РСФСР насчитывалось 8477 больниц, то к 1975 г. их было уже 13066¹, что обеспечивало выпускников медицинских вузов рабочими местами. Во-вторых,

¹ Здравоохранение [Электронный ресурс] // Большая Медицинская Энциклопедия, издание третье (онлайн версия). – Режим доступа: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%97%D0%94%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%9E%D0%9E%D0%A5%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95> (дата обращения: 9.06.2021)/

в этот период происходит активная институционализация медицинского образования: число медицинских вузов выросло с 72 в 1940 г. до 90 в 1975¹; возможности вести больший прием на медицинские специальности снижал конкуренцию уже на этапе получения образования. Здесь важно также отметить оказываемую государством социальную помощь студентам медицинских вузов (предоставление мест в общежитиях, выплата высоких стипендий), что минимизировало неравенство между выходцами из семей с разными условиями жизненного старта. Обращение к биографиям представителей медицинских династий этого периода показывает, что именно возможность получить соответствующее образование часто становилась определяющим фактором преемственности в профессии². В-третьих, начинается укрупнение и специализация больничных учреждений, строительство научно-исследовательских центров, что также давало дополнительные возможности для профессионального самосовершенствования врачей.

Наконец, важно отметить, что переход советского здравоохранения на рельсы модели Семашко перевел эту сферу полностью в руки государства: больницы контролировались сетью подразделений Министерства здравоохранения. Такое лишение медицинского сообщества автономии снижало риски формирования внутри сферы профессиональных групп интересов по получению институциональной ренты. Таким образом, если медицинские династии и формировались (что не было редкостью), то происходило это, как правило, вне рамок одного учреждения. Все вышеперечисленное способствовало достаточно прозрачной системе входа в медицинскую профессиональную сферу (конечно, этот вывод можно сделать с некоторой долей условности) и дальнейшего карьерного продвижения в ней. К периоду ломки институциональной структуры России, которая сегодня в значительной степени опирается на различного рода монополии, эти медицинские работники подошли с высоким объемом социального, символического и культурного капитала. Это снижает негативное восприятие династийности.

Следующая возрастная когорта участников опроса (40-54 лет) – это люди, которые проходили первые этапы профессионального становления в позднюю перестройку и 90-е годы. Часть из них успела получить образование и трудоустроиться в советский период; при этом их профессиональное развитие происходило в сложные для страны в целом и медицинской сферы в частности годы. Другая же часть и вовсе входила в медицинскую среду, когда кадровые потребности в отрасли снизились. Профессиональные династии постепенно начинают становиться агентом помощи «своим» в новых тяжелых условиях. Отход государства от поддержки медицинских работников и медицинской сферы в целом привел к тому, что профессиональные династии меняют вектор своих функций: оставаясь важным неформальным институтом профессиональной социализации, они являются теперь еще и способом бюрократической координации. Здесь нужно оговориться, что такая функция династий отмечается и в советском обществе; однако именно в период «ухода» государства от широкой поддержки медицинских работников ее потенциал активизируется. В сложившейся ситуации династийные преимущества уже рассматриваются как неконкурентные. Это объясняет тот факт, что рассматриваемое поколение врачей чаще воспринимает профессиональные династии как инструмент консервации неравенства.

Поколение медицинских работников 30-39 лет – это люди, чья первичная профессиональная социализация происходила уже в 2000-х. Как отмечают исследователи, рыночная координация в этот период уже существует параллельно с административными рынками, что позволяет сохранять стабильность социально-экономического порядка [9]. В условиях оптимизации медицины сужаются коридоры входа в ее престижные отрасли. Переход к архаическим моделям закрепления преимуществ в социальной конкуренции (через клановость, nepotизм) определил повышение роли династий как агентов модификации институционального поля профессиональных отношений. Это происходит через ограничение свободной профессиональной конкуренции; создание групп интересов на этапе получения медицинского образования (что усиливает нездоровую конкуренцию при поступлении в медицинские вузы); формирование солидарного поведения в рамках системы персонифицированных социальных связей (когда доступ к новому оборудованию, возможностям

¹ Здравоохранение [Электронный ресурс] // Большая Медицинская Энциклопедия, издание третье (онлайн версия)...

² См.: О династии врачей Дыхно, судьбе своего отца и основателях советской традиции хирургии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1940> (дата обращения: 9.06.2021); Было у отца три сына [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1863:bylo-u-ottsa-tri-syna&Itemid=278 (дата обращения: 9.06.2021); Два века династия врачей спасает жизни пациентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vm.ru/news/458501.html> (дата обращения: 9.06.2021) и др.

повышения квалификации и т.п. определяется положением в сети социальных связей организации). В сложившейся ситуации династические преимущества рассматриваются остальными сотрудниками медицинских организаций как изначально неконкурентные. Это и определяет рост негативных оценок эффектов династичности в рассматриваемой группе опрошенных.

Указанные эффекты усиливаются в группе медиков до 29 лет. В силу специфики профессиональной подготовки эти люди только выходят на рынок труда или еще продолжают обучение. Неконкурентные преимущества усиливаются сегодня и при получении медицинского образования вследствие его коммерциализации и отнятии части бюджетных мест в пользу целевого набора. Таким образом, возможный объем различных видов их капитала будет в значительной степени детерминирован условиями происхождения и широтой семейных связей. Для нединастических молодых медиков наличие в медицинской организации представителей профессиональных династий служит источником высокого социального напряжения ввиду необходимости конкурировать с теми, чьи стартовые позиции выше. Отсутствие в силу возраста профессиональной репутации и опыта работы не позволяет этой возрастной когорте смягчать деструктивные проявления династичности. Эти эффекты усиливаются в условиях квазиоткрытой социально-профессиональной структуры региона [10], когда семейный капитал становится одним из немногих эффективных ресурсов профессионального старта и карьерного продвижения в наиболее престижных сферах занятости. Таким образом, рыночная координация проигрывает административным монополиям и молодые нединастические медицинские работники в этой ситуации оказываются в наиболее уязвимом положении.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что, конечно, институт профессиональных династий всегда был связан с функционированием формальных и неформальных ограничений. В то же время разное состояние институциональной среды и степень открытости социально-профессиональных структур того или иного периода российского общества в значительной степени повлияли на профессиональную социализацию разных поколений профессионалов. Таким образом, поколенческий подход к анализу восприятия династичности имеет эвристический потенциал: принадлежность к разным поколениям позволяет объяснить оценки конструктивных и деструктивных эффектов профессиональных династий.

Список источников

1. Посухова О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100-103.
2. Aina C., Nicolett C. (2014) The Intergenerational Transmission of Liberal Professions: Nepotism versus Abilities, University of York, Department of Economics and Related Studies.
3. Eberhart V. V. (2012) The Intergenerational Transmission of Occupational Preferences, Segregation, and Wage Inequality: Empirical Evidence from three Countries // SOEP Papers on Multidisciplinary Panel Data Research. No. 506 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2172686> (дата обращения: 16.06.2021).
4. Mocetti S. (2016) Dynasties in Professions and the Role of Rents and Regulation: Evidence from Italian Pharmacies // Journal of Public Economics, no 133, pp. 1–10.
5. Посухова О. Ю. Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // Власть. 2018. № 7. С. 89-95.
6. Мансуров В. А., Иванова Е., Попова И. П., Семенова А. В. Профессиональные династии как социальный механизм воспроизводства профессиональных групп: на примере инженерных династий России // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 53–58.
7. Ткач О. А. Рабочая династия: идеологический проект советского государства // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках: Чтения памяти Вениамина Иофе. Сборник докладов. СПб.: НИЦ «Мемориал», ЦНСИ, ЕУ СПб.: Изд-во «Норд-Вест», 2004. С. 136–149.
8. Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. 2003. № 3. С. 213–237.
9. Вольчик В. В., Посухова О. Ю. Институт профессиональных династий в контексте кланового капитализма // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11(4). С. 77–89.
10. Посухова О. Ю. Семейный капитал как фактор профессиональной мобильности на юге России // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 45–51.

References

1. Posuhova O. Ju. Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity? *Vlast' = The Authority*. 2013;(12):100-103. (In Russ.).
2. Aina C., Nicolett C. The Intergenerational Transmission of Liberal Professions: Nepotism versus Abilities. *University of York, Department of Economics and Related Studies*. 2014.
3. Eberharther V. V. The Intergenerational Transmission of Occupational Preferences, Segregation, and Wage Inequality: Empirical Evidence from three Countries. *SOEP Papers on Multidisciplinary Panel Data Research*. 2012;(506) [Online]. Available from: <https://ssrn.com/abstract=2172686>.
4. Mocetti S. Dynasties in Professions and the Role of Rents and Regulation: Evidence from Italian Pharmacies. *Journal of Public Economics*. 2016;(133): 1–10.
5. Posuhova O. Ju. The role of professional dynasties in the Russian academic environment. *Vlast' = The Authority*. 2018;(7):89-95. (In Russ.)
6. Mansurov V. A., Ivanova E., Popova I. P., Semenova A.V. Professional dynasties as a social mechanism for the reproduction of professional groups: on the example of engineering dynasties of Russia. In: *XXI Ural'skie sociologicheskie chtenija. Social'noe prostranstvo i vremja regiona: problemy ustojchivogo razvitiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Social space and time of the region: sustainable development issues. Collection of articles of the XXI Ural sociological readings]. 2018:53-58. (In Russ.)
7. Tkach O. A. Working dynasty: an ideological project of the Soviet state In: *Pravo na imja: biografii XX veka. Biograficheskij metod v social'nyh i istoricheskikh naukah: Chtenija pamjati Veniamina Iofe. Sbornik dokladov* [Right to name: biographies of the twentieth century. Biographical method in social and historical sciences: Readings of the memory of Benjamin Iofe. Collection of articles]. 2004:136-149. (In Russ.)
8. Semenova V. V. Modern conceptual and empirical approaches to the concept OF "Generation". *Rossija reformirujushhajasja = Russia reforming*. 2003;(3):213-237. (In Russ.)
9. Vol'chik V. V., Posuhova O. Ju. Institute of professional dynasties in the context of crony capitalism. *Journal of Institutional Studies*. 2019;11(4):77-89. (In Russ.)
10. Posuhova O. Ju. Family capital as a factor of professional mobility in the south of Russia. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2013;(11):45-51. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. С. Панфилова – канд. социолог. наук, ст. преп. кафедры отраслевой и прикладной социологии.

Information about the author

Yu. S. Panfilova – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Department of Branch and Applied Sociology.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 27.10.2021; принята к публикации 01.11.2021.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 27.10.2021; accepted for publication 01.11.2021.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ВОЛОНТЕРСТВА: ПОДХОДЫ В НАУЧНОЙ ДИАХРОНИИ

Вита Александровна Фоменко¹, Светлана Владиславовна Петрова²

^{1,2}Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

¹vitafofomenco@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2091-5174>

²solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

Аннотация. В научной статье рассматриваются различные научные исторические и современные подходы к определению сущности волонтерства как социокультурного феномена с точки зрения отечественных и иностранных ученых. Приводятся различные трактовки актуальности проблемы с позиции философии, социологии, экономики, права, истории, педагогики, психологии. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ различных научно-методологических исследований. Рассматривается роль волонтерства в становлении социокультурного поведения, традиций, духовно-нравственного развития современного российского общества, в частности студенческой молодежи. Доказана важность и актуальность волонтерской деятельности в процессе получения среднего специального, высшего и послевузовского образования, а также для дальнейшего трудоустройства.

Ключевые слова: волонтерство, социокультурный феномен, социологические исследования, волонтерская деятельность, научные подходы, доброволец, НКО

Для цитирования: Фоменко В. А., Петрова С. В. Социокультурная и управленческая парадигма волонтерства: подходы в научной диахронии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 234–239. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-234-239>.

Sociology Problems

Original article

SOCIOCULTURAL AND MANAGERIAL PARADIGM OF VOLUNTEERING: APPROACHES TO SCIENTIFIC DIACHRONIA

Vita A. Fomenko¹, Svetlana V. Petrova²

^{1,2}Sochi State University, Sochi, Russia

¹vitafofomenco@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2091-5174>

²solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

Abstract. The scientific article examines various scientific historical and modern approaches to defining the essence of volunteering as a socio-cultural phenomenon from the point of view of domestic and foreign scientists. Various interpretations of the relevance of the problem from the standpoint of philosophy, sociology, economics, law, history, pedagogy, and psychology are given. A comparative and comparative analysis of various scientific and methodological studies has been carried out. The role of volunteering in the formation of socio-cultural behavior, traditions, spiritual and moral development of modern Russian society, in particular student youth, is considered. The importance and relevance of volunteering in the process of obtaining secondary specialized, higher and postgraduate education, as well as for further employment, has been proven.

Keywords: volunteering, sociocultural phenomenon, sociological research, volunteer activities, scientific approaches, volunteer, NPO.

For citation: Fomenko V. A., Petrova S. V. Sociocultural and managerial paradigm of volunteering: approaches to scientific diachronia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):234–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-234-239>.

Важность понимания основ глубинных и парадоксальных движений, явлений и процессов социокультурного характера современного Российского государства и потребность в апгрейд социального поведения различных взаимоотношений, общностей, социальных групп, активно включенных в них, обусловлена актуальностью исследования научных подходов к изучению волонтерства.

Историческое развитие волонтерской деятельности, которая является относительно новым явлением в жизни подрастающего поколения, позволит использовать результаты данного направления в условиях современности, учитывая социокультурную ситуацию, где трансформируются политические и экономические реалии нашего государства, что обусловлено стремлением страны возродить общественные национальные и духовные традиции и применением методов, необходимых для активизации гражданской позиции россиян.

Данная деятельность нацелена на вовлечение социума к решению острых общественных задач, в которые включен каждый, а именно, его причастность к различным проблемам населения - политическим, экономическим, социальным, культурным, экологическим и др. Актуальность реализуемого исследования конкретизируется еще одним значимым аспектом: развитие волонтерства как части культурного наследия государства посредством формирования новых событийных, исторических, социальных традиций и устоев в обществе. Важность перехода от разового участия в волонтерской деятельности в динамическую систему, посредством обязательного внедрения данного движения на всех уровнях образования, работы, общественных объединений, сложно переоценить.

С точки зрения самостоятельного научного направления социологии и процесса институционализации, волонтерство начали выделять в начале 1970-х гг. благодаря научным работам зарубежных ученых - Смита Д. Х., Уилсона Дж., Хастинкса Л., Кнаана Р.; культурный подход в конце 1990-х - начале 2000-х гг. выделяли - Мьюзик М. А., Бидерман К., в это же время начинает формироваться интегрированная теория волонтерства. В России ученые-социологи - Луговая Е. А., Балаян М. Н., Бармасова А. А., Зборовский Г. Е. делают попытки обобщения отдельных теорий волонтерства как предмета социокультурного исследования. Для изучения феномена волонтерства, проанализируем различные предметные (дисциплинарные) и методологические (межпредметные) подходы (табл. 1, табл. 2)

Таблица 1 – Предметные (дисциплинарные) подходы отечественных и зарубежных ученых к анализу феномена волонтерства

Table 1 - Subject (disciplinary) approaches of domestic and foreign scientists to the analysis of the phenomenon of volunteering

Предметные (дисциплинарные)	Подходы	Отечественные и зарубежные ученые
	Социологический	Штомпка П. (1996), Мьюзик М. А. (2009), Теннис Ф. (2002), Парсонс Т. (2018), Ротоло Т. (2011), Вилсон Д. (2011), Анхер Х. (2001), Саламон Л. (1987), Де Граф Н. (1986), ДиМаджио П. (1997), Пуэлл В. (1997), Хаас Дж. (2007), Холмс К. (2009)
	Философский	Гринь А. В. (2000), Дворко С. Б. (2005), Деверё П. (2010), Богданова Е. В. (2011), Решетников О. В. (2010), Тетерский С. В. (2003), Мороз А. В. (2004), Тихонов А. В. (2013)
	Правовой	Жаворонков Р. Н. (2004), Милославская Д. (2010), Горлова Н. И. (2018), Смирнова М. А. (2015), Ярская В. Н. (2014), Ярская-Смирнова Е. Р. (2009), Присяжнюк Ю. П. (2014), Самигуллин Д. Д. (2015), Автономов А.С. (2001), Лагутина Т.М. (2012)
	Педагогический	Айнутдинова И. Н. (2004), Акутина С. П. (2012), Маркеева М. В. (2012), Арсеньева Т. Н. (2010), Данилова О. Р. (2011), Щекина С. С. (2011), Фомин В. А. (2013), Мороз А. В. (2004)
	Психологический	Азарова Е. С. (2008), Яницкий М. С. (2015), Абдалиева Л. В. (2011), Григорович М. В. (2011), Паршина Ю. В. (2011), Бородаева Г. Г. (2014), Руднева И. А. (2014), Арсеньева Т. Н. (2010), Абдалиева Л. В. (2011), Бархаев А. Б. (2010)
	Исторический	Романовский Н. В. (2010), Паувелл С., Болотина Д. И. (2007), Тончу Е. (2011), Кубицкий С. И. (2006), Бабкина Л. Ф. (2006), Власова А. В. (2006), Тарасова Н. В. (2012), Шарыпин А. В. (2010), Новиков М. А. (2011), Новикова Н. А. (2014)
	Трудовой	Дюркгейм Э. О. (1996), Азарова Е. С. (2008), Яницкий М.С. (2015), Кудринская Л. А. (2006), Мерсиянова И. В. (2013), Якобсон Л. И. (2009), Бидерман К. (1999), Бякирова Г. А. (2016), Колосова Р. П. (2010)
	Экономический	Зинатулин А. М. (2011), Карсева Л. А. (2011), Клэри Э. Г. (1999), Снайдер М. (1999), Саламон М. (1987), Уорделл Ф. (2000), Лишман Дж. (2000), Певная М. В. (2013), Косова Ю. С. (2009), Трохина А. В. (2012), Мерсиянова И. В. (2018)
	Социальный	Юдина Т. А. (2010), Решетников О. В. (2009), Черемшанов С. В. (2019), Мазниченко М. А. (2019), Папазян Г. А. (2019), Попова Е. Ю. (2014), Подхомутникова М. В. (2012), Бякирова Г. А. (2016), Бахаровская Е. В. (2015)
	Социокультурный	Луговая Е. А. (2012), Балаян М. Н. (2015), Барсамова А. А., Мьюзик М. А. (2009), Уилсон Дж. (2018), Новикова Н. А. (2014), Кассихина В. Е. (2011), Бидерман К. (1999), Зборовский Г. Е. (2008), Шухарева О. Н. (2007), Иванова И. И. (2013), Болотина Д. И. (2007)

Рассмотрим более подробно различные попытки выделить и классифицировать научные подходы к проблематике волонтерства. Чаще всего исследования феномена волонтерства носят междисциплинарный характер – коллаборируются экономика и социология, психология и труд, и т.д. Например, в классической работе Смита Д.Х. «Добровольные действия и волонтерские группы» волонтерство рассматривается с точки зрения социологии, психологии и экономических отношений, в будущем определяя его как досуг и стиль жизни как основу для формирования культуры добровольчества.

Таблица 2 - **Методологические (межпредметные) подходы отечественных и зарубежных ученых к анализу феномена волонтерства**

Table 2 - Methodological (interdisciplinary) approaches of domestic and foreign scientists to the analysis of the phenomenon of volunteering

Методологические (межпредметные)	Подходы	Отечественные и зарубежные учёные
	Социетальный (типологический)	Кудринская Л. А. (2006), Подхомутникова М. В. (2012), Попова Е.Ю. (2014), Переясловец В. М. (2016), Переясловец Т. С. (2016), Черемшанов С. В. (2019), Мазниченко М. А. (2019), Колупанова И. А. (2008), Артюх Д. В. (2008), Певная М.В. (2013)
	Институциональный	Скобелина Н. А. (2014), Норт Д. (1997), Зборовский Г. Е. (2009), Кузьминчук А.А. (2016), Гавра Д. П. (1999), Димаджо П. (1997), Девис Л. (1997), Холина О. И. (2013), Салыев В. Р. (2006), Шаповалов А. В. (2014)
	Системный	Прангишвили И. В. (2003), Ядов В. А. (2007), Парсонс Т. (2018), Мид Дж. Г. (1920), Морено Я. Л. (1961), Бондаренкова Г. П. (2013), Певная М. В. (2013)
	Деятельностный	Гидденс Э. (2005), Бурчакова М. А. (2015), Хожемпо В. В. (2006), Ядов В. А. (2007), Оберемко О. А. (2005)
	Общностный	Зборовский Г. Е. (2009), Дюркгейм Э. (1996), Зиммель Г. (1996), Кули Ч. (1910), Сорокин П. (1950)
	Организационный	Стеббинс Р. А. (2000), Мерсиянова И. В. (2009), Иванов В. Н. (1996), Корнеева И. Е. (2013), Якобсон Л.И. (2009), Круглова М.С. (2016), Гареева Е. В. (2013), Борисова Е. И. (2009), Полищук Л. И. (2009), Бунеева Р. И. (2011), Видищев В. В. (2015), Лига М. Б. (2012), Щербакова Н. В. (2012), Вейс Т. П. (2014), Крутиков В. К. (2014), Щербакова Е. С. (2014)
	Концептуальный	Кнаан Р. А. (2010), Ханди Ф. (2010), Уодсворд М., Анхер Х. (2001), Саламон Л. (1987), Кассихина В. Е. (2011), Ядов В. А. (2009)
	Структурный	Мертон Р. (1992), Штомпка П. (1996), Гидденс Э. (1992), Керимова Л. М. (1997), Зборовский Е. Г. (2011), Ленюков С. Л. (2018), Мацюк Т. Б. (2018)
	Поведенческий	Мнацаканян М. О. (2003), Олсон М. (1975), Гостева А. Б. (2014), Богомоллова Е. В. (2014), Железковская И. А. (2011), Тарасова Т. Л. (2012), Козодаева Л. Ф. (2010), Бородаева Г. Г. (2014), Руднева И. А. (2014), Турен А. (1998)
	Коммуникативный	Парыгин Б. Д. (1967), Штомпка П. (1996), Сикорская Л. Е. (2007), Усачева О. А. (2013), Мерсиянова И. В. (2011), Потапова Н. А. (2006), Доманова А. В. (2020), Дудина С. П. (2020)
	Аксиологический (ценностный)	Лебон Г., Смелзер Н., Бидерман А. Д. (1999), Саламон М. (1987), Соколовски Р. (2011), Хэддок М. А. (2011), Кафизова А. А. (2014), Яковлев П. И. (2011)
	Компетентностный	Крутицкая, Е. В. (2013), Лукичева Ю. В. (2013), Малашонок Н. Г. (2014), Мамонина Е. (2012), Мизяева А.А. (2014), Нагорная О. С. (2014), Минева О. К. (2013), Ходенкова О. П. (2013), Санина М. К. (2014), Санин С. А. (2014), Элспет Дж. (2015), Шапошников К. В. (2006), Каримов В. Р. (2007)
	Управленческий	Певная М.В. (2016), Сайназаров К. Б. (2007), Телепаева Д.Ф. (2015), Трапезникова Н.В. (2012), Юдина Т.А. (2014), Бунеева Р. И. (2011), Минева О. К. (2013), Мерзляков А.А. (2007), Рубцова М. В. (2009), Тихонов А.В. (2009), Холина О. И. (2012)

Однако, несмотря на такие теоретические подходы, волонтерство необходимо рассматривать как самостоятельное явление. Во-первых, на это указывает то, что исследуя добровольчество, выборочно или фрагментарно представлены отдельные его составляющие, либо какая-то отдельная категория изучения. Во-вторых, потенциал фундаментальных методологических традиций в области волонтерства достаточно велик, несмотря на то, что исследуют его феномен сравнительно недавно. В-третьих, приведенные в таблице 1 и 2 подходы позволяют рассмотреть добровольчество

через оценку частных проблем различных сфер, не привлекая системности изучения. В-четвертых, изучение социокультурного феномена волонтерства, на который мы делаем упор в нашем исследовании, выступает достаточно важным аспектом для современного гражданского общества и играет важнейшую роль в его развитии.

Л. А. Кудринская в своих исследованиях рассматривает социум в контексте традиций коммерческого, государственного и общественного сектора, учитывая исторический, социетальный, деятельностный, системный анализы, реализуемые в рамках культуры и ценностей свободы, альтруизма, взаимопомощи, самореализации, духовно-нравственной направленности. Благодаря волонтерству производятся некоммерческие социально значимые блага (услуги), спрос на которые существует всегда, таким образом, подтверждая капиталистическое развитие общества. Интеграция волонтерской деятельности в различные сферы жизни социума позволяет применять к ней социетальный подход, который с каждым днем расширяет типологию добровольчества в мире (среди вновь сформировавшихся, инклюзивное волонтерство, событийное волонтерство, киберволонтерство и т.д.).

Луговая Е. А. в своей научной работе «Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России» анализирует необходимость системного, структурно-функционального и культурологического подходов, отдельно выделяя социологический. Данный подход и его изучение через демографическую, социальную и профессиональную составляющую, выводит на мотивационную проблему волонтеров. Рассмотрение волонтерства через призму методологических подходов (аксиологического, гуманистического, системного, личностно-деятельностного, смыслоориентированного, диалогического и контекстного) подробно изучается в диссертационной работе Н. В. Черепановой.

Социокультурный феномен добровольчества также исследуется через философский подход, его эволюцию восприятия, практики и мировоззрение. Философия науки волонтерской деятельности расширяет мировые научные направления в области осмысления и признания разнообразия представлений об этом, чем трансформирует природу человеческого восприятия в целом. Волонтерство противопоставляется как «личное» и «общественное», «материальное» и «духовное», «эгоистическое» и «альтруистическое» начал человеческой природы; выделяются, конкретизируются и поясняются общие нравственные предписания человеческих образов и действий [7].

Экономический подход к изучению волонтерства является одним из наиболее разработанных, суть которого заключается в определении рациональных связей между качественными и количественными показателями, такими как экономические затраты, различного рода выгоды для индивида и общества в целом, ценность труда и оказанных услуг, финансы в условиях рыночных отношений и в некоммерческом секторе [6]. Экономический анализ деятельности волонтеров предполагается на микроуровне, на котором измеряется стоимость труда волонтера; на организационном уровне проводится оценка стоимости мероприятий, проектов, реализованных благодаря привлечению волонтеров, а также вложений, затраченных на подготовку деятельности волонтеров; на макроуровне подсчитывается вклад труда добровольцев в общественное развитие государства и всего мирового сообщества. Специфика экономического подхода позволяет осуществить исследования добровольческого труда с помощью унифицированной обработки и интерпретации данных и методик, которые используются по опыту разных стран мира [5].

Проанализируем нормативно-правовой подход по отношению к волонтерской деятельности, который традиционно идет в связке с экономическим. С помощью правового регулирования возможно исследовать феномен добровольчества с точки зрения построения законодательства в сопоставлении разных стран, правоприменение и правопреемственность международных норм, которые создаются мировыми организациями и объединениями; характерные особенности национального и местного правотворчества, устанавливая статус объектов и субъектов данного вида деятельности. Должное внимание уделяется проблемам скооперированности территориальных и местных законов, позволяющих корректно регулировать правовые отношения при реализации волонтерской деятельности, а также правовой статус волонтера, включая принципы аналогии в соприкосновении с конституционным, гражданским законодательством и т.д. [4].

Перейдем к достаточно важному подходу, который неразрывно связан с понятием добровольчества – педагогическому. Здесь анализ переходит в сферу воспитательного процесса – социализации и ее механизма, технологии обучения и подготовки, формирование основных качеств личности, профессионализации молодых специалистов в различных областях и т.д. [1]

Психологический подход позволяет раскрыть содержательные характеристики добровольческой деятельности через оценку ее структурных элементов, анализ их функциональной нагрузки

посредством исследования субъекта этой деятельности и его активности. Он направлен на анализ предметного содержания деятельности и оценку волонтера как ее субъекта, с акцентом на его личностные позиции и внутриличностные механизмы. Психологическому анализу подвергаются мотивы, цели и задачи деятельности волонтера, субъективные представления о ее результатах, текущие условия ее осуществления, среди которых важнейшими являются способы достижения цели.

Целью рассмотрения подхода с точки зрения истории и историографии является эффективное использование и применение добровольческих практик, которые человечество накопило за различные временные периоды и этапы. Генезис добровольчества с ракурса социального и исторического развития отдельных государств исследователи объясняют культурно-деловые традиции взаимной поддержки людей, сформировавшиеся в течении многих столетий, пересекаясь с современным пониманием альтруистической деятельности как формы общественного поведения [3].

В современных условиях глобализации социокультурного образа мышления людей, когда границы государств стираются и становятся пространственными и временными, самым эффективным и результативным является социологический подход, сутью которого является системное понимание и изучение феномена волонтерства как неотъемлемого компонента всей системы общества и его влияния на социум, и наоборот. В исследованиях проводится анализ общественного мнения относительно отношения к добровольчеству, а также объективные и субъективные оценки волонтеров к своей деятельности. На основе этого разрабатываются совершенно новые «культурные теории», проблемы мотивации и стимулирования волонтеров [2].

Изучая волонтерство с применением системного подхода, который анализирует его социальную структуру как стандартизированную систему отношений между такими участниками преобразований, как добровольцы, объединяющиеся в самоорганизующиеся группы; социальные движения; международные, национальные и региональные волонтерские организации и ресурсные центры, социальные институты, образующие волонтерские сети. Данные координационные объединения призваны поддерживать единую систему волонтерства, отражая ценности и нормы каждого участника.

Институциональный подход раскрывает методологическую основу перспектив научных исследований особой среды развития добровольчества через выделение конкретного круга субъектов, которые вступают в процессе деятельности в отношения, приобретающие устойчивый характер; формализованную системную организацию; наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих образ действий людей; наличие социально значимых функций, интегрирующих его в социальную систему и обеспечивающих его участие в процессе интеграции последней [5].

Все проанализированные подходы, которые были проанализированы в статье обладают своим положительным инструментарием, акцентируя внимание на специфических аспектах добровольчества как социальной и культурной основы общества, позволяют исследовать данный феномен разносторонне и всеобъемлюще.

Список источников

1. Челнокова Е. А., Булганина С. В., Челноков А. С., Новожилова Е. В., Казначеев Д. А. Волонтерство как социальное явление // Журнал «RUSSIAN ECONOMIC BULLETIN». Т. 3. № 1. 2020. С. 211–216.
2. Шошина Ю. В. Студенческое волонтерство в контексте феномена самоорганизации российской молодежи // МИССИЯ КОНФЕССИЙ. Фонд поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений (Москва). Т. 9. №5 (46). 2020. С. 547–551.
3. Ананченко П.А. Волонтерство как способ социализации подростков // ИЗВЕСТИЯ ИНСТИТУТА СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ СГЭУ. Самарский государственный экономический университет (Самара). № 1 (23). 2021. С. 17-21.
4. Ульянова Е. В. Социально-культурные векторы развития волонтерской деятельности в современном российском обществе // ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ (Химки). № 6 (74). 2016. С. 127-131.
5. Певная, М. В. Волонтерство как социальный феномен: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.08 / Певная Мария Владимировна; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Нижний Новгород, 2016. 368 с.
6. Кисиленко А. В. Волонтерство как форма самоорганизации российской молодежи в условиях риска: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Кисиленко Анастасия Владимировна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. Белгород, 2017. 250 с.
7. Попова Н. В. Волонтерство как вид общественной деятельности в современной России: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Попова Надежда Викторовна; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т]. Чита, 2017. 168 с.

References

1. Chelnokova E. A., Bulganina S. V., Chelnokov A. S., Novozhilova E. V., Kaznacheev D. A. Volunteering as a social phenomenon. *RUSSIAN ECONOMIC BULLETIN*. 2020;3(1):211–216. (In Russ.)
2. Shoshina Yu. V. Student volunteering in the context of the phenomenon of self-organization of Russian youth. *MISSION OF CONFESSIONS. Foundation for Support of Interethnic Culture and Public International Relations (Moscow)*. 2020;9(5(46)):547–551. (In Russ.)
3. Ananchenko P. A. Volunteering as a way of socialization of adolescents. *Izvestia of the Institute of Management Systems of SSEU. Samara State Economic University (Samara)*. 2021;1(23):17–21. (In Russ.)
4. Ulyanova E. V. Socio-cultural vectors of the development of volunteering in modern Russian society. *BULLETIN OF THE MOSCOW STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS (Khimki)*. 2016;6 (74):127–131. (In Russ.)
5. Pevnaya M. V. Volunteering as a social phenomenon: dissertation ... Doctor of Sociological Sciences: 22.00.08 / Pevnaya Maria Vladimirovna; [Place of protection: Nizhegor. state un-t them. N.I. Lobachevsky]. - Nizhny Novgorod; 2016. 368 p. (In Russ.)
6. Kisilenko A. V. Volunteering as a form of self-organization of Russian youth in conditions of risk: dissertation ... candidate of sociological sciences: 22.00.04. Kisilenko Anastasiya Vladimirovna; [Place of protection: Yuzh. Feder. un-t]. Belgorod; 2017. 250 p. (In Russ.)
7. Popova N.V. Volunteering as a type of social activity in modern Russia: social and philosophical analysis: dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11. Popova Nadezhda Viktorovna; [Place of protection: Zabayk. state un-t]. Chita; 2017. 168 p. (In Russ.)

Информация об авторах

В. А. Фоменко – канд. экон. наук, доц. кафедры теории права и государства, истории и философии;
 С. В. Петрова – декан юридического факультета, докт. полит. наук, проф. кафедры теории права и государства, истории и философии.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 18.11.2021.

The article was submitted 29.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 18.11.2021.

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-240-245

СТЕЙКХОЛДЕРЫ КАК СУБЪЕКТЫ СОЦИОИНЖЕНЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАКТИКИ МИГРАНТОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Елена Васильевна Чумак

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург Россия,
lena22021977@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается рассматривать миграционный процесс в его социальном окружении, и, исходя из этого, используется стейкхолдерский подход в реализации государственной миграционной политики. Стейкхолдеры рассматриваются как субъекты социоинженерного воздействия. Приведена структура стейкхолдеров миграционного процесса: выделены 4 группы стейкхолдеров миграционного процесса, сформулированы цели и задачи социоинженерного воздействия на эти процессы. Определен набор ресурсов мигрантов (естественные, институциональные, личностные), влияющие на их деятельностный потенциал в процессе адаптации к условиям принимающей стороны.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовые мигранты, стейкхолдеры, социоинженерное воздействие, деятельностный потенциал

Для цитирования: Чумак Е. В. Стейкхолдеры как субъекты социоинженерного воздействия на практики мигрантов при реализации миграционной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 240–245. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-240-245>.

Sociology Problems

Original article

STAKEHOLDERS AS SUBJECTS OF SOCIAL ENGINEERING IMPACT ON MIGRANT PRACTICES IN IMPLEMENTING MIGRATION POLICY

Elena V. Chumak

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, lena22021977@yandex.ru

Abstract. The article proposes to consider the migration process in its social environment, and based on this, a stakeholder approach is used in the implementation of state migration policy. Stakeholders are viewed as subjects of socio-engineering influence. The structure of the stakeholders of the migration process is given: 4 groups of stakeholders of the migration process are identified, the goals and objectives of socio-engineering impact on these processes are formulated. The set of migrants' resources (natural, institutional, personal), influencing their activity potential in the process of adaptation to the conditions of the receiving party, has been determined.

Keywords: migration policy, labor migrants, stakeholders, socio-engineering impact, activity potential

For citation: Chumak E. V. Stakeholders as subjects of social engineering impact on migrant practices in implementing migration policy. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):240–245. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-240-245>.

При рассмотрении многоуровневости (иерархичности) реализации социальных технологий управления миграционной, наиболее сложным в институциональном плане является макроуровень или уровень государства в целом. По нашему мнению, следует отделять основы государственной миграционной политики и социоинженерные решения конкретных социальных проблем миграции. Формирование миграционной политики сложный, многоаспектный процесс, основанный на стратегии государственного развития и требующий отдельного научного осмысления. В условиях, когда миграционная политика государства сформулирована и утверждена, она должна конкретизироваться

набором отдельных социальных технологий и инструментов, обеспечивающих социоинженерное воздействие для реализации целей государственной политики. При этом постоянным должен быть круг субъектов социоинженерного воздействия, которые могут обеспечить устойчивость соционормативных параметров воздействия.

С.Климова, отмечает, что «Влияние нормативных параметров может быть усилено или ослаблено субъектами ситуации – людьми, коллективами, институтами (собственник, местная власть, профсоюз, инспекция по труду), способными придать тот или иной импульс, то или иное направление ходу событий. Степень влиятельности зависит от ресурсов социальных субъектов – средств, позволяющих изменить ход событий...» [1]. В этом ключе интерес представляет и тезис П. Штомпки, «свойства агентов являются и продуктами структур, и ресурсами для их построения» [2, с. 272]. В этом контексте следует уточнить, что социальная группа (в частности мигранты) выступает для принимающей стороны преимущественно в качестве объектов, однако от их особенностей во многом зависят выбор агентов влияния.

Отмеченное выше позволяет сформулировать цель статьи: изучить структуру непосредственного окружения трудового мигранта на региональном уровне, а также обозначить требуемый для социального воздействия набор методов социоинженерного воздействия. Выбор поставленной цели определяют задачи, в качестве которых мы рассматриваем анализ структуры и взаимосвязей стейкхолдеров процесса региональной миграции; определяем нормативное пространство и методы соционормативного влияния в процессе воздействия стейкхолдеров на объект (социальная группа мигрантов, практики мигрантов) управления. Основными методами исследования выступили методы теоретического анализа, в том числе метод логического моделирования, для оценки наиболее оптимальных, с точки зрения управленческого воздействия, соционормативных инструментов. В качестве специальных методов предлагается использование ситуационного анализа для определения контекстного набора тех или иных соционормативных инструментов. В рамках данного исследования мигранты (на конкретной территории) рассматриваются как некая социокультурная общность, имеющая более высокий уровень соционормативной внутренней гомогенности, по отношению к стейкхолдерам.

В рамках данной статьи предлагаем рассматривать миграционный процесс в его окружении. В соответствии со сложившейся в РФ миграционной политикой, интерес представляет не отдельный мигрант (семья мигрантов), а определенная группа мигрантов, оказавшаяся на определённой территории. Исходя из этого, мы считаем, что социальная технология управления миграцией на региональном уровне, вполне попадает в определение М. Тарского, что «для управления взаимоотношениями с заинтересованными сторонами выделяется специальная подсистема – стейкхолдер-менеджмент, которая имеет собственные принципы, методы, инструменты» [3]. Мы также полностью согласны с Р. Личак, считающей, что «удовлетворение требований стейкхолдеров снижает риски для компании» [4]. Поддерживаем точку зрения А.Греско в том, что «важность учета интересов стейкхолдеров при принятии управленческих решений» [5]. В развитие мысли можно привести высказывание С.Дмитриевой, что «...не только для крупных компаний и корпораций становится актуальным использование принципов теории заинтересованных сторон» [6]. Корректность использования стейкхолдерского подхода отмечается в работе А.Эглиса, констатировавшего, что данный подход может способствовать появлению доверия «между инвесторами и государством» [7]. Рассматривая предприятие и регион как систему привлечения мигрантов, можно воспользоваться мыслью Н.Козловой о том, что «важную роль в формировании привлекательного имиджа и деловой репутации компании в глазах ее сотрудников играют, как уже отмечалось, внутренние корпоративные коммуникации» [8].

П. Штомпка [2, с. 28-30] предлагает для эмпирического анализа универсальную модель INIO. Согласно этой модели, любую социокультурную общность можно проанализировать, принимая во внимание четыре измерения:

- «I» – идеологии, системы ценностей,
- «N» – нормативную систему;
- «I» – интеракции (вертикальные, горизонтальные, сетевые);
- «O» (opportunity) – социальный ресурс групповых и индивидуальных субъектов.

Опираясь на данную модель, можно заключить, что мигранты, обладая близкой системой ценностей и норм, в значительной степени ориентированы на горизонтальные интеракции. При этом, использование ресурса индивидуального и группового субъекта во многом определяется двумя верхними элементами модели. Соответственно, в зависимости от характера включенности

в социальные практики принимающей стороны и масштабов внутригруппового взаимодействия в процессе миграции, характер социоинженерного воздействия будет существенно отличаться. При этом общий набор стейкхолдеров, по нашему мнению, может оставаться неизменным.

В монографии Д. Ядранского [9], указывается набор и отличия субъектов социоинженерного влияния. В общем виде их структура представлена на рис. 1, однако, приведенная автором схема может быть несколько изменена (схема, предложенная Д.Ядранским, представленная на рис. 1, нами доработана). Следует отметить, что ни наша, ни предложенная Д. Ядранским структура не содержат ранжирования указанных стейкхолдеров по степени влияния на мигрантов. Указанное ранжирование видится нам теоретически возможным, однако мало применимым на практике, поскольку в зависимости от текущей ситуации в жизни конкретного мигранта (группы мигрантов) роль того или иного элемента структуры может меняться.

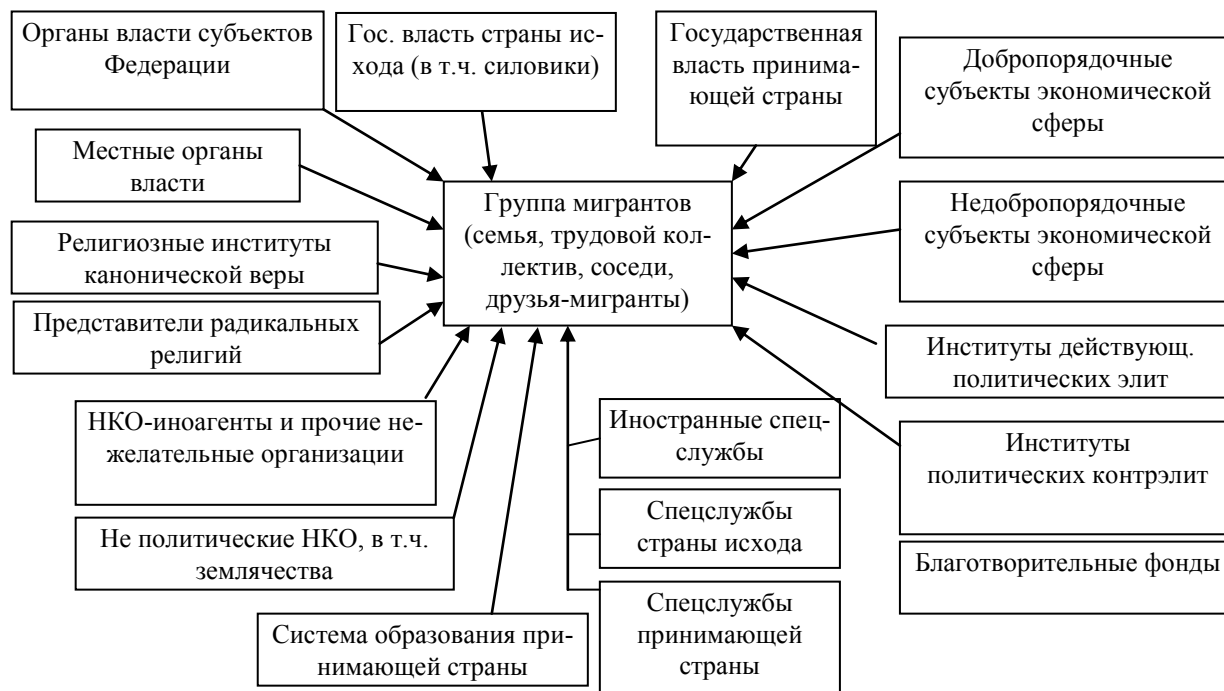

Рис. 1. Структура стейкхолдеров миграционного процесса как субъектов социоинженерного воздействия
Fig. 1. Structure of stakeholders of migration process as subjects of socioengineering influence

Несмотря на то, что структурный набор субъектов социоинженерного воздействия на мигрантов, показанный на рис. 1 не будет иметь принципиальных отличий от субъектов воздействия на местное население, тем не менее, чувствительность мигрантов к воздействию внешних факторов будет резче, а реакция может оказаться менее предсказуемой в силу существующих социокультурных отличий. Эта идея лежит в русле современных социальных теорий активистского направления, которые видят в человеке активного субъекта собственной жизнедеятельности, что подводит к попыткам оценки «деятельностного потенциала» субъектов. Поскольку деятельностный потенциал, обусловленный, в частности, наличием некоторого набора ресурсов – естественных (материальных), институциональных (т.е. условия для реализации), личностных (собственно наличие личностного потенциала) – рассматривать его в рамках миграционных процессов крайне проблематично.

С одной стороны, чаще всего, мигрант имеет ограниченные все три вида ресурсов в плане реализации деятельностного потенциала, однако с другой стороны – именно отсутствие или недостаток этих ресурсов, часто актуализирует деятельностную активность. В этом контексте идеология и соционормативная система, выступают в качестве факторов, через которые происходит конструирование интеракций (взаимодействий) и выстраивается деятельностное поведение мигранта. Таким образом можно допустить возможность ситуативной реакции мигранта (в случае отсутствия моделирующих действий стейкхолдера).

В данном ключе, под моделирующими действиями мы понимаем обеспечение мигранта набором естественных и институциональных ресурсов, обеспечивающих проявление личностного

потенциала в соответствии с ожиданиями субъекта принимающей стороны. В данном случае, мы говорим (в большей степени) о трудовой миграции, поэтому основными выгодополучателями принимающей стороны будут выступать органы власти субъектов РФ (региональный уровень) и доброспорядочные субъекты экономической деятельности (корпоративный уровень). Остальные стейкхолдеры так же могут быть выгодополучателями, однако их интерес к миграционному процессу, по нашему мнению, может иметь не столь очевидные последствия для принимающей стороны. На этом основании мы делаем вывод о том, что основных стейкхолдеров процесса миграции можно разделить на 4 группы:

- прямые выгодоприобретатели (доброспорядочные субъекты экономической сферы, органы власти субъектов федерации);
- косвенные выгодоприобретатели (система образования принимающей страны, религиозные институты канонической веры, институты действующих политических элит, не политические некоммерческие организации (НКО) (землячества и т.п.);
- стейкхолдеры, обеспечивающие миграционный процесс (спецслужбы принимающей страны, благотворительные фонды, местные органы власти, государственная власть принимающей страны);
- стейкхолдеры дестабилизирующего влияния (представители радикальных религий, иностранные спецслужбы, спецслужбы страны исхода, гос. власть страны исхода, институты политических контрэлит, недоброспорядочные субъекты экономической сферы).

Соответственно задача социоинженерного воздействия на мигрантов сводится к тому, чтобы за счет действия определенной социальной технологии взаимодействия мигрантов со стейкхолдерами обеспечить:

- повышение эффекта выгодоприобретателям (как прямым, так и косвенным);
- снижение затрат стейкхолдеров, обеспечивающих миграционный процесс;
- минимизация (устранение) дестабилизирующего влияния.

Выбор социальной технологии взаимодействия должен базироваться, по нашему мнению, на методике ситуативного анализа. Данная методика достаточно подробно рассмотрена С. Климовой [1] и, частично, переосмыслена Д. Ядранским [9]. Фокус анализа в данном случае необходимо сконцентрировать на:

- установлении значимых объективных и субъективных параметров социальной ситуации;
- определении параметров нормативной системы (социальных норм), с применением которых происходит оценка социальной ситуации самими мигрантами в собственной социальной группе;
- формировании системы индикаторов, позволяющих охарактеризовать динамику развития в конкретной мигрантской среде социальных процессов и установить их вектор;
- установлении силы и основных источников (т.е. стейкхолдеров) влияния разнообразных социальных факторов на развитие ситуации;
- разработке социальных инструментов (поиск социальных ресурсов) необходимых для изменения состояния в анализируемой социальной системе.

Рассматривая механизм реализации миграционной политики с использованием инструментов социальной инженерии, целесообразно разделить деятельность на два направления: социально прогнозирование и социальное моделирование.

В рамках первого направления важно получить модели социальной структуры со всеми (по крайней мере доминирующими) нормами и ценностями общества, которые сформируются в результате миграции на поколенческом уровне.

Следует отметить, что современные миграционные процессы в РФ, часто происходят без должного структурного моделирования, что приводит к появлению этнических анклавов, сложностей ассимиляции мигрантов в принимающем регионе (в т.ч. в силу отторжения мигрантов местным населением). Второе направление связано не только с пассивным изучением состояния социальной среды, в которую интегрируются мигранты, но и с определенными шагами, направленными на развитие (трансформацию) сложившегося в регионе исхода уклада жизни. Выбор конкретных инструментов в данном контексте достаточно ситуативен, однако, по нашему мнению, большое значение в данном процессе имеют действия стейкхолдеров отнесенных нами к «косвенным выгодополучателям».

Считаем, что трансляция элементов национальной культуры (поведенческой, религиозной, коммуникативной) в современном российском обществе (достаточно открытом и поликультурном) естественным путем происходит значительно хуже, чем в преимущественно замкнутых обществах

стран исхода мигрантов, что усложняет ассимиляционные процессы, в том числе инкультурацию. Соответственно, одной из ключевых задач стейкхолдеров на современном этапе является формирование единого (как минимум близкого) социокультурного пространства, создающего предпосылки для успешного развития не только общества как такового, но и выстраивания конструктивного взаимодействия в рамках самой стейкхолдерской модели взаимодействия.

Таким образом, для обеспечения успешной государственной миграционной политики на уровне субъекта федерации необходимо изначально выстраивать миграционную политику с ориентацией на стейкхолдерскую модель, в которой мигранты будут выступать в роли объекта влияния стейкхолдеров. При этом характер и направление такого влияния должны удовлетворять иных участников данного процесса. В схеме, предложенной на рис. 1, отсутствует такая категория, как «гражданское общество». Мы считаем, что в условиях современного этапа развития РФ, интересы гражданского общества могут быть представлены через деятельность неполитических НКО (некоммерческих организаций) или через деятельность основных субъектов государственного управления миграционными процессами: государственной власти и деятельность органов власти субъектов Федерации.

Список источников

1. Климова С. Г. Теоретические подходы к изучению трудовых отношений на предприятии в методологии ситуационного анализа // Вестник Института социологии. 2011. № 2. С. 132–148.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
3. Тарский М. О., Першина Е. Г., Подзорова Г. А. Стейкхолдер-менеджмент как инструмент повышения качества управления организацией // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 10(70). С. 19.
4. Личак Р. А. Анализ требований ключевых стейкхолдеров как условие обеспечения экономической безопасности корпораций // Анализ и современные информационные технологии в обеспечении экономической безопасности бизнеса и государства: Сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов / РЭУ им. Г.В. Плеханова. М.: Издательство "Аудитор", 2016. С. 220–224.
5. Греско, А. А. Выбор стратегий взаимодействия организации со стейкхолдерами с учетом возможных сценариев взаимодействия стейкхолдеров между собой // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право 2012. № 5. С. 84–100.
6. Дмитриева, С. А. О необходимости разработки методологии взаимодействия с заинтересованными сторонами (стейкхолдерами) при организации деятельности корпорации // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т. 2. № 10(10). С. 110–111.
7. Эглис А. П., Фефелов А. А., Погорелов И. З. Анализ преимуществ использования МСФО стейкхолдерами ГЧП-проектов // Современные проблемы экономического и социального развития. 2013. № 9. С. 72–73.
8. Козлова Н. Управление деловой репутацией и развитие отношений со стейкхолдерами // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2011. № 4. С. 312–316.
9. Ядранский, Д. Н. Социальная инженерия как технология государственного администрирования [Текст]: [монография]. М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург: [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та 2018. 233 с].

References

1. Klimova S. G. Theoretical approaches to the study of labor relations at the enterprise in the methodology of situational analysis *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2011;(2): 132-148. (In Russ).
2. Shtompka P. Sociology of social change. Rep. from English Ed. V. Yadov. Moscow: Aspect-Press, 1996. 416 p. (In Russ).
3. Tarskiy M. O. Pershina EG, Podzorova GA Stakeholder management as a tool for improving the quality of organization management *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal* = *Management of economic systems: electronic scientific journal*. 2014;10 (70):19. (In Russ).

4. Lychak R. A. Analysis of the requirements of key stakeholders as a condition for ensuring the economic security of corporations *Analiz i sovremennyye informatsionnyye tekhnologii v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti biznesa i gosudarstva: Sbornik nauchnykh trudov i rezul'tatov sovmestnykh nauchno-issledovatel'skikh proyektov = Analysis and modern information technologies in ensuring the economic security of business and the state: Collection of scientific papers and results of joint research projects*. PRUE im. G. V. Plekhanov. Moscow: Publishing house "Auditor", 2016. p. 220-224. (In Russ).

5. Gresko A. A. The choice of strategies for the organization's interaction with stakeholders, taking into account possible scenarios for the interaction of stakeholders with each other *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1: Ekonomika i pravo = Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2012;(5):84-100. (In Russ).

6. Dmitrieva S. A. On the need to develop a methodology for interaction with stakeholders (stakeholders) in organizing the corporation's activities *Yevraziyskoye Nauchnoye Ob'yedineniye = Eurasian Scientific Association*. 2015;2(10):110-111. (In Russ).

7. Eglis A. P., Fefelov A. A., Pogorelov I. Z. Analysis of the benefits of using IFRS by stakeholders of PPP projects *Sovremennyye problemy ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya = Modern problems of economic and social development*. 2013; (9):72-73. (In Russ).

8. Kozlova N. Management of business reputation and development of relations with stakeholders *RISK: Resursy, Informatsiya, Snabzheniye, Konkurentsia = RIPC: Resources, Information, Procurement, Competition*. 2011;(4): 312-316. (In Russ).

9. Yadransky D. N. *Social engineering as a technology of public administration* [monograph]. Ministry of Science and Higher education Ros. Federation, Ural. state econom. un-t. Yekaterinburg: Publishing house Ural. state econom. University; 2018. 233 p.

Информация об авторе

Е. В. Чумак – кандидат наук по государственному управлению, доцент.

Information about the author

E.V. Chumak - Candidate of Science in Public Administration, Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021; одобрена после рецензирования 17.08.2021; принята к публикации 20.08.2021.

The article was submitted 30.07.2021; approved after reviewing 17.08.2021; accepted for publication 20.08.2021.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 246–252
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):246-252

Young scientists

Original article

TRIPLE HELIX THEORY AS THE CONCEPTUAL PLATFORM FOR INNOVATIVE TALENT CULTIVATION IN DIGITAL ECONOMY

Zhang Chunlei

Henan University of Economics and Law, Zhengzhou, China, isobelzcl@163.com

Abstract. The university-industry-government triple helix theory originated from regional innovation practices, revealing the essence of continuous knowledge-based regional innovation and triggering the exploration of new models and mechanisms for regional growth in countries around the world. The triple helix theory provides a new paradigm for the collaborative development of innovation and entrepreneurship education by government, enterprises, universities and other subjects. Taking the triple helix theory as a tool, the article proposes that under the background of digital economy, a new path of deep integration of innovation and entrepreneurship education with professional education should be explored in multiple modes, such as conceptual integration, curriculum integration and cross-disciplinary integration. University students are the main human base of the innovation and entrepreneurship group. To build the innovation and entrepreneurship education system in universities and to optimize the structure of innovation and entrepreneurship education, it is necessary to innovate the entrepreneurship model in universities based on the needs of the digital era.

Keywords: triple helix theory, digital economy, talents, competencies, innovation

For citation: Zhang Chunlei. Triple helix theory as the conceptual platform for innovative talent cultivation in digital economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):246-252.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-246-252>.

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 331

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-246-252

ТЕОРИЯ ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТАЛАНТОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Чжан Чуньлэй

Хэнаньский университет экономики и права, Чжэнчжоу, Китай,
isobelzcl@163.com

Аннотация. Теория тройной спирали, характеризующая взаимодействие в системе «университет – промышленность – правительство», возникла из региональных инновационных практик, раскрывая суть непрерывных региональных инноваций, основанных на знаниях, и инициируя исследование новых моделей и механизмов регионального роста в странах по всему миру. Теория тройной спирали обеспечивает новую парадигму для совместного развития образования в области инноваций и предпринимательства со стороны правительства, предприятий, университетов и других субъектов. С использованием теории тройной спирали в качестве концептуального инструмента, в статье предлагается, чтобы в условиях цифровой экономики новый путь глубокой интеграции образования в области инноваций и предпринимательства с профессиональным образованием был изучен в нескольких режимах, таких как концептуальная интеграция, интеграция учебных программ и междисциплинарная интеграция. Студенты университетов являются основной кадровой

базой для инноваций и предпринимательства. Для построения системы образования в области инноваций и предпринимательства в университетах и оптимизации структуры образования в области инноваций и предпринимательства необходимо внедрить инновационную модель предпринимательства в университетах, основанную на потребностях цифровой эпохи.

Ключевые слова: теория тройной спирали, цифровая экономика, таланты, компетенции, инновации

Для цитирования: Чжан Чуньлэй. Теория тройной спирали как концептуальная платформа для развития инновационных талантов в цифровой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 246–252. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-246-252>.

The transformation and development of the economy and society are more concerned with the selection, cultivation and reserve of talents. The core function of modern university responsibility is the cultivation of innovative talents, i.e. the cultivation of various types of professional and innovative talents urgently needed by the country and society. Nowadays, innovation and high-tech industries have become pillar industries. Economic development cannot be achieved at the cost of damaging the environment. Modern universities have not yet done enough systematic research on the training of innovative and entrepreneurial talents. This requires reforming the training model with new educational teaching concepts and adopting modern educational tools to cultivate talents with innovative spirit and entrepreneurial skills.

With the development of the knowledge-based economy, universities have gradually become the centre of innovation in society. In 1995, Etzkowitz and Leydesdorff co-authored "The Triple Helix-University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development" [1], using the concept of the "triple helix" as a model to explain innovation activities in the knowledge-based economy, reflecting the special relationship between innovation agents[2]. The triple helix theory refers to the fact that the three organizations, government-industry-university, work closely together and interact with each other in the innovation process, while each party maintains its own independent status [3]. In the triple helix innovation theory model, the government-industry-university actors maintain their independent identities and functions, while supporting the functions of the other actors. The three subjects interact, intersect, overlap and merge like "spiraling helixes" to create an endless array of interrelated patterns and organisational structures, thus driving the spiral of innovation activities [4]. The triple helix theory provides a new theoretical research paradigm for studying the university-industry-government relationship. As an important part of innovation theory research, its main idea is that universities, enterprises and governments collaborate and switch roles in innovation, so as to improve the efficiency of resource utilisation and collaborative innovation through the adequate sharing of resources among the three parties [5].

The 1996 Triple Helix International Conference established the interaction between government, universities and enterprises as a cluster branch of innovation systems theory, which gradually became a new paradigm for the study of innovation systems [6]. The effective cooperation between government, universities and enterprises has become a source of power for economic and social development [7]. Since its inception, the theory has been receiving attention from scholars around the world. Research has mainly focused on the construction of theoretical models [8], analysis of synergy mechanisms [9], case studies [10], and innovation and entrepreneurship education in universities [11].

The triple helix theory explores the interconnected and spiralling interaction between government, university and enterprise innovation agents around the goal of knowledge production and transformation. In this interaction, government, universities and enterprises are all important forces in the innovation system. The triple helix theory has three levels of meaning :

- government, universities and enterprises are both independent of and interact with each other in the formation of the spiral;
- the role functions of government, universities and enterprises are both integrated and possibly partially transformed within the spiral, i.e. the functions on each spiral are integrated with each other or even partially transformed;
- government, universities and enterprises interact through the three spiral chains to generate new overlapping organisational structures and networks, thus providing a new platform for creative government-industry-academia cooperation [12].

The first level illustrates that the government, universities and enterprises play their respective functions in the innovation system: the government, as the main body of public administration, provides support for government-industry-academia cooperation through the formulation of public policies; universities, as the main body of knowledge innovation, undertake the function of scientific and technological innovation and knowledge dissemination; enterprises, as the main body of the market, are the promoters of the marketization of scientific and technological innovation results. The second level means that with the development of the economy, universities, as the main body of knowledge creation, began to take up part of the function of transforming innovation results, creating new products, opening up markets and developing into new enterprises; enterprises, while carrying out marketing and industrialisation activities, also established relevant research institutions or centers to realise technological knowledge innovation, playing the role of university knowledge innovation. The government carries out the transformation of its functions, from policy support to investment in science and technology parks and industrial parks. The third layer refers to the continuous emergence of hybrid organisations such as university student science and technology parks in the process of mutual cooperation between the three. Therefore, the analysis of the triple helix relationship between the government, industry and university should clarify the role positioning between the three, so as to facilitate the analysis of the dynamic mechanism of the in-depth cooperation between the three. At the same time, in the process of interaction between the three, the innovation subjects are constantly changing according to different stages of development, and each of the three plays its own role independently, while at the same time complementing each other, showing a continuous upward development in the interaction and cooperation.

Although most countries follow a 'triple helix' approach to government-university-enterprise partnerships due to the different contexts, they have chosen different types of internal institutions and development paths.

The first type is the 'state interventionist model', which emphasises state-led government-industry-university partnerships (as shown in Figure 1). In the state interventionist model, the innovative behaviour of industry and universities is controlled and arranged by the government, and the scope for autonomy is relatively narrow. The allocation of science and technology resources is centrally distributed by the government administrative system.

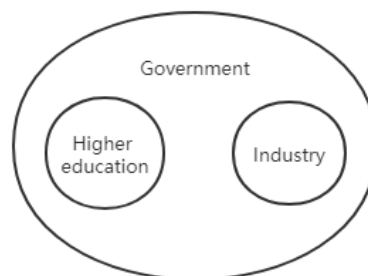

Fig. 1. Government-led model of triple helix theory

The second type of model is the 'liberal' model, in which the government, universities and enterprises operate independently and perform their own functions, but lack a good mechanism for interaction between them. In this model, there is a lack of sharing and effective integration of resources and information among the three innovation agents, resulting in an inefficient system as a whole.

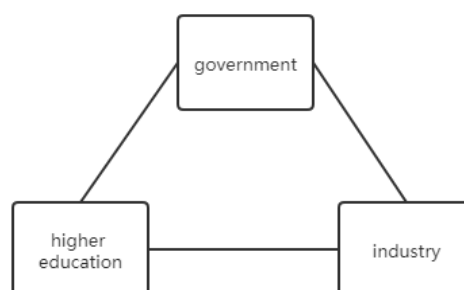

Fig. 2. Liberal model of triple helix theory

The third type of model is the triple helix overlap model (as shown in Figure 3), which refers to the fact that the three subjects play their own innovative roles while also undertaking some of the functions of other subjects, so that the roles and functions of the three subjects overlap with each other. For example, universities, while undertaking teaching and research functions, also promote the industrialisation and marketisation of research results, and to a certain extent play the role of entrepreneurs. In this model, the government provides services to support enterprises and universities by formulating and adjusting relevant policies and regulations or establishing science and technology parks to improve the environment.

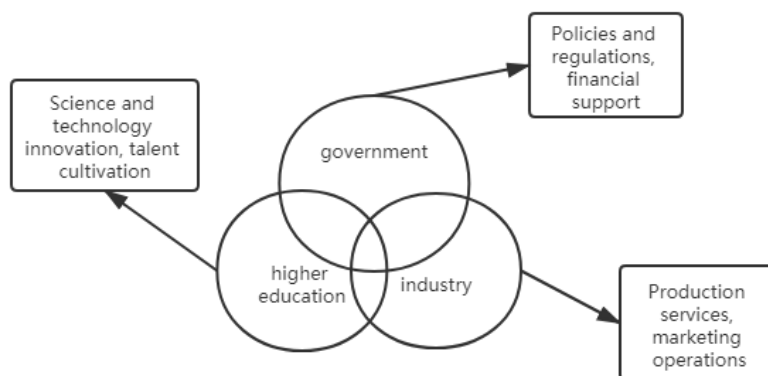

Fig. 3. Overlap model of triple helix theory

The regional triple helix is a reflection of the combined effect of the three models - university-pushed, corporate-led and government-pulled [13]. In different countries and regions, the ideal innovation should be a unification of these three models, each of which has its own conditions and strengths and weaknesses and can complement each other. The university-driven formation presupposes the presence of first-class research universities/institutes in the region and dedicated to the development of industry and society, with the advantage of helping to form autonomous regions of continuous innovation and the constant creation of new economic growth points, suitable for knowledge-intensive regions. The government-driven approach relies on the interaction between the government and academia, with the prerequisite that the government must be strong, able to fully mobilise innovation resources, and suitable for organising major national projects. The prerequisite for the large enterprise driven approach is that there is no shortage of large enterprises in the region that are leaders in their industries, which can use the industry cluster strategy to drive the progress and development of the region's advantageous industries as a whole, and is suitable for the development of resource-based and strategic industries that already have a foundation in the region.

The emergence and development of digital technology has injected new vitality into the innovation and entrepreneurship education ecosystem in universities. Digital technology not only breaks the limitations of time and space distance in the traditional educational environment, but the massive amount of data and information also expands the knowledge boundaries of talents and activates new ways of thinking. Digital technology not only facilitates the formation of sufficient resource interaction among subjects in the ecosystem [14], but also helps to break the dilemma of "data silos" among multiple subjects, establish a learning community created by digital resource construction, and promote the continuous improvement and optimization of the innovation and entrepreneurship education ecosystem.

Digital innovation and entrepreneurship is a new model of innovation and entrepreneurship proposed under the development of mobile communication, big data and Internet of Things technologies. In the traditional innovation and entrepreneurship model, various entrepreneurial problems of the industrial era were mainly targeted, while digital innovation and entrepreneurship has greatly enriched and expanded the content of entrepreneurial activities with the advantages of strong interaction, borderlessness and openness of the Internet. In digital innovation and entrepreneurship, entrepreneurs are using digital technology to communicate and exchange, with highly networked and virtualized characteristics. To build a sound innovation and entrepreneurship education ecosystem in the context of the digital economy, the government, universities and industry need to work together and make rational use of digital technology and digital platforms to form three complementary resources, coordinate with each other and develop together.

Based on the triple helix theory, this article explores the path and methods of building an innovation and entrepreneurship education ecosystem in universities from a digital perspective. The triple helix theory is the foundation, while talent cultivation is the core premise of innovation and entrepreneurship, and its path is to achieve the goal of full employment through higher education so as to achieve the impact of promoting regional economic development (as shown in figure 4) .

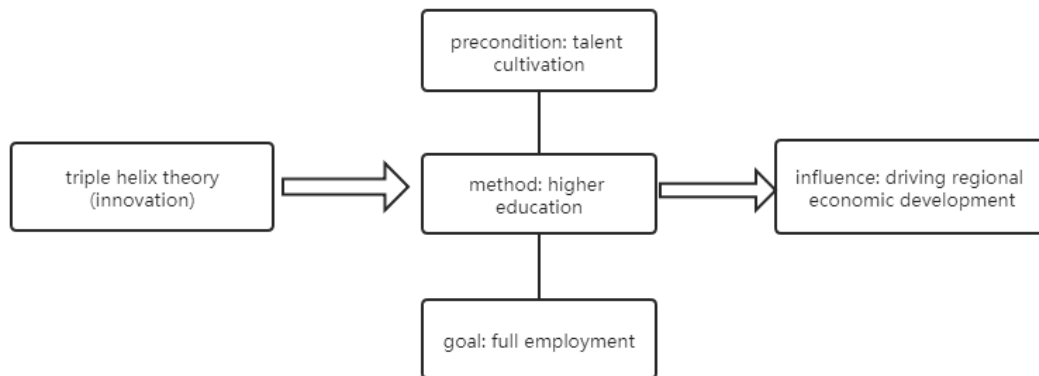

Fig. 4. Triple helix theory and talent cultivation

First, optimise the top-level design and strengthen the policy supply. The integration of innovation and entrepreneurship education with professional education, based on the triple helix theory, requires more comprehensive and targeted policy supply. The state should speed up the formulation of innovation and entrepreneurship education policies aimed at strengthening the tripartite collaboration between the government, universities and enterprises, highlight the main position and role of the government and enterprises in the practice of innovation and entrepreneurship education, and give more incentives to local government departments and enterprises for innovation and entrepreneurship education.

Second, strengthen the system and improve the management system. A sound policy system provides a good institutional environment for the development of innovation and entrepreneurship education. The government is an important regulator of the innovation and entrepreneurship ecosystem in colleges and universities. As an important spiral chain, the functions undertaken by the government, such as making policies and regulations and providing financial funds, are key factors affecting the effectiveness of innovation and entrepreneurship education in universities. As a government with public administration functions, it needs to provide financial support and improve intellectual property protection laws to better promote university-industry cooperation. The government should give universities more autonomy. Therefore, the government plays a coordinating role in the innovation and entrepreneurship education ecosystem through the formulation of policies and regulations and other public management tools. The government should further improve its policies in terms of top-level design to provide good policy resources and public services for collaborative innovation among government, universities and enterprises.

The role of the government in the innovation and entrepreneurship education ecosystem is not only to act as a policy in maker, but also to undertake the construction of a basic platform for sharing innovation and entrepreneurship resources. In the development of innovation and entrepreneurship education in colleges and universities, more emphasis is placed on cultivating the innovation and entrepreneurship awareness and ability of college students and on the nurturing function of innovation and entrepreneurship. Therefore, the government is not only a service provider of innovation and entrepreneurship in the innovation and entrepreneurship education ecosystem, but should also take the initiative to participate in the government-industry-university cooperation, establish a resource exchange platform for government-industry-university cooperation, realize the flow and sharing of information on innovation and entrepreneurship among the government, universities and enterprises, and actively guide the innovation and entrepreneurship achievements of universities and enterprises to serve local positive social development.

Curriculum is the basic carrier of professional education in universities, and it is also the basic element for the implementation of innovation and entrepreneurship education. To promote the integration of innovation and entrepreneurship education with professional education under the triple helix model, the integration of curriculum is an important support. The functional integration model of innovation and entrepreneurship education and professional education from the perspective of the triple helix is to take the integration of curriculum as the grip, aggregate the value orientation and educational resources of the government, universities and enterprises, and create a curriculum system in which innovation and entrepreneurship education and professional education are mutually permeable and deeply integrated, relying on the curriculum to promote. The government, universities and enterprises should jointly develop a curriculum integration system, in which education authorities can undertake the development of courses on national innovation and entrepreneurship policies, financial and taxation policies, laws and regulations and other entrepreneurial awareness and knowledge; universities can undertake the development of courses on innovation and entrepreneurship system theory and professional education; enterprises can undertake the development of practical courses directly related to innovation and entrepreneurship.

Structural integration refers to the integration of innovation and entrepreneurship education with professional education based on the triple helix theory and the inherent structural characteristics of the practice of innovation and entrepreneurship activities. The knowledge and skills required for innovative and entrepreneurial activities are not presented in the way that they are divided into disciplines and curricula within the education system, but rather in a way that crosses and interpenetrates multidisciplinary knowledge and skills. This requires a high degree of breadth and depth of professional knowledge and skills. The integration of innovation and entrepreneurship education with professional education should be based on the "triple helix" structure and take the path of inter-professional integration, based on the structural characteristics of the practice of innovation and entrepreneurship activities.

Innovation and entrepreneurship involves a wide range of knowledge, and the dimensions and levels of integration between innovation and entrepreneurship knowledge and professional knowledge are also very rich. Building a knowledge space platform means enriching innovation and entrepreneurship knowledge education with professional knowledge education through a wider coverage and knowledge capacity online space on top of on-campus courses and credit hours. The government, universities and enterprises can jointly build an internet knowledge space platform for innovation and entrepreneurship, and jointly develop courses and digital teaching resources that can be used by students for independent learning.

Universities play a major role in the development of innovative human resources, and their activities must be geared to the requirements of the digital age. The shortage in each country is not only for doctoral talents with high-end technologies, but also for digital application-oriented skills at the mid-range, i.e. digital talents. Innovation and entrepreneurship education in universities should be oriented towards new innovation and entrepreneurship models using big data, the internet, the real economy and artificial intelligence to nurture artisanal talent for the new era.

References

1. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix -- University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development. *Glycoconjugate Journal*. 1995;1(14):14–19.
2. Leydesdorff L., Etzkowitz H. The triple helix as a model for innovation studies. *Science & Public Policy*. 1998;3(25):195–203.
3. Etzkowitz H., Zhou C. *The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation and Entrepreneurship*. 2nd ed. London: Routledge; 2017.
4. Sun X., Yao W. Double Triple Helix Model Theory and Innovation Mode of the Talent Cultivation. *Social Sciences in Nanjing*. 2012;12:124–130.
5. Chen H. Study on the Mode and Mechanism of the Cooperation of Government, Industry, University and Research Institute Based on the Triple Helix Theory. *Science & Technology Progress and Policy*. 2009;64(26):6–8.

6. Leydesdorff L., Rafols I. Local Emergence and Global Diffusion of Research Technologies: An Exploration of Patterns of Network Formation. *Journal of the American society for information science and technology*. 2011;(5):846–860.
7. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Dynamics of Innovation: From National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations. *Research Policy*. 2000;2(29):109–123.
8. Toshiya W. University – industry collaboration - effect of patenting and licensing by university on collaboration research. *Tech Monitor*. 2009;(9):11–18.
9. Huang L. Research on University Entrepreneurship Education Collaborative Innovation Mechanism – Based on Triple Helix Theory. *Technoeconomics & Management Research*. 2016;(6):25–29.
10. Inzelt A. The evolution of university industry government relationships during transition. *Research Policy*. 2004;(6):975–979.
11. Qing C., Zou G., Xia H. Building a community for innovation and entrepreneurship education in universities under the perspective of triple helix theory. *Guizhou Social Sciences*. 2018;(6):163–168.
12. Wang S. *A Study of Government-Industry-Academia Cooperation Model – Based on the «Triple Helix» Theory Perspective*. Guangzhou: Guangdong Education Publishing House; 2017.
13. Zhou C. *The “Government-pulled” Triple Helix of Regional Innovation in China, Theory and Practice of Triple Helix Model in Developing Countries*. London: Routledge; 2008.
14. Cai L. et al. Review and Prospect of Research on the Impact of Digital Technology on Entrepreneurial Activities. *Studies in Science of Science*. 2019;10(37).

Информация об авторе

Чжан Чуньлэй – младший научный сотрудник, Управление международного обмена и сотрудничества

Information about the author

Zhang Chunlei – Junior fellow, Office of International Exchange and Cooperation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 01.12.2021.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 01.12.2021.

COMPETENCY REQUIREMENTS FOR SUPRANATIONAL ORGANIZATION EMPLOYEES: THE ICEBERG MODEL IMPLEMENTATION

Wang Chenxi

Henan University of Economics and Law, Zhengzhou, China, 20101173@huel.edu.cn

Abstract. This article adopts a comparative text analysis method, uses the iceberg model to analyse, encode and compare the differences in competency requirements of different levels in the United Nations. This article selects two levels (entry-level and senior-level) of United Nations professional employees as the research objects to explore the competency requirements of major positions in supranational organizations. This article finds that the lower the level of positions, the higher the requirements for competency in the above-water dimensions of knowledge, skills, and motivation; meanwhile, the higher the level of positions, the higher the requirements for competency in the three underwater dimensions of social role, self-concept, and personality traits. Moreover, the characteristics of competency requirements iceberg model corresponds to the 3 core values and 8 Core competencies and 6 management competencies as proposed in the Future Competence by the United Nations, and the iceberg model of supranational organization competency requirements proposed in this article can be used as a supplement to the Future Competence.

Keywords: supranational organization employees, competency requirements, iceberg model

For citation: Wang Chenxi. Competency requirements for supranational organization employees: the iceberg model implementation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):253-259.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-253-259>

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 331

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-253-259

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЕТЕНЦИЯМ СОТРУДНИКОВ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ АЙСБЕРГА

Ван Чэньси

Хэнаньский университет экономики и права, Чжэнчжоу, Китай, 20101173@huel.edu.cn

Аннотация: В данной статье с использованием метода сравнительного анализа текста применяется компетентностная модель айсберга для анализа, кодирования и сравнения различий в требованиях к компетенциям на разных уровнях в Организации Объединенных Наций. В статье в качестве объектов исследования для изучения требований к компетенциям основных должностей в наднациональных организациях выбраны два уровня (начальный и старший) сотрудников категории специалистов Организации Объединенных Наций. По результатам исследования делается вывод о том, что чем ниже уровень должностей, тем выше требования к компетенциям в «надводных» измерениях знаний, навыков и мотивации. Между тем, чем выше уровень должностей, тем выше требования к компетентности в трех основных измерениях социальной роли, Я-концепции и личностных качеств. Более того, характеристики требований к компетенциям модели айсберга соответствуют 3 основным ценностям, 8 Основным компетенциям и 6 управленческим компетенциям, предложенным в Будущей Компетенции Организацией Объединенных Наций, и модель айсберга требований к компетенциям наднациональной организации, предложенная в этой статье, может использоваться в качестве дополнения к Будущей Компетенции.

Ключевые слова: сотрудники наднациональной организации, требования к компетенциям, модель айсберга.

Для цитирования: Ван Чэньси. Требования к компетенциям сотрудников наднациональной организации: реализация модели айсберга // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 253–259. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-253-259>

Supranational organizations employees are special, they come from different nations, they are located all over the world, yet, they represent the organizations they work for instead of embodying their own countries. In a sense, they function like expatriates sent by multinational corporations, but without working for the interest of a certain party, they intend to conduct their job unbiased and impartially for a supranational organization. Therefore, the analysis of the competency requirements of supranational organizations is of great importance to the study of professional competency modelling in the modern economy, as it needs the ability both to deal with cultural complexity and professionalism.

Professional competency research can be traced back to the “Time Action Research” of Taylor, the “Father of Management Science” in the early twentieth century, who proposed to increase the output of work by analysing the work behaviour of workers, so as to achieve the purpose of scientific management [1]. Taylor was the first to realize the importance of performance management, and proposed that work behaviour will affect work performance. It can be said that it has created a precedent for the study of professional competency. However, he did not distinguish competency from other abilities. At the same time, in the following decades, the rise of scientific research on intelligence, personality, and cognition attracted the attention of scholars, and the research on competency did not continue.

Until the twentieth century, David McClelland saw in a lot of practice that academic tests and intelligence and other ability tests are difficult to predict professional success or other important achievements in life, so he first proposed the concept of competence in the year and pointed out that competence should be used in recruitment [4]. Competency assessment replaces traditional ability tests such as intelligence tests in the past. After that, competency as a group of special kinds of ability that will lead to excellent performance is independent from other ability research.

L.M. Spencer and S.M. Spencer published their book *Competence at work: models for superior performance* in 1993, which gave a complete definition of competence [8]. In the book, based on the accumulation of nearly two decades of competency database, a competency dictionary with good internal logic is proposed, and various competency factors obtained from research are collected. It can be said that the proposal of the competency dictionary means that competency research has entered the stage of competency modelling. After the 1990s, most of the competency researches adopted the method of definition, and conducted research on competency models at different levels such as different industries, different job types, and different job level, and put forward different competency models one after another. In recent years, the intervention of world-renowned management consulting companies has further combined competency research with the market. Many world-renowned companies have begun to have competency models tailored for their companies, which are related to the company’s human resource planning, employee performance appraisal, and promotion. It is closely integrated with practice such as training, and makes full use of the application of the competency model.

David McClelland (1973) proposed the famous iceberg model, which portrays human competencies as an iceberg with six levels, two above water and four underwater [5], as is shown in Fig.1.

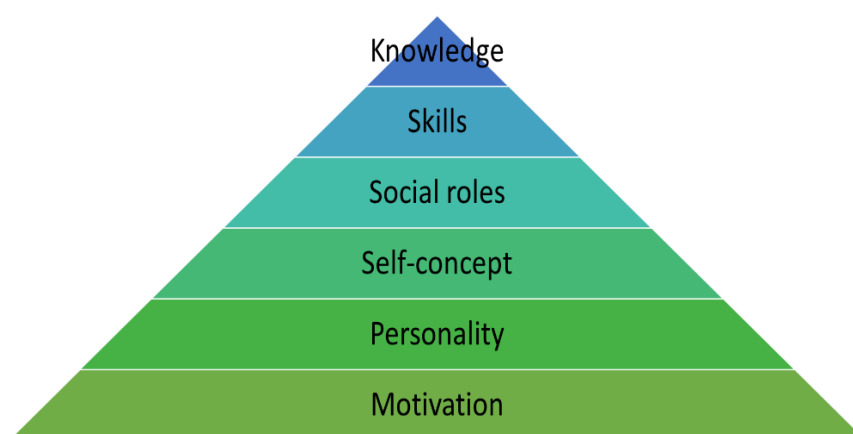

Fig. 1. Competency Iceberg Model [5]

The above-water part of the iceberg includes knowledge and skills. The underwater part includes social roles or values, self-concept, personality, and motivation. The above-water part is a dominant feature, and the underwater part is a recessive feature. The iceberg model divides the competence into six levels. The different depths from top to bottom indicate the different difficulty level of being explored and perceived. The deeper it goes, the less likely it is to be explored and perceived.

Supranational organizations are an advanced form of international exchanges and are important participants in international relations, and which play an increasingly important role in the international community. Consequently, their employees are irreplaceable in performing international functions, and the competency level of these employees to a large extent determines the operational efficiency of the organization. The discussions of the standard of the competency level of supranational organisation employees never cease. The normative blueprint the "Report on the Standards of Conduct for International Civil Servants" prepared by the United Nations International Civil Service Advisory Committee in 1954 [2]. The standards of conduct include loyalty and tolerance, purpose and dedication. In 2013, the Standard of Conduct for International Civil Servants completed a new round of revisions on this basis [11]. The requirements of these organizations for their staff are no longer purely at the technical level and have put forward higher requirements.

Most scholars study the competence of supranational organization employees from the perspective of public management, and the research topics can also be divided into the following three categories. The first category is dedicated to solving the human resource management challenges brought about by global governance and building an international competency framework for this purpose. Most notably, based on existing research on the competencies that national representatives and leaders in the supranational domain should have, Ramata has compiled eleven competencies that global managers and middle-level national representatives should have [6]. The second category, based on the neutrality of supranational organizations, emphasizes the different roles supranational organization employees and national civil servants. Stone and Moloney believes that unlike national civil servants, supranational organization employees should have the concept of internationalism without representing any country. Since each supranational organization has its own unique human resource management policies and practices, he encourages scholars to conduct more comparative studies [9]. The third category focuses on a specific international organization and analyses the relationship between individual staff's quality and ability, organizational role and organizational culture. For example, Xu Yizhong and Weller's research took the "membership-driven" World Trade Organization as an example, and pointed out that the staff of the World Trade Organization should support trade liberalization and be able to provide fair advice as experts in their own fields and communicate with country representatives, actively cooperate to promote negotiations, while maintaining "low profile and anonymity" [12]. Kellow and Carroll believe that compared with the World Trade Organization, the organizational characteristics of the OECD make it more important to the professional skills and knowledge authority of its staff to gain greater influence [3].

At present, the research on the competency of the staff of supranational organizations is relatively limited. The typical supranational organization, United Nations, promulgated the "Standards of Conduct for International Civil Servants" in 1954, which stipulated specific standards for international civil servants, and announced the methods and standards for civil servant recruitment, which became an important document guiding supranational employees for half a century. In order to adapt to the development of the times, the International Civil Service Commission (ICSC) revised the 1954 "Standards of Conduct for International Civil Servants" in 2013, enumerating in detail 50 standards of conduct for its employees [11]. According to the United Nations Competencies for the Future released by the United Nations Secretariat, the United Nations Competencies for the Future model includes three core values, eight core competencies, and six management competencies, with a total of 99 expounding competencies [10]. Therefore, this article will use the competency iceberg model to analyse the competency requirements of the various job recruitments of United Nations employees, summarize the similarities and differences in the competency requirements of staff at different levels, and analyse the reasons, so as to provide an in-depth understanding of the competency requirements of supranational organization employees.

In view of the importance of the United Nations in international economics and politics, this article selects United Nations employees as the research object. The positions of United Nations employees can be divided into four categories according to their job categories, namely, general staff, professional staff, director-level staff, and senior staff. Among them, general staff (G-level) are mainly engaged in general affairs work and are recruited by international organizations to work as administrative assistants. The ranks from high to low are G-1 to G-7. Professional personnel (P-level) mainly carry out work according to different projects, with diversified professional types, covering a wide range of fields, and recruiting from all over the world. The ranks from high to low are P-2 to P-5. Director-level personnel (D-level) are generally the heads of internal departments of organizations, and they are selected by competition and appointment. Senior officials are the heads of specialized agencies.

The scope of work of the P+ post mainly includes eight aspects, namely: management and business support; economic and social development; politics, peace and security; information systems and communication

technology; law; public information and external relations; conference management; safety and security. In order to better generalize, it can be categorized into three levels: Entry-level professionals, Mid-level professionals and Senior level professionals as is shown in Table 1. The recruitment methods for these three levels are all global recruitment. While different ranks have different working period requirements; in terms of language, they must be proficient in the working languages of the United Nations, namely English or French; they must also have excellent analytical and communication skills, solid professional knowledge and leadership.

Table 1. Working period requirements of different levels [7]

	Entry-level		Mid-level		Senior level	
	P-2	P-3	P-4	P-5	D-1	D-2
Working Period	≥ 2 years	≥ 5 years	≥ 7 years	≥ 10 years	≥15years	> 15 years

This research uses job information on the official website of the United Nations to ensure the objectivity and authenticity of the original data. The recruitment information of P-2, P-3 that posted within seven days by the day of access (Sep. 25. 2021) were imported and due to the scarcity of materials, the recruitment information of D-1, D-2 that posted within 30 days were imported, to form two documents with a unified format. To get a clear comparison of the different competency requirements for different posts, the author selects two levels (entry-level and senior) of UN professional employees to explore the different competency requirements of major positions in supranational organizations. For entry-level professionals, 45 pieces of competencies requirements (7 for P-2, and 38 for P-3) are put into a single file to be analysed. And for the Senior Level professionals, 33 pieces of competencies requirement for different positions are collected (23 for D-1, and 10 for D-2). And for each level, positions from a variety of different department and organizations of the United Nations are presented, including economic affair officers, legal officers, and public information officers, etc., meanwhile, the posting of these jobs are all over the world, ranging from Geneva to New York.

To analyse the data collected, Nvivo 12.0, QSR International's qualitative analysis computer software package, is employed to get more precise results. First, the entry- level and senior level documents are loaded into Nvivo 12.0 separately, and after running word frequency searches for each of them, two pictures are generated showing the most frequently used words as shown in Fig.2 and Fig.3.

Fig. 2. Most frequently appeared words for entry level employees

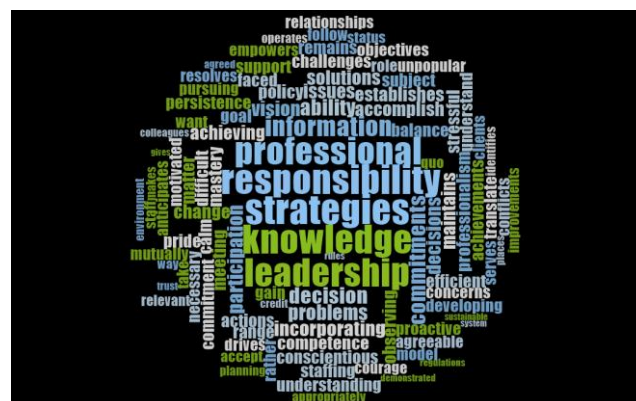

Fig. 3. Most frequently appeared words for senior level employees

From the above two pictures, it can be seen that for entry-level employees, more emphasis is put on their professional skills, team spirit and job responsibility, while for the senior level employees, apart from those three, strategic think and leadership ability are equally highlighted. That is a very rough comparison, to get precise results, more encoding need to be done.

Next, the keywords in the two texts are encoded in Nvivo 12.0. For entry-level employees, 10 nodes are established; while for senior level employees, 15 nodes are established, which include all of the 10 nodes as found in entry level employees. Then based on the Competency Iceberg Model, the 15 nodes obtained by encoding are integrated and summarized into six dimensions of knowledge, skills, social roles, self-concept, personality traits and motivation. So, a framework of the competency requirements for entry-level and senior-level UN employees is established, as is shown in Fig 4.

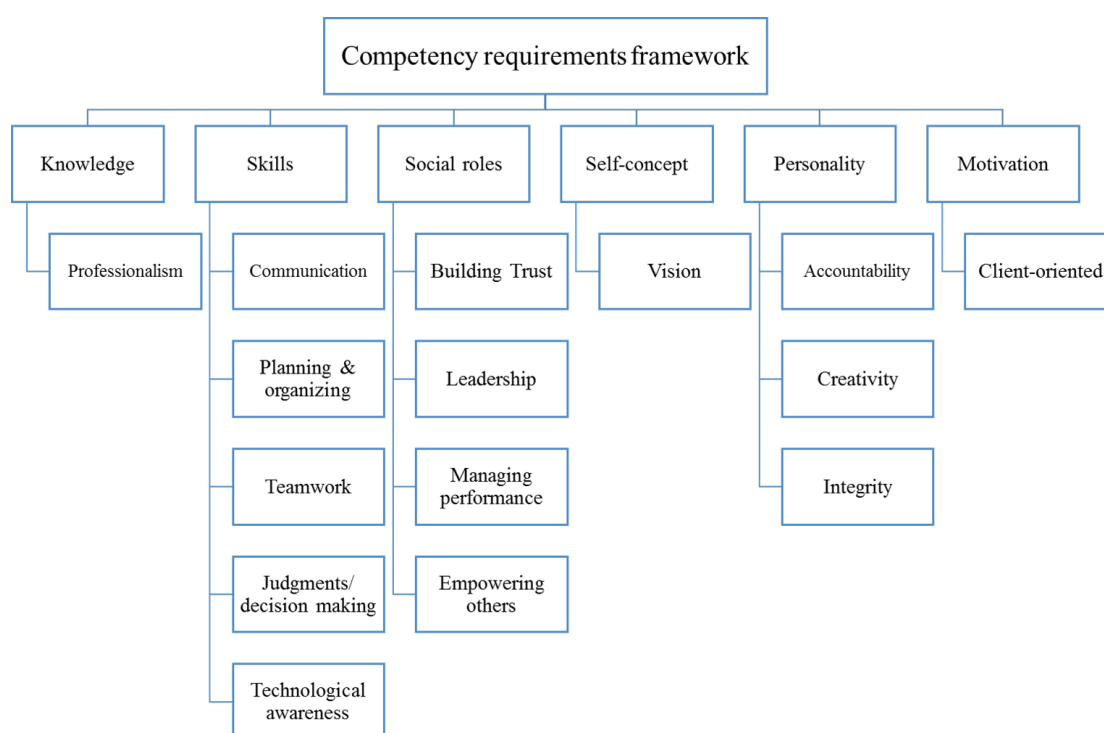

Fig. 4 Competency Requirements Iceberg Model

Furthermore, according to the encoding results, the number of reference points of each nodes are sorted out, all together, there are 139 reference points for entry-level employees and 132 reference points for senior level employees, the number being roughly equal, as is shown in Table 2.

Table 2. Reference points and percentage of entry level and senior level employees

First-level nodes	Second-level nodes	Entry-level employees		Senior-level employees	
		reference points	percentage	reference points	percentage
Knowledge	Professionalism	45	32.37%	33	25%
Skills	Communication	21	15.11%	8	6.06%
	Planning & organizing	27	19.42%	3	2.27%
	Teamwork	27	19.42%	5	3.79%
	Judgements/decision-making	1	0.72%	11	8.33%
	Technological awareness	3	2.16%	3	2.27%
Social roles	Building trust	/	/	16	12.12%
	Leadership	/	/	31	23.48%
	Managing performance	2	1.44%	3	2.27%
	Empowering others	/	/	1	0.76%
Self-concept	Vision	/	/	5	3.79%
Personality traits	Accountability	4	2.88%	7	7.30%
	Creativity	2	1.44%	1	er
	Integrity	/	/	1	0.76%
Motivation	Client-oriented	7	5.04%	4	3.03%

Based on the proportion of the first level node reference points, the percentage of both levels in the six dimensions is drawn, as is shown in Fig. 5.

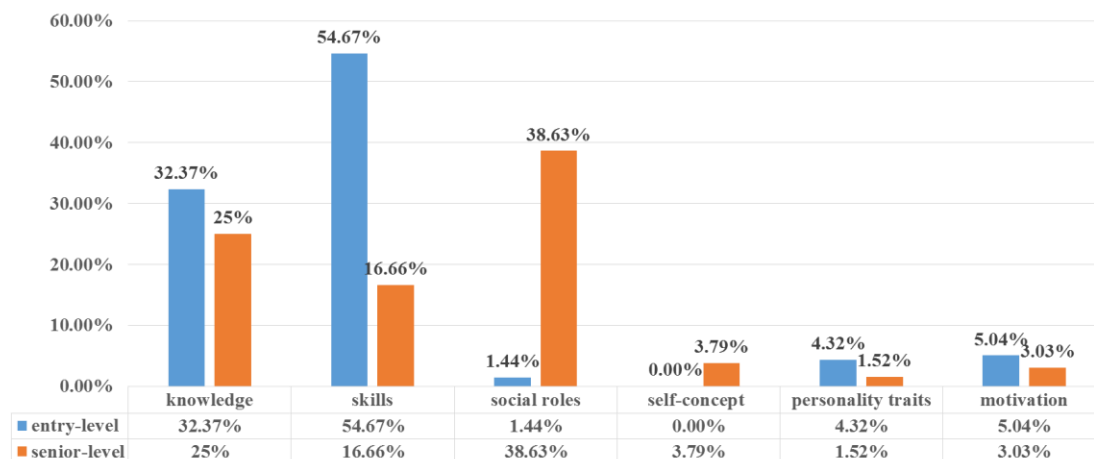

Fig. 5 Percentage of six dimensions

From a close analysis of the above tables and figures, the following conclusions can be drawn.

1. The lower the level of the position, the higher the requirements for competence in the three dimensions of knowledge, skills, and motivation.

Competencies in the two dimensions of knowledge and skills are the visible part of the iceberg model, and it is an important part of the recruitment requirements of the United Nations. In entry level employees, these two competencies take up to over 86%, while in senior level employees, these two competencies take up just a little bit over 40% of the total requirements. Within the skill dimension, the most prominent competencies for entry-level positions are planning & organizing skills and teamwork skills, each takes up 19.42%, and the most prominent skills for senior level employees is the judgement /decision-making skills (8.33%). Both levels require high communication skills.

2. The higher the level of the position, the higher the competence requirements for the three dimensions of social role, self-concept, and personality traits.

Competencies in the three dimensions of social role, self-recognition, and personality characteristics are the hidden part of the iceberg model. The requirements for this part in the recruitment information are significantly less than the visible part. The total requirements of these three parts for entry-level positions account for a little bit over 10%, and there are no requirements for many of them, such as leadership, empowering others, vision and building trust; in this part of for senior level employees, higher vocational education, leadership is emphasized above any other hidden competencies.

3. The characteristics of competency requirements iceberg model corresponds to the 3 core values and 8 Core competencies and 6 management competencies as proposed in the Future Competence by the United Nations [10]. The iceberg model of competency requirements of supranational organizations summarized in this article can be regarded as a concrete structure framework of the competence demand of supranational organizations.

Firstly, it can be seen from Fig. 4 that in the competency requirements iceberg model, the knowledge and skills parts basically correspond to the core competencies of the United Nations Competencies for the Future, namely, communication, teamwork, planning and organization, and other 8 core abilities. The core competencies in the future competencies of the United Nations are also regarded as transferable competencies, that is, important competencies that can be migrated and converted between different jobs and working environments. In the competency iceberg model, this part of the ability is above the water, which means that it has strong learnability and can be obtained through certain training and training. It is often the main content of staff training.

Secondly, the social role dimension in the middle of the iceberg is related to the management capabilities in the United Nations' future competencies, namely, vision, leadership, empowerment, performance management, trust-building, and decision-making. It can be seen that they all value leadership and decision-making capabilities, and are key considerations when promoting staff and appointing management.

Thirdly, the self-concept, personality traits and motivation at the bottom of the iceberg are similar to the three core values of integrity, professionalism and respect for diversity in the future competence of the United Nations. They are both implicit, stable and difficult to learn. Therefore, it is often regarded as a prerequisite

for staff recruitment and selection. The difference is that the competency in the iceberg model is more micro and specific, while the values in the future competence of the United Nations are more macro and abstract. On the whole, the iceberg model of supranational organization competency requirements proposed in this article can be used as a refinement and supplement to the future competence of the United Nations.

At present, the global competition on the theme of supranational organizations and global governance is becoming increasingly fierce and intensified, which to a certain extent confirms the urgency of the country to train high-quality talents for supranational organizations and global governance. Becoming a staff member of a supranational organization is no easy task, and becoming the head of a supranational organization requires experience. If a supranational employee of the general rank can occupy a place in that organization only if he possesses the qualifications defined in the corresponding competency framework, then the leader of that organization should be a person who can integrate the organization's competency requirements to the extreme. Analysing the competency framework of the entry-level and senior-level professional employees of United is a process of learning and exploration. It is hoped that through the analysis of the details in the competency requirements and the proposal of a competency requirements iceberg model, it can provide a certain reference for those who aspire to work in related organizations.

References

1. Griffin, Ricky W. Management. Cengage Learning, 2017.
2. ICSC. "ICSC Timeline." icsc.un.org/Resources/General/HomePage/timeline.vbhtml. Accessed 14 Nov. 2021.
3. Kellow, Aynsley, and Peter Carroll. "Exploring the Impact of International Civil Servants: The Case of the OECD." *International Journal of Public Administration*, vol. 36, no. 7, June 2013, pp. 482–91, <https://doi.org/10.1080/01900692.2013.772635>.
4. McClelland, David. *A Guide to Job Competency Assessment*. Boston. McBer & Co, 1976.
5. "Testing for Competence rather than for 'Intelligence.'" *American Psychologist*, vol. 28, no. 1, 1973, pp. 1–14, <https://doi.org/10.1037/h0034092>.
6. Rammata, Maria. "PUBLIC ADMINISTRATION and GLOBAL GOVERNANCE: FROM NATIONAL to INTERNATIONAL COMPETENCY FRAMEWORKS." *Management Research and Practice*, vol. 9, Sept. 2017, p. 17.
7. Secretary-General, Un. "Composition of the Secretariat : Staff Demographics": [Digitallibrary.un.org](https://digitallibrary.un.org/record/1627944), Apr. 2018, digitallibrary.un.org/record/1627944.
8. Spencer, Lyle M., and Signe M. Spencer. *Competence at Work : Models for Superior Performance*. John Wiley, 1993.
9. Stone, Diane, and Kim Moloney. *The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration*. Oxford University Press; 2019.
10. United Nations. "United Nations Competencies for the Future | HR Portal." [Hr.un.org](https://hr.un.org/materials/united-nations-competencies-future), hr.un.org/materials/united-nations-competencies-future. Accessed 25 Sept. 2021.
11. United Nations International Civil Service Commission. *Standards of Conduct for the International Civil Service INTERNATIONAL CIVIL SERVICE COMMISSION*. 2013, icsc.un.org/Resources/General/Publications/standardsE.pdf?r=06198315.
12. Weller, Patrick, and Yichong Xu. "'To Be, but Not to Be Seen': Exploring the Impact of International Civil Servants." *Public Administration*, vol. 86, Mar. 2008, <https://doi.org/10.1111/j.14679299.2007.00706.x>.

Информация об авторе

Ван Чэньси – преподаватель

Information about the author

Wang Chenxi – Lecturer

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 01.12.2021.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 01.12.2021.

Научная статья

УДК 338.4

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-260-264

ПОТЕНЦИАЛ РЫНКА КОМПОЗИТНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Егор Николаевич Голубничий

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
golubnichii_egor@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается рынок композитных материалов в Российской Федерации. Изучение рынка композитных материалов необходимо для понимания существующих проблем, преимуществ и очерчивания путей развития рынка. Доля России в общемировом объеме производства в стоимостном выражении по-прежнему незначительна. Учитывая низкий уровень производства композитных материалов и высокий уровень их потребления в условиях современной экономики, целесообразна протекционистская политика Российской Федерации в данной сфере, что будет оправдано и экономически, и политически.

Ключевые слова: композитные материалы, рынок, экономика, правительство, государственное управление, менеджмент

Для цитирования: Голубничий Е. Н. Потенциал рынка композитных материалов в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 260–264. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-260-264>.

Young scientists

Original article

POTENTIAL OF THE MARKET OF COMPOSITE MATERIALS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Egor N. Golubnichiy

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, golubnichii_egor@mail.ru

Abstract. This article examines the composite materials market in the Russian Federation. Composite market research is essential to understand the challenges, benefits, and delineate market development paths. The share of Russia in the global production volume in value terms is still insignificant. Given the low level of production of composite materials and the high level of their consumption in a modern economy, the protectionist policy of the Russian Federation in this area is advisable, which will be justified both economically and politically.

Keywords: composite materials, market, economics, government, public administration, management

For citation: Golubnichiy E. N. Potential of the market of composite materials in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):260–264. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-260-264>.

Композитные материалы являются быстроразвивающейся и перспективной отраслью науки [1] и экономики [2]. Изучение рынка композитных материалов необходимо для понимания существующих проблем, преимуществ и очерчивания путей развития рынка. Композитные материалы используются практически во всех отраслях промышленности, благодаря доступности сырья и накопленному опыту их применения. Следует отметить, что со временем, композитные материалы вытесняют традиционные [3], что имеет положительный эффект не только не конечную продукцию, но и на рост качества жизни человека и развитие экономики.

На сегодняшний день потребление композитов на душу населения составляет в России всего 0.5 кг, что в 15 раз меньше, чем в развитых странах¹. Используются они главным образом в ЖКХ, транспортной инфраструктуре, авиации, космосе и энергетике.

Объем российского рынка композитов имеет выраженную тенденцию роста. В 2015 году наблюдался пятикратный рост относительно 2010 года, а ежегодный темп роста рынка композитов

© Голубничий Е. Н., 2021

¹ РБК // Анализ российского рынка композитных материалов: итоги 2019 г., прогноз до 2022 г. <https://marketing.rbc.ru/articles/12447/>

составляет около 20%¹, в то время, как ежегодный рост международного рынка композитов составлял всего 6-8% [4]. Подобные внушительные цифры роста могут объясняться лишь низкой производственной базой в РФ, иными словами, имея слабый и несформировавшийся рынок, даже небольшое увеличение объемов производства или появление новых игроков на рынке отражается во внушительных статистических цифрах. Российский рынок композитных материалов значительно отстает от мирового. Главной причиной тому является отсутствие системы нормативных документов, регламентирующих производство, оценку соответствия и применение композитов и изделий из них в приоритетных секторах экономики [5].

Доля России в общемировом объеме производства в стоимостном выражении по-прежнему незначительна. Причиной является недостаточный спрос на отечественную технически и экономически эффективную продукцию отрасли в приоритетных секторах экономики России. На рисунке 1 видно, что основные производители композитных материалов дислоцируются в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что в свою очередь, объясняет относительную незначительность доли Российских производителей в глобальном рынке (высокая конкуренция и низкая себестоимость материалов в Азии).

Рис. 1. Географическая сегментация глобального рынка композитных материалов²

Fig. 1. Geographical segmentation of the global composite market

Объем российского рынка композиционных материалов на сегодняшний день оценивается примерно в 54,2 млрд. рублей. Производство композитных материалов, как и любая другая составная часть экономики знаний, требует использования современного оборудования и привлечения квалифицированного персонала [6], что несет в себе крупные финансовые издержки. На сегодняшний день, в Российской Федерации производством композитных материалов занимается около 50 предприятий разных уровней, созданы специальные кластеры производства композитных материалов, которые дислоцируются в Республике Татарстан, Московской и Саратовской областях. Кластеризация производства композитных материалов отвечает политике Правительства РФ в сфере создания экономических экосистем [7], кластеризация направлена на создание максимально эффективного взаимодействия между организациями. Но, несмотря на все это, доля РФ в мировом производстве составляет около 1%³.

¹ МИНПРОМТОРГ РОССИИ // РОССИЙСКИЙ РЫНОК КОМПОЗИТОВ ПОКАЗЫВАЕТ ЕЖЕГОДНЫЙ РОСТ НА 20%. https://minpromtorg.gov.ru/presscentre/news/#!rossiyskiy_rynok_kompozitov_pokazyvaet_ezhegodnyy_rost_na_20

² Центр компьютерного инжиниринга СПбПУ // Аналитический отчет по развитию российского и международного рынка по направлению Национальной технологической инициативы «Технет». http://assets.fea.ru/uploads/fea/media/2019_prilozhenie_2.pdf

³ РБК // Композиты на марше. <https://plus.rbc.ru/news/5a93649d7a8aa9696f569340>

Учитывая низкий уровень производства композитных материалов и высокий уровень их потребления в условиях современной экономики, целесообразна протекционистская политика Российской Федерации в данной сфере, что будет оправдано и экономически [8], и политически. Можно выделить три основных направления, по которым должен работать административный аппарат:

- Сбыт продукции – Рынок внутреннего сбыта (основные перспективные направления): государственные закупки, тендеры инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием. В 2011-2015 годах общий объем данного рынка составлял около 14 трлн. руб. (почти ¼ ВВП России). Ориентация системы закупок в основном на интересы крупного бизнеса. Российскую композитную отрасль составляют малые и средние высокотехнологичные предприятия, которые практически не представлены в закупках;

- Конкуренция – Цена отечественного производителя не всегда конкурентоспособна. В России производство сосредоточено на предприятиях полного цикла, которые производят продукт целиком. Также, влияние на вопросы, связанные с конкуренцией оказывают неразвитый аутсорсинг и незадействованный малый бизнес. В результате на внедрение продукта под ключ уходят годы. Другим обстоятельством в условиях повышенной конкуренции является качество производимой продукции, не секрет, что проблема качества Российской продукции стоит очень остро, если сравнивать её с зарубежными аналогами [9], производителям стоит заострить внимание на повсеместном внедрении системы менеджмента качества.

Для производства композитов необходимо оборудование, производства, в РФ которого практически нет. Утеряна и советская школа по выпуску специалистов в сфере композиционных материалов. Для того чтобы на поток была запущена новая продукция, требуется внедрение зарубежных технологий и привлечение западных специалистов. Ряд сложностей в этом вопросе создают санкции, так как композиты являются продукцией двойного назначения. Именно поэтому, государство предпринимает все возможные шаги для организации импортозамещения и производства российских композитов, создаётся специальная нормативная база [10] («Стратегические направления развития материалов и технологий их переработки на период до 2030 года»);

- Степень участия государства в поддержке флагманских отраслей в области импортозамещения – В последние годы ситуация в российской композитной отрасли стала привлекать внимание властей. На первом заседании Совета при Президенте по модернизации экономики, Владимир Путин заявил, что без развития сектора производства и применения композитных материалов мы рискуем потерять конкурентоспособность многих наших отраслей. Что отвечает духу современности. Санкционная политика по отношению к РФ со стороны многих развитых стран, вынуждает переходить на широкомасштабное импортозамещение, где основную роль может сыграть только государство. Предоставление налоговых и фискальных преференций, поддержка мобильных малых и средних технологических компаний и создание крупных композитных кластеров способны дать толчок развитию описываемой сферы в РФ.

Исходя из пунктов, перечисленных выше, мы можем заметить, что государство предпринимает все возможные шаги для реализации политики протекционизма. Другим вопросом является эффективность предпринимаемых шагов, их соответствие институциональной обстановке и востребованность среди благополучателей. В данном случае, появляется необходимость рассмотреть факторы, влияющие на внутренний спрос в государстве.

Спрос на рынке композитных материалов может определяться следующими факторами:

- Доходы – Влияют на количество товаров или услуг, которые потребители могут купить по указанной цене. Спрос большинства товаров при любой цене возрастает при увеличении дохода потребителя;

- Потребности – Потребители имеют разные потребности, которые к тому же, со временем могут трансформироваться или смениться другими, изменяя спрос на тот или иной товар;

- Цены на товары-субституты и комплементы – Использование более доступных альтернатив в производстве, чем композиты сокращает издержки. Но при анализе других факторов может быть выгоднее их использование, например, по ряду таких показателей как износостойкость, прочность и т.д., исходя из которых становится выгоднее использование композитов;

- Ожидания – Взгляд на перспективу потребителей имеет существенное влияние на выбор того или иного товара к приобретению. Ожидая увеличения доходов, вероятнее, что потребитель готов потратить сегодня сумму больше, чем при ожидании уменьшения доходов. При большем росте доходов снижается необходимость откладывать приобретения на будущее. Аналогично этому потребители часто увеличивают приобретение товаров и услуг, цены на которые могут резко возрасти в ближайшие месяцы. Данная константа находится в постоянных изменениях;

• Потребители – Являясь одним из основных звеньев торговых отношений, потребители имеют серьёзное влияние на процессы производства и сбыта композитных материалов. Чем больше объем рынка, тем больше будет приобретено товаров и услуг при любой заданной цене.

Государственное регулирование и спрос являются важнейшими частями рынка композитных материалов, но для всестороннего рассмотрения вопроса, необходимо перечислить факторы, влияющие на формирование предложения на рынке композитных материалов. Мы можем перечислить четыре основных фактора, которые определяют предложение на рынке композитных материалов в Российской Федерации:

• Технология – Издержки главным образом оказывают непосредственное влияние на количества товара, которое производители композитных материалов готовы предложить по любой заданной цене. Для производства композитных материалов требуются инновационные технологии, имеющие высокую стоимость [11], но при этом сокращающих стоимость производства на единицу продукции;

• Цена факторов производства – Факторы производства определяют издержки: выплата заработной платы сотрудникам, приобретение средств производства и т. д. Производство композитных материалов практически полностью автоматизировано, это позволяет сократить количество сотрудников [12] и многие производственные издержки. Например, заработная плата: обслуживаются только административный персонал и операторы;

• Число производителей – Количество производителей композитных материалов, предлагающих какой-либо продукт, имеет влияние на количество этого продукта, предлагаемого по любой заданной цене. Так, чем больше производителей возьмутся за выпуск композитов, тем больше кривая предложения композитных материалов переместится вправо;

• Прогнозы – При принятии текущих производственных решений, производители будут ориентироваться на ожидаемые изменения цен и состояние рынка. Вероятнее всего, в связи с увеличением количества производителей на рынке, цены на композиты будут снижаться. Для исключения убыточности, предприятия могут прибегать к эффекту масштаба, увеличив объем производства, что в свою очередь простимулирует другие отрасли экономики к переходу на композиты.

Изучив все факторы, описанные выше, мы можем прийти к выводу, что развитие рынка композитных материалов в Российской Федерации на порядок отстаёт от зарубежных реалий. Создание и развитие целой отрасли экономики возможно только с помощью задействования государственного аппарата, который будет оказывать все возможные преференции отечественному производителю и направлять его в правильное экономическое русло. Даже со вступлением мировой экономики в «эпоху неопределённости», вызванную пандемией COVID-19, рынок композитных материалов показал довольно впечатляющие результаты, а компании, которые занимались их производством или реализацией, оказались в числе небольшого количества хозяйствующих субъектов, показавших по итогам года положительные экономические результаты. Что в очередной раз доказывает необходимость развития данной отрасли в Российской Федерации.

Список источников

1. Каблов Е. Н. Инновационные разработки ФГУП «ВИАМ» ГНЦ РФ по реализации «Стратегических направлений развития материалов и технологий их переработки на период до 2030 года» // Авиационные материалы и технологии. 2015. №1. С. 3-33. DOI: 10.18577/20719140-2015-0-1-3-33.
2. Дориомедов М. С. Российский и мировой рынок полимерных композитов (обзор) // Труды ВИАМ. 2020. №6-7. С. 29-37.
3. Колобков А. С. Полимерные композиционные материалы для различных конструкций авиационной техники (обзор) // Труды ВИАМ. 2020. № 6-7. С. 38-44.
4. Носкова А. Р., Постников В. П. Рынок композиционных материалов в России: анализ тенденций развития // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-2. С. 1107-1111.
5. Грахов В. П., Саидова З. С., Кислякова Ю. Г. Проблемы и перспективы развития рынка композитных материалов в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-2. С. 84-88.
6. Кутявин Д. В. Экономика знаний как вызов для рынка труда // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 2. С. 190-205. DOI 10.46486/0234-4505-2021-2-190-205.
7. Каленов О. Е. Развитие концепции экосистем в экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. № 1. С. 37-46. DOI 10.21686/2413-2829-2021-1-37-46.
8. Мостовой О. О. Проблемы отечественного рынка композитных материалов на основе неорганических вяжущих // Перспективы развития строительного комплекса. 2018. № 12. С. 143-147.

9. Михайлова А.С., Головань Д.Д., Козырева Д.А. Развитие системы менеджмента качества в РФ на современном этапе // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69-6. С. 44-47. DOI 10.18411/lj-01-2021-217.

10. Раскутин А.Е. Российские полимерные композиционные материалы нового поколения, их освоение и внедрение в перспективных разрабатываемых конструкциях // Авиационные материалы и технологии. 2017. № 5. С. 349-367.

11. Калашян А.С. Обоснование внедрения CRM-систем на рынок композитных материалов // E-Scio. 2019. № 7. С. 1-5.

12. Изотова А.Г., Литвинова Н.А. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Modern Science. 2021. № 1-2. С. 52-54.

References

1. Kablov E. N. Innovative developments of FSUE "VIAM" SSC RF for the implementation of "Strategic directions for the development of materials and technologies for their processing for the period up to 2030". *Aviacionnye materialy i tekhnologii = Aviation materials and technologies*. 2015;(1):3-33. DOI: 10.18577 / 20719140-2015-0-1-3-33. (In Russ.)

2. Doriomedov M. S. Russian and world market of polymer composites (review). *Trudy VIAM = Proceedings of VIAM*. 2020;(6-7):29-37. (In Russ.)

3. Kolobkov A. S. Polymer composite materials for various designs of aviation technology (review). *Trudy VIAM = Proceedings of VIAM*. 2020;(6-7):38-44. (In Russ.)

4. Noskova A. R., Postnikov V. P. The market of composite materials in Russia: analysis of development trends. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2016;(12-2):1107-1111. (In Russ.)

5. Grakhov V. P., Saidova Z. S., Kislyakova Yu. G. Problems and prospects for the development of the composite materials market in the Russian Federation. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2015;(12-2):84-88. (In Russ.)

6. Kutyavin D. V. The knowledge economy as a challenge for the labor market . *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of management theory and practice*. 2021;(2):190-205. DOI: 10.46486/0234-4505-2021-2-190-205. (In Russ.)

7. Kalenov O.E. Development of the concept of ecosystems in the economy. *Vestnik Rossijskogo ehkonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov*. 2021;(1):37-46. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-1-37-46. (In Russ.)

8. Mostovoy O. O. Problems of the domestic market of composite materials based on inorganic binders. *Perspektivy razvitiya stroitel'nogo kompleksa = Prospects for the development of the building complex*. 2018;(12):143-147. (In Russ.)

9. Mikhailova A. S., Golovan D. D., Kozyreva D. A. Development of the quality management system in the Russian Federation at the present stage. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2021;(69-6):44-47. DOI: 10.18411 / lj-01-2021-217. (In Russ.)

10. Raskutin A. E. Russian polymer composite materials of a new generation, their development and implementation in promising developed structures. *Aviacionnye materialy i tekhnologii = Aviation materials and technologies*. 2017;(5):349-367. (In Russ.)

11. Kalashyan A. S. Justification of the implementation of CRM systems on the composite materials market. *E-Scio = E-Scio*. 2019;(7):1-5. (In Russ.)

12. Izotova A. G., Litvinova N. A. Labor market transformation in the context of digitalization. *Modern Science*. 2021;(1-2):52-54. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Н. Голубничий – магистрант.

Information about the author

E. N. Golubnichiy – master's student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 23.10.2021; принята к публикации 24.10.2021.

The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 23.10.2021; accepted for publication 24.10.2021.

Научная статья

УДК 304.3

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-265-269

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КАПИТАЛА ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ)

Владимир Викторович Девтерев

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, vdevterev@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию обеспечения одной из составляющих человеческого капитала нации – здоровья нации. Рассмотрена российская государственная и международная политики по формированию здорового образа жизни, как условия роста человеческого потенциала и потенциала государства. Подчеркнута прямая связь между государственной политикой развития физической культуры и спорта и формированием капитала здоровья нации.

Ключевые слова: государственная политика, физическая культура, спорт, человеческий капитал, человеческий потенциал, капитал здоровья

Для цитирования: Девтерев В. В. Государственная политика по развитию физкультуры и спорта как основа формирования капитала здоровья нации (теоретические подходы) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 265–269. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-265-269>.

Young scientists

Original article

STATE POLICY ON THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE NATION'S HEALTH CAPITAL (THEORETICAL APPROACHES)

Vladimir V. Devterev

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, vdevterev@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the theoretical justification of ensuring one of the components of the human capital of the nation – the health of the nation. The article considers the Russian state and international policies on the formation of a healthy lifestyle as conditions for the growth of human potential and the potential of the state. The direct connection between the state policy of physical culture and sports development and the formation of the nation's health capital is emphasized.

Keywords: state policy, physical culture, sport, human capital, human potential, health capital

For citation: Devterev V. V. State policy on the development of physical culture and sports as the basis for the formation of the nation's health capital (theoretical approaches). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):265–269. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-265-269>.

Одной из функций современного государства является обеспечение высокого уровня развития социальной сферы. Государственная социальная политика реализуется в образовательной, культурной, здравоохранительной и других сферах жизнедеятельности общества. Развитие физической культуры и спорта в стране является одним из приоритетных направлений социальной политики, обладающим высоким политическим потенциалом, влияющим на внешний и внутренний имидж государства, формирующим патриотические чувства народа, обеспечивающим здоровье народа как составляющей человеческого капитала нации.

Российское государство в настоящее время уделяет вопросу развития физической культуры и спорта в стране большое внимание, о чем говорит принятие Правительством РФ в 2020 г. Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года, где сформулирована

миссия Стратегии, заключающаяся, в том числе, в «формировании культуры и ценностей здорового образа жизни как основы устойчивого развития общества и качества жизни населения»¹. Государственная политика РФ по развитию физической культуры и спорта определена в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» как один из национальных приоритетов развития страны², а также в федеральных проектах «Укрепление общественного здоровья» и «Спорт – норма жизни», входящих в Национальный проект «Демография»³.

Существует несколько теорий, определяющих здоровье как ресурс развития и сохранения нации, формирования человеческого капитала. Здоровье можно назвать комплексной категорией, и оно преимущественно изучалось и изучается с точки зрения медицинских наук. Но в настоящее время здоровье населения все больше рассматривается с точки зрения его социальной и экономической значимости. Уже доказан высокий уровень влияния здоровья нации на цивилизационное развитие любой страны.

Интерес ученых к влиянию здоровья людей на уровень развития общественной системы государства имеет исторически давние корни. Одним из первых ученых, сформулировавших начала современной концепции человеческого капитала, был английским политэкономом и статистик XVII века В. Петти, который писал о выгоде здоровых работников для роста общественного производства [1]. Так как здоровье нации является решающим фактором демографической ситуации в стране, то ученый уделил внимание экономической стороне численности населения государства: «...редкое население – подлинный источник бедности. Страна, имеющая 8 млн. жителей, более чем вдвое богаче страны, где на такой же территории живет только 4 млн. человек» [1, с. 27].

О капитале здоровья писал в XX веке Г. Беккер, рассматривавший его наравне с капиталом образования, требующих экономического инвестирования [2]. Именно Г. Беккеру принадлежит первая формулировка основ теории человеческого капитала, вызвавшая много споров и возражений демографов и социологов того времени, о том, что знания, здоровье и профессионализм могут составлять капитал человека, и, как всякий капитал, он требует инвестиций [3].

Позднее вопросы здоровья как капитала нации и условия общественного развития разрабатывали А.Н. Добрынин, С.А. Дятлов, И.В. Скоблякова, В.Т. Смирнов, А. Смит, В.В. Халиулина, Т. Шульц [4, 5, 6, 17, 8] и другие.

А. Смит, один из основоположников политэкономии XVIII века, обратил внимание на то, что способности членов общества являются основным капиталом, нуждающимся в развитии и затратах на это развитие. Такие затраты «...представляют собою основной капитал, который как бы реализуется в его личности. Эти способности, являясь частью состояния такого лица, вместе с тем становятся частью богатства всего общества, к которому оно принадлежит» [6, с. 294]. Это положение теории А. Смита подготовило появление общей теории человеческого капитала XX века. Ученый утверждал, что частный капитал должен быть заинтересован в развитии образования и здоровья работников, что является его инвестициями на долгосрочную перспективу. Такая филантропическая деятельность является характеристикой социальной ответственности бизнеса и, одновременно, вкладом в дальнейшее развитие и частного капитала, и экономики страны.

О необходимости вложений в человеческий капитал, т.е. инвестиций в людей, их образование и здоровье, обеспечивающих процветающее будущее нации писал американский экономист Т. Шульц [8]. Он рассматривал человеческий капитал как актив, более важный, чем материальные активы, так как вложения в первый предшествуют вложениям во второй. С точки зрения социальной политики государства инвестиции в образование и здоровье нации способствуют более справедливому распределению благ и услуг.

Отечественные исследователи разделяют подходы к понятию человеческого капитала на экономические и психологические. Экономические подходы относят к нему данные человеку от рождения способности и накопленные знания, умения, навыки, используемые в производстве [4, 9, 10],

¹ Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/> (дата обращения 11.09.2021)

² Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями) URL:

<https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения 11.09.2021)

³ Национальный проект «Демография» URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения 11.09.2021)

психологические рассматривают человеческие показатели – интеллектуальные, психологические, культурные, профессиональные, – по степени их конкурентоспособности в социальных процессах [11].

И. В. Ильинский предложил считать человеческий капитал как сумму здоровья, культуры и образования [12, с. 28].

В. Т. Смирнов и И.В. Скоблякова выстроили иерархию человеческого капитала по его статусу «человек – фирма – нация» [5].

В последние годы получила широкое признание концепция человеческого потенциала, разработанная лауреатом Нобелевской премии, индийским ученым А. Сеном. А. Сен использовал термин «возможности», говоря о том, что развитие человека заключается не только в росте его материального потребления, благополучия, но и в расширении его возможностей выбора образа жизни. Государство же должно заботиться не столько о равенстве потребления, сколько о равенстве возможностей людей в области культуры здоровья, образования и других сферах [13].

Разработки А. Сена получили свое воплощение, войдя в международный документ – «Программу развития ООН» (ПРООН)¹, где подчеркивается, что люди должны иметь возможность повышения своей производительности труда (за счет развития человеческого капитала), влияя таким образом на экономическое благополучие всего человеческого сообщества. Одной из таких возможностей является здоровый образ жизни, занятие физической культурой и спортом.

Демографические показатели (средняя продолжительность или длительность жизни) входят в показатели Индекса человеческого развития (ИЧР, Human Development Index) по Программе развития ООН, используемого для сравнения уровня развития разных стран². Данный индекс также еще называют Индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП). ИЧР является интегральным показателем, в него входят данные по уровню жизни населения страны, по уровню системы образования, демографические показатели долголетия. ИЧР измеряется по 187 странам-членам ООН (из 193-х, по шести странам – КНДР, Монако, Науру, Сан-Марино, Сомали, Тувалу полных данных нет). С 1990 года результаты исследований представляются в ежегодном отчете ООН о развитии человеческого потенциала. Рейтинг делит страны на четыре категории: очень высокий, высокий, средний и низкий уровень человеческого развития.

Согласно Докладу о человеческом развитии 2020 из Программы развития ООН, Российская Федерация находится в высшей категории «очень высокий уровень человеческого развития», куда вошли 66 стран, наша страна находится на 52-м месте³, что, несмотря на неплохой результат, говорит о необходимости продолжения работы по преумножению человеческого капитала нации, повышению его потенциала.

Очевидно, что здоровье человека напрямую влияет на продолжительность жизни человека, а значит, и на имидж государства как проходящего успешный путь развития в соответствии с рейтингом ИЧР ООН.

Таким образом, человеческий потенциал можно трактовать как максимальную возможность реализации человеческого капитала. Уделяя внимание своему здоровью, занимаясь физической культурой и спортом, ведя здоровый образ жизни, человек способствует росту своего человеческого капитала, реализации своего человеческого потенциала. Возвращаясь к иерархии человеческого капитала от человека к нации, можно сформулировать гипотезу, что увеличивая свой человеческий потенциал в части здоровья, человек способствует как собственному развитию, так и развитию места приложения своих профессиональных способностей, и, – развитию человеческого капитала всего общества, нации, государства.

Если в государстве созданы условия для развития и реализации человеческого капитала до уровня человеческого потенциала, то его общественно-политическая система характеризуется высоким уровнем прав, свобод и возможностей для граждан своей страны, высоким потенциалом социально-экономического развития.

Можно сказать, что индекс человеческого развития, ИЧР, является социальным индикатором, свидетельствующим об уровне социальной политики государства – в области здравоохранения, образования, демографии, культуры, физической культуры и спорта. Но он одновременно и экономический

¹ Программа развития Организации Объединенных Наций // Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/undp/> (дата обращения 16.09.2021)

² Доклад о человеческом развитии 2020. Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен / ПРООН и гражданское общество // Сайт ООН URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2020_overview_russian.pdf (дата обращения 16.09.2021)

³ Там же.

показатель современного постиндустриального мира, когда основным фактором производства являются знания, а человеческий капитал составляется из нематериальных активов – здоровья, образования, профессиональных знаний и умений.

Важной тенденцией настоящего времени стала ускоренная модернизация всех сфер жизни и их глобализация, что требует от человека быстрой адаптации к новым условиям. Особенно ярко это проявилось в период начала пандемии коронавируса в 2020 году, когда занятым в таких отраслях, к примеру, как образование, пришлось срочно овладевать новыми информационными технологиями и осваивать дистанционный режим работы, что сопровождалось большой физической и психологической нагрузкой. Пандемийный опыт показал, что реализация интеллектуального, культурного, физического потенциала людей, особенно в кризисные моменты, более успешна в здоровом обществе.

Особое значение в этой связи в современной России стало придаваться организации массового спорта. Спортивная деятельность должна быть направлена не только на удовлетворение интересов узкой группы людей (так называемый элитный спорт, требующий больших материальных затрат), а всех социально-демографических групп населения с учетом их разных возможностей для занятия физической культурой и спортом.

Массовый спорт (или спорт для всех) должен быть общедоступным, его ценностями и целями являются оздоровление людей, целостное развитие личности, активный отдых, взаимодействие людей между собой, воспитание гуманного отношения к природе. Основной функцией массового спорта является его оздоровительная функция: сохранение и развитие физических, психических и социальных качеств граждан, увеличение здоровой продолжительности жизни, высокой работоспособности, социальной, гражданской активности, развитие дружеского спортивного соперничества, получение людьми положительных эмоций от общения в коллективе.

Воспроизводство ценностей здорового образа жизни, поведенческих установок, формирования отношения общества к здоровью должно стать предметом политического анализа и политического дискурса. Публичный дискурс по теме здоровья нации призван конструировать картину мира в поведенческих общественных моделях и служить политическим целям укрепления и развития российского государства. Дискурс политической власти создает смысловое общественное пространство и способен выстроить идею здоровья народа на уровне общезначимой национальной идеи, как уже это было в нашей недавней истории [14, с. 147]. Задавая «повестку дня», политическая власть имеет возможность институционализировать проблему здоровья, занятия физической культурой и спортом, привлекать к ней общественное мнение и повышать ее актуальный статус.

Список источников

1. Петти В. Экономические и статистические работы / Пер. под ред. д-ра экон. наук М. Смит; Предисл. д-ра экон. наук Д. Розенберга. М.: Соцэкгиз, 1940. 324 с.
2. Becker D.S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education / D.S. Becker. Chicago: The University of Chicago Press, 1964. 412 p.
3. Попов Г. Г., Амир Реза Никпур. Теория человеческого капитала Гэри Беккера применительно к анализу российского рынка образовательных услуг // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Экономика. 2010. №2. С. 5-9.
4. Добрынин А. И., Дятлов С. А. Человеческий капитал России: проблемы эффективного использования // Новые приоритеты в реформировании экономики России: Сб. науч. трудов. Спб.: СПбГИЭА, 1996. С. 5-17.
5. Смирнов В. Т., Скоблякова И. В. Классификация и виды человеческого капитала в инновационной экономике // Креативная экономика. 05.12.2006. URL: <http://www.creativeconomy.ru/library/prd165.php>. (дата обращения 15.09.2021)
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Отв. ред. Абалкин А.И. М.: Наука, 1993. 569 с.
7. Халиулина В. В., Шабашев В. А., Шабашева С. В. Влияние здоровья и образования на развитие человеческого капитала и экономику региона // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2018. №2. С.190-197.
8. Schultz T. W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. Pp. 1-17.
9. Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.
10. May В. А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 114-132.

11. Рощина Я. М. Психологические составляющие человеческого капитала как фактор экономического поведения / Препринт WP15/2008/03. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 56 с.
12. Ильинский И. В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном воспроизводстве. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1996. 163 с.
13. Сен А. Возможность общественного выбора // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / Сопред. науч.-ред. совета Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. V, в 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г. Г. Фетисов. Кн. 2. М., 2005. 813 с.
14. Кузина С. И., Пастухов Т. Ю., Девтерев В. В. Роль общезначимой идеи в социально-политическом пространстве современной России: единение и раскол // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. №4 (131). С. 145-148.

References

1. Petty V. Economic and statistical work / Per. ed. Dr. econ. M. Smith; Preface Dr. econ. D. Rosenberg. M.: Sotsekgiz, 1940. 324 p.
2. Becker D. S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education / D.S. Becker. Chicago: The University of Chicago Press, 1964. 412 p.
3. Popov G. G., Amir Reza Nikpur. The theory of human capital by Gary Becker as applied to the analysis of the Russian market of educational services. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Ekonomika. = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series Economics*. 2010;(2):5-9. (In Russ).
4. Dobrynin A. I., Dyatlov S. A. Human capital of Russia: problems of effective use. *Novyye priority v reformirovanii ekonomiki Rossii: Sb. nauch. Trudov = New priorities in reforming the Russian economy: Collection of articles. scientific. works*. SPb.: SPbGIEA, 1996. P. 5-17. (In Russ).
5. Smirnov V. T., Skoblyakova I. V. Classification and types of human capital in an innovative economy. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 05.12.2006. Available from: <http://www.creativeconomy.ru/library/prd165.php>. [Accessed 15 September 2021]. (In Russ).
6. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of peoples. Отв. ed. Abalkin A. I. Moscow: Nauka, 1993. 569 p. (In Russ).
7. Khaliulina V. V., Shabashev V. A., Shabasheva S. V. The influence of health and education on the development of human capital and the economy of the region. *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika = Bulletin of OmSU. Series: Economics*. 2018;(2):190-197. (In Russ).
8. Schultz T. W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961;(51):1-17.
9. Kapelyushnikov R. I., Lukyanova A. L. Transformation of human capital in Russian society (based on the "Russian monitoring of the economic situation and health of the population"). Moscow: Liberal Mission Foundation, 2010. 196 p. (In Russ).
10. Mau V. A. Human capital: challenges for Russia. *Voprosy ekonomiki = Problems of Economics*. 2012; (7):114-132. (In Russ).
11. Roshchina Ya. M. Psychological components of human capital as a factor of economic behavior / Preprint WP15 / 2008/03. Moscow: GU HSE, 2008. 56 p.
12. Ilyinsky I. V. Investing in the Future: Education in Investment Reproduction. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University of Economics and Finance, 1996. 163 p. (In Russ).
13. Sen A. Possibility of public choice // World economic thought. Through the prism of centuries: in 5 volumes / cont. scientific-ed. Council of G. G. Fetisov, A. G. Khudokormov. T. V, in 2 books. Worldwide recognition: Lectures of Nobel laureates / Ed. ed. G. G. Fetisov. Book. 2. Moscow; 2005. 813 p. (In Russ).
14. Kuzina S. I., Pastukhov T. Yu., Devterev V. V. The role of a universally significant idea in the socio-political space of modern Russia: unity and split. *Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye = Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management*, 2021;4 (131):145-148. (In Russ).

Информация об авторе

В. В. Девтерев – аспирант.

Information about the authors

V. V. Devterev – postgraduate student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 13.10.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication 03.11.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-270-274

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Олег Юрьевич Керимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, politolog@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье раскрывается сущность политической системы, проанализированы теоретические направления и подходы к пониманию феномена политической системы. Их анализ показал, что в теориях политических систем, наработанных в основном западной наукой, присутствуют многовариативность понимания и толкования ее сущности, генезиса и тенденций развития, разные теоретические и мировоззренческие подходы. При этом необходимо отметить преобладание институционального рассмотрения сущности и структуры политических систем. Отмечается, что отечественная наука также отдает предпочтение институциональному и системному подходам к изучению политических систем современности. В статье определяются и анализируются российские особенности трансформации и модернизации политической системы.

Ключевые слова: политическая система, политические акторы, государство, политические институты, политические процессы

Для цитирования: Керимов О. Ю. Особенности трансформации и модернизации российской политической системы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 270–274. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-270-274>.

Young scientists

Original article

FEATURES OF TRANSFORMATION AND MODERNIZATION OF THE RUSSIAN POLITICAL SYSTEM

Oleg Yu. Kerimov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, politolog@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article reveals the essence of the political system, analyzes theoretical directions and approaches to understanding the phenomenon of the political system. Their analysis showed that in the theories of political systems, developed mainly by Western science, there is a multivariability of understanding and interpretation of its essence, genesis and development trends, various theoretical and worldview approaches. At the same time, it is necessary to note the predominance of institutional consideration of the essence and structure of political systems. It is noted that domestic science also prefers institutional and systemic approaches to the study of political systems of our time. The article identifies and analyzes the Russian features of the transformation and modernization of the political system.

Keywords: political system, political actors, state, political institutions, political processes

For citation: Kerimov O. Yu. Features of transformation and modernization of the Russian political system. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):270–274. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-270-274>.

Для современного российского государства поиск эффективных средств организации политической системы, решения проблем модернизации ее ключевых институтов, таких, как государство, является одной из основных актуальных проблем развития современной России.

Перманентной задачей любого государства является поиск такого механизма взаимодействия общества и государства, институтов политической и правовой систем, чтобы они находились в состоянии подвижного равновесия, взаимно дополняли и уравнивали друг друга, что всегда являлось залогом стабильного развития социума [1].

Эффективность функционирования политической системы зависит от успешности выполнения ею своих функций, от их способности развиваться, расширяться или же терять свое значение. Если изменения функций не происходит, то система может прийти в состояние застоя. В условиях реформы политической системы основной задачей общества является обеспечение единства действий политических акторов, тесная взаимосвязь общества и государства. Государство как основной элемент политической системы является главным инструментом реализации важнейших задач сохранения и развития страны. Российское государство находится на заключительном этапе переходного системного периода, начавшегося в прошлом веке, одновременно столкнувшись с внешними вызовами. Продолжается демонтаж традиционных государственных и правовых институтов и внедрение новых институциональных структур и правил политико-правового взаимодействия.[2]

В любой политической системе имеет место взаимодействие таких важных подсистем, как институты государства, права и политики. У перечисленных подсистем есть общие функции, такие, как регулятивное воздействие на общественную жизнь и социальные процессы; властные полномочия; отражение в законах требований государственной и политической власти.

Политическую систему можно представить, как систему государственных органов и негосударственных институтов с определенными политическими функциями. Политическая система является саморегулирующимся механизмом, направленным на стабилизацию социальных процессов, проведение внутренней и внешней политики государства, формой представления интересов разных социальных групп [3].

Методы и средства осуществления политической власти отражают организацию политической системы в государстве. Современные политические системы в условиях демократии характеризуются такими критериями, как легитимность, легальность и безопасность.

Легитимность власти подразумевает встроенность методов управления власти в культуру народа, которая или принимает систему власти, или не принимает. В последнем случае может произойти делегитимизация власти, когда народ откажет власти в доверии.

Легальность власти выражается в нормативности механизмов правления, ее способности оперировать правом и быть ограниченной законом. Легальная власть выполняет созидательную функцию в отличие от нелегальной власти, чья функция направлена на разрушение социальных отношений (власть коррумпированная, узурпированная и пр.). Общим между этими видами власти является их природа, построенная на принуждении, часто на насилии. Различие состоит в том, что легальная власть опирается на законы государства, признанные обществом, и легитимность, а нелегальная власть – на обычаи и правила поведения для узкого круга людей.

Политическая система, обладающая легитимностью, безопасна для законопослушного общества, и применяет легальные механизмы для осуществления властных функций [4].

Аспектами такой общественной безопасности являются:

- военный аспект, состоящий в способности государства к защите общества от внешних угроз;
- правовой, дающий гарантии гражданам по защите их прав и свобод;
- экологический, состоящий в охране государством окружающей природной среды;
- технологический, содержащий высокий уровень развития науки и техники в государстве;
- информационный, гарантирующий информационную безопасность телекоммуникационных систем, защиту граждан от вредной информации, свободу доступа к информации и пр.;
- экономический, позволяющий удовлетворять базовые жизненные потребности граждан, возможность реализации профессиональных способностей и др.

Реализации принципов легитимности, легальности и гарантии безопасности наиболее способствует политическая система демократического типа.

Демократия обеспечивает свободу критики и оппозиции власти, обеспечивает правление в соответствии с мнением большинства общества, но защищает меньшинства при их лояльном отношении к политическим решениям власти.

В авторитарных и тоталитарных политических системах присутствует дистанция между гражданами и государством, что приводит к отрыву и противопоставлению частной жизни каждого человека социальной жизни, организуемой государством. При сохранении политической системы авторитарного и тоталитарного типа граждане занимают позицию не сотрудничества с государственными органами, относясь к власти как к силе, подавляющей их жизненные и духовные потребности. Контакт с государством носит вынужденный характер [5].

Переход общества к более прогрессивному демократическому типу политической системы происходит в результате убежденности людей в способности именно такой системы к удовлетворению их фундаментальных интересов. Как показывает история, остальные известные типы социально неустойчивы и разрушаются под воздействием социальных противоречий.

Государство рассматривалось и в структурном, и в функциональном плане, и с философских, и с политологических, и с правовых позиций. Многообразие и сложность рассматриваемого феномена, его изменчивость в современном мире оставляет еще достаточно лакун для дальнейшего исследования темы [6].

Практически все члены определенного общества включены в понятие государства, если они находятся с ним в политико-правовых отношениях, независимо от их половой, политической, расовой, национальной, возрастной и прочей принадлежности. Государство — это массовое политическое объединение граждан. Политическое участие граждан в жизни общества неразрывно связано с деятельностью государства, его управленческими функциями.

Место и роль государства как основного элемента политической системы характеризуется следующими признаками:

- интегрирующей функцией государства, призванной объединять разные социальные слои с разными, порой противоречивыми интересами;
- государство является органом власти, наделенным силой правового принуждения, правом использования мер наказания и поощрения за соблюдение или несоблюдение членами общества установленных ею норм и правил поведения в организуемом им сообществе;
- правотворческой функцией;
- публичностью государственной власти;
- наличием страты профессиональных управленцев общими делами;
- границами географического и политического пространства: определенной территорией, на которую распространяется власть государства и юридическим полем, в которое входят граждане государства, несущие по отношению к власти определенные права и обязанности.

Исторической дилеммой в соотношении государства и политической системы являлись отношения человека и государства, построенные не на противопоставлении, а на взаимном дополнении друг друга. Такое отношение возможно в случае, если их усилия будут направлены не на разрушение, а на взаимодействие для сохранения самостоятельности государства и личности, другими словами, в условиях наличия правового государства и гражданского общества [2].

Политическая система не является структурой идеального, чистого вида. В любом обществе политическая система состоит из институтов, в которых находит отражение история общества.

Существует разделение политических систем по типу преобладающих в них институтов на традиционные и сервисные. Как правило, решения власти носят произвольный характер, лидер меняет традиции в соответствии с уровнем своего силового превосходства. В общественном сознании закреплена схема отношений: сильный властитель – слабые подчиненные, распространены и позиции «свои – хорошие, чужие – плохие». Вынужденное заимствование «чужих» институтов требует применения мощной силы власти и масштабного насилия, как это происходило во время реформ Петра I в России. Легитимации изменений политической системы в виде общественной поддержки в традиционном обществе не требуется, так как реформы иницируются первым лицом государства и обеспечиваются имеющимся сильным административным ресурсом.

Сервисная политическая система характеризуется ограниченностью государственной власти в правах и обязанностях на принципах сервисного, т.е. обслуживающего население, государства. В таких странах индикатором спроса на политические институты являются результаты выборов, отражающие предпочтения электората (общественного мнения). На основе общественного выбора формируются институциональные структуры в политической системе государства, что свидетельствует об объективной необходимости учета влияния неформальных общественных институтов.

В России в политическую систему входят государство, политические партии, общественные организации, профессиональные и другие движения, что в совокупности и составляет политическую организацию общества, чья деятельность регулируется законодательством¹.

¹ Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения 11.03.2021 г.); Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_6693/ (дата обращения 11.11.2021 г.); Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8840/ (дата обращения 12.11.2021 г.); Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция) «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8824/ (дата обращения 12.11.2021 г.).

Существенные свойства государства формируются под воздействием кумулятивного эффекта от деятельности всех элементов политической системы.

Российская история возникновения и развития государства, политической и правовой систем имеет свои, национальные особенности. Так, в российской политической системе всегда наиболее сильным ее элементом было государство (в отличие от европейских стран, где строительство политических систем шло с не столь активным участием государства).

Слабость представительства общества во власти, становящееся только в последнее десятилетие гражданское общество, коренная реформа правовой системы являются своеобразными отличительными характеристиками российской новейшей истории.

Таким образом, в политической системе любого общества системообразующим элементом является государство. В соотношении государства, права и политики большое значение имеют институты, которые представлены в политической системе общества представительными органами, политическими партиями, группами интересов, общественными организациями и движениями. Эти институты влияют на формирование правовой системы, но и правовая система влияет на политическую, внося в нее правовой элемент, в рамках которого она должна функционировать.

Этатистский характер государственного устройства России означает в настоящее время ведущую роль государственных институтов в модернизации политической системы. Анализ тенденций развития политической системы России показал, что происходит снижение роли исполнительной власти в общественных процессах и усиление роли законодательной власти, гражданского общества.

В условиях современных политических процессов трансформация политической системы России может идти и идет в двух направлениях: один путь осуществляется преимущественно административными методами, по инициативе властных органов, в том числе через законотворческую деятельность; второй – через общественно-политические инициативы, идущие со стороны граждан, их объединений, групп [7].

Традиционно политическая система определяется как совокупность политических институтов, сложившихся в процессе управления государством обществом. Современное понимание политической системы предполагает представление системы как совокупности сложных, гибких и адаптивных к социальным изменениям входящих в систему политических и общественных институтов. Современная политическая система в своем развитии опирается на самоорганизующиеся неформальные институты и практики, частью реализующие себя в институте гражданского общества.

Несомненно, как уже отмечалось, центральным элементом политической системы является государство. Кроме государства в его структуру входят политические и общественные организации, элементы гражданского общества. Соотношение этих элементов и определяет характер политической системы, согласно одной из типологий, – демократический, авторитарный или тоталитарный. Элементы политической системы находятся в постоянном взаимодействии, динамике [8].

В динамических процессах развития политических систем в мире наблюдаются разные тенденции.

Одна из них связана со снижением роли государства и повышением политической роли других акторов управленческих процессов, таких, как транснациональные компании, органы местного самоуправления, общественные организации и других, которые взаимодействуют не по вертикальному принципу, а по сетевому, горизонтальному. Эти субъекты приобретают особый вес во время политических кризисов, конфликтов. В странах с развитой демократией такое взаимодействие во время кризисных ситуаций привело к практике разрешения конфликтов с минимальным уровнем насилия, даже со стороны монополиста на насилие – государства.

Вторая связана с увеличением роли государства в политических процессах и его влияния на политическую систему. Эта тенденция актуализировалась во время экономического кризиса 2008/10 года, когда обнаружилось, что всевластие руки рынка привело к вседозволенности, что в условиях финансового хаоса потребовалась регулирующая помощь государства, и что выразилось в национализации некоторых отраслей, помощи банковской системе, протекционистской политике.

Исследование генезиса российской политической системы позволило сделать вывод о том, что ее трансформация продолжается. Сложности развития российской политической системы обусловлены сочетанием сохраняющихся элементов советской системы, скопированных элементов систем западного типа и элементов, появившихся из реалий новейшей истории. Система до сих пор не преодолела закрытый характер принятия важных стратегических решений.

Список источников

1. Перегудов С. П. Политическая система России в мировом контексте. Институты и механизмы взаимодействия: моногр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2017. 432 с.
2. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Беловодченко К. Д. К вопросу проблемности концепта и модели российского гражданского общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 129–132.
3. Чиркин В. Е. Глобальные модели политических систем современного общества: индикаторы эффективности // Государство и право. 1992. № 5. С. 82–90.
4. Понеделков А. В., Кузина С. И. Ценностное измерение политических процессов в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Научно-теоретический журнал. 2013. № 1(23). С. 70–76.
5. Пантелеева К. Н. Функционирование общественных организаций в современной общественно-политической системе / В кн.: Ориентиры развития гражданского общества. Сборник тезисов докладов научного семинара. 2020. С. 16–17.
6. Понеделков А. В., Воронцов С. А., Охотский Е. В., Васьков М. А. Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 201–208.
7. Лапкин В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // ПОЛИС. 2011. №3. С. 50–59.
8. Шумилина А. Б., Артюхин О. А., Крицкая А. А. Президентская власть в постсоветской России: личностно-лидерская проекция // The Scientific Heritage. 2020. № 47-4 (47). С. 23–27.

References

1. Peregudov S. P. *The political system of Russia in the world context. Institutions and mechanisms of interaction*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2017. 432 p. (In Russ.)
2. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A., Belovodchenko K. D. On the problem of the concept and fashion of Russian civil society. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2020;7(122):129-132. (In Russ.)
3. Chirkin V. E. Global models of political systems of modern society: performance indicators. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 1992;(5):82-90. (In Russ.)
4. Pondelkov A. V., Kuzina S. I. The value dimension of political processes in modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. = Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations. Scientific and theoretical journal*. 2013;1(23):70-76. (In Russ.)
5. Panteleeva K. N. The functioning of public organizations in the modern socio-political system. In: *Guidelines for the development of civil society. A collection of abstracts of the reports of the scientific seminar*. 2020:16-17. (In Russ.)
6. Pondelkov A. V., Vorontsov S. A., Okhotsky E. V., Vaskov M. A. Russian elitology: innovative answers to the challenges of the modern world. *Vlast' = The Authority*. 2019;27(1):201–208. (In Russ.)
7. Lapkin V. V. Modernization, globalization, identity. Common problems and Russian features. *Polis = Polis. Political Studies*. 2011;(3):50-59. (In Russ.)
8. Shumilina A. B., Artyukhin O. A., Kritskaya A. A. Presidential power in post-Soviet Russia: personal leadership projection. *The Scientific Heritage*. 2020;47-4(47):23-27. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Ю. Керимов – аспирант кафедры политологии и этнополитики.

Information about the author

O. Yu. Kerimov – graduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 02.12.2021.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫБОРА МОЛОДЕЖЬЮ СТРАТЕГИЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Геннадий Евгеньевич Косач

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова,
Новочеркасск, Россия, ccar@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается рационализация молодежи стратегий занятости, как явление, существующее в западной культуре долгие годы, но получившее свое распространение в Российской Федерации лишь в последнее десятилетие, и значительно усилившиеся в 2020 г. в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции. Автором описывается рациональный подход молодежи в контексте структурных изменений российского общества, которые указывают на тот факт, что социальные изменения последних двух лет являются институциональными и прочно укрепляются в современной действительности. Изучение описанного явления позволяет не только глубже понять происходящие в обществе и экономике процессы, но и позволяет органам власти и управления сформировать практические приемы управляющего воздействия как на рынок труда в целом, так и на стратегии занятости молодежи и стратегии обучения, в частности. Концепция автора состоит в том, что молодежь, как обширная социальная группа, являющаяся будущим нашей цивилизации, в цифровую эпоху с доступной информацией и образованием, прямо сейчас закладывает новый фундамент общества, основанного на рационализме и целесообразном подходе.

Ключевые слова: социум, молодежь, стратегии занятости, жизненные проекты, предпочтительная занятость, прекаризация, социальная диагностика, рационализация

Для цитирования: Косач Г. Е. Рационализация выбора молодежи стратегий занятости в условиях изменяющегося общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 275–279. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-275-279>.

Young scientists

Original article

RATIONALIZATION OF YOUTH'S CHOICE OF EMPLOYMENT STRATEGIES IN A CHANGING SOCIETY

Gennady E. Kosach

M. I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, ccar@mail.ru

Abstract. This article examines the rationalization of employment strategies by young people, as a phenomenon that has existed in Western culture for many years, but has spread in the Russian Federation only in the last decade, and significantly increased in 2020 due to the novel coronavirus infection pandemic. The author describes the rational approach of young people in the context of structural changes in Russian society, which indicate the fact that social changes of the last two years are institutional and are firmly consolidated in modern reality. The study of the described phenomenon allows not only a deeper understanding of the processes occurring in society and the economy, but also allows the authorities and management to form practical methods of managing influence both on the labor market in general and on youth employment strategies and training strategies, in particular. The author's concept is that youth, as a vast social group that is the future of our civilization, in the digital age with accessible information and education, is right now laying a new foundation for a society based on rationalism and a rational approach.

Keywords: society, youth, employment strategies, life projects, preferred employment, precarization, social diagnostics, rationalization

For citation: Kosach G. E. Rationalization of youth's choice of employment strategies in a changing society. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):275–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-275-279>.

Во всех современных государствах, имеющих рыночную экономику или стремящуюся стать таковой, рынок трудовых ресурсов демонстрирует дисбаланс спроса и предложения, а также стихийное ценообразование на рабочую силу. Вместе с тем, несмотря на высокий показатель дифференциации заработных плат в разных отраслях экономики, начальные заработные платы молодых работников, только окончивших учебные заведения, практически всегда являются минимальными и не отличаются высоким разнообразием.

При этом, неквалифицированный труд, подчас, оплачивается значительно больше, чем указанные выше начальные доходы квалифицированных работников, но, вместе с тем, не предлагает возможности к повышению дохода с течением времени. Данное явление подталкивает молодежь к формированию множества стратегий занятости, которые основаны на большом количестве объективных и субъективных факторов. В последнее время среди социологов получила широкую популярность модель выбора молодежью стратегий занятости, основанная на рационализации и целесообразном подходе [1].

Вместе с тем, иные авторы [2] возражают, что стратегии занятости современной молодежи невозможно представить исключительно как расчет шансов и соотнесение их с возможностями. Молодежь 20-х годов XXI века хоть и является рациональнее и расчетливее, чем предыдущие поколения, но все же не лишена оглядок на культуру, традиции, а также имеет субъективные суждения о престиже той или иной профессии. Особенно учитывая тот факт, что в каждом микро- и макрорегионе престиж профессии определяется на основании разных факторов.

Рациональность, как отличительное свойство молодежи

Рациональный подход к определению стратегий занятости выстраивает трудовые пути движения детей от школы к обучению профессии, от обучения к труду. Несмотря на роль случайных обстоятельств, присущих каждому конкретному индивиду, при обобщении полученных результатов на первый план выходит описание ресурсов и возможностей, изначально располагаемых молодежью и ее окружением. Выбор всегда определяется личностью, но только на основании имеющегося капитала: человеческого, материального, социального, духовного. Таким образом, рациональный подход указывает нам тот факт, что выбор молодежью стратегий занятости зависит от социального положения молодежи и неразрывно с ним связан всю трудовую карьеру.

Данный подход вскрывает важную проблему современного общества – неравенство, причем неравенство не финансовое, а неравенство возможностей выбора и неравенство доступа к различным стратегиям выбора трудового пути, которое снижает возможности использовать все шансы, предлагаемые на рынке труда. Рациональный подход, таким образом, может заключаться еще и в способности работника увеличить количество стратегий своего трудового поведения, даже в случае его изначальной ограниченности. Широкое распространение получила практика, когда активная трудовая молодежь кроме развития в своей профессии осваивает в качестве дополнительного образования несколько смежных, одновременно изучая иностранные языки и практикуясь в работе в современных программных комплексах, востребованных на рынке труда. Данный подход активно используется учебными заведениями, готовыми предоставить своим студентам за небольшую плату дополнительные точки профессионального роста, сформировав у студента новые возможные стратегии занятости.

Вызывает разногласия и проблема эффективности различных ресурсов, располагаемых молодежью. Еще десять лет назад социологи сходились во мнении, что квалификация и образование является решающим при определении стратегий занятости. Вместе с тем, в настоящее время ведущие социологи не так однозначны, в виду того, что профессия, тип и вид учебного заведения, указанные в документе, подтверждающем уровень образования, является для работодателей скорее условностью, чем действительно важным параметром [3]. Несмотря на то, что квалификацию работника все также оценивают, как важнейший показатель, но определяют ее не как полученное профессиональное образование, а как комплекс факторов: прохождение дополнительной подготовки, участие в реализованных трудовых проектах, знакомство работника с различными, в том числе неклассическими, условиями найма.

В 2020-2021 гг. показало свою ценность умение полноценно выполнять свою работу в условиях удаленной занятости, о чем ранее никогда не говорилось в социологической литературе. Данный вид занятости, оказался очень ресурсоэффективным и позволил предприятиям не только выполнять пандемические ограничения, но и значительно экономить денежные средства на оборудование рабочих мест, электроэнергии, обслуживании зданий и т.п. Кроме того, удаленная занятость оказалась экономичнее и для самих работников, которые снизили свои издержки на транспортных расходах, обеденном питании, рабочей одежде и прочем. Вместе с тем, не все сотрудники были го-

товы к переходу на дистанционный формат работы, исходя из объективных и субъективных факторов, что вызвало волну увольнений и трудовой миграции. Таким образом, умение работать дистанционно и качественно выполнять свой труд в вышеуказанных условиях стали еще одним критерием, описывающим термит «квалификация». Выдвигается логичная гипотеза, которая вместе с тем не получила должного исследования, что молодежь оказалась более готова к дистанционному формату найма, чем старшие поколения. Если данная гипотеза подтвердится, то это будет означать, что социальные изменения, вызванные новой коронавирусной инфекцией 2019 года, еще больше дифференцировали молодежь от другого трудового населения, позволив ей приобрести новые конкурентные преимущества и показав положительное влияние рационального подхода.

Еще в 2014 году группа авторов в составе Лукова В., Лукова С., Погорского Э. [4] вернулась к рассмотрению молодости, как элемента трудового ресурса, но ресурса не физического, а, в первую очередь, как навыка лучше адаптироваться к изменениям в технических и организационных условиях труда, умения приобретать новые навыки, а также оперативно находить и применять нужную информацию. Современные реалии только подтвердили данное утверждение, на практике показав главные плюсы использования труда молодого населения.

Но не стоит забывать, что молодежь, все же, является очень уязвимой на рынке труда и имеет противоречия в своем экономическом поведении, а также нестабильные ценности и направленности. Часто отмечается тяга молодежи к высокодоходным, но вместе с тем, высокорискованным видам заработка, которые приводят к преступлениям и правонарушениям криминального, либо коррупционного характера. Новое поколение, не имеющее памяти своих старших коллег, вовлекается в различные мошеннические схемы, которые ранее были популярны в 90-е годы XX века, но забыты по причине их скорейшего пресечения. Данный факт и формирует большой пласт молодежной преступности, который необходимо учитывать при изучении молодежной занятости. С одной стороны, исследуемое явление формирует теневую экономику, создавая дополнительные, хоть и незаконные, рабочие места, но с другой стороны, приводит к наличию у них судимостей, которые снижают дальнейший выбор стратегий занятости. Таким образом, стремление максимизировать доход от своей трудовой деятельности в данном случае приводит к негативным последствиям.

С юридической точки зрения, молодежная преступность – это исключительно негативное явление, которое принято рассматривать статистически и стремиться выработать меры по ее уменьшению. Вместе с тем, мало изучен социологический и экономический эффект данного явления [5]. Прискорбно, но преступность является неотъемлемой составляющей современного мира, и ее игнорирование в научном знании является контрпродуктивным. Тем более интересен тот факт, что молодежная преступность является одновременно и причиной безработицы, и ее следствием. Участие в организованной преступности молодежи само по себе снижает шансы данного слоя населения на эффективное трудоустройство, чем и порождает новый виток увеличения преступности.

Если вернуться к вопросу рационализации молодежью выбора стратегий трудовой карьеры, то стоит обратить внимание, что рационализация, как экономический термин, не всегда подразумевает максимизацию доходов и карьерных возможностей, как иногда ошибочно воспринимают данный термин. Если обращаться к теории игр и прикладывая ее к исследованию рынка труда, можно заметить существование максиминных и минимаксных стратегий у молодежи, которые также вписываются в рациональный подход. В таком подходе молодежь стремится не получить абсолютный максимальный доход от своего труда, а выбрать максимальные блага из существующего минимума, и, наоборот, выбрать минимальные затраты из максимального их уровня. Под благами можно понимать весь комплекс дохода, льгот, социальных гарантий и статуса. Под затратами понимают, как денежные расходы, так и затраты времени и труда. Понятие верхней границы благ размыты и непонятны молодому населению, поэтому максимизируя их, молодое население ориентируется на минимальный уровень в своем окружении и старается пересечь эту границу. А опираясь на свои затраты времени, денег и труда, молодежь также ориентируется на тот уровень, который видит в окружающей действительности и пытается его минимизировать [6]. В повседневной жизни российская молодежь не ставит себе в пример интенсивный труд, присущий Азиатским странам, или высокопроизводительный труд стран Западной Европы и Северной Америки, а берет в качестве максимума примеры, которые видит в российском обществе и пытается данные затраты труда минимизировать. Теория игр, являясь специфической прикладной теорией, основанной на рациональном выборе стратегий, перспективна в изучении для приложения к социальным процессам, которые являются комплексными и их рациональность является дискуссионным вопросом.

Исследуя рациональный подход к занятости, невозможно не упомянуть такой важный институциональный фактор выбора молодежи, как выбор уровня образования. Актуальные (по состоя-

нию на июль 2021 года) социологические исследования показывают, что, начиная с 2014 года, наблюдается активный рост количества выпускников школ, которые приняли решение продолжить образовательный процесс не в организациях высшего образования, а в системе среднего профессионального образования в целях скорейшего начала трудовой карьеры. Ломтева Е.В. и Бедарева Л.Ю. [7] зафиксировали повышение интереса молодежи к средне-специальному образованию, и тот факт, что в 2020 году спрос на данный вид образования впервые превысил заинтересованность в высшем образовании, даже при учете его трехступенчатости. Согласно исследованию указанных авторов, ежегодный прирост абитуриентов в средние профессиональные образовательные организации в России составил порядка 5 процентов.

С одной стороны, понижение интереса к высшему образованию можно соотнести с повышением популярности средних профессиональных учебных заведений, но с другой стороны, это коррелирует со снижением реальных доходов населения, что в свою очередь влечет за собой низкие возможности родителей оплатить как само обучение в высшем учебном заведении, так и дополнительную подготовку к единому государственному экзамену и другим вступительным испытаниям, которая в Российской Федерации имеет под собой исключительно коммерческую основу. Кроме того, молодежь вынуждена скорее своих предшественников включаться в трудовую деятельность в целях обеспечить свое существование, а также для помощи семье.

Целесообразно предположить, что именно необходимость более раннего начала трудовой деятельности, с одной стороны, кардинально ограничивает молодежь в выборе стратегий, но с другой стороны, формирует у молодежи тот самый необходимый трудовой стаж и те компетенции, которые ценятся большинством работодателей. Данный подход не менее рационален, чем получение престижного высшего образования сразу после школы, так как дает возможность молодежи, уже ведя трудовую карьеру, вернуться к вопросу получения заочного высшего образования, улучшив свои шансы на рынке труда. Особенно это стало актуально, в связи с тем, что в последние годы теряется ценность именно очного образования и выравнивается востребованность других его форм.

Выводы

Таким образом, исследуя молодежную занятость в 20-х годах XXI века, мы все больше убеждаемся в поступательном росте рационализации выбора молодежью стратегий занятости в условиях изменяющегося общества. Комфортные для молодежи годы советской плановой экономики остались далеко в прошлом, и современная молодежь, родившаяся уже в государстве под названием Российская Федерация, осуществляет свой выбор трудового пути в агрессивных условиях свободного рынка. Жизнь молодежи в данных условиях сопряжена с неравенством возможностей и для того, чтобы при меньших ресурсах реализовать свои амбиции, приходится все больше эксплуатировать рациональный подход и планирование своей трудовой карьеры.

Но рационализация не дает абсолютной выгоды, так как суждения человека, являющегося биологическим существом, не могут быть изначально объективны, существует множество субъективных факторов. Рациональное желание получать повышенный доход иногда приводит к иррациональному участию в преступной деятельности, что в последствие, приводит к негативным явлениям. Вместе с тем, принцип целесообразности, используемый большинством молодого населения страны, уже сейчас приводит к фундаментальным изменениям на рынке труда и рынке образовательных услуг. Появление новой коронавирусной инфекции (COVID-19) стало дополнительным стимулом молодежи для поиска новых стратегий занятости, в которых они оказывались бы более конкурентоспособны, чем более старшие жители страны. Изучение современной молодежи позволяет лучше смоделировать рынок труда на ближайшие годы, тем самым точнее сформировать управляющие воздействия органов власти и управления на экономику государства.

Список источников

1. Zubok Yu. A. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12.
2. Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52.
3. Митягина Е. В. Ресурсность рабочих на предприятии электроэнергетической промышленности // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 9 (29). С. 78–104.
4. Луков В., Луков С., Погорский Э. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook 2014. № 2. С. 6–18.

5. Романова О. С. Организованная преступность и молодежь // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2005. №2 (24). С. 277-282.
6. Колногородов А. В. Нахождение минимаксных стратегии и риска в бинарной случайной среде // Вестник НовГУ. 2014. №80. С. 26-29.
7. Ломтева Е. В., Бедарева Л. Ю. Особенности мотивации молодежи к обучению: перераспределение спроса с высшего на среднее профессиональное образование // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. С. 58-62.

Reference

1. Zubok J. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):4-12. (In Russ.).
2. Anisimov R. I. Labor in an era of uncertainty. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2017;(11):44-52. (In Russ.).
3. Mityagina E. V. Resource workers at an enterprise in the electric power industry. *Sovremennyye issledovaniya social'ny'x problem = Modern studies of social issues*. 2013;29(9):78-104. (In Russ.).
4. Lukov V., Lukov S., Pogorskij E. Innovative potential of new generations and youth policy at the present stage of society development. *PolitBook* 2014;(2):6-18. (In Russ.).
5. Romanova O.S. Organized crime and youth. *Ucheny'e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii = Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 2005;24(2):277-282. (In Russ.).
6. Kolnogradov A. V. Finding minimax strategy and risk in a binary random environment. *Vestnik NovGU = Vestnik of Novgorod state university*. 2014;(80):26-29. (In Russ.).
7. Luk'yanova E. L. Bedareva L. Y. Features of motivating young people to learn: redistribution of demand from higher to secondary vocational education. In: *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya*. 2021(2):58-62. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. Е. Косач – аспирант.

Information about the author

G. E. Kosach – Postgraduate student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 18.11.2021.

The article was submitted 23.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 18.11.2021.

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-280-284

О ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ПОДСИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Максим Вячеславович Максимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, politolog@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается демократический базис местного самоуправления в системе выстраиваемого публичного управления, определяются проблемы реализации принципов народовластия при осуществлении властных полномочий на местном уровне и особенности вхождения МСУ в систему публичной власти современной России. Современные политические процессы, связанные с развитием местного самоуправления связаны с одной стороны с появлением единой системы публичной власти, с другой развитием непосредственной и представительной демократии на местном уровне при осуществлении властных полномочий. Автор отмечает, что при институционализации публичного управления в современной России необходимо учитывать баланс между укреплением вертикали государственной власти и развитием демократических начал в системе МСУ.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичное управление, демократия, народовластие, публичная власть, политические процессы

Для цитирования: Максимов М. В. О демократических основах функционирования местного самоуправления как подсистемы публичного управления в условиях современных политических процессов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 280–284. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-280-284>.

Young scientists

Original article

ON DEMOCRATIC FOUNDATIONS OF FUNCTIONING OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS SUBSYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN CONDITIONS OF MODERN POLITICAL PROCESSES

Maksim V. Maksimov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, politolog@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article considers the democratic basis of local self-government in the system of built public administration, defines the problems of implementing the principles of democracy in the exercise of power at the local level and the peculiarities of the entry of local self-government into the public power system of modern Russia. Modern political processes related to the development of local self-government are connected on the one hand with the emergence of a single system of public power, and on the other, the development of direct and representative democracy at the local level in the exercise of power. The author notes that when institutionalizing public administration in modern Russia, it is necessary to take into account the balance between strengthening the vertical of state power and the development of democratic principles in the system of local self-government.

Keywords: local self-government, public administration, democracy, popular power, public power, political processes

For citation: Maksimov M. V. On democratic foundations of functioning of local self-government as subsystem of public administration in conditions of modern political processes. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):280–284. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-280-284>.

Местное самоуправление является одним из главнейших политических институтов политической системы Российской Федерации. От эффективной работы МСУ во многом зависит эффективность и экономической, и экологической, и социальной политики, поэтому данный институт подвержен перманентному реформированию [1]. В ближайшее будущее реформирование системы местного самоуправления будет происходить в рамках конституционной реформы, начатой в 2020 году, что во многом обуславливается необходимостью преодоления на современном этапе развития политической системы России нарастающей политической напряженности в обществе, возникшей в результате усиливающихся противоречий между политикой центральной и местной власти, снижении демократических начал местного самоуправления, в ухудшении обратной связи между уровнями власти и населением, обусловленной недостаточной эффективностью реформирования местного самоуправления и снижением роли местных сообществ в современных политических процессах [2].

Проводимая ранее муниципальная реформа не смогла обеспечить эффективного развития муниципальных территорий ввиду недостаточной ресурсной обеспеченности институтов местного самоуправления, институционального несовершенства МСУ и сложностью взаимоотношений с органами государственной власти.

Конституционная реформа 2020 года заложила новые концептуальные основы развития местного самоуправления, включив МСУ вместе с органами государственной власти в единую систему публичного управления, что позволит пересмотреть ряд подходов к взаимоотношениям между МСУ и государством.

Особое внимание необходимо уделить активизации политических процессов на местном уровне. Институт местного самоуправления существует параллельно с институтом местной власти на уровне муниципалитета, в связи с тем, что самоуправление предполагает вовлечение населения в политические и управленческие процессы, что способствует реализации демократических принципов местного самоуправления в ходе реализации принципов непосредственной и представительской демократии.

Муниципальная власть - это многосоставный феномен. Она включает в себя представительный орган, избираемый проживающим на конкретной территории населением, местную администрацию и другие контрольно-надзорные органы. Именно поэтому муниципальная власть стоит характеризовать как государственно-административный институт, с помощью которого субъекты, обладающие властными полномочиями, обеспечивают на местном уровне самостоятельное решение государственных задач и обеспечения функционирования местного социума [3].

В условиях проводимой конституционной реформы местное самоуправление вместе с органами государственной власти стали составлять систему публичной власти. От слаженности системы публичной власти во многом зависит не только развитие отдельных муниципальных территорий, но и устойчивое развитие современной России. Поэтому необходима дальнейшая корректировка деятельности МСУ как в институциональной, так и социальной сферах. Необходимо повышение политического участия населения, реализация демократических начал народовластия.

Современная реформа местного самоуправления сталкивается с множеством проблем, основные из которых лежат не только в экономической плоскости, но и напрямую зависят от особенностей организации местной власти, ее транспарентности и демократичности.

Публичная власть, составляющей которого является система местного самоуправления, неразрывно связана с реализацией государственной политики. В теории существует множество определений политики, начиная от концентрированного выражения экономики, заканчивая целеустремленной деятельностью субъектов по достижению политических целей.

Главными задачами государственной политики по совершенствованию взаимоотношений МСУ и государства должны стать: улучшение уровня жизни населения, демократизация общества, развитие гражданского общества и повышение роли народовластия в системе публичного управления.

Россия в отличие от других государств характеризуется высокой степенью дифференциации своих регионов и муниципальных образований. Поэтому выработка органами власти политики должна опираться на принципы рамочных норм (программы развития) федерального уровня и конкретных мер в зависимости от конкурентных преимуществ в рамках муниципальной политики. При этом муниципальная политика должна быть ориентированной на реализацию целей политики федерального уровня, но на основе внутренних ресурсов муниципальных территорий [4].

Именно для этого на муниципальном уровне власти нужно использовать новые политические механизмы, позволяющие повысить конкурентоспособность муниципальных территорий. Инициатива «снизу» всегда обеспечивает акселеративный эффект в реализации политических решений.

Конкурируя между самоуправляемыми муниципальными территориями, грамотная и продуманная муниципальная политика становится внутренним источником общественного развития, обеспечивая уровень жизни населения [5].

На внутреннюю политику существенное влияние также оказывают и внешние непредвиденные обстоятельства, такие как внешнеполитические санкции в связи с украинскими событиями 2014-2021 гг., экономические кризисы 2008 г. и 2014 г. и др. Но, в основном, она все же регулируется на основании российского законодательства и принятий внутривластных решений. Можно бесконечно говорить о том, как государство пострадало в целом, но четко увидеть каждый просчет или победу во внешней и внутренней политике можно только на местном уровне. Отдача идет от частного к общему, так же осуществляется оценка эффективности государственной политики – через осуществление ее на муниципальном уровне, учитывая удовлетворение потребностей проживающего там населения.

Переход от советской к постсоветской России детерминировал как структурные и институциональные, так и функциональные трансформации. Реформирование российского общества коснулось всех сфер общественной жизни: экономической (переход от общественной формы собственности к частной), политической (уничтожение Советов и переход к новым формам муниципального управления – мэрии, муниципалитеты и т.д.). Стояла очень сложная задача организации управления на местах. Выделение из системы власти Советов местного самоуправления породило множество проблем, главной из которых стало законодательное отделение от государственного управления. Поэтому проводимые реформы местного самоуправления не привели к задекларированному результату, так как произошел отрыв государственных органов власти от муниципальных, поэтому возникла необходимость устранения данных нестыкочек и противоречий, что возможно только на конституционном уровне.

Особенно это касается экономической самостоятельности муниципалитетов. Ключевыми словами для понимания современного этапа муниципальной реформы являются слова Владимира Путина, сказанные участникам съезда муниципальных образований: «Дальнейшее развитие сильного, независимого местного самоуправления, конечно, одна из наших важнейших задач. Самое главное, муниципалитеты должны стать в полном смысле самостоятельными, и прежде всего в финансовом плане». Поэтому дальнейшая модернизация российской экономики возможна лишь как целостный процесс, правовые, институциональные и другие составляющие которого, наполняя инновационные направления развития, обеспечивают реализацию его на практике. Воплощение стратегической перспективы развития страны в полной мере должны относиться и к институту местного самоуправления, переживающему очередной этап реформирования.

Стратегическим направлением развития публичного управления должно стать сотрудничество государственных и муниципальных институтов с инициативными группами, другими добровольными объединениями граждан, которые являются большим потенциалом, недостаточно используемым при реализации народовластия. Такие группы, представляющие собой гражданское общество, не только являются источником инноваций, но и субъектами, осуществляющими общественный контроль за действиями властных органов, что повышает ответственность чиновников и дисциплинирует последних [6].

Необходимо отметить, что пока активность инициативных граждан не получают должной поддержки у власти всех уровней. Ограничены и возможности общественного контроля по причине слабости демократических традиций в России. Государственная власть предпочитает исполнять роль «сильной руки», контролировать социально-политические процессы на всех уровнях: федеральном, региональном и местном.

При выстраивании системы публичной власти необходимо освобождение от тотального контроля федеральной власти, что изначально является процессом сложным и неоднозначным, особенно в условиях выстроенной вертикали власти.

Органы местного самоуправления в системе публичного управления представляют муниципальную власть, которую выбрали граждане. Она должна выражать интересы местного населения и нести ответственность перед ним, а не только перед вышестоящим уровнем публичного управления [7].

Поэтому выстраивая систему публичной власти, необходимо помнить, что местное самоуправление – это уникальный общественный институт, функционирующий как в политической (публичной), так и частной сфере жизнедеятельности общества. В системе общественных отношений, составляющих местное самоуправление, реализуются потребности человека в жилье, бытовом обслуживании, начальном и общем образовании, медицинском обслуживании, организации досуга

и отдыха и др., удовлетворение которых определяет качество жизни, обеспечивает развитие и самореализацию личности в обществе.

Поэтому без преувеличения можно сказать, что местное самоуправление является базовым институтом самоуправления, где сосуществуют демократические начала и децентрализация власти.

Рассматривая демократические основы местного самоуправления как подсистемы публичного управления, необходимо отметить, что существует множество видов демократий, но непосредственно для МСУ характерны непосредственная и представительская демократия.

Политология дает разные определения непосредственной демократии, но общим для них является ее понимание как формы прямого участия граждан в осуществлении власти. Различия заключаются в толковании полномочий такого осуществления власти: кто-то считает, что непосредственная демократия — это участие в принятии решений на государственном уровне, кто-то причисляет к таким функциям и регулирование общественной жизни. Представляется, что в современной России последнее определение непосредственной демократии ближе к реальному состоянию ее политического устройства, особенно на местном уровне.[8]

При осуществлении непосредственной демократии граждане имеют право на рассмотрение вопросов общественного значения, их обсуждение и участие в принятии, исполнении решений на местном и государственном уровне, а также контроле за их исполнением.

Таким образом, в отношении, характерного для МСУ института непосредственной демократии можно выделить следующие его признаки:

- наличие общественных отношений, регулируемых органами местного самоуправления;
- волеизъявление граждан происходит в прямой форме;
- объект регулирования через непосредственную демократию – вопросы местного значения;
- организационными формами реализации непосредственной демократии являются: рассмотрение вопросов, их обсуждение, участие в принятии, исполнении решений, контроле их исполнения.

Важной функцией института непосредственной демократии является выявление политических лидеров из народа, а также привлечение граждан к политическому участию в управлении обществом. Это как раз и показывает сущность народовластия, закрепленного в Конституции РФ

Именно общинность, сохранность коллективного уклада, могут стать основанием реализации непосредственной демократии в условиях местного самоуправления – того, что А. И. Солженицын называл «демократией малых пространств: небольшого города, поселка, станицы, волости (группа деревень) и в пределе уезда (района)

Представительная демократия как форма местного самоуправления осуществляется посредством решения вопросов местного значения wybranными сообществом демократическим путем представителей.

Сущность представительства сформулировал русский ученый Н. Лазаревский как отношения между представителем и представляемым, определяемые правом представителя совершать такие действия, которые имели бы такие же последствия, как если бы их совершал представляемый в соответствии со своей правоспособностью.

Путь представительства – это путь передачи власти. Представляется интересным рассмотреть вопрос, передается ли власть народом полностью или частично. Передавая власть своим представителям, народ временно (от выборов до выборов) лишается власти, – такая форма представительства возможна в условиях свободного мандата, когда представляемые лишены контроля деятельности представителей и воздействия на нее. При полусвободном мандате местное сообщество имеет возможность контроля выборного органа, заслушивает отчеты своих депутатов и имеет право на их отзыв. Если деятельность представителей не соответствует воле народа, то законом предусмотрены рычаги влияния общества на власть через сходы, референдумы, отзыв представителей, петиции и др. [9]

Таким образом можно сделать вывод, что источником власти в системе местного самоуправления выступает местное сообщество. Через процедуру выборов сообщество передает власть представителям, которые становятся действительными носителями власти, которая им поручена на определенный по закону срок. Представительные органы власти являются инструментом осуществления власти местным сообществом.

В заключение необходимо отметить, что конституционная реформа 2020 г. заложила основы для дальнейшего реформирования системы местного самоуправления, путем включения его в систему публичной власти. Возможно это позволит сделать публичную власть более открытой и транспарентной, а политическую систему российского общества более демократичной, где неизменно будет соблюдаться заложенный в Конституции Российской Федерации принцип народовластия.

Список источников

1. Черкасова Т. П., Ароян А. С., Крицкая А. А., Артюхин О. А. Местное самоуправление и гражданское общество // В сб.: Основы интеграции и укрепления межэтнического взаимодействия в Ростовской области. Сборник докладов научно-практической конференции. 2019. С. 138-148.
2. Лаптева Л. Е. Местное самоуправление и демократия // Юридический мир. 2021. № 10. С. 49-53.
3. Ляхов В. П. Проблемы и противоречия в развитии местного самоуправления в современной России: политологический анализ. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. С. 88-93.
4. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Григорян Д. К., Веренич И. Г. Современные тенденции и технологии формирования кадрового состава муниципального управления // В сборнике: Местное самоуправление в условиях глобальных вызовов современной России: материалы научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С. 191-199.
5. Воронцов С. А., Понедельков А. В. Анализ проблем местного управления в условиях глобальных вызовов // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 158-163.
6. Ляхов В. П., Узденов Т. А., Овакимян М. А., Полуянов В. К. Стратегия – ключевое условие развития местного самоуправления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 10 (113). С. 50-53.
7. Анциферов М. Местное самоуправление как институт публичной власти // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 10. С. 393-400.
8. Тахтарев К. М. От представительства к народовластию: к изучению новейших стремлений политического развития современного общества. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД: УРСС, 2015. 142 с.
9. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Баранов А. В., Григорян Д. К. Проблемность рекрутирования элит на муниципальном уровне // В сборнике: Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 2019. С. 272-278.

References

1. Cherkasova T. P., Aroyan A. S., Kritskaya A. A., Artyukhin O. A. Local self-government and civil society. In the collection: *Fundamentals of integration and strengthening of inter-ethnic interaction in the Rostov region. Collection of reports of the scientific and practical conference*. 2019:138-148.
2. Lapteva L. E. Local government and democracy. *Legal world*. 2021;(10):49-53. (In Russ.)
3. Lyakhov V. P. Problems and contradictions in the development of local self-government in modern Russia: political scientific analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2013;(4):88-93. (In Russ.)
4. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A., Grigoryan D. K., Verenich I. G. Modern trends and technologies for the formation of the personnel of the municipal administration. In: *Local self-management in the face of global challenges of modern Russia: materials of a scientific and practical conference with international participation*. Rostov-on-Don: Publishing House of YURIU RANEP; 2019:191-199. (In Russ.)
5. Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V. Analysis of problems of local governance in the face of global challenges. *Vlast' = The Authority*. 2019;27(2):158-163. (In Russ.)
6. Lyakhov V. P., Uzdenov T. A., Hovakimyan M. A., Poluyanov V. K. Strategy is a key condition for the development of local self-government. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2019;10(113):50-53. (In Russ.)
7. Antsiferov M. Local government as an institution of public power. *Current issues of the modern economy*. 2021;(10)::393-400. (In Russ.)
8. Takhtarev K. M. *From representation to populism: to the study of the latest aspirations for the political development of modern society*. Ed. 2nd. Moscow: LENAND: URSS; 2015. 142 p. (In Russ.)
9. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A., Baranov A. V., Grigoryan D. K. The problematic recruitment of elites at the municipal level. In: *Russian elitology: innovative answers to the challenges of the modern world. Materials of the Third All-Russian Elitological Congress with international participation*. 2019:272-278. (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Максимов – аспирант кафедры политологии и этнополитики.

Information about the author

M. V. Maksimov – graduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Научная статья

УДК 316.614.5

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-285-290

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЬЯХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Сергей Николаевич Смолянинов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
sergeysmolyaninov.job@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы социализации российских школьников в контексте трансформации институтов семьи и образования. Социологический анализ на основе институционального подхода позволил выделить основные трансформационные процессы, оказывающие влияние на социализирующие условия в семье и образовательных организациях.

Ключевые слова: молодежь, социализация, институты, дисфункции, девиации, государственная молодежная политика

Для цитирования: Смолянинов С. Н. Социологический анализ процесса социализации российских школьников в современных семьях и образовательных организациях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 285–290. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-285-290>.

Young scientists

Original article

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE SOCIALIZATION PROCESS RUSSIAN STUDENTS IN MODERN FAMILIES AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Sergey N. Smolyaninov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, sergeysmolyaninov.job@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of socialization of Russian schoolchildren in the context of the transformation of family and educational institutions. Sociological analysis based on the institutional approach made it possible to identify the main transformation processes that affect the socializing conditions in the family and educational organizations.

Keywords: youth, socialization, institutions, dysfunctions, deviations, state youth policy

For citation: Smolyaninov S. N. Sociological analysis of the process of socialization of Russian schoolchildren in modern families and educational organizations. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):285–290. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-285-290>.

Современное социализирующее пространство подрастающего поколения отличается многосубъектностью и полиинституциональностью, а также многообразием социальных практик социализации. Несмотря на это, основными институтами социализации молодого поколения по-прежнему остаются семья и школа.

Именно семья передает, интерпретирует и закрепляет культурный опыт общества. Семья как социальный институт имеет следующие характеристики: ценности, нормы, санкции, образцы ролевых моделей поведения, определяющие характер социальных связей между супругами, родителями, детьми и другими родственниками. Семья играет значительную роль в общественной жизни, обеспечивая продолжение рода и преемственность поколения. Функция первичного социального контроля, реализуемая через систему позитивных и негативных санкций, задает поведенческий вектор социальной активности индивида.

За счет социализирующей функции, образование, помимо передачи ценностей, знаний, опыта из поколения в поколение, реализует еще и интегративную функцию, воспроизводит или изменяет

социально-профессиональную структуру, внедряет новые социальные технологии, способствуя социальным изменениям, включает новых членов общества в его жизнь, прививая им господствующие установки, ценностные ориентации и идеалы.

Искажения ценностно-нормативной системы указанных институтов и ведут к их дисфункциям и проявляются в девиантном поведении детей и молодёжи, что негативно влияет на социальный порядок и стабильное функционирование общества в целом.

Для анализа дисфункциональных расстройств ключевых социальных институтов социализации рассмотрим их через призму механизма социальных отклонений, который выделяет ценности, нормы и связи. Деформации перечисленных элементов влияют друг на друга и служат основой для формирования негативных поведенческих моделей индивидов.

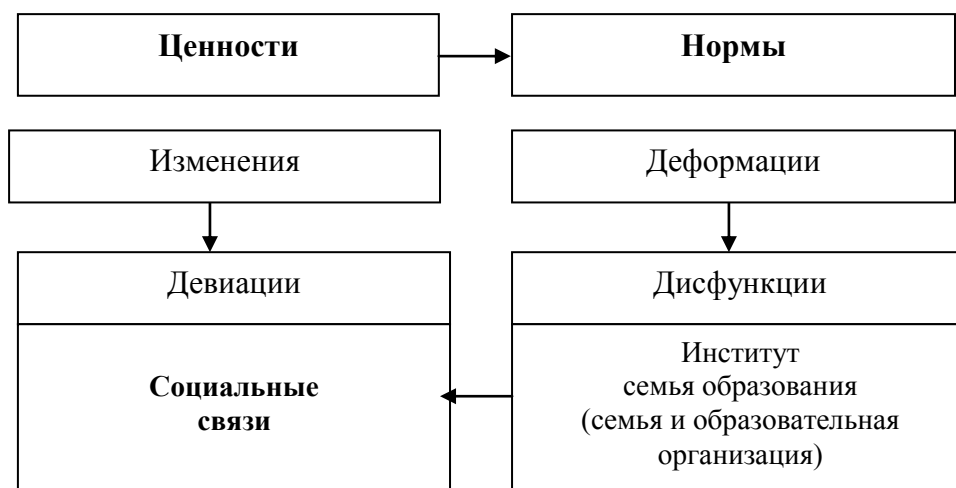

Рис. 1. Схема взаимосвязей элементов механизма социальных отклонений

Fig. 1. Diagram of relationships of elements of the mechanism of social deviations

Изменение ценностей вызывает нарушение норм и деформацию социальных связей, что расстраивает функционирование института и приводит к девиации акторов и социальной напряженности.

Искажение процесса социализации, девиантность подростка формируются в семье в условиях неблагоприятных взаимоотношений и отрицательных примеров ценностных ориентаций.

Социальная структура семьи во многом определяет ее возможности в отношении осуществления эффективного процесса социализации. В тех семьях, где задействовано большее количество агентов (двухпоколенные, многопоколенные, полные семьи) – и возможностей для адекватного воспитательного процесса больше. Однако семей с расширенным составом становится все меньше. Сокращается и количество членов семьи, а вот неполных семей, а также семей нового типа, придерживающихся моделей гостевых, либо свободных отношений становится больше. В таких семьях ослаблены социальные связи, люди меньше зависят друг от друга, неясно ощущают взаимную ответственность и потому они гораздо менее стабильны, по сравнению с многопоколенными, расширенными по составу семьями.

Семья задает стартовые возможности общественного и экономического положения детей, таким образом определяется вектор жизненной карьеры новой генерации. Отсюда важность таких факторов как уровень образования родителей, вид их профессиональной деятельности и материальное положение семьи.

В исследованиях российских социологов, занимающихся проблемами семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, (например, Брюно В.В.), обозначены основные социальные характеристики современных российских семей: более, чем у половины родителей таких семей среднее общее образование, большинство из них – 42 % имеют квалификацию «рабочий», почти каждая вторая семья имеет доходы ниже среднего уровня, почти каждая четвертая семья имеет сложности с жилищными условиями¹.

¹ Здесь и далее используются эмпирические данные исследовательского проекта «Девиантное поведение в детско-подростковой среде, риски взросления и перспективы профилактики (пути их преодоления)» ФНИСЦ РАН.

Поведенческие особенности детей, их склонность к общественно одобряемому, либо отклоняющемуся поведению – девиантному, либо даже делинквентному, определяются характеристиками внутрисемейных связей, интенсивностью взаимодействий, комплексностью отношений. Воспитательные стратегии зависят от варианта внутрисемейных отношений и определяются сочетанием социального, эмоционального и культурного капитала каждого из членов семьи. Ведущая тенденция современного российского общества – ослабление внутрисемейных социальных связей.

Более половины родителей заявляют о том, что между ними и их детьми не складываются доверительные отношения, а дети не ставят их в известность относительно своих делах и об учёбе. При этом только половина подростков отмечает, что для них имеет значение мнение их родителей. Это свидетельствует, если ещё не о серьёзном поколенческом разрыве, то об установившейся значительной дистанции между родителями и детьми [1].

Важным фактором успешной социализации выступает совместный досуг и вовлечение детей в жизнь семьи. Только треть родителей указывают в своих ответах на сложившиеся семейные традиции, обычаи и ритуалы, в которые вовлечены их дети. 79 % родителей не осуществляют совместной значимой деятельности со своими детьми.

Прямой и косвенный социальный контроль, который осуществляют семьи, определяет воспитательные стратегии и формирует предпочтительное поведение у их детей. Селекция контактов ребенка, выбор предпочтительных сверстников для общения, отслеживание ситуации в школе, а также в пространстве вблизи от места проживания – все это зоны родительского влияния.

Опросы родителей демонстрируют приоритетность следующих воспитательных стратегий: убеждение, поучение и наказание. Основные сюжеты бесед с детьми: отношение к учебе, труду; вред употребления алкоголя и наркотиков; отношения между полами и с друзьями.

Среди самых распространенных методов наказаний – ограничение прогулок, времени пользования компьютером, смартфоном, Интернет-линией, телевизором, а также лишение карманных денег. В меньшей степени используются ругань, бойкот и физические наказания. Характерно, что позитивные санкции, воспитание собственным примером почти не используются.

Опрос же подростков показывает их завышенные требования к старшему поколению с одной стороны, а с другой стороны – пренебрежение родительскими требованиями и их невыполнение. В целом можно зафиксировать отсутствие взаимопонимания между поколениями, основанное на взаимной низкой коммуникативной культуре, отсутствием совместных видов деятельности и досуга и в целом, недостаточностью взаимодействия.

Наиболее острыми темами для подростков являются требования родителей сократить свое пребывание в социальных сетях, хорошо учиться и информировать о событиях своей жизни. Таким образом, с одной стороны, родители беспокоятся об образе жизни своих детей, а с другой стороны – не слишком погружаются в воспитательный процесс, предпочитая требовать соблюдения их установлений. Это свидетельствует об искажении транслирующей функции семейного института – родители не могут передать детям своих ценностей, привить нормативные модели поведения. Дети же с возрастом все более ценя личную свободу, повышают уровень критического восприятия родительских требований, а пятая часть подростков утверждает, что никак не хотели бы походить на своих родителей.

В свою очередь родители также не готовы воспринимать собственных детей такими, какими они являются. 38 % хотели бы повысить уровень ответственности детей, 28 % – смягчить поведение, 27 % – изменить характер.

Основными проблемами во взаимодействии с детьми 47 % взрослых называют собственное незнание того, как поступать в той или иной ситуации, 36 % родителей отмечают неприятие детьми их требований, 35 % – нехватку общения с ними, 24 % – указывают на непонимание и 7 % – на проблему совместного выполнения рекомендаций учителей. При этом к классному руководителю в случае возникновения у ребенка поведенческих проблем обратилось бы всего 13 % респондентов, к школьному психологу – 14 %, 31 % – полагают, что справятся сами, а 26 % – вообще затрудняются с ответом. Таким образом, явно прослеживается тенденция разобщенности во взаимодействии института семьи и образования, отсутствие доверия к агентам социализации образовательных организаций.

Важной детерминантой подростковых девиаций является регулярный родительский контроль за посещаемостью и успешной учебной работой, а также нормальным общением ребёнка со своими сверстниками и педагогами в школе.

Институт образования со своими организациями является наряду с семейным институтом основным социализирующим контекстом. Самая очевидная и традиционная замена родителя – образовательная организация. Социализация подразумевает в себе умение создавать коммуникационные

связи между людьми, и школьные занятия как раз помогают создать систему знаний, норм и ценностей, создающих из личности правомерного члена общества. Однако воспитательный процесс в школе затруднен тем, что значительная часть современных родителей хотят, чтобы их дети воспитывались исключительно в семье.

В прошлом году Всероссийский центр изучения общественного мнения опубликовал следующие данные: 35 % родителей полагают, что полномочия классного руководителя и учителя преувеличены и только 33 % считают, что воспитанием должна заниматься школа.¹

При этом, дети с неразвитым чувством ответственности перед школой, ослабленной мотивацией к достижениям в учебе, творческой, спортивной относятся к группе риска девиантного поведения. которое в школьном пространстве будет проявляться в неподчинении требованиям учителя, плохой посещаемости занятий, подрыве дисциплины в классе, невыполнении заданий, сквернословии, курении, приеме алкоголя и наркотических средств.

Опросы школьников свидетельствуют о нежелании каждого пятого посещать школу, еще 43 % отвечают, что нравится им посещать школу от случая к случаю. 70 % свидетельствуют о трудностях освоения учебного материала, 28 % – жалуются, что школа забирает почти все их время, 22 % – говорят о том, что по-настоящему интересные уроки в их школах – это редкость. а 16 % - считают, что то, чему учат в школе, совершенно непригодно в жизни.

Почти половина учащихся отмечают усталость после уроков, 41 % отмечают конфликтность школьной обстановки, 20 % – испытывают чувство напряжения в школе. Очевидно, что школьная программа обучения мало учитывает фактор здоровья и развития способностей обучающихся.

Примерно пятая часть школьников указывают, что содержание занятий им не интересно и не рассматривают, школу как источник получения знаний. Однако, они же хотят продолжать обучение на других ступенях образования так долго, как только возможно, сохраняя свой несамостоятельный статус, что свидетельствует об установке на иждивенчество.

60 % родителей заявляют, что им не знакомы случаи прогулов уроков их детьми, 40 % – о таких случаях осведомлены. 28 % родителей, которым такие случаи известны указывают на то, что прогулы совершаются приблизительно 2-3 раза в месяц, 27 % - 2-3 раза в четверть, 17 % - 2-3 раза в полугодие, 15 % - еженедельно, 13 % - 2-3 раза в году. При этом 44 % родителей отмечают, что их дети больше шести часов в день не находятся под их контролем, а 65 % детей приходят домой после десяти часов вечера. Несмотря на такие вольности в посещаемости занятий, 43 % родителей говорят о том, что в школу их ни разу не вызывали.

Ослабление традиционных институтов – семьи и школы, а также их агентов – родителей и педагогов, приводит к усилению влияния неинституциональных контекстов социализации. Этому способствует и феномен протестного поведения детей в отношении семейного и школьного воспитания. По этим причинам сегодня социализирующие процессы развиваются зачастую в уличных группах сверстников и в виртуальной среде сети Интернет [2].

Если в семье осуществляется качественное воспитание и эффективен социальный контроль – то родители имеют возможность влияния на круг общения своего ребенка и регулярно отслеживают его местонахождение.

Две трети родителей заявляют, что им известны друзья их детей, из них 30 % - знают всех друзей своего ребенка, а 40 % – некоторых из них. 20 % взрослых не знакомы с приятелями своих детей а 7 % считают, что друзей у их детей нет.

Встречи с друзьями обычно проходят дома – так говорят 65 % родителей, однако, как правило, это никем не контролируемое общение, так сказали 60 % родителей. При этом четверть взрослых респондентов указывают, что видели своих детей в состоянии сильного алкогольного опьянения. Одновременно с этим, 35 % взрослых не знают о том, есть ли в окружении их детей употребляющие алкоголь сверстники, а 44 % не в курсе, относительно друзей, употребляющих наркотические вещества.

Искаженные социальные связи, недостаточная частотность взаимодействий между родителями, детьми и школьными педагогами приводят к проявлениям делинквентного поведения подростков. 34 % родителей считают своих детей неблагополучными, 41 % – опасаются попадания ребенка в плохую компанию а 13 % признаются, что имели случаи приводов детей в полицию за драки и распитие алкоголя в общественных местах.

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/klassnyj-rukovoditel-i-chto-o-nem-dumayut-roditeli-shkolnikov-1> (дата обращения 30.11.2021)

Общение с девиантными сверстниками является основным фактором, провоцирующим девиантное поведение школьников. Опросы подростков позволяют сделать вывод о том, что их круг общения насыщен негативными контактами – это и лица с криминальным опытом, и потребители алкогольных напитков и наркотических веществ.

В подростковых компаниях часто нередки случаи совместного распития спиртного, – об этом говорят более половины опрошенных респондентов, а также курения и употребления наркотиков – соответственно такие ответы выбрали 56 % и 13 % школьников. Под воздействием этих веществ 30 % подростков занимаются вандализмом, а 50 % участвуют в драках. При этом треть из них имеют друзей с криминальным прошлым, а четверть обозначают психологический климат в семье как неблагоприятный.

Статистические данные только подтверждают данные социологических исследований.

В 2020 году зафиксировано 525084 преступлений, совершенных в общественных местах, 27156 преступлений было совершено несовершеннолетними.¹ Следствием уличного воспитания нередко становится наркозависимость. Наркотики сегодня становятся частью молодежной субкультуры, необходимым компонентом общения в подростково-молодежной среде и постепенно заменяют алкоголь как атрибут молодежных развлекательных мероприятий. В целом, за последние пять лет наблюдается некоторое снижение числа наркозависимых несовершеннолетних, тем не менее в 2019 году было выявлено 511 зависимых детей и зафиксировано 1682 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, которые совершили подростки в возрасте от 14 до 17 лет².

Также стоит отметить «виртуализацию» жизнедеятельности ребенка, где он подвергается риску киберпреступности и кибердевиантности. В подростковом возрасте, ребенок начинает активно пользоваться сетью Интернет, чтобы связаться с одноклассниками, но по мере увеличения возможностей пользования, открываются новые особенности социализации, такие как анонимность в сети интернет и безграничный доступ к информации и ее передаче. Сегодняшней семье довольно тяжело контролировать детскую деятельность в виртуальном пространстве в силу отсутствия технических возможностей и знаний. [3]. Эти обстоятельства определяют тенденцию роста преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних. В 2019 году зафиксировано 14 755 таких преступлений. Количество преступлений, совершенных детьми и при их соучастии, против их половой неприкосновенности и половой свободы составило 618 в 2019 году.³

Таким образом, неинституциональные контексты социализации скорее несут потенциальные опасности для молодого поколения, нежели социализируют его. Очевидно, необходимы мониторинговые исследования ценностно-нормативных искажений семьи и школы, ведь именно они порождают дисфункции социализации в семье и школе и ведут к девиациям участников этого процесса. Также есть необходимость и в замерах родительских и педагогических компетенций, социальном проектировании оптимальной модели взаимодействия семьи и школы.

Список источников

1. Брюно В. В. Современная семья как фактор вовлеченности подростков в различные формы девиантной активности // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14-16 октября 2020 г.) / Отв.ред. В.А. Мансуров; ред Е.Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. 6003 с. С. 1905-1920.

2. Gehan EL Nabawy Ahmed Moawad, Gawhara Gad Soliman Ebrahim. The Relationship between use of Technology and Parent-Adolescents Social Relationship // Lecturer of Pediatric Nursing, Faculty of Nursing, Mansoura University // https://www.researchgate.net/publication/343427413_The_Relationship_between_use_of_Technology_and_Parent-Adolescents_Social_Relationship

¹ Состояние преступности в России за январь-октябрь 2020 года // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21933965/>

² Кузнецова отметила снижение наркомании среди детей в России // <https://news.ru/society/kuznecova-otmetila-snizhenie-narkomanii-sredi-detej-v-rossii/>

³ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 году // https://www.garant.ru/files/1/6/1376961/doklad_detskiy_ombudsmen.pdf

3. David C. Rettew, Catherine Stanger, Laura McKee, Alicia Doyle, James J. Hudziak. Interactions between child and parent temperament and child behavior problems // https://www.researchgate.net/publication/6882848_Interactions_Between_Child_and_Parent_Temperament_and_Child_Behavior_Problems

References

1. Bruno V. V. The modern family as a factor in the involvement of adolescents in various forms of deviant activity. Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14-16, 2020). Ed. V.A. Mansurov; Edited by E.Yu. Ivanova. Moscow: ROS; FNISTS RAN, 2020. 6003 p. P.1905-1920. (In Rus.)

2. Gehan E. L Nabawy Ahmed Moawad, Gawhara Gad Soliman Ebrahim. The Relationship between use of Technology and Parent-Adolescents Social Relationship. In: *Lecturer of Pediatric Nursing, Faculty of Nursing, Mansoura University*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/343427413_The_Relationship_between_use_of_Technology_and_Parent-Adolescents_Social_Relationship

3. David C. Rettew, Catherine Stanger, Laura McKee, Alicia Doyle, James J. Hudziak. Interactions between child and parent temperament and child behavior problems. Available from: https://www.researchgate.net/publication/6882848_Interactions_Between_Child_and_Parent_Temperament_and_Child_Behavior_Problems

Информация об авторе

С. Н. Смолянинов – аспирант кафедры социологии.

Information about the author

S. N. Smolyaninov – Postgraduate student of the Department of Sociology.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Научная статья

УДК 324+328.187

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-291-297

ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТНОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Алексей Юрьевич Терентьев

Тихоокеанский государственный университет, Владивосток, Россия, Kadet1992@ya.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен протестного голосования – негативной формы электорального поведения, направленной на демонстрацию неудовлетворенности политикой правительства. Имеющиеся данные показывают нарастание в последние годы негативных тенденций в социально-экономическом развитии и субъективном восприятии положения дел в стране (с 2018 г.), что является основой для изменения электорального поведения. Губернаторские выборы 2018 г. продемонстрировали несколько успешных примеров рационального протестного голосования. Сохранение негативных тенденций общественного развития является фундаментальной предпосылкой для расширения проявлений электорального протеста, который может принимать различные формы.

Ключевые слова: протестное голосование, выборы, электоральное поведение, электоральный протест, демократия, электоральный авторитаризм, социально-экономическое развитие, социальная напряженность, Россия

Для цитирования: Терентьев А.Ю. Потенциал протестного голосования в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 291–297. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-291-297>.

Young scientists

Original article

THE POTENTIAL OF PROTEST VOTING IN RUSSIAN SOCIETY

Alexey Yu. Terentev

Pacific National University, Vladivostok, Russia, Kadet1992@ya.ru

Abstract. The article analyzes the phenomenon of protest voting – a negative form of electoral behavior, which demonstrates dissatisfaction with government policies and performance. The available data show the stable growth of negative trends in socio-economic development and subjective perception of the state of affairs in the country (since 2018), which is the basis for changes in electoral behavior. The 2018 governors' elections showed several successful examples of rational protest voting. The persistence of negative trends in social development is a fundamental prerequisite for the expansion of electoral protest, which can take various forms

Keywords: protest voting; elections; electoral behavior; electoral protest; democracy; electoral authoritarianism; social economic development; social tensions; Russia

For citation: Terentev A. Yu. The potential of protest voting in Russian society. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):291–297. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-291-297>.

В настоящее время во многих странах наблюдается кризис представительства и связанные с ним изменения электорального поведения [1-3]. Последние проявляются, в частности, в росте числа голосов, отдаваемых за маргинальные, популистские или радикальные политические силы (Д. Трамп в США, Ж. Болсонару в Бразилии, UKIP в Великобритании, «Национальное объединение» во Франции, «Альтернатива для Германии» в ФРГ, «Австрийская партия свободы» в Австрии, «Подemos» в Испании, СИРИЗА в Греции и др.). Объяснение этих и других примеров изменений электорального поведения ряд политологов связывает с феноменом протестного голосования.

В самом общем смысле, протестное голосование – это такой вид электорального поведения, при котором участие в процедуре голосования используется не для того, чтобы обеспечить представительство своих интересов в органах власти, а для того, чтобы выразить недовольство текущей политикой правительства и сложившейся экономической, социальной, политической ситуацией [4; 5].

Классическая модель представительской демократии рассматривает выборы именно как механизм представительства интересов граждан в органах власти [6]. Современные общества являются сложными и внутренне дифференцированными, и различные группы характеризуются разными интересами. Многопартийная система обеспечивает возможности представительства в органах власти, прежде всего парламенте, а выборы позволяют обеспечить пропорциональность и, следовательно, демократичность такого представительства.

Однако в политической теории были предложены и другие интерпретации электоральных процедур в демократическом обществе. Так называемые экономические теории голосования утверждают, что выборы – это не столько механизм обеспечения представительства, сколько индикатор удовлетворенности граждан текущей политикой и способ изменить эту политику, если она их не устраивает [7; 8]. В этом случае, любые выборы необходимо рассматривать, прежде всего, как своего рода референдум о доверии правительству. Решение, принимаемое избирателем – это решение в первую очередь о том, поддержать ли ему существующее правительство, или нет. Такое голосование является следствием рационального выбора, основанного на оценке текущей политики в областях, имеющих жизненно важное значение для избирателя. Изначально, к числу таких факторов относились, прежде всего, социально-экономические условия: экономический рост, уровень доходов, состояние рынка труда. Анализ динамики соответствующих показателей (ВВП, ВВП на душу населения, процент безработных и т.п.) поэтому использовался для успешного прогнозирования результатов выборов, без какого-либо обращения к политическим предпочтениям избирателей. Более совершенные разновидности таких моделей принимают в расчет и другие, неэкономические условия жизни, важные для избирателей: качество жизни, безопасность, качество окружающей среды и т.п.

Теория протестного голосования является во многом развитием такой плебисцитарной модели голосования. Хотя она не отрицает представительской функции выборов, она обосновывает, что в условиях ограниченности возможностей представительства рациональное электоральное поведение может предполагать выбор в пользу не столько позитивной, сколько негативной стратегии голосования. Выбор в этом случае отражает недовольство текущей политикой или состоянием дел, и является важным элементом обратной связи. Вместе с тем политологи признают, что формы, которые принимает электоральный протест, могут существенно различаться, в зависимости от характеристик избирательной системы, самих избирателей, а также политической ситуации в стране. Более конкретно, в настоящее время выделяют пять видов протестного голосования [9]:

- *радикальное*: против традиционных политических сил в пользу неортодоксальных и радикальных, как проявление недовольства политической системой в целом;
- *тактическое*: как форма обратной связи, направленная на коррекцию действий предпочитаемой политической силы;
- *организованное*: скоординированная политическая кампания сил, лишенных возможности полноценного участия в выборах;
- *против всех*: реализация официальной возможности продемонстрировать неудовлетворенность любой доступной альтернативой;
- *порча бюллетеней*.

В настоящее время явление протестного голосования активно изучается, прежде всего, применительно к демократическим политическим системам, как относительно новая форма электорального поведения, отражающая разочарованность существующей моделью представительства (см., напр. [3; 5; 10]). Вопрос о том, в какой мере теория протестного голосования может объяснять электоральное поведение в условиях недемократических систем, в частности, электоральных автократиях, изучен в гораздо меньшей степени. Поскольку современная российская система может быть отнесена именно к такой форме [11], представляет интерес, в какой мере выборы могут использоваться избирателями для демонстрации своего неудовлетворения сложившимся положением дел.

Рассмотрим вначале то, что может рассматриваться как объективные предпосылки протестного голосования в современной России. В таблице представлены основные показатели, характеризующие социально-экономическое развитие России в 2010-2020 гг.

Приведенные в таблице данные показывают, что последнее десятилетие можно охарактеризовать как период стагнации с явно выраженными негативными тенденциями. Размер экономики за этот период вырос незначительно, а темпы экономического роста значительно снизились, отражая совокупность внешних и внутренних факторов. При этом темпы роста экономики начали снижаться еще до кризиса 2014 г. и введения режима санкций со стороны развитых стран. Реальные располагаемые денежные доходы населения, которые отражают фактический уровень жизни, не только не растут, но и уменьшаются.

Таблица – Динамика основных социально-экономических показателей в России, 2010-2020 гг.¹

Table - Dynamics of main socio-economic indicators in Russia, 2010-2020

Год	ВВП по ППС, трлн долл. в ценах 2017 г.	Рост ВВП, % к предыдущему году	Рост ВВП на душу населения, % к предыдущему году	Реальные располагаемые доходы населения, % к предыдущему году	Естественный прирост населения, % к предыдущему году
2010	3,4	4,5	4,5		-1,7
2011	3,6	4,3	4,2		-0,9
2012	3,7	4,0	3,8		0,0
2013	3,8	1,8	1,5		0,2
2014	3,8	0,7	-1,0	98,8	0,2
2015	3,7	-2,0	-2,2	97,6	0,3
2016	3,7	0,2	0,0	95,5	-0,01
2017	3,8	1,8	1,7	99,5	-0,9
2018	3,9	2,8	2,8	100,4	-1,6
2019	4,0	2,0	2,1	101,0	-2,2
2020	3,9	-3,0	-2,8	97,2	-4,8
Среднее (2010-2015)	3,67	2,22	1,80		-0,32
Среднее (2015-2020)	3,83	0,30	0,27	98,53	-1,54

Одновременно последние годы характеризуются устойчивым ростом естественной убыли населения, что можно считать интегральным показателем социально-экономического благополучия российского общества. В 2020 году негативные демографические тенденции были дополнительно усилены влиянием пандемии Covid-19, которая продолжает оказывать сильное влияние на условия жизни в стране. По данным Росстата, в 2020 году общая смертность в стране увеличилась на 324 тыс. чел. по сравнению с 2019 г; за первое полугодие 2021 г. число умерших увеличилось еще на 153,5 тыс. чел. по сравнению с аналогичным периодом первого пандемического года.

Таким образом, можно констатировать, что неблагоприятные тенденции социально-экономического развития образуют объективные предпосылки для изменений электорального поведения, в частности – снижения поддержки правящих политических сил и проявления различных форм протестного голосования. Однако обращение к более субъективным оценкам и восприятию россиян показывает, что ситуация может быть более сложной. Важный мониторинговый показатель регулярных исследований Левада-центра, а именно оценка текущего положения дел в стране, показывает, что в целом до 2014 г. соотношение тех, кто считал, что страна движется в правильном и неправильном направлении, была примерно одинакова². Однако затем ситуация резко изменилась и позитивные оценки стали доминировать со значительным преимуществом (приблизительно 50-60% против 25-30%), – несмотря на ухудшение экономических показателей. Это обычно связывается с т.н. «крымским консенсусом» – положительной реакцией общества на присоединение Крыма. В 2018 году, однако, этот эффект оказался практически полностью перекрыт началом пенсионной реформы, что выразилось в возвращении к показателям, лишь немного превышающим докризисные.

Аналогичная динамика характерна для одобрения деятельности президента РФ, отвечающего за внутреннюю и внешнюю политику. Правда, в абсолютных величинах сохраняется значительное преобладание тех, кто говорит о своем одобрении. Однако, учитывая, что свободное высказывание своего мнения в условиях нарастающих авторитарных тенденций может быть затруднено, представляют интерес более косвенные оценки положения дел в стране. Отвечая на вопрос не о личных оценках, а о том, много ли в стране тех, кто не согласен с внутренней политикой, проводимой В. Путиным, 62% ответили, что таких людей «довольно много» или «очень много»³.

¹ Источники информации: Всемирный банк (<https://data.worldbank.org/>); Росстат (<https://rosstat.gov.ru>).

² Оценка текущего положения дел в стране / Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 19.08.2021).

³ Говорят, не все так однозначно / Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/07/07/govoryat-ne-vse-tak-odnoznachno/> (дата обращения: 09.08.2021).

Дополнительным и самостоятельным фактором социальной напряженности становятся ограничения, связанные с антиэпидемической политикой, в том числе перспективой обязательной вакцинации, крайне негативно воспринимаемой российским обществом¹.

Приведенные данные позволяют утверждать, что, начиная с 2018 года, в стране резко усилился потенциал протестного голосования, что, в теории, должно отразиться в соответствующих электоральных практиках. Подтверждением этой гипотезы служат результаты региональных губернаторских выборов, прошедших в 2018 году. Достаточно неожиданно для многих наблюдателей в четырех регионах победу одержали представители оппозиционных политических сил: С.И. Фургал в Хабаровском крае, В.О. Коновалов в Республике Хакасия, В.В. Сипягин во Владимирской области. В Приморском крае, в котором реальная возможность выиграть выборы была у оппозиционного кандидата А.С. Ищенко, результаты были признаны недействительными, и оба кандидата, вышедшие во второй тур, не были допущены к повторным выборам. На наш взгляд, об этих четырех выборах можно говорить как о проявлениях протестного голосования по следующим причинам:

1. Победу на выборах одержали кандидаты от разных партий: В.О. Коновалов и А.С. Ищенко – от КПРФ, С.И. Фургал и В.В. Сипягин – от ЛДПР. Это может говорить о том, что для избирателя значение имело не содержание партийной программы или политические убеждения, а сам факт принадлежности к оппозиции при наличии реальной возможности победы.

2. Переход от первых ко вторым турам характеризуется резким ростом числа голосов, поданных за оппозиционного кандидата, при практически не изменяющихся результатах кандидата от власти. Например, если в первом туре во Владимирской области за В.В. Сипягина (ЛДПР) и С.Ю. Орлову (ЕР) проголосовали, соответственно, 31,2% и 36,4%, то во втором туре аналогичные цифры составили уже 57,0% и 37,5%². Это свидетельствует о том, что появление реального шанса на победу оппозиционного кандидата резко усиливает его электоральную базу – поскольку выступает как возможность выразить недоверие действующей политической силе.

3. Выход во второй тур оппозиционного кандидата во всех случаях сопровождался увеличением электоральной активности избирателей, что говорит о росте воспринимаемой ценности собственного голоса в ситуации реальной конкуренции и реальной возможности высказать недоверие действующей власти.

4. На выборах в Приморском крае выход оппозиционного кандидата во второй тур сопровождался значительным снижением (с 17,3 до 12,2 тыс.) числа недействительных бюллетеней, – тогда как отмена их результатов и повторные выборы с отстранением оппозиционного кандидата привели к более чем двукратному росту числа недействительных бюллетеней (до 27,1 тыс.) Это может означать, что изначально часть избирателей, чьи интересы не были представлены на выборах, выбирали тактику протестного голосования в форме порчи бюллетеней. Увидев реальную возможность продемонстрировать свой протест более эффективным образом, они приняли решение голосовать за оппозиционного кандидата, а назначение повторных выборов заставило их (и многих) других вернуться к прежней тактике.

Таким образом, пример региональных выборов 2018 года можно интерпретировать как проявление рационального протестного голосования, целью которого является демонстрация доминирующей политической силе своего недоверия в условиях ограниченного выбора. Это полностью соответствует динамике объективных и субъективных показателей социально-экономического развития. Важно отметить, что эти примеры вряд ли можно объяснить ссылкой на какие-то особые политические технологии и методы организованного протестного голосования. Несмотря на то, что попытки разработать такие технологии в последние годы предпринимались, прежде всего, как модель «Умного голосования», предложенная сторонниками А.А. Навального, их успехи носят скорее локальный и ограниченный характер (выборы в Мосгордуму 2019 г., муниципальные выборы в 2020 году в Новосибирске и Томске, а также выборы в Санкт-Петербурге, эффективность которых, по оценкам Г. Голосова и М. Турченко, составила 7%³).

Вместе с тем нельзя не указать на тот факт, что протестное голосование 2018 года не получило своего логического продолжения в электоральном поведении, отраженном в последующих важных электоральных процедурах. Прежде всего, это касается президентских выборов 2018 г.,

¹ Коронавирус, прививки и обязательная вакцинация / Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/07/05/koronavirus-privivki-i-obyazatel'naya-vaktsinatsiya/> (дата обращения: 09.08.2021).

² Источник данных – ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru> (дата обращения: 09.08.2021).

³ Голосов Г., Турченко М. Эффективно ли «Умное голосование»? // Riddle. 13.08.2020. URL: <https://www.ridl.io/ru/jeffektivno-li-umnoe-golosovanie/> (дата обращения: 09.08.2021).

на которых действующий президент получил 76,7% голосов избирателей, а также всероссийского голосования по вопросам изменений в Конституцию в 2020 г., которые, по официальным данным, поддержало 77,9%. В обоих случаях предпринимались попытки провести организованное протестное голосование, однако заметного влияния на результаты оно не оказало.

С точки зрения теории протестного голосования такие результаты выглядят парадоксальными. Как объективные, так и субъективные показатели подтверждают продолжающиеся негативные тенденции социально-экономического развития, которые носят системный характер. Никаких очевидных внешнеполитических успехов, которые по своему эффекту могли бы сравняться с присоединением Крыма, за последние годы не было. При этом губернаторские выборы 2018 года наглядно показали способность и готовность избирателей к рациональному протестному голосованию, причем не требующему никакой организованной кампании. Единственное рациональное объяснение прекращения успешных примеров протестного голосования заключается в использовании административных возможностей действующей политической силы для обеспечения необходимых официальных результатов. Это подтверждается обоснованными сомнениями в чистоте электоральных процедур, особенно в случае конституционной реформы [12].

Резкое усиление в 2021 году, перед парламентскими выборами давления на оппозиционные силы, включая многочисленные случаи отказа в регистрации известных кандидатов, также является косвенным подтверждением опасения государства относительно рисков протестного голосования. Сами выборы, прошедшие в сентябре 2021 года, стали важной проверкой теории протестного голосования в современных российских условиях. На объективные предпосылки электорального протеста, связанные с негативной социально-экономической и публично-политической динамикой, наложился активные усилия сторонников «несистемной оппозиции» по проведению кампании организованного протестного голосования.

Согласно официальным результатам ЦИК, Единая Россия получила большинство голосов избирателей при голосовании по списку: результаты 2021 года (49,82%), что несколько ниже результатов 2016 года (54,2%), но обеспечивает безусловное лидерство правящей партии¹. В совокупности с результатами по одномандатным округам, эти результаты позволили партии сохранить конституционное большинство в парламенте несмотря на некоторое снижение общего числа мандатов (с 343 до 324). Занявшая второе место КПРФ набрала по списку 18,93% и получила 57 мандатов, несколько улучшив результаты предыдущих выборов (13,34% и 42 места). Несмотря на некоторое перераспределение мест, общая расстановка политических сил по итогам выборов фактически не изменилась, что заставляет усомниться в справедливости гипотезы протестного голосования. Однако мы утверждаем, что это не так, и есть основания полагать, что протестное голосование проявило себя в ходе последних выборов.

При этом мы должны сделать важную оговорку, что для теории протестного голосования последнее должно рассматриваться именно с точки зрения паттернов электорального поведения, а не формального расклада сил в парламенте. Официальные результаты выборов в недемократических системах, особенно в условиях высокой степени политического и административного контроля над электоральным процессом, не могут рассматриваться как прямое отражение фактической структуры общественного мнения и политических предпочтений. Массовый недопуск оппозиционных кандидатов, сложности независимого наблюдения, за ходом голосования как на участках, так и за экспериментальным электронным голосованием, статистические аномалии, выявленные независимыми исследователями, факты нарушений, регистрируемые независимыми организациями, а также значительное несоответствие между официальными исследованиями и результатами независимых социологических опросов, проведенных как до, так и после выборов, – заставляют ряд комментаторов со скепсисом относиться к официальным результатам². Однако наличие веских сомнений в достоверности официальных результатов сами по себе не дают ответа на вопрос о характере фактического электорального поведения и, в частности, о том, в какой степени в нем проявляются черты протестного голосования.

¹ Источник данных – ЦИК РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru> (дата обращения: 11.10.2021).

² См., напр.: «Карта нарушений»: три рекордных дня // Голос. 05.10.2021. URL: <https://www.golosinfo.org/articles/145568> (дата обращения 11.10.2021); Толстогузов В., Исавнин А., Заякин А. Секретные фэйлы // Новая газета. 04.10.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/04/sekretnye-feily> (дата обращения 11.10.2021); Шпилькин: «Единая Россия» получила 14 млн «аномальных» голосов. Без фальсификаций «партия власти» набирает 31-33% // Новая газета. 21.09.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/shpilkin-edinaia-rossia-poluchila-14-mln-anomalnykh-golosov-bez-falsifikatsii-partii-vlasti-nabiraet-31-33-news> (дата обращения 11.10.2021).

Хотя большое число электоральных аномалий, которые только предстоит детально проанализировать, затрудняют выявление реальных паттернов электорального поведения, как минимум несколько фактов позволяют говорить о проявлении различных форм протестного голосования. К их числу относятся следующие результаты выборов:

1. Результаты правящей партии (ЕР) снизились приблизительно на 5% даже по официальным результатам.

2. Значительно усилились позиции КПРФ, которая ранее устойчиво теряла электорат, но была поддержана представителями «несистемной оппозиции». В нескольких регионах (Марий Эл, Якутия, Ненецкий АО) КПРФ по списку получила больше голосов, чем «Единая Россия».

3. Особенно показательными являются высокие результаты КПРФ в дальневосточных регионах, несмотря на то, что в предыдущих циклах протестные избиратели голосовали за ЛДПР. Например, в Приморском крае КПРФ и ЛДПР получили, соответственно, 28,2% и 7,7% голосов, хотя в 2016 г. аналогичные цифры были 17,95% и 19,66%. Аналогичные результаты зафиксированы в Хабаровском крае и ряде других регионов. Это может служить подтверждением рационального, тактического характера голосования, при котором возможности продемонстрировать недовольство властью важнее содержания политических предпочтений.

4. Неожиданно высокий результат КПРФ в Якутии: партия набрала 35,1% – более чем двукратный рост по сравнению с 2016 г. (14,35%). Фоном для этих результатов стали неэффективные действия властей в решении проблем беспрецедентных пожаров 2021 года.

5. Проход в парламент новой партии («Новые люди») также может служить проявлением протестного голосования, особенно как средство выражения недоверия ко всем традиционным партиям.

6. Наконец, одним из главных сюрпризов парламентских выборов стали результаты голосования в Москве, на которых кандидаты, поддержанные «Умным голосованием», лидировали более чем в половине округов по результатам подсчета на офлановых участках, однако проиграли после оглашения итогов с учетом «электронного голосования».

Таким образом, можно предположить, что эффекты протестного голосования в значительной мере были компенсированы административным контролем над электоральным процессом. Однако следует отметить, что усиление административного давления и стремление максимально ограничить возможности электорального выбора никак не устраняют объективные и субъективные предпосылки протестного голосования. Игнорирование этого факта может привести лишь к усилению социальной напряженности в обществе и повысить риски как электорального, так и неэлекторального протеста в ближней и среднесрочной перспективе.

Список источников

1. Andreadis I., Hawkins K.A., Llamazarez I., Singer M.M. Conditional populist voting in Chile, Greece, Spain, and Bolivia // *The Ideational Approach to Populism: Concept, Theory, and Analysis* / Ed. by K.Hawkins et al. London: Routledge, 2018. P. 238-278.
2. Marcos-Marne H., Plaza-Colodro C., Freyburg T. Who votes for new parties? Economic voting, political ideology and populist attitudes // *West European Politics*. 2020. Vol. 43. Issue 1. P. 1-21.
3. Voss D. The political economy of European populism: labour market dualisation and protest voting in Germany and Spain // *LEQS Paper No. 132*. 2018. 50 p.
4. Myatt D.P. A theory of protest voting // *The Economic Journal*. 2017. Vol. 127. P. 1527-2567.
5. Hernandez E. Democratic discontent and support for mainstream and challenger parties: democratic protest voting // *European Union Politics*. 2018. Vol. 19. Issue 3. P. 458-480.
6. Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006. 384 с.
7. Tufte E. *Political Control of the Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1978. 192 p.
8. Lewis-Beck M.S., Stegmaier M. Economic models of voting // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by J.Dalton, H.-D.Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007. 25 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0027.
9. Alvarez R.M., Kiewiet D.R., Núñez L. A taxonomy of protest voting // *Annual Review of Political Science*. 2018. Vol. 21. P.135-154.
10. Schimpf C.H. Anticipated election result and protest voting: why and when Canadian voters signal discontent // *Canadian Journal of Political Science*. 2019. Vol. 52. P. 847-863.
11. Голосов Г.В. Автократия, или Одиночество власти. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 160 с.
12. Медушевский А.Н. Конституционная реформа – 2020 с позиций теории легитимности // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2020. № 4. С. 15-30.

References

1. Andreadis I., Hawkins K.A., Llamazarez I., Singer M.M. Conditional populist voting in Chile, Greece, Spain, and Bolivia. In: Hawkins K. et al., eds. *The Ideational Approach to Populism: Concept, Theory, and Analysis*. London: Routledge; 2018; pp. 238-278.
2. Marcos-Marne H., Plaza-Colodro C., Freyburg T. Who votes for new parties? Economic voting, political ideology and populist attitudes. *West European Politics*. 2020; 43(1): 1-21.
3. Voss D. The political economy of European populism: labour market dualisation and protest voting in Germany and Spain. *LEQS Paper No. 132*. 2018; 50 p.
4. Myatt D.P. A theory of protest voting. *The Economic Journal*. 2017; 127: 1527-2567.
5. Hernandez E. Democratic discontent and support for mainstream and challenger parties: democratic protest voting. *European Union Politics*. 2018; 19(3): 458-480.
6. Mill J.S. *Rassuzhdeniya o predstavitel'nom pravlenii = Considerations on Representative Government*. Chelyabinsk: Socium; 2006. 384 p. (In Russ).
7. Tufte E. *Political Control of the Economy*. Princeton: Princeton University Press; 1978. 192 p.
8. Lewis-Beck M.S., Stegmaier M. Economic models of voting. In: Dalton J., Klingemann H.-D. *The Oxford Handbook of Political Behavior*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 25 p. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0027.
9. Alvarez R.M., Kiewiet D.R., Núñez L. A taxonomy of protest voting. *Annual Review of Political Science*; 2018; 21: 135-154.
10. Schimpf C.H. Anticipated election result and protest voting: why and when Canadian voters signal discontent. *Canadian Journal of Political Science*; 2019; 52: 847-863.
11. Golosov G.V. *Avtokratiya, ili Odinochestvo vlasti = Autocracy, or the Loneliness of Power*. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg; 2019. 160 p. (In Russ).
12. Medushevskiy A.N. 2020 Constitutional Reform as the Problem of Legitimacy Theory. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya = Theoretical and Applied Law*; 2020; (4):15-30. (In Russ).

Информация об авторе

А. Ю. Терентьев – аспирант.

Information about the author

A. Yu. Terentev – PhD student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 03.11.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-298-302

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТОГЕНЕЗА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ НАУЧНОЙ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

Виктор Викторович Терещенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, politolog@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются роль научных школ в формировании научного знания и выделяются их различные формы и направления. Акцент делается на региональных политологических научных школах и на примере Ростовской научной элитологической школы выделяются особенности региональных политических и элитологических исследований. Отмечается, что в ЮРИУ РАНХиГС сложилась ростовская элитологическая школа под руководством профессора А.В. Понеделкова, которая внесла значимый вклад в развитие элитологии и региональной политологии.

Ключевые слова: элитология, научная школа, политические исследования, политология, элиты, элитологические исследования

Для цитирования: Терещенко В. В. Региональные особенности исследования элитогенеза (на примере Ростовской научной элитологической школы) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 298–302. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-298-302>.

Young scientists

Original article

REGIONAL FEATURES OF THE STUDY OF ELITOGENESIS (ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV SCIENTIFIC ELITOLOGICAL SCHOOL)

Viktor V. Tereshchenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, politolog@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article examines the role of scientific schools in the formation of scientific knowledge and highlights their various forms and directions. The emphasis is placed on regional political science scientific schools and on the example of the Rostov Scientific Elitological School, the features of regional political and elitological studies are highlighted. It is noted that the Rostov School of Elitology under the leadership of Professor A.V. Ponedelkov, which made a significant contribution to the development of elitology and regional political science, was formed at the RANEPa Elitological School.

Keywords: elitology, scientific school, political studies, political science, elites, elitological studies

For citation: Tereshchenko V. V. Regional features of the study of elitogenesis (on the example of the Rostov scientific elitological school). *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(4):298–302.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-298-302>.

В развитии науки огромная роль принадлежит научным школам. В современном научном дискурсе присутствует широкая трактовка понятия «научная школа» и разброс трактовок не позволяет определить формат институционализации различных научных групп или направлений в научные школы. Поэтому для дальнейшего развития научных школ в современной России необходима дальнейшая теоретико-методологическое обоснование критериев отнесения к научной школе. Если рассмотреть социально-политическое направление научных исследований, то в этом направлении необходимо еще провести конкретизацию в соответствии с современным состоянием социально-политических наук, так как существует реальная прикладная задача по производству новых гуманитарных знаний [1].

Без четкого представления о том, что такое «научная школа», каковы ее основные атрибуты, функции, характеристики, механизмы функционирования и т. д. невозможно достоверно определить ее необходимость и ценность как социального института, невозможно решать эффективно на уровне государства и общества задачи по организации и поддержке научных школ в современной России, тем самым обеспечивая научное лидерство России, прирост и производство новых знаний и инновационное развитие Российской Федерации.

Понятие научных школ не ново, как и попытка определения их сущностных и функциональных характеристик. Следует отметить, что пик исследований научных школ в зарубежной литературе приходится на вторую половину XX века. Особый интерес представляет историко-культурный ретроспективный анализ. Так, например, известный ученый Т. Кун рассматривал научные школы как феномен стадии «нормальной науки», предшествовавший научным революциям. К исследованиям организации коллективной научной деятельности можно отнести работы Д. Прайс, Д. Крейн. Но современных, опирающихся на обозначенное понятие «научная школа», исследований почти нет. Это во многом связано с тем, что в современном гуманитарном знании на Западе феномен научных школ определяется через другие термины («солидарная группа», «невидимый колледж» и т.д.), трактуется не в субстанциональном, а в динамическом ключе.

Что касается российских научных школ социально-гуманитарной направленности, Значимый отпечаток на научную институционализацию современного социально-гуманитарного знания оказала внедрение в научных обиход понятия инноватика, которое стало отражать инновационную миссию, возложенную на научные социально-гуманитарные школы в контексте инноваций и модернизации технологической, социальной и политической систем.

Рассмотрим особенности репрезентации современных научных школ. Представления о научной школе могут широко варьироваться и подразумевать:

- Парадигму науки, проблемное поле, область научного знания, направление науки и т. д.
- Особый тип организации научного знания, его производства и воспроизводства.
- Особый тип социальной организации ученых (самоорганизации), образовательно-исследовательских творческих лабораторий.
- Социальный институт, выполняющий функции и задачи научной школы по сохранению и производству научных знаний.

Применительно к политологии примером определения научной школы может быть традиционное выделение парадигм и школ политологии в ретроспективных исследованиях. Основой типологии научных школ при этом выступает хронологический критерий, а также национально-территориальный. Исследователями выделяются значимые фигуры и парадигмы в истории социально-политического знания, а также этапы и вехи его институализации.

Следует отметить, что в современном мире, в условиях возрастания политической конфликтности происходит ускоренная институционализация политической науки. К данным процессам можно отнести процессы формирования системы подготовки кадров, специальных научных организаций и ассоциаций ученых, работающих в политологической тематике, проведение конференций и конгрессов, развитие публикационной активности, которая позволяет посредством публикаций результатов политологических исследований в специализированных журналах и сборниках материалов конференций, обмениваться ученым передовым опытом, а также доводить до сведения политиков и широкой аудитории актуальные социально-политические тренды и концепты. В этом случае идет популяризация политической науки, она обретает уникальную тематическую исследовательскую нишу.

Что касается российской политической науки, то циклический характер происходящих в России процессов децентрализации и централизации власти, а также обострение политических противоречий на фоне современного социально-экономического кризиса и проводимой политики инноваций и модернизации России, стимулирует научный интерес к политическим процессам. На фоне этого возникает необходимость исследования элит как главных акторов политики и инициаторов модернизации и перехода к инновационному пути развития политической системы российского общества [2]. Поэтому теме элит, проблемам процессов элитной ротации и элитогенеза, моделям межэлитного взаимодействия и т.д. посвящено большое количество политологических исследований. Это подчеркивает актуализацию научного запроса на выработку новых подходов осмысления происходящих процессов, создание эффективных центров – поставщиков нового знания в области политики, управления, разработки и внедрения политических инноваций. Поэтому для отечественной науки появление, становление и развитие научных школ как носителей инновационной миссии в настоящее время особенно актуально [3].

Существует ряд политологических школ. Типологизацию политологических школ можно проводить по разным основаниям. Если типологизировать научные школы по отношению к принимаемым решениям, то можно выделить:

реформаторские школы, нацеленные на реформирование существующей политической ситуации посредством выработки оценок, прогнозов и задействования механизмов влияния на лидеров и элиты, ответственные за принятие политических решений и претворения данных решений в жизнь;

школы, инициирующие социально-политические и научные дискуссии по актуальным политическим вопросам в обществе и СМИ, предлагающие актуальную тематику, повестку дня, которую затем реализуют лидеры и элиты.

Если типологизировать политологические школы по идеологическому содержанию и политическим ориентациям, то можно выделить:

либеральные школы, которые, как правило, находятся на передовых рубежах социально-политической мысли и их тематика связаны с борьбой за свободы и права. Они стремятся донести свою точку зрения, результаты проведенных исследований как можно шире, вызвать общественный резонанс.

консервативные школы, которые, как правило, ориентированы на существующие проблемы, текущий анализ ситуации. Как правило, это региональные центры, которые близко взаимодействуют с региональными и местными властями, не ставят целью реформирование существующего положения дел и элит.

центристские школы, которые, как правило, находятся в центре посредине, т. е. они, обладая определенной независимостью и работая над выработкой решений в актуальных социально-экономических и политических сферах, сохраняют определенный идеологический нейтралитет.

Важное значение в современных политологических исследованиях имеет также проблема централизации и децентрализации власти, выстраивания властной вертикали, развития политической иерархии и полиархии, разработки моделей власти и технологий реализации политических решений. Данные направления научных исследований тесно связаны с проблемой лидерско-элитного влияния, позиционирования и взаимодействия [4].

Учитывая федеративный характер государственного устройства Российской Федерации особое значение имеет региональный уровень политического управления. За последние 30 лет не только был накоплен значительный эмпирический материал в области политических наук в регионах, но и образовались достаточно мощные исследовательские региональные центры [5]. Это выражается на теоретико-методологическом уровне в активизации региональных исследований, расширении тематики диссертаций, связанных с политической тематикой, а также в практическом ключе – возникновении новых ассоциаций ученых, объединении на формальном и неформальном, реальном и виртуальном, институциональном уровне и на уровне актуальной проблематики политологов, представителей междисциплинарных направлений, актуализации феномена научных школ.

Важность данной проблематики подтверждается также большим объемом диссертационных исследований, которые представляют собой ценный источник теоретического и фактического материала. Актуальные исследования, связанные с разработкой аспектов региональной политики, формируют запрос на изучение основных акторов региональной политики, адекватных представлений об иерархии политических сил и механизмов политического влияния. Это прежде всего требует исследования междисциплинарного характера, в том числе развитие элитологических региональных школ [6].

Существует целый ряд научных элитологических направлений и школ. К ним можно отнести Московские, рассматривающие мировые и общероссийские процессы элитогенеза (О. В. Гаман-Галутвина, О.В. Крыштановская) и региональные. К региональным элитологическим школам и направлениям можно отнести исследования, проводимые в Санкт-Петербурге (А. В. Дука), в Астрахани (П. Л. Карабущенко), Ростове-на-Дону (А. В. Понеделков, А. М. Старостин, С. А. Кислицын) и др.

Один из самых сложных и проблемных регионов в этнополитическом и конфликтогенном плане выступает Юг России. С политологической точки зрения это интенсивно развивающийся регион, в пространстве которого (в Астрахане, Краснодаре, Волгограде, Ростове-на-Дону, в Северокавказских республиках, Крыму и г. Севастополе) образуются политологические центры – проводники и исполнители инновационной политики в регионе. Ретроспективный анализ развития политико-элитологических школ Юга России позволяет утверждать, что последние 20 лет для них характерны те же проблемы взаимодействия региональных властей и политологических научных школ, что и для региональной политической регионалистики в целом. Это проблемы:

самостоятельности, когда тематика исследований не повторяет тематику центра;

и независимости политологических исследований и мониторингов на фоне проблемы низкого финансирования и ангажированности исследований региональной властью;

проблема обеспечения политологических исследований квалифицированными специалистами;

проблема взаимодействия экспертов, обеспечения единого информационного пространства для эффективного сотрудничества и обмена результатами исследований, а также для возможности своевременного проведения компаративистских исследований, развития межрегиональной компаративистики и т. д.

Очевидно, что в современных условиях от деятельности региональных элит зависит этнополитическая безопасность региона, его развитие и процветание. С точки зрения вопросов политического управления, реализации задач по модернизации России и инновационной политики, существенное влияние на ситуацию в регионе оказывают политико-элитологические школы и фабрики мысли региона, в том числе профессиональные сообщества политологов.

Региональная политическая наука должна отвечать прежде всего на запросы региона, выявлять, анализировать и предлагать своевременные решения насущных проблем, а не просто повторять тематику исследований федерального центра [7].

Остановимся более подробно на ростовской элитологической научной школе и направлениях, проводимых научных исследований. Ростовская элитологическая школа сложилась под руководством заслуженного деятеля политических наук, доктора политических наук, профессора А. В. Понеделкова, доктора политических наук, профессора А. М. Старостина, доктора политических наук, профессора С.А. Кислицына. В диссертационных советах по политическим наукам, созданных при СКАГС (Д 502.008.02.) и на базе РАНХиГС (Д. 504.001.27) было защищено 248 диссертаций, из них 29 докторских диссертаций, 219 кандидатских диссертаций. Из них 25 диссертаций были напрямую посвящены проблемам элитогенеза, в остальных исследовании элитологических факторов проводилось в рамках достижения поставленных целей.

Одними из первых элитологических диссертационных исследований были кандидатская диссертация Черноуса Виктора Владимировича «Правящие элиты традиционного общества России (политологический аспект)» в 1999 году и Денисенко Ивана Федоровича «Взаимодействие политической элиты и элиты культуры в политическом процессе современной России» в 2001 году.

Политологические исследования региональных элит, проведенные ростовской элитологической научной школой, подтверждают, что они являются неотъемлемой составляющей региональной политической науки, основой понимания функционирования региональных политических институтов и процессов. На это указывает тематика проведенных политологических научных исследований, проведенных в СКАГС и ЮРИУ РАНХиГС.

Ростовской научной элитологической школой в результате многолетнего компаративистского анализ российских элит и политических процессов выявлено, что процессы элитогенеза имеют сходные черты во многих регионах России. Аналогично это касается и электорального поведения и реализации социально-экономической политики и т.д.[8] Тем не менее, региональные особенности Северо-Кавказского региона накладывают существенный отпечаток на политические процессы и процессы элитогенеза, проходящие на Юге России.

Региональные и местные элиты Юга России по качеству своего состава, стиля осуществления власти, межэлитного взаимодействия и элитогенеза все еще находятся в стадии формирования. Механизмы элитной ротации опираются на этнократический, клановый, кровно-родственный, партийный принципы, существенно зависимы от наличия у кандидатов во власть финансово-экономического и административного ресурса. На современном этапе результаты политико-элитологических исследований фиксируют у представителей региональных и местных элит недостаточный уровень профессионализма, образования, заинтересованности в проведении инновационной политики, реализации интересов региона и избирателей, понимания стратегических целей и ценностей [9]. Вместе с тем, фиксируются положительные изменения по направлению повышения образовательного уровня элиты, внедрения партнерских моделей взаимодействия.

В заключение необходимо отметить, что складывающиеся в Москве и регионах научные политологические центры и школы позволяют целостное представление о происходящих политических процессах на федеральном, региональном и местном уровнях с учетом региональных особенностей, о процессах элитогенеза и влияния элит различного уровня на современные политические процессы.

Список источников

1. Охотский Е., Понеделков А. Политическая элита Ростова: крупный план // Власть. 1994. № 10. С. 37-46.
2. Артюхин О.А., Крицкая А.А. Элитологические факторы взаимодействия бизнеса, власти и общества // В сборнике: Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 2013. С. 568-580.

3. Бескаравайная Е.В., Харыбина Т.Н., Мохначева Ю.В., Слащева Н.А. Изучение становления и развития научных школ в пушинском научном центре РАН (ПНЦ РАН) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.benran.ru/SEM/Sb_12/Sbornik/13.pdf
4. Цораев З.О. Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России; (на материале Юга России) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esu.citis.ru/dissertation/VBACSWOSDHHKHUHQCPNK5N3TB.4359_ccef37e60cdf0d343615906f1147fee1.html
5. Артюхин О. А., Терещенко В. В., Крицкая А. А., Кондратенко Е. Н. Рекрутинг муниципальных элит: проблемы трансформации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 10 (101). С. 125-128.
6. Понделков А. В., Старостин А. М. Региональные административно-политические элиты России в исследованиях ростовской элитологической научной школы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2 (31). С. 239-248.
7. Усманов Р. Х. Региональные процессы и политическая наука (на материале региона ЮФО). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15546301>. Вест. Моск. УН-ТА. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 5 С. 96 – 101.
8. Гельман В., Рыженков С. Политическая регионалистика России. // [Электронный ресурс]. – <http://www.terrus.ru/sources/internet/id785.shtml>
9. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Баранов А. В., Григорян Д. К. Проблемы рекрутирования элит на муниципальном уровне // В сборнике: Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 2019. С. 272-278.

References

1. Okhotsky E., Pondelkov A. The political elite of Rostov: a major plan. *Vlast' = The Authority*. 1994;(10):37-46. (In Russ.)
2. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A. Elitological factors of interaction between business, power and society. In: *Elitology of Russia: the modern state and prospects for development. Materials of the First All-Russian Elitological Congress with international participation*. 2013:568-580. (In Russ.)
3. Beskaravaynaya E. V., Kharybina T. N., Mokhnacheva Yu. V., Slashcheva N. A. *Study of the formation and development of scientific schools in the Pushchinsky Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (PNC RAS)*: Available from: http://www.benran.ru/SEM/Sb_12/Sbornik/13.pdf
4. Tsoraev Z. O. *Leadership-elite projection of political processes of modern Russia; (on the material of the South of Russia)*. Available from: https://esu.citis.ru/dissertation/VBACSWOSDHHKHUHQCPNK5N3TB.4359_ccef37e60cdf0d343615906f1147fee1.html
5. Artyukhin O. A., Tereshchenko V. V., Kritskaya A. A., Kondratenko E. N. Recruiting of municipal elites: problems of transformation. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;10(101):125-128. (In Russ.)
6. Pondelkov A. V., Starostin A. M. Regional administrative and political elites of Russia in the research of the Rostov elitological scientific school. *Caspian region: politics, economics, culture*. 2012;2(31):239-248. (In Russ.)
7. Usmanov R. Kh. *Regional processes and political science (based on the material of the region of the Southern Federal District)*. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15546301>. West. Mosk. UN-TA. Ser. 12. *Political science*. 2010;(5):96–101. (In Russ.)
8. Gelman V., Ryzhenkov S. *Political regionalism of Russia*. Available from: <http://www.terrus.ru/sources/internet/id785.shtml>
9. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A., Baranov A. V., Grigoryan D. K. Problems of recruiting elites at the municipal level / In: *Russian elitology: innovative answers to the challenges of the co-temporal world. Materials of the Third All-Russian Elitological Congress with international participation*. 2019:272-278. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Терещенко – аспирант кафедры политологии и этнополитики.

Information about the author

V. V. Tereshchenko – graduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 03.12.2021.

The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for publication 03.12.2021.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змяк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

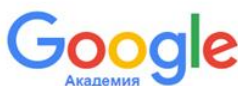
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4. 2021

Выход в свет 20.12.2021. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 19 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 4807-21

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru